

014

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В. И. ЛЕНИН
*о науке
и технике*

ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

К.МАРКС
Ф.ЭНГЕЛЬС
В.И.ЛЕНИН
*о науке
и технике*

К.МАРКС
Ф.ЭНГЕЛЬС
В.И.ЛЕНИН
*о науке
и технике*

В двух томах

Редакционная коллегия:

академик А.Г. ЕГОРОВ, член-корр. АН СССР С.Р. МИКУЛИНСКИЙ,
доктор философских наук М.П. МЧЕДЛОВ

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В. И. ЛЕНИН
*о науке
и технике*

Том 2

---

*Роль
науки и техники
в развитии общества*

МОСКВА
"НАУКА"
1985

В работе собраны воедино, соответствующим образом систематизированы, снабжены необходимыми комментариями и справочным аппаратом выдержки из произведений и отдельные высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о науке и технике, их месте и роли в обществе, особенностях и перспективах развития.

Рецензенты *П.В. Волобуев, П.В. Смирнов*

Сборник подготовили к печати:

С.В. Александров, Е.Я. Виттенберг, С.М. Григорьян, С.Е. Гречиго, В.Я. Липкин (ИМЛ при ЦК КПСС); Е.А. Беляев, Ю.С. Воронков, С.С. Илизаров, А.А. Кузин, Н.И. Макешин, Н.Н. Стоскова, Л.И. Уварова (ИИЕиТ АН СССР)

Редакторы-составители:

С.В. Александров, Е.А. Беляев, С.М. Григорьян

Научно-вспомогательную работу выполнили:

О.Ю. Аверкиева, О.В. Калабухова, Н.С. Пышкова, Г.А. Фирсова

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В.И. ЛЕНИН

О НАУКЕ И ТЕХНИКЕ. Т. 2

Роль науки и техники в развитии общества

Утверждено к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
и Институтом истории естествознания и техники АН СССР

Макет издания подготовлен *Т.А. Козловой* под руководством *В.И. Васильева, Н.А. Посканной*

Редактор *А.В. Антонов*. Художник *Ф.Н. Буданов*
Художественный редактор *С.А. Литвак*. Технический редактор *Г.И. Астихова*

ИБ № 29627

Подписано к печати 09.07.85. Формат 70 X 100 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная (фотонабор). Печать офсетная. Усл.печ.л. 39,0. Усл.кр.-отг. 39,0
Уч.-изд.л. 49,7. Тираж 9800 экз. Тип. зак. 109. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Наука и техника в докапиталистических общественно-экономических формациях

Познание и использование сил природы и техника первобытнообщинного строя

Те операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку на протяжении многих тысячелетий постепенно научились приспособлять свою руку, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари и даже те из них, у которых приходится предположить возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, всё же стоят гораздо выше тех переходных существ. Прежде чем первый кремь при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным. Но решающий шаг был сделан, *рука стала свободной* и могла теперь усваивать себе всё новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и возросла от поколения к поколению.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 487

Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 489

Труд начинается с изготовления орудий. А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим, — наиболее древние, судя по найденным предметам, оставшимся нам в наследство от доисторических людей, и по образу жизни наиболее ранних исторических народов, а также и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и оружием. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней

и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути к превращению в человека. *Мясная пища* содержала в почти готовом виде наиболее важные вещества, в которых нуждается организм для своего обмена веществ; она сократила процесс пищеварения и вместе с ним продолжительность других вегетативных (т. е. соответствующих явлениям растительной жизни) процессов в организме и этим сэкономила больше времени, вещества и энергии для активного проявления животной, в собственном смысле слова, жизни. А чем больше формировавшийся человек удалялся от растительного царства, тем больше он возвышался также и над животными. Как приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи наряду с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и привычка к мясной пище наряду с растительной чрезвычайно способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формировавшегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полней совершенствоваться из поколения в поколение. С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи. . .

Употребление мясной пищи привело к двум новым достижениям, имеющим решающее значение: к пользованию огнем и к приучению животных.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 491—492

Подобно тому как человек научился есть все съедобное, он также научился и жить во всяком климате. Он распространился по всей пригодной для жилья земле, он, единственное животное, которое в состоянии было сделать это самостоятельно. Другие животные, приспособившиеся ко всем климатам, научились этому не самостоятельно, а только следуя за человеком: домашние животные и насекомые-паразиты. А переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится на зиму и лето, создал новые потребности, потребности в жилище и одежде для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые отрасли труда и вместе с тем новые виды деятельности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной деятельности руки, органов речи и мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять всё более сложные операции, ставить себе всё более высокие цели и достигать их. Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство. Наряду с торговлей и ремеслами появились, наконец, искусство и наука; из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове — религия. Перед всеми этими образованиями, которые выступали прежде всего как продукты головы и казались чем-то господствующим над человеческими обществами, более скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более, что планирующая работу голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в простой семье) имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу. Вся заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 493

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь.

Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят. *Что* представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19

Если обратиться к начальному периоду истории человеческого общества, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться *in natura* из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но здесь природа непосредственно дает жизненные средства и поначалу нет нужды их производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь небольшие потребности, время не на то, чтобы использовать еще не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, у дикаря совершенно соответствует обратному превращению прибавочного труда в новый капитал.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 417

Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе.

Из трех главных эпох — дикости, варварства, цивилизации — его, само собой разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с прогрессом в производстве средств к жизни, потому что, говорит он,

«искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования»¹

Наряду с этим происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов.

1. ДИКОСТЬ

1. *Низшая ступень.* Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; главное достижение этого периода — возникновение членораздельной речи. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние.

2. *Средняя ступень.* Начинается с введения рыбной пищи (куда мы относим также раков, моллюсков и других водяных животных) и с применения огня. То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности. Грубо сделанные, неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические, целиком или большей частью относящиеся к этому периоду, распространены на всех континентах и являются наглядным доказательством этих переселений. Заселение новых мест и постоянное деятельное стремление к поискам, в соединении с обладанием огнем, добывавшимся трением, доставили новые средства питания: содержащие крахмал корни и клубни, испеченные в горячей золе или пекарных ямах (земляных печках), дичь, которая, с изобретением первого оружия, дубины и копыя, стала добычей пищи, добываемой от случая к случаю. Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут *только* охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна. Вследствие постоянной необеспеченности источниками питания на этой ступени, по-видимому, возникло людоедство, которое с этих пор сохраняется надолго. Австралийцы и многие полинезийцы и теперь еще находятся на этой средней ступени дикости.

3. *Высшая ступень.* Начинается с изобретения лука и стрелы, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из обычных отраслей труда. Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений. Сравнивая друг с другом народы, которые знают уже лук и стрелу, но еще не знакомы с гончарным искусством (его Морган считает началом перехода к варварству), мы действительно находим уже некоторые зачатки поселения деревнями, известную степень овладения производством средств существования: деревянные сосуды и утварь, ручное ткачество (без ткацкого станка) из древесного волокна, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Огонь и каменный топор обычно дают также возможность уже делать лодки из цельного дерева, а местами изготовлять бревна и доски для постройки жилища. Все эти достижения мы встречаем, например, у индейцев северо-запада Америки, которые хотя и знают лук и стрелу, но не знают гончарного дела. Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, — решающим оружием.

2. ВАРВАРСТВО

1. *Низшая ступень.* Начинается с введения гончарного искусства. Можно доказать, что во многих случаях и, вероятно, повсюду оно было обязано своим возникновением обмозыванию плетеных или деревянных сосудов глиной с целью сделать их огнеупорными. При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда.

До сих пор мы могли рассматривать ход развития как вполне всеобщий, имеющий в определенный период силу для всех народов, независимо от их местопребывания. Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Характерным моментом периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, — маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий.

2. *Средняя ступень.* На востоке начинается с приручения домашних животных, на западе — с возделывания съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 28—30

Люди, когда они еще не знали огня, не обладали членораздельной речью и не умели изготовлять оружие... зависели... от дикорастущих плодов земли. В период дикости они медленно, почти незаметно подвигались вперед: от языка жестов и несовершенных звуков к членораздельной речи; от дубины, как первого оружия, к копью с кремневым наконечником и, наконец, к луку и стрелам; от кремневых ножа и долота к каменным топору и молотку; от ивовой и тростниковой корзины к корзине, обмазанной глиной, которая дала сосуд для варки пищи на огне, и, наконец, к гончарному искусству.

В отношении средств пропитания они прогрессировали от дикорастущих плодов в ограниченном месте обитания к рыбе и морским моллюскам и, наконец, к хлебному корню* и дичи.

Далее, на ступени дикости развились: {изготовление} веревок и бечевок из волокон коры, а также тканей из растительной массы; дубление шкур для одежды и покрытия шалашей; наконец, постройка домов из жердей и крытых корой, или из досок, расщепленных при помощи каменных клинбев.

Среди менее значительных изобретений Морган приводит, наряду со сверлом для добывания огня (хотя наоборот: все относящееся к добыванию огня — главное изобретение!),

Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Морган «Древнее общество». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 257

При способах производства древней Азии, античного мира вообще, превращение продукта в товар играет лишь подчиненную роль, которая, однако, приобретает все большее значение по мере разложения общинного уклада. Собственно торговые народы существуют лишь в межмировых пространствах античного мира наподобие богов Эпикура или как евреи в порах польского общества. Эти древние общественные организмы в отношении производства бесконечно более просты и более ясны, чем буржуазное общество, но они покоятся на незрелости индивидуального человека, не отрезанного еще историей, так сказать, от пуповины, которая связывает его с естественной общностью первобытного рода или с условиями деспотизма и рабства. Низкая ступень развития производительных сил труда, которая их характеризует и которая, следовательно, накладывает свой отпечаток на весь образ материальной жизни, обуславливает ограниченность отношений людей как между собой, так и с природой, отражается идеально в древних национальных религиях. Религиозное отра-

* Псоралея съедобная. *Ред.*

жение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда условия труда и практической жизни будут являть человеку картину ясных и разумных отношений с себе подобными и с природой. Общественная жизнь, основу которой составляют материальное производство и связанные с ним отношения, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда она станет продуктом свободной ассоциации людей, действующих сознательно и являющихся хозяевами их собственного общественного движения. Но для этого необходима в обществе совокупность определенных условий материального существования, которые сами могут быть лишь продуктом долгого и мучительного развития.

Маркс К. Фрагменты из авторизованного французского издания 1 тома «Капитала». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 181—182

Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было *первое крупное общественное разделение труда*. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен; особое искусство в изготовлении оружия и орудий могло вести к временному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастерских для изготовления каменных орудий позднего каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, за счет и на пользу всего коллектива, как это и сейчас еще делают постоянные ремесленники родовых общин в Индии. На этой ступени развития обмен мог возникнуть только внутри племени, да и тут он оставался исключительным явлением. Теперь же, напротив, после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старейшин каждой стороны; когда же стада стали переходить в обособленную собственность *, все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все другие товары и который повсюду охотно принимался и в обмен на них, — одним словом, скот приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах.

Огородничество, вероятно не известное жителям Азии, находившимся на низшей ступени варварства, появилось у них не позднее средней ступени, как предшественник полеводства. В климатических условиях Туранской равнины невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луководство и культура зерновых были здесь, таким образом, необходимы. То же самое следует сказать о степях к северу от Черного моря. Но если сначала зерно производилось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека. Обрабатываемая земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом — домашним общинам, наконец, отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше.

Из достижений этой ступени в области промышленной деятельности особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — плавка металлических руд и обработка металлов. Самыми важными из них были медь и олово, а также

* В издании 1884 г. вместо слов «обособленную собственность» («Sondereigentum») напечатано: «частную собственность» («Privateigentum»). *Ред.*

выплавляемая из них бронза; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели. Для нарядов и украшений начали употреблять золото и серебро, которые, по-видимому, уже имели большую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности, при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 160—161

Древнейшие следы человека в Европе находят в Южной Англии, в некоторых местах, возраст которых до сих пор нельзя точно установить, но которые, вероятно, приходится на промежуток между обоими периодами оледенения так называемой ледниковой эпохи.

С постепенным потеплением климата после второго периода оледенения человек появляется во всей Европе², Северной Африке и Передней Азии вплоть до Индии вместе с вымершими крупными толстокожими (мамонт, слон с прямыми бивнями, волосатый носорог) и хищными животными (пещерный лев, пещерный медведь), а также с животными, существующими и в настоящее время (северный олень, лошадь, гиена, лев, зубр, тур). Орудия этой эпохи указывают на весьма низкую ступень культуры: совсем неотделанные каменные ножи, грушевидные каменные рубила или топоры, употреблявшиеся без рукоятки, скребла для очистки звериных шкур, сверла, все из кремня, несколько напоминающие стадию развития современных коренных жителей Австралии. Найденные до сих пор остатки костей не позволяют сделать заключение о строении тела этих людей; их широкое распространение и повсеместно единообразная культура дают основание считать этот период очень продолжительным.

Что случилось с этими людьми раннего палеолита, мы не знаем. Ни в одной из тех стран, где они появлялись, в том числе и в Индии, не сохранилось человеческих рас, которые могли бы служить их представителями среди современного человечества.

В пещерах Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии и Южной Германии орудия этих вымерших людей встречаются большей частью только в низших слоях отложений почвы. Над этим низшим культурным слоем находится второе наслоение, содержащее орудия и часто отделенное от первого более или менее толстым пластом сталактитов. Эти орудия, принадлежащие более поздней эпохе, сделаны уже с гораздо большим умением и притом из более разнообразного материала. Каменные орудия, правда, еще не отшлифованы, но уже более целесообразны по замыслу и по выполнению; тут же находятся наконечники стрел и копий из камня, рога северного оленя, кости, кинжалы и иглы для шитья из кости и оленьего рога, ожерелья из просверленных зубов животных и т. д. На отдельных более крупных орудиях мы находим иногда весьма живо изображенных животных — северного оленя, мамонта, тура, тюленя, кита, — охотничьих сцен с фигурами голых людей и даже начатки скульптуры из рога.

Людам раннего палеолита сопутствуют животные преимущественно южного происхождения, тогда как в эпоху позднего палеолита наряду с человеком появляются животные северного происхождения: два существующих и в настоящее время вида северного медведя, песец, россомаха, белая сова. Вместе с этими животными пересе-

лились, вероятно, с северо-востока и эти люди; их последними остатками в современном мире являются, по-видимому, эскимосы. В орудиях тех и других полное сходство не только по отдельным видам, но и по всей группе; то же и в рисунках; пищу они получали от животных почти точно тех же самых видов; их образ жизни, насколько мы его можем установить для исчезнувшей расы, вполне сходен.

И эти эскимосы, существование которых до сих пор установлено лишь к северу от Пиренеев и Альп, также исчезли с территории Европы. Как американские краснокожие еще в прошлом столетии в результате беспощадной истребительной войны оттеснили эскимосов на крайний север, так, по-видимому, и появлявшаяся в Европе новая раса постепенно вытесняла их и, наконец, искоренила, не смешиваясь с ними.

Эта новая раса пришла, по крайней мере так было в Западной Европе, с юга; она проникла, вероятно, из Африки в Европу, в то время, когда обе эти части света у Гибралтара и Сицилии были еще соединены сушей. Она стояла на значительно более высокой ступени культуры, чем ее предшественники. Она была знакома с земледелием; у нее были домашние животные (собака, лошадь, овца, коза, свинья, крупный рогатый скот). Ей было известно ручное гончарное производство, прядение и ткачество. Ее орудия были еще, правда, из камня, но уже сделаны с большей тщательностью и большей частью гладко отшлифованы (их называют неолитическими в отличие от орудий более раннего периода). Топоры снабжены рукоятками и поэтому впервые становятся пригодными для рубки деревьев; тем самым становится возможным выдалбливать из древесных стволов лодки, в которых можно было переправляться на Британские острова, отделившиеся к этому времени от материка вследствие постепенного опускания суши.

*Энгельс Ф. К истории древних германцев. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
т. 19, с. 442—444*

... Скифы, обитатели степей к северу от Черного моря, — народ, более всего родственник мидийско-персидским племенам. Затем следовали кельты³. О переселении последних мы знаем только, что оно имело место к северу от Черного моря и прошло через Германию. Их передовые массы вторглись во Францию, завоевали страну до Гаронны и подчинили себе даже часть Западной и Средней Испании. Море, с одной стороны, сопротивление иберов — с другой, заставили их остановиться, в то время как сзади с обеих сторон Дуная на них еще напирала другие кельтские племена. Здесь, у самых берегов океана и у истоков Дуная, их застаёт Геродот. Однако они, должно быть, переселились сюда уже гораздо раньше. Раскопки могил и другие находки, сделанные во Франции и в Бельгии, свидетельствуют о том, что кельты, когда завоевывали страну, еще не знали металлических орудий, тогда как в самом начале их появления в Британии они уже имели бронзовые орудия. Следовательно, между кельтским завоеванием Галлии и переселением в Британию должно было пройти некоторое время, в течение которого кельты, благодаря торговым связям с Италией и Марселем, ознакомились с бронзой и ввели ее у себя.

*Энгельс Ф. К истории древних германцев. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
т. 19, с. 445*

... Шведские рисунки на скалах, приписываемые бронзовому веку, с их многочисленными изображениями весельных лодок, указывают на издревле существовавшее здесь судоходство. Находка в Нюдамском болоте в Шлезвиге представляет собой построенную в начале третьего столетия из дубовых досок ладью в 70 футов длины и 8—9 футов ширины, вполне приспособленную к плаванию в открытом море. Здесь выработывалась в тиши та техника судостроения, та сноровка мореходов, которые впоследствии обеспечили саксам и норманнам возможность совершать свои завоевательные походы

в открытом море и благодаря которой германское племя до сих пор стоит во главе всех морских народов мира.

Римские монеты, попадавшие до конца второго века в Германию, были преимущественно серебряными денариями (1 денарий = 1,06 марки). При этом германцы, как нам сообщает Тацит, предпочитали старые, давно известные им монеты, с зубчатыми краями и с изображением парной колесницы. И действительно, среди старых монет было найдено много и этих *segrati bigatique*. В этих старых монетах содержалось только 5 %—10 % меди. Уже Траян велел прибавлять к серебру 20 % меди; этого германцы, по-видимому, не заметили. Но когда Септимий Север с 198 г. повысил примесь до 50 %—60 %, то это уже вызвало недовольство у германцев; позднейшие неполноценные денарии встречаются в находках только в виде исключения, ввоз римских денег прекратился. Он возобновился лишь после того, как Константин в 312 г. установил в качестве монетной единицы золотой солид (72 солида на римский фунт чистого золота в 327 граммов, т. е. 1 солид = 4,55 грамма чистого золота = 12,70 марки); с тех пор в Германию, а еще больше на Эланд и особенно Готланд идут преимущественно золотые монеты, солиды. Этот второй период ввоза римских денег, период солида, продолжается для западноримских монет до конца существования Западной Римской империи, для византийских — до Анастасия (умер в 518 г.). Находки приходятся большей частью на Швецию, датские острова и некоторые — на германское побережье Балтийского моря; во внутренних областях Германии они встречаются только изредка.

Порча монеты, которую производили Септимий Север и его преемники, сама по себе, однако, не может служить объяснением внезапного перерыва торговых сношений между германцами и римлянами. Были, по-видимому, и другие причины. Одной из них несомненно служили политические отношения. С первых лет третьего века начинается наступательная война германцев против римлян, и приблизительно к 250 г. она уже разгорается по всей линии от устья Дуная до Рейнской дельты. Между воюющими сторонами, конечно, не могло уже быть никакой регулярной торговли. Но эти внезапно возникшие упорные наступательные войны сами нуждаются в объяснении. В условиях внутренней жизни Рима такого объяснения найти нельзя; напротив, империя еще повсюду оказывает успешное сопротивление и в промежутки между отдельными периодами крайней анархии все еще выдвигает — как раз в это время — могущественных императоров. Следовательно, нападения германцев были вызваны переменами, происшедшими у них самих. И здесь опять-таки находки позволяют объяснить это.

В начале шестидесятых годов нашего столетия в двух шлезвигских торфяных болотах были сделаны исключительной важности находки, которые были тщательно исследованы Энгельхардтом в Копенгагене и после разных странствований помещены теперь в Кильском музее. От прочих находок подобного рода их выгодно отличают находящиеся в них монеты, которые устанавливают древность находок довольно точно. Одна из них, из Ташбергского болота (по-датски — Thorsbjerg) около Зюдербрупу, содержит 37 монет, чеканенных в период от Нерона до Септимия Севера; другая находка, из Ньюдамского болота — занесенного илом и превратившегося в торфяник морского залива — содержит 34 монеты за время от Тиберия до Макрина (218 год). Находки относятся несомненно к периоду между 220 и 250 годами. В их числе имеются предметы не только римского происхождения, но и много других, сделанных в самой Германии, предметов, которые, почти полностью сохранившись в железистой торфяной воде, с поразительной ясностью показывают нам состояние северогерманской металлической промышленности, ткачества и судостроения, а рунические знаки на них показывают нам также состояние письменности в первую половину третьего столетия.

Еще более поражает нас здесь самый уровень промышленности. Тонкие ткани, изящные сандалии и хорошо сработанные шорные изделия указывают на гораздо более высокую ступень культуры, чем та, на которой стояли тацитовские германцы; но что нас особенно изумляет, так это туземные металлические изделия.

Что германцы принесли с собой со своей азиатской родины знакомство с употребле-

нием металлов, доказывает сравнительное языкознание. Знакомство с добыванием и обработкой металлов у них, может быть, также было, но едва ли уже в то время, когда они столкнулись с римлянами. По крайней мере, у писателей первого века не встречается никаких указаний на то, что между Рейном и Эльбой добывали и обрабатывали железо или бронзу; они скорее приводят к противоположным выводам. Правда, относительно готинов (в Верхней Силезии?) Тацит говорит, что они добывают железо, а соседним квадам Птолемей приписывает изготовление железных изделий, но и те и другие могли ведь заимствовать с берегов Дуная умение плавить железо. И находки I века, возраст которых подтверждается монетами, также нигде не содержат местных металлических изделий, а только римские; да и зачем было бы привозить в Германию в массовых количествах римские металлические товары, если бы там существовала собственная обработка металлов? Правда, в Германии встречаются старые формы для отливки, незаконченные бронзовые отливки и отходы литья, но все это без монет, удостоверяющих их давность; по всей вероятности, это следы догерманской эпохи, остатки изделий из бронзы, сделанных странствующими этрусскими литейщиками. Впрочем, бесполезно ставить вопрос о том, *совершенно* ли забыли переселившиеся германцы обработку металлов; все факты говорят за то, что в первом веке они не занимались никакой или почти никакой обработкой металлов.

Но тут вдруг выступают на сцену находки в Ташбергских болотах и обнаруживают неожиданно высокий уровень развития местной металлической промышленности. Застежки, металлические бляхи для украшений с изображениями голов животных и людей, серебряный шлем, совершенно закрывающий все лицо, за исключением только глаз, носа и рта, кольчуги, сплетенные из проволоки, требовавшие чрезвычайно усидчивой работы, так как проволоку приходилось предварительно выковывать (волочение проволоки было изобретено лишь в 1306 г.), золотой головной обруч, — не упоминая при этом о других предметах, местное происхождение которых может быть подвергнуто сомнению. С этими предметами, найденными при раскопках, обнаруживают сходство предметы из Нюдамского болота, из болотной раскопки на острове Фюнепе и, наконец, из одной богемской находки (в Горжовице), сделанной также в начале 60-х годов: роскошные бронзовые диски с изображением человеческих голов, застежки, пряжки и т. п. — совершенно того же рода, что и ташбергские, во всяком случае, следовательно, той же самой эпохи.

Начиная с третьего века металлическая промышленность, все более совершенствуясь, распространилась, по-видимому, по всей германской территории; ко времени переселения народов, примерно к концу V века, она достигла сравнительно высокого уровня. Не только железо и бронза, но также золото и серебро регулярно обрабатывались, по образцу римских монет чеканились золотые брактеаты*, производилось золочение неблагородных металлов; встречаются инкрустации, эмалевые и филигранные работы; часто при неуклюжем общем виде изделия на нем можно обнаружить в высокой степени художественные и с большим вкусом сделанные украшения, лишь отчасти представляющие подражание римским; это главным образом относится к застежкам и пряжкам или брошкам с их определенными характерными формами, которые встречаются повсюду. В Британском музее хранятся застежки из Керчи, на Азовском море, рядом с совершенно одинаковыми, найденными в Англии; можно подумать, что те и другие сделаны в одной мастерской. Стиль этих работ — часто при довольно резких местных особенностях — в основных чертах тот же самый на всем пространстве от Швеции до Нижнего Дуная и от Черного моря до Франции и Англии. Этот первый период германской металлической промышленности на континенте приходит к концу вместе с окончанием переселения народов и со всеобщим принятием христианства; в Англии и Скандинавии он продолжается несколько дольше.

Как широко было распространено это производство у германцев в VI и VII веках и насколько сильно оно уже тогда выделилось как особая отрасль промышленности, свидетельствуют «Правды». Кузнецы, в частности кузнецы, изготавливающие мечи, золотых и серебряных дел мастера часто упоминаются в «Алеманнской правде»,

* — монеты с чеканкой только на одной стороне. *Ред.*

среди них даже такие, которые подвергались публичному испытанию (*publice probati*). «Баварская правда» наказывает за воровство, совершенное в церкви, в поместье герцога, в кузнице или на мельнице, повышенным штрафом, «потому что эти четыре здания являются общественными домами и постоянно стоят открытыми». За убийство золотых дел мастера платят, по «Фризской правде», виру на $\frac{1}{4}$ выше, чем за других людей этого сословия; «Салическая правда» оценивает обыкновенного раба в 12 солидов, а раба-кузнеца (*faber*) в 35 солидов.

О *судостроении* мы уже говорили. Нюдамские суда — гребные ладьи; побольше — из дуба, на 14 пар гребцов, и поменьше — из соснового дерева. Весла, руль, ковши еще находились в самом судне. Только после того как германцы стали посещать также и Северное море, они, по-видимому, заимствовали у римлян и кельтов употребление паруса.

Гончарное дело было им знакомо уже во времена Тацита, правда, только ручное гончарное ремесло. На границе, именно с внутренней стороны пограничного вала в Швабии и Баварии, у римлян были большие гончарные мастерские, в которых работали и германцы, как о том свидетельствуют выжженные на изделиях имена рабочих. Через них в Германию, должно быть, проникло знакомство с гончарным кругом и глазурью, а также и более совершенные технические навыки. Изготовление стекла также стало известно германцам, вторгшимся в задунайские земли; в Баварии и Швабии часто находили стеклянные сосуды, цветные бусы и стеклянные инкрустации на металлических товарах, все — германского происхождения.

Наконец, мы видим уже повсеместное распространение и применение рунической письменности. В ташбергской находке имеются ножны для меча и пряжка от щита с руническими надписями. Те же рунические знаки мы находим и на золотом кольце, найденном в Валахии, на пряжках из Баварии и Бургундии, наконец на древнейших рунических камнях Скандинавии. Это более разработанный рунический алфавит, из которого впоследствии образовались англосаксонские рунические знаки; он содержит на семь графических знаков больше, чем северная руническая строка, получившая впоследствии распространение в Скандинавии, и указывает также на более раннюю форму языка, чем дошедшая до нас древнейшая форма скандинавского языка. Впрочем, то была в высшей степени неуклюжая система письма из римских и греческих букв, измененных таким образом, чтобы их было легче нацарапывать на камне или металле и в особенности на древесных стволах. Круглые формы букв должны были уступить место угольчатым; по древесным волокнам можно было проводить только вертикальные или косые штрихи, но не горизонтальные; однако именно поэтому они были крайне неудобны для письма на пергаменте или бумаге. И, насколько мы можем судить, они фактически служили лишь для культовых целей и колдовства, а также для надписей и вероятно также других кратких сообщений; как только возникала потребность в настоящей книжной письменности, как это было у готов и впоследствии у англосаксов, они отбрасывались, и вновь приспособлялись греческий и римский алфавиты, причем сохранялись только отдельные рунические знаки.

Наконец, в течение рассматриваемого здесь периода германцы несомненно сделали также значительные успехи в земледелии и скотоводстве. К этому понуждал их переход к оседлости; огромный прирост населения, приведший в эпоху переселения народов к перенаселению, был бы иначе невозможен. Не мало участков девственного леса, должно быть, было выкорчевано, и отсюда произошло, вероятно, большинство так называемых «высожих пашен», т. е. лесных участков со следами старинного земледелия, если они только находятся на тогдашней германской территории. Специальных доказательств для этого, конечно, нет. Но если уже Проб приблизительно в конце III века предпочитал для своей конницы германских лошадей, а крупный белый рогатый скот, вытеснивший в саксонских областях Британии кельтскую черную низкорослую породу, был туда завезен, как теперь полагают, англосаксами, то это указывает на целую революцию в скотоводстве, а вместе с тем и в земледелии германцев.

В результате нашего исследования мы приходим к заключению, что германцы в период от Цезаря до Тацита сделали значительный шаг вперед по пути цивилизации, но что после Тацита, до начала переселения народов, примерно до 400 г., они сделали еще гораздо больше успехи. Торговля проникла к ним и принесла продукты римской промышленности, а вместе с ними, по крайней мере в известной степени, и римские потребности; она вызвала к жизни отечественную промышленность, которая исходила, правда, из римских образцов, но развивалась при этом совершенно самостоятельно. Находки в шлезвигских болотах представляют первый этап развития этой промышленности, время которого может быть установлено; находки из эпохи переселения народов — второй этап, указывающий на более высокую ступень развития. Характерно при этом, что западные племена решительно отстают от племен внутренних областей Германии, особенно Прибалтийского побережья. Франки и алеманны и еще позднее саксы производят металлические товары худшего качества, чем англосаксы, скандинавы и племена, переселившиеся из внутренних областей, — готы по берегам Черного моря и Нижнего Дуная, бургунды во Франции. Здесь не следует упускать из виду влияние старых торговых путей от Среднего Дуная вдоль Эльбы и Одера. Одновременно прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями; повсюду сильно растет численность населения; территория, урезанная римлянами, становится недостаточной. Прежде всего начинаются новые переселения ищущих земли племен на крайнем востоке, пока, наконец, поднявшиеся со всех сторон людские массы неудержимым потоком не устремляются как по суше, так и по морю на новые земли.

ГЕРМАНСКИЕ ПЛЕМЕНА

Во внутренние земли Великой Германии римские войска приходили только по путям своих походов и на короткие промежутки времени, да и то лишь до Эльбы; купцы и другие путешественники до времени Тацита также проникали сюда лишь изредка и не углублялись в страну. Не удивительно, что сведения об этой стране и ее населении так скудны и противоречивы; следует скорей удивляться тому, что у нас вообще еще так много достоверных сведений.

Из источников даже трудами обоих греческих географов можно безоговорочно пользоваться только при безусловном подтверждении их данных. Оба они были кабинетными учеными, собирателями и в меру своих средств в своем роде даже критическими обозревателями материала, который в большей своей части для нас утрачен. Им не доставало личного знания страны. Так, хорошо знакомая римлянам Липпе течет, по Страбону, не в Рейн, а параллельно Эмсу и Везеру в Северное море; он достаточно честен, чтобы признаться, что местность, лежащая по ту сторону Эльбы, ему совершенно неизвестна. Если он освобождается от противоречий своих источников и собственных сомнений при помощи наивного рационализма, который часто напоминает начало нашего столетия, то ученый географ Птолемей пытается разместить названные в его источниках отдельные немецкие племена в математически вычисленных клетках неумолимой градусной сетки своей карты. Но как ни великолепен в целом труд Птолемея для своего времени, все же его география Германии ошибочна⁴. Во-первых, сведения, которыми он пользуется, в большинстве случаев неопределенны и противоречивы, часто прямо ложны. Во-вторых, его карта неверно начертана; течение рек и горные цепи в большинстве случаев нанесены совершенно неправильно. Слово никогда не путешествовавший берлинский географ счел бы, примерно в 1820 г., своей обязанностью заполнить пустое пространство на карте Африки, согласовывая данные всех источников со времени Льва Африканского и указывая каждой реке и каждому горному хребту определенное направление, а каждому племени точное местонахождение.

Энгельс Ф. К истории древних германцев. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 475—481

Чтобы наконец полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита * и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта **. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени.

Энгельс Ф. — К. Марксу, 8 декабря 1882 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 103

Индейцам, находившимся на низшей ступени варварства (к ним принадлежали все, кто жил к востоку от Миссисипи), был известен уже ко времени их открытия какой-то способ выращивания в огородах маиса и, возможно, также тыквы, дыни и других огородных растений, которые составляли весьма существенную часть их питания; они жили в деревянных домах, в обнесенных частоколом деревьях. Северо-западные племена, особенно обитавшие в бассейне реки Колумбии, стояли еще на высшей ступени дикости и не знали ни гончарного искусства, ни какого бы то ни было возделывания растений. Напротив, индейцы, относящиеся к так называемым пуэбло в Новой Мексике ⁵, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы находились ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из адобов или камня, выращивали в искусственно орошаемых огородах маис и другие — различные, в зависимости от местоположения и климата, — съедобные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручали некоторых животных: мексиканцы — индюка и других птиц, перуанцы — ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, но за исключением железа, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 31

Наука и техника в рабовладельческом обществе

При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Собственно торговые народы существуют, как боги Эпикура, лишь в межмировых пространствах древнего мира или — как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 89—90

* Тацит. «Германия». Ред.

** Х. Х. Банкрофт. «Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки». Ред.

В связи со стойками упоминается и *Демокрит*,⁶ а именно: из какого-то руководства выписывается путаное место, встречающееся у Диогена Лаэртция («Демокрит», книга IX, 7, 45), выписывается к тому же в неверном переводе, и на подобной основе возводится пространное рассуждение о Демокрите. Это рассуждение примечательно тем, что оно вступает в прямое противоречие со своей основой, т. е. с вышеупомянутым путанным и неверно переведённым местом, и превращает «спокойствие духа» («Gemütsruhe» — так Штирнер переводит εὐθυμία, по ниже-немецки Wellmuth) в «отталкивание мира». Дело в том, что Штирнер воображает, будто Демокрит был стойком, и именно таким стойком, каким его представляют себе Единственный и обычное сознание гимназиста; Штирнер думает, что «вся деятельность Демокрита сводится к старанию забыть о мире», «другими словами — к отталкиванию мира», и что в лице Демокрита можно, следовательно, опровергнуть стойков. Что подвижная жизнь Демокрита, много странствовавшего по свету, разбивает в пух и прах это представление святого Макса; что настоящим источником для знакомства с демокритовой философией является Аристотель, а не два-три анекдота Диогена Лаэртция; что Демокрит не только не удалялся от мира, а, наоборот, был эмпирическим естествоиспытателем и первым энциклопедическим умом среди греков; что его почти неизвестная этика ограничивается несколькими замечаниями, которые он *будто бы* сделал, будучи старым, много путешествовавшим человеком; что его естественнонаучные сочинения причисляются к философии только per abusum *, ибо у него, в отличие от Эпикура, атом был лишь физической гипотезой, вспомогательным средством для объяснения фактов, совершенно так же, как в соотношениях соединений с точки зрения новой химии (Дальтон и т. д.) — всё это не по вкусу Jacques le bonhomme. Демокрит должен быть понят «единственным» образом, Демокрит говорит об эвтимии, значит о спокойствии духа, значит об уходе в себя, значит об отталкивании мира; Демокрит является-де стойком, и от индийского факира, бормочущего «Брам» (следовало бы сказать: «Ом»), он отличается лишь как сравнительная степень от превосходной, т. е. «только по степени».

Об эпикурейцах наш приятель знает ровно столько же, сколько о стойках, именно обязательный гимназический минимум. Он противопоставляет эпикурейское «гедоне» ** стоической и скептической «атараксии» ***, не зная, что эта «атараксия» встречается и у Эпикура, и притом как нечто высшее, чем «гедонé», — вследствие чего все это противопоставление разлетается в пух и прах. Он рассказывает нам, что эпикурейцы «поучают лишь иному отношению к миру», чем стойки; но пусть он покажет нам того (не-стоического) философа «древнего и нового времени», который не делал бы «лишь» то же самое. В заключение святой Макс обогащает нас новым изречением эпикурейцев: «мир должен быть обманут, ибо он мой враг»; до сих пор было известно лишь то, что эпикурейцы высказывались в том смысле, что мир должен быть освобожден от обмана, т. е. от страха перед богами, ибо мир — мой друг.

Чтобы указать нашему святому на реальную базу, лежащую в основе философии Эпикура, достаточно будет упомянуть следующее: у Эпикура впервые встречается представление о том, что государство покоится на взаимном договоре людей, на *contract social* **** (συνθήκη).

Насколько разъяснения святого Макса по поводу скептиков идут по той же колее, видно уже из того, что он считает их философию более радикальной, чем философию Эпикура. Теоретическое отношение людей к вещам скептики свели к *видимости*, а на практике все оставили по-старому, сообразуясь с этой видимостью точно так же, как другие сообразуются с действительностью; они только переменили название. Эпикур же, наоборот, был подлинным радикальным просветителем древности, он открыто нападал на античную религию, и от него ведет свое начало атеизм римлян, поскольку последний у них существовал. Поэтому Лукреций и прославлял Эпикура

* — с натяжкой. *Ред.*

** — наслаждение. *Ред.*

*** — невозмутимости духа. *Ред.*

**** — общественном договоре. *Ред.*

как героя, впервые низвергнувшего богов и поправшего религию, поэтому же у всех отцов церкви, от Плутарха до Лютера, Эпикур слышит безбожным философом *par excellence* *, называется свиньей; вследствие чего и Климент Александрийский говорит, что когда Павел ополчается против философии, то он имеет в виду только эпикурейскую («Ковры», книга I, стр. 295, кёльнское издание 1688 г.). Мы видим отсюда, как «хитро, коварно» и «умно» вел себя этот открытый атеист по отношению к миру, прямо нападая на его религию, тогда как стоики приспособляли древнюю религию к своим спекуляциям, а скептики пользовались своим понятием «видимости» как предлогом для сопровождения всех своих суждений *reservatio mentalis* **.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 126—127

ВОЗЗРЕНИЕ ДРЕВНИХ НА ПРИРОДУ

(Гегель, «История философии», т. I. — Греческая философия) ⁷

О первых философах Аристотель («Метафизика», кн. I, гл. 3) говорит, что они утверждают следующее:

«То, из чего все сущее состоит, из чего, как из первого, оно возникает и во что, как в последнее, оно возвращается, то, что, как субстанция (*οὐσία*), остается всегда одним и тем же и изменяется лишь в своих определениях (*πάθεισι*), — это есть элемент (*στοιχεῖον*) и начало (*ἀρχή*) всего сущего. . . Поэтому они полагают, что ни одна вещь не возникает (*οὐτε γίνεσθαι οὐδέν*) и не исчезает, так как всегда сохраняется одна и та же природа» (стр. 198).

Таким образом, здесь перед нами уже полностью **вырисовывается** первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде.

Цицерон говорит:

«Фалес из Милета. . . утверждал, что вода есть начало вещей, а бог — тот разум, который образует все из воды» («О природе богов», I, 10).

Гегель совершенно правильно объявляет это прибавкой Цицерона и добавляет:

«Но вопрос о том, верил ли Фалес еще, кроме того, в бога, нас здесь не касается; речь идет здесь не о допущениях, верованиях, народной религии. . . и если бы даже он и говорил о боге, как об образователе всех вещей из воды, то мы бы отсюда ничего больше не узнали об этой сущности. . . Это — пустое слово, лишенное своего понятия», стр. 209 (около 600 г. [до хр. эры]).

Древнейшие греческие философы были одновременно естествоиспытателями: Фалес был геометром, он определил продолжительность года в 365 дней, предсказал, как говорит предание, одно солнечное затмение. — Анаксимандр изготовил солнечные часы, особую карту (*περίμετρον*) суши и моря и различные астрономические инструменты. — Пифагор был математиком.

У Анаксимандра из Милета, по Плутарху («Застольные беседы», VIII, 8), «человек произошел от рыбы, вышел из воды на сушу» *** (стр. 213). Для него *ἀρχή καὶ στοιχεῖον τὸ ἕλτρον* ****, причем он не определял (*διορίζων*) его ни как воздух, ни как воду, ни как что-нибудь другое (Диоген Лаэртский, кн. II, § 1) [стр. 210]. Гегель (стр. 215) правильно передает это бесконечное словами: «неопределенная материя» (около 580 г.).

Анаксимен из Милета принимает за первоначало и за основной элемент *воздух*, который у него бесконечен (Цицерон, «О природе богов», I, 10).

«Из него все выступает и в него снова все возвращается» (Плутарх, «О мнениях философов», I, 3).

* — по преимуществу. *Ред.*

** — мысленной оговоркой. *Ред.*

*** — Подчеркнуто Энгельсом. *Ред.*

**** — первоначалом и элементом было бесконечное (подчеркнуто Энгельсом). *Ред.*

При этом воздух, ἀήρ = лвеῦμα*:

«Подобно тому как наша душа, которая представляет собой воздух, сдерживает нас, так дух (лвеῦμα) и воздух сдерживают весь мир; дух и воздух означают одно и то же» (Плутарх)⁸ [стр. 215—216].

Душа и воздух рассматриваются как всеобщая среда (около 555 г.).

Уж Аристотель говорит, что эти древнейшие философы полагают первосущность в некотором виде материи: в воздухе и воде (и, может быть, Анаксимандр в чем-то среднем между ними); позже Гераклит — в огне, но ни один из них не в земле из-за ее сложного состава (διὰ τὴν μεγαλομέρειαν), «Метафизика», кн. I, гл. 8 (стр. 217).

Обо всех них Аристотель правильно замечает, что они оставляют необъясненным источник движения (стр. 218 и следующие).

Пифагор из Самоса (около 540 г.): *число* — основное начало:

«Число есть сущность всех вещей, и организация вселенной в ее определениях представляет собой вообще *гармоническую систему чисел и их отношений***» (Аристотель, «Метафизика», кн. I, гл. 5 passim***).

Гегель правильно обращает внимание на

«смелость подобного утверждения, которое сразу устраняет все то, что представление считает сущим или сущностным (истинным), и истребляет чувственную сущность», полагая сущность в логической категории, хотя бы очень ограниченной и односторонней [стр. 237—238].

Подобно тому как число подчинено определенным законам, так подчинена им и вселенная; этим впервые высказывается мысль о закономерности вселенной. Пифагору приписывают сведение музыкальной гармонии к математическим отношениям. Точно так же:

«В центре пифагорейцы помещали огонь; Землю же они рассматривали как звезду, обращающуюся по кругу вокруг этого центрального тела» (Аристотель, «О небе», II, 13) [стр. 265].

Но этот огонь не был Солнцем; тем не менее тут первая догадка о том, что *Земля движется*.

Гегель о планетной системе:

«. . . Математика до сих пор еще не в состоянии указать закон гармонии, определяющий расстояния [между планетами]. Эмпирические числа мы знаем точно; но все имеет вид случайности, а не необходимости. Мы знаем приблизительную правильность расстояний, и благодаря этому было удачно предугадано существование еще некоторых планет между Марсом и Юпитером, там, где позднее открыли Цереру, Весту, Палладу и т. д. Но такого последовательного ряда, в котором был бы разум, смысл, астрономия еще не открыла в этих расстояниях. Она, наоборот, относится с презрением к мысли о таком изображении этого ряда, которое вскрывало бы в нем определенную правильность; но сам по себе это крайне важный пункт, и мы не должны отказываться от попытки найти такого рода ряд» (стр. 267—268).

При всем наивно-материалистическом характере мировоззрения в целом, уже у древнейших греков имеется зерно позднейшего раскола. Уже у Фалеса душа есть нечто особое, отличное от тела (он и магниту приписывает душу), у Анаксимена она — воздух (как в Книге бытия), у пифагорейцев она уже бессмертна и переселяется, а тело является для нее чем-то чисто случайным. И у пифагорейцев душа есть «отщепившаяся частица эфира (ἀπόσπασμα αἰθέρος)» (Диоген Лаэртский, кн. VIII, § 26—28), причем холодный эфир есть воздух, а плотный образует море и влажность [стр. 279—280].

Аристотель также и пифагорейцев правильно упрекает в следующем:

Своими числами «они не объясняют, каким образом возникает движение и как без движения и изменения имеют место возникновение и исчезновение или же состояния и действия небесных вещей» («Метафизика», кн. I, гл. 8) [стр. 277].

Пифагор, как говорит предание, открыл тождество утренней и вечерней звезды,

* — дыхание, дух. *Ред.*

** Подчеркнуто Энгельсом. *Ред.*

*** — в разных местах. *Ред.*

а также то, что Луна получает свой свет от Солнца. Наконец, он открыл пифагорову теорему.

«Говорят, что, когда Пифагор открыл эту теорему, он принес гекатомбу *... И замечательно, что его радость по этому поводу была так велика, что он устроил большое празднество, на которое были приглашены богачи и весь народ. Теорема стоила того. Это было веселье, радость духа (познания) — за счет быков» (стр. 279).

Элеаты.

* * *

*Левкипп и Демокрит*⁹.

«Левкипп и его товарищи Демокрит признают элементами *полное* и *пустое*, называя, например, одно сущим, другое же небытием, а именно: *полное и твердое*» (т. е. атомы) «сущим, а *пустое и разреженное* — небытием. Поэтому они и говорят, что бытие существует отнюдь не более, чем небытие. . . Причиной же вещей является то и другое как материя. И подобно тому как мыслители, утверждающие единство основной субстанции, все остальное выводят из ее состояний. . . так и эти философы считают *основные отличия*» (т. е. основные отличия атомов) «причинами всех других свойств. А этих отличий *они указывают три: форму, порядок и положение*. . . А отличается от *N* формой, *AN* от *NA* — порядком, *Z* от *N* — положением» (Аристотель, «Метафизика», кн. I, гл. 4).

Левкипп. «Он первый выставил атомы как первоначала. . . и говорил о них как об элементах. Он говорит, что из них возникают бесчисленные миры и снова на них распадается. Возникают же миры следующим образом: *по мере отделения от беспредельного множества тел всевозможных форм несется в великую пустоту. Собираясь вместе, они образуют один вихрь*, в котором они, сталкиваясь и всячески вращаясь, разделяются таким образом, что сходное присоединяется к сходному. И так как они, *будучи равновесящими*, вследствие своего множества уже никак не могут вращаться кругом, то *мелкие направляются во внешнюю пустоту*, как будто просеиваемые через сито; остальные же держатся вместе и, переплетаясь, бегут вместе друг с другом и образуют прежде всего некоторое шарообразное целое» (Диоген Лаэртский, кн. IX, гл. 6).

Следующее — об Эпикуре:

«Атомы непрерывно движутся. Ниже он говорит, что они движутся и *с одинаковой скоростью*, ибо *пустота* всегда одинаково дает дорогу как *самому легкому из них, так и самому тяжелому*. . . И нет у атомов никаких иных свойств, кроме *формы, величины и тяжести*. . . *Да и не всякая величина им свойственна: по крайней мере никто никогда чувственно не видел атома*» (Диоген Лаэртский, кн. X, § 43—44). «И по необходимости атомы обладают одинаковой скоростью, когда они несутся через пустоту и не встречают на своем пути никаких препятствий. Ибо тяжелые атомы понесутся не быстрее, чем малые и легкие, по крайней мере когда им ничто не встречается, и малые — не быстрее, чем большие, *так как все они имеют одинаковый путь*, когда и тем ничто не препятствует» (там же, § 61).

«Итак, ясно, что во всяком роде [вещей] *единое* представляет собой какую-нибудь определенную природу и что ни для одной вещи само это единое не оказывается ее природой» (Аристотель, «Метафизика», кн. IX, гл. 2)¹⁰.

* * *

Аристарх Самосский уже за 270 лет до хр. эры выдвигал *коперниканскую теорию о Земле и Солнце* (Медлер, стр. 44; Вольф, стр. 35—37)¹¹.

Уже *Демокрит* высказал догадку, что *Млечный путь* посылает нам объединенный свет бесчисленных небольших звезд (Вольф, стр. 313).

Энгельс Ф. *Диалектика природы.* —
Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. 2-е изд., т. 20,*
с. 502—505

Высшая ступень. Начинается с плавки железной руды¹² и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества. Эта ступень, самостоятельно пройденная, как уже сказано, лишь в во-

* — жертву из ста быков. *Ред.*

сточном полушарии, более богата успехами в области производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов*.

Прежде всего мы впервые встречаем здесь плуг с железным лемехом, с домашним скотом в качестве тягловой силы; благодаря ему стало возможно земледелие в крупном размере, *полеводство*, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов; затем — корчевка леса и превращение его в пашню и луг, что опять-таки в широких масштабах невозможно было производить без железного топора и железной лопаты. А вместе с тем начался также быстрый рост населения, которое стало более густым на небольших пространствах. До возникновения полеводства должны были сложиться совершенно исключительные условия, чтобы полмиллиона людей позволило объединить себя под единым центральным руководством; этого, вероятно, никогда и не случилось.

Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в «Илиаде». Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города, окруженные зубчатыми стенами с башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию. Сравнивая с этим данное Цезарем и даже Тацитом описание германцев¹³, находившихся в начальной стадии той самой ступени культуры, из которой готовились перейти в более высокую гомеровские греки, мы видим, какое богатство достижений в развитии производства имеет высшая ступень варварства.

Набросанная здесь мной, по Моргану, картина развития человечества через ступени дикости и варварства к истокам цивилизации уже достаточно богата чертами новыми и, что еще важнее, неоспоримыми, так как они взяты непосредственно из производства. И все же эта картина покажется бледной и жалкой по сравнению с той, которая развернется перед нами в конце нашего странствования; лишь тогда будет возможно в полной мере осветить переход от варварства к цивилизации и разительную противоположность между ними обоими. Пока же мы можем обобщить моргановскую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 32—33

С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более

* В издании 1884 г. вместо слов «германцы Тацита, норманны времен викингов» напечатано: «германцы Цезаря (или, как бы мы охотнее сказали, Тацита)». *Ред.*

крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в «Песне о Хильдебранде», но и при Гастингсе в 1066 г. в бою пускались еще в ход каменные топоры¹⁴. Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен, — показатель огромного прогресса в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возрастающей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства; земледелие давало теперь наряду с зерном, стручковыми растениями и фруктами также растительное масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия. Непрерывающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность рабочей силы человека, рабство, на предыдущей ступени развития только возникавшее и носившее спорадический характер, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми подручными; их десятками гонят теперь работать на поля и в мастерские. С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде; благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром — деньгами, но их еще не чеканят, а только обменивают просто по весу.

Различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, — с новым разделением труда возникает новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли средствами этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом раз навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 162—164

Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма.

Нет ничего легче, как раздражаться целым потоком общих фраз по поводу рабства и т. п., изливая свой высококонравственный гнев на такие позорные явления. К сожалению, это негодование выражает лишь то, что известно всякому, а именно — что эти античные

учреждения уже не соответствуют нашим современным условиям и нашим чувствам, определяемым этими условиями. Но при этом мы равным счетом ничего не узнаём относительно того, как возникли эти учреждения, почему они существовали и какую роль они сыграли в истории. И раз мы уже заговорили об этом, то должны сказать, — каким бы противоречием и ересью это ни казалось, — что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда. Ясно одно: пока человеческий труд был еще так мало-производителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой. Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство. При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали.

Заметим кстати, что все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами; при этом он никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод, взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс, более того: он стал прямым препятствием для общественного развития; и только теперь он будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал.

*Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 185—187*

Мы знаем, что вдоль Карпат до самого устья Дуная жили германские народы готской группы племен — бастарны, певкины и другие, столь многочисленные, что Плиний считал их пятой основной группой германских племен; эти племена, которые уже за 180 лет до нашего летосчисления состояли наемниками на службе у македонского царя Персея, еще в первые годы правления Августа прорвались до окрестностей Адрианополя. Если мы определим их численность только в один миллион, то вероятное число германцев к началу нашего летосчисления составит по меньшей мере шесть миллионов.

После того как они осели в Германии, население должно было увеличиваться со все

возрастающей быстротой; одни вышеупомянутые успехи в области развития производства могли бы доказать это. Находки в болотах Шлезвига, судя по обнаруженным в них римским монетам, относятся к III веку. Таким образом, к этому времени на побережье Балтийского моря уже было распространено развитое производство металлических и текстильных изделий, велись оживленные торговые сношения с Римской империей и более богатые жили уже в известной роскоши — все это признаки более густого населения.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 146

Вытеснение бронзы железом при изготовлении оружия и орудий высвободило невиданное количество меди. Открытые финикийцами, а позднее успешно эксплуатировавшиеся карфагенянами серебряные рудники в Испании и на полуострове Хемус {Hämtus} создали могущественного соперника медным деньгам.

Мореходные и промышленные нации — греки, финикийцы, карфагеняне — навязывали занятым внутренними усами италикам {Italienern} избыточные запасы меди в международном обращении. Латинские пастухи и земледельцы должны были в то же время на неуклюжих повозках доставлять свои налоги в виде грузов меди, весивших центнеры, в Рим в *Aerarium Saturni*. Этруски также принимали участие в навязывании италикам меди.

Маркс К. Монометаллизм или биметаллизм. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 146

Рикардо видел, что, стало быть, это громадное большинство производителей более или менее отстранено от участия в потреблении богатства — в той мере, в какой богатство выходит за круг предметов необходимости.

Конечно, последнее обстоятельство имеет место, и притом в еще большей степени, также при античном производстве, строившемся на рабстве. Но древние и не помышляли о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления.) Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроизводительные затраты — на произведения искусства, на религиозные и общественные сооружения. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и развертывании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и науки в частном производстве. Фактически они в общем и целом так и не пошли дальше ремесленного труда. Поэтому то богатство, которое они создавали для частного потребления, было относительно невелико, и кажется оно большим только потому, что скопилось в руках немногих, которые к тому же не знали, что с ним делать.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 587

. . . Древние рассматривали *разделение труда* с качественной стороны — как улучшение труда и создаваемой им потребительной стоимости. Применение машин в собственном смысле слова к производству имело место прежде всего в водяной мельнице. Стихотворение *Антипатра*, современника Цицерона, посвященное введению водяных мельниц в Риме, вновь свидетельствует о их точке зрения, совершенно отличной от современной. (См. в греческой антологии.) Поэт обращается к рабыням, которым поручалось размалывание зерна; теперь они могут долго спать:

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой».

Единственной руководящей точкой зрения здесь является сбережение труда для са-
мого работника, а не *сбережение цены труда* . . .

*Маркс К. Экономическая рукопись 1861—
1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 47, с. 583*

Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и
т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д.,
развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между
производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии.

*Маркс К. Экономические рукописи 1857—
1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 46*

История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения
на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще, армия играет
важную роль в экономическом развитии. Например, заработная плата вполне разви-
вается прежде всего в армии у древних. Точно так же *peculium castrense* * у римлян
является первой правовой формой, в которой владение движимой собственностью при-
знается за лицами, не находящимися на положении отцов семейств. Так же и цеховой
строй получает свое начало в корпорации *fabri* **. Здесь же впервые применяются
машины в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в ка-
честве денег основывается, по-видимому, первоначально — после того как миновал
гриммовский каменный век, — на их военном значении. В армиях же было впервые осу-
ществлено и разделение труда *внутри* одной отрасли производства. Кроме того,
в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского
общества.

*Маркс К. — Ф. Энгельсу в Райд. Датиро-
вано 25 сентября 1857 г. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 154*

Армия — организованное объединение вооруженных людей, содержащееся государ-
ством в целях наступательной или оборонительной войны. Из армий древнего мира пер-
вой, о которой мы имеем сколько-нибудь достоверные сведения, является армия Египта.
Эпоха ее славы совпадает с царствованием Рамсеса II (Сесостриса); рисунки и надписи
на многочисленных памятниках его царствования, повествующие о его подвигах,
являются главным источником наших сведений о состоянии военного дела у египтян.
Военная каста Египта делилась на два разряда — хермотибов и каласириров; в лучшие
времена первый насчитывал 160 000 человек, второй — 250 000. Эти два разряда,
по-видимому, отличались друг от друга исключительно возрастом или продолжитель-
ностью службы, так что каласириры через определенное количество лет переходили
в разряд хермотибов или в запас. Вся армия размещалась в своего рода военных поселе-

* — лагерное имущество (обозначение личного имущества солдат в лагере у древних римлян). *Ред.*

** — рабочих команд при войске, военных ремесленников у древних римлян. *Ред.*

ниях, причем каждый воин получал обширный участок земли в качестве вознаграждения за свою службу. Поселения эти были расположены главным образом в нижней части страны, где можно было ожидать нападений со стороны соседних азиатских государств; лишь несколько поселений было основано по Верхнему Нилу, так как эфиопы являлись не очень грозным противником. Сила армии была в ее пехоте, особенно — в ее лучниках. Помимо последних в ней имелись отряды пехотинцев, различно вооруженных и сформированных в батальоны в зависимости от их вооружения: копейщики, меченосцы, воины, вооруженные палицами, прашники и т. д. Пехоту поддерживали многочисленные боевые колесницы, с двумя воинами на каждой: возницей и стрелком из лука. Изображение конницы на памятниках не встречается. Единственный рисунок, изображающий человека верхом на лошади, относят к римской эпохе, и по-видимому правильно предположить, что использование лошади для верховой езды и применение конницы стало известно египтянам только благодаря их азиатским соседям. В более поздний период, как это несомненно явствует из единодушных свидетельств на этот счет древних историков, египтяне располагали многочисленной конницей, которая действовала, как и всякая кавалерия древнего времени, на флангах пехоты. Защитное вооружение египтян состояло из щитов, шлемов, нагрудников или кольчуг, изготовлявшихся из различного материала. Их способ атаки укрепленной позиции обнаруживает многие из приемов и ухищрений, известных грекам и римлянам. У них имелись *testudo*, или таран, винея¹⁵ и штурмовая лестница; но утверждение сэра Г. Уилкинсона, что они также были знакомы с применением подвижных башен и умели вести подкопы стен, является всего лишь гипотезой¹⁶. Со времен Псамметиха египтяне содержали отряд греческих наемников, которые тоже были поселены в Нижнем Египте.

Ассирия дает нам самый ранний образец тех азиатских армий, которые свыше тысячи лет боролись за обладание странами между Средиземным морем и Индом. Здесь, как и в Египте, главным источником наших сведений служат материальные памятники. Судя по ним, пехота была вооружена подобно египетской, хотя лук, по-видимому, играл меньшую роль, а защитное и наступательное вооружение, как правило, отличалось лучшей выделкой и более изящным внешним видом. Кроме того, здесь было больше разнообразия в вооружении ввиду больших размеров империи. Главным оружием были копье, лук, меч и кинжал. Ассирийцы в армии Ксеркса изображены также с окованными железом палицами. Защитное вооружение состояло из шлема (часто изготовленного с большим вкусом), войлочного или кожаного панциря и щита. Боевые колесницы все еще составляли важный элемент армии; в колеснице помещалось два человека, причем возница должен был прикрывать щитом лучника. Многие воины, сражавшиеся на колесницах, изображены в длинных чешуйчатых панцирях. Кроме того, существовала конница, с которой впервые мы встречаемся именно здесь. На более ранних скульптурных памятниках всадник сидит на неоседланной лошади; позднее вводится нечто вроде мягкого седла, а на одной скульптуре изображено высокое седло, похожее на употребляемые ныне на Востоке. Кавалерия вряд ли значительно отличалась от кавалерии персов и более поздних восточных народов. Это была легкая, иррегулярная конница, атакующая беспорядочными группами, легко отражаемая хорошо вооруженной и стойкой пехотой, но грозная для приведенной в расстройство или разбитой армии. А соответствии с этим она изображалась в строю позади воинов, сражавшихся на колесницах, которые, по-видимому, составляли аристократический род войск. В тактике пехоты был, очевидно, достигнут некоторый прогресс в смысле правильности движений и построений. Лучники либо сражались впереди, тогда каждого из них прикрывал щитоносец, либо же составляли заднюю шеренгу, и тогда воины первой и второй шеренг, вооруженные копьями, нагибались или становились на колени, чтобы они могли стрелять. Ассирийцы несомненно были знакомы с использованием при осадах подвижных башен и устройством подкопов, а из одного места в книге Иезекииля можно, пожалуй, заключить, что они воздвигали нечто вроде насыпи или искусственного холма для того, чтобы господствовать над стенами осаждаемого города, — примитивный зачаток римского *agger* *. Их подвижные и неподвижные башни также сооружались вышиной до уровня стены осаждаемой

* — вала. *Ред.*

крепости и еще выше, чтобы они господствовали над нею. Ассирийцы применяли также тараны и винен; так как их армии были многочисленны, то они отводили целые рукава рек в новые русла, чтобы овладеть подступами к слабому участку фронта атакующей крепости или воспользоваться сухим руслом реки как проходом в эту крепость. Армии вавилонян были, видимо, подобны ассирийским, но конкретные подробности о них неизвестны.

Персидская империя обязана своим величием ее основателям — воинственным кочевникам нынешнего Фарсистана, страны наездников, в которой конница сразу приобрела то господствующее положение, какое она с тех пор занимала во всех восточных армиях вплоть до недавнего времени, когда в этих армиях было введено современное европейское военное обучение. Дарий Гистасп создал постоянную армию, чтобы держать в повиновении завоеванные провинции, а также предупреждать частые мятежи сатрапов, или гражданских губернаторов. Каждая провинция, таким образом, имела свой гарнизон под командой особого начальника; кроме того, отряды войск размещались в укрепленных городах. Расходы по содержанию этих войск должны были нести провинции. В эту постоянную армию входила также гвардия царя — 10 000 отборных пехотинцев («бессмертные», *Athanatoi*), блиставших золотыми доспехами; в походах их сопровождали длинные вереницы повозок с гаремами и слугами, а также караваны верблюдов с припасами; в царскую гвардию входили, кроме того, 1000 воинов, вооруженных алебардами, 1000 всадников конной гвардии и многочисленные боевые колесницы, причем некоторые из них были вооружены косами. Для больших экспедиций этих вооруженных сил считалось недостаточно, и во всех провинциях империи производился общий набор. В совокупности эти разнообразные контингенты образовывали подлинно восточную армию, составленную из самых разнородных частей, которые отличались друг от друга вооружением и способом ведения боя; ее сопровождали громадный обоз и бесчисленное множество обслуживающих армию людей. Именно присутствием этих последних мы должны объяснить ту громадную численность персидских армий, о которой говорят греки. Воины, в зависимости от своей национальной принадлежности, были вооружены луками, дротиками, копьями, мечами, палицами, кинжалами, пращами и т. п. Контингент каждой провинции находился под отдельным командованием; эти контингенты, согласно Геродоту, по-видимому, подразделялись на десятки, сотни, тысячи и пр., причем каждая десятичная воинская единица имела во главе офицера¹⁷. Командование крупными соединениями или крыльями армии обыкновенно поручалось членам царской семьи. В пехоте персы и другие арийские народы (мидяне и бактрияне) составляли *élite* *. Они были вооружены луками, копьями средней величины и короткими мечами; голову защищали чем-то вроде тюрбана, туловище — одеждой, покрытой железными пластинками; щит большей частью делался из плетеных прутьев. И все же эта *élite*, как и остальная персидская пехота, терпела жестокое поражение всякий раз, когда ей приходилось иметь дело даже с самыми немногочисленными отрядами греков; против зарождающейся фаланги Спарты и Афин эти неповоротливые и беспорядочные толпы были способны только на пассивное сопротивление, свидетельство тому — Марафон, Платеи, Микале и Фермопилы¹⁸. Боевые колесницы, которые в персидской армии появляются в последний раз в истории, могли быть полезны на совершенно ровной местности против такой пестрой толпы, какой была сама персидская пехота, но против плотной массы копейщиков, которую образовывали греки, или против легких войск, использовавших неровности местности, они были более чем бесполезны. Малейшее препятствие останавливало их.

*Энгельс Ф. Армия. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 14, с. 5—8*

Среди государств Греции Спарта была военным государством *par excellence* **. Если общее физическое воспитание афинян развивало ловкость наравне с физической силой, то спартанцы направляли свое внимание преимущественно на развитие силы,

* — отборную часть. *Ред.*

** — по преимуществу. *Ред.*

стойкости и выносливости воинов. Стойкость в строю и соблюдение воинской чести они ценили выше, чем сметливость. Афинянин воспитывался так, как если бы ему предстояло сражаться в рядах легких войск, хотя он был подготовлен, чтобы во время войны занять строго определенное место в тяжеловооруженной фаланге; спартаец, напротив, воспитывался исключительно для службы в фаланге. Отсюда явствует, что пока фаланга решала исход боя, спартаец в конечном счете одерживал верх. В Спарте каждый свободный гражданин числился в списках армии с 20 до 60 лет. Эфоры определяли число подлежащих призыву, который обыкновенно производился среди людей среднего возраста, от 30 до 40 лет. Как и в Афинах, люди одного и того же племени или одной и той же местности зачислялись в один и тот же отряд. В основе организации армии лежали братства (эномоти), созданные Ликургом; два братства составляли пентекостис, 2 пентекостиса соединялись в лох, а 8 пентекостисов, или 4 лоха, составляли мору. Такова была организация во времена Ксенофонта; в более ранние периоды она, по-видимому, была иной. Численность моры определяют различно — от 400 до 900 человек; а количество мор одно время доходило, как утверждают, до 600. Эти различные отряды свободных спартацев составляли фалангу; гоплиты, образовывавшие ее, были вооружены копьями, короткими мечами и щитами, привязанными к шее. Позднее Клеомен ввел в употребление широкий карийский щит, закрепленный повязкой на левой руке и оставлявший кисти обеих рук воина свободными. Спартацы считали позором для своих воинов, если они возвращались после поражения без щита; сохранение щита служило доказательством того, что отступление было совершено в полном порядке и в сплоченной фаланге, тогда как одиночные беглецы, спасая бегством собственную жизнь, конечно, были вынуждены бросать свои неуклюжие щиты.

*Энгельс Ф. Армия. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 14, с. 12*

Ификрат усовершенствовал организацию пелтастов — вида легкой пехоты, способной, однако, в необходимых случаях сражаться в линейном строю. Они были вооружены небольшим круглым щитом, панцирем из плотного холста и длинным деревянным копьем. В обороне Хабрий заставлял первые шеренги фаланги становиться на колено для отражения неприятельской атаки. Были введены полные каре, а также другие виды колонны и т. п., и в соответствии с этим развертывание разных боевых порядков стало составной частью элементарной тактики. В то же время уделялось больше внимания легкой пехоте всех видов; у своих варварских и полуварварских соседей греки заимствовали различные виды вооружения, ввели конных и пеших лучников, пращников и т. п. Большинство воинов этого периода составляли наемники. Богатые граждане, вместо того, чтобы самим отбывать воинскую повинность, находили для себя более удобным оплачивать заместителей. Характер фаланги как преимущественно национальной части армии, в которую допускались только свободные граждане государства, таким образом пострадал от этой примеси наемников, не имевших права гражданства. Накануне македонской эпохи Греция и ее колонии, подобно Швейцарии XVIII и XIX веков, являлись рынком для воинов-авантюристов и наемников. Египетские фараоны еще в ранний период формировали отряд греческих войск. Впоследствии персидский царь придал своей армии известную устойчивость, включив в нее отряд греческих наемников. Предводители этих отрядов были настоящими кондотьерами, подобно кондотьерам Италии XVI века. В этот период были введены в употребление, особенно афинянами, различные военные машины для метания камней, дротиков и зажигательных снарядов. Уже Перикл пользовался некоторыми из таких машин при осаде Самоса¹⁹. Осады велись посредством сооружения контрвзвешивающей линии со рвом или парапетом, тянувшейся вокруг крепости; при этом стремились разместить военные машины на господствующей позиции вблизи стен. Для разрушения стен обыкновенно прибегали к подкопам. При штурме колонна образовывала синаспизм, то есть наружные ряды держали щиты перед собой, а внутренние — над головами, образуя, таким образом, крышу (у римлян она называлась *testudo*) для защиты от снарядов противника.

В то время как греческое военное искусство было таким образом направлено прежде всего в сторону создания из податливого материала наемных отрядов разного рода новых и искусственных формирований, в сторону заимствования или изобретения новых разновидностей легких войск, в ущерб древней дорической тяжеловооруженной фаланге, которая в ту эпоху одна могла решать исход сражений. — в это время выросла монархия, которая, усвоив все подлинные усовершенствования, создала из тяжеловооруженных пехотинцев формирование таких громадных размеров, что ни одна из армий, пришедших с ним в столкновение, не могла противостоять его натиску. Филипп Македонский сформировал постоянную армию, состоявшую из 30 000 пехотинцев и 3 000 кавалеристов. Главную часть армии составляла громадная фаланга, насчитывавшая примерно 16 000 или 18 000 человек и построенная по принципу спартанской фаланги, но лучше вооруженная. Небольшой греческий щит был заменен большим продолговатым карийским щитом, а копье средних размеров — македонским копьем (сариссой) длиной в 24 фута. Глубина этой фаланги колебалась при Филиппе от 18 до 10, 12, 24 шеренг. При чрезвычайной длине копья каждая из шести передних шеренг, опуская копья, могла выдвигать их острия впереди первой шеренги. Стройное движение таким растянутым фронтом в 1000—2000 человек предполагает совершенство элементарного обучения, которым поэтому непрерывно и занимались. Александр завершил создание этой организации. Его фаланга обычно насчитывала 16 384 человека и имела в глубину 16 шеренг, по 1 024 человека в каждой. Ряд из 16 человек — лох — находился под командой лохагоса, который стоял в передней шеренге. Два таких ряда составляли дилох, 2 дилоха — тетрарх, 2 тетрарха — таксиарх, 2 таксиарха — ксенагу, или синтагму, то есть построение, имевшее 16 человек по фронту и 16 в глубину. Это была эволюционная единица; на марше войска передвигались ксенагами, составлявшими колонны с фронтом по 16 человек. Шестнадцать ксенаг (составлявшие 8 пентекосиархов, или 4 хилиарха, или 2 теларха) образовывали малую фалангу; 2 малых фаланг — дифалангарх, а 4 — тетрафалангарх, или собственно фалангу. Каждая из этих единиц имела своего командира. Дифалангарх правого крыла называли головой, дифалангарх левого крыла — хвостом, или тылом. Всякий раз, когда требовалась особая устойчивость, левое крыло занимало место позади правого; образовывалось построение в 512 человек по фронту и 32 — в глубину. С другой стороны, развертыванием 8 задних шеренг влево от передних можно было удвоить протяженность фронта и уменьшить глубину до 8 шеренг. Расстояния между шеренгами и рядами были те же, что и у спартанцев, но сомкнутый строй был так плотен, что внутри фаланги отдельный воин не мог повернуться. Во время сражения интервалы между составными единицами фаланги не допускались: фаланга образовывала одну непрерывную линию, которая атаковала *en turgaille* *. Фаланга состояла исключительно из македонских добровольцев, однако после завоевания Греции в нее могли входить и греки ²⁰. Ее воинами были только тяжеловооруженные голплиты. Кроме щита и копья они носили шлем и меч, хотя после атаки этого леса копий необходимость в рукопашном бое мечами не могла возникать очень часто. Но когда фаланге пришлось встретиться с римским легионом, положение оказалось совсем иным. Вся фаланговая система, с ранней дорической эпохи вплоть до распада Македонской империи, страдала одним крупным недостатком: ей не хватало гибкости. Эти длинные и глубокие линии могли равномерно передвигаться, сохраняя строй лишь на ровной и открытой местности. Каждое встречное препятствие заставляло фалангу строиться в колонну, но в таком построении она не была пригодна к действию. Кроме того фаланга не имела второй линии или резерва. Поэтому, как только ей приходилось встречаться с армией, подразделенной на менее крупные единицы, способной обходить неровности местности, не нарушая своего боевого порядка, и построенной в несколько линий, поддерживающих одна другую, фаланге приходилось вступать на пересеченную местность, где этот новый противник полностью рассекал ее на части. Но для таких противников, каких Александр имел перед собой в сражении при Арбелах ²¹, его две большие фаланги явно были непобедимыми. Кроме тяжелой линейной пехоты Александр располагал гвардией в 6000 гираспистов, носивших еще более тяжелое вооружение:

* — стеной. *Ред.*

более крупные щиты и более длинные копья. Его легкая пехота состояла из аргираспидов, имевших небольшие, окованные серебром щиты, и многочисленных пелтастов; оба эти вида войск были организованы в полуфаланги, обычно численностью в 8192 человека; они могли сражаться либо в рассыпном, либо в линейном строю подобно гоплитам, и их фаланга часто достигала такого же успеха. Македонская конница вербовалась из македонской и фессалийской знатной молодежи; впоследствии к ней был присоединен также отряд всадников из собственно Греции. Она делилась на эскадроны (илы), причем одна македонская знать формировала восемь таких эскадронов. Эта конница представляла собой то, что мы назвали бы тяжелой кавалерией; конные воины носили шлемы, латы с набедренниками из железных пластинок для защиты ног и были вооружены длинным мечом и копьем. Лошади тоже имели железные налбоники. Этот вид кавалерии, катафракты, был предметом серьезной заботы как Филиппа, так и Александра; последний использовал катафрактов для своего решающего маневра в сражении при Арбелах, когда он сперва разбил и подверг преследованию одно крыло персов, а затем, обойдя их центр, обрушился с тыла на другое крыло. Конница эта атаковала в различных строях: в линейном строю, обыкновенной прямоугольной колонной, ромбовидной, или клинообразной, колонной. Легкая конница не имела защитного вооружения, она была снабжена дротиками и легкими короткими копьями; существовал также отряд акробатистов, или конных лучников. Этот вид войск использовался для охранения, патрулирования, разведки и вообще для иррегулярных боевых действий. Он комплектовался из фракийских и иллирийских племен, из которых, кроме того, набирали несколько тысяч человек иррегулярной пехоты. Новым родом войск, изобретенным Александром, были димахи — конные войска, которые предназначались для боя как в конном, так и в пешем строю; этот род войск привлекает наше внимание в силу того обстоятельства, что он нашел подражание в новое время. Драгуны XVI и последующих столетий являются, как мы это увидим в дальнейшем, его точной копией. Мы, однако, не располагаем никакими данными, которые свидетельствовали бы, что этот войсковой гибридный античности удачнее справлялся со своей двойной задачей, чем современные драгуны.

Таков был состав армии, с помощью которой Александр завоевал страну, простиравшуюся от Средиземного моря до Оксуса и Сатледжа. Что касается численности этой армии, то в сражении при Арбелах она состояла из двух больших фаланг гоплитов (около 30 000 человек), двух полуфаланг пелтастов (16 000), 4000 конницы и 6000 иррегулярных войск, — всего около 56 000 человек. В сражении на Гранике его армия, состоявшая из всех родов войск, насчитывала 35 000 человек, в том числе 5000 конницы.

О карфагенской армии мы не имеем никаких подробностей; споры вызывает даже численность войск, с которыми Ганнибал перешел через Альпы. Армии преемников Александра не обнаруживают никаких усовершенствований по сравнению с введенной им организацией; использование слонов было лишь кратковременным, так как, пугаясь огня, эти животные оказывались более опасными для собственных войск, чем для противника. Позднейшие греческие армии (в период Ахейского союза²²) были организованы частью по македонскому, частью по римскому образцу.

Римская армия дает нам образец самой совершенной из всех систем тактики пехоты, изобретенных в эпоху, не знавшую употребления пороха. Она сохраняет преобладание тяжелой пехоты и сомкнутых формирований, но добавляет к ней: подвижность отдельных небольших единиц, возможность сражаться на пересеченной местности, расположение нескольких линий одна позади другой, отчасти для поддержки и замены, отчасти же в качестве мощного резерва, и наконец, еще более целенаправленную, чем спартанская, систему обучения каждого отдельного воина. Благодаря этому римляне побеждали любые вооруженные силы, выступавшие против них, — как македонскую фалангу, так и нумидийскую конницу.

В Риме каждый гражданин в возрасте от 17 до 45 или 50 лет был военнообязанным, если только он не принадлежал к самому низшему классу или не участвовал уже в 20 кампаниях в качестве пехотинца либо в 10 кампаниях в качестве кавалериста. Но обычно в войска отбирались только люди помоложе. Обучение воина было очень суровым и было рассчитано на развитие в нем всеми возможными способами физической силы. Помимо регулярного обучения обращению с оружием и различным движениям широко

практиковались бег, прыганье, прыжки с шестом, скалолазание, борьба, плавание — сначала без одежды, потом во всем снаряжении. Продолжительные марши в полном походном снаряжении, когда каждый воин нес на себе от 40 до 60 фунтов, совершались со скоростью 4 мили в час. В военное обучение входило также обращение с шанцевым инструментом и быстрое устройство укрепленного лагеря. И не только новобранцы, но и ветераны-легионеры должны были проделывать все эти упражнения, чтобы сохранять физическую бодрость и ловкость и быть привычными к утомительным занятиям и лишениям. Такие воины действительно могли покорить мир.

В лучшие времена республики обычно существовали две консульские армии, причем каждая состояла из 2 легионов и из контингентов союзников (численность пехоты в них была равна римской, а численность конницы вдвое большей). Набор войск производился на общем собрании граждан на Капитолии или Марсовом поле; из каждой трибы²³ брали одинаковое число людей; эти рекруты поровну распределялись между четырьмя легионами, до полного их укомплектования. Довольно часто граждане, освобожденные от службы по возрасту или в силу их участия в многочисленных кампаниях, вновь вступали в армию добровольцами. Рекрутов приводили к присяге и отпускали до вызова. Когда их призывали, самых молодых и бедных зачисляли в разряд велитов, следующая группа по возрасту и имущественному положению попадала в разряд хастатов и принципов, самые старшие и самые богатые зачислялись в разряд триариев. Каждый легион насчитывал 1200 велитов, 1200 хастатов, 1200 принципов, 600 триариев и 300 кавалеристов (всадников)²⁴, всего 4500 человек. Хастаты, принципы и триарии, каждые в отдельности, подразделялись на 10 манипул, или рот, к каждому манипулу добавлялось одинаковое число велитов. Велиты (*rogarii, accensi, ferentarii* *) составляли легкую пехоту легиона и вместе с конницей находились на его флангах. Хастаты образовывали первую, принципы — вторую линию; первоначально они были вооружены копьями. Триарии²⁵ составляли резерв и были вооружены пилумом — коротким, но чрезвычайно тяжелым и грозным копьём, которое они метали в передние шеренги противника непосредственно перед тем, как вступить с ним в рукопашную схватку мечами. Каждый манипул находился под командой центуриона, имевшего второго центуриона в качестве помощника. Старшинство центурионов определялось их положением в легионе; самым младшим был второй центурион последнего, или десятого, манипула хастатов, а самым старшим — первый центурион первого манипула триариев (*primus pilus*), который в отсутствие старшего командира даже принимал на себя командование всем легионом. Обыкновенно *primus pilus* командовал всеми триариями, точно так же как *primus princeps* (первый центурион первого манипула принципов) — всеми принципами, а *primus hastatus* — всеми хастатами легиона. В более раннюю эпоху легионом командовали по очереди его шесть военных трибунов, каждый из них в течение двух месяцев. После первой, гражданской войны²⁶ во главе каждого легиона в качестве постоянных начальников были поставлены легаты; трибунами теперь являлись большей частью лица, на которых были возложены штабные или административные обязанности. Различие в вооружении трех линий исчезло еще до времен Мария. Пилумом стали вооружать все три линии легиона; с этих пор он стал национальным оружием римлян. Качественное различие между тремя линиями, в той мере, в какой оно основывалось на различии в возрасте и в продолжительности службы, вскоре тоже исчезло. Хастаты, принципы, триарии, согласно Саллюстию, в последний раз появились в сражении Метелла против Югурты²⁷. Марий свел 30 манипулов легиона в 10 когорт и расположил их в две линии, по 5 когорт в каждой. В то же время нормальная численность когорты была увеличена до 600 человек; первая когорта, находившаяся под командой *primus pilus*, несла легионного орла²⁸. Конница, как и раньше, была объединена в турмы по 30 воинов и по три декуриона в каждой, причем первый из декурионов командовал турмой. Защитное вооружение римской пехоты состояло из деревянного щита полуцилиндрической формы длиной в 4 фута и шириной в 2¹/₂, обтянутого кожей и укрепленного железными скрепами; в середине его имелась выпуклость (*umbo*) для парирования ударов копьём. Шлем был медный, обыкновенно с удлинением сзади для защиты шеи;

* — легкие войска, располагавшиеся за триариями, легкие вспомогательные войска, стрелки. *Ред.*

укреплялся он на голове кожаными ремнями, покрытыми медными пластинками. Нагрудник размером около квадратного фута был укреплен на кожаном панцире чешуйчатыми ремнями, протянутыми через плечо. У центурионов защитное вооружение состояло из кольчуги, покрытой медными пластинками. Правая нога, подверженная ударам меча при выставлении ее вперед, защищалась медной пластиной. Кроме короткого меча, которым больше пользовались для того, чтобы колоть, чем рубить, солдаты имели пилум — тяжелое копье с древком длиной в $4\frac{1}{2}$ фута и железным наконечником в $1\frac{1}{2}$ фута, всего, следовательно, длиной около 6 футов, при $2\frac{1}{2}$ квадратных дюйма в поперечнике деревянной части, весом около 10 или 11 фунтов. Брошенное на расстоянии 10—15 шагов, оно часто пробивало щиты и нагрудники и почти всегда повергало противника. Велиты — легковооруженные — имели легкие короткие дротики. В более поздние периоды республики, когда службу легких войск стали нести вспомогательные войска из варваров, этот вид пехоты совершенно исчез. Конница была снабжена таким же защитным вооружением, как и пехота, копьем и более длинным мечом.

*Энгельс Ф. Армия. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 14, с. 14—20*

Стало правилом допущение в легионы вольноотпущенников и рабов, уроженцев провинций и вообще людей всякого звания; римское гражданство требовалось только для преторианцев в Италии, но даже и там в более поздние времена отказались от этого требования. Таким образом, римляне в армии весьма скоро были поглощены потоком варварских и полуварварских, романизованных и нероманизованных элементов; римлянами оставались одни только офицеры. Это ухудшение состава армии весьма скоро отразилось на ее вооружении и тактике. Тяжелый нагрудник и пилум были отброшены; утомительной системой обучения, создавшей завоевателей мира, стали пренебрегать; обслуживающий персонал и роскошь сделались необходимыми для армии, а *impedimenta* (обоз) увеличивался одновременно с ослаблением и уменьшением выносливости войск. Как и в Греции, упадок характеризовался пренебрежением к тяжелой линейной пехоте, нелепым увлечением всякого рода легким вооружением и заимствованием вооружения и тактики у варваров. Отсюда бесчисленные виды легких войск (*auxiliatores, excusatores, jaculatores, excursatores, scutati, funditores, balistarii, tragularii* *), вооруженных всевозможным метательным оружием, а Вегеций сообщает нам, что усовершенствование конницы шло по линии подражания готам, аланам и гуннам²⁹. В конце концов исчезло всякое различие в снаряжении и вооружении между римлянами и варварами, и германцы, физически и морально стоявшие выше, перешагнули через останки дероманизованных легионов.

*Энгельс Ф. Армия. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 14, с. 25*

Так как в эпоху, предшествующую товарному хозяйству, промышленность обрабатывающая соединена с добывающей, а во главе этой последней стоит земледелие, то развитие товарного хозяйства представляется отделением от земледелия одной отрасли промышленности за другой. Население страны с слабо развитым (или вовсе неразвитым) товарным хозяйством представляется почти исключительно земледельческим; этого однако не следует понимать так, что население занимается только земледелием: это означает лишь, что население, занятое земледелием, само обрабатывает продукты земледелия, что обмен и разделение труда почти отсутствуют. Развитие товарного хозяйства означает, следовательно, *eo ipso* ** отделение все большей и большей части населения от земледелия, т. е. рост промышленного населения на счет земледельческого.

*Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3,
с. 24*

* — воины вспомогательных отрядов (буквально: помощники), авангардные части, метатели (копий, дротиков), разведчики, застрельщики, щитососы, пращники, стрелки из баллист, метатели копий с подвижным ремнем. *Ред.*

** — тем самым. *Ред.*

Наука и техника при феодальном способе производства

В заключение подведем кратко итоги изложенному нами ходу развития:

I. *Средневековое общество*: Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому примитивно неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов, — самим ли производителем или его феодальным господином. Лишь там, где сверх этого потребления оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек предназначен на продажу и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится лишь в процессе возникновения; но уже и в это время оно заключает в себе в зародыше *анархию общественного производства*.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 228

В средние века существовали крепостные, феодальное землевладение, ремесленная корпорация, корпорация учёных и т. д.; т. е. в средние века собственность, торговля, общность людей, человек имеют *политический* характер; материальное содержание государства определено здесь его формой. Всякая частная сфера имеет здесь политический характер или является политической сферой; другими словами, политика является также характером частных сфер. В средние века политический строй есть строй частной собственности, но лишь потому, что строй частной собственности является политическим строем. В средние века народная жизнь и государственная жизнь тождественны. Человек является здесь действительным принципом государства, но это — *несвободный* человек. Это, следовательно, *демократия несвободы*, завершённое отчуждение. Абстрактная, рефлексированная противоположность возникла лишь в современном мире. Средним векам присущ *действительный* дуализм, новейшему времени — *абстрактный* дуализм.

«На вышеуказанной ступени, на которой было проведено деление форм государственного строя на демократию, аристократию и монархию, на точке зрения ещё *остающегося в себе субстанциального единства, которое ещё не дошло до своего бесконечного различия и углубления в себя, момент последнего, само себя определяющего решения воли* выступает в его *своеобразной действительности* не как *имманентный* органический момент государства самого по себе».

В непосредственной монархии, демократии и аристократии ещё не существует политического строя как чего-то отличного от действительного, материального государства, или от всего остального содержания народной жизни. Политическое государство ещё не выступает как *форма* материального государства. Либо, как это имело место в Греции, *res publica* * является действительно частным делом граждан, действительным содержанием их деятельности, частный же человек есть раб; здесь политическое государство как таковое является подлинным единственным содержанием жизни и воли граждан. Либо же, как это имеет место в азиатской деспотии, политическое государство есть не что иное, как частный произвол одного-единственного индивида; другими словами, политическое государство, наравне с материальным, есть раб. Отличие современного государства от этих государств, где существовало субстанциальное единство между народом и государством, заключается не в том, что различные моменты государственного строя развились до *особой* действительности, как это думает Гегель, а в том, что сам государственный строй развился до степени *особой* действительности наряду с действительной народной жизнью, что политическое государство стало *строем* всех остальных сторон государства.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 255—256

* — государство, республика (первоначальное значение: общественное дело). *Ред.*

Не может быть ничего более ошибочного, чем рассматривать как нечто «несвободное» средневековые корпорации и цехи, в которых разделение труда между особыми ремеслами в то же время образует основу некоторой социальной и политической организации. Это была та форма, в которой труд освобождался от земельной собственности, и, безусловно, тот период, когда труд в социальном и политическом отношениях находился на самом высоком уровне. Для того чтобы понять подлинный характер этого периода, надо специально изучать германскую историю, так как в Германии королевская власть не блокировалась с зарождавшейся буржуазией против феодалов, как это имело место во Франции. Заглянув в историю, мы найдем, что корпорации и цехи в борьбе с императорской и феодальной властью постоянно терпели поражение и постоянно всё вновь и вновь выступали против нее. Лишь после того как материальная база, технологическая база цеховой организации перестала быть господствующей, после того как она в результате этого утратила свой революционный и прогрессивный характер, после того как она перестала соответствовать своему времени и вступила в борьбу отчасти с мануфактурой, отчасти, позднее, с крупной промышленностью, — она как *реакционный* элемент получила поддержку реакционных правительств и связанных с ними сословий.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов.* — Маркс К. *Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 463*

Феодализм тоже имел свой пролетариат — крепостное сословие, заключавшее в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство тоже имело два антагонистических элемента, которые тоже называют *хорошей* и *дурной стороной* феодализма, не учитывая при этом, что в конце концов дурная сторона всегда берет верх над хорошей. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, вдохновленные рыцарскими добродетелями, прекрасной гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием промышленности, организованной в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они, вдохновленные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить все то, что является теневой стороной этой картины, — крепостное состояние, привилегии, анархию, — то что бы из этого получилось? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, политический строй, служивший официальным выражением старого гражданского общества, были разбиты.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Разве это не означает, что способ производства, те отношения, в рамках которых развиваются производительные силы, менее всего являются вечными законами, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил.

Маркс К. *Нищета философии.* — Маркс К., *Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 143*

... Повсеместное восстановление крепостного права явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках. Во-первых, *обратное* разделение труда у цехов, противоположное тому, какое имеет место в мануфактуре: вместо разделения труда внутри мастерской труд делится *между цехами*. Здесь, в Англии, произошло переселение промышленности в не знающую цехов деревню.

В Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей торговых местечек, занимающихся земледелием, в крепостных. Но от этого затем погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры. Я оставляю здесь в стороне другие причины, влиявшие на задержку развития немецкой мануфактуры.

*Энгельс Ф. — К. Марксу, 15 декабря
1882 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 35, с. 105—106*

В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековые своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места. Правда, в деревне благородные господа хозяйничали еще вовсю, истязали крепостных, роскошествовали за счет их пота, копытами своих лошадей вытаптывали их посевы, насиловали их жен и дочерей. Но кругом уже поднялись города: в Италии, Южной Франции, на Рейне возродились из пепла древнеримские муниципии; в других местах, особенно внутри Германии, создавались новые города; всегда обнесенные защитными стенами и рвами, они представляли собой крепости гораздо более мощные, чем дворянские замки, так как взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерски-цеховым духом и ограниченностью, — накапливались первые капиталы, возникла потребность в торговых сношениях городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью в торговых сношениях постепенно создавались также и средства для их защиты.

В XV веке городские бюргеры стали уже более необходимы обществу, чем феодальное дворянство. Правда, земледелие было все еще главной отраслью производства, в нем была занята громадная масса населения. Но небольшое количество отдельных свободных крестьян, уцелевших еще кое-где вопреки посягательствам дворянства, достаточно убедительно доказывало, что в земледелии самым главным является не тунядство и вымогательства дворянина, а труд крестьянина. Да к тому же потребности и самого дворянства настолько выросли и изменились, что даже ему стали необходимы города: ведь свое единственное орудие производства — свои доспехи и свое оружие — оно получало из городов! Сукна, мебель и украшения местного производства, итальянские шелка, брабантские кружева, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности — все, за исключением мыла, оно покупало у горожан. Развилась в некотором роде мировая торговля; итальянцы плавали по Средиземному морю и за его пределами вдоль берегов Атлантического океана до Фландрии; ганзейцы, несмотря на усиливающуюся конкуренцию со стороны голландцев и англичан, все еще господствовали на Северном и Балтийском морях. Между северными и южными центрами морской торговли связь поддерживалась по суше; пути, по которым осуществлялась эта связь, проходили через Германию. В то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений.

Все эти успехи производства и обмена имели, правда, по теперешним понятиям очень ограниченный характер. Производство оставалось скованным формами чисто цехового ремесла, следовательно, само сохраняло еще феодальный характер; торговля шла в пределах европейских вод и не распространялась дальше левантских прибрежных городов, в которых происходил обмен на продукты более отдаленных стран Востока. Но как бы мелки и ограничены ни были ремесла, а вместе с ними и бюргеры-ремесленники, у последних хватало силы совершить переворот в феодальном обществе, и они, по крайней мере, находились в движении, в то время как дворянство коснело в неподвижности.

Притом у городского бюргерства было могучее оружие против феодализма — *деньги*. В образцовом феодальном хозяйстве раннего средневековья для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили одежду; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали

для него грибы и ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того, вся семья должна была доставлять еще зерно, плоды, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки взыскивались продуктами. Торговых сношений, обмена не было, деньги были излишни. Европа была низведена до такого низкого уровня, ей настолько приходилось начинать все сначала, что деньги обладали тогда в гораздо меньшей мере общественной функцией, чем, чисто политической: они служили для *уплаты налогов* и добывались главным образом *грабежом*.

Теперь все это совершенно изменилось. Деньги снова стали всеобщим средством обмена, и в силу этого масса их значительно увеличилась. И дворянство тоже уже не могло обходиться без них. А так как у него очень мало или даже вовсе ничего не было для продажи и так как грабить теперь стало тоже не очень-то легко, — то ему приходилось решаться брать займы у городского ростовщика. Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами. Фактически порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим средством политического уравнивания в руках бюргерства. Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, а натуральная повинность — денежной, там место феодального отношения заступало буржуазное. Правда, в большинстве случаев в деревне продолжало существовать старинное грубое натуральное хозяйство; но были уже целые области, где, как, например, в Голландии, Бельгии, на Нижнем Рейне, крестьяне вместо барщины и оброка натурой платили господам деньги, где господа и подданные сделали уже первый решительный шаг к превращению в землевладельцев и арендаторов, где, следовательно, и в деревне политические учреждения феодализма теряли свою общественную основу.

До какой степени в конце XV века деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой. *Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям и приключениям в поисках золота, хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже по самой своей природе несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью *приобретение земель*. К тому же мореплавание было определено *буржуазным* промыслом, который наложил печать своего антифеодального характера также и на все современные военные флоты.

В XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством. Повсюду они уже отчасти поставили феодалов с помощью денег в зависимость от себя в общественном, а кое-где даже и в политическом отношении; даже в деревне, там, где в силу особо благоприятных условий земледелие достигло более высокого уровня, старые феодальные пути стали ослабевать под воздействием денег; только во вновь завоеванных землях, как например, в ост-эльбской Германии, или в иных отсталых, удаленных от торговых путей областях продолжало процветать старое господство дворян. Но повсюду, как в городах, так и в деревне, увеличилось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжалось в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы всего феодального порядка — в королевской власти. И здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, когда мы из области экономики переходим в область политики.

По самой природе вещей получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это целиком зависит здесь от других обстоятельств. В Древнем Риме уже в поздний республиканский период купеческий капитал в своем развитии достигает более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в развитии промышленности; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов. С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам.

Не подлежит никакому сомнению, — и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 365

Возьмем, например, Россию. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда необходимо прекращаются всякие полевые работы. Не считая 200 000 крестьян, работающих в России на 10 500 фабриках, в деревнях повсюду развилась своя домашняя промышленность. Так, существуют деревни, в которых все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. д.; в особенности это имеет место в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской губерниях. Кстати сказать, эта домашняя промышленность теперь все более и более вынуждена служить капиталистическому производству: ткачам, например, основу и уток доставляют или непосредственно купцы или же посредники-скупщики. (Сокращенно по «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation, on the Manufactures, Commerce, etc.» 1865, p. 86, 87, № 8.)

Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 272

В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно и продукт делится между членами общины, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского и сборщика податей; бухгалтера, ведущего учет в земледелии и кадастр; третьего чиновника, который преследует преступников, охраняет иностранных путешественников и сопровождает их от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы

общины от посягательства соседних общин; надсмотрщика за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, на песке обучающего детей общины читать и писать; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цирюльника; прачечника, стирающего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает серебряных дел мастера, а в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. Если население возрастает, на невозделанной земле основывается новая община по образцу старой. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.*. Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной силой закона природы: каждый отдельный ремесленник, например кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии операции традиционным способом, однако совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакой власти в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем**, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.

Как уже было отмечено, цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению его в капиталиста. Равным образом мастер мог использовать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызвали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду со старыми основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремесел цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой основы мануфактуры: обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 370—371

* *Mark Wilks*, Lieutenant Colonel, «Historical Sketches of the South of India». London, 1810—1817, v. 1, p. 118—120. Хорошее описание различных форм индийских общин можно найти в работе: *George Campbell*, «Modern India». London, 1852.

** «В этих простых формах... протекала с незапамятных времен жизнь обитателей страны. Границы отдельных деревень изменялись редко; и хотя сами деревни порой разорялись и даже окончательно опустошались войной, голодом или эпидемиями, тем не менее они восстанавливались вновь под тем же самым названием, в тех же самых границах, с теми же интересами и даже с теми же самыми семьями и продолжали существовать целые века. Крушение или разделение государства мало беспокоит обитателей деревни; раз деревня осталась цела, им безразлично, под чью власть она попала, какому суверену должна подчиняться; их внутренняя экономическая жизнь остается неизменной» (*Th. Stamford Raffles*, late Lieut. Gov. of Java. «The History of Java». London, 1817, v. 1, p. 285).

Водный путь представляет собой самоходный, самодвижущий путь торговых народов хат' εξοχήν *. С другой стороны, сухопутные пути сообщения находились первоначально в ведении общин, а затем в течение долгого времени — в ведении правительств; они представляли собой чистый вычет из произведенного продукта, погашаемый из совокупного прибавочного продукта страны, но не составляющий источника богатства страны, т. е. не покрывающий свои издержки производства. В первоначальных азиатских самодовлеющих общинах, с одной стороны, не существует потребности в дорогах; с другой стороны, отсутствие дорог закрепляет замкнутость этих общин и поэтому составляет существенный момент их неизменного длительного существования (как в Индии). Дорожное строительство посредством барщинного труда или, в иной форме, посредством налогов есть принудительное превращение части прибавочного труда или прибавочного продукта страны в дороги.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 16

ИЗ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ. — ИЗОБРЕТЕНИЯ

До хр. эры:

Пожарный насос, водяные часы около 200 г. до хр. эры. Уличные мостовые (Рим).
Пергамент около 160 года.

Хр. эра:

Водяные мельницы на Мозеле около 340 года; в Германии во времена Карла Великого.

Первое указание на оконные стекла. Уличное освещение в Антиохии около 370 года.
Шелковичные черви из Китая около 550 г. в Греции.

Писчие перья в VI веке.

Хлопковая бумага из Китая к арабам в VII веке; в IX веке — в Италии.

Водяные органы во Франции в VIII веке.

Серебряные копии в Гарце, разрабатываемые с X века.

Ветряные мельницы около 1000 года.

Ноты, гамма Гвидо Аретинского около 1000 года.

Шелководство в Италии около 1100 года.

Часы с колесами — тоже.

Магнитная игла от арабов к европейцам около 1180 года.

Уличная мостовая в Париже в 1184 году.

Очки во Флоренции. Стеклозеркало.

Соление селедок. Шлюзы.

Часы с боем. Бумага из хлопка во Франции.

} Вторая половина XIII века.

Бумага из тряпья в начале XIV века.

Вексель — в середине того же века.

Первая бумажная мельница в Германии (Нюрнберг) в 1390 году.

Уличное освещение в Лондоне в начале XV века.

Почта в Венеции — тоже.

Гравирование на дереве и печатание — тоже.

Гравирование на меди — в середине того же.

Верховая почта во Франции в 1464 году.

Серебряные копии в саксонских Рудных горах в 1471 году.

Клавесин с педалью; изобретен в 1472 году.

Карманные часы. Духовые ружья. Ружейный замок — конец XV века.

Самопрялка в 1530 году.

Водолазный колокол в 1538 году.

Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 507—508

* — по преимуществу. Ред.

В XIV столетии было сделано много изобретений и открытий. Весьма усовершенствовались все виды ткачества, металлообработка, производство серебряных и золотых изделий. В XV столетии не произошло значительных изменений в организации ремесленного производства. В конце этого столетия *Нюрнберг* стал самым цветущим среди немецких городов. XVI столетие: неизменный рост ремесел и искусств. *Германия* снова выделяется своими изобретениями. Испанские Нидерланды. Англия.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 422

Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер. Ереси представляли собой отчасти реакцию патриархальных альпийских пастухов на проникновение к ним феодализма (вальденсы³⁰), отчасти оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов (альбигойцы³¹, Арнольд Брешианский и т. д.), частью же открытое восстание крестьян (Джон Болл, Венгерский проповедник в Пикардии³² и т. д.). Патриархальную ересь вальденсов, так же как и восстание швейцарцев, мы можем здесь оставить в стороне как реакционную, по форме и содержанию, попытку отгородиться от исторического развития, имевшую к тому же только местное значение. В двух других формах средневековой ереси мы уже в XII веке находим предвестников той великой противоположности между бюргерской и крестьянско-плебейской оппозицией, которая привела к гибели Крестьянскую войну. Эта противоположность продолжает существовать в течение всего позднего средневековья.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 360—361

Распространение книгопечатания³³, возродившийся интерес к изучению античной литературы, все культурное движение, которое с 1450 г. становится все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма.

Совместное действие всех этих причин, которое усиливалось из года в год вследствие их возрастающего взаимного влияния друг на друга, все более ускорявшего развитие в одном и том же направлении, обеспечило во второй половине XV века победу над феодализмом, хотя еще и не бюргерства, но королевской власти. Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй, повсюду королевская власть восторжествовала одновременно.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 415

В XIV и XV веках немецкая промышленность переживала значительный подъем. Место феодальных локальных сельских промыслов заняло городское цеховое ремесло, продукты производства которого предназначались для более широких кругов и даже для более отдаленных рынков. Изготовление грубых шерстяных суконов и полотна становится постоянной, широко распространенной отраслью промышленности, а в Аугсбурге производятся даже более тонкие шерстяные и льняные ткани, а также и шелковые материи. Наряду с ткачеством особенно широкое развитие получают и те соприкасающиеся с искусством отрасли производства, которые питала светская и церковная роскошь позднего средневековья: труд золотых и серебряных дел мастеров, скульпторов и резчиков по дереву, граверов на меди и по дереву, оружейников, чеканщиков медалей, токарей и т. д. Подъему ремесла значительно способствовал ряд более или менее важных изобретений, в истории которых наиболее блестящую страницу составили изобретение пороха * и книгопечатание. Рука об руку с промышленностью развивалась и торговля. Благодаря своей столетней морской монополии Ганза³⁴ вывела из состояния средневекового варварства всю Северную Германию; и если уже с конца XV века она начала быстро приходить в упадок вследствие конкуренции англичан и голландцев, то все же великий торговый путь из Индии на север проходил все еще, несмотря на открытия Васко да Гамы, через Германию, и Аугсбург попрежнему оставался крупным складочным пунктом для итальянских шелковых изделий, индийских пряностей и всех произведений Леванта. Верхненемецкие города, в особенности Аугсбург и Нюрнберг, являлись средоточием весьма значительного для того времени богатства и роскоши. Заметно возросла также добыча сырья. Немецкие рудопы являлись в XV веке самыми искусными в мире, и даже земледелие, благодаря расцвету городов, должно было выйти из своего примитивного средневекового состояния. Не только обширные пространства нови были превращены в пашни, но и начали выращивать красильные и другие ввезенные из чужих стран растения, выращивание которых требует большей тщательности, что оказало благотворное влияние и на земледелие в целом.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 346—347

РАЗЛИЧИЕ ПОЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕ ДРЕВНЕГО МИРА (ок. 300 г.) И В КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (в 1453 г.)

1) Вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая лишь кое-где протягивала свои ветви в глубь материка и по Атлантическому побережью Испании, Франции и Англии и которая поэтому легко могла быть разорвана и смята германцами и славянами с севера и арабами с юго-востока, — теперь одна сплошная культурная область — вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов.

* Порох, как это в настоящее время безусловно доказано, был заимствован арабами — через Индию — из Китая, а от арабов вместе с огнестрельным оружием через Испанию проник в Европу. (Примечание Энгельса к изданию 1875 г.)

2) Вместо противоположности греков (resp.* римлян) и варваров теперь имеется шесть культурных народов с культурными языками (не считая скандинавских и т. д.), которые были все настолько развиты, что могли участвовать в могучем литературном подъеме XIV века и обеспечили гораздо большую разносторонность образования, чем уже пришедшие в упадок и отмиравшие в конце древности греческий и латинский языки.

3) Несравненно более высокое развитие промышленного производства и торговли, созданных средневековым бюргерством; с одной стороны, производство стало более усовершенствованным, более многообразным и более массовым, а с другой — торговые сношения стали значительно более развитыми; судоходство со времени саксов, фризов и норманнов стало несравненно более смелым, а с другой стороны — масса изобретений (и импорт изобретений с Востока), которые не только сделали возможным импорт и распространение греческой литературы, морские открытия, а также буржуазную религиозную революцию, но и придали им несравненно больший размах и ускоренный темп; сверх того, они доставили, хотя еще в неупорядоченном виде, массу научных фактов, о которых никогда даже не подозревала древность: магнитная стрелка, книгопечатание, литеры, льняная бумага (употреблялась арабами и испанскими евреями с XII века; с X века постепенно входит в употребление, а в XIII и в XIV веках становится уже более распространенной бумага из хлопка³⁵, в то время как папирус после завоевания Египта арабами совершенно вышел из употребления), порох, очки, механические часы, явившиеся крупным шагом вперед как во *времяисчисления*, так и в *механике*.

Сверх того еще материал, доставленный *путешествиями* (Марко Поло около 1272 г. и т. д.).

Гораздо большее распространение общего образования — хотя еще и плохого — благодаря университетам.

Вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность. С падением Константинополя неразрывно связан конец средневековья. Новое время начинается с возвращения к грекам. — Отрицание отрицания!

Энгельс Ф. Дialeктика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 506—507

Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые у нас на Рейне еще в дни моей юности ходили из одного крестьянского дома в другой и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда.

Энгельс Ф. Дополнение к третьему тому «Капитала». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 11, с. 472

...Начиная с XI века, в городах развивается связанное с торговлей и наукой *городское ремесло* (ремесла стали там собственно профессиональным занятием свободных людей), а вместе с ним развиваются цехи, гильдии, союзы ремесленников, короче, промышленные и в то же время политические корпорации. Много таких «организаций» возникло в XII и XIII веках. **Германия** того времени имела лучших мастеров почти в каждом ремесле.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 421

* — respective — соответственно. *Ред.*

... В начале XIV века пехота фландрских городов отваживалась — и часто с успехом — выступать против французского рыцарства в открытом бою, а император Альбрехт своей попыткой предательски отдать вольных имперских крестьян Швейцарии в руки эрцгерцога австрийского, которым он сам же был, впервые дал толчок к созданию современной пехоты, завоевавшей себе славу во всей Европе. В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение закованным в латы рыцарям, конным или спешенным, только что возникшее современное войско разбило наголову феодальное войско, горожанин и свободный крестьянин победили рыцаря. И швейцарцы, для того чтобы с самого начала подтвердить буржуазный характер своей республики, первой независимой республики в Европе, сейчас же *обратили в деньги* свою военную славу. Все политические соображения исчезли; кантоны превратились в конторы по вербовке наемников для поступления на службу к тому, кто больше платит. Треск барабанов вербовщиков раздавался и в других местах, особенно в Германии, но цинизм швейцарского правительства, которое существовало как бы только для торговли своими подданными, не имел себе равного до тех пор, пока во времена глубочайшего национального унижения Германии его не превзошли немецкие князья.

Далее, в том же XIV веке, арабы через Испанию ввели в Европе употребление пороха и артиллерии. До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело большого значения, что понятно, так как лук английского стрелка при Креси стрелял так же далеко, как и гладкоствольное ружье пехотинца при Ватерлоо, а может быть, даже более метко, хотя и не с одинаковой силой действия. Полевые орудия также находились еще в своем младенческом состоянии; напротив, тяжелые пушки уже много раз пробивали бреши в ничем не прикрытых каменных стенах рыцарских замков и возвестили феодальному дворянству, что с появлением пороха пришел конец его царству.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 414—415

Средневековая пехота, комплектовавшаяся из феодальной челяди и частью из крестьянства, состояла главным образом из копейщиков и в большинстве случаев ни на что не годилась. У рыцарей, покрытых с ног до головы железом, было любимым видом спорта въезжать поодиночке в эту незащищенную толпу и рубить направо и налево. Часть пехоты на континенте Европы была вооружена арбалетами, тогда как в Англии национальным оружием крестьянства сделался большой лук. Этот большой лук был весьма грозным оружием и он обеспечил англичанам превосходство над французами при Креси, Пуатье и Азенкуре³⁶. Легко защищаемый от дождя, который время от времени делал арбалет непригодным, этот лук метал стрелу на расстояние свыше 200 ярдов, что было не намного меньше дальности действительного огня старого гладкоствольного мушкета. Стрела пробивала доску в дюйм толщиной и простреливала даже нагрудники. Благодаря этому большой лук долго еще сохранял превосходство даже над первым ручным огнестрельным оружием, тем более, что за время, пока мушкет того времени заряжался и производил один выстрел, можно было выпустить шесть стрел; даже еще в конце XVI столетия королева Елизавета пыталась вновь ввести в качестве боевого вооружения национальный большой лук. Особенно эффективным оружием он был против кавалерии; стрелы, если даже броня тяжеловооруженных всадников служила защитой от них, ранили или убивали лошадей, а спешенные рыцари оказывались в силу этого неспособными к бою, и их обычно брали в плен. Лучники действовали или в рассыпном, или в линейном строю. В средние века решающим родом войск являлась кавалерия. Сплошь покрытые доспехами рыцари явились первым в истории видом боеспособной тяжеловооруженной кавалерии, атакующей в правильном строю, так как катафракты Александра, хотя они и решили исход сражения при Арбелах, были столь исключительным явлением, что с тех пор мы ничего о них больше не слышали, и в течение всего последующего периода древней

истории пехота сохраняла свою преобладающую роль на поле сражения. Таким образом, единственный прогресс, которым мы обязаны средним векам, состоит в создании кавалерии, от которой по прямой линии происходят наши конные войска. Однако насколько неповоротлива была эта кавалерия, доказывает уже тот факт, что в течение всего средневековья кавалерия была тяжелым, малоподвижным родом войск, тогда как вся служба легких войск и быстрые передвижения выполнялись пехотой. Рыцари, впрочем, не всегда сражались в сомкнутом строю. Они предпочитали вступать в поединки один на один или же гнать своих коней в гущу вражеской пехоты; таким образом, метод ведения боя был возвратом к гомеровским временам. Когда же рыцари действовали в сомкнутом строю, то они атаковали либо линейным фронтом (рыцари — в первой шеренге, оруженосцы, имевшие более легкое вооружение, — во второй), либо глубокой колонной. Подобная атака предпринималась, как правило, только против рыцарей (тяжеловооруженных всадников) неприятельской армии; против ее пехоты она была бы бесполезной тратой сил. Лошади, обремененные своими доспехами и доспехами своих всадников, могли двигаться лишь медленно и только на небольшие расстояния. Поэтому во время крестовых походов и в войнах с монголами в Польше и Силезии³⁷ эта малоподвижная кавалерия постоянно находилась в состоянии крайнего утомления и в конце концов ее побеждала подвижная легкая конница Востока. В войнах Австрии и Бургундии против Швейцарии³⁸ тяжеловооруженным всадникам, скованным на труднопроходимой местности в своих действиях, приходилось спешиваться и образовывать фалангу, еще более неповоротливую, чем македонская; в горных ущельях на них сбрасывали сверху обломки скал и стволы деревьев, в результате чего фаланга теряла свой тактический порядок, а затем рассеивалась решительной атакой.

К XIV столетию был введен род кавалерии более легкого типа, а часть лучников, для облегчения их передвижения, была посажена на лошадей; но эти и другие изменения скоро стали бесполезными, были отброшены или приобрели иное значение благодаря применению того нового элемента, которому суждено было изменить всю систему ведения войны, — пороха.

От арабов Испании знакомство с изготовлением и применением пороха проникло во Францию, и в остальную Европу; сами арабы приобрели его от народов, расположенных восточнее их, которые в свою очередь заимствовали его от первоначальных изобретателей — китайцев. В первой половине XIV столетия в европейских армиях впервые начали применяться пушки³⁹; это были тяжелые громоздкие артиллерийские орудия, стрелявшие каменными ядрами и пригодные только для осадной войны. Вскоре однако было изобретено ручное огнестрельное оружие. Город Перуджа в Италии приобрел в 1364 г. 500 ручных бомбард, стволы которых имели в длину не более 8 дюймов; это оружие затем дало толчок производству pistols (получивших это название от города Пистойя в Тоскане). Несколько позже стали изготовлять более длинные и более тяжелые ручные бомбарды (аркебузы), соответствующие нашему современному ружью; но имея короткий и тяжелый ствол, они обладали лишь незначительной дальностью, а фитильный запал служил почти непреодолимым препятствием для точного прицеливания; к тому же им почти целиком были свойственны и другие всевозможные недостатки. К концу XIV столетия в Западной Европе уже не существовало армий, не имевших своей артиллерии и аркебузирив. Но влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало ощутимым. Как артиллерийское, так и ручное огнестрельное оружие требовало очень много времени для заряжания, а из-за своей громоздкости и дороговизны оно и к 1450 г. не смогло заменить арбалета.

Энгельс Ф. Армия. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 26—28

Конец XV и начало XVI столетия характеризуются прогрессом сразу в двух областях: французы усовершенствовали артиллерию, а испанцы придали новый характер пехоте. Французский король Карл VIII сделал свои пушки настолько подвижными, что мог не только доставлять их на поле сражения, но и менять их позиции во время боя и везти их за остальными войсками во время передвижения последних, которое,

впрочем, совершалось не очень быстро. Таким образом, Карл VIII явился основателем полевой артиллерии. Его пушки, поставленные на колесные лафеты и перевозимые большим количеством лошадей, неизмеримо превосходили старомодную неуклюжую артиллерию итальянцев (перевозимую волами) и производили такое опустошение в глубоких колоннах итальянской пехоты, что Макиавелли написал свое «Искусство войны»⁴⁰ главным образом для того, чтобы предложить построения, посредством которых можно было бы нейтрализовать воздействие на пехоту такой артиллерии. В сражении при Мариньяно⁴¹ французский король Франциск I разбил швейцарских пикинеров благодаря эффективности огня и подвижности этой артиллерии, которая с фланговых позиций обстреливала швейцарские боевые порядки. Но господству пики в пехоте приходил конец. Испанцы усовершенствовали распространенное в то время ручное огнестрельное оружие (аркебуз) и снабдили им регулярную тяжеловооруженную пехоту. Их мушкет (hasquebutte) представлял собой тяжелое, длинноствольное оружие, с каналом ствола для пуль весом в 2 унции; из него стреляли с подставки, образуемой вилкообразным шестом. Пули, выпущенные из такого мушкета, пробивали самые прочные нагрудники, и потому он приобрел решающее значение для борьбы с тяжелой кавалерией, которая приходила в расстройство, как только всадники начинали падать. Каждой роте пикинеров придавалось 10—15 мушкетеров, и действие их огня при Павии⁴² изумило как союзников, так и врагов. Фрундсберг передает, что в этом сражении один выстрел из такого мушкета, как правило, выводил из строя несколько человек и лошадей. С этого времени ведет свое начало превосходство испанской пехоты, длившееся свыше 100 лет.

Война, вызванная восстанием Нидерландов⁴³, оказала большое влияние на организацию армий. Как испанцы, так и голландцы значительно усовершенствовали все рода войск. До этого времени каждый желавший записаться в армию наемников должен был являться полностью экипированным, вооруженным и обученным обращению со своим оружием. Но в этой длительной войне, продолжавшейся 40 лет на небольшой территории, скоро не стало хватать подходящих рекрутов такого рода. Голландцам приходилось довольствоваться теми физически годными добровольцами, которых они могли найти, и правительство оказалось вынужденным заняться их обучением. Мориц Нассауский составил первый строевой устав нового времени и этим заложил основы единообразного обучения целой армии. Пехота снова начала маршировать в ногу; она стала значительно более однородной и сплоченной. Теперь она подразделялась на более мелкие единицы: роты, насчитывавшие до этого от 400 до 500 человек, были уменьшены теперь до 150—200 человек, причем 10 рот составляли полк. Усовершенствованный мушкет оттеснил пику; треть всей пехоты состояла из мушкетеров, соединенных в каждой роте с пикинерами. Эти последние, нужные только для рукопашного боя, сохранили свои шлемы, нагрудники и стальные рукавицы; мушкетеры освободились от всякого защитного вооружения. Пикинеры строились обыкновенно в две шеренги, мушкетеры в 5—8 шеренг; произведя залп, первая шеренга отходила назад, чтобы снова зарядить свои мушкеты. Еще большие перемены произошли в кавалерии, и здесь опять-таки Мориц Нассауский сыграл ведущую роль. Ввиду невозможности сформировать тяжелую кавалерию из тяжеловооруженных всадников, он организовал легкую конницу, которую набрал в Германии, снабдив ее шлемами, кирасами, наручниками, стальными рукавицами и высокими сапогами; а так как с одним копьём она не могла бы тягаться с тяжеловооруженной испанской кавалерией, то он дал ей палаш и длинные пистолеты. Этот новый вид кавалеристов, близкий нашим современным кирасирам, скоро показал свое превосходство над значительно менее многочисленными и менее подвижными испанскими тяжеловооруженными всадниками, лошадей которых новая конница успевала перестрелять прежде, чем на нее могла обрушиться эта медленно движущаяся масса. Мориц Нассауский обучал своих кирасиров так же тщательно, как и пехоту; он достиг в этом таких успехов, что мог отважиться в сражении на перемену фронта и на другие эволюции мелкими и крупными отрядами. Также и Альба быстро убедился в необходимости усовершенствовать свою легкую конницу; до этого она была пригодна лишь для действий в рассыпном строю и для единоборства, но под его командованием она скоро выучилась атаковать в сомкнутом строю, наподобие тяжелой кавалерии.

Кавалерия по-прежнему строилась в 5—8 шеренг. Примерно в это же время французский король Генрих IV создал новый вид кавалерии — драгун; первоначально это была пехота, посаженная на лошадей, исключительно в целях более быстрого передвижения; но уже через несколько лет после появления драгун их стали использовать и как кавалерию, снабдив для этой двойной роли соответствующим снаряжением. Они не имели ни защитного вооружения, ни высоких сапог, но были вооружены кавалерийским палашом, а иногда и копьем; кроме того у них были пехотные мушкеты или более короткие карабины. Войска эти, однако, не оправдали тех надежд, которые связывались с их созданием; они скоро стали частью регулярной кавалерии и перестали сражаться в качестве пехоты. (Русский император Николай пытался возродить первоначальных драгун, сформировав корпус в 16 000 человек, пригодный для действий в конном и пешем строю; но им ни разу не пришлось спешиться в бою, они всегда сражались как кавалерия, и корпус этот теперь расформирован и присоединен, в качестве конных драгун, к остальной русской кавалерии.) В артиллерии французы сохраняли достигнутое ими превосходство. Примерно в это время ими был изобретен отвоз, а Генрих IV стал применять картечь. Испанцы и голландцы тоже упростили и сделали более легкой свою артиллерию, но она все же оставалась громоздкой, а легкие подвижные пушки, имеющие достаточные калибр и дальность для эффективной стрельбы, были еще неизвестны.

С Тридцатилетней войны начинается период Густава-Адольфа, великого военного реформатора XVII столетия. Его пехотные полки состояли на две трети из мушкетеров и на одну треть из пикинеров. Некоторые полки состояли только из мушкетеров. Мушкеты были настолько облегчены, что для ведения огня из них подставка стала излишней. Густав-Адольф ввел также бумажные патроны, чем значительно облегчил зарядание. Глубокое построение было упразднено; его пикинеры строились в 6 шеренг, а мушкетеры только в 3 шеренги. Эти последние обучались стрельбе повзводно и шеренгами. Громоздкие полки, насчитывавшие 2000 или 3000 человек, были уменьшены до 1300 или 1400 человек, сведенные в 8 рот, причем из двух полков была образована бригада. При помощи такого строя он побеждал густые массы своих противников, построенных часто, подобно колонне или каре, в 30 шеренг, среди которых его артиллерия производила страшное опустошение. Кавалерия была реорганизована на тех же началах. Тяжеловооруженные всадники были совсем упразднены. Кирасиры лишились наручников и некоторых других бесполезных частей своего защитного вооружения, что сделало их значительно более легкими и подвижными. Драгуны Густава-Адольфа сражались почти всегда как кавалеристы. И кирасиры, и драгуны строились лишь в три шеренги, и им строго приказывалось не терять времени на стрельбу, а сразу атаковать с палашом в руке. Они были подразделены на эскадроны по 125 человек. Артиллерия была усовершенствована придачей ей легких пушек. Прославились кожаные пушки Густава-Адольфа⁴⁴, но они недолго оставались на вооружении. Их заменили чугунными 4-фунтовыми пушками, настолько легкими, что они могли перевозиться двумя лошадьми; эти пушки были в состоянии производить шесть выстрелов за то время, пока мушкетер делал два выстрела; каждому полку пехоты было придано по две таких пушки. Так было установлено деление полевой артиллерии на легкую и тяжелую; легкие пушки сопровождали пехоту, тогда как тяжелые оставались в резерве или занимали какую-либо позицию на все время сражения. В армиях этого времени начинает обнаруживаться все возрастающее преобладание пехоты над кавалерией. В сражении при Лейпциге в 1631 г. Густав-Адольф имел 19 000 пехоты и 11 000 кавалерии, Тилли — 31 000 пехоты и 13 000 кавалерии. В сражении при Лютцене в 1632 г. Валленштейн располагал 24 000 пехоты и 16 000 кавалерии (170 эскадронов). Число пушек также увеличилось с введением легких орудий; у шведов часто было от 5 до 12 пушек на каждую тысячу солдат, а в сражении на Лехе Густав-Адольф форсировал эту реку под прикрытием огня 72 тяжелых орудий⁴⁵.

В течение второй половины XVII и первой половины XVIII столетия с повсеместным введением штыка в пехоте были окончательно упразднены пики и всякое защитное вооружение. Изобретенный примерно в 1640 г. во Франции штык должен был бороться против пики в течение 80 лет. Австрийцы первыми приняли его на вооружение всей

своей пехоты, за ними пруссаки; французы сохраняли на вооружении пику до 1703 г., а русские — до 1721 года. Ружейный кремневый замок, изобретенный во Франции почти одновременно со штыком, тоже был до 1700 г. постепенно введен в большинстве армий. Он существенно сокращал процедуру заряжания, предохранял до известной степени порох на полке от дождя и этим значительно содействовал упразднению пики. Однако стрельба все еще производилась так медленно, что солдат за все сражение обыкновенно мог израсходовать не более 24—36 патронов; только во второй половине этого периода улучшение военных уставов, лучшее обучение и дальнейшее усовершенствование конструкции ручного огнестрельного оружия (особенно железный шомпол, впервые введенный в Пруссии) позволили солдату стрелять с значительной быстротой. Это сделало необходимым дальнейшее уменьшение глубины построения, и пехота теперь стала строиться лишь в 4 шеренги. Была создана своего рода *élite* пехоты в виде гренадерских рот, первоначально предназначенных для бросания ручных гранат перед началом рукопашного боя; но скоро они стали сражаться с одними лишь ружьями. В некоторых германских армиях уже во время Тридцатилетней войны были сформированы стрелки, вооруженные нарезными ружьями; само же нарезное ружье было изобретено в Лейпциге в 1498 году. Это оружие теперь стали применять наряду с обыкновенным ружьем, им вооружались лучшие стрелки в каждой роте; но вне Германии это оружие не пользовалось большим успехом. Австрийцы имели также род легкой пехоты, носившей название пандуров. Это были хорватские и сербские иррегулярные войска с прилегающей к Турции Военной границы, пригодные для совершения набегов и преследования, но бесполезные в регулярном сражении с точки зрения тактики того времени, а также в силу абсолютного отсутствия у них выучки. Французы и голландцы создали для тех же целей иррегулярную пехоту, получившую название *compagnies franches* *. Вооружение кавалерии также было во всех армиях облегчено. Тяжеловооруженные всадники совершенно исчезли; кирасиры сохранили лишь нагрудник и шлем; во Франции и Швеции были упразднены также и нагрудники. Все возрастающая эффективность и скорость огня пехоты весьма отрицательно сказывались на кавалерии. Скоро было признано совершенно бесполезным для этого рода войск атаковать пехоту с палашом в руке; мнение о непреодолимости огневого рубежа стало столь распространенным, что кавалерию также приучили больше полагаться на карабин, чем на палаш. Таким образом, в этот период часто случалось, что две линии кавалерии подобно пехоте вели между собой огневой бой; считалось большой смелостью подъезжать к неприятелю на 20 ярдов, давать залп и атаковать рысью. Однако Карл XII придерживался правила своего великого предшественника **. Его кавалерия никогда не останавливалась для стрельбы: она всегда атаковала с палашом в руке, что бы ни находилось на ее пути — кавалерия, пехота, батареи, траншеи, — и всегда успешно. Французы тоже отказались от новой системы и вновь стали полагаться на один лишь палаш. Глубина боевого порядка кавалерии была еще более уменьшена — с 4 до 3 шеренг. В артиллерии стало теперь общим явлением уменьшение веса орудий, применение патронов и картечи. Другим крупным нововведением было включение этого рода войск в состав армии. До этого времени, хотя пушки и принадлежали государству, люди, обслуживающие их, не были собственно солдатами, а составляли род цеховой корпорации, и артиллерия считалась не родом войск, а одним из ремесел. Ее офицеры не имели армейского чина, и их относили скорее к мастерам — портным и плотникам, чем к дворянам с офицерским патентом в кармане. Однако примерно к этому времени артиллерия сделалась составной частью армии и стала подразделяться на роты и батальоны; артиллерийская прислуга была превращена в регулярных солдат, а офицеры получили те же чины, что и в пехоте и кавалерии. Централизация артиллерии и устойчивость ее личного состава, явившиеся следствием этой реформы, проложили путь артиллерийской науке, которая при старой системе не могла развиваться.

Переход от глубокого построения к линейному, от пики к ружью, от преобладания кавалерии к преобладанию пехоты постепенно завершился к тому времени, когда

* — вольных рот. *Ред.*

** — Густава-Адольфа. *Ред.*

Фридрих Великий начал свои кампании и вместе с ними открыл классическую эру линейной тактики. Он строил свою пехоту в три шеренги и довел стрельбу до 5 выстрелов в минуту. В первых же боях его при Мольвице эта пехота развернулась в линию и своим частым огнем отразила все атаки австрийской кавалерии, которая только что наголову разбила прусскую конницу; покончив с кавалерией австрийцев, прусская пехота атаковала австрийскую пехоту, нанесла ей поражение и таким образом выиграла сражение. К построению в каре против кавалерии в крупных сражениях никогда не прибегали; им пользовались лишь в тех случаях, когда на марше пехота оказывалась застигнутой врасплох неприятельской кавалерией. Во время сражения крайние фланги пехоты, которым угрожала кавалерия, растягивались и погибали *ep rotense* *, и обычно этого считалось достаточным. Для борьбы с австрийскими пандурами Фридрих сформировал подобные же иррегулярные войска — пехоту и кавалерию, но никогда не рассчитывал на них в регулярных сражениях, в которых они редко принимали участие. Исход его сражений решало медленное продвижение ведущей огонь линии. Кавалерии, которой пренебрегали при его предшественнике **, ныне пришлось пережить полную революцию. Она стала строиться лишь в две шеренги, и ведение огня было строго запрещено, кроме случаев преследования врага. Обучению искусству верховой езды, которому до сих пор придавали мало значения, стали теперь уделять величайшее внимание. Все перестроения должны были производиться на полном скаку, и от солдат требовалось при этом тщательное соблюдение сомкнутого строя. Благодаря усилиям Зейдлица кавалерия Фридриха затмила всякую другую кавалерию, существовавшую как в то время, так и когда-либо в прошлом: своим лихим галопом, соблюдением строя, стремительностью атаки и быстротой сбора после нее она не имеет себе равных и в кавалерии последующих времен. Артиллерия была столь значительно облегчена, что некоторые из пушек крупного калибра не могли выдерживать полного заряда, и от них пришлось впоследствии отказаться. Однако тяжелая артиллерия оставалась все еще весьма медлительной и неповоротливой в своих движениях, в силу плохого качества и громоздкости своих лафетов и несовершенства организации. В сражении она сразу же занимала свои позиции, а иногда меняла их на другие, расположенные впереди, но никакое маневрирование не практиковалось. Легкая артиллерия — полковые пушки, приданные пехоте, — размещалась впереди пехотной линии, в 50 шагах перед интервалами, образуемыми батальонами; она продвигалась вперед вместе с пехотой, причем пушки перетаскивались солдатами, и открывала огонь картечью на дистанцию в 300 ярдов.

Энгельс Ф. Армия. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 30—36

... Прогресс техники в сельском хозяйстве выражается различно, смотря по системе сельского хозяйства, смотря по системе полеводства. Если при зерновой системе хозяйства и при экстенсивном земледелии этот прогресс может выразиться в простом расширении посева и сокращении числа рабочих, количества скота и пр. на единицу посева, то при скотоводственной или технической системе хозяйства, при переходе к интенсивному земледелию, тот же прогресс может выразиться, например, в посеве корнеплодов, требующих большего количества рабочих на единицу посева, или в заведении молочного скота, в посеве кормовых трав и пр. и пр.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 66—67

Маркс, описывая системы докапиталистического земледелия, проанализировал все те формы экономических отношений, какие только есть в России, и рельефно подчеркнул необходимость мелкого производства и связи крестьянина с землей и при отработочной,

* — в виде буквы Г. Ред.

** — Фридрихе-Вильгельме I. Ред.

и при натуральной, и при денежной ренте. Но могло ли ему прийти в голову возвести это наделение землей зависимого крестьянина в «принцип» вековой связи производителя со средствами производства? Забывает ли он хоть на минуту о том, что *эта* связь производителя со средствами производства была источником и условием средневековой эксплуатации, обуславливала технический и общественный застой и необходимо требовала всяческих форм «внеэкономического принуждения»?

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 205—206

Цехи — идеал Сисмонди, и его оговорка насчет нежелательности восстановления их имеет, очевидно, лишь тот смысл, что следует взять принцип, идею цеха (точно так же, как народники хотят брать принцип, идею общины, а не современный фискальный союз, называемый общиной) и отбросить его средневековые уродливости. Нелепость плана Сисмонди состоит не в том, что он защищал целиком цехи, хотел восстановить их целиком — этой задачи он не ставил. Нелепость заключается в том, что он берет за образец *союз*, возникший из узких, примитивных потребностей в объединении местных ремесленников, а хочет приложить эту мерку, этот образец к капиталистическому обществу, в котором объединяющим, обобществляющим элементом является крупная машинная индустрия, ломающая средневековые перегородки, стирающая местные, земляческие и профессиональные различия. Сознвая необходимость союза, объединения вообще, в той или другой форме, романтик берет за образец союз, удовлетворявший узким потребностям в объединении в патриархальном, неподвижном обществе, и хочет прикладывать его к обществу, совершенно преобразованному — с подвижным населением, с обобществлением труда не в пределах какой-нибудь общины или какой-нибудь корпорации, а в пределах всего государства и даже вне пределов одного государства*.

Вот эта-то ошибка и дает романтику совершенно заслуженную им квалификацию *реакционера*, причем под этим термином разумеется не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях.

Этого обстоятельства абсолютно не понял Эфруси. Характеристика теории Сисмонди, как реакционной, была понята им именно в грубом, вульгарном смысле. Эфруси смутился... Как же так, рассуждал он, какой же Сисмонди реакционер, когда он говорит ведь прямо, что вовсе не хочет восстановить цехи? И Эфруси решил, что такое «обвинение» Сисмонди «в ретроградстве» несправедливо; что Сисмонди, напротив, смотрел «правильным образом на цеховую организацию» и «вполне оценил ее историческое значение (№ 7, стр. 147), как это, дескать, выяснено историческими исследованиями таких-то и таких-то профессоров о хороших сторонах цеховой организации».

Quasi-ученые** писатели обладают нередко поразительной способностью из-за деревьев не видеть леса! Точка зрения Сисмонди на цехи характерна и важна именно

---

* Совершенно аналогична ошибка народников по отношению к другому союзу (*общине*), который удовлетворял узким потребностям объединения местных крестьян, связанных единством землевладения, выгона и т. п. (а главное единством помещичьей и чиновничьей власти), но совершенно не отвечает потребностям товарного хозяйства и капитализма, ломающего все местные, сословные, разрядные перегородки и вносящего глубокую экономическую рознь интересов *внутри* общины. Потребность в союзе, в объединении в капиталистическом обществе не ослабела, а, напротив, неизмеримо возросла. Но брать старую мерку для удовлетворения этой потребности нового общества совершенно нелепо. Это новое общество требует уже, во-первых, чтобы союз не был местным, сословным, разрядным; во-вторых, чтобы его исходным пунктом было то различие положения и интересов, которое создано капитализмом и разложением крестьянства. Местный же, сословный союз, связывающий вместе крестьян, резко различающихся по своему экономическому положению и по своим интересам, становится теперь, в силу своей *обязательности, вредным* и для самих крестьян, и для всего общественного развития.

** — Мнимочуемые. *Ред.*

потому, что он связывает с ними свои практические пожелания * . Именно поэтому с его учением и связана характеристика *реакционного*. А Эфруси принимается, ни к селу ни к городу, толковать о новейших исторических сочинениях о цехах!

Результатом этих неуместных и quasi-ученых рассуждений явилось то, что Эфруси обошел как раз суть вопроса: справедливо или несправедливо характеризовать доктрину Сисмонди реакционной? Он просмотрел именно то, что является самым главным, — *точку зрения* Сисмонди. «Меня выставляли, — говорил Сисмонди, — в политической экономии врагом общественного прогресса, партизаном учреждений варварских и принудительных. Нет, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшего по сравнению с современным. Я не могу судить о настоящем иначе, как сравнивая его с прошлым, и я далек от желания восстанавливать старые развалины, когда я доказываю посредством них вечные нужды общества» (II, 433). *Желания* у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия. И реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он «сравнивал настоящее с прошлым», а не с будущим, именно за то, что он «доказывал вечные нужды общества» ** *посредством* «развалин», а не *посредством* тенденций новейшего развития. Вот этой-то мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди, выделяющей его резко от других писателей, которые тоже доказывали и одновременно с ним, и после него «вечные нужды общества», и не сумел понять Эфруси.

В этой ошибке Эфруси сказались это же узкое понимание терминов «мелкобуржуазная», «реакционная» доктрина, о котором мы говорили выше по поводу первого термина. Эти термины вовсе не указывают на эгоистические вожеления мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об *ошибочности* точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины. Сисмонди, напр., вовсе не фанатик мелкой *собственности*. Он понимает необходимость объединения, союза ничуть не менее, чем наши современные народники. Он выражает пожелание, чтобы «половина прибыли» в промышленных предприятиях «распределялась между ассоциированными рабочими» (II, 346). Он высказывается прямо за «систему ассоциации», при которой бы все «успехи производства шли на пользу тому, кто занят им» (II, 438). Говоря об отношении своего учения к известным в то время учениям Оуэна, Фурье, Томпсона, Мюирона (Muiron), Сисмонди заявляет: «Я желал бы так же, как они, чтобы осуществилась ассоциация между теми, кто производит сообща данный продукт, вместо того, чтобы ставить их в оппозицию друг с другом. Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней» (II, 365).

Различие между Сисмонди и этими писателями состоит именно в *точке зрения*. Поэтому вполне естественно, что Эфруси, не понявший этой точки зрения, совершенно неверно изобразил отношение Сисмонди к этим писателям.

«Если Сисмонди оказал на своих современников слишком слабое влияние, — читаем мы в «*Русск. Богатстве*» № 8, с. 57, — если предлагавшиеся им социальные реформы не получили осуществления, то это объясняется главным образом тем, что он значительно опередил свою эпоху. Он писал в то время, когда буржуазия праздновала свой медовый месяц. . . Понятно, что при таких условиях голос человека, требовавшего социальных реформ, должен был оставаться гласом вопиющего в пустыне. Но ведь мы знаем, что и потомство относилось к нему не многим лучше. Это объясняется, быть может, тем, что Сисмонди является, как мы уже сказали выше, писателем

* См. выше, хотя бы заглавие той главы, из которой мы приводили рассуждения о цехах (приводимые и Эфруси: с. 147).

** То обстоятельство, что он *доказывал* существование этих нужд, ставит его, повторяем, неизмеримо выше узких буржуазных экономистов.

переходной эпохи; хотя он и желает крупных изменений, он тем не менее не может вполне отрешиться от старого. Умеренным людям он казался поэтому слишком радикальным, а на взгляд представителей более крайних направлений он был слишком умеренным».

Во-первых, говорить, что Сисмонди предлагаемыми им реформами «опередил эпоху» — значит абсолютно не понять самой сути доктрины Сисмонди, который сам говорит про себя, что он сравнивал настоящее с прошлым. Требовалась бесконечная близорукость (или бесконечное пристрастие к романтизму), чтобы просмотреть общий дух и общее значение теории Сисмонди из-за того только, что Сисмонди сочувствовал фабричному законодательству * и т. п.

Во-вторых, Эфруси полагает, таким образом, что различие между Сисмонди и другими писателями состоит лишь в *степени решительности* предлагавшихся реформ: они шли дальше, а он не вполне отрешился от старого.

Не в этом дело. Различие между Сисмонди и этими писателями лежит гораздо глубже — вовсе не в том, что одни шли дальше, другие были робки **, а в том, что *самый характер* реформ представлялся им с двух *диаметрально противоположных* точек зрения. Сисмонди доказывал «вечные нужды общества», и эти писатели доказывали тоже вечные нужды общества. Сисмонди был утопистом, основывал свои пожелания на абстрактной идее, а не на реальных интересах, — и эти писатели были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идее. Но именно *характер* их планов совершенно различен вследствие того, что на новейшее экономическое развитие, поставившее вопрос о «вечных нуждах», они смотрели с *диаметрально противоположных* точек зрения. Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом*; его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку», — ту самую «ломку», из которой выводили свои утопии указанные писатели ***. Вот почему утопия Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакционной. Основание такой характеристики заключается, повторяем еще раз, *только в том*, что Сисмонди не понимал прогрессивного значения той «ломки» старых, полусредневековых, патриархальных общественных отношений западноевропейских государств, которую с конца прошлого века начала проделывать крупная машинная индустрия.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 235—240

Народнические предрассудки, выделяющие скупщика как нечто внешнее, помешали большинству исследователей кустарной промышленности поставить вопрос о хозяйстве скупщиков, а между тем очевидно, что для экономиста это — первый и главный вопрос. Необходимо подробно и тщательно изучить, как *хозяйничает* скупщик, как складывается его капитал, как оперирует этот капитал в сфере закупки сырья, сбыта продукта, каковы условия (общественно-хозяйственные) деятельности капитала в этих сферах, как велики расходы скупщика на организацию закупки и сбыта, как приме-

* Да и в этом вопросе Сисмонди не «опередил» эпоху, ибо одобрял лишь то, что уже осуществлялось в Англии, не умея понять связь этих преобразований с крупной машинной индустрией и ее прогрессивной исторической работой.

** Мы не хотим сказать, что в этом отношении между указанными писателями нет различия, но оно не объясняет дела и неправильно представляет отношение Сисмонди к другим писателям: выходит, будто они стояли на одинаковой точке зрения, различаясь лишь решительностью и последовательностью выводов. Не в том дело, что Сисмонди «шел» не так далеко, а в том, что он «шел» назад, а указанные писатели «шли» вперед.

*** «Роберт Оуэн, — говорит Маркс, — отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, — который, однако, вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения (Tragweite) этих изолированных элементов преобразования, — не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически объявлял ее исходным пунктом «социального переворота»».

няются эти расходы в зависимости от размеров торгового капитала и от размеров закупки и сбыта, какие условия вызывают иногда частичную обработку сырья в мастерских скупщика и отдачу затем рабочим на дом для дальнейшей обработки (причем окончательная отделка иногда делается опять скупщиком) или продажу сырья мелким промышленникам с тем, чтобы купить у них потом изделия на рынке. Необходимо сравнить стоимость производства продукта у мелкого кустаря, у крупного промышленника в мастерской, объединяющей несколько наемных рабочих, и у скупщика, раздающего материал на выделку по домам. Необходимо взять за единицу исследования каждое *предприятие*, т. е. каждого отдельного скупщика, определить размер его оборотов, число работающих на него в мастерской или в мастерских и на дому, число рабочих, занятых им в заготовке сырья, хранении его и продукта и в сбыте. Необходимо сравнить технику производства (количество и качество инструментов и приспособлений, *разделение труда* и т. д.) у мелкого хозяйчика, у хозяина мастерской с наемными рабочими и у скупщика. Только такое *экономическое исследование* может дать точный научный ответ на вопрос о том, что такое скупщик, на вопрос о значении его в хозяйстве, о значении его в историческом развитии форм промышленности товарного производства.

Ленин В. И. Кустарная перепись в Пермской губернии. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 386

Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем техническом основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников. Напротив, законом капиталистического производства является постоянное преобразование способов производства и безграничный рост размеров производства. При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей). Напротив, капиталистическое предприятие неизбежно перерастает границы общины, местного рынка, области, а затем и государства. И так как обособленность и замкнутость государств разрушены уже товарным обращением, то естественное стремление каждой капиталистической отрасли промышленности ведет ее к необходимости «искать внешнего рынка».

Таким образом, необходимость искать внешнего рынка отнюдь не доказывает несостоятельности капитализма, как любят изображать дело народники-экономисты. Совсем напротив. Эта необходимость наглядно показывает прогрессивную историческую работу капитализма, который разрушает старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства (а, следовательно, и узость духовной и политической жизни), который связывает все страны мира в единое хозяйственное целое.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 57

Развитие и использование науки и техники при капитализме

Наука и техника на ранних стадиях капиталистического производства (технический базис простой кооперации и мануфактуры)

Кооперация представляет собой *всеобщую форму*, которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда, и которая в каждой из них получает дальнейшую спецификацию. Но в то же время кооперация сама является и *особой* формой, существующей наряду с ее более развитыми и более специфицированными формами (точно так же как она является формой, выходящей за пределы ее прежних ступеней развития).

Как форма, отличающаяся от ее собственных дальнейших ступеней развития или спецификаций и *существующая* в этом различии, отдельно от них, — *кооперация* представляет собой наиболее стихийно сложившийся, наиболее примитивный и наиболее абстрактный из всех ее видов, продолжая, впрочем, в своей простоте, в своей простой форме оставаться базисом и предпосылкой всех ее более развитых форм.

Итак, кооперация — это прежде всего непосредственное — не опосредствованное *обменом* — *взаимодействие* многих рабочих для достижения одного и того же результата, для производства одного и того же продукта, одной и той же потребительной стоимости (или одного и того же полезного эффекта) ¹. Она есть прежде всего *взаимодействие многих рабочих*. Следовательно, существование *агломерации, скопления многих рабочих в одном и том же пространстве* (на одном месте), работающих *одновременно*, является первой предпосылкой кооперации — или уже само представляет собой ее материальное бытие. Эта предпосылка лежит в основе всех ее более развитых форм.

Простейшим, еще не имеющим дальнейшей специфики видом кооперации является, очевидно, тот, при котором сосредоточенные указанным образом в одном пространстве и работающие одновременно рабочие выполняют не различные операции, а *одну и ту же*, но при этом требуется одновременность их действий, для того чтобы вообще мог быть достигнут определенный результат или же для того, чтобы он мог быть достигнут за определенный промежуток времени. Также и эта сторона кооперации остается в ее более развитых формах. Также и при разделении труда многие одновременно делают одно и то же. В еще большей степени это имеет место на автоматической фабрике.

Одна из древнейших форм этой кооперации имеет место, например, при охоте. Точно так же и на войне, представляющей собой ту же охоту, только на людей, более развитый вид охоты ². Тот эффект, который, например, производит атака кавалерийского полка, не могут произвести отдельные, взятые поодиночке кавалеристы, хотя во время атаки каждый отдельный кавалерист действует, если он вообще действует, только как отдельный кавалерист. Гигантские сооружения [древних] азиатов представляют собой еще один пример такого рода кооперации, так же как вообще в строитель-

ном деле весьма разительно выступает важная роль этой простой формы кооперации. Отдельный индивид может построить хижину, но для постройки дома требуются многие, делающие одно и то же одновременно. Отдельный индивид может вести на веслах небольшую лодку, но для ладьи более значительных размеров требуется определенное число гребцов. При разделении труда эта сторона кооперации проявляется в принципе соотношений *кратных количеств* [различных частичных рабочих]³, которые должны применяться для каждой отдельной отрасли. На автоматической фабрике главный эффект [кооперации] основывается не на разделении труда, а на *одинаковости* труда, выполняемого одновременно многими. Например, на том, что за мюль-машинами, приводимыми одновременно в движение одним и тем же двигателем, одновременно наблюдают столько-то прядильщиков. . .

{Нет абсолютной необходимости в том, чтобы объединение [работников] имело место в одном и том же помещении. Если 10 астрономов в обсерваториях различных стран ведут одни и те же наблюдения и т. д., то это является не *разделением труда*, а выполнением одного и того же труда в разных местах, одной из форм кооперации. Но вместе с тем [следует учитывать] также и *концентрацию средств труда*.}

Расширение сферы действия; сокращение времени, в течение которого достигается определенный результат; наконец, создание таких производительных сил, к развитию которых изолированный рабочий вообще не способен, — все это характерно как для простой кооперации, так и для ее более специфицированных форм.

При простой кооперации действует только масса человеческой силы. На место индивида с двумя глазами и т. д. приходит многоглазое, многорукое и т. д. чудовище. Отсюда — огромные работы римских армий, огромные азиатские и египетские общественные сооружения. Там, где доход всей страны распределяется государством, она обладает силой, способной приводить в движение огромные массы людей. . .

{*Число рабочих и их концентрация* представляют собой базис простой кооперации.}. . .

Простая кооперация, так же как и ее более развитые формы, — как и вообще все средства повышения производительной силы труда, — относятся к процессу труда, а не к процессу *увеличения стоимости*. Они повышают эффективность труда. Напротив, *стоимость* продукта труда зависит от необходимого рабочего времени, требующегося для его производства. Поэтому эффективность труда может только уменьшать стоимость определенного продукта, а никак не повышать ее. Но все эти средства, применяемые для повышения эффективности процесса труда, уменьшают (до известной степени) необходимое рабочее время и тем самым увеличивают прибавочную стоимость, ту часть стоимости, которая достается капиталисту, хотя стоимость совокупного продукта по-прежнему определяется совокупностью примененного рабочего времени.

«Математический принцип, согласно которому целое равняется сумме его частей, оказывается неверным, если его применить к нашему предмету. Рассматривая труд, эту великую опору человеческого существования, можно сказать, что общий результат объединенных усилий бесконечно превосходит все то, что, возможно, могли бы создать индивидуальные и разрозненные усилia» (Tomas Sadler. The Law of Population. Vol. I. London, 1830, стр. 84).

Кооперация, т. е. ее применение капиталистом, владельцем денег или товаров, требует, естественно, концентрации в его руках средств труда, а также жизненных средств (обмениваемой на труд части капитала). Для того чтобы предоставить работу одному рабочему в течение 360 дней в году, требуется в 360 раз меньший капитал, чем для того чтобы занять 360 рабочих в течение одного и того же дня. . .

Как только рабочие вступают в процесс труда, они уже включены в состав капитала, и их собственная кооперация является поэтому не таким отношением, в которое они себя ставят сами, а таким отношением, в которое их поставил капиталист, не отношением, принадлежащим им самим, а таким отношением, которому теперь принадлежат они и которое само выступает как отношение к ним капитала. Это — не взаимное их объединение, а господствующее над ними единство, носителем и руководителем которого является именно сам капитал. Их собственное объединение в труде — кооперация — фактически является для них чужой силой, а именно, силой капитала, противостоящей отдельным рабочим.

Когда рабочие как независимые лица имеют отношение к капиталисту в качестве

продавцов [своей рабочей силы], то это отношение является отношением отдельных, друг от друга независимых рабочих, каждый из которых находится в определенном отношении к капиталисту, но не в отношении друг к другу. Когда они вступают в отношении друг к другу как функционирующие рабочие силы, они включены в состав капитала, и это отношение выступает для них поэтому не как их собственное взаимоотношение, а как противостоящее им отношение к ним капитала. Они оказываются агломерированными *. Кооперация, возникающая из их агломерации, является по отношению к ним таким же результатом действия капитала, как и сама эта агломерация. Их *взаимосвязь и их единство* заложены не в них, а в капитале, и возникающая отсюда общественная производительная сила их труда является производительной силой капитала. Подобно тому как не только возмещающая, но и умножающая сила отдельной рабочей силы выступает как сила капитала, как прибавочный труд, точно так же выступают и общественный характер труда и возникающая из этого общественного характера труда производительная сила.

Это — первая ступень, на которой подчинение труда капиталу уже не выступает больше как всего лишь формальное подчинение, а изменяет самый способ производства, так что *капиталистический* способ производства оказывается специфическим способом производства. Формальное подчинение труда капиталу существует в той мере, в какой отдельный рабочий, вместо того чтобы работать в качестве независимого товаровладельца, работает теперь как принадлежащая капиталисту [IV—148] рабочая сила, следовательно — под командованием и контролем капиталиста, и работает уже не на себя, а на капиталиста; точно так же и средства труда уже не выступают как средства осуществления труда рабочего, а, наоборот, его труд выступает как средство увеличения стоимости, т. е. как применение рабочих для обслуживания средств труда. Это различие [между докапиталистическими и капиталистическими отношениями] является формальным в том смысле, что оно может существовать без какого бы то ни было изменения способа производства и тех общественных отношений, при которых осуществляется производство. Вместе с кооперацией уже появляется специфическое различие. Труд здесь совершается при таких условиях, при которых не может совершаться независимый труд отдельного работника, и притом эти условия выступают как господствующее над ним отношение, как узлы, которыми капитал обхватывает отдельных рабочих.

При совместной работе многих, для которых их взаимосвязь сама является чуждым им отношением и единство которых лежит вне их самих, необходимость в командовании, в надзоре сверху сама выступает как условие производства, как ставший необходимым в результате кооперации рабочих и обусловленный ею новый вид труда, «*труд по надзору*», — совершенно так же как в армии, даже если она состоит только из одного и того же рода войск, возникает необходимость в командующих, необходимость в командовании, для того чтобы она могла действовать как единый организм. Это командование принадлежит капиталу, хотя отдельный капиталист может осуществлять его в свою очередь с помощью специальных работников, которые, однако, перед армией рабочих представляют капитал и капиталиста. (*Рабство. Кернс* ⁴).

В той мере, в какой необходимость в особых работниках этого рода вытекает из функций, порождаемых самим капиталистическим производством, было бы, конечно, абсурдным доказывать необходимость капитала тем, что он выполняет эти функции. Это такая же тавтология, как если бы мы захотели оправдывать рабство в глазах негров тем, что они как рабы нуждаются в надсмотрщике с бичом, который столь же необходим для осуществляемого ими производства, как и они сами. Но он необходим лишь потому и постольку, поскольку они являются рабами, необходим лишь на базисе рабства. Если же какая-либо кооперация, как, например, кооперация музыкантов в оркестре, требует руководителя, то совершенно различна та форма, которую эта функция руководства трудом принимает в условиях капитала, и та форма, которую оно в противоположном случае, например, в условиях ассоциации, приняло бы в качестве особой функции труда наряду с другими функциями, но не в качестве силы, которая

* — присоединенными (к капиталу). *Ред.*

собственное единство рабочих осуществляет как чуждое им единство, а эксплуатацию их труда — как эксплуатацию, учиненную над ними чуждой им силой.

Кооперация может быть непрерывной, но она может быть и временной, как при уборке урожая в земледелии и т. д.

Сущностью простой кооперации остается *одновременность* действий, одновременность, результаты которой никогда не могут быть достигнуты путем последовательных затрат труда во времени разобщенными в своих действиях рабочими.

Главное остается; остается это первое преобразование общественного характера труда в общественный характер капитала, производительной силы общественного труда в производительную силу капитала; наконец, первое превращение формального подчинения [труда] капиталу в реальное изменение самого способа производства.

В качестве средства повышения производительности труда *Дестют де Траси* называет в первую очередь

«*Объединение сил*» (простую кооперацию) [*Destutt de Tracy. Traité de la Volonté et de ses Effets. Paris, 1826. стр. 80*].

«Идет ли речь о защите — десять человек легко окажут сопротивление врагу, который их всех уничтожил бы, если бы они сопротивлялись поодиночке. Нужно ли сдвинуть груз — его вес оказал бы непреодолимое сопротивление усилиям одного единственного индивида и уступил бы тотчас же усилиям нескольких, действующих совместно. *Если требуется выполнить какую-нибудь сложную работу*, различные операции должны совершаться одновременно: один выполняет одну операцию, другой — другую, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, — и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого сотрудничества» (там же, стр. 78).

Здесь, при этом последнем виде кооперации, уже имеет место разделение труда, поскольку «различные операции должны совершаться *одновременно*», однако это не разделение труда в собственном смысле слова. Эти трое могут попеременно гребти, править рулем, ловить рыбу, хотя в акте своего сотрудничества каждый из них выполняет только одну операцию. Подлинное же разделение труда заключается в том, что,

«когда несколько человек работают друг для друга, каждый может посвятить себя *исключительно* тому занятию, для которого он имеет больше всего данных» и т. д. (там же, стр. 79).

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 285—286, 289, 290, 291—294

Для правильного понимания разделения труда внутри мануфактуры существенно обратить внимание на следующие пункты. Прежде всего расчленение процесса производства на его особые фазы совершенно совпадает в данном случае с разложением ремесленной деятельности на ее различные частичные операции. Является ли каждая операция сложной или простой, ее исполнение во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло. Этот узкий технический базис исключает возможность действительно научного расчленения процесса производства, так как каждый частичный процесс, через который проходит продукт, должен быть выполнен как частичная ремесленная работа. Именно потому, что ремесленное искусство остается таким образом основой процесса производства, каждый рабочий приспособляется исключительно к управлению одной частичной функцией, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается

в орган этой частичной функции. Наконец, это разделение труда уже само по себе есть особый вид кооперации, и многие его преимущества вытекают из общей сущности кооперации вообще, а не из данной ее особой формы.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 350—351

... В течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих*. И если бы даже у нас не было показаний со стороны авторов того времени, то одни уже факты, что начиная с XVI столетия и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий, что мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам не меньше, чем целые библиотеки. «Порядок должен быть установлен тем или иным способом», — призывает в 1770 г. неоднократно цитированный нами автор «*Essay on Trade and Commerce*». «Порядок», — подхватывает 66 лет спустя доктор Эндрю Юр, — «порядок» отсутствовал в мануфактуре, основанной «на схоластической догме разделения труда», и «Аркрайт создал порядок».

Вместе с тем мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время.

«Такая мастерская», — говорит Юр, — «представляла собой картину разделения труда со всеми его многочисленными степенями. Сверло, резец, токарный станок имели каждый своего собственного рабочего, иерархически связанного с другими тем или иным способом в зависимости от степени его искусства»⁵.

Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства. Этим, с одной стороны, устраняется техническая основа пожизненного прикрепления рабочего к данной частичной функции. С другой стороны, падают те преграды, которые этот принцип еще ставил господству капитала.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 380—381

Мануфактура, классическая форма кооперации, основанной на разделении труда, господствует приблизительно с 1550 до 1770 года.

Она возникает:

1) Или путем соединения различных ремесел, каждое из которых выполняет частичную операцию (например, производство карет), причем очень скоро соответствующий отдельный ремесленник теряет способность заниматься *всем* своим ремеслом в целом, зато совершенствуется в выполнении частичной операции. Следовательно, при этом весь процесс сводится к разделению совокупной операции на ее отдельные части (стр. 318, 319).

* Сказанное в тексте гораздо более применимо к Англии, чем к Франции, и к Франции более, чем к Голландии.

2) Или же многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, объединяются на одной и той же фабрике, и отдельные операции производятся не последовательно одним рабочим, а разделяются и выполняются одновременно различными рабочими (иголки и т. д.). Продукт теперь уже не произведение одного ремесленника, а произведение группы ремесленников, каждый из которых исполняет только одну частичную операцию (стр. 319, 320).

В обоих случаях результат мануфактуры: *производственный механизм, органами которого являются люди*. Производство сохраняет свой *ремесленный* характер; каждый частичный процесс, через который проходит продукт, выполняется *ручным трудом*, следовательно, здесь *исключается* возможность *действительно научного расчленения процесса производства*. Именно *вследствие* ремесленного характера труда каждый отдельный рабочий в полной мере прикован к одной частичной функции (стр. 321).

Таким путем сберегается труд по сравнению с ремесленником, и это сбережение труда еще более растет вследствие передачи приобретенных навыков следующим поколениям. Этим мануфактурное разделение труда соответствует тенденции прежних обществ: сделать ремесло наследственным; кастовые цехи (стр. 322).

Подразделение орудий вследствие применения их к различным частичным операциям — пятьсот видов молотков в Бирмингеме (стр. 323—324).

Рассматриваемая с точки зрения *совокупного* механизма, мануфактура имеет две стороны: она — или чисто механическое соединение самостоятельных частичных продуктов (часы), или ряд связанных между собой процессов в *одной* мастерской (иголки).

В мануфактуре каждая группа рабочих доставляет другой группе необходимое ей сырье. Поэтому основное условие состоит в том, чтобы каждая группа в *данное время производила данное количество*, следовательно, создается совершенно другая непрерывность, порядок, однообразие и интенсивность труда, чем в собственно кооперации. *Здесь, таким образом, становится уже технологическим законом процесса производства то, что труд является общественно необходимым трудом* (стр. 329).

Неодинаковость времени, требующегося для выполнения отдельных операций, обуславливает то, что различные группы рабочих имеют различный *состав* и численность (в словолитне на одного полировщика приходится четыре литейщика и два отбивальщика). Таким образом, мануфактура создает математически определенное отношение для количественного размера отдельных органов совокупного рабочего, и производство может быть расширено только путем принятия на работу такого количества новых рабочих, которое является кратным от совокупной группы. К этому надо прибавить, что обособление известных функций — надзора, перевозки продуктов с одного места на другое и т. д. — становится выгодным лишь по достижении известного уровня производства (стр. 329, 330).

Имеет место также объединение различных мануфактур в одну общую мануфактуру, но и в ней всегда недостает действительного технологического единства, которое является лишь с введением машин (стр. 331).

В мануфактуре довольно рано появляются машины, но спорадически, и они играют только побочную роль, например, мельницы, толчеи и т. д. Главной машиной мануфактуры является *комбинированный совокупный рабочий*, который обладает гораздо более высокой степенью совершенства, чем прежний единичный ремесленный работник, и у которого все несовершенства, часто неизбежно развивающиеся у частичного рабочего, проявляются как достоинства (стр. 333). Мануфактура развивает различия между этими частичными рабочими, квалифицированными и неквалифицированными, и даже создает настоящую иерархию рабочих (стр. 334).

Разделение труда: 1) всеобщее (на земледелие, промышленность, судоходство и т. д.), 2) особенное (на виды и подвиды) и 3) единичное (внутри мастерской). Общественное разделение труда также развивается из различных исходных пунктов: 1) внутри семьи и рода — естественное разделение труда по полу и возрасту, которое расширяется еще насильственным порабощением соседних племен (стр. 335); 2) различные общины в зависимости от своего положения, климата, уровня культуры производят различные продукты, и эти продукты *обмениваются там, где общины приходят*

в соприкосновение между собой (стр. 49). Обмен с чужими общинами является одним из главных средств разрушения естественной связи внутри собственной общины вследствие дальнейшего развития естественного разделения труда (стр. 335).

Таким образом, мануфактурное разделение труда, с одной стороны, предполагает известную степень развития общественного разделения труда, а с другой стороны, оно развивает его дальше — таково территориальное разделение труда (стр. 337, 338).

Однако между общественным и мануфактурным разделением труда всегда имеется то различие, что при первом необходимо производятся *товары*, между тем как при втором частичный рабочий *не* производит товаров. Поэтому при последнем существует концентрация и организация, при первом же — раздробленность и беспорядочность конкуренции (стр. 339, 341).

О ранней организации индийских общин (стр. 341, 342). О цехах (стр. 343, 344). В то время как во всех этих случаях существует разделение труда в *обществе*, мануфактурное разделение труда есть *специфическое создание капиталистического способа производства*.

В мануфактуре, как и в кооперации, функционирующее рабочее тело есть *форма существования капитала*. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется *производительной силой капитала*. Но в то время как кооперация в целом оставляет без изменения способ труда отдельного рабочего, мануфактура революционизирует его, она *уродует* рабочего; неспособный производить самостоятельный продукт, он является лишь *принадлежностью* мастерской капиталиста. Духовные потенции труда исчезают у многих, чтобы у отдельных лиц увеличить свой масштаб. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции процесса труда противостоят рабочим как *чужая собственность и господствующая над ними сила*. Этот процесс отделения, который начинается уже в кооперации и развивается в мануфактуре, завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу (стр. 346).

Цитаты ⁶ (стр. 347).

Будучи, с одной стороны, определенной организацией общественного труда, мануфактура, с другой стороны, есть особый *метод производства относительной прибавочной стоимости* (стр. 350). Именно в этом ее историческое значение.

Препятствия к развитию мануфактуры даже во время ее классического периода: сокращение числа необученных рабочих вследствие противодействия со стороны рабочих-мужчин; ссылка на laws of apprenticeship * до самого последнего времени, даже там, где это в сущности является излишним; постоянное неподчинение рабочих, так как совокупный рабочий не обладает еще независимым от рабочих остоном; эмиграция рабочих (стр. 353, 354).

К тому же сама мануфактура не была в состоянии произвести переворот во всем общественном производстве или хотя бы только овладеть им. Ее собственный узкий технический базис вступил в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства. Появилась потребность в машинах, и мануфактура научилась их изготовлять (стр. 355).

Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 16, с. 285—289

Под мануфактурой разумеется, как известно, кооперация, основанная на разделении труда. По своему возникновению мануфактура непосредственно примыкает к описанным выше «первым стадиям капитализма в промышленности». С одной стороны, мастерские с более или менее значительным числом рабочих вводят постепенно разделение труда,

* — законы об ученичестве. Ред.

и таким образом капиталистическая простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру. . .

С другой стороны, мы видели, как торговый капитал в мелких промыслах, достигая высшей ступени своего развития, сводит уже производителя на положение наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную плату. . .

В развитии капиталистических форм промышленности мануфактура имеет важное значение, будучи промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой). С мелкими промыслами мануфактуру сближает то, что ее базисом остается ручная техника, что крупные заведения не могут поэтому радикально вытеснить мелкие, не могут совершенно оторвать промышленника от земледелия. . . С фабрикой мануфактуру сближает образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала, в полном подчинении у которого находятся массы неимущих рабочих

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 384, 385

Сделаем теперь выводы из изложенных данных и рассмотрим, характеризуют ли они действительно особую стадию развития капитализма в нашей промышленности.

Общей чертой всех рассмотренных нами промыслов является сохранение ручного производства и систематическое, широкое проведенное разделение труда. Процесс производства распадается на несколько детальных операций, исполняемых различными специалистами-мастерами. Подготовка таких специалистов требует довольно продолжительного обучения, и потому естественным спутником мануфактуры является *ученичество*. . . Исчезновение ученичества связано с более высоким развитием мануфактуры и с образованием крупной машинной индустрии, когда машины уменьшают до *типичн*'а период обучения или когда выделяются столь простые детальные операции, что они доступны и детям. . .

Сохранение ручного производства, как базиса мануфактуры, объясняет ее сравнительную неподвижность, которая особенно бросается в глаза при сопоставлении ее с фабрикой. Развитие и углубление разделения труда происходит весьма медленно, так что мануфактура целыми десятилетиями (и даже веками) сохраняет раз принятую форму: мы видели, что весьма многие из рассмотренных нами промыслов — весьма древнего происхождения, и тем не менее в большинстве их не наблюдалось до последнего времени никаких крупных переворотов в способах производства.

Что касается до разделения труда, то мы не станем повторять здесь общеизвестных положений теоретической экономии об его роли в процессе развития производительных сил труда. На базисе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло *. Отметим только два наиболее важных обстоятельства, выясняющих необходимость разделения труда, как подготовительной стадии к крупной машинной индустрии. Во-первых, только расчленение процесса производства на ряд самых простых чисто механических операций дает возможность вводить машины, которые применяются сначала к простейшим операциям и лишь постепенно овладевают более сложными операциями. Напр., в ткацком деле механический станок уже давно подчинил себе производство простых тканей, тогда как шелковое ткачество продолжает вестись преимущественно ручным способом; в слесарном деле машина применяется прежде всего к одной из простейших операций — шлифовке

---

* «Домашняя форма крупного производства и мануфактура являются неизбежным и до известной степени даже желательным исходом для мелкой самостоятельной промышленности, когда она охватывает громадный район» (Харизоменов в «Юрид. Вестн.», 1883, № 11, с. 435).

и т. п. Но это дробление производства на простейшие операции, — будучи необходимым подготовительным шагом к введению крупного машинного производства, — ведет в то же время к росту мелких промыслов. Окрестное население получает возможность производить такие детальные операции у себя на дому, либо по заказу мануфактуристов из их материала. . .

Второе обстоятельство, которое необходимо особенно подчеркнуть, это — подготовка искусных рабочих мануфактурой. Крупная машинная индустрия не могла бы так быстро развиваться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой. Напр., исследователи «кустарного» ткачества Покровского уезда Владимирской губ. отмечают замечательную «техническую умелость и опытность» ткачей Кудыкинской волости (в ней находится село Орехово и известные фабрики Морозовых). . .

Разделение труда в капиталистической мануфактуре ведет к уродованию и калечению рабочего, — в том числе и детальщика-«кустаря». . .

Территориальное разделение труда составляет характерную черту не нашей промышленности, а мануфактуры (и в России и в других странах); мелкие промыслы не вырабатывали таких широких районов, фабрика нарушила их замкнутость и облегчила перенесение в другие места заведений и масс рабочих. Мануфактура не только создает сплошные районы, но и вводит специализацию внутри таких районов (поточное разделение труда). . .

В связи с описанными чертами мануфактуры стоит то обстоятельство, что этой стадии капиталистической эволюции свойственна особая форма отделения земледелия от промышленности. Наиболее типичным промышленником является теперь уже не крестьянин, а не занимающийся земледелием «мастерской» (на другом полюсе — купец и хозяин мастерской). В большинстве случаев (как мы видели выше) организованные по типу мануфактуры промыслы имеют неземледельческие центры: или города или (гораздо чаще) села, жители которых почти не занимаются земледелием, и которые должны быть причислены к поселениям торгово-промышленного характера. Отделение промышленности от земледелия имеет здесь глубокие основания, коренящиеся и в технике мануфактуры, и в ее экономике, и в ее бытовых (или культурных) особенностях. Техника приковывает рабочего к одной специальности и поэтому делает его, с одной стороны, негодным для земледелия (слабосильным и пр.), с другой стороны, требует непрерывного и продолжительного занятия мастерством. Экономический строй мануфактуры характеризуется несравненно более глубокой дифференциацией промышленников, чем в мелких промыслах, — а мы видели, что в мелких промыслах параллельно с разложением в промышленности идет разложение в земледелии. При том полном обнищании масс производителей, которое является условием и следствием мануфактуры, — ее рабочий персонал не может рекрутироваться из мало-мальски исправных земледельцев. . . При ручной технике крупные заведения не могут вытеснить совершенно мелких, особенно если мелкие кустари удлиняют рабочий день и понижают уровень своих потребностей: при таких условиях мануфактура, как мы видели, даже развивает мелкие промыслы. Естественно поэтому, что вокруг неземледельческого центра мануфактуры мы видим в большинстве случаев целый округ из земледельческих поселений, жители которых тоже занимаются промыслами. И в этом отношении, следовательно, рельефно сказывается переходный характер мануфактуры между мелким ручным производством и фабрикою. . . Наиболее типичным для русской капиталистической мануфактуры является неземледельческий центр, притягивающий к себе население из окрестных деревень, — жители которых полужемледельцы, полупромышленники, — и главенствующий над этими деревнями.

Особенно замечателен при этом факт более высокого культурного уровня населения в таких неземледельческих центрах. . . Понятно, какое громадное значение имеет тот факт, наглядно свидетельствующий о прогрессивной исторической роли капитализма, об «искусственности» которого вряд ли бы решился говорить и самый ярый народник, ибо громадное большинство характеризуемых центров относится обыкновенно к «кустарной» промышленности! Переходный характер мануфактуры сказыв-

вается и здесь, так как преобразование духовного облика населения она только начинает, заканчивает же его лишь крупная машинная индустрия.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 427—428, 429, 430, 431—432, 433—434

... Русские данные, действительно, свидетельствуют, как мы видели, о том, что в промыслах, организованных по типу капиталистической мануфактуры, раздача работы на дома практикуется в особенно широких размерах. Вот почему мы считаем наиболее правильным именно в этой главе рассмотреть характерные особенности капиталистической работы на дому, хотя некоторые из приводимых ниже примеров и не могут быть приурочены специально к мануфактуре.

Укажем прежде всего на обилие посредников между капиталистом и работником при домашней работе. Крупный предприниматель не может сам раздавать материал сотням и тысячам рабочих, разбросанных иногда в разных селениях; необходимо появление посредников (в некоторых случаях даже иерархии посредников), которые берут материал оптом и раздают по мелочам. Получается настоящая sweating system, система вышибания пота, система наиболее напряженной эксплуатации: близко стоящий к работнику «мастерок» (или «светелочник» или «торговка» в кружевном промысле и пр. и пр.) умеет пользоваться даже особыми случаями нужды последнего и изыскивает такие приемы эксплуатации, которые были бы немислимыми в крупном заведении, которые абсолютно устраняют возможность какого-либо контроля и надзора*.

Наряду с sweating system и, пожалуй, как одну из форм ее, следует поставить truck-system, расплату припасами, которая преследуется на фабриках и продолжает царить в кустарных промыслах, особенно при раздаче работы на дома. Выше, при описании отдельных промыслов, приведены были примеры этого распространенного явления...

Раздробленность рабочих на дому и обилие посредников естественно ведет к процветанию кабалы, ко всяким формам личной зависимости, сопровождающим обыкновенно «патриархальные» отношения в деревенских захолустьях. Долги рабочих хозяевам — самое распространенное явление в «кустарных» промыслах вообще, и при домашней работе в частности**. Работник обыкновенно не только Lohnsklave***, но и Schuldklave****. Выше были указаны некоторые примеры того положения, в которое ставит рабочего «патриархальность» деревенских отношений*****.

Переходя от характеристики капиталистической работы на дому к условиям ее распространения, необходимо отметить прежде всего связь этой системы с прикреплением крестьян к наделу. Отсутствие свободы передвижения, необходимо должна нести иногда денежные потери для того, чтобы развязаться с землей (именно, когда платежи за землю превышают доходность с нее, так что сдающий надел в аренду приплачивает от себя арендатору), сословная замкнутость крестьянской общины — все это ис-

* Поэтому, между прочим, фабрика и ведет борьбу против подобных посредников, напр., против «штучников» — рабочих, от себя нанимающих подручных рабочих. Ср. Кобеляцкий. «Справочная книга для фабрикантов и пр.». СПб. 1897, стр. 24 и следующие. Фактами, свидетельствующими о безмерной эксплуатации кустарей посредниками при раздаче работы на дома, кишит вся литература о кустарных промыслах. Укажем для примера на общий отзыв Курсака, I. с., с. 258, на описания «кустарного» ткачества (цит. выше), на описания женских промыслов в Моск. губ. («Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VI и VII) и мн. др.

** Примеры задолженности рабочих хозяевам в шеточном промысле Московской губ. («Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VI, в. I, с. 32), в гребенном (ibid., 261), в игрушечном (VI, в. II, 44), в камушном и т. д. и т. д. В шелковом промысле ткач кругом в долгу перед фабрикантом, который платит за него подати и вообще «берет ткача в аренду, как арендуют землю» и пр. («Пром. Влад. губ.», III, 51—55).

*** — наемный раб. *Ред.*

**** — долговой раб. *Ред.*

***** «Конечно, — читаем мы о кузнецах Нижегородской губ., — и здесь хозяин эксплуатирует труд рабочего, но в меньших размерах (?), и притом делается это как-то патриархально, с общего согласия (!), без всяких недоразумений» («Труды куст. ком.», IV, 199).

кусственно расширяет область применения капиталистической домашней работы, искусственно привязывает крестьянина к этим худшим формам эксплуатации. Устаревшие учреждения и насковзь пропитанные сословностью аграрные порядки оказывают, таким образом, самое вредное влияние и в земледелии, и в промышленности, задерживая технически отсталые формы производства, связанные с наибольшим развитием кабалы и личной зависимости, с наиболее тяжелым и наиболее беспомощным положением трудящихся*.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 441—442, 444—445

Научно-технические аспекты промышленного переворота конца XVIII—середины XIX вв.

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и новые рабочие машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали всю основу буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Со все возрастающей быстротой совершалось разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, влачила теперь шаткое существование изменчивая масса ремесленников и мелких торговцев, эта наиболее текучая часть населения. Новый способ производства находился еще в начале восходящей линии своего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он уже тогда породил вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в трущобах больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей по происхождению, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня, особенно для женщин и детей; массовую деморализацию среди трудящегося класса, внезапно брошенного в совершенно новые условия — из деревни в город, из земледелия в промышленность, из стабильных в ежедневно меняющиеся, необеспеченные жизненные условия.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 197—198

Около середины прошлого века хлопчатобумажная промышленность сосредоточивалась главным образом в Англии, и поэтому естественно, что именно здесь, при быстро возрастающем спросе на хлопчатобумажные изделия, были изобретены машины, которые с помощью парового двигателя революционизировали сначала хлопчатобумажное производство, а вслед затем и всю текстильную промышленность. Обширные и легко доступные месторождения каменного угля в Великобритании благодаря пару стали основой процветания страны. Богатые залежи железной руды, расположенные вблизи от каменного угля, облегчили развитие железодельной промышленности, получившей новый стимул в связи со спросом на машины и оборудование. Далее, в самый момент этой революции всей промышленной системы

---

* Конечно, во всяком капиталистическом обществе всегда будет сельский пролетариат, соглашающийся брать домашнюю работу на самых худших условиях; но устаревшие учреждения усиливают область применения домашней работы и затрудняют борьбу с ней. Еще Корсак в 1861 г. указывал на связь громадного распространения у нас домашней работы с нашими аграрными порядками (1. с., 305—307).

начались антиякобинские и наполеоновские войны, которые приблизительно на двадцать пять лет вытеснили с морей корабли почти всех конкурировавших наций и таким образом дали английским промышленным товарам фактическую монополию на всех заатлантических и на некоторых европейских рынках. Когда в 1815 г. мир был восстановлен, Англия со своими фабриками, на которых применялся пар, была в состоянии снабжать весь мир, между тем как в других странах паровые машины были еще почти неизвестны. В фабричном производстве Англия оставила их далеко позади себя.

Но восстановление мира побудило вскоре другие нации пойти по стопам Англии. Прикрытая китайской стеной своего запретительного тарифа, Франция начала применять пар в промышленности. Так же поступила и Германия, хотя ее тариф в то время был гораздо либеральнее, чем во всех прочих странах, не исключая и Англии. Так же поступили и другие страны.

Энгельс Ф. Торговый договор с Францией. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 270

Проследим, однако, развитие английской промышленности* немного подробнее и начнем с главной ее отрасли — хлопчатобумажной промышленности. В 1771—1775 гг. в среднем ежегодно ввозилось в Англию менее 5 млн. фунтов хлопка-сырца; в 1841 г. было ввезено 528 млн., а в 1844 г. ввоз составит не менее 600 млн. фунтов. В 1834 г. Англия вывезла 556 млн. ярдов хлопчатобумажной ткани, 76¹/₂ млн. фунтов хлопчатобумажной пряжи и на 1200 тыс. ф. ст. хлопчатобумажных вязаных изделий. В том же году в хлопчатобумажной промышленности использовалось свыше 8 млн. веретен, 110 тыс. механических и 250 тыс. ручных ткацких станков, не считая ватер-машин, и, по вычислениям *Мак-Куллоха*, во всем Соединённом королевстве этой отрасли промышленности кормилось прямо или косвенно почти полтора миллиона человек, из которых только на фабриках работало 220 тыс.; двигательной энергии на этих фабриках расходовалось: паровой — 33 тыс. лошадиных сил и водяной — 11 тысяч. Теперь все эти цифры далеко превзойдены, и можно смело принять, что в 1845 г. количество и мощность машин, равно как и число рабочих, будут в полтора раза больше, чем в 1834 году. . . Такое же распространение получили и отрасли труда, находящиеся в зависимости от хлопчатобумажной промышленности, — белиение, окраска и набивка. Благодаря замене кислорода *хлором* в *белинии*, благодаря быстрому развитию химии, оказавшей влияние на *крашение* и *набивку*, благодаря целому ряду самых блестящих изобретений в области механики, повлиявших на развитие ситцепечатания, эти отрасли получили толчок, который вместе с усилением спроса, обусловленным ростом хлопчатобумажной промышленности, привел их к небывалому расцвету.

Такая же деятельность началась и в *обработке шерсти*, которая была раньше главной отраслью английской промышленности; но продукция прежних лет — ничто в сравнении с тем, что производится теперь. В 1782 г. весь сбор шерсти предыдущих трех лет лежал необработанным за недостатком рабочих и так пролежал бы, если бы на помощь не подоспели новоизобретенные машины, которые выпрямили всю эту шерсть. Приспособление этих машин к прядению шерсти увенчалось полным успехом. . .

Но гигантский подъём английской промышленности, начавшийся в 1760 г., не ограничился одним только производством тканей. Раз данный толчок распространился на все отрасли промышленной деятельности, и множество изобретений, не находившихся ни в какой связи с упомянутыми выше, приобрели, в силу того что их появление совпало с общим оживлением, гораздо большее значение. Далее, после того как было практически доказано огромное значение механической энергии в промышленности, всё

* По книге: Porter. «Progress of the Nation». London, 1836 — I vol., 1838 — II vol., 1843 — III vol. [Портер. «Прогресс нации». Лондон, 1836 — I т., 1838 — II т., 1843 — III т.] (по официальным данным) и по другим, большей частью тоже официальным, источникам.

(1892 г.) Данный здесь исторический очерк промышленного переворота в некоторых подробностях не точен, но в 1843—1844 гг. лучших источников не было⁷. (Добавление Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)

было пушено в ход, чтобы всесторонне использовать эту энергию и извлечь из неё выгоду для отдельных изобретателей и фабрикантов; к тому же самый спрос на машины, топливо и сырьё непосредственно потребовал от массы рабочих и от отдельных отраслей промышленности удвоенной деятельности. С появлением паровой машины впервые приобрели значение обширные *угольные залежи* Англии; только теперь зародилось *производство машин*, а с ним усилился интерес к *железным рудникам*, поставляющим сырьё для этого производства. Повышенное потребление шерсти подняло английское овцеводство, а усилившийся ввоз шерсти, льна и шелка вызвал рост английского торгового флота. Более всего усилилось *производство железа*. Богатые железом рудники Англии раньше мало разрабатывались; при плавлении железной руды всегда применяли древесный уголь, который, по мере развития земледелия и истребления лесов, производился все в меньшем количестве и становился все дороже. В прошлом столетии впервые стали применять пережженный каменный уголь (кокс), а с 1780 г. был открыт новый способ, позволявший превращать расплавленное на коксе железо, из которого до тех пор получали только чугун, в ковкое железо. Этот способ, который заключается в извлечении углерода, примешивающегося к железу во время плавнения, англичане называют пудлингованием; он открыл совершенно новое поле деятельности для английского железодельного производства. Доменные печи стали строить в 50 раз больших размеров, чем раньше, плавление руды упростилось благодаря горячему дутью, и производство железа так удешевилось, что оказалось возможным делать из железа массу вещей, которые раньше изготовлялись из дерева или камня. В 1788 г. *Томас Пейн*, известный демократ, построил в Йоркшире первый железный мост, за которым последовало множество других, и в настоящее время почти все мосты, в особенности железнодорожные, делаются из чугуна, а в Лондоне из этого материала построен даже мост через Темзу (Саутворкский мост); железные столбы, железные станины для машин и т. д. стали обычным явлением, а с введением газового освещения и железных дорог английскому железодельному производству открылись новые области сбыта. Постепенно при помощи машин стали изготовляться также винты и гвозди. *Хантсмен*, уроженец Шеффилда, открыл в 1760 г. способ литья стали, который упразднил много лишней работы и сделал возможным производство ранее неведомых дешевых изделий. Благодаря более высокому качеству сырья, усовершенствованным инструментам, новому машинному оборудованию и большому разделению труда английское производство металлических изделий тогда впервые приобрело свое значение. Население *Бирмингема* возросло с 73 тыс. (1801 г.) до 200 тыс. (1844 г.), население *Шеффилда* возросло с 46 тыс. (1801 г.) до 110 тыс. (1844 г.), а потребление угля в одном этом последнем городе достигало в 1836 г. 515 тыс. тонн. В 1805 г. было вывезено 4300 тонн железных изделий и 4600 тонн чугуна, а в 1834 г. — 16 200 тонн железных изделий и 107 тыс. тонн чугуна, и все производство железа, не превышавшее в 1740 г. 17 тыс. тонн, в 1834 г. достигло почти 700 тыс. тонн. На одну только выплавку чугуна тратится ежегодно свыше 3 млн. тонн угля, и даже трудно себе представить, какое огромное значение приобрели в течение последних шестидесяти лет *угольные копи*. В настоящее время все английские и шотландские угольные залежи разрабатываются, и одни только копи *Нортумберленда* и *Дургама* доставляют ежегодно свыше 5 млн. тонн для экспорта и занимают 40—50 тыс. рабочих. . .

Притом все копи разрабатываются теперь гораздо энергичнее, чем раньше. То же самое имеет место в *оловянных, медных и свинцовых рудниках*, а наряду с развитием *производства стекла* зародилась новая отрасль промышленности — *гончарное производство*, получившее особое значение около 1763 г. благодаря *Джозае Уэджвуду*. Последний положил начало изготовлению гончарных изделий на научных принципах, способствовал развитию художественного вкуса и создал *керамические заводы* (potteries) в *Северном Стаффордшире*, округе в 8×8 английских миль, который раньше был бесплодной пустыней, а теперь усеян фабриками и жилыми домами и дает пропитание более чем 60 тыс. человек.

В этот общий поток было вовлечено решительно всё. Произошел переворот и в *земледелии*. Не только владение землей и ее обработка перешли, как мы видели, в другие

руки, — сельское хозяйство было затронуто и в другом отношении. Крупные арендаторы стали затрачивать капитал на улучшение почвы, сносить ненужные изгороди, осушать и удобрять, применять лучшие орудия и вводить систематическое плодосменное хозяйство (cropping by rotation). Им также помог прогресс науки: сэр Г. Дэви с успехом применил химию в земледелии, а развитие техники дало крупным арендаторам ряд преимуществ. К тому же спрос на сельскохозяйственные продукты вследствие роста населения так увеличился, что, хотя с 1760 по 1834 г. в пашню было превращено 6 840 540 акров неводеланной земли, Англия из страны, вывозившей хлеб, превратилась в страну, ввозящую его.

Такая же кипучая деятельность проявилась и в строительстве *путей сообщения*. С 1818 по 1829 г. в Англии и Уэльсе было проложено 1 тыс. английских миль шоссейных дорог установленной законом ширины в 60 футов и почти все старые шоссе были переделаны по системе *Мак-Адама*. В *Шотландии* ведомство общественных работ с 1803 г. соорудило девятьсот миль шоссейных дорог и построило свыше тысячи мостов, благодаря чему жители горной Шотландии сразу были приобщены к цивилизации. Раньше горцы занимались большей частью браконьерством и контрабандой; теперь они стали прилежными земледельцами и ремесленниками, и хотя для сохранения гэльского языка устроены специальные школы, гэло-кельтские нравы и язык быстро уступают влиянию английской цивилизации. Точно так же было и в *Ирландии*. Между графствами *Корк*, *Лимерик* и *Керри* лежала до сих пор пустынная местность без каких-либо проезжих дорог, которая вследствие своей недоступности служила убежищем для всех нарушителей закона и являлась оплотом кельто-ирландской национальности в Южной Ирландии; эту местность прорезали дорогами и таким образом открыли доступ цивилизации и в эту глушь. Вся Великобритания, и в особенности Англия, имевшая лет шестьдесят тому назад такие же плохие дороги, как тогдашняя Германия и Франция, покрыта теперь сетью прекраснейших шоссе, и все они, как и почти всё в Англии, являются делом рук частных предпринимателей, так как государство ничего или почти ничего для этого не сделало.

До 1755 г. Англия почти не имела *каналов*. В 1755 г. в Ланкашире был проведен канал от *Санки-Брука* до *Сент-Хеленса*, а в 1759 г. *Джемс Бриндли* построил первый большой канал, канал *герцога Бриджуотера*, который идет от *Манчестера* и окрестных каменноугольных копей к устью реки *Мерсей* и проведен недалеко от *Бартона* через реку *Эруэлл* при помощи акведука. С этого момента берет свое начало английское строительство каналов, которому Бриндли первый придал значение. С тех пор было проложено множество каналов во всех направлениях и реки были сделаны судоходными. В одной *Англии* насчитывается 2200 миль каналов и 1800 миль судоходных рек; в *Шотландии* был построен *Каледонский канал*, пересекающий всю страну, и в *Ирландии* тоже прорыты различные каналы. И эти сооружения, подобно железным дорогам и шоссе, почти все являются делом рук частных лиц и компаний.

Железные дороги были проложены лишь в последнее время. Первая крупная железная дорога была проведена из *Ливерпуля* в *Манчестер* (открыта в 1825 г.); с тех пор все крупные города были соединены между собой железными дорогами. Лондон с Саутгемптоном, Брайтоном, Дувром, Колчестером, Кембриджем, Эксетером (через Бристоль) и Бирмингемом, Бирмингем с Глостером, Ливерпулем, Ланкастером (через Ньютон) и Уиган и через Манчестер и Болтон), далее с Лидсом (через Манчестер и Галифакс и через Лестер, Дерби и Шеффилд), а Лидс — с Гуллем и Ньюкаслем (через Йорк). Сюда надо добавить еще множество мелких линий, строящихся и проектируемых, благодаря которым скоро сделается возможным совершить поездку из Эдинбурга в Лондон в один день.

Пар не только произвел революцию в средствах сообщения на суше, он придал им новый облик и на воде. Первый пароход был спущен на воду в 1807 г. на реке Гудзон, в Северной Америке, а в Великобритании — в 1811 г. на реке Клайд. С тех пор в Англии было построено более 600 пароходов, и в 1836 г. в английских гаванях их насчитывалось свыше 500.

Такова в кратких чертах история английской промышленности за последние шестьдесят лет, история, которая не имеет ничего равного себе в летописях человечества.

Шестьдесят-восемьдесят лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и мало развитой промышленностью, с редким, преимущественно земледельческим населением. Теперь это — страна, непохожая ни на какую другую, со столицей в 2¹/₂ миллиона жителей, с огромными фабричными городами, с индустрией, снабжающей своими изделиями весь мир и производящей почти всё при помощи чрезвычайно сложных машин, с трудолюбивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности * и которое состоит из совершенно других классов, мало того — составляет совершенно другую нацию с другими нравами и с другими потребностями, чем раньше. Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция — для Франции, как философская революция — для Германии. И различие между Англией 1760 г. и Англией 1844 г. по меньшей мере так же велико, как между Францией при ancien régime ** и Францией июльской революции. Но самым важным детищем этого промышленного переворота является английский пролетариат.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 249, 250, 252—256

... Пролетариат возник в результате промышленной революции, которая произошла в Англии во второй половине прошлого века и после этого повторилась во всех цивилизованных странах мира. Эта промышленная революция была вызвана изобретением паровой машины, различных прядильных машин, механического ткацкого станка и целого ряда других механических приспособлений. Эти машины, которые стоили очень дорого и поэтому были доступны только крупным капиталистам, изменили весь существовавший до тех пор способ производства и вытеснили прежних рабочих, ибо машины изготовляли товары дешевле и лучше, чем могли их сделать рабочие с помощью своих несовершенных прялок и ткацких станков. Таким путем эти машины отдали промышленность целиком в руки крупных капиталистов и совершенно обесценили ту ничтожную собственность, которая принадлежала рабочим (инструменты, ткацкие станки и т. д.), так что капиталисты вскоре все захватили в свои руки, а у рабочих не осталось ничего. Тем самым в области изготовления тканей введена была фабричная система. — Как только был дан толчок к введению машин и фабричной системы, последняя быстро распространилась и во всех остальных отраслях промышленности, особенно в области набивки тканей, в книгопечатании, в гончарном производстве и в производстве металлических изделий. Труд стал все больше и больше разделяться между отдельными рабочими, так что рабочий, который раньше выполнял всю работу целиком, теперь стал делать только часть ее. Это разделение труда позволило изготавливать продукты быстрее, а потому и дешевле. Оно свело деятельность каждого рабочего к одному какому-нибудь, весьма простому, постоянно повторяющемуся, механическому приему, который с таким же успехом, и даже значительно лучше, мог выполняться машиной. Таким путем все эти отрасли промышленности, одна за другой, подпали под власть пара, машин и фабричной системы, точно так же, как это имело место в прядильном и ткацком производстве. Но тем самым они целиком переходили в руки крупных капиталистов, и рабочие также и здесь лишались последних остатков своей самостоятельности. Постепенно фабричная система распространила свое господство не только на мануфактуру в собственном смысле этого слова, но стала все более и более завладевать также и ремеслом, так как и в этой области крупные капиталисты все более вытесняли мелких мастеров, устраивая большие мастерские, в которых можно было достигнуть экономии на многих расходах и также ввести детальное разделение труда. В результате, мы пришли теперь к тому, что в цивилизованных странах почти во всех отраслях труда утвердилось фабричное производство и почти во всех этих отраслях

* В английских изданиях 1887 и 1892 гг. после слова «промышленности» стоят слова «и торговле». *Ред.*

** — старом порядке. *Ред.*

ремесло и мануфактура вытеснены крупной промышленностью. — Вследствие этого прежнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленные мастера, все более разоряется, прежнее положение работника совершенно меняется и создаются два новых класса, которые постепенно поглощают все прочие. А именно:

I. Класс крупных капиталистов, которые во всех цивилизованных странах уже в настоящее время являются почти единственными владельцами всех жизненных средств, а также сырья и орудий (машин, фабрик и т. п.), необходимых для их производства. Это класс буржуа, или буржуазия.

II. Класс совершенно неимущих, которые вследствие этого вынуждены продавать буржуа свой труд, чтобы взамен получать необходимые для их существования средства к жизни. Этот класс называется классом пролетариев, или пролетариатом.

*Энгельс Ф. Принципы коммунизма. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4,
с. 322—324*

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует множеством одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней *. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление, — мы не говорим уже о том, что человек представляет собой крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Поскольку предположено, что человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заступила машина-орудие, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Из всех крупных двигательных сил, унаследованных от мануфактурного периода, сила лошади была наихудшей отчасти потому, что у лошади есть своя собственная голова, отчасти потому, что она дорога и может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах **. Тем не менее в период детства крупной промышленности лошадь применялась довольно часто, о чем свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выражать величину механической силы в лошадиных силах.

... В новейшей мануфактуре почтовых конвертов один рабочий фальцевал бумагу фальцебейном, другой смазывал клеем, третий отгибал клапан, на котором отпеча-

---

* «Соединение всех этих простых инструментов, приводимых в движение одним общим двигателем, составляет машину» (*Babbage*, цит. соч. [стр. 136]).

** В декабре 1859 г. Джон Ч. Мортон прочел в Обществе искусств и ремесел доклад о «силах, применяемых в земледелии». В нем говорится, между прочим, следующее: «Всякое улучшение, придающее более правильную форму участку земли, обеспечивает возможность применения паровой машины для производства чисто механической силы... Сила лошади требуется там, где кривые изгороди и другие препятствия делают невозможными однообразные движения. Такие препятствия с каждым днем все больше устраняются. В таких операциях, которые требуют сравнительно больше проявления воли и меньше физической силы, единственно применимой является человеческая сила, как сила, во всякий момент направляемая человеческим умом». Затем г-н Мортон сводит паровую силу, силу лошади и человеческую силу к единице измерения, принятой для паровых машин, т. е. к силе, способной поднять 33 000 фунтов на высоту одного фута в минуту, и исчисляет издержки на одну паровую лошадиную силу: при паровой машине в 3 пенса, при применении лошади в 5¹/₂ пенсов за час. Далее, для того, чтобы лошадь оставалась здоровой, она не должна работать более 8 часов в день. Применяя силу пара к возделыванию земли, каждую семерку лошадей можно уменьшить по меньшей мере на 3 лошади, причем издержки на паровую машину в течение целого года будут не больше, чем издержки на этих замененных лошадей в течение тех 3 или 4 месяцев, когда они только и находят себе действительное применение. Наконец, в тех земледельческих операциях, где можно применять паровую силу, получается продукт лучшего качества, чем при пользовании силой лошади. Чтобы выполнить работу паровой машины, пришлось бы применять 66 рабочих с общей суммой заработной платы в 15 шилл. за час, а чтобы выполнить работу лошади, пришлось бы применять 32 рабочих с общей суммой платы в 8 шилл. за час.

тывается девиз, четвертый выбивал девиз и т. д., и при каждой из этих частичных операций каждый отдельный конверт должен был переходить из рук в руки. Единственная машина для изготовления конвертов разом выполняет все эти операции и делает 3 000 и более конвертов в час. Одна американская машина для изготовления бумажных пакетов, показанная на лондонской промышленной выставке 1862 г., режет бумагу, смазывает клеем, фальцует и производит 300 штук в минуту. Весь процесс, который в мануфактуре разделен и выполняется в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинации различных орудий. Является ли подобная рабочая машина только механическим воспроизведением сложного ремесленного орудия или комбинацией разнородных простых орудий, специализированных мануфактурой, на фабрике, т. е. в мастерской, основанной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин (рабочего мы оставим здесь в стороне). Так, например, ткацкая фабрика образуется из многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — из многих швейных машин, находящихся в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают импульс от биения сердца общего первичного двигателя, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него идут лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но собственно система машин заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет собой уже комбинацию частичных рабочих машин. Специфические орудия различных частичных рабочих — например, в шерстяной мануфактуре орудия шерстобитов, шерсточесов, ворсильщиков, шерстопрядильщиков и т. д. — теперь превращаются в орудия различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе комбинированного рабочего механизма. В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом доставляет для нее естественную основу разделения, а следовательно, и организации процесса производства*. Однако с самого начала выступает и одно существенное различие между мануфактурным и машинным производством. В мануфактуре рабочие, отдельные или соединенные в группы, должны выполнять каждый отдельный частичный процесс при помощи своих ручных орудий. Если рабочий и приспособляется здесь к процессу, то и процесс, в свою очередь, уже заранее приспособлен к рабочему. При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного ха-

---

* До эпохи крупной промышленности шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англии. Поэтому в ней в первую половину XVIII столетия была проделана большая часть экспериментов. Опыт, приобретенный на шерсти, пошел на пользу хлопку, механическая обработка которого требует менее трудного подготовительного процесса; точно так же в позднейшее время, наоборот, механическая шерстяная промышленность развилась на основе механического хлопчатобумажного прядения и ткачества. Отдельные элементы шерстяной мануфактуры, например чесание шерсти, охвачены фабричной системой лишь в последние десятилетия. «Применение механической силы к чесанию шерсти... широко распространенное со времени введения «чесальной машины», особенно машины Листера... несомненно имело своим последствием то, что очень большое число людей лишилось работы. Раньше шерсть расчесывалась вручную, большей частью на дому у чесальщика. Теперь ее обыкновенно расчесывают на фабрике, и ручной труд вытеснен, за исключением некоторых особых видов работы, где все еще предпочитается шерсть, расчесанная вручную. Многие из ручных чесальщиков нашли работу на фабриках, но продукт ручного чесальщика так мал по сравнению с продуктом машины, что очень большое число чесальщиков так и осталось без работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», p. 16).

рактера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического применения механики, химии и т. д.*, причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше, с помощью накопленного в широком масштабе практического опыта. Каждая частичная машина доставляет другой машине, непосредственно следующей за нею, сырой материал, и так как все они действуют одновременно, то продукт непрерывно находится на различных ступенях процесса своего образования, постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Как в мануфактуре непосредственная кооперация частичных рабочих создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчлененной системе машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой действия. Комбинированная рабочая машина, представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп их, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно, чем в большей мере перемещается он от одной фазы производства к другой не рукой человека, а самим механизмом. Поэтому, если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует принцип непрерывности отдельных процессов.

Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз ее приводит в движение один первичный двигатель, сам порождающий собственное движение. Однако система в целом может приводиться в движение, например, паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений все еще нуждаются в содействии рабочих, как, например, до введения автоматических мюль-машин оно требовалось для запуска мюлей, а при тонкопрядении требуется еще до настоящего времени; или же определенные части машины для выполнения своих операций должны подобно орудью направляться рабочим, как было в машиностроении до превращения *slide rest* (поворотного суппорта) в автоматический механизм. Когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, способна к постоянному усовершенствованию в деталях. Так, например, аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нить, и автоматический выключатель, останавливающий усовершенствованный паровой ткацкий станок, как только на ткацком челноке окончится вся уточная нить, являются вполне современными изобретениями. Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить современная бумажная фабрика.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 387—388, 389—392

В Германии, напротив, развитие крупной промышленности началось лишь в 1848 г. и является самым значительным наследием этого года. Промышленный переворот все еще продолжается, и притом в самых неблагоприятных условиях. Домашняя промышленность, опирающаяся на мелкое, свободное или арендаторское землевладение, все еще борется против машины и пара; погибающий мелкий крестьянин цепляется за домашнюю промышленность как за последний якорь спасения; но едва

---

* «Следовательно, принцип фабричной системы состоит в замене... разделения или разложения труда между ремесленниками разложением процесса на его существенные составные элементы» (*Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 20*).

только он втягивается в промышленность, как его снова подавляют машина и пар. Побочный доход от земледелия, возвращенный собственными руками картофель, становится в руках капиталистов сильнее средством снижения заработной платы; капиталист теперь приносит в дар иностранному покупателю всю нормальную прибавочную стоимость и только таким способом остается конкурентоспособным на мировом рынке, а для себя извлекает всю прибыль путем снижения нормальной заработной платы. При этом — полный переворот во всех условиях жизни в промышленных центрах благодаря мощному развитию крупной промышленности. Так вся Германия, за исключением разве только юнкерского северо-востока, втягивается в общественную революцию, мелкий крестьянин вовлекается в промышленность, самые патриархальные районы захватываются этим движением, и поэтому вся Германия революционизируется гораздо основательнее, чем Англия или Франция. Но эта общественная революция, которая в конечном счете сводится к экспроприации мелкого крестьянина и ремесленника, протекает как раз в такое время, когда немцу, Марксу, удалось теоретически переработать результаты всей истории английского и французского практического и теоретического развития, вскрыть всю природу, а значит, и конечную историческую судьбу капиталистического производства, и тем самым дать германскому пролетариату такую программу, какой никогда не располагали его предшественники — англичане и французы. Более глубокий общественный переворот, с одной стороны, большая ясность в умах, с другой, — вот тайна неудержимого роста германского рабочего движения.

Энгельс Ф. — Карлу Каутскому, 8 ноября 1884 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 199

Итак, мы согласны пока в этом одном пункте: что Россия в 1892 г. не могла бы существовать как чисто сельскохозяйственная страна, что ее сельскохозяйственное производство должно быть дополнено производством промышленным.

Так вот я утверждаю, что промышленное производство в наше время означает крупную промышленность, пар, электричество, селфакторы, механические ткацкие станки и, наконец, машины для производства машинного оборудования. С того дня, когда Россия ввела у себя железные дороги, введение этих современных средств производства было предрешено. Вы *должны* быть в состоянии ремонтировать ваши собственные паровозы, вагоны, железные дороги, а это можно сделать дешево только в том случае, если вы в состоянии *строить* у себя в стране все то, что вы намереваетесь ремонтировать. С того момента как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосные суда, нарезная артиллерия, скорострельные орудия, магазинные винтовки, пули со стальной оболочкой, бездымный порох, и т. д.), крупная промышленность, без которой все это не может быть изготовлено, стала политической необходимостью. Все это нельзя производить без высокоразвитой металлообрабатывающей промышленности, а эта промышленность не может существовать без соответствующего развития всех других отраслей промышленности, особенно текстильной.

Я совершенно согласен с Вами, что начало новой промышленной эры для вашей страны следует отнести приблизительно к 1861 году. Крымскую войну характеризовала именно безнадежная борьба нации с примитивными формами производства против наций с современным производством. Русский народ прекрасно понял это, и отсюда его переход к современным формам, — переход, ставший окончательным после акта об освобождении 1861 года.

Раз уж признана эта необходимость перехода от примитивных методов производства, преобладавших в 1854 г., к современным методам, начинающим преобладать теперь, то становится второстепенным вопрос, был ли этот тепличный процесс поощрения промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин выгодным, или даже необходимым, или наоборот.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности убыстряет процесс, который в противном случае мог бы носить более затяжной характер. Она втискивает

в какие-нибудь двадцать лет процесс, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более. Но это не влияет на самую природу этого процесса, который, как Вы сами говорите, ведет свое начало с 1861 года.

Несомненно одно: если Россия действительно нуждалась в своей собственной крупной промышленности и решила иметь ее, то она не могла создать ее иначе, как посредством хотя бы *известной* степени протекционизма, — и это Вы допускаете. В таком случае с этой точки зрения и вопрос о протекционизме становится только вопросом *степени*, а не принципа; самый же принцип был неизбежен.

И еще одно несомненно: если Россия после Крымской войны нуждалась в своей собственной крупной промышленности, то она могла иметь ее лишь в одной форме: *в капиталистической форме*. Ну, а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке. В Америке условия сельского хозяйства и земельной собственности иные, и это *создает* некоторое различие.

Вы сетуете на медленный рост числа рабочих, занятых в текстильной промышленности, по сравнению с ростом продукции. Но то же самое имеет место повсюду. В противном случае откуда бы взялась наша многочисленная «промышленная резервная армия»? («Капитал», гл. 23, разделы 3 и 4⁸).

Вы доказываете постепенную замену мужского труда трудом женщин и детей («Капитал», гл. 13, раздел 3, а⁹).

Вы сетуете, что изделия машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности и таким образом разрушают подсобное производство, без которого крестьянин не может жить. Но здесь мы имеем дело с совершенно неизбежным последствием капиталистической крупной промышленности: созданием внутреннего рынка («Капитал», гл. 24, раздел 5¹⁰), — явлением, которое произошло в Германии в мое время и на моих глазах. Даже то, что Вы говорите о вторжении изделий хлопчатобумажной промышленности, разрушающем не только домашнее прядильное и ткацкое производство крестьян, но также и крестьянскую *культуру льна*, — и это уже наблюдалось в Германии между 1820 г. и нынешним временем. Вообще, что касается этой стороны вопроса, то есть разрушения домашней промышленности и связанных с ней отраслей сельского хозяйства, то мне кажется, что в действительности вопрос для вас заключается в следующем: русским надо было решить — будет ли их домашняя промышленность уничтожена *их собственной* крупной промышленностью, или это будет совершенно путем *ввоза английских товаров*. При протекционизме это сделают *русские*, без протекционизма — *англичане*. Мне все это кажется совершенно очевидным.

Ваш подсчет, что общий объем текстильной продукции крупной и домашней промышленности не возрастает, а остается неизменным или даже сокращается, — не только совершенно правилен, но было бы неправильным, если бы Вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена своим внутренним рынком, ее продукты могут только покрывать внутреннее потребление. А последнее может возрастать лишь медленно и, как мне кажется, при нынешних условиях в России скорее должно было бы сокращаться.

Ведь одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает*. Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются *как крестьяне*; их покупательная способность сводится к минимуму, и пока они, как *пролетарии*, не освоятся с новыми условиями существования, они будут представлять весьма скудный рынок для вновь возникших промышленных предприятий.

Наука и техника при капиталистическом машинном производстве. Противоречия капиталистического развития и применения науки и техники

Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда, — т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость, — то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе. Таким образом, только капитал создает буржуазное общество и универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи. Отсюда великое цивилизующее влияние капитала; создание им такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как *локальное развитие* человечества и как *суеверное поклонение природе*. Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства. Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими.

Однако из того, что всякую подобную границу капитал рассматривает как ограничение и поэтому *идеально* выходит за ее пределы, вовсе не следует, что капитал преодолел ее *реально*, а так как каждое подобное ограничение противоречит его назначению [Bestimmung], то капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются. Более того. Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставят осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала.

Маркс К. *Экономические рукописи 1857—1859 годов.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 386—387

Поэтому высшее развитие производительной силы наряду с величайшим увеличением существующего богатства будет совпадать с обесценением капитала, деградацией рабочего и максимальным истощением его жизненных сил.

Эти противоречия приводят к взрывам, катаклизмам, кризисам, во время которых, путем внезапного прекращения труда и уничтожения значительной части капитала, последний насильственно сводится к уровню, на котором он может продолжать функционировать *. Конечно, эти противоречия приводят к взрывам, кризисам, при которых

* Эта фраза написана Марксом по-английски над следующей фразой, написанной в основном по-немецки и повторяющей ту же самую мысль. *Ред.*

внезапное прекращение всякого труда и уничтожение значительной части капитала насильственно возвращают его к тому уровню, на котором он в состоянии [VII—17] полностью применять свои производительные силы, не совершая самоубийства. Но эти регулярно происходящие катастрофы приводят к повторению их в большем масштабе, а в конечном счете — к насильственному свержению капитала.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 11, с. 264

При формальном подчинении труда капиталу условия труда не претерпевают дальнейших изменений; они остаются — если рассматривать их вещественную сторону — материалом труда и средством труда. Но при новом способе производства, при той революции в способе производства, которую осуществляет капиталистическое производство, облик этих условий труда изменяется. Они получают новые определения вследствие того, что служат общественно сотрудничающим рабочим в качестве условий. При простой кооперации и в основанной на разделении труда мануфактуре указанная модификация распространяется только на общие условия труда, которые могут использоваться совместно, как, например, здания и т. д. На механической фабрике, основанной на применении машин, она охватывает собственно орудие труда. Так же как при формальном подчинении труда капиталу эти условия труда, а потому и их измененный облик — измененной общественной формой самого труда — остаются для рабочих *чуждым обстоятельством*. В условиях применения машин эта противоположность или даже отчуждение развиваются, как мы позже увидим, в *антагонистическое противоречие*.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 502

Что же представляет собой классическая, или *механическая, фабрика* [factory, Atelier]?

Она «означает. . . *кооперацию различных категорий рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с искусством и прилежанием присматривают за системой производительных механизмов, непрерывно приводимых в действие центральным двигателем. . . Это понятие исключает всякую фабрику, механизм которой не образует непрерывную систему, или не обслуживается одним и тем же двигателем. . . Этот термин*» (фабрика) «в строгом смысле слова вызывает представление об огромном автомате, составленном из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, причем все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение» (там же, стр. 18—19).

Таковы главные характерные черты механической фабрики. Она представляет собой огромный автомат, систему взаимосвязанных производительных механизмов, получающих свою двигательную силу от одного центрального двигателя, который сам приводит себя в движение. Эта система машин с ее автоматическим первичным двигателем образует корпус, расчлененное тело механической фабрики, кооперацию различных *категорий рабочих*, главное различие между которыми состоит в том, что они являются взрослыми и несовершеннолетними, представляет собой различие по возрасту и полу. Сами эти рабочие выступают только в качестве сознательных органов машин (а не машины — в качестве их органов), которые отличаются от мертвых органов наличием сознания, вместе с ними действуют «согласованно» и «без перерыва», в одинаковой мере подчинены двигательной силе, — точно так же, как и мертвые машины.

. . . Юр признает, что хотя для работы на фабриках и не требуется никакого специального обучения и т. д., необходимо с юных лет трудиться на этой смягченной каторге, как называет фабрики Фурье¹¹, для того чтобы быть в состоянии в течение

всего дня подчиняться «дисциплине» и «неизменной регулярности громадного автомата». Этот автомат здесь является автократом.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 520—521

... Хотя капиталистическое производство и является самым производительным из всех прежних способов производства, тем не менее в результате своего *антагонистического характера* оно содержит в себе пределы производства, за которые оно постоянно стремится выйти, — отсюда кризисы, перепроизводство и т. д. С другой стороны, *производство ради производства* выступает поэтому как его прямая противоположность. Производство не как развитие человеческой производительности, а как воспроизведение *вещного богатства* в противоположность производительному развитию человеческой личности.

В наиболее абстрактной форме все те методы, посредством которых развивается относительная прибавочная стоимость и тем самым специфически капиталистический способ производства, сводятся к тому, что этот способ производства стремится свести *стоимость единицы товара* к ее *минимуму* и, следовательно, произвести возможно больше товаров в течение данного рабочего времени или осуществить превращение предмета труда в продукт с затратой возможно меньшего количества труда, в кратчайшее рабочее время. Производительность труда вообще есть не что иное, как производство максимума продукта минимумом труда, или реализация минимума рабочего времени в максимуме продукта, следовательно, сведение стоимости единицы продукта к его минимуму.

При этом нужно заметить две вещи:

Во-первых, кажется противоречием то, что имеющее целью меновую стоимость и подвластное ей производство стремится к минимуму стоимости единицы продукта. Но стоимость продукта как таковая безразлична для капиталистического производства. Его целью является возможно большее производство прибавочной стоимости. А последняя определяется не стоимостью единицы продукта, единицы товара, а нормой прибавочной стоимости, отношением той части товара, которая представляет переменный капитал, к ее изменению, иными словами, содержащимся в продукте сверх стоимости переменного капитала прибавочным трудом. Цель капиталистического производства состоит не в том, чтобы единица продукта и поэтому суммарное количество продукта содержали возможно больше труда, а в том, чтобы они содержали возможно больше неоплаченного труда.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 20—21

... Формы общественно развитого труда — кооперация, мануфактура (как форма разделения труда), фабрика (как форма общественного труда, имеющая своей материальной основой систему машин) представляют собой *формы развития капитала*, и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, представляют собой *производительные силы капитала*. И действительно, единство при кооперации, комбинация при разделении труда, применение в системе машин в производственных целях природных сил и науки, так же как и продуктов труда, — все это противостоит отдельно взятым рабочим как нечто *чуждое* им самим и как нечто *вещное*, как всего лишь форма бытия независимых от них и господствующих над ними средств труда, подобно тому как сами эти средства труда, в их простой осязаемой форме, в качестве материала, орудия и т. д., противостоят рабочим как *функции капитала*, а следовательно, и *капиталиста*. Общественные формы собственного труда рабочих, или формы их собственного [XXI—1 318] общественного

труда, представляют собой такие отношения, которые образовались совершенно независимо от отдельно взятых рабочих; рабочие, находясь в подчинении у капитала, становятся элементами этих общественных образований, но принадлежат эти общественные образования не им. Поэтому они противостоят рабочим как *образы* самого капитала, как такие комбинации, которые — в отличие от рабочей силы каждого из этих рабочих в отдельности — принадлежат капиталу, возникают из него и включены в его состав. И это принимает все более реальную форму по мере того как, с одной стороны, сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм такие видоизменения, что она в своем самостоятельном существовании, т. е. *вне* этой капиталистической связи, становится бессильной, ее самостоятельная способность к производству подрывается; а с другой стороны, с развитием системы машин условия труда все более выступают как силы, господствующим над трудом также и технологически; и в то же время они заменяют труд, угнетают его, делают его излишним в его самостоятельных формах. В этом процессе, в котором *общественные* черты труда рабочих противостоят им как нечто в известном смысле *капитализированное* (как, например, в условиях системы машин осязаемые продукты труда выступают как *властители* труда), то же самое, естественно, происходит с силами природы и с наукой, этим продуктом всеобщего исторического развития, абстрактно выражающим его квинтэссенцию; силы природы и наука противостоят рабочим как *силы* капитала. Они действительно отделяются от мастерства отдельного рабочего и его знания дела, и хотя они, если обратиться к их истокам, представляют собой опять-таки продукты труда, однако всюду, где они входят в процесс труда, они выступают как *включенные* в состав капитала. Капиталисту, применяющему какую-либо машину, не требуется разбираться в ее устройстве (см. Юра¹²). Но *в машине* сама реализованная наука противостоит рабочим в качестве *капитала*. И в самом деле, все эти основанные на *общественном труде* применения науки, сил природы и огромных масс продуктов труда выступают только как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно, как *силы*, принадлежащие капиталу и противостоящие труду. Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь для того, чтобы эксплуатировать труд, но для его эксплуатации капитал должен применять эти средства в процессе производства. И таким образом, развитие *общественных* производительных сил труда и условия этого развития выступают как такое *деяние капитала*, к которому не только безучастно относится отдельный рабочий, но которое направлено против него.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 36—37

То обстоятельство, что *производительность труда* и вместе с тем *стоимость воспроизведенного им продукта* зависит от обилия предметных условий, от количества прошлого труда, который входит в процесс производства, следовательно, от *накопления капитала*, выступает, подобно *всякой производительной силе* труда, как *производительная сила капитала, независимо противостоящего труду*. Это *постепенное увеличение* прошлого труда, приводимого в движение живым трудом в процессе воспроизводства и обуславливающего возрастающую производительность живого труда, представляется как *заслуга* этого *прошлого* труда; или дело изображается таким образом, что отчуждение *этого прошлого труда в качестве капитала* делает его этим *существенным* моментом производства. Вследствие того что в действительности при капиталистическом производстве этот *прошлый труд* постоянно противостоит живому труду как капитал, это *противостояние*, эта его *отчужденная, социально превращенная форма* рассматривается как скрытый процесс, посредством которого капитал делает труд более производительным, хотя, разумеется, этот прошлый труд работников оказывал совершенно ту же самую услугу и тогда, когда он функционировал как их *собственность*. Рассмотренное представление необходимо: 1) потому что только при капиталистическом производстве, в отличие от прежних способов производства, *прошлый труд* в столь растущем объеме

входит в воспроизводство; он поэтому выступает отличительным признаком капиталистического способа производства по сравнению с прежними способами производства, 2) потому что та *антагонистическая* форма, в которой овеществленный труд выступает здесь по отношению к живому труду, рассматривается как его *имманентный* характер, неотделимый от функции, выполняемой им в процессе воспроизводства.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 148

Но могут сказать, что если в какой-либо сфере производства I уменьшается переменный капитал, то он увеличивается в других сферах, а именно — в тех, где производится потребленный в сфере производства I постоянный капитал. Между тем здесь выступает одно и то же отношение, например в производстве машин, в производстве сырья, вспомогательных материалов, таких, как уголь. Эта тенденция имеет всеобщий характер, хотя она лишь постепенно осуществляется в различных сферах производства. Противовес состоит в том, что увеличивается число самих сфер производства. Впрочем, это — лишь потребность буржуазной экономики, чтобы число живущих только трудом увеличивалось абсолютно, хотя относительно это число и уменьшается. Ибо в условиях буржуазной экономики рабочая сила становится излишней, коль скоро нет больше необходимости эксплуатировать ее ежедневно в течение 12—15 часов. Такое развитие производительной силы, которое уменьшило бы абсолютную численность рабочих, т. е. действительно дало бы возможность всей нации совершать свое совокупное производство за меньший промежуток времени, вызвало бы революцию, так как означало бы обесценение большинства населения. Здесь снова обнаруживается граница буржуазного производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительной силы, напротив, в определенный момент оно вступает в коллизии с этим развитием. Частично эта коллизия постоянно проявляется в кризисах и т. д., которые происходят оттого, что попеременно то одна, то другая часть рабочего класса становится излишней в своей прежней сфере занятости. Граница буржуазного производства есть прибавочное время рабочих; абсолютное прибавочное время, выигрываемое обществом, буржуазное производство *не интересует*. Поэтому развитие производительной силы важно [для него] лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего, но не постольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом, буржуазное производство движется в рамках противоположности.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 325—326

Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, в известный момент оно вступает в коллизии с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят оттого, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не постольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал все более оказывается общественной силой, функционером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума. Он оказывается отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обуславливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие.

Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, как бы он ни был производителем и как бы он ни повышал норму прибавочной стоимости, если только он уменьшает норму прибыли. Но каждый такой новый метод производства удешевляет товары. Поэтому первоначально капиталист продает их выше их цены производства, может быть, выше их стоимости. Он кладет себе в карман разницу между издержками их производства и рыночной ценой остальных товаров, произведенных при более высоких издержках производства. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, общественно необходимое для производства этих товаров, больше, чем рабочее время, которое требуется при новом методе производства. Его приемы производства стоят выше средних общественных. Но конкуренция делает их всеобщими и подчиняет общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли, — сначала в его сфере производства, и затем она выравнивается с другими; таким образом, это понижение совершенно не зависит от воли капиталистов.

К данному пункту следует еще добавить, что действию этого закона подчиняются и те сферы производства, продукт которых ни прямо, ни косвенно не входит в потребление рабочего или в условия производства его жизненных средств; следовательно, и те сферы производства, в которых никакое удешевление товаров не может увеличить относительную прибавочную стоимость, удешевить рабочую силу. (Конечно, во всех этих отраслях удешевление постоянного капитала может повысить норму прибыли при неизменяющейся степени эксплуатации рабочего.) Как только новый метод производства начинается распространяться, — и этим дается фактическое доказательство того, что эти товары могут производиться дешевле, — капиталисты, работающие при старых условиях производства, должны продавать свой продукт ниже своей полной цены производства, потому что стоимость этого товара понизилась, рабочее время, которое требуется им для производства этого товара, стоит выше общественного. Одним словом, — и это является действием конкуренции, — они тоже должны ввести новый метод производства, при котором отношение переменного капитала к постоянному уменьшается.

Все обстоятельства, ведущие к тому, что применение машин удешевляет цену производимых ими товаров, неизменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, — к уменьшению изнашиваемой части машин, стоимость которой входит в единицу товара. Чем медленнее изнашивание машин, тем на большее количество товаров распределяется оно, тем больше живого труда заменяют они до срока их воспроизводства. Количество и стоимость основного постоянного капитала сравнительно с переменным в обоих случаях увеличивается.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 289—291

Материальный результат капиталистического производства, помимо развития *общественных производительных сил труда*, состоит в *повышении массы продукции и увеличении количества и разнообразия сфер производства* и их ответвлений, и лишь вместе с этим соответственно развивается *меновая стоимость* продуктов, та сфера, в которой они действуют или реализуются как *меновая стоимость*.

«*Производство ради производства*» — производство как самоцель — появляется, правда, уже вместе с *формальным подчинением труда капиталу*, как только вообще непосредственной целью производства становится производить *возможно большую и возможно больше прибавочной стоимости*, как только вообще меновая стоимость продукта становится решающей целью. Однако эта *имманентная* капиталистическому отношению тенденция *реализуется адекватным образом* — и сама становится *необходимым условием*, также и *технологически*, — лишь тогда, когда развился *специфически капиталистический способ производства* и вместе с ним *реальное подчинение труда капиталу*.

[480] Этот последний момент уже раньше настолько подробно разбирался по существу, что здесь можно быть совершенно кратким. Это — производство, которое не связывается предопределяющими и предопределенными границами потребностей. (Его противоречивый характер включает *границы производства*, за которые оно постоянно стремится выйти. Отсюда кризисы, перепроизводство и т. д.) Это одна сторона, в отличие от прежнего способа производства; если угодно, положительная сторона. Другая — отрицательная сторона, или противоречивый характер: *производство* в противоречии с *производителем*, и не заботящееся о нем. Действительный производитель выступает как простое средство производства, а вещь богатство — как самоцель. Отсюда и развитие этого вещного богатства в противоположность человеку и за его счет.

Маркс К. [Капитал] Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 92

С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивалось, с одной стороны, распадение машиностроения на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны — разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом, мы находим здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего овладевала. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем развивало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдельная машина остается карликовой, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животных, ветра и даже воды — не пришла паровая машина, так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока сама машина — характерное средство производства крупной промышленности — была обязана своим существованием личной силе, личному искусству, т. е. зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий внутри мануфактуры или ремесленник вне ее оперирует своим карликовым инструментом. Не говоря уже о дороговизне машин вследствие такого их происхождения, — обстоятельство, которым капитал руководствуется как сознательным мотивом, — дальнейшее расширение отраслей уже механизированной промышленности и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели от возрастания такой категории рабочих,

которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность приходит и в техническое противоречие [Widerstreit] со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размеров машин-двигателей, передаточного механизма и рабочих машин, увеличение сложности и многообразия, а также строгой правильности составных частей рабочей машины, по мере того как последняя порывает со своим ремесленным образцом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей; развитие автоматической системы и все более неизбежное применение материалов, труднее поддающихся обработке, например, железа вместо дерева *, — вот те естественно выходящие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обуславливаются зависимостью работ от личности рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько раздвинуть, но не уничтожить по существу. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собой как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, например, машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в хлопчатобумажном прядении вызвала изобретение джина, машины для отделения хлопковых волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе **. Но именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах связи и транспорта. Средства связи и транспорта такого общества, *privôt* [стержнем] которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же средства транспорта и связи, унаследованные от мануфактурного периода, скоро превратились в невыносимые пути для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом и массовым характером производства, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею мировыми рыночными связями. Не говоря уже о полном перевороте в парусном судостроении, связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формо-

---

* Механический ткацкий станок в своей первоначальной форме состоит преимущественно из дерева, усовершенствованный, современный — из железа. До какой степени старая форма средства производства господствует вначале над его новой формой, показывает, между прочим, даже самое поверхностное сравнение современного парового ткацкого станка со старым, современных приспособлений для дутья на чугунолитейных заводах — с первоначальным немощным механическим воспроизведением обыкновенного кузнечного меха и, быть может, убедительнее, чем все остальное, — первый локомотив, сделанный до изобретения теперешних локомотивов: у него было в сущности две ноги, которые он попеременно поднимал, как лошадь. Только с дальнейшим развитием механики и с накоплением практического опыта форма машины начинает всецело определяться принципами механики и потому совершенно освобождается от старинной формы того орудия, которое превращается в машину.

** Изобретенный янки Илаем Уитни волокноотделитель до последнего времени претерпел меньше существенных изменений, чем какая бы то ни было другая машина XVIII века. Только в последние десятилетия (перед 1867 г.) другой американец, г-н Эмери из Олбани, Нью-Йорк, при помощи сколь простого, столь и эффективного усовершенствования сделал машину Уитни устаревшей.

вать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самой машиной, и производить машины с помощью машин. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги. С ростом в первые десятилетия XIX века машинного производства, машина на самом деле постепенно овладевала производством рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие колоссальное железнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали к жизни те циклопические машины, которые применяются при постройке первичных двигателей.

Существеннейшим производственным условием для производства машин с помощью машин была машина-двигатель, способная развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющаяся контролю. Она уже существовала в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом придавать необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Генри Модсли разрешил эту проблему изобретением поворотного суппорта, который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, направляя, подводя резец и т. д. к материалу труда, например к железу. Таким образом стало возможным придавать геометрические формы отдельным частям машин

«с такой степенью легкости, точности и быстроты, которую не смогла бы обеспечить и самая опытная рука искуснейшего рабочего»*.

Если мы рассмотрим теперь ту часть применяемых в машиностроении машин, которая образует машину-орудие в собственном смысле, то мы опять увидим перед собой ремесленный инструмент, только циклопических размеров. Например, собственно рабочая часть сверлильного станка — это огромный буров, который приводится в движение паровой машиной и без которого, в свою очередь, не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок — циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, каким плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет фанеру, — это гигантская бритва; орудие механических ножниц, которые режут железо, как ножницы портного режут сукно, это — чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор**. Например, один из таких паровых молотов, которые являются изобретением Несмита, весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он легко превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов***.

В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания. В мануфактуре

---

* «The Industry of Nations». London, 1855, part II, p. 239. Здесь же говорится: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к токарному станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как влияние усовершенствований, произведенных Уаттом в самой паровой машине. Введение его сразу повело к усовершенствованию и удешевлению всяких машин и дало толчок новым изобретениям и усовершенствованиям».

** В Лондоне одна из таких машин дляковки валов гребных колес паровых кораблей носит название «Тор». Она выковывает вал весом в 16½ тонны с такой же легкостью, как кузнец подкову.

*** Машины для обработки дерева, которые могут применяться также и в малом масштабе, изобретены по большей части американцами.

расчленение общественного процесса труда является чисто субъективным, комбинацией частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочий застаёт как уже готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 393—397

Теперь ясно, что как бы ни расширяло машинное производство путем повышения производительной силы труда прибавочный труд за счет необходимого труда, оно достигает этого результата только таким способом, что уменьшает число рабочих, применяемых данным капиталом. Оно превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, не производящий никакой прибавочной стоимости, некоторую часть капитала, который раньше был переменным, т. е. превращался в живую рабочую силу. Но, например, из двух рабочих невозможно выжать столько прибавочной стоимости, сколько из 24. Если каждый из 24 рабочих в двенадцать часов труда доставляет всего один час прибавочного труда, то вместе они доставляют 24 часа прибавочного труда, между тем как весь труд двух рабочих составляет всего 24 часа. Таким образом, в применении машин для производства прибавочной стоимости заключается то имманентное противоречие, что из двух факторов прибавочной стоимости, доставляемой капиталом данной величины, машины увеличивают один фактор, норму прибавочной стоимости, только таким способом, что они уменьшают другой фактор, число рабочих. Это имманентное противоречие обнаруживается, как только с всеобщим распространением машины в данной отрасли промышленности стоимость производимого машинами товара становится регулирующей общественной стоимостью всех товаров этого рода; и именно это противоречие, которого не сознает капиталист *, опять-таки побуждает капитал к крайнему удлинению рабочего дня, чтобы компенсировать относительное уменьшение числа эксплуатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда.

Итак, капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и характер общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — избыточное рабочее население **, вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то примечательное явление в истории современной промышленности, что машина опрокидывает все моральные и естественные пределы рабочего дня. Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости.

«Если бы», — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — «если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять предназначенную ему работу подобно тому, как творения Дедала двигались сами собой или как треножки Гефеста по

* Почему это имманентное противоречие не доходит до сознания отдельного капиталиста, а потому и политической экономии, находящейся во власти его представлений, это мы увидим из первых отделов третьей книги.

** Одна из великих заслуг Рикардо заключается в том, что он видел в машинах не только средство производства товаров, но и средство производства «избыточного населения».

собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким же образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов» *.

И Антипатр, греческий поэт времен Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века! ** «Язычники! О, эти язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак-Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедовать рабство масс для превращения немногих грубых и полубразованных выскочек в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников» и «влиятельных торговцев ваксой», — для этого им недоставало специфических христианских чувств.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 418—420

Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения! А так как машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; так как сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т. д., то буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машины самой по себе как нельзя убедительнее доказывает, что все эти очевидные противоречия суть просто внешняя видимость банальной действительности, сами же по себе, а потому и в теории они вовсе не существуют. Таким образом он избавляет себя от всякого дальнейшего ломания головы и кроме того приписывает своему противнику такую глупость, будто он борется не против капиталистического применения машины, а против самой машины.

Конечно, буржуазный экономист вовсе не отрицает, что при этом получают и временные неприятности; но ведь у всякой медали есть своя обратная сторона! Для него немислимо иное использование машины, кроме капиталистического. Следовательно, эксплуатация рабочего при посредстве машины для него тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса! *** Совершенно в духе знаменитого головореза

* F. Biese. «Die Philosophie des Aristoteles». Zweiter Band. Berlin, 1842. S. 408.

** Привожу здесь эти стихи в переводе Штольберга¹³, потому что они, подобно приведенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противоположность между античными и современными воззрениями:

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой»
(«Gedichte aus dem Griechischen übersetzt von
Christian Graf zu Stolberg». Hamburg, 1782).

*** Одним из виртуозов в этом самонадеянном кретицизме является, между прочим, Мак-Куллох. «Если выгодно», — говорит он с аффектированной наивностью 8-летнего ребенка, — «все более и более развивать искусство рабочего, так чтобы он был способен производить все увеличивающееся количество товаров при прежнем или меньшем количестве труда, то должно быть не менее выгодно, чтобы он пользовался помощью таких машин, которые наиболее эффективным образом содействуют ему в достижении этого результата» (MacCulloch. «Principles of Political Economy». Edinburgh, 1830, p. 166).

Билла Сайкса: «Господа присяжные, конечно, этим коммивояжерам горло было перерезано. Но это — не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление ножа? Подумайте-ка хорошенько! Что было бы с земледелием и ремеслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не служит ли орудием науки в руках анатома? А потом — не желанный ли это помощник за праздничным столом? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад к глубочайшему варварству»*.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 451—452

С развитием фабрики и сопровождающим это развитие переворотом в земледелии не только расширяются размеры производства во всех других отраслях промышленности, но вместе с тем изменяется и их характер. Принцип машинного производства — разлагать процесс производства на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т. д., короче говоря, естественных наук, — повсюду становится определяющим. Поэтому машины проникают в мануфактуры, где они находят применение то для одного, то для другого частичного процесса. Тем самым прочный, откristаллизовавшийся строй мануфактуры, возникший из старого разделения труда, разлагается и открывает дорогу непрекращающимся переменам. Да и помимо того в составе совокупного рабочего или комбинированного рабочего персонала совершается коренной переворот. В противоположность мануфактурному периоду, план разделения труда основывается теперь на применении женского труда, труда детей всех возрастов, необученных рабочих, где это только возможно, — короче говоря, на применении «cheap labour», дешевого труда, по характерному английскому выражению. Это относится не только ко всякого рода комбинированному в крупном масштабе производству, применяет ли оно машины или нет, но и к так называемой домашней промышленности, независимо от того, занимаются ли ею рабочие в своих частных квартирах или же в мелких мастерских. Эта так называемая современная домашняя промышленность кроме названия не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она превратилась во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения. Кроме фабричных рабочих, мануфактурных рабочих и ремесленников, которых капитал пространственно концентрирует большими массами и которыми он командует непосредственно, он с помощью невидимых нитей приводит в движение целую армию домашних рабочих, рассеянных в больших городах и в деревне. Пример: фабрика рубашек гг. Тилли в Лондондерри, в Ирландии, с 1000 фабричных рабочих и 9000 домашних рабочих, рассеянных в деревне**.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 471—472

В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки, исходит

* «Изобретатель прядильной машины разорил Индию, что, впрочем, мало нас трогает» (A. Thiers. «De la Propriété». [Paris, 1848, p. 275]). Г-н Тьер смешивает здесь прядильную машину с механическим ткацким станком, «что, впрочем, мало нас трогает».

** «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. LXVIII, № 415.

от крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения *. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 514—515

Закон, согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятости, тем ненадежнее, следовательно, необходимое условие их существования: продажа собственной силы для умножения чужого богатства, или для самовозрастания капитала.

... При капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила; делают отвратительными условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под Джаггернаутову колесницу¹⁴ капитала. Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу

* Ср. *Liebig*. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7. Aufl., 1862, в особенности «Введение в естественные законы земледелия» в первом томе. Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бессмертных заслуг Либиха. Его экскурсы в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже проливают свет на некоторые вопросы. Можно только пожалеть, что он отваживается наобум высказывать такие мнения, как следующее: «Распыление и частое вспахивание усиливают обмен воздуха внутри пористых частиц земли, увеличивают и обновляют ту их поверхность, на которую должен воздействовать воздух; но легко понять, что увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции». «Этот закон», — добавляет Либих, — «впервые следующим образом выражен Дж. Ст. Миллем в его „Principles of Political Economy“, v. 1, p. 17: „Что продукт земли caeteris paribus [при прочих равных условиях] возрастает в убывающей пропорции по сравнению с увеличением числа занятых рабочих“ (г-н Милль даже общеизвестный закон школы Рикардо повторяет здесь в неверной формулировке, так как „the decrease of the labourers employed“ [„уменьшение числа занятых рабочих“] постоянно сопровождало в Англии прогресс земледелия, и потому закон, изобретенный для Англии и в Англии, оказался бы совершенно неприменимым, по меньшей мере, в Англии), — „это — универсальный закон земледелия“. Это достойно удивления, так как для Милля оставалась неизвестной причина, лежащая в основе этого закона» (*Liebig*, цит. соч., том I, стр. 143, примечание). Не говоря уже о неправильном толковании слова «труд», под которым Либих разумеет нечто иное, чем политическая экономия, во всяком случае «достойно удивления», что он делает Дж. Ст. Милля первым провозвестником теории, которую Джемс Андерсон впервые обнаружил в эпоху А. Смита и потом повторял в различных работах до начала XIX века, которую в 1815 г. присвоил себе Мальтус, вообще мастер на плагиаты (вся его теория народонаселения представляет собой бессовестный плагиат), которую Уэст тогда же развил независимо от Андерсона, которую Рикардо в 1817 г. связал с общей теорией стоимости, которая с того времени под именем Рикардо обошла весь свет, которая в 1820 г. была вульгаризована Джемсом Миллем (отцом Дж. Ст. Милля) и которая, наконец, была повторена между прочим и г-ном Дж. Ст. Миллем как избитая школьная догма. Бесспорно, что Дж. Ст. Милль почти целиком обязан своим, во всяком случае «достойным удивления», авторитетом только подобным qui pro quo.

крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 659—660

На фабрике целесообразное использование орудий обеспечивает *машина*; следовательно, качественные различия труда, которые были развиты в мануфактуре, здесь устраняются, труд здесь все более и более *нивелируется*, различия между рабочими остаются самое большое по возрасту и полу. Разделение труда здесь сводится к *распределению рабочих между специфическими машинами*. Здесь существует только разделение между *основными рабочими*, которые заняты действительно у станка, и *feeders* * (это верно только по отношению к сельфактору, в меньшей степени к тонкопрядильной машине, еще меньше к механическому ткацкому станку); сюда надо добавить еще надсмотрщиков, инженеров, складских работников, механиков, столяров и т. п. — категории лиц, лишь внешним образом примыкающих к фабрике (стр. 411—412)¹⁵.

Необходимость приспособления рабочего к непрерывному движению автомата требует выучки с детства, но отнюдь не требует, как в мануфактуре, чтобы рабочий на всю жизнь был прикреплен к одной частичной функции. Может происходить смена лиц при одной и той же машине (система смен); ввиду легкости обучения рабочие могут перебрасываться с одного вида машин на другой. Работа подручных или весьма проста, или все более и более выполняется машиной. Тем не менее, мануфактурное разделение труда сначала продолжает влачить свое существование по традиции, а затем в свою очередь становится еще большим средством эксплуатации рабочей силы капиталом. Рабочий на всю жизнь становится частью частичной машины (стр. 413).

Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но и процесс возрастания капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, *условие труда применяет рабочего*; но только при машинном производстве это извращенное отношение приобретает технологическую *осязательную реальность*. Вследствие своего превращения в *автомат* средство труда во время самого процесса труда *противостоит рабочему как капитал*, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. То же самое относится к интеллектуальным силам процесса производства, посредством которых капитал господствует над трудом. . . Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает, как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин (стр. 414, 415).

Энгельс Ф. *Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 294—295

С расширением же товарного производства и в особенности с появлением капиталистического способа производства дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать более открыто и властно. Старые связи были расшатаны, бывшие перегородки разрушены, и производители все более и более превращались в независимых разрозненных товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу и принимала все более и более острый характер. А между тем главное орудие, с помощью которого капиталистический способ производства усиливал анархию

* — подручными. *Ред.*

в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: это была растущая организация производства как производства общественного на каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной стабильностью. Проникая в ту или иную отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия и последовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба разгоралась уже не только между местными отдельными производителями; местные схватки разрослись, в свою очередь, до размеров борьбы между нациями, до торговых войн XVII и XVIII веков¹⁶. Наконец, крупная промышленность и возникновение мирового рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время придали ей неслыханную жесточечность. В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Побежденные безжалостно устраниются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесятенной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе*.

В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг», который открыл в нем уже Фурье. Но Фурье в свое время еще не мог, конечно, видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 216—217

Весь смысл и все значение этого закона о быстрейшем возрастании средств производства в том только и состоит, что замена ручного труда машинным, — вообще прогресс техники при машинной индустрии, — требует усиленного развития производств по добыче угля и железа, этих настоящих «средств производства для средств производства»... В замене ручного труда машинным нет ничего «нелепого»: напротив, в этом и состоит вся прогрессивная работа человеческой техники. Чем выше развивается техника, тем более вытесняется ручной труд человека, заменяясь рядом все более и более сложных машин: в общем производстве страны все большее место занимают машины и необходимые для их выделки предметы*.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 100

---

* Понятно поэтому, что разделять развитие капитализма на развитие вширь и — вглубь неправильно: все развитие идет одинаково на счет разделения труда; «существенной» разницы между этими моментами нет. Действительно же существующее между ними различие сводится к разным стадиям прогресса техники. Низшие стадии развития капиталистической техники — простая кооперация и мануфактура — не знают еще производства средств производства для средств производства: оно возникает и достигает громадного развития только при высшей стадии — крупной машинной индустрии.

Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бумагопряденье, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли — производство машин, добывание каменного угля и т. д.

Ленин В. И. *Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов.* — Полн. собр. соч., т. I, с. 177

В связи с вопросом об избыточном населении стоит вопрос о значении *машин* вообще.

Эфруси усердно толкует о «блестящих замечаниях» Сисмонди насчет машин, о том, что «считать его противником технических усовершенствований несправедливо» (№ 7, с. 155), что «Сисмонди не был врагом машин и изобретений» (с. 156). «Сисмонди неоднократно подчеркивал ту мысль, что не машины и изобретения сами по себе вредны для рабочего класса, а они делаются таковыми лишь благодаря условиям современного хозяйства, при котором возрастание производительности труда не ведет ни к увеличению потребления рабочего класса, ни к сокращению рабочего времени» (с. 155).

Все эти указания вполне справедливы. И опять-таки *такая* оценка Сисмонди замечательно рельефно показывает, как народник абсолютно не сумел *понять романтика*, понять свойственную романтизму *точку зрения* на капитализм и ее радикальное отличие от точки зрения научной теории. Народник и не мог этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указания Сисмонди на противоречивый характер капиталистического употребления машин были крупным прогрессом в 1820-х годах, то в настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ее мелкобуржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

В этом отношении (т. е. в вопросе о различии учения Сисмонди от новейшей теории)* Эфруси твердо остается при своем. Он не умеет даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видел противоречие, он этим и удовлетворяется, как будто бы история не показывала самые разнородные приемы и способы критиковать противоречия капитализма. Говоря, что Сисмонди считал вредными машины не сами по себе, а вследствие их действия при данном социальном строе, Эфруси и не замечает, какая примитивная, поверхностно-сентиментальная точка зрения сказывается уже в одном этом рассуждении. Сисмонди действительно рассуждал: вредны машины или не вредны? и «решал» вопрос сентенцией: машины полезны лишь тогда, когда производство соотносится с потреблением (ср. цитаты в «Р. Б.» № 7, с. 156). После всего изложенного выше нам нет надобности доказывать здесь, что подобное «решение» есть не что иное, как подстановка мелкобуржуазной утопии на место научного анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить в том, что он не произвел такого анализа. Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками. Но мы судим здесь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сентиментальной точке зрения, а об экономисте «Р. Б.—ва», который до сих пор не понимает отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает**, что для характеристики этого отличия следовало поставить вопрос не о том, был ли Сисмонди врагом машин или нет, а о том, понимал ли Сисмонди значение машин в капиталистическом строе? понимал ли он роль машин *в этом строе*, как *фактора прогресса*? И тогда экономист «Р. Б.—ва» мог бы заметить, что с своей *мелкобуржуазной, утопической* точки зрения Сисмонди и *не мог* поставить такого вопроса и что в постановке и разрешении его и состоит отличие новой теории. Тогда Эфруси мог бы понять, что, заменяя вопрос об исторической роли машин в данном капиталистическом обществе — вопросом об условиях «выгодности» и «пользы» машин вообще, Сисмонди, естественно, приходил к учению об «опасности» капитализма и капи-

* А мы видели уже неоднократно, что Эфруси *везде* старался проводить это сравнение Сисмонди с современной теорией.

** В изданиях 1898 и 1908 гг. текст: «отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает» — отсутствует. *Ред.*

талистического употребления машин, вызвал о необходимости «задержать», «умерить», «регламентировать» рост капитализма и становился в силу этого *реакционером*. Непонимание исторической роли машин, как фактора прогресса, и составляет одну из причин, по которой новейшая теория признала учение Сисмонди *реакционным*.

Мы не будем здесь, разумеется, излагать новейшее учение (т. е. учение Маркса) о машинном производстве. Отсылаем читателя хоть к вышеназванному исследованию Н. Зибер, гл. X: «Машины и крупная промышленность» и особенно глава XI: «Разбор теории машинного производства» * . Отметим только в самых кратких чертах ее суть. Она сводится к двум пунктам: во-1-х, к историческому анализу, установившему место машинного производства в ряду других стадий развития капитализма и отношении машинной индустрии к этим предшествующим стадиям (капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуре); во-2-х, к анализу роли машин в капиталистическом хозяйстве и особенно к анализу того преобразования всех условий жизни населения, которое производит машинная индустрия. По первому пункту теория установила, что машинная индустрия есть только одна стадия (именно высшая) капиталистического производства, и показала ее возникновение из мануфактуры. По второму пункту теория установила, что машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы, но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда... разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения... дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества... Прогресс этот сопровождается, как все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 177—180

Мелкое товарное производство характеризуется совершенно примитивной, ручной техникой, которая оставалась неизменной чуть ли не с незапамятных времен. Промышленник остается крестьянином, перенимающим по традиции приемы обработки сырья. Мануфактура вводит разделение труда, вносящее существенное преобразование техники, превращающее крестьянина в мастерового, в «детального рабочего». Но ручное производство остается, и на его базисе прогресс способов производства неизбежно отличается большой медленностью. Разделение труда складывается стихийно, перенимается так же по традиции, как и крестьянская работа. Только крупная машинная индустрия вносит радикальную перемену, выбрасывает за борт ручное искусство, преобразует производство на новых, рациональных началах, систематически применяет к производству данные науки. До тех пор, пока капитализм не организовал в России крупной машинной индустрии, и в тех отраслях промышленности, в которых он еще не организовал ее, мы наблюдаем почти полный застой техники, мы видим употребление того же ручного станка, той же водяной или ветряной мельницы, которые применялись к производству века тому назад. Наоборот, в тех отраслях промышленности, которые подчинила себе фабрика, мы видим полный технический переворот и чрезвычайно быстрый прогресс способов машинного производства.

В связи с различным укладом техники мы видим различные стадии развития капитализма.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 543—544

Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе, — это противоречие не доктрины, а действительной жизни. Теория реализации Маркса именно

---

* «Сказать по правде, — говорит Зибер в начале этой главы, — излагаемое учение о машинах и о крупной индустрии представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований, что, если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу» (с. 473).

потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 78

Остановимся еще несколько на том вопросе, который «давно занимает» Струве: какова реальнонаучная ценность теории реализации?

Совершенно такая же, какова ценность всех остальных положений абстрактной теории Маркса. Если Струве смущает то обстоятельство, что «совершенная реализация есть идеал капиталистического производства, но отнюдь не его действительность», то мы напомним ему, что и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. «Мы имеем целью, — писал Маркс, — представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе». . . Теория капитала предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне расколосилось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. . . Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность.

Научная ценность теории Маркса состоит в том, что она разъяснила процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Далее, теория Маркса показала, как осуществляется то присущее капитализму противоречие, что громадный рост производства отнюдь не сопровождается соответствующим ростом народного потребления. Поэтому теория Маркса не только не восстанавливает буржуазно-апологетической теории (как это причудилось Струве), а, напротив, *дает сильнейшее оружие против апологетики*. Из этой теории следует, что *даже* при идеально гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же *кроме того* процесс реализации идет не с идеально гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр.

Далее, теория реализации Маркса дает сильнейшее оружие не только против апологетики, но и против мещански реакционной критики капитализма. Именно такую критику капитализма старались подкрепить наши народники своей ошибочной теорией реализации. Марксово же понимание реализации неизбежно ведет к признанию исторической прогрессивности капитализма (развитие средств производства, а следовательно, и производительных сил общества), не только не затушевывая этим, а, напротив, выясняя исторически преходящий характер капитализма.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 80—81

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упорченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние

полвека, причем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 68

В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство.

В передовой Европе командует поддерживающая все отсталое буржуазия. Европа является передовой в наши дни не *благодаря* буржуазии, а *вопреки* ей, ибо один только пролетариат все увеличивает миллионную рать борцов за лучшее будущее, один только сохраняет и распространяет беспощадную вражду к отсталости, дикости, привилегиям, рабству и унижению человека человеком.

В «передовой» Европе *передовым* классом является *только* пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гнущее капиталистическое рабство.

Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 166

Крупное производство неосуществимо, если сохраняются, например, ручные станки; совершенно нелепа мысль о «распаде» механической фабрики на ручные мастерские.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 101

Основное свойство капиталистического хозяйства — его неспособность заботиться о научно-правильной эксплуатации как земли, так и рабочей силы. Средством борьбы против этого являются научно-технические правила. Мы знаем, что, например, нефтяные промыслы, при сколько-нибудь неправильной или недостаточно правильной эксплуатации, подвергаются обводнению.

Ленин В. И. Доклад о концессиях [Заседание коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 173

Следовало бы сказать несколько слов о необходимости планомерной и полной электрификации всей Франции, о безусловной невозможности провести эту работу *в пользу рабочих и крестьян* без свержения власти буржуазии, без завоевания власти пролетариатом. Во французской литературе есть не мало данных о значении электрификации для Франции. Мне известно лишь, что небольшая часть этих данных приводилась в работе, произведенной по поручению нашего правительства, о плане электрификации России и что после войны техническая подготовка вопроса об электрификации сильно подвинулась во Франции.

Крайне важно, по моему мнению, и с теоретической и с практически-агитационной точки зрения, сказать в тезисах (и вообще побольше говорить в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует *электрифи-*

кации всей страны — и ряда соседних стран — по одному плану; что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство и в особенности крестьянство; что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной; во-вторых, *не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян*. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению *гнета крупных банков* и над рабочими и *над крестьянами*. Еще до войны не какой-либо «узкий марксист», а сам ныне патристически лакействующий перед капиталистами Лизис (Lysis) доказал, что Франция есть на деле *финансовая олигархия*.

Франция обладает великолепными возможностями электрификации. При победе пролетариата во Франции, от электрификации, произведенной планомерно и не считаясь с частной собственностью крупных землевладельцев и капиталистов, *гигантски* выиграет особенно *мелкое крестьянство*. При сохранении власти капиталистов неизбежно, что электрификация не будет планомерной и быстрой, а поскольку она вообще будет, она будет новой кабалой для крестьян, новым рабством крестьян, ограбляемых «финансовой олигархией».

Ленин В. И. О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 280—281

Научно-технический прогресс и основной капитал

Пока средство труда остается средством труда в собственном смысле слова, так, как оно непосредственно, исторически включено капиталом в процесс увеличения его стоимости, оно претерпевает лишь формальное изменение, заключающееся в том, что теперь оно выступает не только как средство труда со своей вещественной стороны, но, вместе с тем, как определяемый совокупным процессом капитала особенный способ его существования, — выступает как *основной капитал*.

Однако будучи включено в процесс производства капитала, средство труда проходит через различные метаморфозы, из которых последним является *машина* или, вернее, *автоматическая система машин* (система машин, являющаяся *автоматической*, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему), приводимая в движение автоматом, такой движущей силой, которая сама себя приводит в движение. Эта автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены. В машине, а еще больше — в совокупности машин, выступающей как автоматическая система, средство труда по своей потребительной стоимости, т. е. по своему вещественному бытию, переходит в существование, адекватное основному капиталу и капиталу вообще, а та форма, в которой средство труда в качестве непосредственного средства труда было включено в процесс производства капитала, уничтожается, превращаясь в форму, положенную самим капиталом и соответствующую ему.

Машина ни в каком отношении не выступает как средство труда отдельного рабочего. Ее *differentia specifica* * заключается вовсе не в том, чтобы, как это имеет место у средства труда отдельного рабочего, опосредствовать деятельность рабочего, направленную на объект; наоборот, деятельность рабочего определена таким образом, что она уже только опосредствует работу машины, ее воздействие на сырой материал — наблюдает за машиной и предохраняет ее от помех в ее работе. . .

Увеличение производительной силы труда и максимальное отрицание необходимого труда представляют собой, как мы видели **, необходимую тенденцию капитала. Осу-

* — специфическое отличие. *Ред.*

** См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 403. *Ред.*

ществлением этой тенденции является превращение средства труда в систему машин. В системе машин овеществленный труд вещественно противостоит живому труду как господствующая над ним сила и как активное подчинение его себе, не только путем присвоения живого труда, но и в самом реальном процессе производства. Отношение капитала как стоимости, присваивающей себе деятельность, создающую стоимость, вместе с тем положено в основном капитале, существующем в виде системы машин, как отношение потребительной стоимости капитала к потребительной стоимости рабочей силы.

Овеществленная в системе машин стоимость выступает, далее, как такая предпосылка, по отношению к которой создающая стоимость энергия единичной рабочей силы исчезает как бесконечно малая величина. Посредством производства в гигантском масштабе, обусловленного системой машин, в продукте также исчезает всякое отношение к непосредственной потребности производителя, а потому — к непосредственной потребительной стоимости. В той форме, в которой производится продукт, и в тех отношениях, при которых он производится, уже положено, что продукт производится только как носитель стоимости, а его потребительная стоимость выступает лишь как условие для этого. Сам овеществленный труд непосредственно выступает в системе машин не только в форме продукта или продукта, применяемого как средство труда, но в форме самой производительной силы. Развитие средства труда в систему машин не случайно для капитала, а представляет собой историческое преобразование традиционных, унаследованных средств труда, превращение их в средства труда, адекватные капиталу. Таким образом, накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала, а более определенно — как свойство *основного капитала*, коль скоро он вступает в процесс производства в качестве подлинного средства производства.

Следовательно, *система машин* выступает как наиболее адекватная форма *основного капитала*, а основной капитал, поскольку капитал рассматривается в его отношении к самому себе, — как *наиболее адекватная форма капитала вообще*. . .

Поскольку, далее, система машин развивается вместе с накоплением общественных знаний и вообще производительной силы, постольку не рабочий, а капитал выступает в качестве представителя всеобщего общественного труда. Производительная сила общества измеряется *основным капиталом*, существует в нем в предметной форме, и, наоборот, вместе с этим всеобщим прогрессом, который капитал присваивает себе бесплатно, развивается производительная сила капитала. Здесь не следует входить в рассмотрение развития системы машин во всех деталях; оно необходимо здесь только в самой общей форме, поскольку *средство труда*, превращаясь в *основной капитал*, утрачивает — со своей вещественной стороны — свою непосредственную форму и вещественно противостоит рабочему как *капитал*. Знание выступает в системе машин как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся, а живой труд выступает как подчиненный самостоятельно действующему овеществленному труду. Рабочий выступает как излишний, если только его деятельность не обусловлена потребностью [капитала] *.

[VII—1]** Итак, полное развитие капитала имеет место лишь тогда — или капитал лишь тогда создает соответствующий ему способ производства, — когда средство труда не только формально определено как *основной капитал*, но устранена его непосредственная форма и *основной капитал* противостоит труду внутри процесса производства в качестве машины, весь же процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки. Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства. Как при анализе превращения стоимости в капитал, так и при рассмотрении дальнейшего развития капитала оказывается, что капитал, с одной стороны, предполагает определенное данное историческое развитие производительных сил — среди этих

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

** В рукописи здесь помечено Марксом: «Эта тетрадь начата в конце февраля 1858 года». *Ред.*

производительных сил также и развитие науки, — а с другой стороны, гонит их вперед и форсирует их развитие.

Поэтому тот количественный объем, в котором капитал развивается в качестве основного капитала, а также действительность (интенсивность) развития капитала как основного капитала, — вообще свидетельствует о той степени, в которой капитал развит как капитал, как власть над живым трудом, и вообще о том, насколько капитал подчинил себе процесс производства. [Развитие основного капитала свидетельствует о развитии капитала в целом] также и в том отношении, что основной капитал выражает накопление овеществленных производительных сил и накопление овеществленного труда. Но если капитал приобретает свою адекватную форму в качестве потребительной стоимости внутри процесса производства только в системе машин и в других вещественных формах существования основного капитала, таких, как железные дороги и т. д. (о чем мы будем говорить впоследствии), — то это отнюдь не означает, что эта потребительная стоимость, эта система машин сама по себе является капиталом, или что ее существование в качестве системы машин тождественно с ее существованием в качестве капитала. Подобно тому как золото не лишилось бы своей потребительной стоимости золота, если бы оно перестало быть *деньгами*, так и система машин не потеряла бы своей потребительной стоимости, если бы она перестала быть капиталом. Из того обстоятельства, что система машин представляет собой наиболее адекватную форму потребительной стоимости основного капитала, вовсе не следует, что подчинение капиталистическому общественному отношению является для применения системы машин наиболее адекватным и наилучшим общественным производственным отношением. . .

Если, таким образом, с одной стороны, превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей, выступает как свойство *основного капитала* в противовес живому труду; если единичный труд как таковой вообще перестает быть производительным, а, наоборот, является производительным лишь в рамках совместного труда многих, подчиняющего себе силы природы, и это превращение непосредственного труда в общественный труд выступает как извращение единичного труда до состояния беспомощности по отношению к представленной в капитале, сконцентрированной в нем совместности, — то, с другой стороны, поддержание труда в одной отрасли производства посредством *сосуществующего труда*¹⁷ другой отрасли производства выступает теперь как свойство *оборотного капитала*.

В малом обращении * капитал авансирует рабочему заработную плату, которую рабочий обменивает на продукты, необходимые для его потребления. Полученные им деньги обладают этой силой лишь потому, что одновременно — наряду с трудом данного рабочего — имеет место другой труд; и лишь потому, что капитал присвоил себе труд данного рабочего, он может выдать рабочему в виде денег чек на чужой труд. Этот обмен собственного труда рабочего на чужой труд выступает здесь как опосредствованный и обусловленный не одновременным сосуществованием труда других рабочих, а авансом, сделанным капиталом. То обстоятельство, что рабочий во время производства может осуществить обмен веществ, необходимый для его потребления, — выступает как свойство той части *оборотного капитала*, которая переходит к рабочему, и как свойство оборотного капитала вообще. Это обстоятельство выступает не как обмен веществ между одновременно действующими рабочими силами [Arbeitskräfte], а как обмен веществ капитала, как результат того, что существует оборотный капитал.

Таким образом, все силы труда превращаются в силы капитала. В форме основного капитала выступает производительная сила труда, которая положена здесь как вне труда находящаяся и как существующая (в виде вещей) независимо от труда. А в оборотном капитале то обстоятельство, что, с одной стороны, рабочий сам предпослал себе условия повторения своего труда, а с другой стороны, обмен этого труда рабочего опосредствован сосуществующим трудом других рабочих, — выступает так, что рабочего авансирует капитал и что, с другой стороны, одновременность различных отраслей труда создается капиталом. (Оба последних определения, собственно говоря, относятся

* См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 180—186. Ред.

к накоплению). В форме оборотного капитала капитал выступает как посредник между различными рабочими.

В своем определении средств производства, наиболее адекватной формой которых является система машин, *основной капитал* создает стоимость, т. е. увеличивает стоимость продукта, только в двух отношениях: 1) поскольку он обладает *стоимостью*, т. е. сам является продуктом труда, определенным количеством труда в овеществленной форме; 2) поскольку он увеличивает отношение прибавочного труда к необходимому труду, давая труду возможность посредством увеличения его производительной силы произвести за более короткое время большее количество продуктов, необходимых для содержания живой рабочей силы. Поэтому в высшей степени абсурдной буржуазной фразой является утверждение, будто рабочий потому делится с капиталистом, что последний посредством основного капитала (который, к тому же, сам является продуктом труда и притом — *чужого труда*, только присвоенного капиталом) облегчает ему его труд (наоборот, посредством машины капиталист лишает труд рабочего какой бы то ни было самостоятельности и привлекательности) или сокращает продолжительность его труда...

Но с того момента, когда основной капитал развивался до определенной величины — а эта величина основного капитала, как было указано, является мерой развития крупной промышленности вообще и, следовательно, возрастает соответственно развитию производительных сил крупной промышленности (сам основной капитал представляет собой овеществление этих производительных сил, он есть сами эти производительные силы как предпосланный продукт), — с этого момента всякий перерыв процесса производства действует как прямое уменьшение самого капитала, его предпосланной стоимости.

Стоимость основного капитала воспроизводится лишь в той мере, в какой он потребляется в процессе производства. При неиспользовании основной капитал теряет свою потребительную стоимость без перенесения его стоимости на продукт. Поэтому чем в большем масштабе развивается основной капитал, в том смысле, в каком мы его здесь рассматриваем, тем больше *непрерывность процесса производства*, или беспрепятственное течение процесса воспроизводства, становится внешним принудительным условием способа производства, основанного на капитале.

Присвоение живого труда капиталом приобретает при машинном производстве непосредственную реальность также и в следующем смысле. С одной стороны, именно протекающий непосредственно из науки анализ и применение механических и химических законов делают машину способной выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие. Однако развитие системы машин на этом пути начинается лишь тогда, когда крупная промышленность уже достигла более высокой ступени развития и все науки поставлены на службу капиталу, а уже имеющаяся система машин сама обладает большими ресурсами. Изобретения становятся тогда особой профессией, а применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов.

Однако это не тот путь, на котором в целом возникла система машин, и еще менее тот путь, на котором она развивается в деталях. Таким путем развития системы машин является тот анализ, который посредством разделения труда все больше и больше превращает выполняемые рабочими операции в механические операции, так что на определенном этапе их место может занять механизм. (К вопросу об *экономии силы*.) Таким образом, здесь определенный способ труда прямо оказывается перенесенным с рабочего на капитал в форме машины, и в результате такого перенесения его собственная рабочая сила обесценивается. Отсюда борьба рабочих против системы машин. То, что было деятельностью живого рабочего, становится деятельностью машины...

С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, — для того чтобы соиздание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это соиздание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости.

Производительные силы и общественные отношения — и те и другие являются различными сторонами развития общественного индивида — представляются капиталу лишь средством и служат ему лишь средством для того, чтобы производить на своей ограниченной основе. Но в действительности они представляют собой материальные условия для того, чтобы взорвать эту основу...

Развитие основного капитала является показателем степени развития богатства вообще — или степени развития капитала — еще и с другой стороны. Объектом производства, непосредственно направленного на потребительную стоимость и столь же непосредственно — на меновую стоимость, является сам продукт, предназначенный для [индивидуального] потребления. Часть производства, направленная на производство основного капитала, не создает непосредственно ни предметов индивидуального потребления, ни непосредственных меновых стоимостей — по крайней мере, таких меновых стоимостей, которые могут быть непосредственно реализованы. *Таким образом, от уже достигнутого уровня производительности — от того, что для непосредственного производства достаточно части производственного времени, — зависит то, что все большая часть производственного времени затрачивается на производство средств производства.*

Для этого требуется, чтобы общество могло ждать; чтобы значительную часть уже созданного богатства оно могло изымать как из непосредственного индивидуального потребления, так и из производства, предназначенного для непосредственного индивидуального потребления, — с тем чтобы эту часть богатства употреблять на труд, *не являющийся непосредственно производительным* (в пределах самого процесса материального производства). Это требует высокого уровня уже достигнутой производительности и относительного изобилия, и притом такого уровня производительности и относительного изобилия, который был бы прямо пропорционален превращению оборотного капитала в основной капитал. Подобно тому как *величина относительного прибавочного труда зависит от производительности необходимого труда, так и величина рабочего времени — как живого, так и овеществленного, — затрачиваемого на производство основного капитала, зависит от производительности рабочего времени, прямо предназначенного для производства продуктов.*

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 11, с. 203, 205, 206—207, 208—209, 211—212, 214—216

...Производительная сила (основной капитал) придает стоимость [производимым продуктам] только потому, что стоимостью она обладает лишь постольку, поскольку сама она произведена, сама представляет собой определенное количество овеществленного рабочего времени. Но вот тут фигурируют 'еще природные факторы, например вода и, особенно, земля, недра земли и т. д., которые присвоены и, следовательно, обладают меновой стоимостью и поэтому входят как стоимости в расчет издержек производства. Одним словом, это есть привхождение земельной собственности (которая охватывает землю, недра, воду). Стоимость средств производства, не являющихся продуктом труда, сюда еще не относится, так как эти средства производства не вытекают из рассмотрения самого капитала. Для капитала они выступают прежде всего как данная, историческая предпосылка. И в качестве таковой мы их здесь и оставляем. Только видоизмененная, применительно к капиталу, форма земельной собственности — или природных факторов как величин, определяющих стоимость, — входит в рассмотренные системы буржуазной экономики. На той стадии анализа капитала, которой мы достигли, ничего не меняется от того, что земля и т. д. рассматривается как форма основного капитала.

Так как *основной капитал*, понимаемый в смысле произведенной производительной силы, в смысле агента производства, увеличивает массу потребительных стоимостей, создаваемых за определенное время, то он не может возрасти без возрастания количества обрабатываемого им сырья (в обрабатывающей промышленности. В добывающей

промышленности, например в рыболовстве, в горной промышленности, труд сводится всего лишь к преодолению препятствий, которое требуется для овладения и присвоения сырых или первичных продуктов. Здесь нет обработки сырья для производства, а наоборот, происходит присвоение существующего сырого продукта. Напротив, в земледелии сырьем является сама земля; оборотным капиталом — семена и т. д.). Применение основного капитала в более широком масштабе, таким образом, предполагает расширение той части оборотного капитала, которая состоит из сырых материалов; следовательно, вообще предполагает рост капитала. Равным образом, при этом предполагается уменьшение (относительное) той части капитала, которая обменивается на живой труд.

В форме *основного капитала* капитал также и вещественно существует не только как овеществленный труд, предназначенный служить средством для нового труда, но и как такая стоимость, потребительная стоимость которой представляет собой производство новых стоимостей. Таким образом, существование основного капитала является *κατ' ἑξοχήν* * его существованием в качестве производительного капитала. Поэтому уже достигнутая ступень развития способа производства, покоящегося на капитале — или то, насколько сам капитал уже предположен, уже предположил себя как условие своего собственного производства, — измеряется существующим объемом основного капитала; и не только его количеством, но также и качеством.

Наконец: в *основном капитале* общественная производительная сила труда дана как свойство, присущее капиталу, — и как *научная сила, и как комбинация общественных сил в процессе производства, и как умелость, перенесенная из непосредственного труда в машину, в мертвую производительную силу*. В *оборотном капитале*, напротив, в качестве *свойства капитала* выступают: обмен между различными видами труда, между различными отраслями труда, их сплетение и образование из них системы, сосуществование производительного труда.

Маркс К. *Экономические рукописи 1857—1859 годов*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 11, с. 224—225

Благодаря прогрессу промышленности средства труда обычно претерпевают постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в предприятия в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, это обстоятельство служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. С другой стороны, конкурентная борьба, в особенности во время решающих переворотов в технике, заставляет заменять старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному обновлению оборудования предприятий в широком общественном масштабе.

Износ (оставляя в стороне моральный износ) есть та часть стоимости, которую основной капитал вследствие его использования постепенно передает продукту, — передает в той средней мере, в какой он утрачивает свою потребительную стоимость.

Этот износ отчасти таков, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он должен быть целиком заменен. Для живых средств труда, например для лошадей, время воспроизводства предписано самой природой. Средняя продолжительность их жизни, как средств труда, определена законами природы. Как только истекает этот срок, использованные до конца экземпляры приходится заменять новыми. Лошадь нельзя заменять по частям, ее можно заменить только другой лошадью.

Другие элементы основного капитала допускают периодическое или частичное

* — по преимуществу. *Ред.*

обновление. Здесь следует провести разграничение между частичным или периодическим возмещением и постепенным расширением предприятия.

Основной капитал состоит отчасти из однородных составных элементов, продолжительность существования которых, однако, неодинакова и которые обновляются по частям через различные промежутки времени. Так, рельсы на станциях приходится менять чаще, чем на остальной части полотна дороги. То же самое со шпалами, которые на бельгийских железных дорогах в 40-х годах, согласно Ларднеру, приходилось обновлять ежегодно в размере 8 % и которые, следовательно, полностью обновлялись в течение $12\frac{1}{2}$ лет. Таким образом, положение здесь таково: известная суммируется на определенный вид основного капитала, например, на 10 лет. Эта затрата делается разом. Но определенная часть этого основного капитала, стоимость которой вошла в стоимость продукта и вместе с ним превратилась в деньги, каждый год возмещается *in natura*, между тем как другая часть продолжает существовать в своей первоначальной натуральной форме. Вот эта-то затрата разом и воспроизводство в натуральной форме лишь по частям и отличают этот капитал как основной от оборотного капитала.

Другие элементы основного капитала состоят из неоднородных частей, которые изнашиваются в неодинаковые сроки и потому должны возмещаться не в одно и то же время. Именно так обстоит дело с машинами. То, что мы сказали сейчас о различной продолжительности жизни различных составных частей основного капитала, это в равной мере относится и к продолжительности существования различных составных частей одной и той же машины, фигурирующей в качестве элемента этого основного капитала.

Что касается постепенного расширения предприятия в ходе частичного обновления, то мы отметим следующее. Хотя, как мы видели, основной капитал *in natura* продолжает действовать в процессе производства, часть его стоимости, определяемая средней величиной износа, обращается вместе с продуктом, превращается в деньги, составляет элемент резервного денежного фонда, который служит для возмещения капитала, когда наступает срок его воспроизводства *in natura*. Это часть стоимости основного капитала. превращенная, таким образом, в деньги, может послужить для того, чтобы расширить предприятие или произвести в машинах усовершенствования, которые повысят их эффективность. Таким образом через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом — если рассматривать его с общественной точки зрения, — воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления — не из превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый — в добавочный или в более эффективный основной капитал того же рода. Разумеется, отчасти от специфической природы данного предприятия зависит, способно ли оно и в какой мере оно способно к такому постепенному расширению; следовательно, от этой специфической природы зависит также, в каких размерах должен быть собран резервный фонд, чтобы его можно было снова вложить в то же предприятие, и в какие сроки может совершаться это вложение. С другой стороны, что касается возможности усовершенствования деталей существующих машин, то она зависит, конечно, от характера усовершенствований и от конструкции самой машины. . .

При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, с другой стороны, при постепенном расширении предприятия наблюдается много случаев нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, а все зависит от бесконечно разнообразных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Все это ведет к огромному расточению производительных сил.

Это обратное вложение капитала по частям из денежного резервного фонда (т. е. из фонда, образованного частью основного капитала, совершившей обратное превращение в деньги) легче всего осуществляется в земледелии. Здесь пространственно отграничен-

ное поле производства в наибольшей мере способно к постепенному поглощению капитала. Точно так же дело обстоит в тех случаях, когда совершается естественное воспроизводство, как, например, в животноводстве.

Основной капитал требует особых издержек на сохранение. Сохранение обеспечивается отчасти самим процессом труда; основной капитал подвергается порче, если он не функционирует в процессе труда (см. «Капитал», книга I, глава VI, стр. 196 и глава XIII, стр. 423¹⁸: износ машин, возникающий из их неупотребления). Поэтому английский закон считает прямым причинением ущерба («waste») тот случай, когда арендованные участки земли не возделываются обычным в стране способом (барристер У. А. Холдсуорт. «The Law of Landlord and Tenant». London, 1857, p. 96).

Это сохранение, возникающее из употребления в процессе труда, представляет собой безвозмездный дар природы живого труда. Такая сохраняющая сила труда имеет двоякий характер. С одной стороны, труд сохраняет стоимость материалов труда, перенеся ее на продукт; с другой стороны, поскольку он не переносит на продукт стоимость средств труда, он тем не менее сохраняет и их стоимость, сохраняя их потребительную стоимость, заставляя их функционировать в процессе производства.

Однако поддержание основного капитала в исправности требует также и прямых затрат труда. Машины необходимо время от времени чистить. Здесь речь идет о добавочном труде, без которого они сделаются непригодными к употреблению; о простом претворении тех вредных стихийных влияний, которые неотделимы от процесса производства, следовательно, речь идет о сохранении машин в состоянии работоспособности в буквальном значении этих слов. Как само собой разумеется, нормальная продолжительность жизни основного капитала определяется с учетом того, что будут выполнены те условия, при которых он может нормально функционировать в течение этого времени — совершенно так же, как, принимая, что человек живет в среднем 30 лет, предполагают, что он и моется. Следовательно, речь идет здесь не о возмещении труда, заключающегося в машине, а о постоянном добавочном труде, который становится необходимым вследствие ее употребления. Речь идет здесь не о той работе, которую совершает машина, а о том труде, который прилагается к машине и по отношению к которому она не агент производства, а сырой материал. Капитал, затрачиваемый на этот труд, — хотя этот капитал не входит в тот процесс труда, которому собственно обязан продукт своим происхождением, — относится к оборотному капиталу. В процессе производства приходится постоянно затрачивать капитал на такой труд, а потому и его стоимость должна постоянно возмещаться стоимостью продукта. Капитал, затрачиваемый на этот труд, относится к той части оборотного капитала, которая должна покрыть общие производительные издержки капиталиста и подлежит распределению на вновь созданную стоимость в соответствии с годовым средним расчетом. Мы видели¹⁹, что в собственно промышленности этот труд чистки выполняется рабочими бесплатно во время перерывов, но очень часто, — именно потому, что он выполняется бесплатно, — также и во время самого процесса производства, становясь источником большинства несчастных случаев. Этот труд не оплачивается в цене продукта. В этом смысле потребитель получает его бесплатно. С другой стороны, капиталист экономит таким образом на издержках по сохранению своих машин. Рабочий расплачивается своим собственным горбом, и в этом заключается одна из тех тайн самосохранения капитала, которые в сущности обосновывают юридическое притязание рабочего на машины и превращают его в совладельца машин даже с точки зрения буржуазного права. Однако в различных отраслях производства, где машины приходится для чистки удалять из процесса производства и потому чистка не может производиться между прочим, — так обстоит дело, например, с локомотивами, — этот труд сохранения относится к текущим издержкам, т. е. составляет элемент оборотного капитала. После, самое большее, трехдневной работы, локомотив необходимо отправить в депо и там подвергнуть его чистке; чтобы при промывке не попортить котел, его необходимо предварительно охладить. («R. С.», № 17823).

Собственно ремонт или починочные работы требуют таких затрат капитала и труда, которые не содержатся в первоначально авансированном капитале и, следовательно, не могут быть — во всяком случае не всегда могут быть — возмещены и покрыты из

такого источника, как постепенное возмещение стоимости основного капитала. Если, например, стоимость основного капитала = 10 000 ф. ст., а общая продолжительность его жизни = 10 годам, то эти 10 000 ф. ст., по истечении 10 лет целиком превращенные в деньги, возмещают лишь стоимость первоначально вложенного капитала, но не возмещают капитала или труда, вновь добавленного за это время на ремонт. Это — добавочная составная часть стоимости; она авансируется также не разом, а в зависимости от потребностей, и различные сроки ее авансирования по сути дела случайны. Всякий основной капитал требует подобных позднейших, частичных, добавочных затрат капитала на средства труда и рабочую силу.

Повреждения, которым подвержены отдельные части машин и т. д., по природе своей случайны, а потому так же случаен и обуславливаемый ими ремонт. Однако из массы этих ремонтных работ выделяются два вида, которые имеют более или менее постоянный характер и приходится на различные периоды жизни основного капитала: болезни детства и несравненно более многочисленные болезни возраста, вышедшего за пределы средней продолжительности жизни. Например, какой бы совершенной конструкции машина ни вступила в процесс производства, при ее употреблении на практике обнаруживаются недостатки, которые приходится исправлять дополнительным трудом. С другой стороны, чем больше вышла она за предел своего среднего возраста, следовательно, чем больше сказывается действие нормального изнашивания, чем больше изношен и старчески ослаб материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до конца периода средней продолжительности ее жизни; совершенно так же старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится делать больше расходов на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил. Следовательно, при всем случайном характере ремонтных работ, они распределяются неравномерно между различными периодами жизни основного капитала.

Как из этого, так и вообще из случайного характера ремонтных работ, требуемых машиной, вытекает следующее:

С одной стороны, действительная затрата рабочей силы и средств труда на ремонтные работы случайна, как случайны и сами обстоятельства, которые вызывают необходимость в этом ремонте; размеры необходимого ремонта неравномерно распределяются между различными периодами жизни основного капитала. С другой стороны, при определении средней продолжительности жизни основного капитала предполагается, что он постоянно поддерживается в рабочем состоянии — отчасти посредством чистки (сюда относятся и поддержание чистоты в помещениях), отчасти посредством ремонта, производимого каждый раз, когда это требуется. Перенесение стоимости вследствие изнашивания основного капитала рассчитывается по средней продолжительности его жизни, но эта средняя продолжительность жизни, в свою очередь, рассчитана на то, что все время будет авансироваться добавочный капитал, необходимый для содержания его в исправности.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 191—197

... В той самой мере, в какой вместе с развитием капиталистического способа производства возрастает размер стоимости и продолжительность жизни применяемого основного капитала, в такой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Если, с одной стороны, развитие основного капитала удлинит эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием капиталистического способа производства также постоянно учащаются. С этим связаны и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения вследствие морального износа, наступающего задолго до того, как они физически отживут свое

время. Можно принять, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь в среднем десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно во всяком случае следующее: этим охватываемым ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного подъема, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов*.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 207—208

С общественной точки зрения верно, что часть товарного капитала, состоящая из продуктов, которые могут служить лишь средствами труда, действительно раньше или позже будет функционировать в качестве средств труда, — если только эти средства труда не произведены вообще без всякой пользы, если они не остаются непроданными; другими словами, на основе капиталистического производства средства труда, перестав быть товарами, становятся согласно своему назначению действительными элементами основной части общественного производительного капитала.

Здесь перед нами различие, вытекающее из натуральной формы продукта.

Так, например, прядильная машина не имеет потребительной стоимости, если она не используется для прядения, т. е. не применяется как элемент производства, следовательно, с капиталистической точки зрения, не функционирует как основная составная часть какого-либо производительного капитала. Но прядильная машина подвижна. Она может быть вывезена из страны, в которой произведена, и продана в чужой стране в обмен, прямо или косвенно, на сырые материалы и т. п. или на шампанское. В стране, где она была произведена, она в таком случае функционирует только как товарный капитал, но отнюдь не функционирует — даже после ее продажи — как основной капитал.

Напротив, продукты, которые вследствие своей связи с землей прикреплены к определенному месту и потому могут быть использованы только на том же месте, например фабричные здания, железные дороги, мосты, тоннели, доки и т. д., мелиорация и т. д., — все такие продукты физические не могут быть экспортированы в том виде, в каком они существуют. Они неподвижны. Они или вовсе не находят себе применения, или, если они проданы, должны функционировать в качестве основного капитала в той стране, в которой они произведены. Для капиталистического производителя, который ради спекуляции строит фабрики или производит улучшения земельных участков с целью их продажи, эти вещи являются формой его товарного капитала, следовательно, по А. Смиту, формой оборотного капитала. Но, рассматриваемые с точки зрения всего общества, эти вещи, чтобы не остаться бесполезными, в конце концов должны функционировать в собственной стране как основной капитал, должны функционировать в процессе производства, фиксированном в месте их нахождения. Отсюда отнюдь не следует, что неподвижные вещи как таковые уже сами по себе являются основным капиталом; они, например жилые дома и т. д., могут принадлежать к фонду потребления и, таким образом, вообще не входить в состав общественного капитала, составляя, однако, элемент общественного богатства, по отношению к которому весь капитал представляет собой только часть. . .

* «Городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней; сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы». (Adam H. Müller. «Die Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809, III, S. 178). Таково наивное представление романтиков о промышленности и земледелии.

Поэтому закрепленные в данном месте, неотделимые от земли средства труда неизбежно должны по самому своему назначению функционировать как основной капитал в данной стране, хотя для своего производителя они могут функционировать как товарный капитал и не составлять элементов *его* основного капитала (последний состоит для него из средств труда, в которых он нуждается для постройки зданий, железных дорог и т. д.). Но отсюда ни в коем случае не следует обратного вывода, будто основной капитал неизбежно должен состоять из неподвижных вещей. Корабль или локомотив действуют только в движении, и все же они функционируют — не для своего производителя, а для того, кто их применяет, — как основной капитал.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 235—236, 237

Большая или меньшая степень закрепленности средств труда зависит от степени их долговечности, т. е. от их определенного физического свойства. В зависимости от степени долговечности они, при прочих равных условиях, изнашиваются быстрее или медленнее, следовательно, функционируют в качестве основного капитала более продолжительное или более короткое время. Но они функционируют в качестве основного капитала отнюдь не только вследствие одного этого физического свойства долговечности. Сырье на металлообрабатывающих заводах столь же долговечно, как и машины, при помощи которых оно обрабатывается, и долговечнее некоторых составных частей этих машин: кожи, дерева и т. п. Тем не менее металл, служащий в качестве сырья, составляет часть оборотного капитала, а функционирующее средство труда, изготовленное, быть может, из того же самого металла, составляет часть основного капитала. Таким образом, дело здесь не в физической природе вещества; не вследствие меньшей или большей подверженности износу тот же самый металл один раз помещается под рубрикой основного, другой раз — под рубрикой оборотного капитала. Напротив, это различие вытекает из той роли, которую он играет в процессе производства: в одном случае как предмет труда, в другом — как средство труда.

Функция средства труда в процессе производства требует, вообще говоря, чтобы это средство труда в течение более или менее продолжительного периода все снова и снова применялось в повторных процессах труда. Поэтому уже его функцией предписывается большая или меньшая долговечность его вещества. Но долговечность вещества, из которого оно изготовлено, сама по себе не делает его основным капиталом. То же самое вещество в качестве сырого материала становится оборотным капиталом; и у экономистов, которые смешивают различие между товарным капиталом и производительным капиталом с различием между оборотным капиталом и основным капиталом, то же самое вещество, та же самая машина в качестве продукта является оборотным капиталом, а в качестве средства труда — основным капиталом.

Но хотя основным капиталом средство труда становится не вследствие долговечности вещества, из которого оно сделано, тем не менее его роль как средства труда требует, чтобы оно состояло из сравнительно прочного материала. Следовательно, долговечность его вещества есть условие его функционирования в качестве средства труда, а вместе с тем — материальная основа того способа обращения, который делает его основным капиталом. При прочих равных условиях большая или меньшая изнашиваемость его вещества накладывает на него в большей или меньшей степени печать закрепленности и, следовательно, находится в весьма существенной связи с его качеством как основного капитала.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 248—249

...*Основной капитал* есть реальный базис, который создает себе специфически капиталистический способ производства, и эта форма капитала развивается и увеличивается в размерах (не только в форме собственно машин, но и во всех возможных формах) в той же степени, в какой развивается капиталистический способ производства. Поэтому с его развитием постоянно возрастающая часть годового продукта превращается в основной капитал, и постоянно возрастающая часть этого капитала необходима для того, чтобы возмещать потребленный в течение года основной капитал, ремонтировать его и поддерживать в исправном состоянии. Поэтому в производстве основного капитала и в производстве элементов, из которых образуется основной капитал, используется (потребляется) также постоянно возрастающая часть совокупного труда. С применением же основного капитала происходит рост производительной силы труда и, следовательно, массы продукта, производимой тем же самым количеством труда. (И часть стоимости, к которой присоединяется основной капитал, должна быть по меньшей мере равна труду, который им был бы замещен, в действительности же должна быть меньше его.)

Основной капитал представляет уже произведенные производительные силы, с которыми как с материальным базисом, предпосылкой и условием, осуществляется процесс воспроизводства.

Одновременно основной капитал представляет собой воплощение прогрессивной науки, т. е. открытие средств, с помощью которых естественные предметы и естественные процессы ставятся на службу труду.

Поэтому подобно тому как А. Смит, например, как мы видели, мистифицирует оборотный капитал, выдает его за нечто такое, что *кормит* рабочих и создает благоприятные, необходимые для них условия, так мистифицируется *основной капитал*, поскольку воплощенный в нем научный прогресс рассматривается как качество, присущее этим продуктам общественного интеллекта,

1) потому, что они есть капитал, и

2) потому, что они есть капитал в особой определенности *основного* капитала. (См., например, Лодерделя.²⁰)

Развитие основного капитала до каких-то размеров предполагает определенную, уже более или менее высокую ступень производительной силы общественного труда, так как всякий труд, который используется непосредственно для производства основного капитала, отнимается от производства непосредственных жизненных средств; точно так же, как средство производства воспроизводится в такой форме, которая в течение года не возмещает затраченные в течение того же года продукты и стоимости. Таким образом, с общественной точки зрения, необходимо иметь в распоряжении *прибавочный труд*; с одной стороны, применяемый в производстве оборотного капитала труд должен быть достаточно производительным и значительным для того, чтобы производить жизненные средства и т. д. для тех, кто занят в производстве основного капитала.

С другой стороны, производство основного капитала выступает таким образом (в то время как по своим последствиям, благодаря увеличению производительной силы труда или полному отказу от применения труда для определенных целей, оно является прогрессивным средством превращения рабочего населения в излишнее) в качестве средства всасывания излишнего труда, или обеспечения работой добавочного количества населения*, не занимая его в производстве того богатства, которое снабжает рынок жизненных средств, в том числе предметов первой необходимости для рабочих; и, следовательно, не производя избытка в этой области, избытка, который ведет к понижению цен (совершенно так же, как *внешняя торговля* и *внутреннее производство предметов роскоши* представляют собой средство придавать прибавочному продукту форму, в которой он *не* пополняет рынки предметов первой необходимости).

С развитием основного капитала возрастает 1) постоянно и непрерывность труда; 2) период воспроизводства авансированного совокупного капитала; 3) необходимость продолжать производство в определенном и постоянно расширяющемся масштабе независимо от данных рыночных условий и их временных колебаний.

---

* См. янки.

Тем самым одновременно с развитием основного капитала развивается реальный элемент *перепроизводства*.

[92] В основном капитале *капиталистический способ производства* создает себе первые свои материальные условия. Степень развития основного капитала есть поэтому показатель степени развития капиталистического способа производства, который свое *differentia specifica* *, как и все исторически составляющие эпоху ступени, выражает не столько в потребительных стоимостях продуктов, создаваемых им для потребления, сколько в *средствах производства*, ибо и инстинкт и простое наблюдение исследователей древности привели их к мысли делить доисторические эпохи сообразно *материалу* средств производства (следовательно, все-таки сообразно определенному качеству средств производства), т. е. делить их на каменную, бронзовую и железную эпохи, характеризовать эти эпохи по прогрессу и достигнутому состоянию средств производства.

Часть национального богатства, состоящая из *основного капитала*, — и в той степени, в какой этот основной капитал все больше и больше складывается как *основной капитал*, т. е. все больше и больше формирует, вырабатывает свои характерные отличия от оборотного капитала, — возмещает свою стоимость лишь постепенно, воспроизводит ее через периоды, выходящие далеко за пределы *года*, как масштаба времени воспроизводства оборотного капитала. В то время как оборотный капитал, т. е. его применение [Verwertung], основывается больше на *текущем* труде, а мы называем любой труд текущим, труде, который совершается в пределах одного года, применение основного капитала, напротив, основывается в несравненно более высокой степени на *будущем* труде, независимо от того, функционирует ли основной капитал, как, например, собственно машины, непосредственно в качестве средства труда в узком смысле, в непосредственном процессе производства, или он функционирует, как, например, здания, железная дорога, каналы и т. д., только в качестве общего условия *независимого* от него *процесса производства*.

Маркс К. [Капитал] Вторая книга. Процесс обращения капитала. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 391—394

В основном капитале представлена часть *наличного капитала* — произведенная масса производительных сил, которая в качестве наличного базиса может служить для расширения воспроизводства, расширения масштаба воспроизводства, или накопления, причем не обязательно сначала создавать сам этот базис. В этом случае лишь ускоряется оборот основного капитала, сокращается время его оборота, или время, в течение которого он потребляется. Или таким образом увеличивается лишь его годовой износ, но увеличивается не пропорционально данному масштабу производства или данной массе продуктов, а пропорционально равномерно (чаще всего ускоренно) растущей массе продуктов. Он *потребляется* в более ускоренной мере, но только потому, что он в большей мере *применяется* или вообще больше (интенсивнее или экстенсивнее) функционирует в процессе производства. Чем больше развивается капиталистический способ производства, тем больше увеличиваются размеры *основного капитала*. Тем больше, следовательно, *латентная сила*, которая, в известных пределах, допускает *расширение процесса производства* без того, чтобы расширялся сам этот базис. Если железной дорогой больше пользуются, она скорее изнашивается, однако тем больше развивается транспортная индустрия, которой служит *эта самая* наличная железная дорога. Так же обстоит дело с рабочими машинами, покупка которых ускоряется или которые продолжают функционировать в том же самом процессе труда в течение более длительного времени. Имеющийся в наличии основной капитал может, следовательно, служить базисом *весьма различных степеней* процесса воспроизводства. Это — условие, созданное самой новейшей промышленностью и допускающее большое разнообразие в экстенсивности и интенсивности процесса воспроизводства; и чем больше развит

* — специфическое отличие. Ред.

капиталистический способ производства, тем больше эта *латентная сила*, или этот *наличный капитал*, могущий служить воспроизводству в расширенном масштабе.

Если подумать, какую весьма значительную роль играет основной капитал (в виде машин, кораблей и т. д.) в *добывающей промышленности* (горнорудной промышленности, угольной промышленности, рыболовстве, лесозаготовках и т. д.), следовательно, как раз в тех сферах производства, которые доставляют эти важнейшие сырые материалы (металлы, дерево) и вспомогательные материалы (уголь и т. д.) для производства *дополнительного* основного капитала, особенно также машин, тогда становится само собой разумеющимся, в какой значительной степени уже существующий масштаб его развития облегчает, стимулирует производство *дополнительного* основного капитала, т. е. этой части *накопления* или воспроизводства в расширенном масштабе. Совершенно абстрагируясь от того упомянутого выше момента, что уже *существующий* основной капитал, в форме строений, рабочих машин, средств транспорта и связи, способен функционировать в качестве элемента расширяющегося процесса производства.

Кроме этой *способности* основного капитала к *расширению* и его действия в качестве элемента производства сюда относилось бы то, что с непрерывными успехами науки и ее применением часть основного капитала, подлежащая постоянному или ежегодному возмещению, воспроизводится в *более производительных* формах; так что его простое *воспроизводство* связано с постоянным расширением его производительной силы (это относится по крайней мере к одной его части). Это относится, как первый момент, не к тому, что в виде основного капитала имеется налицо *известный фонд*, который потребляется быстрее или медленнее, который, следовательно, может служить производству большего или меньшего масштаба, а к *росту производительной силы* основного капитала, или, скорее, производительной силы труда, которому он содействует.

Однако это *развитие производительной силы* является одним из решающих моментов накопления или воспроизводства в расширенном масштабе.

[135] Наряду с *основным капиталом (земледелия)* мы здесь не касаемся, хотя оно в действительности является значительным элементом при рассмотрении изменений в ходе процесса расширенного воспроизводства) существует другое главное условие производства, уже произведенная производительная сила, которая может быть применена и использована в *различной, экстенсивной или интенсивной, степени*, имеющаяся налицо *рабочая сила*. (Мы здесь оставляем в стороне естественный *природ* населения, который одновременно представляет собой *природную* основу накопления; превращение непроизводительных рабочих в производительных, включение ранее *не работавшей* части населения в число работающих и т. д.) Она может использоваться экстенсивно или интенсивно, в большей или меньшей степени; относительно избыточное население, постоянно производимое капиталистическим способом производства, может быть реализовано в большей или меньшей степени; при данной продолжительности и интенсивности рабочего дня занятость может быть более или менее полной; в действительности работают большее или меньшее количество дней в неделю и т. д., в зависимости от условий рынка. *Данная рабочая сила* — элемент, на который обменивается *переменный капитал*, обмен, образующий базис капиталистического способа производства — может, следовательно, эксплуатироваться в различной степени и образует, таким образом, удлиняющийся или сокращающийся переменный базис процесса производства, а поэтому также процесса воспроизводства, ditto * *процесса расширенного воспроизводства* или накопления. Если не вся имеющаяся в наличии рабочая сила используется до крайних пределов, то всегда возможно ее применение в большей или меньшей степени.

Таким образом, хотя *основной капитал* и *рабочая сила* являются величинами данными (*стоимость последней* равна стоимости *авансированного переменного капитала*), тем не менее они являются в то же время величинами *переменными*, если иметь в виду их способность функционировать в процессе производства. Они могут служить в качестве базиса более узкого и более широкого производства. В этом *переменном* характере их способности действовать *накопление* обладает естественным базисом (что одновременно

* — также. *Ред.*

опровергает представление об абсолютном *постоянстве* наличного *более производительного капитала*). . .

Если совершенно оставить в стороне процесс накопления или *расширение* процесса воспроизводства, то имеющийся основной капитал, подлежащий годовому возмещению, — как это обнаруживается, например, при постепенном введении усовершенствований, — воспроизводится, возмещается в *более производительных* формах, или, как в земледелии, последовательно вводятся в процесс воспроизводства вообще усовершенствованные методы, как, например, лучшие севообороты и т. д. И все это происходит постоянно в *большем или меньшем* масштабе; количественные границы весьма эластичны. Данное количество рабочей силы и капитала, если рассматривать страну в целом, применяется вообще при постоянно меняющихся условиях, большей или меньшей целесообразности, экономии, и при меняющемся уровне производительных сил, хотя изменения более заметны, то в одной сфере производства, то в другой; то в одной местности (например, в земледельческой), то в другой; захватывают то один, то другой отдельный капитал внутри одной и той же сферы производства или осуществляются постепенно всюду. Это изменение является непрерывным, происходит на базе капиталистического производства и является более действенным принципом (осуществляемым в той же степени, которой уже достигло в своем развитии капиталистическое производство).

Хотя поэтому в данный момент количество фактически применяемого капитала и труда представляет собой данную величину, или может рассматриваться как *постоянная* величина, тем не менее оно 1) по своей *латентной способности к применению* — или по *объему своего применения*, в определенных границах — является переменной величиной, так как существующий *основной капитал*, *стоимость* которого, как и он *сам* (как вещь) величина *постоянная, данная*, в зависимости от его *применения* может увеличиться (будь то в результате удлинения процесса труда или в результате большей интенсивности этого процесса), *прежде чем* увеличится *он сам*. (Если машина работает в два раза быстрее, то она быстрее потребляется; ее время воспроизводства сокращается; однако она действует как вдвое большее количество машин, действующих вдвое медленнее.) *Одно и то же количество основного капитала* — в качестве действительного фактора процесса производства — может, *в зависимости от условий применения*, действовать в весьма различном объеме, представлять весьма *различные количества основного капитала*, хотя он сам представляет собой данную постоянную величину, капитал данного размера. Но поскольку одна и та же *рабочая сила*, на которую обменивается переменный [136] капитал, может доставлять *весьма различные количества труда*, то основной капитал может функционировать в весьма различном объеме в качестве действительного фактора процесса воспроизводства.

2) Если эта переменная масса основного капитала и рабочей силы, изменяющаяся в зависимости от *ее способности к применению*, применяется при постоянно меняющихся условиях — quo ad * и в отношении производительности труда, — то постоянно меняется величина ее *производительности*. . .

Основной капитал, хотя его стоимость является данным количеством, представляет собой *переменное* количество, поскольку речь идет о степени его фактического применения и поскольку продолжается фактическое сохранение его стоимости в течение определенного времени, скажем, года; *рабочая сила* (не говоря о ее постоянном возрастании и несмотря на то, что она рассматривается как величина данная и поэтому *постоянная*, стоимость которой определяется стоимостью переменного авансированного капитала) представляет собой *переменную* величину, если иметь в виду степень ее фактического сохранения в течение года.

Технологическое применение науки (если не говорить о его непрерывном развитии, если принимать во внимание только фактическую степень его развития и не рассматривать его как данную или постоянную величину) может быть различным, более или менее всеобщим, в меняющихся пределах; и то же самое остается верным в отношении всех *производительных сил* труда, посредством которых одно и то же количество капитала и труда может воспроизводить товары; наконец, *время обращения* одного и того же

* — то же. *Ред.*

авансированного капитала может меняться в весьма широких пределах, по сравнению со средними пределами, для всякого оборотного капитала, который оборачивается различное число раз в год, и даже там, где имеют дело с продуктами земли, где воспроизводство осуществляется в его естественных пределах; оно может в известных пределах запаздывать или опережать сроки (в зависимости от времени года), и когда к делу присоединяются внешние коммерческие обстоятельства, и в той же степени, в какой расширяется мировой рынок, даже возвращение этих продуктов может быть более или менее ускорено отчасти путем их импорта из-за границы.

Маркс К. [Капитал] Вторая книга. Процесс обращения капитала. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 466—468, 469—470, 471

... При капиталистическом способе производства необходимый *резервный фонд* для воспроизводства самого капитала в прежнем масштабе должен увеличиваться, поскольку вследствие применения колоссальных сил природы и т. д., и появления производства, покоящегося на связи с мировым рынком, чрезвычайно возрастает опасность уничтожения существующего капитала; кроме того, совершенно неизвестный при прежних способах производства резервный фонд становится необходимым вследствие постоянных переворотов в способе производства, [140] принуждающих к постоянному расширению масштаба производства, с одной стороны, к постоянной замене еще не изношенных средств производства более новыми и лучшими, с другой, и это как закон, подчиняющий себе каждого отдельного капиталиста;

5) потому что движущие силы капитализма развиваются полностью только на базе самого этого способа производства;

6) наконец, потому что *средства*, которые должны реализовать эти движущие силы, развиваются здесь полностью лишь с развитием производительных сил труда, средств, позволяющих держать на рынке больше товарные капиталы в форме запасов, с расширением самих рынков, с переплетением производства всех народов, с постоянным приумножением отраслей производства, с развитием основного капитала во всех формах, с созданием условий для того, чтобы избыточный капитал, произведенный в одной сфере, мог легко функционировать в другой (вообще капитализировать накопления).

Следовательно, в том же отношении, в каком капиталистический способ производства развивается в стране, в этом же отношении увеличиваются необходимость накопления, стремление к накоплению и средства для его реализации, или для производства *нового капитала*; или *постоянное перепроизводство* (в том смысле, в каком мы рассматривали его до сих пор) в *непрерывно расширяющемся масштабе* становится *имманентным моментом процесса воспроизводства*.

В дополнение необходимо заметить еще следующее. Добавочный постоянный капитал, как и добавочный переменный капитал, представляет лишь вновь присоединенный труд. Однако для того, чтобы привести его в движение, в качестве базиса служит старый капитал в форме основного капитала (как это было изложено в предыдущем параграфе). Чем больше этот основной капитал, тем легче производить новые машины, строения, вспомогательные материалы и т. д. Часть добавочного капитала — в той мере, в какой она при посредстве старых рабочих машин и орудий не может быть превращена в продукт, а требует сначала создания добавочного основного капитала — вкладывается, следовательно, прежде всего в те отрасли производства, в которых старый основной капитал, машины, производящие машины и т. д., может войти в качестве элемента производства.

Маркс К. [Капитал] Вторая книга. Процесс обращения капитала. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 477—479

...Обратимся к Марксу. Существенными признаками капитализма, по его учению, являются (1) товарное производство, как *общая* форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организациях, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма (2) — принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека. . . Несомненно, что противопоставление русских порядков капитализму, основанное на технической отсталости нашего народного хозяйства, на преобладании ручного производства и т. п., и так часто приводимое народниками, — совершенно нелепо, ибо капитализм существует и при низкой и при высоко развитой технике, и Маркс много раз подчеркивает в «Капитале», что капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически. Несомненно, что немецкая Hausindustrie, русская «домашняя система крупного производства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присваивает себе сверхстоимость. Несомненно, что любимое народническое противопоставление западноевропейскому капитализму русского «владельческого землей» крестьянства показывает тоже только непонимание того, что такое капитализм. . . Индустриальный капитализм. . . сначала является технически совершенно примитивным и ничем не отличается от старых систем производства, затем организует мануфактуру, — которая все еще основывается на ручном труде, поконит на преобладающих кустарных промыслах, не нарушая связи наемного рабочего с землей, — и завершает развитие крупной машинной индустрией. Только последняя, высшая стадия представляет кульминационную точку развития капитализма, *только она* создает совершенно экспропрированного, свободного, как птица, рабочего *, *только она* порождает (и в материальном и в социальном отношении) то «объединяющее значение» капитализма, которое народники привыкли связывать с капитализмом вообще, *только она* противопоставляет капитализму его «кровное детище».

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 458, 459—460

Наши добрые народники и не пытались исследовать происхождение этих скупщиков, их преемственную связь с владельцами небольших мастерских, их роль как организаторов закупки сырья и сбыта продукта, роль их капитала, концентрирующего средства производства, собирающего воедино массы раздробленных мелких кустарей, вводящего разделение труда и подготавливающего элементы тоже крупного, но уже машинного производства. Добрые народники ограничивались нытьем и сетованием об этом «печальном», «искусственном» и пр. и пр. явлении, утешались тем, что это «капитализация» не производства, а «только» менового процесса, разговаривали сладенькие разговоры об «иных путях для отечества», — а в это время «искусственные» и «беспочвенные» «кулаки» шли себе да шли своим старым путем, продолжали концентрировать капитал, «собирают» средства производства и производителей, расширять размер закупки сырья, углублять разделения производства на отдельные операции (снование, тканье, окраска, отделка и т. п.) и преобразовывать раздробленную, технически отсталую, основанную на ручном труде и кабале *капиталистическую мануфактуру в капиталистическую машинную индустрию*.

Совершенно такой же процесс происходит теперь в массе наших так называемых «кустарных» промыслов, и народники так же точно отворачиваются от исследования действительности в ее развитии, так же точно заменяют вопрос о происхождении данных отношений и эволюции их вопросом о том, что могло *бы* быть (если *бы* не было того, что

---

* Народники всегда изображают дело так, что обезземеленный рабочий — необходимое условие капитализма вообще, а не только машинной индустрии.

есть), так же точно утешают себя тем, что это пока «только» скупщики, так же точно идеализируют и подкрашивают самые худшие виды капитализма, худшие и в смысле технической отсталости и экономического несовершенства и социального и культурного положения трудящихся масс.

Ленин В. И. Кустарная перепись в Пермской губернии. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 387—388

Научно-технический прогресс и концентрация и централизация производства

... Мы уже показали, каким образом промышленность централизует собственность в руках немногих. Она требует крупных капиталов, при помощи которых создает колоссальные предприятия, разоряя этим ремесленную мелкую буржуазию, и подчиняет себе силы природы, вытесняя с рынка ремесленника-одиночку. Разделение труда, использование силы воды и в особенности силы пара, применение машин — вот те три великих рычага, при помощи которых промышленность с середины XVIII века расширяет устои старого мира. Мелкая промышленность создала буржуазию, крупная создала рабочий класс и возвела немногих избранных из рядов буржуазии на трон, но только затем, чтобы тем вернее когда-нибудь их низвергнуть. Пока же остается неоспоримым и легко объяснимым тот факт, что многочисленная мелкая буржуазия «доброе старого времени» была уничтожена промышленностью и выделила из своей среды богатых капиталистов, с одной стороны, и бедных рабочих — с другой*.

Но централизующая тенденция промышленности этим не ограничивается. Население так же централизуется, как и капитал; и это вполне естественно, ведь в промышленности человек, рабочий, рассматривается лишь как своего рода капитал, который сам себя предоставляет в пользование фабриканту, за что тот платит ему проценты под названием заработной платы. Крупное промышленное предприятие требует совместного труда многих рабочих в одном помещении; эти рабочие должны жить поблизости: даже при небольшой фабрике они образуют целый поселок. У них есть известные потребности, для удовлетворения которых нужны еще люди: ремесленники, портные, сапожники, пекари, каменщики, столяры селятся тут же. Население поселка, в особенности молодое поколение, приучается к работе на фабрике, свыкается с ней; когда первая фабрика уже не может, что вполне естественно, обеспечить работой всех желающих, заработная плата падает, и результатом является обоснование в данной местности новых фабрикантов. Так поселок превращается в городок, а городок в большой город. Чем больше город, тем выгоднее в нем обосноваться: тут и железная дорога, и каналы, и шоссе; выбор обученных рабочих становится все больше; благодаря конкуренции в строительном деле и в производстве машин организация новых предприятий тут, где все под рукой, обходится дешевле, чем в более отдаленных местностях, куда нужно предварительно доставить не только строительный материал и машины, но и строительных и фабричных рабочих; тут рынок, биржа, где встречаются покупатели; тут есть непосредственная связь с рынками сырья и сбыта готовых товаров. Этим обусловливается поразительно быстрый рост больших фабричных городов. — Правда, деревня, в свою очередь, имеет перед городом то преимущество, что там обычно можно дешевле нанять рабочих. Таким образом, конкуренция между деревней и фабричным городом не прекращается, и если сегодня преимущество на стороне города, то завтра заработная плата в деревне упадет настолько низко, что станет более выгодным строить новые фабрики в деревне. Но централизующая тенденция промышленности остается при этом в полной силе, и каждая новая фабрика, построенная

* Ср. мон «Наброски к критике политической экономии» в «Deutsch-Französische Jahrbücher»²¹. В этой работе речь идет о «свободной конкуренции», но промышленность есть лишь практика свободной конкуренции, а эта последняя — лишь принцип промышленности.

в деревне, носит в себе зародыш фабричного города. Если бы эта бешеная гонка промышленности могла так продолжаться еще сотню лет, каждый из промышленных округов Англии превратился бы в один громадный фабричный город, и Манчестер и Ливерпуль встретились бы где-нибудь возле Уоррингтона или Ньютона. Эта централизация населения идет тем же путем и в торговле, и потому несколько больших гаваней, как Ливерпуль, Бристоль, Гулль и Лондон, монополизируют почти всю морскую торговлю Великобритании.

Так как в этих больших городах промышленность и торговля наиболее развиты, то последствия этого развития по отношению к пролетариату здесь наиболее ясно выступают наружу. Здесь централизация собственности достигает своего апогея; здесь нравы и отношения доброго старого времени наиболее радикально уничтожены; здесь дело зашло так далеко, что слова «Old merry England» * уже никому ничего не говорят, потому что о «Old England» никто уже не знает даже по воспоминаниям из рассказов стариков. Здесь имеется только класс богатых и класс бедных, ибо мелкая буржуазия с каждым днем все более исчезает. Мелкая буржуазия, этот некогда наиболее устойчивый класс, стала теперь классом наиболее подвижным; она состоит еще из немногих обломков прошлой эпохи и из людей, жаждущих обогатиться, в полном смысле слова рыцарей наживы и спекуляции, из которых один, быть может, и разбогатеет там, где девяносто девять обанкротились, причем из этих девяносто девяти более половины существует только банкротством.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 261—262

Рост производительного капитала означает также накопление и концентрацию капиталов. Следствием централизации капиталов является большее разделение труда и более широкое применение машин. Более развитое разделение труда сводит на нет профессиональное искусство рабочего, ставя на место этого искусства работу, которую может выполнить каждый, и увеличивая тем самым конкуренцию между рабочими.

Эта конкуренция становится тем более сильной, что разделение труда дает возможность одному рабочему выполнять работу троих. Применение машин приводит к тому же результату, и притом в гораздо большем масштабе. Рост производительного капитала заставляет промышленных капиталистов вести дело, непрерывно увеличивая средства производства, и этим разоряет мелких предпринимателей, отбрасывая их в ряды пролетариата. Далее, так как по мере накопления капиталов понижается норма процента, то мелкие рантье, которые не могут больше прожить на свою ренту, вынуждены пускаться в предпринимательство, чтобы в дальнейшем увеличить число пролетариев.

Наконец, по мере роста производительного капитала для него все больше становится необходимым производить для такого рынка, потребности которого ему не известны, производство все больше опережает потребление, предложение все больше стремится увеличить спрос, и вследствие всего этого кризисы происходят все чаще и становятся все интенсивнее. Но каждый кризис, со своей стороны, ускоряет централизацию капиталов и увеличивает ряды пролетариата.

Маркс К. Речь о свободе торговли. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 411—412

Если *концентрация* средств производства в руках относительно небольшого числа лиц — по сравнению с работающей массой — вообще представляет собой условие и предпосылку капиталистического производства, так как без нее средства производства не были бы отделены от производителей, а последние, в результате этого, не превратились бы в наемных рабочих, — то эта концентрация является также и технологическим условием для развития капиталистического способа производства,

* — «Добрая старая Англия». Ред.

а вместе с ним — общественной производительной силы. Короче говоря, она является *материальным* условием для производства в крупном масштабе.

[11—93] Посредством концентрации развивается *совместный* труд — ассоциация, разделение труда, применение машин, науки и сил природы. Однако с этим связан еще один момент, который следует рассмотреть лишь при анализе *нормы прибыли*, а не *прибавочной стоимости*: концентрация рабочих и средств труда на небольшом пространстве и т. д., экономия энергии, совместное использование большим количеством рабочих таких средств труда (например, строений и т. д., отопления и т. д.), издержки на которые не возрастают в той же самой пропорции, в какой увеличивается число обслуживаемых ими рабочих, наконец также экономия труда и *faux frais of production**. В частности, это обнаруживается также и в сельском хозяйстве:

Благодаря прогрессу земледелия «все то, — а быть может, и еще более значительное, — количество капитала и труда, которое употреблялось некогда для поверхностной обработки 500 акров, теперь концентрируется для более основательного возделывания 100 акров» (R. Jones. An Essay on the Distribution of Wealth etc. Part I: Rent. London, 1831, стр. 191) [Русский перевод, стр. 131].

«Затраты на то, чтобы вырастить 24 бушеля зерна на одном акре, теперь меньше тех, которые были нужны, чтобы вырастить 24 бушеля на 2 акрах; *более концентрированное пространство*»

{эта *концентрация пространства* важна также и в промышленности. Но еще важнее здесь применение совместно используемого двигателя и т. д. Несмотря на то что в земледелии пространство является концентрированным по отношению к количеству применяемого капитала и труда, оно представляет собой более широкую сферу производства по сравнению с той сферой производства, которую ранее арендовал или обрабатывал отдельный, самостоятельный агент производства. Эта сфера превосходит прежнюю в абсолютном выражении.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 186—187

... Уже при рассмотрении относительной прибавочной стоимости непременно следует констатировать тот выявляющийся здесь результат, что *развитие производительных сил* [труда], обуславливающее увеличение относительной прибавочной стоимости, предполагает или влечет за собой два обстоятельства:

1) *Концентрацию капитала*, т. е. абсолютное увеличение той массы стоимости, которая должна находиться в руках отдельного капиталиста; ибо здесь предполагается производство в *крупном масштабе*. Имеет место, следовательно, возрастание *совокупных масс капитала*, выступающих как собственность отдельных капиталистов. Эти массы капитала должны, стало быть, концентрироваться в руках отдельных лиц.

2) Одновременно с тем, как абсолютные *массы капитала* увеличиваются в руках отдельного капиталиста и по своим размерам приобретают характер *общественного* капитала, происходит изменение в строении капиталов. Переменный капитал относительно уменьшается по сравнению с постоянным капиталом и образует все более уменьшающуюся составную часть совокупного капитала.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 534

... С развитием общественной производительной силы труда еще быстрее возрастает масса производимых потребительных стоимостей, часть которых составляют средства производства. А количество добавочного труда, путем присвоения которого это добавочное богатство может быть снова превращено в капитал, зависит не от стоимости, а от массы этих средств производства (включая и жизненные средства),

* — непроизводительных издержек производства. *Ред.*

так как в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства. Однако само накопление и сопровождающая его концентрация капитала сами являются материальным средством увеличения производительности силы. Но это возрастание средств производства предполагает возрастание численности рабочего населения, создание населения рабочих, соответствующего добавочному капиталу и даже в общем и целом постоянно превышающего его потребности, следовательно, предполагает перенаселение рабочих. Временный избыток добавочного капитала сравнительно с рабочим населением, находящимся под его командой, может оказывать двойное влияние. С одной стороны, он может постепенно увеличивать рабочее население путем повышения заработной платы, т. е. путем смягчения губительных влияний, сокращающих прирост рабочих, и облегчением браков. А с другой стороны, посредством применения методов, создающих относительную прибавочную стоимость (введение и усовершенствование машин), он может еще быстрее создавать искусственное относительное перенаселение, которое, в свою очередь, — так как при капиталистическом производстве нищета порождает население, — служит теплицей для действительно быстрого увеличения численности населения. Поэтому из природы капиталистического процесса накопления, который составляет лишь момент в капиталистическом процессе производства, само собой следует, что возросшая масса средств производства, предназначенных к превращению в капитал, всегда находит в наличии соответственно увеличившееся и даже избыточное рабочее население, пригодное для эксплуатации. Следовательно, с развитием процесса производства и накопления необходимо *должна* возрастать масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому *должна* возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом. Но те же законы производства и накопления вместе с увеличением массы постоянного капитала обуславливают в возрастающей прогрессии увеличение его стоимости более быстрое, чем увеличение стоимости переменной части капитала, обмениваемой на живой труд. . .

Ход развития капиталистического производства и накопления обуславливает то обстоятельство, что процесс труда совершается во все возрастающем масштабе, а это, в свою очередь, обуславливает увеличение авансирований капитала на каждое отдельное предприятие. Поэтому возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов. Рука об руку и во взаимодействии с этим совершается прогрессирующая экспроприация более или менее непосредственных производителей. Таким образом в отношении отдельных капиталистов понятно, что они командуют все большими рабочими армиями (как бы относительно ни уменьшался их переменный капитал по сравнению с постоянным), что масса присваиваемой ими прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, возрастает одновременно с понижением нормы прибыли и несмотря на такое понижение. Именно те самые причины, в силу которых происходит концентрация массы рабочих армий под командой отдельных капиталистов, приводят также и к увеличению массы применяемого основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, относительно более быстрому и значительному, чем увеличение массы применяемого живого труда.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 239—240

Всякий индивидуальный капитал есть большая или меньшая концентрация средств производства и соответствующее командование над большей или меньшей армией рабочих. Всякое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов произ-

водства. Возрастание общественного капитала совершается благодаря росту многих индивидуальных капиталов. При прочих равных условиях индивидуальные капиталы, а вместе с ними концентрация средств производства возрастают в пропорции, соответствующей той доле, какую каждый из них образует от всего общественного капитала. В то же время от первоначальных капиталов отделяются отпрыски и начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. Крупную роль играет при этом, между прочим, раздел состояний в семьях капиталистов. Поэтому с накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов. Два обстоятельства характеризуют концентрацию этого рода, непосредственно покоящуюся на накоплении или даже тождественную с ним. Во-первых: рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничен степенью возрастания общественного богатства. Во-вторых: часть общественного капитала, вложенная в каждую отдельную сферу производства, делится между многими капиталистами, которые противостоят один другому как независимые и конкурирующие друг с другом товаропроизводители. Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому, если, с одной стороны, накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов.

Этому дроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом. Это — концентрация уже образовавшихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно арена его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь капитал сосредоточивается в огромных массах в одних руках потому, что там он исчезает из многих других рук. Это — собственно централизация в отличие от накопления и концентрации.

Законы этой централизации капиталов, или притяжения капитала капиталом, не могут быть развиты здесь. Достаточно будет кратких фактических указаний. Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] от производительности труда, а последняя — от масштаба производства. Поэтому меньшие капиталы побиваются большими. Вспомним далее, что с развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для введения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают. Кроме того, вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит; вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит — эти два наиболее мощных рычага централизации. Наряду с этим прогресс накопления увеличивает материал для централизации,

т. е. индивидуальные капиталы, между тем как расширение капиталистического производства создает, с одной стороны, общественную потребность, а с другой стороны — технические средства для тех громадных промышленных предприятий, осуществление которых связано с предшествующей централизацией капитала. Поэтому в настоящее время взаимное притяжение отдельных капиталов и тенденция к централизации сильнее, чем когда бы то ни было раньше. Но хотя относительная широта и энергия движения к централизации до известной степени определяются достигнутой уже величиной капиталистического богатства и превосходством экономического механизма, все же прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иное выражение воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала. Капитал здесь, в одних руках, может возрасти до огромных размеров потому, что там, в другом месте, он ушел из множества отдельных рук. В каждой данной отрасли производства централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в единственный капитал*. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного-единственного капиталиста или одной-единственной компании капиталистов.

Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять масштаб своих операций. Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, совершается ли централизация насильственным путем захвата, когда известные капиталы становятся центрами столь сильного тяготения для других, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние множества уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие во всех этих случаях остается одно и то же. Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.

Однако ясно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, есть крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке составных частей общественного капитала. Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг. Усиливая и ускоряя таким путем действие накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те перевороты в техническом строении капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и тем самым относительно уменьшают спрос на труд.

Массы капитала, соединенные в очень короткий срок процессом централизации, воспроизводятся и увеличиваются так же, как и другие капиталы, но только быстрее, и тем самым в свою очередь становятся мощными рычагами общественного накопления. Следовательно, когда говорят о прогрессе общественного накопления, то в настоящее время под ним молчаливо подразумевается и действие централизации.

Добавочные капиталы, образованные в ходе нормального накопления (см. главу XXII, раздел 1), служат преимущественно средством для эксплуатации новых изобретений,

---

* — {К 4 изданию. Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией. Ф. Э.]

открытий и вообще промышленных усовершенствований. Но и старый капитал достигает с течением времени момента, когда он обновляется с ног до головы, когда он меняет свою кожу и так же возрождается в технически усовершенствованном виде, при котором меньшей массы труда оказывается достаточно для того, чтобы привести в движение большую часть машин и сырья.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 639—642

Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают современные промышленные переписи.

В Германии, например, из каждой тысячи промышленных предприятий было крупных, т. е. имеющих свыше 50 наемных рабочих, в 1882 г. — 3; в 1895 г. — 6 и в 1907 г. — 9. На их долю приходилось из каждой сотни рабочих: 22, 30 и 37. Но концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях. Если взять то, что в Германии называют промышленностью в широком смысле, т. е. включая и торговлю и пути сообщения и т. п., то получим следующую картину. Крупных заведений 30 588 из 3 265 623, т. е. всего 0,9 %. У них рабочих — 5,7 миллионов из 14,4 млн., т. е. 39,4 %; паровых лошадиных сил — 6,6 млн. из 8,8, т. е. 75,3 %; электрических — 1,2 млн. киловатт из 1,5 млн., т. е. 77,2 %.

Менее чем одна сотая доля предприятий имеет более $\frac{3}{4}$ общего количества паровой и электрической силы! На долю 2,97 млн. мелких (до 5 наемных рабочих) предприятий, составляющих 91 % всего числа предприятий, приходится всего 7 % паровой и электрической силы! Десятки тысяч крупнейших предприятий — все; миллионы мелких — ничто.

Заведений, имеющих 1000 и более рабочих, было в Германии в 1907 г. 586. У них почти десятая доля (1,38 млн.) общего числа рабочих и почти треть (32 %) общей суммы паровой и электрической силы*. Денежный капитал и банки, как увидим, делают этот перевес горстки крупнейших предприятий еще более подавляющим и притом в самом буквальном значении слова, т. е. миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов.

В другой передовой стране современного капитализма, в Соединенных Штатах Северной Америки, рост концентрации производства еще сильнее. Здесь статистика выделяет промышленность в узком смысле слова и группирует заведения по величине стоимости годового продукта. В 1904 году крупнейших предприятий, с производством в 1 миллион долларов и свыше, было 1900 (из 216 180, т. е. 0,9 %) — у них 1,4 млн. рабочих (из 5,5 млн., т. е. 25,6 %) и 5,6 миллиардов производства (из 14,8 млрд., т. е. 38 %). Через 5 лет, в 1909 г. соответственные цифры: 3060 предприятий (из 268 491 — 1,1 %) с 2,0 млн. рабочих (из 6,6; — 30,5 %) и с 9,0 миллиардами производства (из 20,7 миллиардов; — 43,8 %) **.

Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 258 отраслей промышленности²². Отсюда ясно, что концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собой, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии

* Сводка цифр по Annalen des deutschen Reichs, 1911, Zahn (Анналы Германского государства, 1911, Цан. Ред.).

** Statistical Abstract of the United States 1912, p. 202 (Статистический сборник Соединенных Штатов за 1912 год, стр. 202. Ред.).

порождается именно крупным размером предприятий. Это превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нем. Но сначала мы должны устранить одно возможное недоразумение.

Американская статистика говорит: 3000 гигантских предприятий в 250 отраслях промышленности. Как будто бы всего по 12 предприятий крупнейшего размера на каждую отрасль.

Но это не так. Не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия; а с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переплавка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), — либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. п.)...

Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты — упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века...

Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм.

Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д.

Число картелей в Германии определялось приблизительно в 250 в 1896 г. и в 385 в 1905 году при участии в них около 12 000 заведений*. Но все признают, что эти цифры преуменьшены. Из приведенных выше данных германской промышленной статистики 1907 г. видно, что даже 12 000 крупнейших предприятий сосредоточивают, наверное, больше половины общего количества паровой и электрической силы. В Соединенных Штатах Северной Америки число трестов определялось в 1900 г. — в 185; в 1907 г. — в 250. Американская статистика делит все промышленные предприятия на принадлежащие отдельным лицам, фирмам и корпорациям. Последним принадлежало в 1904 году — 23,6 %, в 1909 г. — 25,9 %, т. е. свыше четверти общего числа предприятий. Рабочих в этих заведениях было 70,6 % в 1904 и 75,6 %, три четверти

* Dr. Riesser. «Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhange mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland». 4. Aufl., 1912, S. 149. — R. Liefmann. «Kartelle und Trusts und die Weiterbildung der volkswirtschaftlichen Organisation». 2. Aufl., 1910, S. 25 (Д-р Риссер. «Германские крупные банки и их концентрация в связи с общим развитием хозяйства в Германии». 4 изд., 1912, стр. 149. — Р. Лифман. «Картели и тресты и дальнейшее развитие народнохозяйственной организации». 2 изд., 1910, стр. 25. *Ред.*)

общего числа, в 1909 г.; размеры производства были 10,9 и 16,3 миллиардов долларов, т. е. 73,7 % и 79,0 % общей суммы.

В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своем основании в 1893 году концентрировал 86,7 % всего производства угля в районе, а в 1910 году уже 95,4 % *. Создающаяся таким образом монополия обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически-производственных единиц необъятного размера. Знаменитый керосиновый трест в Соединенных Штатах (Standard Oil Company) был основан в 1900 г. «Его капитал составлял 150 миллионов долларов. Выпущено было обыкновенных акций на 100 млн. и привилегированных на 106 млн. На эти последние выплачивалась дивиденда в 1900—1907 годах: 48, 48, 45, 44, 36, 40, 40, 40 %, всего 367 миллионов долларов. С 1882 по 1907 год было получено чистой прибыли 889 млн. долларов; их них 606 млн. уплачены в дивиденд, а остальное пошло на резервный капитал» **. «На всех предприятиях стального треста (United States Steel Corporation) было в 1907 г. не менее как 210 180 рабочих и служащих. Самое крупное предприятие германской горной промышленности, Гельзенкирхенское горное общество (Gelsenkirchener Bergwerksgesellschaft), имело в 1908 г. — 46 048 рабочих и служащих» ***. Еще в 1902 г. стальной трест производил 9 миллионов тонн стали ****. Его производство стали составляло в 1901 г. — 66,3 %, а в 1908 г. — 56,1 % всего производства стали в Соединенных Штатах *****; добыча руды — 43,9 % и 46,3 % за те же годы.

Отчет американской правительственной комиссии о трестах говорит: «Их превосходство над конкурентами основывается на крупных размерах их предприятий и на их превосходно поставленной технике. Табачный трест с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широких размерах заменять ручной труд машинным повсюду. Он скупал для этой цели все патенты, имеющие какое-либо отношение к обработке табака, и израсходовал на это громадные суммы. Многие патенты оказывались сначала негодными, и их приходилось перерабатывать инженерам, состоящим на службе у треста. В конце 1906 г. было создано два филиальных общества с исключительной целью скупки патентов. Для той же цели трест основал свои литейни, машинные фабрики и починочные мастерские. Одно из этих заведений, в Бруклине, занимает в среднем 300 рабочих; здесь производятся опыты над изобретениями для производства папирос, маленьких сигар, нюхательного табака, листового олова для упаковки, коробок и пр.; здесь же усовершенствуются изобретения» *****. «И другие тресты держат у себя на службе так называемых developing engineers (инженеров для развития техники), задачей которых является изобретать новые приемы производства и испытывать технические улучшения. Стальной трест платит своим инженерам и рабочим высокие премии за изобретения, способные повысить технику или уменьшить издержки» *****.

Подобным же образом организовано дело технических улучшений в германской крупной промышленности, например, в химической, которая развилась так гигантски

* Dr. Fritz Kestner. «Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen und Außenseitern». Brl., 1912, стр. 11 (Д-р Фриц Кестнер. «Принуждение к организации. Исследование о борьбе между картелями и посторонними». Берлин. *Ред.*).

** R. Liefmann. «Beteiligungs- und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen». 1. Aufl., Jena, 1909, стр. 212 (Р. Лифман. «Общества участия и финансирования. Исследование современного капитализма и сущности ценных бумаг». 1 издание, Йена. *Ред.*).

*** Там же, стр. 218.

**** Dr. S. Tschierschky. «Kartell und Trust». Gött., 1903, стр. 13 (Д-р З. Чиршки. «Картель и трест». Гёттинген. *Ред.*).

***** Th. Vogelstein. «Organisationsformen», стр. 275.

***** Report of the Commissioner of Corporations on the Tobacco Industry. Washington, 1909, стр. 266 (Отчет члена комиссии об объединениях в табачной промышленности. Вашингтон. *Ред.*) — цитировано по книге «Dr. Paul Tafel. «Die nordamerikanischen Trusts und ihre Wirkungen auf den Fortschritt der Technik». Stuttgart, 1913, стр. 48 (Д-р Пауль Тафель. «Североамериканские тресты и их влияние на прогресс техники». Штутгарт. *Ред.*).

***** Там же, стр. 48—49.

за последние десятилетия. Процесс концентрации производства уже в 1908 г. создал в этой промышленности две главные «группы», которые по-своему тоже подходили к монополии. Сначала эти группы были «двойственными союзами» двух пар крупнейших фабрик, с капиталом каждая в 20—21 миллион марок: с одной стороны, бывшая Майстера, фабрика в Хохсте и Касселле в Франкфурте-на-Майне, с другой стороны, анилиновая и содовая фабрика в Людвигсхафене и бывшая Байера в Эльберфельде. Затем в 1905 г. одна группа, а в 1908 г. другая вошла в соглашение каждой еще с одной крупной фабрикой. Получилось два «тройственных союза» с капиталом в 40—50 миллионов марок каждый, и между этими «союзами» уже началось «сближение», «договоры» о ценах и т. д.*.

Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований.

Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одних руках гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договоренному соглашению, эти союзы. Монополизированы обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения — железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и в Америке. Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению.

Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее.

Немецкий экономист Кестнер посвятил особое сочинение «борьбе между картелями и посторонними», т. е. не входящими в картель предпринимателями. Он назвал это сочинение: «Принуждение к организации», тогда как надо было бы говорить, конечно, чтобы не прикрашивать капитализма, о принуждении к подчинению союзам монополистов. Поучительно взглянуть просто хотя бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной, борьбы за «организацию», к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов («...один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель»); 2) лишение рабочих рук посредством «альянсов» (т. е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только на картелированных предприятиях); 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен (для разорения «посторонних», т. е. предприятий, не подчиняющихся монополистам, расходуются миллионы на то, чтобы известное время продавать ниже себестоимости: в бензиновой промышленности бывали примеры понижения цен с 40 до 22-х марок, т. е. почти вдвое!); 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 310—312, 314—315, 317—321

* Riesser, назв. соч., стр. 547 и сл. по 3-му изд. Газеты сообщают (июнь 1916) о новом гигантском тресте, объединяющем химическую промышленность Германии.

Итак, около 80 % всего количества железных дорог сконцентрировано в 5 крупнейших державах. Но концентрация *собственности* на эти дороги, концентрация финансового капитала еще неизмеримо более значительна, ибо английским и французским, например, миллионерам принадлежит громадная масса акций и облигаций американских, русских и других железных дорог.

Благодаря своим колониям Англия увеличила «свою» железнодорожную сеть на 100 тысяч километров, вчетверо больше, чем Германия. Между тем общеизвестно, что развитие производительных сил Германии за это время, и особенно развитие каменноугольного и железодельного производства, шло несравненно быстрее, чем в Англии, не говоря уже о Франции и России. В 1892 году Германия производила 4,9 миллиона тонн чугуна, против 6,8 в Англии; а в 1912 году уже 17,6 против 9,9, т. е. гигантский перевес над Англией! * Спрашивается, *на почве капитализма* какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, — разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала, с другой? . . .

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей постановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх.

Ленин В. И. *Империализм, как высшая стадия капитализма.* — Полн. собр. соч., т. 27, с. 396—397

Воздействие научно-технического прогресса на капиталистические издержки производства и стоимость товара

Согласно взглядам экономиста, издержки производства товара состоят из трех элементов: из земельной ренты за участок земли, необходимый для производства сырья, из капитала вместе с доходом на него и из платы за труд, потребовавшийся для производства и обработки. Но сейчас же обнаруживается, что капитал и труд тождественны, ибо сами же экономисты признают, что капитал есть «накопленный труд». Таким образом, у нас остаются только две стороны: природная, объективная — земля, и

* Ср. также Edgar Crammond. «The Economic Relations of the British and German Empires» в «Journal of the Royal Statistical Society», 1914, July, pp. 777 ss. (Эдгар Крэммонд. «Экономические отношения Британской и Германской империй» в «Журнале королевского статистического общества», 1914, июль, стр. 777, и сл. *Ред.*).

человеческая, субъективная — труд, включающий в себя капитал и кроме капитала еще нечто третье, о чем экономист и не думает, — я имею в виду, наряду с физическим элементом простого труда, духовный элемент изобретательности, мысли. Какое дело экономисту до духа изобретательности? Разве все изобретения не достались ему без его участия? Разве хоть одно из них стоило ему чего-нибудь? К чему же в таком случае ему беспокоиться о них при исчислении своих издержек производства? Для него условиями богатства являются земля, капитал и труд, и больше ему ничего не надо. Ему нет дела до науки. Хотя наука и преподнесла ему подарки через Бертолле, Дэви, Либиха, Уатта, Картрайта и т. д., подарки, поднявшие его самого и его производство на невиданную высоту, — что ему до этого? Таких вещей он не может учитывать, успехи науки выходят за пределы его подсчетов. Но при разумном строе, стоящем выше дробления интересов, как оно имеет место у экономистов, духовный элемент, конечно, будет принадлежать к числу элементов производства и найдет свое место среди издержек производства и в политической экономии. И тут, конечно, мы с чувством удовлетворения узнаем, что работа в области науки окупается также и материально, узнаем, что только один такой плод науки, как паровая машина Джемса Уатта, принес миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки.

Итак, мы имеем в действии два элемента производства — природу и человека, а последнего, в свою очередь, с его физическими и духовными свойствами; теперь мы можем вернуться к экономисту и к его издержкам производства.

Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 554—555

Возросшая производительность труда означает удешевление товаров, которые входят в потребление рабочих и стоимостью которых определяется стоимость рабочей силы. В условиях применения машин сюда присоединяется еще то, что вместо дешевых средств труда появляются дорогие. Таким образом, здесь должен быть рассмотрен, учтен постоянный капитал, так как здесь в него входит новый элемент (входящий также и в процесс образования стоимости). Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости; но первичные двигатели, на которые воздействуют силы природы или посредством которых они становятся пригодными для процесса труда, имеют стоимость. Содержащийся в постоянном капитале прошлый труд точно так же образует часть стоимости товара, как и живой труд, полученный в обмен на переменный капитал. Если бы, с одной стороны, необходимое (живое) рабочее время было сокращено посредством увеличения производительности живого труда, в то время как, с другой стороны, часть стоимости товара, присоединенная в результате применения машин, возросла бы в той же самой или в большей мере, то товар вздорожал бы вместо того чтобы подешеветь, и, таким образом, несмотря на более высокую производительность живого труда, никакой добавочной прибавочной стоимости создано не было бы; напротив, прибавочная стоимость уменьшилась бы. Поэтому уже здесь [в разделе об относительной прибавочной стоимости] необходимо в определенной степени рассмотреть вопрос о том, *какова* в совокупной стоимости товара доля присоединяемой к товару, к продукту стоимости машин.

С другой стороны, в случае повышения производительной силы труда, вызванного *простой кооперацией* и *разделением труда*, ясно, во-первых, что постоянный капитал не увеличивается по отношению к товару; во-вторых, что, помимо более высокой производительности живого труда и проистекающего отсюда уменьшения стоимости единицы продукта, имеет место *также удешевление товара* вследствие *экономии* постоянного капитала (а именно, вследствие совместного использования постоянного капитала, такие части которого, как здания, отопление, освещение и т. д., не растут по своей массе так, как растет масса живого труда, которой они одновременно служат в качестве общих вещественных условий труда). Коль скоро в результате этого товар удешевляется (помимо его удешевления, проистекающего из более высокой производительности

живого труда самой по себе), указанное обстоятельство может быть здесь упомянуто, хотя подробнее мы рассмотрим его лишь в разделе о капитале и прибыли.

Для капиталистического производства характерно как раз то, что если даже *общественные* черты труда, повышающие его производительную силу, выступают как *чуждая* по отношению к самому труду сила, как вне его находящиеся *условия*, как свойства и условия не самого труда — ибо рабочий противостоит капиталу всегда как обособленный рабочий, находящийся вне общественной связи со своими товарищами по работе, — то это в еще большей мере верно *prima facie* * относительно *вещественных* условий этого общественного труда. Следовательно, рассмотрение их с капиталистической точки зрения представляется как рассмотрение *обстоятельств*, касающихся только капитала, притекающих из него и заключенных в нем; *обстоятельств, которые* совершенно не касаются рабочего, хотя только эта *общественная* форма самого труда превращает указанные внешние условия из таких, которые существуют разрозненно для отдельного рабочего, в общественные, в концентрированные, которые в результате концентрации в пространстве и во времени и *совместного* применения их кооперированными рабочими могут применяться *более экономично*. Только благодаря этому они могут использоваться так, что их более высокая эффективность в процессе труда сопровождается меньшими издержками на них, т. е. меньшим потреблением их стоимости, меньшим вхождением их в процесс образования стоимости.

При рассмотрении применения машин особенно наглядно обнаруживается то, как отчужденность между этими условиями труда и характером самого труда фиксируется в *сознании капиталиста* и делается фактором, направленным против рабочего.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—
1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 47, с. 498—500

Замещение машинами работников, работавших либо как самостоятельные ремесленники, либо как рабочие в мануфактуре, основанной на разделении труда, может произойти во всех тех случаях, когда от этого уменьшается *цена товара*, а это имеет место каждый раз, когда *доля стоимости*, переносимая на единицу товара в качестве возмещения износа машин, оказывается *меньше* той стоимости, которая добавлялась к товару трудом, замененным машиной. Ибо коль скоро машина заменяет труд, то само собой разумеется, что на единицу товара приходится меньшее количество живого труда, или меньшее количество живого труда производит такую же или большую, чем прежде, массу товара. Таким образом, при этих обстоятельствах цена единицы товара понижается, так как она равна стоимости, переносимой на нее используемыми машинами, плюс стоимость, добавленная трудом, которая тем меньше, чем больше количество потребительных стоимостей, производимых данным количеством живого труда. О стоимости сырого материала здесь говорить не приходится, так как она постоянна для обоих видов производства, старого и нового. И в тот и в другой сырье входит как стоимость данной величины.

Но совокупное количество товаров, произведенных дешевле, [по своей стоимости] не больше совокупного количества товаров, произведенных дороже. Иными словами, если труд той же самой продолжительности (овеществленный плюс живой труд) производит теперь вдвое большее количество товара, чем раньше, то это вдвое большее количество товара имеет теперь лишь такую стоимость, какую раньше имела половина этого количества.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—
1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 47, с. 539—540

* — прежде всего. Ред.

Обесценение постоянного капитала в результате новых изобретений, вследствие чего он становится дешевле и лучшего качества, может быть воспроизведен более действенным образом, следовательно, содержащееся в нем рабочее время не является больше общественно необходимым, — а именно при первом внедрении в производство новой машины одно за другим следуют ее усовершенствования, — все это является главной причиной того, что вместе с введением машин имеют место *чрезмерный труд* и удлинение прибавочного рабочего времени, сверхурочное время (см. примеры у Баббеджа²³). Время обращения, в течение которого воспроизводится стоимость машин и т. д. и других составных частей основного капитала, определяется практически не тем временем, в течение которого машина существует, а тем количеством рабочего времени, в течение которого машина служит в качестве средства производства, вообще говоря, — длительностью, продолжительностью процесса труда, в течение которого машина действует и используется. Если рабочие работают 18 часов вместо 12, то это составляет в неделю на 3 дня больше, или $1\frac{1}{2}$ рабочих недели за одну неделю; следовательно, за 52 недели это составит $52 + \frac{52}{2} = 52 + 26 = 78$ недель, а за 5 лет — 390 недель, стало быть, около 7 лет. Если сверхурочное время не оплачивается, а нормальное прибавочное время равно 2 часам, то из приходящихся на 3 дня 36 часов оплачиваются 30. Помимо нормального прибавочного времени рабочие отдают, таким образом, на каждые две недели одну неделю даром; на каждые два года — один год даром. И тем самым *реализация стоимости* машины *ускоряется на 50 %* и занимает $\frac{2}{3}$ того времени, которое было бы необходимо в противном случае [т. е. при 12-часовом рабочем дне].

Там, где капиталисты обладают монопольным положением и не побуждаются конкуренцией заменять устаревшие машины и т. д. новыми, как, например, на железной дороге, там они поэтому не занимаются усовершенствованиями в течение максимально возможного времени.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—
1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 48, с. 336—337

Как уже было указано при анализе кооперации, разделения труда и роли машин²⁴, экономия на условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в основном возникает благодаря тому, что эти условия функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно, — как общественные условия труда. Они используются в процессе производства сообща, совокупным рабочим, а не в раздробленной форме массой не связанных между собой рабочих или, в лучшем случае, рабочими, кооперирующимися между собой лишь в ничтожной степени. На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а следовательно, и возможная сфера их действия; издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, в какой растет масса рабочих машин, которым они сообщают движение; сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует как своими органами, и т. д. Далее, благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские в собственном смысле слова, но также на складские помещения и т. п. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и т. п. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как свое существенное условие, сосредоточение и совместную деятельность рабочих, т. е. общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают всецело и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и составляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

То же самое приходится сказать и о другой крупной области экономии на условиях производства. Мы имеем в виду обратное превращение экскрементов производства, так называемых отходов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности, — процессы, при помощи которых эти так называемые экскременты снова вводятся в кругооборот производства, а следовательно и потребления — производительного или индивидуального. И эта область сбережений, которой мы впоследствии коснемся несколько подробнее, есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отходы получают в столь значительных массах, что они сами становятся снова предметом торговли, а следовательно новыми элементами производства. Только как отходы совместного производства, а следовательно производства в крупном масштабе, получают они это значение для производственного процесса, остаются носителями меновой стоимости. Эти отходы — независимо от той роли, которую они выполняют в качестве новых элементов производства — удешевляют в той мере, в какой они могут быть вновь проданы, издержки на сырье, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отход его, именно то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке. Уменьшение издержек на эту часть постоянного капитала повышает $pro\ tanto$ * норму прибыли при данной величине переменного капитала и данной норме прибавочной стоимости.

Раз прибавочная стоимость дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость. Сколько труда способен впитать в себя лен на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, т. е. уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, например, трем рабочим, зависит не от ее стоимости, но от ее потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дешева.

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, например, что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы овеществить данное количество труда и, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда, требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того, чтобы присвоить определенное количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получают в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, — общественно-комбинированным рабочим. Дальнейшие сбережения в затратах постоянного капитала, вытекающие из сокращения времени обращения (причем существенным материальным моментом является развитие средств сообщения), мы рассмотрим ниже. Но уже здесь должно быть упомянуто об экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин, а именно: 1) благодаря улучшению их материала, например, замене дерева железом; 2) благодаря удешевлению машин вследствие улучшения производства машин вообще; причем, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени **; 3) благодаря специальным усовершенствованиям, которые удешевляют и делают более эффективной эксплуатацию уже имеющихся машин, как, например, усовершенствование паровых котлов и т. п., о чем некоторые подробности будут даны ниже; 4) благодаря уменьшению количества отходов при усовершенствованных машинах.

Все, что уменьшает изнашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар в силу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю

* — соответственно. *Ред.*

** См. Юр о прогрессе в строительстве фабрик ²⁵.

часть износа, но и сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и т. п., поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает *pro tanto* цену последних.

Всякая экономия подобного рода характеризуется опять-таки тем, что в большинстве случаев она возможна лишь при наличии комбинированного рабочего и зачастую может быть осуществлена лишь при работах, организованных в еще более широком масштабе; следовательно, она требует еще более значительного комбинирования рабочих непосредственно в процессе производства.

Но, с другой стороны, развитие производительной силы труда в *одной* отрасли производства, — например, в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно от успехов естественных наук и их применения, является условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в *других* отраслях промышленности, например, в текстильной промышленности или земледелии. Это само собой понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его большая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар, как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно, условием повышения нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной неуклонным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в *одной* отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в *другой* отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Такое развитие производительной силы в конечном счете всегда сводится к общественному характеру действующего труда, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественных наук. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда не в данной отрасли промышленности, а в той, которая доставляет ей средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли.

В другом случае повышение нормы прибыли достигается не вследствие экономии на труде, производящем постоянный капитал, а вследствие экономии в применении самого постоянного капитала. Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается постоянный капитал. Одни и те же постройки, приспособления для отопления и освещения и т. п. обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигателях и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Экономия, которую данный капитал осуществляет в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, т. е. в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; напротив, упомянутая выше экономия сводится к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, т. е. с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а на экономии в применении самого постоянного капитала, она создается или непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и т. д.

в таком масштабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Здесь необходимо иметь в виду два момента. Если стоимость $c=0$, то p' было бы $=m'$ и норма прибыли достигла бы своего максимума. Но, во-вторых: для непосредственной эксплуатации самого труда важна отнюдь не стоимость применяемых средств эксплуатации, будь то основной капитал или сырье и вспомогательные материалы. Поскольку они служат в качестве поглотителей труда, в качестве средств, в которых или при помощи которых овеществляется труд, а следовательно и прибавочный труд, меновая стоимость машин, строений, сырья и т. п. совершенно не имеет значения. Единственно, что здесь имеет значение, это, с одной стороны, их масса, которая технически необходима для соединения с определенным количеством живого труда, и, с другой стороны, их соответствие поставленной цели, т. е. хорошими должны быть не только машины, но также сырье и вспомогательные материалы. От качества сырья зависит отчасти норма прибыли. Хороший материал дает меньшее количество отходов; следовательно, требуется меньшая масса сырья для впитывания того же самого количества труда. Далее, становится меньше то сопротивление, которое встречает рабочая машина. Отчасти это влияет даже на прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. При плохом сырье рабочий для переработки того же самого количества затрачивает больше времени; при неизменной заработной плате это приводит к сокращению прибавочного труда. Это оказывает, далее, значительное влияние на воспроизводство и накопление капитала, которое, как было показано в «Капитале», кн. I, стр. 568²⁶, зависит больше от производительности, чем от массы применяемого труда.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство — такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной заработной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собой главное средство понижения стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным и повышения, таким образом, нормы прибыли; как существенный элемент надувательства сюда присоединяется еще продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль, особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям — это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Следует заметить, что такое повышение нормы прибыли, вызываемое уменьшением стоимости, а следовательно и цены постоянного капитала, совершенно не зависит от того, производит ли отрасль промышленности, в которой оно имеет место, предметы роскоши или жизненные средства, входящие в потребление рабочих, или же средства производства вообще. Последнее обстоятельство может иметь значение лишь постольку, поскольку речь идет о норме прибавочной стоимости, которая существенно зависит от стоимости рабочей силы, т. е. от стоимости обычных жизненных средств рабочих. Но в рассматриваемом случае прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости предполагаются данными. При этих условиях отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу — оно и определяет норму прибыли — зависит исключительно от стоимости постоянного капитала, а отнюдь не от потребительной стоимости элементов, из которых он состоит.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функциони-

руют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом X, этому капиталисту X, — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведется к тому, что капиталист X извлекает выгоду из производительности труда не только своей собственной мастерской, но также и чужих мастерских. Тем не менее капиталисту экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым рабочему и абсолютно не касающимся его, условием, к которому рабочий не имеет никакого отношения; между тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определенного результата при наименьших затратах, в еще большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

Такой способ представления тем менее может казаться странным, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на самом деле скрывает внутреннюю связь вещей за тем полнейшим безразличием, обособленностью и отчужденностью, в которые оно ставит рабочего по отношению к условиям осуществления его собственного труда.

Во-первых: Средства производства, из которых состоит постоянный капитал, представляют только деньги капиталиста (подобно тому, как, по Ленге, тело римского должника представляло деньги его кредитора²⁷) и находится в известном отношении только к нему, тогда как рабочий, поскольку он приходит с ними в соприкосновение в действительном процессе производства, имеет с ними дело только как с потребительными стоимостями производства, как со средствами труда и материалом труда. Поэтому уменьшение или увеличение этой стоимости так же мало затрагивает отношение рабочего к капиталисту, как, например, то обстоятельство, обрабатывает ли он медь или железо. Впрочем, капиталист предпочитает, как мы покажем впоследствии, рассматривать дело иначе в тех случаях, когда имеет место возрастание стоимости средств производства и вследствие этого уменьшается норма прибыли.

Во-вторых: Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средств эксплуатации столь же безразлична для рабочего, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами и уздой ею управляют.

Наконец, как мы видели раньше²⁸, рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственности, расстояние которой несколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например, в Рочдейле²⁹.

Таким образом, едва ли надо говорить, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства проявляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем повышает норму прибыли, эта всеобщая связь общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касается фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чуждой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, — этот факт представляет собой связь, которая благополучно маскируется процессом обращения и т. д.

Сюда присоединяется еще следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства усиливает, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда и, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда. В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего, ухудшение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли.

Так как рабочий большую часть своей жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства являются в значительной мере также и условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли, совершенно так же, — что мы видели раньше³⁰, — как чрезмерная работа, превращение рабочего в рабочий скот, является методом ускорения самовозрастания стоимости капитала, производства прибавочной стоимости. Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках, к нагромождению опасных машин в одном и том же помещении и отсутствию приспособлений, предохраняющих от опасности, отсутствию мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые сделали бы для рабочего процесс производства более человеческим, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к необходимому труду и путем эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно, всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция — применять этот сведенный к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растет масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает лишь концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, — которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно меньшее количество применяемого труда, —

и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 90—99

Все те обстоятельства, в силу которых применение машин удешевляет цену товаров, сводятся, во-первых, к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, к уменьшению износа машин, стоимость которого входит в единицу товара. Чем медленнее происходит изнашивание машин, тем меньше труда требуется для их воспроизводства. Это увеличивает, стало быть, количество и стоимость капитала, состоящего из машин, в сравнении с капиталом, существующим в виде труда. . .

{Стоимость товара в той мере, в какой она зависит от машин, определяется входящим в товар износом этих машин; она определяется, стало быть, стоимостью машин лишь постольку, поскольку стоимость машин сама входит в процесс образования стоимости, т. е. поскольку стоимость машин потребляется в процессе труда. Напротив, прибыль определяется (оставляя в стороне сырье) стоимостью всех машин, входящих в процесс труда, независимо от потребления этой стоимости. Поэтому прибыль должна падать в соответствии с тем, как уменьшается совокупное количество [живого] труда по отношению к той части капитала, которая затрачивается на машины. [Однако] она падает не в точно такой же пропорции, потому что увеличивается прибавочный труд.}

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 379, 380

Научно-технический прогресс и рабочий день на капиталистических предприятиях

Машины выгодны для капитала лишь в той мере, в какой они увеличивают прибавочное рабочее время рабочих, занятых при машинах (механизация не сокращает прибавочное рабочее время этих рабочих, а увеличивает отношение прибавочного рабочего времени к необходимому времени, так что последнее не только относительно сокращается при сохранении того же самого количества одновременных рабочих дней, а сокращается абсолютно).

Увеличение абсолютного [прибавочного] рабочего времени предполагает то же самое или возрастающее количество одновременных рабочих дней; точно так же обстоит дело с увеличением производительной силы путем разделения труда и т. д. В обоих случаях совокупное рабочее время всех применяемых рабочих остается тем же самым или возрастает. При применении машин относительное прибавочное рабочее время возрастает не только по отношению к необходимому рабочему времени и потому по отношению к совокупному рабочему времени всех применяемых рабочих, но отношение к необходимому рабочему времени возрастает при уменьшении совокупного рабочего времени всех применяемых рабочих, т. е. при уменьшении количества одновременных рабочих дней (по сравнению с прибавочным рабочим временем).

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 343

В мои намерения здесь не входит останавливаться на истории чрезмерного труда со времени изобретения машин в Англии. Фактом является то, что вследствие крайнего увеличения прибавочного труда вспыхивали эпидемии, грозившие гибелью равным образом капиталисту и рабочему; что государство, при величайшем сопротивлении со стороны капиталистов, вынуждено было ввести нормированные рабочие дни на фабриках (позднее, в большей или меньшей степени, это было повсюду перенято на континенте); что еще в настоящий момент это введение нормированных дней должно быть распространено с фабрик в собственном смысле слова на другие отрасли труда (белильные, набивные, красильные заведения) и что в настоящий момент этот процесс еще прогрессирует и продолжается связанная с ним борьба (например, борьба за введение билля о десятичасовом рабочем дне, за распространение действия фабричного акта³¹, скажем, на кружевную мануфактуру в Ноттингеме и т. д.). Что касается подробностей, относящихся к ранним фазам этого процесса, то я отсылаю к книге: *F. Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig, 1845.*

Практическому сопротивлению фабрикантов, однако, не уступало теоретическое сопротивление, которое оказывали их толкователи и апологеты, профессиональные экономисты. Ведь недаром г-н *Ньюмарч*, соавтор «History of Prices» Тука, в качестве председателя секции экономической науки на последнем съезде *Британской ассоциации искусств* и т. д. (название ассоциации проверить³²), состоявшемся в сентябре 1861 г. в Манчестере, почувствовал себя обязанным подчеркнуть, что понимание необходимости законодательного регулирования и принудительного ограничения нормального рабочего дня на фабриках и т. д. является одним из новейших достижений нынешней политической экономии, в результате чего она поднялась над своими предшественниками!

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 231—232

[V—190] *Джон Стюарт Милль* замечает:

«Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили тяжелый повседневный труд хотя бы одного человеческого существа» [*J. St. Mill. Principles of Political Economy. Vol. II. London, 1848, стр. 312; во 2-м издании (1849 г.) — стр. 314*].

Он должен был бы сказать: хотя бы одного трудящегося человека. Но в условиях капиталистического производства машины ни в коем случае не преследуют цель облегчить или сократить повседневный труд рабочего.

«Товары дешевы, но они сделаны из человеческой плоти» ([*J. B. Byles.*] *Sophisms of Free-Trade. 7th edit. London, 1850, стр. 202*).

Целью введения машин является, в самой общей форме, уменьшение стоимости, а стало быть, и цены товара, удешевление его, т. е. сокращение рабочего времени, необходимого для производства единицы товара, но ни в коем случае не сокращение того рабочего времени, в течение которого рабочий занят производством этого подешевевшего товара. В действительности дело здесь идет не о том, чтобы сократить рабочий день, а — как и при всяком развитии производительной силы на капиталистической основе, — о том, чтобы сократить то рабочее время, которое необходимо рабочему для воспроизводства своей рабочей силы, иными словами, для производства своей заработной платы; следовательно, о том, чтобы сократить ту часть рабочего дня, в течение которой он работает для самого себя, *оплаченную* часть его рабочего времени, и посредством сокращения этой части удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой он даром работает для капитала, *неоплаченную* часть рабочего дня, его *прибавочное рабочее время*.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 351

Введение машин, замещает ли оно ремесленное производство (как, например, в прядении), следовательно, вообще впервые подчиняет какую-либо отрасль промышленности капиталистическому способу производства; революционизирует ли оно какую-

либо мануфактуру, прежде покоившуюся на простом разделении труда (как это имеет место на машиностроительной фабрике); наконец, вытесняет ли оно прежние машины более совершенными или же распространяет применение машин на какой-либо фабрике на ранее неохваченные ими частичные операции, — во всех этих случаях введение машин удлинит, как было отмечено выше, *необходимое рабочее время* для тех рабочих, которые пока еще подчинены старому способу производства, и удлинит их совокупный рабочий день.

Однако, с другой стороны, применение машин относительно *сокращает* необходимое рабочее время на таких фабриках, где оно введено впервые. Если после введения механических ткацких станков два рабочих часа ручного ткача стали равны всего лишь одному часу общественно необходимого труда, то теперь один рабочий час ткача, работающего на механическом ткацком станке, до тех пор пока такой станок не будет повсеместно введен в этом виде ткачества, будет больше необходимого рабочего часа. Его продукт имеет более высокую стоимость, чем продукт одного часа труда. Это равносильно тому, как если бы простой труд был возведен в степень, т. е. если бы в этом труде был реализован ткацкий труд более высокого качества. Все это относится к тем машинам, в которых капиталист, применяющий механический ткацкий станок, хотя и продает продукт одного часа ниже уровня прежнего рабочего часа, ниже его прежней общественно необходимой стоимости, однако продает его выше его индивидуальной стоимости, т. е. выше того рабочего времени, которое ему самому приходится затрачивать на изготовление этого продукта при помощи механического ткацкого станка. Следовательно, рабочему достаточно работать меньшее количество часов для воспроизводства своей заработной платы; его необходимое рабочее время сократилось в той же мере, в какой его труд в той же самой отрасли стал трудом более высокого качества; таким образом, продукт одного часа этого труда продается, быть может, выше продукта двух часов труда на таких фабриках, где еще господствует старый способ производства. Поэтому если нормальный рабочий день остается тем же самым, днем такой же продолжительности, то здесь возрастает прибавочное рабочее время, так как необходимое рабочее время сократилось. Это имело бы место даже в случае повышения заработной платы, но всегда при предположении, что в новых обстоятельствах рабочий не затрачивает *такую же большую* соответствующую часть рабочего дня, как прежде, для возмещения своей заработной платы, или для воспроизводства своей рабочей силы. Конечно, это сокращение необходимого рабочего времени является временным и исчезает, как только более широко распространившееся введение машин в данной отрасли снова сведет стоимость товара к содержащемуся в нем рабочему времени. Но вместе с тем это служит для капиталиста стимулом к тому, чтобы путем введения все новых и новых мелких улучшений поднять рабочее время применяемых им рабочих над уровнем того рабочего времени, которое является общественно необходимым в той же самой сфере производства. Это обстоятельство имеет силу, в какой бы отрасли производства ни применялись машины, и не зависит от того, входят ли производимые ими товары в потребление самого рабочего. . .

Из повсеместного опыта известно, что как только машины начинают применяться капиталистически, — т. е. как только они выходят из младенческой стадии своего развития, на которой они первоначально появляются во многих отраслях, а именно, как всего лишь более производительная форма старого ремесленного орудия, которая, однако, при прежнем способе производства применяется еще [V—199] независимыми рабочими и их семьями, — как только эти машины в качестве формы капитала становятся самостоятельной силой, противостоящей рабочему, *абсолютное рабочее время*, т. е. совокупный рабочий день, не сокращается, а удлиняется...

Здесь надо различать два момента. *Во-первых:* новые условия, в которых оказался рабочий и которые дают капиталисту возможность насильственно удлинить рабочее время. *Во-вторых:* мотивы, побуждающие капитал к этой операции.

К пункту первому. Прежде всего — это изменившаяся форма труда, его кажущаяся легкость, перенесение всех мускульных усилий, так же как и мастерства рабочего, на машину. В связи с облегчением мускульных усилий удлинение рабочего времени на первых порах не наталкивается на физическую невозможность. А в связи с перенесением на машину мастерства рабочего сопротивление рабочего теряет свою силу, так как

рабочий в результате утраты им мастерства, которое в условиях мануфактуры имело еще решающее значение, теперь уже не может больше становиться на дыбы, а капитал получает возможность квалифицированных рабочих заменять неквалифицированными и потому более поддающимся его контролю. Затем новая категория рабочих, которая теперь входит [в процесс производства] как один из определяющих элементов, — а именно, женский и детский труд, — изменяет характер всей фабрики и по своей природе является более покорной деспотизму капитала. . .

Ненасытная жажда чужого труда (прибавочного труда) не является специфическим свойством владельца машин; она представляет собой движущий мотив всего капиталистического производства. Но так как фабрикант находится теперь в лучшем положении, для того чтобы следовать этому побуждению, то вполне естественно, что он дает волю своей жадности. Необходимо заметить еще следующее: двигательная сила, если она исходит от человека (и даже от животного), [V — 200] физически может действовать лишь в течение определенной части дня. Паровой же двигатель и т. д. не нуждается в отдыхе. Он может действовать в течение любого промежутка времени. [V — 200].

[V — 199]. Однако сюда присоединяются еще особые обстоятельства, которые при применении машин придают указанному мотиву исключительную остроту.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 364—365, 366, 367

Машины навязывают рабочему *непрерывность труда*:

«Нужно также, чтобы он отказался от своей прежней привилегии приостанавливать ее (работу), «когда ему заблагорассудится, так как эта приостановка нарушила бы ход всего предприятия» (там же, том II, стр. 4).³³

После того как Юр сказал нам, что тенденция машинного производства заключается в том, чтобы делать труд излишним или обесценивать его, он продолжает:

«Вместо того чтобы роптать, как они это делали, против процветания своих *хозяев* и прибегать к крайним мерам, чтобы остановить его развитие, они должны были бы, из признательности и в своих собственных интересах, радоваться успеху, которому они способствовали. . . Без столкновений и насильственных перерывов, причиненных ошибочными взглядами рабочих, *промышленная система развивалась бы еще быстрее* и с большими выгодами для всех заинтересованных сторон, чем до сих пор» (там же, стр. 5—6).

Таким образом, своими забастовками и т. д. рабочие навредили сами себе, так как они мешали *механической фабрике развиваться еще быстрее*. С другой стороны, Юр упрекает рабочих, *наоборот*, в том, что они своими забастовками, объединениями и т. д. вызвали к жизни изобретения и расширение фабричной системы, *ускорили ее развитие* и этим сами себе навредили. (Выше он говорил, что рабочий должен отказаться «от привилегии приостанавливать свою работу». Теперь он заявляет, что это ложь, «будто работа *фабрики непрерывна*» (там же, стр. 49), считая, что труд по наблюдению за машинами не является трудом, что трудом являются лишь те моменты, когда рабочему приходится оперировать пальцами.)

«К счастью для населения промышленных городов Великобритании, *усовершенствования в машинах появляются постепенно* или, по крайней мере, лишь постепенно их использование удается сделать всеобщим» (там же, стр. 68).

С одной стороны, Юр превозносит изобретения, порожденные объединениями и забастовками рабочих, отмечая, что они чрезвычайно развили фабричную систему — производительную силу — и одновременно усовершенствовали ее. Так, например, он превозносит *железного человека* как

«творение, предназначенное для *восстановления порядка в рабочих классах* и для *сохранения за Великобританией господства в хлопчатобумажной промышленности*» (там же, стр. 138).

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 558

В отраслях промышленности, которые раньше других были революционизированы водой, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых прядильных и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменения материального способа производства и соответствующие изменения в социальных отношениях производителей * создают сначала безграничное расширение пределов рабочего дня, а затем уже в виде реакции вызывают общественный контроль, в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единообразие. Поэтому в течение первой половины XIX века этот контроль устанавливался законодательством в порядке исключения **. Но как только этот контроль распространялся на первоначальную область нового способа производства, оказало, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но что и мануфактуры с более или менее устаревшими методами производства, как, например, гончарные мастерские, стекольные мастерские и т. д., и старинные ремесла, как, например, пекарное, и, наконец, даже распыленная так называемая работа на дому, как, например, гвоздарный промысел и т. д.***, уже давно настолько же подпали под действие капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же — там, где оно следует римской казуистике, как в Англии, — производно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают****.

Во-вторых. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на родине этой промышленности, в Англии*****. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории*****. Философ фабрики Юр клеймит поэтому как неизгладимый позор англий-

---

* «Поведение каждого из этих двух классов» (капиталистов и рабочих) «явилось результатом тех взаимных отношений, в которые они были поставлены» («Reports etc. for 31st October 1848», p. 113).

** «Виды труда, подавшие под ограничения, были связаны с производством текстильных товаров, при котором применяется сила пара или воды. Два условия были необходимы для того, чтобы та или иная отрасль труда могла быть подчинена надзору: применение силы пара или воды и обработка известного рода волокна» («Reports etc. for 31st October 1864», p. 8).

*** О положении этой так называемой домашней промышленности чрезвычайно богатый материал дают последние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда.

**** «Акты последней сессии» (1864 г.) «...касаются различных производств, производственные методы которых весьма различны; употребление механической силы для приведения машин в движение уже не является, как это было прежде, необходимым условием для того, чтобы предприятие на языке закона считалось «фабрикой» («Reports etc for 31st October 1864», p. 8).

***** Бельгия, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных копях и рудниках рабочие обоюго пола и всех возрастов потребляются с полной «свободой» во всякое время и в течение всякого времени. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 733 мужчины, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; у доменных печей и т. д. на каждую тысячу — 668 мужчин, 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 шилл. 8 пенсов в день для мужчин, 1 шилл. 8 пенсов для женщин и 1 шилл. 2½ пенса для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т. д.

***** Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом фабричном акте, третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства.

ского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов» в противоположность капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда»*.

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон**, который гораздо более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство нехотя уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений***. Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь для детей, несовершеннолетних и женщин и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право****.

В Соединенных Штатах Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом Гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий съезд в Балтиморе³⁴ (август 1866 г.) заявляет:

«Первым и великим требованием современности, необходимым для освобождения труда этой страны от капиталистического рабства, является издание закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского союза. Мы решили напрямь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата»*****.

Одновременно (начало сентября 1866 г.) конгресс Международного Товарищества Рабочих в Женеве, согласно предложению лондонского Генерального Совета, постановил: «Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является ограничение

---

* *Ure* (французский перевод): «*Philosophie des Manufactures*». Paris, 1836, t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc.

** В отчете «Международного статистического конгресса в Париже, 1855 г.» говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность ежедневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не предписывает для этого труда определенных постоянных часов» (периодов времени) «и только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того чтобы заставлять работать изо дня в день без перерыва, может быть за исключением мастерских. Они применяют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но работа на предприятии продолжается и днем и ночью. Закон соблюден, но соблюдена ли гуманность?» Помимо «разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм» подчеркивается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

*** «Так, например, в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен „Акту о белильщиках и красильщиках“, как ситцепечатник — „Акту о ситцепечатных фабриках“ и как finisher [аппретурщик] — „Фабричному акту“». (Донесение г-на Бейкера в «*Reports etc. for 31st October 1861*», p. 20.) Перечислив различные положения этих законов и вытекающие отсюда осложнения, г-н Бейкер говорит: «Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон». Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

**** Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: «Эти возражения» (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) «должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и время последнего становится его собственностью даже в том случае, если вопрос об истощении еще не стоит» («*Reports etc. for 31st October 1862*», p. 54).

***** «Мы, рабочие Данкерка, заявляем, что продолжительность рабочего времени, требующаяся при теперешней системе, слишком велика и не оставляет рабочему времени для отдыха и развития, и, более того, низводит его до состояния порабощения, которое немногим лучше рабства („a condition of servitude but little better than slavery“). Поэтому мы решили, что восьми часов достаточно для одного рабочего дня и это должно быть признано официально; мы призываем к содействию нам печать, этот мощный рычаг... а всех, кто откажет в этом содействии, будем считать врагами рабочей реформы и рабочих прав» (Резолюция рабочих в Данкерке, штат Нью-Йорк, 1866 г.).

рабочего дня... Мы предлагаем в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами»³⁵.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 307—310

Если машина является наиболее могущественным средством увеличения производительности труда, т. е. сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров, то как носительница капитала она становится, прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности, наиболее могущественным средством удлинения рабочего дня дальше всех естественных пределов. Она создает, с одной стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны — создает новые мотивы, обостряющие его жажду чужого труда.

Прежде всего движение и деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным *perpetuum mobile* [вечным двигателем], который производил бы непрерывно, если бы он не наталкивался на известные естественные границы со стороны своих помощников-людей, на слабость их тела и на их своеволие. Как капитал, — а в качестве такового автомат обладает в лице капиталиста сознанием и волей, — средство труда поэтому воодушевлено стремлением довести противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природы до минимума*. Да и без того это противодействие ослаблено кажущейся легкостью труда при машине, а также податливостью и покорностью женщин и детей**...

Безмерное удлинение рабочего дня, которое производят машины, находящиеся в руках капитала, приводит впоследствии, как мы видели, к реакции со стороны общества, жизненным корням которого угрожает опасность, и тем самым к установлению законодательно ограниченного нормального рабочего дня. На основе последнего приобретает решающую важность явление, с которым мы встречались уже раньше, а именно интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине труда, степень же его интенсивности предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта среди собственно машинных рабочих естественно увеличивается скорость, а потому и интенсивность труда. Так, в Англии в течение полувека удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, где речь идет не о преходящих пароксизмах, а о повторяющемся изо дня в день регулярном однообразии, неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот,

* «С того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать выше его средних сил» (*Robert Owen. «Observations on the effect of the manufacturing system», 2nd ed. London, 1817 [p. 161]*).

** Англичане, которые склонны принимать первую эмпирическую форму проявления чего-либо за самую основу, часто считают причиной долгого рабочего времени на фабриках то огромное иродово похищение детей, которое капитал производил при зарождении фабричной системы в приютах для бедных и сирот и при посредстве которого он приобрел совершенно безропотный человеческий материал. Так, например, Филден, сам английский фабрикант, говорит: «Ясно, что удлинение рабочего времени было вызвано тем обстоятельством, что количество беспризорных детей, доставлявшихся из разных частей страны, было настолько велико, что хозяева пользовались и независимостью от рабочих и, установив обычай продолжительного труда при помощи этих несчастных детей, они очень легко могли навязать его своим соседям» (*J. Fielden. «The Curse of the Factory System». London, 1836, p. 11*). Относительно женского труда фабричный инспектор Сандерс говорит в фабричном отчете за 1844 г.: «Среди работниц есть женщины, которые в течение многих недель кряду, за исключением лишь нескольких дней, работают с 6 часов утра до 12 часов ночи, с перерывом менее 2 часов на обед, так что в течение 5 дней в неделю у них остается из 24 часов всего по 6 часов на то, чтобы дойти до дома и обратно и отдохнуть в постели».

повышение степени интенсивности — лишь с сокращением рабочего дня. Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и прежде всего продиктовать нормальный рабочий день собственно фабрике, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всей энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы. Вместе с тем совершается изменение в характере относительной прибавочной стоимости. Вообще метод производства относительной прибавочной стоимости заключается в том, что рабочий благодаря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Прежнее рабочее время присоединяет ко всему продукту в целом все такую же стоимость, как и раньше, хотя эта оставшаяся без изменения меновая стоимость выражается теперь в большем количестве потребительных стоимостей, а потому стоимость единицы товара понижается. Однако иначе дело обстоит, когда принудительное сокращение рабочего дня, давая мощный толчок развитию производительной силы и экономии условий производства, в то же время заставляет рабочего увеличивать затрату труда в единицу времени, повышать напряжение рабочей силы, плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня. Эта сжатая в пределы данного периода времени большая масса труда учитывается теперь как большее количество труда, чем она является в действительности. Наряду с измерением рабочего времени как «величины протяженной» теперь выступает измерение степени его уплотнения *. Более интенсивный час десятичасового рабочего дня содержит теперь столько же или больше труда, т. е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час двенадцатичасового рабочего дня. Поэтому его продукт имеет такую же или большую стоимость, чем продукт более пористых $1\frac{1}{5}$ часа. Не говоря уже об увеличении относительной прибавочной стоимости вследствие увеличения производительной силы труда, теперь, например, $3\frac{1}{3}$ часа прибавочного труда на $6\frac{2}{3}$ часа необходимого труда дают капиталисту такую же массу стоимости, как раньше 4 часа прибавочного труда на 8 часов необходимого труда.

Теперь спрашивается, каким образом труд интенсифицируется?

Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, что дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности. Поэтому в известных границах то, что теряется на продолжительности действия силы, выигрывается на ее интенсивности. А о том, чтобы рабочий действительно расходовал больше рабочей силы, об этом заботится капитал посредством метода оплаты **. В мануфактурах, например в гончарных заведениях, в которых машины не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль, введение фабричного закона с полной убедительностью показало, что простое сокращение рабочего дня поразительно увеличивает регулярность, однообразие, порядок, непрерывность и энергию труда ***. Однако казалось сомнительным, что такой же результат получится и на собственно фабрике, так как зависимость рабочего от непрерывного и однообразного движения машины давным-давно создала здесь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда в 1844 г. обсуждался вопрос о сокращении рабочего дня ниже 12 часов, фабриканты почти единогласно заявили, что

«их надсмотрщики в различных рабочих помещениях наблюдают за тем, чтобы рабочие не теряли ни минуты времени», что «степень бдительности и внимательности рабочих («the extent

---

* Разумеется, в различных отраслях производства вообще наблюдаются различия в интенсивности труда. Они, как показал уже А. Смит, отчасти уравниваются побочными обстоятельствами, сопряженными с каждым особым родом труда. Но и эти различия оказывают влияние на рабочее время как меру стоимости лишь постольку, поскольку интенсивные и экстенсивные величины являются противоположными и взаимно исключаются друг друга выражениями одного и того же количества труда.

** В особенности в виде поштучной заработной платы, — формы, которая рассматривается в шестом отделе ³⁶.

*** См. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865».

of vigilance and attention on the part of the workmen») едва ли может быть повышена» и что, предполагая неизменными все прочие условия, например скорость машин, «было бы бессмысленно на благоустроенных фабриках ожидать сколько-нибудь значительного результата от увеличения внимательности рабочих и т. д.» *

Это утверждение было опровергнуто опытами. Г-н Р. Гарднер ввел с 20 апреля 1844 г. на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовой рабочий день вместо 12-часового. По истечении приблизительно года обнаружился тот результат, что

«при прежних издержках было получено прежнее количество продукта и что в целом рабочие за 11 часов зарабатывали ровно столько же, сколько раньше за 12 часов» **.

Я не касаюсь здесь экспериментов в прядильных и чесальных отделениях, потому что они были сопряжены с увеличением скорости машин (на 2 %). Напротив, в ткацком отделении, где к тому же производились весьма различные сорта легких узорчатых тканей, не произошло никаких перемен в объективных условиях производства. Результат был таков:

«С 6 января по 20 апреля 1844 г. при 12-часовом рабочем дне средняя заработная плата одного рабочего составляла 10 шилл. 1½ пенса в неделю, с 20 апреля по 29 июня 1844 г. при 11-часовом рабочем дне средняя заработная плата была 10 шилл. 3½ пенса в неделю» ***.

В этом случае за 11 часов производилось больше, чем раньше за 12 часов, исключительно вследствие большей и равномернее распределявшейся работоспособности рабочих и вследствие экономного использования ими времени. В то время как они получали ту же самую заработную плату и выигрывали час досуга, капиталист получал прежнюю массу продуктов и сберегал уголь, газ и т. д., расходуемые за один час. Такие же эксперименты и с таким же результатом были произведены на фабриках гг. Хоррокса и Джэксона ****.

Когда сокращение рабочего дня, которое создает сначала субъективное условие для конденсации труда, т. е. дает рабочему возможность расходовать больше силы в течение данного времени, проводится принудительно, т. е. в законодательном порядке, машина в руках капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машин и увеличением количества машин, которое находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего. Усовершенствования в конструкции машин отчасти необходимы для того, чтобы усилить давление на рабочего, отчасти они сами собой сопровождают интенсификацию труда, потому что ограничение рабочего дня побуждает капиталиста к самой строгой экономии на издержках производства. Усовершенствование паровой машины увеличивает скорость движения ее поршня и в то же время, благодаря большому сбережению силы, дает возможность приводить в движение мотором прежних размеров более обширный механизм, причем потребление угля остается без изменения или даже понижается. Усовершенствование передаточного механизма уменьшает трение и, — что так поразительно отличает современные машины от старых, — низводит диаметр и вес больших и малых валов к постоянно уменьшающемуся минимуму. Наконец, усовершенствования рабочей машины, увеличивая ее скорость и расширяя ее действие, уменьшают ее размеры, как это видно на примере современного парового ткацкого станка, или увеличивают вместе с корпусом размеры и число ее орудий, как в прядильной машине, или посредством незаметных изменений деталей увеличивают

---

* «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845», p. 20, 21.

** Там же, стр. 19. Так как поштучная плата осталась без изменения, то размеры недельного заработка зависели от количества продукта.

*** «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845», p. 20.

**** Там же, стр. 21. Моральный элемент играл значительную роль в упомянутых выше экспериментах. «Мы», — заявили рабочие фабричному инспектору, — «мы работаем с большим воодушевлением, мы постоянно имеем в виду награду: возможность раньше уйти на ночь; бодрый и деятельный дух свойствен всей фабрике, от самого юного помощника до самого старого рабочего, и мы теперь больше помогаем друг другу» (там же).

подвижность этих орудий, — например, в середине пятидесятых годов скорость веретен в автоматической мюль-машине была увеличена таким образом на $\frac{1}{5}$.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 414, 420—424

Классическим примером чрезмерного труда, тяжелой и неподходящей работы и связанного с этим огрубения рабочих, эксплуатируемых с самого юного возраста, могут служить, кроме рудников и угольных копей, черепичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1866 г.) пока лишь спорадически. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если сушка производится на открытом воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6- и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как и взрослые, часто больше взрослых. Труд тяжелый, а летний зной еще больше изнуряет. Например, на кирпичном заводе в Мосли одна 24-летняя девушка делала 2000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким стенкам ямы с глубины в 30 футов и переносили ее на расстояние 210 футов.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 474

Если машина *сокращает* рабочее время, необходимое для производства какого-либо предмета, то в руках капитала она становится самым могущественным средством *удлинения рабочего дня далеко за его нормальные пределы*. Она, с одной стороны, создает *новые условия*, помогающие капиталу осуществлять это, с другой стороны, создает *новые мотивы* для этого.

Машина способна к вечному движению и ограничена только слабостью и ограниченностью человеческой, вспомогательной рабочей силы. Машина, которая при 20 часах труда изнашивается в течение $7\frac{1}{2}$ лет, поглощает для капиталиста *ровно столько же прибавочного труда*, сколько машина, которая при 10 часах труда изнашивается в 15 лет, но в первом случае это происходит *в течение половины этого времени* (стр. 393).

Риск морального износа машины — *by superseding** — при этом уменьшается (стр. 394).

Кроме того, всасывается большее количество труда *без увеличения затрат* на здания и машины; следовательно, с удлинением рабочего дня не только возрастает прибавочная стоимость, но и относительно уменьшаются вложения, необходимые для ее получения. Это тем важнее, чем больше преобладает *основная* часть капитала, что имеет место в крупной промышленности (стр. 395).

В первый период появления машины, когда она носит *монопольный* характер, прибыли огромны, и поэтому появляется жажда еще большего, безмерного удлинения рабочего дня. Когда машина получает всеобщее распространение, эта монопольная прибыль исчезает и обнаруживает свое действие закон, согласно которому прибавочная стоимость возникает не из труда, *замененного* машиной, а из труда, *применяемого* ею, следовательно, из переменного капитала; но этот последний при машинном производстве необходимым образом *уменьшается* вследствие больших вложений. Таким образом, в капиталистическом применении машин заключается имманентное противоречие: при данной величине капитала машина *увеличивает* один фактор прибавочной стоимости, ее *норму*, тем, что *уменьшает* другой фактор — *число рабочих*. Как

* — посредством замены. Ред.

только стоимость товара, произведенного машиной, становится регулирующей общественной стоимостью этого товара, так выступает это противоречие и *побуждает вновь к удлинению рабочего дня* (стр. 397).

Но в то же время машина, оставляя без работы рабочих, вытесняя их, а также вовлекая в производство женщин и детей, производит *избыточное рабочее население*, которое вынуждено повиноваться законам, диктуемым капиталом. Поэтому она опрокидывает всякие моральные и физические границы рабочего дня; отсюда тот парадокс, что могущественнейшее средство для сокращения рабочего времени становится самым верным средством превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, которым располагает капитал для увеличения своей стоимости (стр. 398).

Мы уже видели, как здесь появляется общественная реакция в виде установления нормального рабочего дня и как теперь на этой основе развивается *интенсификация труда* (стр. 399).

Вначале вместе с увеличением скорости машины одновременно увеличивается интенсивность труда и удлиняется рабочий день. Но скоро достигается такой пункт, где интенсификация труда и удлинение рабочего дня взаимно исключают друг друга. Иначе обстоит дело при ограничении рабочего времени. Интенсивность может теперь расти; в продолжение 10 часов может быть доставлено такое же количество труда, какое прежде доставлялось в 12 часов и более, и теперь более интенсивный рабочий день учитывается как *возведенный в степень* рабочий день, и труд измеряется не только продолжительностью времени, но и его интенсивностью (стр. 400). Таким путем за 5 часов необходимого и 5 часов прибавочного труда может быть, следовательно, получена такая же самая прибавочная стоимость, какая получается в случае меньшей интенсивности за 6 часов необходимого и 6 часов прибавочного труда (стр. 400).

Каким образом труд интенсифицируется? В *мануфактуре*, как показано (примечание 159), например в гончарном производстве и других, уже *одного сокращения рабочего дня* достаточно, чтобы в огромной мере повысить производительность. При *машинном труде* это казалось гораздо более сомнительным. Но доказательство — Р. Гарднер (стр. 401—402).

Как только сокращение рабочего дня вводится *законом*, машина становится средством выжимания из рабочего более интенсивного труда либо путем увеличения скорости, либо путем сокращения числа рабочих по отношению к числу машин. Примеры (стр. 403—407). Одновременно с этим происходит обогащение и расширение фабрик. Доказательства (стр. 407—409).

Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 16, с. 292—294

Маркс открывает прения по вопросу о «влиянии применения машин капиталистами». Больше всего поражает нас то, говорит он, что результат применения машин оказался обратно противоположным всему тому, что считалось неизбежным. Вместо ожидаемого сокращения рабочего времени, рабочий день удлинился до шестнадцати-восемнадцати часов. Прежде рабочий день обычно равнялся десяти часам; за последние сто лет рабочее время было увеличено в законодательном порядке как в Англии, так и на континенте. Вся суть фабричного законодательства последних ста лет сводится к тому, чтобы силой закона заставить рабочих работать большее количество часов.

Лишь в 1833 г. рабочий день для детей был ограничен двенадцатью часами; в результате чрезмерной работы совершенно не оставалось времени для умственного развития. Их физическое развитие тоже было неудовлетворительно; среди них свирепствовали эпидемии и это заставило некоторых представителей правящих классов заняться данным вопросом. Сэр Роберт Пиль-старший одним из первых обратил внимание на это вопиющее зло, а Роберт Оуэн был первым фабрикантом, который ограничил рабочие часы на своей фабрике. Билль о десятичасовом рабочем дне был первым законом, ограничивавшим рабочее время для женщин и детей 10¹/₂ часами в день, но он распространялся лишь на определенную категорию фабрик.

Это было шагом вперед, так как обеспечило рабочим больше свободного времени. Что касается сокращения продукции, то оно вскоре было компенсировано: вследствие усовершенствования машин и повышения интенсивности труда рабочих за сокращенный рабочий день теперь выполняется больше работы, чем прежде за длинный рабочий день. Люди снова выполняют чрезмерную работу, и скоро возникнет необходимость ограничить рабочий день восьмью часами.

Запись речи К. Маркса о последствиях применения машин при капитализме. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 582—583

Гражданин Маркс не может согласиться с Милнером³⁷ по поводу того, что сокращение рабочего дня приведет к уменьшению производства, ибо в тех отраслях, где введено ограничение рабочего дня, орудия производства достигли бóльшего развития, чем в остальных отраслях. Ограничение рабочего дня повлекло за собой широкое применение машин, и мелкое производство стало все менее и менее возможным, что, впрочем, является необходимым для перехода к общественному производству. Санитарная сторона вопроса ясна³⁸. Но сокращение рабочего дня необходимо также для того, чтобы предоставить рабочему классу больше времени для умственного развития. Законодательное ограничение рабочего дня — это первый шаг к умственному и физическому подъему и к конечному освобождению рабочего класса. В наши дни никто не отрицает, что требуется вмешательство государства в пользу женщин и детей; а ограничение их рабочего времени в большинстве случаев ведет к сокращению рабочего дня и для мужчин. Англия первая вступила на путь сокращения рабочего дня, другие страны вынуждены были в той или иной степени последовать ее примеру. Серьезная агитация началась в Германии, и от лондонского Совета ждут, что он возглавит эту кампанию. Принципиально вопрос был решен на предыдущих конгрессах; сейчас наступило время действовать.

Запись речи К. Маркса о сокращении рабочего дня. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 585

Научно-технический прогресс и проблемы рынков

Современная крупная промышленность может существовать только при условии постоянного расширения, постоянного завоевания новых рынков. Ее принуждают к этому безграничные возможности массового производства, непрестанное развитие и дальнейшее усовершенствование техники и обусловленное этим непрерывное вытеснение капиталов и рабочей силы. Здесь всякий застой является только началом разорения. Но расширение промышленности обусловлено расширением рынков. А так как промышленность на современной ступени своего развития несравненно быстрее увеличивает свои производительные силы, нежели она в состоянии расширять свои рынки, то возникают те периодические кризисы, во время которых, благодаря излишку средств производства и продуктов, вдруг останавливается обращение в экономическом организме, промышленность и торговля почти совершенно приостанавливаются до тех пор, пока избыток продуктов не разоидется по новым каналам. Англия составляет очаг этих кризисов, парализующее влияние которых неминуемо достигает самых отдаленных, самых глухих уголков мирового рынка и везде ведет к разорению значительной части промышленной и торговой буржуазии. От таких кризисов, которые, впрочем, самым осязательным образом показывают всем частям английского общества их зависимость от фабрикантов, есть только одно средство спасения: расширение сбыта либо посредством завоевания новых рынков, либо посредством более основательной эксплуатации старых. Если отбросить те немногие исключительные случаи, при которых, как в 1842 г.

в Китае, силой оружия был открыт рынок, упорно оставшийся до того времени закрытым, есть только одно средство промышленным путем открывать себе новые рынки и основательнее эксплуатировать старые — это более низкие цены, т. е. уменьшение издержек производства. Но издержки производства могут быть уменьшены посредством новых, более совершенных методов производства, посредством уменьшения прибыли или посредством уменьшения заработной платы. Введение же более усовершенствованных методов производства не может спасти от кризиса, потому что оно увеличивает производство и таким образом само вызывает необходимость в новых рынках.

Энгельс Ф. *Английский билль о десяти- часовом рабочем дне.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 250—251

Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров. Отсюда тот любопытный факт, что те самые экономисты, которые отрицают перепроизводство товаров, признают перепроизводство капитала. Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это означает лишь то, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющийся процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого вообще не абсолютны, однако для него, на его базисе, абсолютны. Иначе как же можно было бы объяснить отсутствие спроса на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как можно было бы объяснить то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный продукт получает такую форму, что его владелец может представить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталисты должны только обменивать между собой свои товары и потреблять их, то при этом забывают общий характер капиталистического производства, забывают, что речь идет об увеличении стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которым дела нет до этих возражений) сводятся к тому, что границы *капиталистического* производства не являются границами *производства вообще*, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими *условиями* производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично, по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять трудоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком большая часть населения, которая фактически не работает, которая в силу условий своей жизни эксплуатирует труд других или занимается работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло быть использовано наиболее производительным образом, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в течение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они при данной норме прибыли могли функционировать как средства эксплуатации рабочих. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатств производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатств в их капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, и, выражаясь языком капиталиста, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, которой благоприятствуют страстные поиски новых методов производства, новых применений капитала, новых авантюры с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, независимую от общего среднего уровня ее и возвышающуюся над ним.

Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталобразование стало делом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 281—284

При рассмотрении процесса производства мы видели, что капиталистическое производство только к тому и стремится, чтобы захватить возможно больше прибавочного труда, т. е. чтобы при помощи данного капитала материализовать возможно больше

непосредственного рабочего времени — путем ли удлинения рабочего дня или путем сокращения необходимого рабочего времени, путем развития производительных сил труда, применения кооперации, разделения труда, машин и т. д., словом, путем производства в крупном масштабе, т. е. массового производства. В самой сущности капиталистического производства заложено, стало быть, производство без учета границ рынка.

При рассмотрении воспроизводства предполагается вначале, что способ производства остается неизменным, и таковым при расширении производства он, действительно, остается в течение некоторого времени. Масса произведенных товаров увеличивается здесь потому, что применяется больше капитала, а не потому, что капитал применяется более производительно. Но уже одно только количественное увеличение [719] капитала включает в себя вместе с тем и то, что увеличивается его производительная сила. Если количественное увеличение капитала есть следствие развития производительной силы, то и наоборот — развитие этой производительной силы в свою очередь имеет своей предпосылкой более широкую, расширенную капиталистическую основу. Здесь имеет место взаимодействие. Поэтому воспроизводство на более широкой основе, т. е. накопление, — хотя первоначально оно является лишь количественным расширением производства, связанным с тем, что при тех же самых условиях производства был вложен больший капитал, — на известной точке всегда получает также и качественное выражение, выступая как большая продуктивность тех условий, при которых совершается воспроизводство. Отсюда увеличение массы продуктов в большей пропорции, чем та, в которой возрос капитал при расширенном воспроизводстве, т. е. при накоплении.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 580

Если мы скажем, что непрерывно расширяющееся производство (которое ежегодно расширяется по двум причинам: во-первых, потому, что вложенный в производство капитал непрерывно возрастает, а во-вторых, потому, что он применяется все более и более производительно; во время воспроизводства и накопления непрерывно накапливаются мелкие улучшения, которые в конце концов совершенно изменяют весь масштаб производства; происходит накопление улучшений, накапливающееся развитие производительных сил), — что это непрерывно расширяющееся производство нуждается в непрерывно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, чем рынок, то этим будет лишь иначе выражено то явление, которое подлежит объяснению: оно будет выражено не в своей абстрактной, а в своей реальной форме. Рынок расширяется медленнее, чем производство; другими словами, в том цикле, который проходит капитал во время своего воспроизводства, — а в этом цикле он воспроизводится не просто в прежних размерах, а в расширенном масштабе, описывает не круг, а спираль, — наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведенной продукции. Это имеет место в конце цикла. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство теперь — очевидный факт. Если бы расширение рынка шло в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства.

Однако одно лишь признание того, что рынок должен расширяться вместе с производством, опять-таки уже означало бы, с другой стороны, также и признание возможности перепроизводства, ибо рынок имеет внешние географические пределы, внутренний рынок выступает как ограниченный по сравнению с таким рынком, который является одновременно и внутренним и внешним, а последний, в свою очередь, — по сравнению с мировым рынком, который в каждый данный момент опять-таки ограничен, но потенциально способен к расширению. Поэтому, если признается, что рынок должен расширяться для того, чтобы не наступило перепроизводство, то признается также и то, что перепроизводство может иметь место, ибо тогда возможно, — поскольку рынок и производство представляют собой два безграничных по отношению друг к другу момента, — что расширение одного *не* соответствует расширению другого, что пределы

рынка расширяются недостаточно быстро для производства или что новые рынки — новые расширения рынка — могут быть быстро превзойдены производством, так что расширенный рынок теперь точно так же выступает в качестве предела, как прежде в качестве предела выступал более узкий рынок.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 582—583

...Если увеличение капитала применяемого в каждой отдельной отрасли производства, пропорционально той степени, в какой потребности общества увеличивают спрос на каждый отдельный товар, то увеличение количества одного товара обеспечивает рынок для увеличенного предложения других товаров.

Таким образом, здесь предполагается: 1) *капиталистическое производство*, при котором производство в каждой отдельной отрасли — и его увеличение — регулируется не *непосредственно* потребностями общества и совершается не [811] *под контролем* последнего, а регулируется производительными силами, которыми каждый отдельный капиталист распоряжается независимо от потребностей общества; и 2) предполагается, что, тем не менее, производство ведется так *пропорционально*, как будто капитал в различных отраслях производства применяется непосредственно обществом в соответствии с потребностями общества.

При таком предположении, представляющем собой *contradictio in adjecto**, т. е. в том случае, если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, никакое перепроизводство действительно не могло бы иметь места.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 118—119

Быстро приближается то время, когда основательное исследование экономического положения Англии станет настоятельной национальной необходимостью. Движение промышленной системы этой страны, которое невозможно без постоянного и быстрого расширения производства, а значит и без расширения рынков, приближается к мертвой точке. Свобода торговли исчерпала свои ресурсы; даже Манчестер сомневается в этом своем некогда непререкаемом экономическом евангелии**. Быстро развивающаяся промышленность других стран повсюду становится на пути английского производства, и это не только на рынках, защищаемых покровительственными пошлинами, но и на свободных рынках и даже по эту сторону Ла-Манша. Если производительные силы растут в геометрической прогрессии, то рынки расширяются, в лучшем случае, в арифметической. Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1825 по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свидетельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают. Между тем, каждая наступающая зима все снова ставит перед нами великий вопрос: «Что делать с безработными?». И несмотря на то, что число безработных с каждым годом растет, никто не может

* — буквально: «противоречие в эпитете», или «противоречие в определении», т. е. абсурдное противоречие такого типа, как в выражениях «круглый квадрат», «деревянное железо». *Ред.*

** На состоявшемся сегодня очередном квартальном собрании Манчестерской торговой палаты разгорелась горячая дискуссия по вопросу о свободе торговли. Была предложена следующая резолюция: «После 40 лет тщетных ожиданий, что другие нации последуют в вопросе о свободе торговли примеру Англии, палата считает, что наступило время пересмотреть свою позицию». Резолюция была отвергнута большинством только в один голос: 21 голос — за и 22 голоса — против. «Evening Standard», 1 ноября 1886 года.

ответить на этот вопрос, и мы почти можем вычислить тот момент, когда безработные, потеряв терпение, возьмут свою судьбу в собственные руки. Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»³⁹.

Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию работы К. Маркса «Капитал». Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 33—34

С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, — не только потому, что возрастают эластичность функционирующего капитала и то абсолютное богатство, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, не только потому, что кредит, при всяком особом возбуждении, разом отдает в распоряжение производства необычно большую часть этого богатства в качестве добавочного капитала: кроме всего этого технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д., делают возможным в самом крупном масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Масса общественного богатства, возрастающая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь открывающиеся, как железные дороги и т. д., потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в решающие пункты большую массу людей. Ее доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, имеющий форму десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, цикла, прерываемого более мелкими колебаниями, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и образовании вновь промышленной резервной армии, или перенаселения. Превратности промышленного цикла увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Строение капитала изменялось лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медленным ни был прогресс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплуатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии. Внезапное и скачкообразное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее, в свою очередь, вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплуатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного роста населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «высвобождает» часть рабочих, посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятых или полузанятых рабочих. Поверхностность поли-

тической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами. Как небесные тела, однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение. Следствия, в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Раз эта периодичность упрочилась, то даже политическая экономия начинает воспринимать производство относительного перенаселения, т. е. населения, избыточного по сравнению с средней потребностью капитала в возрастании, как жизненное условие современной промышленности.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 646—648

Как небесные тела, однажды выброшенные на свою орбиту, вращаются на ней неопределенно долгое время, так и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, повторяет это движение с механической необходимостью. Следствия становятся, в свою очередь, причинами, и перипетии, сначала нерегулярные и по видимости случайные, оказывают все большее и большее воздействие на форму нормальной периодичности. Но все это оказывает решающее влияние на все национальное производство только с наступлением эпохи, в которую машинная промышленность пустила достаточно глубокие корни; благодаря ей внешняя торговля начала первенствовать над торговлей внутренней; мировой рынок постепенно распространился на обширные территории Нового Света, Азии и Австралии; наконец, промышленные нации, вступившие в борьбу, стали достаточно многочисленными; и только с этой эпохи начинаются повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают ряд лет, циклы, которые заканчиваются всегда всеобщим кризисом, представляющим собой конец одного цикла и исходный пункт другого. До сих пор периодическая продолжительность этих циклов составляла десять или одиннадцать лет, однако нет никаких оснований считать это число постоянным. Напротив, изложенные нами законы капиталистического производства позволяют сделать вывод, что это число изменяющееся и что период циклов будет постепенно укорачиваться.

Маркс К. [Фрагменты из авторизованного французского издания 1 тома «Капитала»]. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 224—225

Мы видели, как способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, превращается, вследствие анархии производства в обществе, в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов постоянно улучшать свои машины, постоянно увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства. Огромная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается настоящей детской забавой, проявляется теперь в виде потребности расширять эту промышленность и качественно, и количественно, — потребности, не считающейся ни с каким противодействием. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Коллизия становится неизбежной, и так как она не

в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг».

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов вместе с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. В торговле наступает застой, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются жизненных средств, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся массы товаров по более или менее сниженным ценам не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы в конце концов после самых отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова. С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой раз. Характер этих кризисов выражен до такой степени ярко, что Фурье уловил суть всех этих кризисов, назвав первый из них *crise pléthorique*, кризисом от изобилия⁴⁰.

В кризисах с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют наизуоборот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена*.

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигла такой степени развития, что стала несовместимой с существующей рядом с ней и над ней анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов посредством разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства отказывается служить под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, жизненные средства, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала, — все элементы производства и общего благосостояния имеют в изобилии. Но «изобилие становится источником нужды и лишений» (Фурье), потому что именно оно-то и препятствует превращению средств производства и жизненных средств в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, в средство эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак, стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимостью превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил.

Это противоречие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними,

насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 218—221

Условия существования современной промышленности — сила пара и машины — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть, кроме Англии, и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они сами стали производить, причем не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которой Англия обладала почти целое столетие, теперь безвозвратно утеряна.

Но промышленная монополия Англии — это краеугольный камень существующей в Англии общественной системы. Даже во время господства этой монополии рынки не попевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде бумажных тканей из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингема. Что же будет тогда, когда континентальные и в особенности американские товары хлынут во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикам, станет из года в год уменьшаться? Пусть даст на это ответ свобода торговли, это универсальное средство!

Не я первый на это указываю. Уже в 1883 г. на собрании Британской ассоциации в Саутпорте председатель ее экономической секции г-н Инглис Палгрейв прямо заявил, что

«для Англии дни больших прибылей уже прошли, и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. Можно почти утверждать, что страна переходит в состояние застоя».

Но каков же будет результат? Капиталистическое производство *не может* стоять на месте: оно должно расти и расширяться или же умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой и нищету, избыток капитала, с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет? Вот где уязвимое место, ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение является необходимым условием его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство зашло в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: либо должна погибнуть страна, либо капиталистическое производство; кто из них обречен?

Энгельс Ф. Предисловие ко второму немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии» 1892 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 337—338

... Неправильным является утверждение, будто рост рынка в капиталистическом обществе, вызываемый специализацией общественного труда, должен окончиться, как только все натуральные производители превратятся в товаропроизводителей. Русское экипажное производство давно уже превратилось в товарное, но какие-нибудь колесные ободья производятся все еще в каждом экипажном (или колесном) заведении отдельно; техника низка, производство раздроблено между массой производителей. Прогресс техники должен повести за собой специализацию различных частей производства, обобществление их и, следовательно, увеличение рынка.

Здесь следует оговориться. Все изложенное нимало не ведет к отрицанию того положения, что капиталистическая нация не может существовать без внешних рынков. При капиталистическом производстве равновесие производства с потреблением достигается только рядом колебаний; чем крупнее производство, чем более широк круг потребителей, на которых оно рассчитано, тем сильнее эти колебания. Понятно поэтому, что когда буржуазное производство достигло высокой степени развития, ему уже невозможно удержаться в рамках национального государства: конкуренция вынуждает капиталистов все расширять производство и отыскивать себе внешние рынки для массового сбыта продукта. Очевидно, что необходимость внешних рынков для капиталистической нации так же мало нарушает тот закон, что рынок есть простое выражение общественного разделения труда при товарном хозяйстве и что, следовательно, он может расти так же бесконечно, как и разделение труда, — как мало кризисы нарушают закон стоимости.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 96

Неумение объяснить капитализм и предпочтение утопий изучению и выяснению действительности ведет к тому, что отрицается значение и сила капитализма. Это — точно какой-то безнадежно больной, которому неоткуда почерпнуть сил для развития. И мы внесем в положение этого больного ничтожное, почти неощутимое улучшение, если скажем, что он может развиваться на счет производства «средств производства для средств производства». Ведь для этого нужно развитие техники капитализма *, а «мы видим», что именно этого-то развития и нет. Для этого нужно, чтобы капитализм охватил всю страну, а мы видим, что «до повсеместного развития капитализма дело пойти никак не может»...

Представим себе, в самом деле, что кто-нибудь вздумал бы на вопрос: «может ли в России развиваться капитализм, когда масса народа бедна и беднеет все больше?» отвечать таким образом: «Да, может, потому что капитализм будет развиваться не на счет предметов потребления, а на счет средств производства». Очевидно, что в основании такого ответа лежит совершенно верная мысль, что рост валовой производительности капиталистической нации идет главным образом на счет средств производства (т. е. более на счет средств производства, чем предметов потребления), но еще более очевидно, что такой ответ не может ни на iota подвинуть вперед решения вопроса, как не может получиться правильного вывода из силлогизма, если верна малая посылка, но нелепа большая. Такой ответ (повторяю еще раз) уже предполагает, что капитализм развивается, охватывает всю страну, переходит в высшую техническую стадию (крупную машинную индустрию), тогда как вопрос именно и построен на отрицании возможности развития капитализма и замены мелкой формы производства крупной.

«Вопрос о рынках» необходимо свести из сферы бесплодных спекуляций о «возможном» и «должном» на почву действительности, на почву изучения и *объяснения* того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 103, 105—106

Понятно, что теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии ** к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно: что развитие капитализма вообще и фермерства в частности не сокращает, а *создает* внутренний рынок. Развитие капитализма идет вместе с развитием

* То есть смена мелких промышленных единиц крупными, вытеснение ручного труда машинным.

** Речь идет о марксизме. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*.)

товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике, — идет образование рынка для *капитала*. «Поденщики», вытесняемые из земледелия превращением «крестьян» в «фермеров», поставляют рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства, которые не могли уже оставаться прежними при замене мелкого земледелия крупным *. Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть, ибо его-то и игнорировал особенно Сисмонди, говоривший . . . о «потреблении» крестьян и фермеров так, как будто бы существовало одно только *личное* потребление (потребление хлеба, одежды и т. п.), как будто бы покупка машин, орудий и т. п., постройка зданий, складов, фабрик и т. п. не были тоже потреблением, только другого рода, именно: *потреблением производительным*, потреблением не людей, а капитала.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 130

. . . Не всякий продукт может быть потреблен в смысле *личного потребления*: машины, уголь, железо и т. п. предметы потребляются не лично, а производительно. С точки зрения отдельного предпринимателя это различие было лишнее: если мы говорили, что рабочие потребят переменный капитал, — мы принимали, что они выменяют на рынке предметы потребления за те деньги, которые получены капиталистами за произведенные рабочими машины и уплачены этим рабочим. Тут нас не интересует этот обмен машин на хлеб. Но с общественной точки зрения этот обмен уже нельзя *подразумевать*: нельзя сказать, что весь класс капиталистов, производящих машины, железо и т. п., продает их и этим реализует. Вопрос здесь именно в том, *как* происходит реализация, *то есть* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение двух совершенно различных видов общественного продукта: *средств производства* и *предметов потребления*. Первые могут быть потреблены только производительно, вторые — только лично. Первые могут служить *только* капиталом, вторые должны стать доходом, т. е. уничтожаться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые — распределяются между рабочими и капиталистами.

Раз усвоено это разделение и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшего из общественного продукта постоянную его часть (т. е. часть, возмещающую постоянный капитал), — вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе становится уже ясным. . . Рабочие могут потребить заработную плату, а капиталисты — сверхстоимость лишь тогда, когда продукт состоит из предметов потребления, т. е. лишь в одном подразделении общественного производства. «Потребить» же продукт, состоящий из средств производства, они не могут: его *надо обменять на предметы потребления*. Но на какую же часть (по стоимости) предметов потребления могут они обменять свой продукт? Очевидно, только на *постоянную часть* (постоянный капитал), ибо остальные две части составляют фонд потребления рабочих и капиталистов, производящих предметы потребления. Этот обмен, реализуя сверхстоимость и заработную плату в производствах, изготовляющих средства производства, тем самым реализует постоянный капитал в производствах, изготовляющих предметы потребления. В самом деле, у капиталиста, производящего, скажем, сахар, та часть продукта, которая должна возместить постоянный капитал (т. е. сырье, вспомогательные материалы, машины, здания и т. п.), существует в виде *сахара*. Чтобы реализовать эту часть,

* Таким образом, создаются одновременно элементы и переменного капитала («свободный» рабочий) и постоянного; к последнему относятся те средства производства, от которых освобождается мелкий производитель.

надо получить вместо этого предмета потребления соответствующие *средства производства*. Реализация этой части будет, следовательно, состоять из обмена *предмета потребления* на продукты, служащие *средствами производства*. Теперь остается необъясненной реализация одной только части общественного продукта, именно: постоянного капитала в подразделении, изготовляющем средства производства. Она реализуется отчасти тем, что часть продукта, в своем натуральном виде, входит опять в производство (напр., часть угля, добываемого каменноугольным предприятием, идет опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идет опять на посев и т. п.); отчасти же она реализуется обменом между отдельными капиталистами этого же подразделения: напр., в производстве железа необходим каменный уголь, и в производстве каменного угля необходимо железо. Капиталисты, производящие оба продукта, и реализуют взаимным обменом ту часть этих продуктов, которая возмещает их постоянный капитал.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 143—145

Использование достижений науки и техники в сельском хозяйстве

Чем более *необходимыми* становятся те потребности, которые сами возникли исторически, которые порождены самим производством, т. е. общественные потребности, сами вытекающие из общественного производства и обмена, — тем сильнее развито действительное богатство. Богатство, если рассматривать его *вещественно*, заключается только в многообразии потребностей. Само ремесло вовсе не является *необходимым рядом* с самостоятельно обеспечивающим свое существование земледелием, использующим прядение, ткачество и т. д. в качестве домашних побочных занятий. Но если, например, само земледелие [V—22] ведется на научной основе, если ему нужны машины, доставляемые торговлей химические удобрения, семена из дальних стран и т. д., и если при этом — что заложено уже в такого рода предпосылке — сельская патриархальная обрабатывающая промышленность исчезла, то машиностроительный завод, внешняя торговля, ремесло и т. д. являются для земледелия *потребностью*. Земледелие может раздобыть для себя гуано, пожалуй, лишь путем вывоза шелковых тканей. Таким образом, шелкоткацкая фабрика является уже не производством предметов роскоши, а производством, *необходимым* для земледелия. Так как в рассматриваемом нами случае земледелие уже не находит внутри самого себя, в натуральном виде, условия своего собственного производства и эти условия в качестве самостоятельной отрасли производства существуют вне земледелия (причем вместе с этим вне-его-существованием в круг условий производства земледелия входят также все те запутанные взаимосвязи, в которых существует это внешнее по отношению к земледелию производство), то это и является главной и существенной причиной того, что то, что прежде являлось роскошью, теперь стало *необходимым* и так называемая потребность в предметах роскоши выступает как необходимость, например, для производства, первоначально возникшего как чисто натуральное, обусловленное исключительно природой производство.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 18—19

... Справедливо утверждение, что с этой точки зрения сельское хозяйство, например, менее производительно (производительность здесь относится к производству стоимостей), чем другие отрасли производства. Точно так же как, с другой стороны, — *поскольку рост производительности в сельском хозяйстве непосредственно*

уменьшает необходимое рабочее время, — оно производительнее всех остальных отраслей производства. Однако само это обстоятельство может идти на пользу сельскому хозяйству лишь там, где уже господствуют капитал и соответствующая ему общая форма производства.

Уже в самом перерыве фазы производства заложено то, что сельское хозяйство никогда не может быть той сферой, с которой капитал начинает, которую он избирает своим первоначальным местопребыванием. Эти перерывы фазы производства противостоят первейшим основным условиям промышленного труда. Поэтому капитал овладевает сельским хозяйством только посредством обратного воздействия [промышленности на сельское хозяйство], в результате чего земледелие приобретает промышленный характер. Для этого, с одной стороны, требуется высокое развитие конкуренции, с другой стороны — значительное развитие химии, механики и т. д., иными словами, обрабатывающей промышленности. Поэтому в истории мы и находим, что сельское хозяйство никогда не *выступает в чистом виде* в тех способах производства, которые предшествуют капиталу или соответствуют его собственным неразвитым стадиям. Сельская подсобная промышленность, как, например, прядение, ткачество и т. д., вынуждена компенсировать те границы, которые существуют здесь для применения рабочего времени — границы, заложенные в этих перерывах фазы производства.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 176—177

... Историческое явление состоит в относительно более быстром развитии промышленности (собственно буржуазной отрасли производства) в противоположность земледелию. Последнее стало производительнее, но не в такой степени, как промышленность. Там, где производительность промышленности увеличилась в 10 раз, производительность земледелия увеличилась, быть может, в 2 раза. Земледелие, следовательно, сделалось *относительно* менее производительным, хотя абсолютно оно стало более производительным. Это только доказывает в высшей степени причудливое развитие буржуазного производства и присущие ему противоречия. Но из-за этого не перестает быть правильным то положение, что земледелие становится относительно менее производительным, т. е. что по отношению к продукту промышленности стоимость земледельческого продукта, а вместе с тем и земельная рента, повышается. Что земледельческий труд по мере развития капиталистического производства становился относительно менее производительным, чем промышленный труд, означает только то, что производительность земледелия развивалась не с такой быстротой и не в такой степени.

Предположим, что отношение отрасли производства *A* к отрасли *B* равняется 1 : 1. А ведь первоначально земледелие было производительнее, так как здесь в производстве участвует созданная самой природой машина, а не просто силы природы; при помощи этой машины отдельный работник работает здесь с самого же начала. Поэтому в древности и в средние века земледельческие продукты были относительно гораздо дешевле, чем промышленные, что явствует уже из того (см. *Уэйда*)⁴¹, в какой пропорции те и другие входят в среднюю заработную плату.

Пусть отношение 1 : 1 вместе с тем показывает производительность обеих отраслей производства. Если теперь отрасль *A* = 10, т. е. в десять раз увеличила свою производительность, тогда как отрасль *B* = 3, т. е. только утроила ее, то обе отрасли производства, относившиеся раньше как 1 к 1, будут относиться как 10 к 3, или как $1 \frac{7}{10}$. Относительная производительность отрасли *B* уменьшилась на $\frac{7}{10}$, хотя абсолютно она возросла втрое. Для самой высокой ренты это — по отношению к промышленности — равносильно тому, как если бы самая высокая рента повысилась оттого, что самая плохая почва стала на $\frac{7}{10}$ менее плодородной.

Отсюда, правда, никоим образом не следует, как думает Рикардо, что норма прибыли понизилась потому, что заработная плата повысилась в результате относительного вздорожания земледельческих продуктов [447] — ведь средняя заработная плата определяется не относительной, а абсолютной стоимостью продуктов, входящих в нее.

Но отсюда действительно следует, что норма прибыли (собственно говоря, норма прибавочной стоимости) повысилась не в такой степени, в какой повысилась производительная сила обрабатывающей промышленности, и что причиной этому является относительно меньшая производительность земледелия (а не почвы). И это не подлежит никакому сомнению. Уменьшение необходимого рабочего времени является незначительным в сравнении с прогрессом промышленности. Это проявляется в том, что такие страны, как Россия и др., в состоянии побить Англию на рынке сельскохозяйственных продуктов. Меньшая стоимость денег в более богатых странах (т. е. относительная незначительность издержек производства денег для более богатых стран) не играет здесь никакой роли. Ибо вопрос заключается как раз в том, почему в конкуренции более богатых стран с более бедными это обстоятельство не оказывает влияния на их промышленные продукты, а влияет только на их сельскохозяйственные продукты. (Впрочем, это не доказывает, что бедные страны производят дешевле, что их сельскохозяйственный труд производительнее. Даже в Соединенных Штатах, как недавно доказано было статистическими исследованиями, увеличилось, правда, общее количество пшеницы, продаваемой по данной цене, но это произошло не потому, что с каждого акра получается больше, а потому, что обрабатывается большее количество акров. Нельзя говорить, что почва более производительна в тех странах, где имеются крупные массивы земли и где большие участки ее, слегка обработанные, дают при затрате одного и того же труда абсолютно большее количество продуктов, чем гораздо меньшие участки земли в более развитых странах.

Переход к обработке *менее производительной* почвы не является бесспорным доказательством того, что земледелие стало менее производительным. Наоборот, это может свидетельствовать о том, что земледелие стало более производительным. Непогодная почва обрабатывается не только потому, что цены сельскохозяйственных продуктов поднялись до того уровня, при котором возмещается вложенный в землю капитал, но также и потому, что средства производства достигли такого развития, что непроизводительная почва сделалась «производительной» и что она способна уже оплачивать не только обычную прибыль, но также и земельную ренту. Та почва, которая оказывается плодородной для данной ступени развития производительных сил, является неплодородной для более низкой ступени.

В земледелии абсолютное удлинение рабочего времени — а значит и увеличение абсолютной прибавочной стоимости — возможно только в незначительной степени. В земледелии нельзя работать при газовом освещении и т. п. Конечно, летом и весной можно рано начинать работу. Но это уравновешивается более короткими днями в зимнее время, когда вообще может выполняться лишь относительно небольшое количество работы. Следовательно, в этом отношении *абсолютная прибавочная стоимость больше в промышленности*, если только нормальный рабочий день не регулируется в порядке законодательного принуждения. Длительность периода, в течение которого сельскохозяйственный продукт пребывает в процессе производства без приложения к нему нового труда, является второй причиной того, что в земледелии создается меньшая масса *прибавочной стоимости*. Но, с другой стороны, за исключением некоторых отраслей сельского хозяйства, как скотоводство, пастбищное овцеводство и т. д., где население абсолютно вытесняется, отношение массы занятых людей к вложенному постоянному капиталу — даже в наиболее прогрессивном крупном сельском хозяйстве — все еще гораздо выше, чем в промышленности, по крайней мере, чем в господствующих отраслях промышленности. Таким образом, с этой стороны норма прибыли в сельском хозяйстве может быть выше, чем в промышленности, даже если, вследствие указанных причин, масса прибавочной стоимости здесь относительно меньше, чем она была бы в промышленности при применении *такого же* количества людей, причем это последнее обстоятельство отчасти опять-таки парализуется падением заработной платы сельскохозяйственных рабочих ниже ее среднего уровня.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 9—11

В общем следует признать, что при примитивном, докапиталистическом способе производства земледелие *производительнее*, чем промышленность, так как природа здесь участвует в работе человека как машина и организм, в то время как в промышленности силы природы еще почти целиком замещаются человеческой силой (как, например, в ремесленной промышленности и т. д.). В бурный период капиталистического производства развитие производительности в промышленности, по сравнению с земледелием, происходит очень быстро, хотя развитие промышленности и *предполагает*, что в земледелии *произошло* уже значительное изменение в соотношении между переменным и постоянным капиталом, т. е. предполагает, что масса людей согнана с земли. В дальнейшем производительность возрастает и в промышленности и в земледелии, хотя и неодинаковым темпом. Но на известной ступени развития промышленности эта диспропорция должна начать убывать, т. е. производительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем производительность промышленности. Сюда относятся: 1) Замена фермера-лежебоки промышленником, сельскохозяйственным капиталистом, превращение земледельцев в чисто наемных рабочих, ведение земледелия в крупном масштабе, т. е. с помощью концентрированных капиталов. 2) В особенности же следующее: собственно научную основу крупной промышленности составляет механика, которая в XVIII веке до известной степени достигла своего завершения; лишь в XIX веке, в особенности в более поздние его десятилетия *, развиваются те науки, которые *непосредственно* являются для земледелия специфическими основами в большей степени, чем для промышленности, [494] — химия, геология и физиология.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 115

(С одной стороны, с прогрессом промышленности машины становятся эффективнее и дешевле, и, стало быть, эта часть постоянного капитала земледелия уменьшается — в том случае, если машины применяются здесь лишь в *таком же количестве*, как и прежде; однако количество машин растет быстрее, чем их удешевление, ибо этот элемент еще слабо развит в земледелии. С другой стороны, с увеличением производительности земледелия падает цена сырья — примером может служить хлопок, — так что сырье как составная часть процесса образования стоимости увеличивается не в такой же пропорции, в какой оно увеличивается как составная часть процесса труда.)

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 117

С одной стороны, развитие производительности общественного труда делает более легкой расчистку под пашню новых земель; однако, с другой стороны, возделывание земли увеличивает различия между почвами, ибо вполне возможно, что возделанная почва *A* и невозделанная почва *B* первоначально обладали одинаковым плодородием, если мы из плодородия почвы *A* вычтем ту долю плодородия, которая для этой почвы теперь является, правда, естественной, но раньше была придана ей *искусственно*. Таким образом, само возделывание почвы увеличивает различие в естественном плодородии между возделанной и невозделанной землей.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 157

* — т. е. в 40-е и 50-е годы. *Ред.*

Природная производительность земли.

Там, где развито капиталистическое производство, различия в природной производительности — почва, климат и все, что с этим связано, — влекут за собой различия в относительной производительности применяемого капитала, так как природная производительность труда, совершенно так же как и его общественная производительность, выступает как *производительность капитала*, а потому и степени этой производительности выступают как степени производительности капитала. Но, напротив, *не эта природная производительность* способствует развитию капитала или вызывает его развитие по отношению к самой себе. Это позволяет нам глубоко понять природу *прибавочной стоимости* (т. е. прибавочного труда), а тем самым сразу обнаружить фантазию физиократов (отчасти Смита) и направленные на апологию земельной собственности воззрения Мальтуса, будто *прибавочная стоимость* есть какой-то дар природы. Предположим, что в какой-нибудь стране имеется очень много дичи. Если охотник довольствуется тем, что отстреляет или выловит столько дичи, сколько ему попадется, то он не производит избытка дичи. И если вообще человек довольствуется тем, что присваивает себе из стихийно возникших продуктов богатой природы столько, сколько ему нужно для удовлетворения необходимых потребностей, то он не производит капитала. Плодородие земли может позволить ему работать мало и применять свой труд на площади в $\frac{1}{40}$ акра. Он производит в этом случае не больше избытка, чем если бы он работал целый день, для того чтобы обработать 40 акров бесплодной земли. Производство нигде не начинается с капитала. Капитал начинается там, где уже при других способах производства — какими бы они ни были — развилось промышленное население, а это зависит от массы природных потребностей и, следовательно, от природного побуждения к труду. Последнее находится в обратном отношении к природной производительности земли, находится в зависимости от необходимости *действия*, от тех препятствий, которые необходимо преодолеть. Конечно, если почва и климат слишком бесплодны, то результат будет таким же, как и в том случае, когда они слишком плодородны.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 456—457

В той степени, в какой растут природная производительность труда и природное плодородие почвы, данное количество труда выражается в большем количестве продукта. Одно и то же количество труда выражается в *той же самой стоимости*, а стало быть, также и *совокупный продукт* выражается в той же самой *совокупной цене*. Но *цена единицы продукта падает*. Вместо того чтобы выражаться в высокой цене четверта пшеницы, это плодородие выражается в низкой его цене. Во всяком случае — и здесь допускают путаницу физиократы — это плодородие выражается в низкой стоимости рабочей силы, относительной непродолжительности *необходимого* рабочего времени. Если бы, следовательно, работали то же самое рабочее время, выполняли то же самое количество труда, то *прибавочный труд* (и прибавочный продукт) увеличился бы в той же самой мере, в какой уменьшилась бы необходимая часть рабочего дня, а поэтому — и *стоимость* необходимого продукта. Этот *прибавочный продукт* имел бы поэтому более высокую стоимость, но не потому что *повысилась цена* единицы продукта, а потому, что она понизилась; *совокупная же цена совокупного количества* [товаров] осталась бы той же самой или также уменьшилась, если бы уже не работали то же самое количество часов. Если необходимый труд был равен 6, а рабочий день — 12 и если вследствие большего плодородия необходимый труд стал равным 3, а прибавочный труд — 7, то стоимость совокупного продукта понизилась бы на $\frac{1}{6}$, цена товара уменьшилась бы в два раза, а *стоимость прибавочного продукта* повысилась бы на $\frac{1}{6}$. Это увеличение *прибавочной стоимости* или *прибавочного продукта* поконится лишь на *большем присвоении чужого труда*, которое как раз возможно только потому, что *стоимость* товара *понизилась*. То, что повышается *стоимость прибавочного продукта*, а не только его количество, вводит

в заблуждение физиократов, которые не видят, что если бы совокупное рабочее время уменьшилось пропорционально [росту] производительности труда, то *стоимость прибавочного продукта* понизилась бы. Например, если бы в вышеприведенном случае стали работать 6 часов вместо 12, то рабочий за 3 часа получил бы столько же, сколько прежде за 6, так же как и тот, кто присваивает 3 часа прибавочного труда. Но *стоимость* совокупного продукта, а вместе с ним и *прибавочного продукта*, упала бы вдвое. То, что количество труда — например, 12 часов в день — остается тем же самым, как бы ни изменялась производительность труда, кажется физиократам «установлением природы», так же как и Мальтусу — «даром природы человеку» (там же, стр. 8—9), а именно — даром природы «природному превосходству людей». Во всяком случае от этих благодетельных установлений природы зависят «высокие прибыли» г-на Мальтуса, но не избыток ренты над прибылью или *«избыток цены над издержками производства»* [там же, стр. 9]. Если сельскохозяйственный труд производительнее какого-либо другого труда, то это может проявиться только в том, что здесь необходимо меньше живого труда, для того чтобы продукты прежнего труда (постоянный капитал) использовать для воспроизводства, превратить их в новые продукты. Следовательно, *стоимость*, которую какой-либо определенный капитал произвел бы в сельском хозяйстве, была бы меньше той стоимости, которую тот же самый капитал произвел бы где-либо еще. Вместо некоторого избытка цены совокупного продукта над издержками производства в других сферах, здесь — минус.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 461—463

Продолжительное время производства (включающее в себя лишь относительно незначительное рабочее время), а потому и большая продолжительность периодов оборота делают лесоразведение отраслью, невыгодной для частного, а следовательно, и для капиталистического производства, — ведь капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный. Развитие культуры и промышленности вообще с давних пор сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано ими для поддержания и новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину.

В приведенной выше цитате из книги Кирххофа заслуживает особого внимания следующее место:

«Кроме того, регулярное ведение лесного хозяйства требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз его ежегодный расход».

Это значит, что один оборот капитала совершается в 10—40 и более лет.

То же самое и в животноводстве. Одна часть стада (запас скота) остается в процессе производства, в то время как другая часть стада продается в качестве ежегодного продукта. Только одна часть капитала оборачивается здесь ежегодно, совершенно так же, как это имеет место с основным капиталом — машинами, рабочим скотом и т. п. Хотя этот капитал есть капитал, закрепленный в процессе производства на сравнительно продолжительное время и потому замедляющий оборот всего капитала, тем не менее он не образует основного капитала в категорическом смысле этого понятия.

То, что называют здесь запасом — определенное количество леса на корню или живого скота, — находится в процессе производства в условном смысле (одновременно в качестве средств труда и материала труда); соответственно естественным условиям воспроизводства леса или скота, при правильном ведении хозяйства, значительная часть его должна постоянно находиться в этой форме, в форме запаса.

Подобное же воздействие на оборот капитала оказывает другой вид запаса, который составляет лишь потенциальный производительный капитал, но в силу самой природы хозяйства должен накапливаться в более или менее значительных массах и, следовательно, должен авансироваться для производства на сравнительно продолжительное

время, хотя он лишь мало-помалу вступает в активный процесс производства. Сюда относится, например, удобрение, пока оно еще не вывезено на поле, а также зерно, сено и т. д., и запасы таких жизненных средств, которые входят в производство скота.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 275—276

Производительно эксплуатируемый материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала, — земля, море, руды, леса и т. д., при большем напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплуатироваться без увеличения авансируемого денежного капитала. Таким образом, величина реальных элементов производительного капитала возрастает, не требуя затрат добавочного денежного капитала. Если же последний потребуется на дополнительные вспомогательные материалы, то денежный капитал, в форме которого авансируется капитальная стоимость, увеличивается непропорционально увеличению эффективности производительного капитала, следовательно, он увеличивается вовсе не *pro tanto**.

Одни и те же средства труда, т. е. один и тот же основной капитал, можно использовать более эффективно как посредством удлинения времени его ежегодного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения, причем для этого не требуется добавочной затраты денег на основной капитал. В таком случае происходит лишь более быстрый оборот основного капитала, но зато и элементы его воспроизводства доставляются быстрее.

Оставляя в стороне материалы природы, в процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят. Степень их эффективности зависит от методов их применения и прогресса науки, которые опять-таки ничего не стоят капиталисту.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 399

Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обуславливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме, в зависимости от формы, которой определяется большая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений. Таким образом, отчасти от развития агрохимии, отчасти от развития механизации земледелия зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития химических и механических средств агрикультуры, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством известкования тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (например, применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие одинаково плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренаж почвы). Это может изменить и само последовательность в обработке различных категорий почвы, как это наблюдалось, например, по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — с прогрессом

* — в той же мере. *Ред.*

земледельческой культуры — переход может совершаться как от более плодородных земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы или просто благодаря изменениям в методах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие изменения типа почвы в силу различных условий подпочвы, раз последняя также вовлекается в обработку и присоединяется к пахотному горизонту. Обуславливается это отчасти применением новых земледельческих методов (например, возделыванием кормовых трав), отчасти применением механических средств, при помощи которых подпочва превращается в верхний слой почвы, или смешиваясь с ним, или же подвергается рыхлению, не перемещаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель означают, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать естественное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет собой такой же момент так называемого естественного плодородия почвы, как ее химический состав и другие ее природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что последовательность, в которой различного рода земли располагаются по своему достоинству, соотносится с этой ступенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена по восходящей или нисходящей линии, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 202—203

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный, производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия. Причины, по которым эта собственность гибнет, раскрывают ее пределы. Они таковы: уничтожение сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности; постепенное обеднение и истощение почвы в условиях мелкого производства; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или как капиталистическое. Ее гибели содействуют также, как это было в Англии в первой половине XVIII века, улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более значительных вещественных условий производства.

Мелкая земельная собственность по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 371—372

Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше, так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т. д. и так как сельскохозяйственные наемные рабочие не только принуждались к более интенсивному труду*, но и все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом, с высвобождением части сельского населения высвобождаются также его прежние средства существования. Они превращаются теперь в вещественные элементы переменного капитала. Оказавшийся между небом и землей крестьянин должен заработать их стоимость у своего нового господина, промышленного капиталиста, в форме заработной платы.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 755

Мы нуждаемся в ежедневно увеличивающемся производстве, и его потребности не могут быть удовлетворены при таком положении, когда кучка людей может регулировать это производство соответственно своим прихотям и частным интересам или невежественно истощать почву. Все современные методы, такие как орошение, дренаж, паровой плуг, химические продукты и т. п., должны широко применяться в сельском хозяйстве. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе.

Если обработка земли в крупном масштабе (даже современным капиталистическим методом, низводящим самого производителя до уровня простого вьючного животного) оказывается настолько более выгодной с экономической точки зрения**, чем ведение хозяйства на мелких и раздробленных участках, то разве ведение хозяйства в национальном масштабе не дало бы еще больший толчок развитию производства?

Непрерывно растущие потребности населения, с одной стороны, и постоянный рост цен на сельскохозяйственные продукты — с другой, неопровержимо доказывают, что национализация земли стала общественной необходимостью.

Уменьшение сельскохозяйственной продукции в результате произвола отдельных лиц станет, разумеется, невозможным, когда возделывание земли будет вестись под контролем нации*** и для ее блага.

Все граждане, которых я здесь слышал во время обсуждения этого вопроса, защищали национализацию земли, но они придерживались весьма различных точек зрения****.

Национализация земли и передача ее мелкими участками отдельным лицам или товариществам рабочих, когда власть находится в руках буржуазии, только породила бы беспорядочную конкуренцию между ними, и в результате привела бы к увеличивающемуся росту ренты, а это в свою очередь принесло бы новые выгоды землевладельцам, живущим за счет производителей.

На конгрессе Интернационала в Брюсселе в 1868 г. один из наших товарищей сказал:

«Мелкая частная собственность на землю осуждена наукой, а крупная земельная собственность — справедливостью. Остается, таким образом, только одно из двух: земля должна стать либо собственностью сельских товариществ, либо собственностью всей нации. Будущее решит этот вопрос»⁴³.

Я же говорю наоборот***** социальное движение приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных

* Этот пункт подчеркивает сэр Джеймс Стюарт⁴².

** В черновой рукописи слова «с экономической точки зрения» отсутствуют. *Ред.*

*** В черновой рукописи далее следует: «за ее счет и в ее интересах». *Ред.*

**** В черновой рукописи эта фраза отсутствует; она, по-видимому, принадлежит Дюпону. *Ред.*

***** В черновой рукописи вместо последующих слов написано: «будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью». *Ред.*

сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей.

Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, и в конечном счете, совершенно уничтожит капиталистический способ производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с той экономической основой, на которой они покоятся*. Жизнь за счет чужого труда канет в прошлое. Не будет больше правительства или государства, отделенных от самого общества! Сельское хозяйство, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее целесообразным образом. *Национальная централизация средств производства* станет национальной** основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану. Такова та гуманная*** цель, к которой ведет великое экономическое движение XIX столетия.

*Маркс К. Национализация земли. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18,
с. 55, 56—57*

Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либих в своих сочинениях по агрохимии, в которых он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывалось, что этому препятствует лишь существование городов, в особенности крупных городов. Когда видишь, как здесь, в одном только Лондоне, изо дня в день с затратой огромных средств выбрасывается в море бóльшая масса навоза, чем производится во всем королевстве Саксонии, и когда видишь, какие колоссальные сооружения необходимы для того, чтобы этот навоз не отравил весь Лондон, — то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней находит замечательное обоснование в практике. Даже сравнительно небольшой Берлин вот уж по крайней мере тридцать лет задыхается в своих собственных нечистотах.

*Энгельс Ф. К жилищному вопросу. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18,
с. 276*

Что прогресс техники в земледелии при наших капиталистических порядках связан с буржуазностью, — это несомненно, но «боязнь», проявляемая народниками, разумеется, совершенно нелепа. Буржуазность — уже факт действительной жизни, труд подчинен капиталу уже и в земледелии, — и «бояться» надо не буржуазности, а отсутствия сознания этой буржуазности у производителя, отсутствия у него способности отстаивать свои интересы против нее. Поэтому надо желать не задержки развития капитализма, а, напротив, полного его развития, развития до конца.

Чтобы подробнее и точнее указать основания той ошибки, которую допустил г. Струве, трактуя о земледелии в капиталистическом обществе, попробуем обрисовать (в самых общих чертах) процесс образования классов рядом с теми изменениями в технике, которые подали повод к рассуждению. Г. Струве различает при этом строго экстенсивное земледелие и интенсивное, усматривая корень заблуждений г. Н. — она в том, что он кроме экстенсивного земледелия не хочет ничего знать. Мы постараемся

* В черновой рукописи вместо слов «на которой они покоятся» написано: «из которой они произошли, и общество превратится в объединение свободных производителей». *Ред.*

** В черновой рукописи вместо слова «национальной» написано: «естественной». *Ред.*

*** В черновой рукописи слово «гуманная» зачеркнуто. *Ред.*

доказать, что *основная* ошибка г. Н. — она не в этом, что, при переходе земледелия в интенсивное, образование классов буржуазного общества в сущности однородно с тем, которое происходит при развитии экстенсивного земледелия. . .

Прогресс техники вызывается товарным хозяйством; для осуществления его необходима наличность у хозяина свободных, избыточных [по отношению к его потреблению и воспроизведению его средств производства] *денежных* средств. Откуда могут взяться эти средства? Очевидно, они не могут взяться ниоткуда, кроме как из того, что обращение: товар — деньги — товар превратится в обращение: деньги — товар — деньги с плюсом. Другими словами, средства эти могут взяться исключительно от капитала, *от торгового и ростовщического капитала*, от тех самых «коштанов, кулаков, купцов» и т. д., которых наивные российские народники относят *не* к капитализму, а к «хищничеству» (как будто капитализм не есть хищничество! как будто русская действительность не показывает нам взаимной связи всевозможных форм этого «хищничества» — от самого примитивного и первобытного кулачества до самого новейшего, рационального предпринимательства!) *... Рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств. Г. Н. — он возражает: завтра техника может еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-десятинные хозяйства надо будет превратить в 200 или 300-десятинные. — Такой аргумент против положения о буржуазности нашего земледелия так же смешон, как если бы кто-нибудь стал доказывать слабость и бессилие фабричного капитализма на том основании, что сегодняшнюю паровую машину придется «завтра» заменить электрической. «Также остается неизвестным, куда деваются миллионы освобожденных рабочих сил», — добавляет г. Н. — он, призывая на суд перед собой буржуазию и забывая, что судить-то ее некому, кроме самого производителя. Образование резервной армии безработных — такой же необходимый результат применения машин в буржуазном земледелии, как и в буржуазной индустрии.

Итак, по отношению к развитию экстенсивного земледелия нет сомнения, что прогресс техники при товарном хозяйстве ведет к превращению «крестьянина» в фермера, с одной стороны (понимая под фермером предпринимателя, капиталиста в земледелии), — в батрака и поденщика, с другой.

... Подробное описание процесса развития интенсивного хозяйства показывает наглядно, что и в этом случае прогресс техники при товарном производстве ведет к буржуазному хозяйству, раскалывает непосредственного производителя на *фермера*, пользующегося всеми выгодами от интенсивности, улучшения орудий и т. д., — и *рабочего*, доставляющего своей «свободой» и своей «дешевизной» самые «благоприятные условия» для «прогрессивного развития всего народного хозяйства».

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 496—499, 502—503

... В громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя; наряду с работой на «рациональных» буржуазных хозяев мы видим только работу на владельцев денежного капитала, т. е. тоже капиталистическую эксплуатацию, но только неразвитую, примитивную, которая в силу этого, во-первых, вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а, во-вторых, отнимает у него (и его идеолога — народника) возможность понять

---

* Есть у гг. народников еще один, весьма глубокий, прием затушевывать корни нашего промышленного капитализма в «народном производстве», т. е. в «народном» ростовщичестве и кулачестве. Кулак несет свои «сбережения» в государственный банк; вклады его позволяют банку, опираясь на рост народного богатства, народных сбережений, народной предприимчивости, народной кредитоспособности, занять денег у англичанина. Занятые деньги «государство» обращает на помощь... — какая недалевидная политика! какое печальное игнорирование «современной науки» и «современных нравственных идей!» — ... *капиталистам*. Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистов) не на капитализм, а на «народное производство», — то у нас на Руси был бы не капитализм, а «народное производство»?

классовый характер совершаемых по отношению к нему «неприятностей» и сообразовать свою деятельность с таковым их характером. Следовательно, «прогрессивная сторона» «дифференциации» (говоря языком г. Струве) состоит в том, что она выводит на свет ту противоположность, которая прячется в форме кабалы, и отнимает у нее ее «стародворянские» черты. «Регрессивность» народничества, отстаивающего крестьянское равнение (пред. . . кулаком), состоит в том, что оно желает задержать капитал в его средневековых формах, соединяющих эксплуатацию с раздробленным, технически отсталым производством, с личным давлением на производителя. В обоих случаях (и в случае «кабалы», и в случае «дифференциации») причиной угнетения является *капитализм*, и противоположные заявления автора, что дело «не в капитализме», а в «технической нерациональности», что «не капитализм — виновник крестьянской бедности» и т. п., — показывают только, что г. Струве слишком увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма перед неразвитым, и благодаря абстрактности своих положений противопоставил первое второму. . .

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 510—511

Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т. е. которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус для других. Такова и аренда, и покупка земли, и «промыслы» в их диаметрально противоположных типах; таков же и технический прогресс хозяйства.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 164—165

Установив факт в высшей степени быстрого развития сельскохозяйственного машиностроения и употребления машин в русском пореформенном земледелии, мы должны теперь рассмотреть вопрос об общественно-экономическом значении этого явления. Из изложенного выше об экономике крестьянского и помещичьего земледелия вытекают следующие положения: с одной стороны, именно капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве; с другой стороны, применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т. е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их.

Остановимся на первом из этих положений. Мы видели, что отработочная система хозяйства и неразрывно связанное с ней патриархальное крестьянское хозяйство, по самой своей природе, основаны на рутинной технике, на сохранении старинных способов производства. Во внутреннем строе этого хозяйственного режима нет никаких импульсов к преобразованию техники; напротив, замкнутость и изолированность хозяйства, нищета и приниженность зависимого крестьянства исключают возможность введения усовершенствований. В частности, укажем на то, что оплата труда в отработочном хозяйстве гораздо ниже (как мы видели), чем при употреблении вольнонаемного труда; а известно, что низкая заработная плата составляет одно из важнейших препятствий к введению машин. И факты, действительно, говорят нам, что широкое движение, направленное к преобразованию земледельческой техники, началось только в пореформенный период развития товарного хозяйства и капитализма. Созданная

капитализмом конкуренция и зависимость земледельца от мирового рынка сделали преобразование техники необходимостью. . .

Для пояснения второго положения мы должны рассмотреть особо помещичье и крестьянское хозяйство. Когда помещик заводит машину или улучшенное орудие, он заменяет инвентарь крестьянина (работавшего на него) своим инвентарем; он переходит, следовательно, от отработочной системы хозяйства к капиталистической. Распространение сельскохозяйственных машин означает вытеснение отработков капитализмом. Возможно, конечно, что условием, например, сдачи земли ставятся отработки в форме поденной работы при жатвенной машине, молотилке и пр., но это будут уже отработки второго вида, отработки, превращающие крестьянина в поденщика. Подобные «исключения», следовательно, лишь подтверждают то общее правило, что обзаведение частновладельческих хозяйств улучшенным инвентарем означает превращение кабального («самостоятельного», по народнической терминологии) крестьянина в наемного рабочего, — совершенно точно так же, как приобретение собственных орудий производства скупщиком, раздающим работу на дома, означает превращение кабального «кустаря» в наемного рабочего. Обзаведение помещичьего хозяйства собственным инвентарем ведет неизбежно к подрыву среднего крестьянства, снискивающего себе средства к жизни посредством отработков. . . Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве с такой же неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача-кустаря.

Результаты применения машин к земледелию подтверждают сказанное, показывая все типические черты капиталистического прогресса со всеми свойственными ему противоречиями. Машин в громадной степени повышают производительность труда в земледелии, которое до современной эпохи оставалось почти совершенно в стороне от хода общественного развития. . .

Далее, машины ведут к концентрации производства и к применению капиталистической кооперации в земледелии. Введение машин, с одной стороны, требует значительных размеров капитала и потому доступно только крупным хозяевам; с другой стороны, машина окупается только при громадном количестве обрабатываемого продукта; расширение производства становится необходимостью при введении машин. Распространение жатвенных машин, паровых молотилок и пр. указывает поэтому на концентрацию земледельческого производства, — и мы действительно увидим ниже, что тот район русского земледелия, который особенно развил употребление машин (Новороссия), отличается также весьма значительными размерами хозяйств.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 223—226

Рост сельскохозяйственных технических производств имеет очень важное значение в вопросе о развитии капитализма. Во-1-х, этот рост представляет из себя одну из форм развития торгового земледелия и притом именно такую форму, которая с особенной рельефностью показывает превращение земледелия в одну из отраслей промышленности капиталистического общества. Во-2-х, развитие технической обработки сельскохозяйственных продуктов бывает обыкновенно неразрывно связано с техническим прогрессом сельского хозяйства: с одной стороны, уже самое производство сырья для переработки требует нередко улучшения земледелия (например, посев корнеплодов); с другой стороны, отбросы, получаемые при обработке, нередко утилизируются для земледелия, повышая его успешность, восстанавливая хотя отчасти то равновесие, ту взаимозависимость между земледелием и промышленностью, в нарушении которых состоит одно из самых глубоких противоречий капитализма.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 284

Для развития техники земледелия городской капитализм старается дать все средства современной науки, но социальное положение производителей он оставляет по-прежнему жалким; городской культуры он не переносит систематически и планомерно в деревню. . .

Рост городского (общее: индустриального) населения *на счет* сельского есть не только теперешнее, а вообще явление, выражающее *именно закон* капитализма. . .

Отнятие промышленностью у земледелия самых сильных, энергичных и интеллигентных рабочих есть вообще явление не только промышленных, но и земледельческих стран, не только Западной Европы, но и Америки, и России.

Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 144, 145

Небезынтересно поэтому сравнить отношение к конкретному вопросу экономии (значение машин) и политики (не ограничить ли?) узкого ортодокса, погрязшего в марксистских предрассудках, и современного критика, прекрасно воспринявшего весь дух «критицизма».

Каутский говорит («Agarfrage», S. 41), что Гольц приписывает молотилке особенно «вредное влияние»: она отнимает у сельских рабочих их главное зимнее занятие, гонит их в города, усиливает обезлюдение деревни. И Гольц предлагает ограничить употребление молотилки, предлагает — добавляет Каутский — «по-видимому, в интересах сельских рабочих, а на самом деле в интересах помещиков, для которых», как говорит сам Гольц, «проистекающий от такого ограничения убыток будет с избытком возмещен — если и не тотчас, то в будущем — увеличением числа рабочих сил на летнее время». «К счастью, — продолжает Каутский, — это консервативное дружелюбие по отношению к рабочим есть не что иное, как реакционная утопия. Молотилка слишком выгодна «тотчас», чтобы помещики могли отказаться от ее употребления ради прибыли «в будущем». И потому молотилка будет продолжать свою революционную работу: она будет гнать сельских рабочих в города, она станет вследствие этого могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне, с другой стороны, дальнейшего развития сельскохозяйственного машиностроения».

Отношение г. Булгакова к такой постановке вопроса социал-демократом и аграрием в высшей степени характерно: это маленький образчик той позиции, которую заняла вообще вся современная «критика» между партией пролетариата и партией буржуазии. Критик, разумеется, не так узок и не так шаблонен, чтобы встать на точку зрения классово-борьбы и революционирования всех общественных отношений капитализмом. Но, с другой стороны, хотя наш критик и «поумнел», — все же воспоминания о том времени, когда он был «молод и глуп», разделял предрассудки марксизма, — не позволяют ему целиком принять программу его нового товарища, агрария, совершенно резонно и последовательно заключающего от вреда машины «для *всего* сельского хозяйства» к пожеланию: запретить! . . . Он утратил уже *всякое* понимание классово-борьбы и способен теперь говорить о вреде машин для «*всего* сельского хозяйства», забывая, что *всем* современным сельским хозяйством руководят на первом плане предприниматели, думающие только о своей прибыли, — он настолько забыл те «годы юности», когда он был марксистом, что ставит уже нелепейший вопрос, «окупают» ли технические выгоды машины ее вредное действие на рабочих (а это вредное действие оказывает не одна паровая молотилка, а и паровой плуг, и косилка, и зерноочистительная машина, и проч.)? Он не замечает даже, что аграрий хочет в сущности только более глубокого порабощения рабочего и зимой и летом. Но, с другой стороны, он смутно вспоминает тот устарелый «догматический» предрассудок, что запрещение машин есть утопия. Бедный г. Булгаков, выпутается ли он из этого неприятного положения?

Интересно отметить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значение сельскохозяйственных машин, выставляя даже «закон убывающего плодородия почвы», забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о том новом техническом перевороте

земледелия, который подготавливает электротехника. Напротив, Каутский, — который, по более чем несправедливому суждению г. П. Маслова, «сделал существенную ошибку, совершенно не определивши, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии» («Жизнь», 1901, № 3, стр. 171), — Каутский указал на значение электричества в земледелии еще в 1899 году («Agrarfrage»). В настоящее время признаки грядущего технического переворота намечаются уже яснее. Делаются попытки осветить теоретически значение электротехники в земледелии (см. Dr. Otto Pringsheim. «Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirtschaft», Brauns Archiv *, XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутского в «Neue Zeit»⁴⁴ XIX, 1, 1900—1901, № 18, «Die Elektrizität in der Landwirtschaft»^{**}); раздаются голоса практиков-помещиков, описывающих свои опыты по применению электричества (Прингсгейм цитирует книгу Адольфа Зейффергельда, рассказывающего об опыте в своем хозяйстве), видящих в электричестве средство сделать снова земледелие доходным, призывающих правительство и помещиков к устройству центральных силовых станций и массовому производству электрической силы для сельских хозяев (в Кенигсберге вышла в прошлом году книга помещика из Восточной Пруссии, П. Мака — Р. Mack. «Der Aufschwung unseres Landwirtschaftsbetriebes durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirtschaft bieten»^{***}).

Прингсгейм делает очень верное, на наш взгляд, замечание, что современное земледелие — по общему уровню его техники, да, пожалуй, и экономики — ближе подходит к той стадии развития промышленности, которую Маркс назвал «мануфактурой». Преобладание ручного труда и простой кооперации, спорадическое применение машин, мелкие сравнительно размеры производства (если считать, напр., по сумме ежегодно продаваемых одним предприятием продуктов), сравнительно мелкие, в большинстве случаев, размеры рынка; связь крупного производства с мелким (причем последнее, подобно кустарям в их отношении к крупному хозяину мануфактуры, доставляет рабочую силу первому, — или первое скупает «полуфабрикат» у второго, напр., крупные хозяева скупают свеклу, скот и т. п. у мелких), — все эти признаки, действительно, говорят за то, что земледелие еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустрии», в смысле Маркса. В земледелии еще нет «системы машин», связанных в один производительный механизм.

Не надо, конечно, утрировать этого сравнения: с одной стороны, есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранимы (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться *всеми* теми чертами, которые она имеет в промышленности. С другой стороны, и в мануфактуре крупное производство в промышленности достигло уже преобладания и значительного технического превосходства над мелким. Это превосходство мелкий промышленник пытался долгое еще время парализовать тем удлинением рабочего дня и сокращением потребностей, которое так характерно и для кустаря и для современного мелкого крестьянина. Преобладание ручного труда в мануфактуре давало еще некоторую возможность мелкому производству держаться посредством подобных «героических» средств, — но те люди, которые обольщались этим и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, как нынешние критики говорят о жизнеспособности крестьянина), оказывались очень быстро опровергнутыми той «временной тенденцией», которая парализует «универсальный закон» технического застоя. Напомним, для примера, русских исследователей кустарного ткачества в Московской губернии в 70-х годах. По отношению к хлопчатобумажному ткачеству — говорили они — дело ручного ткача проиграно: машина взяла верх, но вот

* — Д-р Отто Прингсгейм. «Сельскохозяйственная мануфактура и электрифицированное сельское хозяйство». Архив Брауна. *Ред.*

** — «Электричество в сельском хозяйстве». *Ред.*

*** — П. Мак. «Подъем нашего сельскохозяйственного производства путем снижения издержек производства. Исследование об услугах, оказываемых сельскому хозяйству машинной техникой и электричеством». *Ред.*

зато в области шелкового ткачества кустари еще могут держаться, машины еще далеко не так усовершенствованы. Прошло два десятилетия — и техника отняла у мелкого производства еще одно из его последних убежищ, как бы говоря — тем, кто имеет уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видеть, — что экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может.

«Писатели, которые, подобно Герцу, трактовали о конкуренции мелкого и крупного производства в земледелии, игнорируя при этом роль электротехники, должны будут сызнова начать свое исследование», — метко заметил Прингсгейм, и его замечание с еще большей силой падает на двухтомный труд г. Булгакова.

Электрическая энергия дешевле паровой силы, она отличается большей делимостью, ее гораздо легче передавать на очень большие расстояния, ход машин при этом правильнее и спокойнее. . .

Мы не будем распространяться о том, какую гигантскую победу крупного производства будет означать (отчасти означает уже) введение электротехники в земледелие, — это обстоятельство слишком очевидно, чтобы на нем настаивать.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». — Полн. собр. соч., т. 5, с. 134—138, 139

. . . Паровой плуг (углубление вспашки), это — «культура земли», жнейка, это — «техника». Выходит, по учению нашего несравненного Маслова, что паровой плуг *не* техника. Выходит, что жнейка *не* есть дальнейшая затрата труда и капитала. Искусственные удобрения, паровой плуг, травосеяние, это — «интенсификация». Жнейка и вообще «большая часть с.-х. машин», это — «технический прогресс». Придумать этакую глупость «пришлось» Маслову потому, что надо же как-нибудь вывертываться с «законом убывающего плодородия», *опровергаемым* техническим прогрессом. Булгаков вывертывался тем, что говорил: технический прогресс — временное, застой — постоянное. Маслов вывертывается тем, что придумывает забавнейшее деление технического прогресса в земледелии на «интенсификацию» и «технику».

Что такое интенсификация? Дальнейшая затрата труда и капитала. Жнейка, по открытию великого Маслова, *не* есть затрата капитала. Рядовая селлка *не* есть затрата капитала! «Смена трехполья многопольем» *одинаково* применима и в крупном и в мелком хозяйстве? Неправда. Введение многополья тоже требует добавочных затрат капитала и применимо оно *гораздо больше* в крупном хозяйстве. Смотри об этом, между прочим, выше в данных о немецком земледелии («Аграрный вопрос и «критики Маркса» *). И русские данные свидетельствуют о том же. И самое простое размышление покажет вам, что не может быть иначе, не может быть *одинаково* применимо многополье в мелком и крупном хозяйстве. Не может быть «одинаково применимо» увеличение количества удобрения, ибо крупное хозяйство 1) имеет больше крупного скота, наиболее важного в этом отношении, 2) лучше кормит скот и не так «бережет» солому и пр., 3) имеет лучшие приспособления для хранения удобрения, 4) больше употребляет искусственных удобрений.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 287

Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 года в России. Как ни медленен прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более системати-

* См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 178—179. *Ред.*

ческому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 года, то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграрного вопроса, наметившиеся в жизни, и столыпинское решение его *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, — и крестьянское (трудолическое) решение *снизу*, путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, оба эти решения по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базирует этот прогресс на ускорении процесса выталкивания крестьянской бедноты из земледелия, другое — на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже надельных земель* (припомните приведенные выше данные: с надельных земель 54 пуда с 1 дес., с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т. е. совершенно уничтожить (и притом без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранить помехи поднятию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, не только в субъективном смысле слова необходимо, но и в объективном, т. е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России
к концу XIX века. — Полн. собр. соч.,
т. 17, с. 124—125

Значение данных об употреблении машин в сельском хозяйстве обыкновенно не оценивается достаточно в экономической литературе. Во-первых, игнорируют сплошь да рядом (всегда, если речь идет о буржуазном экономисте) капиталистический характер употребления машин, не исследуют соответственного вопроса, не умеют или не хотят даже *ставить* его. Во-вторых, употребление машин рассматривается изолированно, а не как *показатель* различных типов хозяйства, различных приемов культуры, различных *экономических* условий хозяйства.

Если мы видим, например, как общее правило, несравненно большее употребление машин в крупном производстве по сравнению с мелким и громадную концентрацию машин в капиталистических хозяйствах, а иногда даже почти монополизацию усовершенствованных орудий капиталистическими хозяйствами, то это указывает на *различие в уходе за землей* в хозяйствах разного типа. Среди машин, зарегистрированных германской переписью, значатся такие, как паровые плуги, рядовые сеялки, машины для посадки картофеля. Употребление их преимущественно в капиталистическом земледелии означает, что здесь *уход за землей* лучше, техника обработки выше, производительность труда больше. Автор известной монографии о сельскохозяйственных

машинах, Бензинг⁴⁵, рассчитал, опираясь на данные специалистов об опыте применения разных машин, что даже без изменения систем полеводства употребление машин, отдельно взятое, повышает *в десятки раз* чистую доходность хозяйства. Эти расчеты не опровергнуты никем и не могут быть, в основе своей, опровергнуты.

Мелкий производитель, не имеющий возможности применять усовершенствованных орудий, вынужден отставать *в уходе за землей*, а «догонять» крупного хозяина путем вложения большего труда в землю при сохранении старых орудий, путем увеличения «прилежания» и удлинения рабочего дня могут только единицы и десятки из сотен и тысяч. Статистика употребления машин *указывает*, следовательно, как раз на тот факт *чрезмерного труда* в мелком производстве, который (факт) всегда подчеркивают марксисты. Никакая статистика не сможет прямо учесть этого факта, но если посмотреть на данные статистики в их *экономическом* значении, то станет ясно, *какие типы* хозяйства *должны* складываться, не могут не складываться, в современном обществе при употреблении машин и при невозможности употреблять их.

Иллюстрацию сказанного дает нам венгерская статистика. Подобно германской переписи 1907 г. (а также 1882 и 1895 гг.), подобно датской статистике употребления машин 1907 г., подобно французской анкете 1909 года, венгерская перепись 1895 г., впервые собравшая точные данные по всей стране, показывает превосходство капиталистического земледелия, повышение процента хозяйств с машинами по мере увеличения размеров хозяйства. С этой стороны, здесь нет ничего нового, а есть лишь подтверждение германских данных. Но особенностью венгерской статистики является то, что сведения собраны не только о немногих усовершенствованных орудиях и машинах, а *обо всем*, или почти обо всем, мертвом инвентаре, о числе простейших и необходимых орудий, плугов, борон, телег и т. д.

Благодаря таким исключительно подробным данным получается возможность установить с точностью показательное, так сказать, характеризующее весь строй хозяйства, значение сведений об употреблении немногих сельскохозяйственных машин и «редкостей» техники (вроде паровых плугов)...

Нищенская обеспеченность орудиями и невыносимая дороговизна содержания их — таков удел мелкого производства при капитализме. Совершенно точно так же статистика квартир в каждом большом городе покажет нам, что низшие классы населения, рабочие, мелкие торговцы, мелкие служащие и т. д., всего хуже живут, имеют самые тесные и самые плохие квартиры и *всего дороже* платят за 1 кубический фут. По расчету на единицу пространства квартиры фабричной казармы или любой трущобы для бедноты дороже шикарных квартир где-нибудь на Невском.

Отсюда вытекает и по отношению к Германии и по отношению ко всем капиталистическим странам следующий вывод. Если данные об употреблении немногих усовершенствованных орудий и сельскохозяйственных машин показывают нам, что их употребление растет с размерами хозяйств, то это значит, что мелкое производство в земледелии плохо обеспечено *всеми* необходимыми орудиями. Это значит, что в мелком производстве соединяется *расхищение труда* на содержание необъятной массы плохих и устарелых, годных лишь для крохотного хозяйства, орудий и *тяжелая нужда*, заставляющая надрываться крестьянина, чтобы кое-как продержаться с этими устарелыми, варварскими, орудиями на своем клочке земли.

Вот о чем говорят столь простые и столь знакомые всем данные об употреблении сельскохозяйственных машин, если вдуматься в общественно-экономическое значение этих данных.

Капитализм повышает технику земледелия и ведет его вперед, но он не может делать этого иначе, как разоряя, принижая и давя массу мелких производителей.

Чтобы иллюстрировать наглядно общественное значение и темп этого процесса, сравним в заключение данные трех германских переписей, 1882, 1895 и 1907 годов. Для такого сравнения придется взять данные о *числе случаев употребления* тех пяти сельскохозяйственных машин, которые регистрировались в течение всего этого периода (машины эти: паровые плуги, сеялки, косилки и жатки, паровые и прочие молотилки). Получаем такую картину:

Группы хозяйств		На сто хозяйств приходится число случаев употребления главнейших с.-х. машин		
		1882	1895	1907
I	До 2 га	0,5	1,6	3,8
	2 — 5 »	3,9	11,9	31,2
II	5 — 10 »	13,5	32,9	71,1
	10 — 20 »	31,2	60,8	122,1
III	20 — 100 »	59,2	92,0	179,1
	100 и более »	187,1	208,9	271,9
<i>В среднем</i>		8,7	16,6	33,9

Прогресс кажется значительным: за четверть века число случаев употребления главнейших машин возросло, в общем, почти вчетверо. Но, всматриваясь внимательнее, мы должны будем сказать: понадобилось целых четверть века, чтобы сделать употребление хотя бы одной из пяти главнейших машин обычным явлением у небольшого меньшинства хозяйств, не обходящихся без постоянного употребления наемного труда. Ибо обычным можно назвать лишь такое употребление, когда число случаев его превосходит число хозяйств, а это мы видим лишь по отношению к капиталистическим и крупнокрестьянским хозяйствам. Взятые вместе, они составляют 12 % всего числа хозяйств.

Масса мелких и средних крестьян, после четверти века капиталистического прогресса, осталась в таком положении, что только треть первых и две трети вторых могут пользоваться в течение года какой-либо из этих пяти машин.

Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 339—341, 343—344

Данные о расходах на удобрение и о стоимости орудий и машин служат самым точным статистическим выражением степени интенсификации земледелия. Вот эти данные:

Р а й о н ы:		Процент ферм с расходом на удобрение	Средний расход на 1 ферму (долл.)	Средний расход на 1 акр обраб. земли (долл.)	Сред. число акров обраб. земли на 1 ферму	
Север	Новая Англия.....	60,9	82	1,30	0,53	38,4
	Средне-Атлант.	57,1	68	0,62	0,37	62,6
Юг	Центр. Сев.-Вост.	19,6	37	0,09	0,07	79,2
	Центр. Сев.-Зап.	2,1	41	0,01	0,01	148,0
	Ю.-Атлант.	69,2	77	1,23	0,49	43,6
Запад	Центр. Ю.-Вост.	33,8	37	0,29	0,13	42,2
	Центр. Ю.-Зап.	6,4	53	0,06	0,03	61,8
	Горные	1,3	67	0,01	0,01	86,8
	Тихоок.	6,4	189	0,10	0,05	116,1
Соед. Штаты		28,7	63	0,24	0,13	75,2

Здесь вполне отчетливо выступает разница между экстенсивными районами севера с ничтожным % ферм, употреблявших покупные удобрения (2—19 %), и с ничтожным расходом на удобрения по расчету на 1 акр обрабатываемой земли (0,01—0,09 долл.), — и интенсивными штатами, где большинство ферм (57—60 %) употребляет покупные удобрения и расход на них достигает значительной суммы. Например, в Новой Англии этот расход достигает 1,30 долл. на акр — цифра *максимальная* для всех районов (опять самый мелкий размер фермы по площади земли и самый крупный расход на удобрения!) и превышающая цифру для одного района юга (Южно-Атлантические

Штаты). Надо заметить, что на юге культура хлопка, где всего сильнее применяется, как мы знаем, труд издольщиков-негров, требует особенно много искусственных удобрений.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 159—160

Вся европейская сельскохозяйственная статистика неопровержимо свидетельствует, что чем крупнее, по количеству земли, хозяйство, тем больший процент хозяйств употребляет машины всех видов и тем большее число машин употребляется. Превосходство крупных хозяйств в этом, весьма важном, отношении вполне и безусловно установлено. Американская статистика и по этому пункту несколько оригинальна: ни орудия, ни с.-х. машины не регистрируются отдельно, а определяется лишь общая стоимость их. Возможно, конечно, что такого рода данные менее точны в каждом отдельном случае, но зато в общем и целом они позволяют производить известные сравнения между районами и между группами хозяйств, — сравнения, которые невозможны при данных другого рода.

Вот районные данные о сельскохозяйственных орудиях и машинах:

Районы:	Стоимость орудий и машин (1909) в долл.		
	в среднем на 1 ферму	в среднем на 1 акр всей земли в фермах	
Север	Новая Англия	269	2,58
	Ср.-Атлант.	358	3,88
Юг	Центр. Сев.-Вост.	239	2,28
	Центр. Сев.-Зап.	332	1,59
	Юг (три района)	72—88—127	0,71—0,92—0,95
	Запад (два района)	269—350	0,83—1,29
Соед. Штаты		199	1,44

Бывший рабовладельческий юг, район издольщины, оказывается, занимает самое низкое место по употреблению машин. На 1 акр земли здесь приходится втрое, вчетверо, впятеро — по разным районам — меньшая стоимость орудий и машин, чем в интенсивных штатах севера. Эти штаты занимают первое место среди всех остальных и, в частности, далеко оставляют позади самый земледельческий район, житницу Америки, Центральные Северо-Западные Штаты, которые поверхностными наблюдателями все еще рассматриваются сплошь да рядом, как образцовый район употребления машин и капитализма.

Заметим, что прием американских статистиков — определять стоимость машин, как и земли, скота, строений и пр. — на 1 акр *всей* земли в фермах, а не только обрабатываемой земли, преуменьшает превосходство «интенсивных» штатов севера и вообще не может быть признан правильным. Различие между районами по проценту обработанной земли очень велико: на западе этот процент понижается для горных штатов до 26,7 %, на севере он доходит для Центральных Северо-Восточных Штатов до 75,4 %. Для экономической статистики важнее, несомненно, обрабатываемая земля, а не все количество земли. В Новой Англии количество обрабатываемой земли в фермах и процент ее сильно понижается особенно с 1880 года, вероятно, под влиянием конкуренции свободных (свободных от поземельной ренты, от дани господам землевладельцам) земель запада. А вместе с тем в этом районе особенно развито употребление машин, особенно высока стоимость машин на 1 акр *обрабатываемой земли*. В 1910 году она составила здесь 7 долларов на акр, в Средне-Атлантических Штатах около 5¹/₂ долларов, в остальных районах не более 2—3 долларов.

Район самых *мелких*, по количеству земли, ферм опять-таки оказывается районом самых *крупных* применений капитала к земле в виде машин.

Если мы сопоставим из «интенсивных» районов севера Средне-Атлантические Штаты с самым экстенсивным районом севера, Центральным Северо-Западным, то увидим, что по количеству обработанной земли на 1 ферму первый район характеризуется *более чем вдвое «мелким»* производством — 62,6 акра против 148,0 — а по стоимости употребляемых машин он *превосходит* второй район — 358 долларов на ферму против 332. Мелкие фермы оказываются более крупными по размеру употребления машин.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 162—164

... Капитализм растет в двойной форме: и увеличивая размеры хозяйств на старой технической базе, и создавая новые, особенно мелкие и мельчайшие по площади земли, хозяйства специально торговых культур, отличающихся при ничтожной площади земли чрезвычайно высоким развитием размеров производства и наемного труда.

В итоге наибольшее усиление латифундий и крупнейших хозяйств, оттеснение средних и мелких, рост мельчайших высококапиталистических.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 179

Главная линия развития капиталистического земледелия состоит именно в том, что *мелкое* хозяйство, *оставаясь мелким* по площади земли, *превращается в крупное* по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.

Поэтому безусловно неправилен тот вывод, который получается при сравнении разных групп хозяйств по количеству земли и который гласит, что с увеличением хозяйства уменьшается интенсивность земледелия. Единственно правильным, наоборот, является тот вывод, который получается при сравнении разных хозяйств по величине стоимости продуктов и который гласит, что с увеличением размеров хозяйства увеличивается интенсивность земледелия.

Ибо о размерах хозяйства количество земли свидетельствует лишь косвенно, и это «свидетельство» тем менее достоверно, чем шире и быстрее идет интенсификация земледелия. Стоимость же продуктов хозяйства свидетельствует о его размерах не косвенно, а прямо и притом во всех случаях. Когда говорят о мелком земледелии, всегда имеют в виду такое, которое держится *не* на наемном труде. Но переход к эксплуатации наемных рабочих обуславливается не только расширением площади хозяйства при старой технической основе его, — так бывает только при экстенсивном, примитивном хозяйстве, — но и повышением данной техники, превращением ее из старой в новую, приложением к той же площади земли добавочного капитала в виде, например, новых машин или искусственных удобрений или увеличения и улучшения скота и т. д. . . .

Основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии. Но это вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев. Это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде или ухудшенном питании мелкого земледельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содержания скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., и в застое техники хозяйства и т. д. Задача научного исследователя, если он хочет быть свободен от обвинения в вольном или невольном угождении буржуазии путем подкрашивания положения разоряемых и придавляемых мелких земледельцев, состоит прежде всего и больше всего в том, чтобы точно определить

признаки разорения, которые вовсе не отличаются простотой и однообразием; — затем в том, чтобы вскрыть эти признаки, проследить и по возможности учесть широту их распространения, изменение их во времени. На эту, особенно важную, сторону дела меньше всего обращают внимания современные экономисты и статистики.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 192, 193—194

При современных методах исследования, дающих очень хороший, очень богатый запас сведений о каждом отдельном хозяйстве, было бы, например, достаточно соединить два метода группировки, — скажем, каждую из пяти групп по количеству всей земли подразделять на три, на две подгруппы по размеру употребления наемного труда. Если этого не делают, то в значительной мере именно потому, что боятся слишком неприкрито изображенной действительности, слишком яркой картины придавленности, нищеты, разорения, экспроприации массы мелких земледельцев, положение которых так «удобно» и «незаметно» прикрашивают «образцовые» капиталистические хозяйства, тоже «мелкие» по количеству земли и составляющие небольшое меньшинство среди массы обездоленных. С точки зрения науки, ни один человек не решится возразить против того, что не только земля, но и капитал играют роль в современном земледелии. С точки зрения статистической техники или количества статистического труда, общее число 10—15 групп вовсе не чрезмерно по сравнению, например, с 18+7 группами по земле в германской статистике 1907 года. Эта статистика, группирующая богатейший материал о 5 736 082 хозяйствах на такое количество групп по земле, есть образец чиновничьей рутины, научного хлама, бессмысленной игры в цифирки, ибо *ни тени* разумных, рациональных, наукой и жизнью оправдываемых, оснований для признания типичными такого количества таких групп не имеется.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 207—208

...Вытеснение рабочих машинами есть, конечно, неизбежный результат крупного производства, но мы ведь возлагаем свои надежды не на задержку развития капиталистических противоречий, а на полное развитие их; улучшенная культура земли предполагает притом гигантский рост промышленности и усиленное отвлечение населения от земли...

Ленин В. И. — Г. В. Плеханову. 4 (17) апреля 1902 г. — Полн. собр. соч., т. 46, с. 177

Использование достижений науки и техники в строительстве, на транспорте и в связи

Здесь сейчас носятся с планом, выполнение которого может иметь важнейшие последствия не только для Бремена. Один местный коммерсант, молодой и всеми уважаемый, вернулся недавно из Лондона, где подробно ознакомился с устройством парохода «Архимед», который, как известно, приводится в движение вновь изобретенным способом, с помощью Архимедова винта. На этом корабле, скорость которого значительно превосходит скорость обычных пароходов, он совершил пробную поездку вокруг всей Великобритании и Ирландии и теперь замышляет применить новое изобретение на одном из проектируемых пароходов, дабы обеспечить быстрое и постоянное сообщение между Нью-Йорком и Бременом. Корпус корабля, так называемый

каска, хочет построить за свой счет наш первый кораблестроитель, а стоимость машины и пр. будет покрыта выпуском акций. Важность этого мероприятия понимает каждый. Хотя некоторые из наших парусных кораблей покрывают расстояние от Балтимора до Бремена за непостижимо короткий срок в двадцать пять дней, эта скорость, однако, всегда зависит от ветра, который может увеличить время перехода в три раза, в то время как парходам, оснащенным на случай благоприятного ветра также парусами, без сомнения, было бы достаточно всего 11—18 дней, чтобы добраться от какой-нибудь гавани Соединенных Штатов до Бремена. Как только начнутся рейсы паровых пакетботов между Германией и американским континентом, то новое устройство будет, без сомнения, скоро внедрено и окажет существенное влияние на связь между этими странами. Не за горами то время, когда из любой части Германии можно будет за четырнадцать дней достигнуть Нью-Йорка, оттуда объехать и осмотреть за четырнадцать дней все достопримечательности Соединенных Штатов и еще за четырнадцать дней вновь добраться до дома. Несколько поездов, несколько парходов — и готово. С той поры как Кант сделал категории времени и пространства независимыми от мыслящего духа, человечество стремится и физически освободить себя от этих ограничений.

Энгельс Ф. [Корреспонденции из Бремена]. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 108—109

Умножение и улучшение средств сообщения, естественно, оказывают воздействие на производительную силу труда: *уменьшают рабочее время*, требующееся для производства одного и того же товара, и создают то общение, которое необходимо для духовного и торгового развития. Они воздействуют на производительную силу труда совершенно так же, как улучшенные методы земледелия, прогресс химии, геологии и т. д., а также общее просвещение (смотри выше относительно *сугверия*), правовое обеспечение и т. д.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 567

Во всяком процессе производства большую роль играет перемещение предмета труда и необходимые для этого средства труда и рабочая сила, — например, хлопок перемещается из кардного отделения в прядильное, уголь поднимается из шахты на-гора. То же явление, но в большем масштабе, наблюдается при перемещении готового продукта в виде готового товара из самостоятельного места производства в другое место, пространственно отдаленное от него. За транспортировкой продуктов из места производства в другое место следует также транспортировка готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления. Продукт только тогда готов к употреблению, когда он закончит это передвижение.

Как было показано раньше, общий закон товарного производства таков: производительность труда находится в обратном отношении к создаваемой им стоимости. Это относится к транспортной промышленности так же, как и ко всякой другой отрасли производства. Чем меньше то количество труда, мертвого и живого, которое требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда, и наоборот*.

* Рикардо цитирует Сэя, который видит благословение торговли в том, что она вследствие транспортных издержек удорожает продукты или повышает их стоимость. «Торговля, — говорит Сэй, — дает нам возможность получать товар в том месте, где он добывается, и доставлять его туда, где он будет потреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить стоимость товара на всю разницу между ценой его в одном месте и ценой его в другом»⁴⁶. Рикардо замечает по этому поводу: «Верно; но каким образом эта добавочная стоимость присоединяется? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, авансированный торговцем. Товар, следовательно, будет

Абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом, при прочих равных условиях обратно пропорциональна производительной силе труда в транспортной промышленности и прямо пропорциональна тем расстояниям, на которые товары перемещаются.

Относительная величина стоимости, которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара, прямо пропорциональна объему и весу товара. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, например, принятия более или менее серьезных мер предосторожности, а потому вызывает большую или меньшую затрату труда и средств труда, в зависимости от относительной ломкости продукта, его подверженности порче, его способности взрываться. В этой области железнодорожные магнаты развивают еще большую гениальность в изобретении фантастических видов, чем ботаники или зоологи. Например, классификация товаров, принятая на английских железных дорогах, составляет томы и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств товаров в столь же многочисленные пороки с точки зрения транспорта и в поводы для вымогательства.

«Стекло, стоившее раньше 11 ф. ст. за crate (упаковочный ящик определенной емкости), теперь вследствие успехов промышленности и отмены налога на стекло стоит всего 2 ф. ст., но расходы на транспорт так же высоки, как и прежде, причем при перевозке по каналам они стали еще выше. Раньше отправка стекла и стеклянных товаров, употребляемых для глазирования, в пределах до 50 миль от Бирмингема стоила 10 шилл. за тонну. Теперь цена транспорта под предлогом риска, связанного с хрупкостью товара, увеличена втрое. Но железнодорожное управление не оплачивает как раз того, что действительно ломается»*.

Далее, то обстоятельство, что относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару транспортные издержки, обратно пропорциональна его стоимости, дает железнодорожным магнатам особое основание для того, чтобы установить тариф на перевозку товаров, прямо пропорциональный их стоимости. Жалобы промышленников и торговцев по поводу этого обстоятельства повторяются на каждой странице свидетельских показаний в упомянутом докладе.

Капиталистический способ производства уменьшает транспортные издержки для единичного товара как посредством развития средств транспорта и связи, так и посредством концентрации (увеличения масштаба) транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, живого и овеществленного, которая расходуется на транспортировку товаров, — увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Циркуляция, т. е. фактическое передвижение товаров в пространстве, сводится к транспортировке товаров. С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства *в пределах* процесса обращения и для процесса обращения.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 170—171

Улучшение средств связи и транспорта абсолютно сокращает период странствования товаров, но не уничтожает вытекающей из этого странствования относительной разницы во времени обращения различных товарных капиталов или даже различных

стоять больше по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоять больше, потому что на производство и доставку его было затрачено больше труда еще до того, как он был куплен потребителем. Но это далеко не является одним из преимуществ торговли» (*Ricardo. «Principles of Pol. Econ.»*, 3-rd ed., London, 1821, p. 309—310).

* «Royal Commission on Railways», p. 31, № 630.

частей одного и того же товарного капитала, путешествующих на различные рынки. Например, усовершенствованные парусные и паровые суда, сокращающие время нахождения товаров в пути, сокращают это время как до близлежащих, так и до отдаленных портов. При этом относительная разница во времени остается, хотя часто она уменьшается. Однако вследствие развития средств транспорта и связи относительные различия во времени нахождения товаров в пути могут изменяться таким образом, что они уже не соответствуют географическим расстояниям. Например, железная дорога, ведущая от места производства к главному центру сосредоточения населения внутри страны, может сделать географически близкий пункт внутри данной страны, к которому нет железной дороги, абсолютно или относительно более отдаленным, чем пункт, находящийся на географически более значительном расстоянии; точно так же вследствие того же обстоятельства может измениться относительная удаленность мест производства даже от сравнительно крупных рынков сбыта, чем и объясняется то падение старых и возникновение новых центров производства, которым сопровождаются изменения в средствах транспорта и связи. (К этому присоединяется еще и относительно большая дешевизна транспорта на далекие расстояния по сравнению с короткими.) Одновременно с развитием средств транспорта возрастает не только скорость передвижения, вследствие чего пространственное отдаление сокращается во времени. При этом возрастает не только масса средств транспорта и связи, так что, например, одновременно много судов отходит в один и тот же порт, несколько поездов одновременно курсируют между двумя пунктами по различным железным дорогам, но и, например, товарные суда в различные дни недели последовательно отправляются из Ливерпуля в Нью-Йорк или товарные поезда в различные часы суток идут из Манчестера в Лондон. Правда, вследствие этого последнего обстоятельства, при данной производительности средств транспорта, не изменяется абсолютная скорость, а следовательно, и соответствующая часть времени обращения. Но последовательные количества товаров могут отправляться через более короткие, следующие один за другим промежутки времени и таким образом последовательно поступать на рынок, не скапливаясь большими массами в виде потенциального товарного капитала до их действительной отправки. Поэтому и обратный приток капитала происходит по частям, через сравнительно короткие последовательные периоды времени, так что постоянно одна часть уже превращается в денежный капитал, тогда как другая еще обращается в качестве товарного капитала. Посредством такого распределения обратного притока на несколько последовательных периодов сокращается все время обращения, а потому сокращается также и время оборота. Прежде всего в большей или меньшей степени развивается интенсивность функционирования средств транспорта; например, с одной стороны, число поездов железной дороги увеличивается по мере того, как на одном месте производства производится все больше, по мере того, как оно превращается в более крупный центр производства, и притом число поездов увеличивается в направлении к уже существующему рынку сбыта, следовательно, — в направлении к крупным центрам производства и населения, к портам, через которые идет экспорт, и т. д. Но, с другой стороны, эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обуславливается временем обращения) вызывает, наоборот, ускоренное развитие данного центра производства, а также улучшение его положения на рынках сбыта. Вместе с ускоренной таким образом концентрацией массы людей и массы капиталов в определенных пунктах возрастает концентрация этих масс капиталов в немногих руках. В то же время происходит новое передвижение и перемещение центров производства и рынков вследствие изменений их относительного положения, обусловленных изменениями в средствах транспорта и связи. Какое-нибудь место производства, прежде обладавшее особыми преимуществами благодаря своему положению на большой дороге или на канале, оказывается теперь вблизи единственной железнодорожной ветки, которая к тому же функционирует лишь с сравнительно большими перерывами, тогда как другое место, лежащее совершенно в стороне от главных путей сообщения, теперь оказалось в узловом пункте нескольких дорог. Второй район развивается, первый — приходит в упадок. Итак, изменение в средствах транспорта приводит к местным

различиям во времени обращения товаров, к различиям в условиях купли, продажи и т. д., или же вносит изменения в уже существующие местные различия.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том второй.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 281—283

Железные дороги возникли прежде всего как «*couplément de l'oeuvre*»* в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития*, — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и т. д. Я называю их «*couplément de l'oeuvre*» не только в том смысле, что это были, наконец (наряду с океанским паромством и телеграфом), *средства сообщения*, адекватные современным средствам производства, но также и потому, что они послужили основой для возникновения огромных акционерных компаний, одновременно образовав новый отправной пункт для создания разного рода *других* акционерных компаний, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой толчок *концентрации капитала*, которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и в громадной степени расширили *космополитическую деятельность ссудного капитала*, благодаря чему весь мир оказался опутанным сетью финансового мошенничества и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного» братства.

С другой стороны, возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства. Во всех странах, за исключением Англии, правительства обогащали железнодорожные компании и покровительствовали им за счет государственной казны. В Соединенных Штатах они получили в дар значительную часть государственных земель и притом не только ту землю, которая была необходима для прокладки железнодорожных линий, но и многие мили земли по обеим сторонам пути, покрытые лесом и т. д. Таким образом, они стали самыми крупными земельными собственниками. Понятно, что мелкие фермеры-иммигранты предпочитали селиться именно на этих землях, расположение которых обеспечивало удобный способ транспортировки их продуктов.

Система, введенная во Франции Луи-Филиппом и заключающаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, в обеспечении им долгосрочного владения, в гарантировании им определенного дохода из общественного кармана и т. д. и т. д., достигла наиболее полного расцвета при Луи Бонапарте, правление которого в сущности покоилось на торговле железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже делал им подарки в виде каналов и т. д.

Но в Австрии и особенно в Италии железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и ограбления народных масс.

Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом *сырье*, эта торговля усилила нищету народных масс; и притом не только потому, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительствами из-за железных дорог, увеличило давление *налогового прессы* на народные массы, но еще и потому, что с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие товары, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как,

* — «увенчание дела». *Ред.*

например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа. В то же время, с другой стороны, и *само производство* — я имею в виду некоторые специальные *виды продукции* — также изменилось в зависимости от *большей или меньшей пригодности* этой продукции для *вывоза*, тогда как раньше оно приспособлялось преимущественно к *местному* потреблению. Так, например, в Шлезвиг-Гольштейне пахотные земли были обращены в пастбища, потому что вывоз скота оказался более выгодным, но, в то же самое время, земледельческое население было согнано с насиженных мест. Все эти перемены оказались действительно очень выгодными для крупных земельных собственников, ростовщиков, купцов, железнодорожных компаний, банкиров и т. д., но очень плачевными для действительных производителей!

Маркс К. — Николаю Францевичу Даниельсону, 10 апреля 1879 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 290—292

Англия и Франция — самые цивилизованные государства в мире. Лондон и Париж — столицы мира, с населением в 6 и в 3 миллиона. Расстояние между ними — 8—9 часов пути.

Можно себе представить, как велики торговые сношения между этими столицами, какая масса товаров и людей передвигается постоянно между ними.

И вот, самые богатые, самые цивилизованные, самые свободные государства в мире со страхом и трепетом обсуждают теперь — далеко, далеко не в первый раз! — «трудный» вопрос: можно ли прорыть туннель под Ламаншем (морской пролив, отделяющий Англию от европейского материка)?

Инженеры давным-давно рассчитали, что можно. Денег у капиталистов Англии и Франции — горы. Прибыль на капитал, вложенный в это дело, обеспечена безусловно. За чем же дело стало?

Англия боится... нашествия! Туннель, изволите видеть, облегчит, «в случае чего», неприятельским войскам вторжение в Англию. И поэтому военные авторитеты в Англии уже не первый раз проваливают план прорытия туннеля.

Читаешь об этом — и удивляешься сумасшествию и ослеплению цивилизованных народов. Нечего и говорить, что приостановка движения по туннелю и полная порча туннеля — дело нескольких секунд при современных орудиях техники.

Но цивилизованные народы загнали себя в положение варваров. Капитализм сделал то, что буржуазии для надувания рабочих *надо* пугать народ в Англии идиотскими сказками о «нашествии». Капитализм сделал то, что целый ряд капиталистов, которые потеряют «доходные делишки» от прорытия туннеля, из кожи лезут, чтобы провалить этот план и затормозить технический прогресс.

Ленин В. И. Цивилизованное варварство. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 16—17

Наука и техника в военной области

Присмотримся, однако, несколько ближе к этому всемогущему «насилию» г-на Дюринга. Робинзон «со шпагой в руке» поработает Пятницу. Откуда же он взял шпагу? Даже на фантастических островах робинзонад шпаги до сих пор не растут на деревьях, и у г-на Дюринга не находится никакого ответа на этот вопрос. Если Робинзон мог достать себе шпагу, то с таким же основанием можно представить себе, что в одно прекрасное утро Пятница является с заряженным револьвером в руке, и тогда все соотношение «насилия» становится обратным: Пятница командует, а Робинзон вынужден работать изо всех сил. Мы просим читателей извинить нас за постоянные возвращения к истории Робинзона и Пятницы, которой в сущности место в детской, а не в науке.

Но что делать? Мы вынуждены добросовестно применять аксиоматический метод г-на Дюринга, и не наша вина, если мы при этом постоянно вращаемся в сфере чистейшего ребячества. Итак, револьвер одерживает победу над шпагой, и тем самым даже наиболее детски-наивному приверженцу аксиоматики должно стать ясным, что насилие не есть просто волевой акт, а требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности — известных *орудий*, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным; далее, что эти орудия должны быть произведены и что уже вследствие этого производитель более совершенных орудий насилия, *viulgo* * оружия, побеждает производителя менее совершенных орудий; одним словом, что победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно. . . на «экономической силе», на «хозяйственном положении», на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия.

Насилие — это в настоящее время армия и военный флот, а то и другое, как все мы, к нашему прискорбию, знаем, стоит «чертовски много денег». Но насилие не в состоянии делать деньги, а в лучшем случае может лишь отнимать сделанные деньги, да и от этого не бывает много толку, как мы, опять-таки к нашему прискорбию, знаем по опыту с французскими миллиардами ⁴⁷. Следовательно, деньги должны быть в конце концов добыты посредством экономического производства; значит, насилие опять-таки определяется хозяйственным положением, доставляющим ему средства для создания и сохранения орудий насилия. Но это еще не все. Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам **.

В начале XIV века западноевропейскими народами был заимствован у арабов порох, и, как известно всякому школьнику, он произвел переворот во всем военном деле. Но введение пороха и огнестрельного оружия отнюдь не было актом насилия, а представляло собой промышленный, стало быть хозяйственный, прогресс. Промышленность остается промышленностью, будет ли она направлена на производство предметов или на их разрушение. Введение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения господства и порабощения. Чтобы иметь порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала направленным против феодального дворянства оружием городов и возвышающейся монархии, которая опиралась на города. Непреступные до тех пор каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских ружей пробивали рыцарские панцири. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло также господство дворянства; с развитием бюргерства пехота и артиллерия все больше становились решающими родами оружия; под давлением требований артиллерии военное ремесло вынуждено было присоединить к себе новую, чисто промышленную отрасль — инженерное дело.

Усовершенствование огнестрельного оружия подвигалось очень медленно. Пушки долгое время оставались неуклюжими, а ружья, несмотря на многие частичные изобретения, — грубыми. Прошло более трехсот лет, пока явилось ружье, годное для вооружения всей пехоты. Только в начале XVIII века кремневое ружье со штыком окончательно вытеснило пику из вооружения пехоты. Тогдашняя пехота состояла из хорошо вымуштрованных, но совершенно ненадежных солдат, которых монархи вербовали из самых испорченных элементов общества и которых только палка держала в повиновении; часто эта

* — попросту говоря. *Ред.*

** Далее, вместо шести следующих абзацев, в первоначальной рукописи второго отдела «Анти-Дюринга» следовал более подробный вариант текста, который впоследствии Энгельс изъясил и снабдил заголовком «Тактика пехоты и ее материальные основы». *Ред.*

пехота составлялась также из вражеских, насильно зачисленных в армию военнопленных; единственной формой боя, в которой эти солдаты могли применять новое ружье, была линейная тактика, достигшая высшего совершенства при Фридрихе II. Вся пехота армии выстраивалась в три линии, в виде очень длинного и пустого внутри четырехугольника, и двигалась в боевом порядке только как одно целое; лишь в крайнем случае одному из двух флангов позволялось выдвинуться несколько вперед или немного отстать. Эта неуклюжая масса могла передвигаться в порядке лишь по совершенно ровной местности, да и то лишь медленно (75 шагов в минуту); изменение боевого порядка во время сражения было невозможно, и как только пехота вступала в бой, победа и поражение решались в короткое время одним ударом.

Против этих неуклюжих линий выступили в американской войне за независимость отряды повстанцев, которые не умели, правда, маршировать, но зато отлично стреляли из своих нарезных ружей; сражаясь за свои самые кровные интересы, они не дезертировали, как на вербованные войска. Они не доставляли англичанам удовольствия — выступать против них, в свою очередь, в линейном строю и на открытой ровной местности, а действовали рассыпными подвижными стрелковыми цепями в лесах, служивших им прикрытием. Линейный строй был здесь бессилен и потерпел поражение в борьбе с невидимыми и недоступными противниками. Таким образом, был вновь изобретен рассыпной стрелковый строй — новый способ ведения боя как следствие изменившегося солдатского материала.

Дело, начатое американской революцией, завершила французская, — также и в военной области. Против хорошо обученных наемных войск коалиции она также могла выставить только плохо обученные, но многочисленные массы, ополчение всего народа. Но с этими массами приходилось защищать Париж, следовательно прикрывать определенную местность, а этого нельзя было достичь без победы в открытом массовом бою. Одной стрельбы в рассыпном строю было уже недостаточно; нужно было найти подходящую форму также и для применения масс, и эта форма была найдена в *колонне*. Построение колоннами позволяло даже малообученным войскам двигаться в некотором порядке, и притом даже более быстрым маршем (100 и более шагов в минуту); оно давало возможность прорывать неповоротливые формы старого линейного строя, сражаться в любой местности, следовательно и в самой неблагоприятной для линейного строя, группировать войска любым, соответствующим обстановке образом и, в сочетании с действиями рассыпанных стрелков, сдерживать, отвлекать, изматывать неприятельские линии, — пока не наступит момент, когда их можно будет прорвать в решающем пункте позиции при помощи сохраняемых в резерве масс. Этот новый способ ведения боя, основанный на сочетании рассыпанных в цепь стрелков с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был полностью разработан Наполеоном как со стороны тактики, так и со стороны стратегии. Но необходимость его была создана прежде всего изменением солдатского материала, вызванным французской революцией. Однако для нового способа ведения боя нужны были еще две очень важные технические предпосылки: во-первых, сконструированные Грибовалем более легкие лафеты полевых орудий позволили передвигать их с требуемой теперь быстротой; во-вторых, введенная во Франции в 1777 г. и заимствованная у охотничьего ружья изогнутость ружейного приклада, представлявшего раньше совершенно прямое продолжение ствола, позволила целить в определенного человека, не делая непременно промахов. Без этого последнего усовершенствования нельзя было бы при помощи старого ружья применять стрельбу в рассыпном строю!

Революционная система вооружения всего народа была скоро ограничена принудительным набором (с правом заместительства путем выкупа — для людей состоятельных), и в этой форме воинская повинность была принята большинством крупных государств континента. Только Пруссия пыталась своей системой ландвера⁴⁸ привлечь на службу военную силу нации в более значительных размерах. Пруссия к тому же была первым государством, которое вооружило всю свою пехоту новейшим оружием — заряжающейся с казенной части винтовкой, — после того как сыграло свою кратковременную роль годное для войны заряжающееся с дула нарезное ружье, усовершенствованное между

1830 и 1860 годами. Обоим этим нововведениям Пруссия обязана была своими успехами в 1866 году⁴⁹.

Во франко-прусской войне впервые выступили друг против друга две армии, обе вооруженные винтовками, заряжающимися с казенной части, и притом обе, по существу, с тем самым боевым построением, какое было в ходу в период старого гладкоствольного кремневого ружья; разница была лишь в том, что пруссаки сделали попытку в ротной колонне найти боевую форму, более подходящую к новому вооружению. Но когда 18 августа при Сен-Прива⁵⁰ прусская гвардия попробовала всерьез применить эту ротную колонну, то пять полков, принимавших наибольшее участие в этом сражении, потеряли в каких-нибудь два часа более трети своего состава (176 офицеров и 5 114 рядовых), и с тех пор ротная колонна как боевая форма была осуждена, так же как и применение батальонных колонн и линейного строя. Всякие попытки подставлять впрямь под неприятельский ружейный огонь какие-либо сомкнутые отряды были оставлены, и в дальнейшем бой со стороны немцев велся только теми густыми стрелковыми цепями, на которые уже и прежде колонна обыкновенно сама рассыпалась под градом неприятельских пуль, несмотря на то, что высший командный состав боролся с этим как с нарушением порядка. Точно так же в сфере действия неприятельского ружейного огня единственной формой передвижения сделалась *перебежка*. Солдат опять-таки оказался толковее офицера: именно он, солдат, инстинктивно нашел единственную боевую форму, которая до сих пор оправдывает себя под огнем ружей, заряжаемых с казенной части, и он с успехом отстоял ее вопреки противодействию начальства.

Франко-прусская война отмечает собой поворотный пункт, имеющий совершенно иное значение, чем все предыдущие. Во-первых, оружие теперь так усовершенствовано, что новый прогресс, который имел бы значение какого-либо переворота, больше невозможен. Когда есть пушки, из которых можно попадать в батальон, насколько глаз различает его, когда есть ружья, из которых с таким же успехом в пределах видимости можно целить и попадать в отдельного человека, причем на заряжание требуется меньше времени, чем на прицеливание, — то все дальнейшие усовершенствования для полевой войны более или менее безразличны. Таким образом, в этом направлении эра развития в существенных чертах закончена. Во-вторых, эта война заставила все континентальные великие державы ввести у себя усиленную прусскую систему ландвера и тем самым взвалить на себя военное бремя, под тяжестью которого они через немногие годы должны рухнуть. Армия стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Militarизм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели. Соперничество между отдельными государствами принуждает их, с одной стороны, с каждым годом затрачивать все больше денег на армию, флот, пушки и т. д., следовательно — все более приближать финансовую катастрофу; с другой стороны, оно заставляет их все более и более всерьез применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием, так что народ становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабочие, а также крестьяне — *будет иметь* свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу диалектики своего собственного развития. То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г., как раз потому, что она была *буржуазной*, а не пролетарской, — а именно, дать трудящимся массам такую волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению, — непременно совершит социализм. А это означает взрыв милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*.

Такова первая мораль нашей истории современной пехоты. Вторая мораль, снова возвращающая нас к г-ну Дюрингу, состоит в том, что вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники. Только такой охотничий народ, как американцы, мог вновь изобрести рассыпной стрелковый строй, а охотниками они были по чисто экономическим причинам, точно так, как теперь те же

янки старых штатов превратились по чисто экономическим причинам в земледельцев, промышленников, мореплавателей и купцов, которые уже не стреляют в девственных лесах, но зато тем лучше подвизаются на поприще спекуляции, где они тоже далеко продвинули искусство пользоваться массами. — Только такая революция, как французская, экономически раскрепостившая буржуа и особенно крестьянина, могла избрести форму массовых армий и в то же время найти для них свободные формы движения, о которые разбились старые неповоротливые линии, отражавшие в военном деле защищаемый ими абсолютизм. А каким образом успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя, — это мы видели во всех рассмотренных нами случаях. В какой степени ведение войны зависит, сверх того, от развития производительных сил и от средств сообщения как собственного тыла, так и театра военных действий, на этот счет может просветить в наши дни г-н Дюринга всякий старательный унтер-офицер. Одним словом, везде и всегда «насилию» помогают одерживать победу экономические условия и ресурсы, без которых оно перестает быть силой, и кто захотел бы реформировать военное дело, руководствуясь противоположной точкой зрения, соответствующей принципам г-на Дюринга, тот не мог бы пожать ничего кроме тумачков*.

Если мы от суши перейдем к морю, то за одни только последние 20 лет здесь можно констатировать еще гораздо более решительный переворот. Боевым кораблем в Крымскую войну⁵² был деревянный двух- и трехпалубный корабль, имевший от 60 до 100 орудий; он передвигался главным образом при посредстве парусов и имел слабую паровую машину только для вспомогательной работы. Его вооружение состояло преимущественно из 32-фунтовых орудий, весом приблизительно в 50 центнеров, и лишь немногих 68-фунтовых, весом в 95 центнеров. К концу войны появились плавучие батареи, одетые в железную броню, — неуклюжие, почти неподвижные, но, при тогдашней артиллерии, неуязвимые чудовища. Вскоре железная броня была перенесена и на линейные корабли; вначале она была тонка: броня 4-дюймовой толщины считалась уже очень тяжелой. Но прогресс артиллерии скоро переиграл броню; для любой, применявшейся одна за другой, толщины брони находили новое, более тяжелое орудие, которое легко пробивало ее. Таким образом, мы уже дошли, с одной стороны, до 10, 12, 14 и 24-дюймовой брони (Италия намерена построить корабль с броней в 3 фута толщины), а с другой стороны — до нарезных орудий весом в 25, 35, 80 и даже 100 тонн (по 20 центнеров**), выбрасывающих на неслыханные прежде дистанции снаряды в 300, 400, 1 700 и до 2 000 фунтов. Нынешний линейный корабль представляет собой гигантский броненосный винтовой пароход в 8 000—9 000 тонн водоизмещения и 6 000—8 000 лошадиных сил, с вращающимися башнями и с четырьмя, максимум — шестью, тяжелыми орудиями и с выступающим в его носовой части, ниже ватерлинии, тараном для пробивания неприятельских кораблей. Этот корабль вообще представляет собой одну огромную машину, где пар не только сообщает ему быстрое движение вперед, но и управляет рулем, поднимает и опускает якорь, поворачивает башни, направляет и заряжает орудия, выкачивает воду, поднимает и спускает лодки, которые отчасти тоже приводятся в движение паром, и т. д. Соперничество между броневой защитой и пробивной силой орудий еще так далеко от завершения, что в настоящее время военный корабль сплошь и рядом оказывается уже не удовлетворяющим предъявляемым ему требованиям, становится устарелым еще раньше, чем его успели спустить на воду. Современный линейный корабль есть не только продукт крупной промышленности, но в то же время и яркий образец ее, плавучая фабрика — правда, такая, которая служит главным образом для производства растраты денег. Страна с наиболее развитой крупной промышленностью пользуется почти монополией на постройку этих кораблей: все турецкие, почти все русские и большинство германских броненосцев построены в Англии; сколько-нибудь пригодная броня изготовля-

* В прусском генеральном штабе это тоже уже хорошо знают. «Основой военного дела является прежде всего хозяйственный строй жизни народов», — замечает в одном научном докладе капитан генерального штаба г-н Макс Йенс («Kölnische Zeitung», 20 апреля 1876 г., третий лист)⁵¹.

** Немецкий центнер, составляющий половину метрического центнера, = 100 немецким фунтам = 50 кг. *Ред.*

ется почти исключительно в Шеффилде; из трех железоделательных заводов Европы, которые одни в состоянии изготовлять самые тяжелые орудия, два (в Вулидже и Элсике) находятся в Англии, а третий (Круппа) — в Германии. Этот пример самым очевидным образом показывает, что «непосредственное политическое насилие», которое, по г-ну Дюрингу, является «решающей причиной хозяйственного положения», напротив, полностью подчинено хозяйственному положению; что не только изготовление морского орудия насилия — линейного корабля, — но и управление им само сделалось отраслью современной крупной промышленности. Оттого, что дело приняло такой оборот, никому не приходится так солоно, как именно «насилию», государству, которому в настоящее время один корабль стоит столько же, сколько прежде стоил целый небольшой флот; причем ему приходится видеть своими глазами, как эти дорогие корабли, еще раньше чем они спущены на воду, становятся уже устарелыми и, следовательно, обесцениваются; и государство — наверно не меньше г-на Дюринга — испытывает недовольство по поводу того, что человек «хозяйственного положения», инженер, имеет ныне большее значение на борту корабля, чем человек «непосредственного насилия» — командир. Напротив, мы, со своей стороны, не имеем никакого основания огорчаться, когда видим, что в состязании между броней и пушкой линейный корабль доводится до той грани изошренного совершенства, где он становится в той же мере недоступным по цене, как и непригодным для войны *, и что благодаря этому состязанию тем самым также и на поприсе морской войны раскрываются те внутренние законы диалектического движения, согласно которым милитаризм, как и всякое другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития.

Таким образом, и здесь ясно как день, что «искать первичное в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной экономической силе» — невозможно. Как раз наоборот. В самом деле, что оказывается «первичным» в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами крупной промышленности. Политическая сила на море, опирающаяся на современные линейные корабли, оказывается вовсе не «непосредственной», а как раз наоборот — она *опосредствована* экономической силой, высоким развитием металлургии, возможностью распоряжаться искусными техниками и богатыми угольными копиями.

Однако к чему все это? Пусть в ближайшей морской войне передадут высшее командование г-ну Дюрингу, и он без всяких торпед и прочих ухищрений, просто своим «непосредственным насилием», уничтожит все броненосные флоты, находящиеся в рабской зависимости от «хозяйственного положения».

Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 170—178

.. Ничто не зависит в такой степени от экономических условий, как именно состав, организация, вооружение, стратегия и тактика армии. Основой является вооружение, а последнее опять-таки непосредственно зависит от достигнутой ступени производства. Каменное, бронзовое, железное оружие, панцирь, конница, порох и, наконец, тот огромный переворот, который произвела в военном деле крупная промышленность благодаря нарезным ружьям, заряжающимся с казенной части, и артиллерии — продуктам, изготовить которые могла лишь крупная промышленность с ее равномерно работающими машинами, производящими почти абсолютно тождественные продукты. От вооружения в свою очередь зависит состав и организация армии, стратегия и тактика. Последняя зависит и от состояния путей сообщения, — план сражения и успехи, достигнутые в битве при Йене, были бы невозможны при нынешних шоссейных дорогах, — и, наконец, железные дороги! Следовательно, именно насилие больше всего зависит от наличных условий производства, и это понял даже капитан Йенс («*Kölnische Zeitung*» — «Макиавелли» и т. д.)⁵³.

* Усовершенствование самодвижущейся торпеды, последнего изделия крупной промышленности, работающей для военно-морского дела, по-видимому, призвано это осуществить: самый маленький торпедный катер окажется в таком случае сильнее громаднейшего броненосца. (Впрочем, пусть читатель вспомнит, что это написано в 1878 году.)

При этом следует особо подчеркнуть современный способ ведения войны, от ружья со штыком до ружья, заряжающегося с казенной части, при котором решает дело не человек с саблей, а оружие, — линия, колонна при плохих войсках, прикрытая, однако, стрелками (Йена contra * Веллингтон), и, наконец, всеобщее распадение на стрелковые цепи и замена медленного шага перебежкой.

Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 650

В XIV веке порох и огнестрельное оружие стали известны в Западной и Центральной Европе, и любой школьник знает теперь, что этот чисто технический прогресс революционизировал все военное дело. Эта революция совершалась, однако, очень медленно. Первое огнестрельное оружие было очень примитивно, в особенности карабин. И хотя уже довольно рано было изобретено множество отдельных усовершенствований — нарезной ствол, ружье, заряжающееся с казенной части, колесцовый замок и т. д., — тем не менее прошло более 300 лет, пока было создано, к концу XVII века, ружье, годное для вооружения всей пехоты.

В XVI и XVII веках пехота состояла частью из пехотинцев, вооруженных пиками, частью из стрелков. Первоначально назначение пикинеров заключалось в том, что они в решающий момент битвы шли в атаку с холодным оружием, защитой же служил огонь стрелков. Поэтому пикинеры сражались сомкнутыми массами, подобно древнегреческой фаланге; стрелки же строились по 8—10 человек в глубину, потому что при таком именно количестве они, пока один заряжал ружье, успевали друг за другом производить выстрелы. Кто был готов к стрельбе, выбегал вперед, стрелял и затем уходил на последнее место в ряду, чтобы вновь зарядить свое ружье.

Постепенное усовершенствование огнестрельного оружия изменило это соотношение. Фитильное ружье заряжалось так быстро, что для поддержания непрерывного огня требовалось уже только 5 человек, так что группы стрелков должны были иметь 5 рядов в глубину. Теперь, следовательно, можно было с прежним количеством мушкетеров занимать фронт, почти вдвое более длинный, чем раньше. Ввиду того что ружейный огонь оказывал особенно опустошающее действие на большие, сплошные массы, пикинеры строились теперь тоже только в шесть или восемь рядов, и таким образом боевой порядок все более и более приближался к линейному строю, при котором исход битвы решался ружейным огнем, а пикинеры имели своим назначением уже не нападение, а прикрытие стрелков от кавалерии. К концу этого периода боевой строй состоял из двух эшелонов боевого порядка и одной резервной части. Каждый эшелон выстраивался в виде линии, состоявшей в большинстве случаев из шести шеренг. Артиллерия и конница размещались частью в промежутках между батальонами, частью на флангах. При этом в каждом пехотном батальоне самое большее одна треть состояла из пикинеров и, по меньшей мере, две трети — из мушкетеров.

В конце XVII века появилось, наконец, кремневое ружье со штыком, заряжающееся готовыми патронами. Тем самым пика была окончательно вытеснена из вооружения пехоты. Теперь требовалось меньше времени, чтобы зарядить ружье, более быстрый огонь сам себе служил защитой, штык в случае необходимости заменял пику. Вследствие этого можно было сократить глубину боевой линии с шести до четырех, затем до трех и кое-где, наконец, до двух человек. Таким образом при одинаковом количестве людей линия все больше удлинялась, все большее количество ружей вступало в действие одновременно. Но вместе с тем эти длинные и тонкие линии становились и все более неповоротливыми. Они могли двигаться в боевом порядке только на ровной местности, где не встречалось препятствий, — да и то лишь медленно, делая 70—75 шагов в минуту. Но как раз на равнине эти линии давали кавалерии противника возможность успешного нападения, особенно на флангах. Отчасти для того, чтобы защищать эти фланги, отчасти же для

* — против. *Ред.*

усиления линии огня, решающей исход боя, — всю кавалерию ставили на флангах, так что действительная боевая линия в собственном смысле слова состояла из одной только пехоты с ее легкими батальонными пушками. Чрезвычайно неуклюжие тяжелые орудия стояли на флангах и за все время битвы могли менять свое положение не больше одного раза. Пехотинцы выстраивались в два эшелона, фланги которых прикрывались пехотой, построенной под прямым углом, так что все это построение образовывало один очень длинный, пустой внутри четырехугольник. Эта масса, совершенно беспомощная в тех случаях, когда она не могла двигаться как одно целое, разделялась только на три части — на центр и два фланга. Все движение частей заключалось в том, чтобы — с целью обхода противника — выдвигать фланг, численно превосходивший вражеский, в то время как другой фланг задерживался как угроза, чтобы помешать врагу произвести соответствующую перемену фронта. Изменение боевого строя в ходе самого сражения требовало так много времени и давало противнику возможность заметить столько слабых мест, что подобные попытки почти всегда были равносильны поражению. Первоначальное построение должно было, таким образом, сохраняться во все время сражения, и как только пехота вступала в бой, исход битвы решался одним сокрушительным ударом. Весь этот способ ведения боя, чрезвычайно усовершенствованный Фридрихом II, представлял собой неизбежное следствие совместного действия двух материальных факторов. Одним из этих факторов был людской состав наемных монархами войска, которое отчасти составлялось даже из вражеских, насильно зачисленных в армию военнопленных, — оно было хорошо вымуштровано, но ненадежно, и только палка держала его в повиновении. Вторым фактором являлось вооружение — неуклюжие тяжелые пушки и гладкоствольное, быстро, но плохо стрелявшее кремневое ружье со штыком.

Этот способ ведения боя применялся до тех пор, пока оба противника находились в одинаковом положении в отношении людского состава и вооружения, так что каждой из сторон было выгодно держаться однажды установленных правил. Но когда в Америке разразилась война за независимость, против этих наемных, хорошо вымуштрованных солдат выступили вдруг отряды повстанцев, которые, правда, не умели маршировать, но зато отлично стреляли, в большинстве случаев располагали хорошо стреляющими ружьями и, сражаясь за свое кровное дело, не дезертировали. Эти повстанцы не доставляли англичанам удовольствия — медленным шагом протанцевать с ними в открытой местности знакомый боевой маневр по всем правилам военного этикета. Они завлекали противника в густые леса, где его длинные маршевые колонны были беззащитны против огня рассыпанных, невидимых стрелков. Рассыпаясь подвижными цепями, они пользовались каждым естественным прикрытием, чтобы наносить врагу удары. При этом, благодаря своей большой подвижности, они оставались всегда недосыгаемыми для неповоротливого вражеского войска. Таким образом, боевой огонь рассыпанных стрелков, который играл некоторую роль уже при введении ручного огнестрельного оружия, показал теперь, — в известных случаях, особенно в партизанской войне, — свое превосходство над линейным строем.

Если солдаты европейских наемных войск не были пригодны для партизанской войны, то еще менее пригодно было для этого их вооружение. Правда, при стрельбе не надо было уже упирать ружье в грудь, как это делали прежде мушкетеры со своими мушкетами, снабженными фитильными замками: ружья прикладывались к плечу, как это делается и теперь. Но о прицеливании не могло быть и речи, так как при совершенно прямом прикладе, представлявшем собой продолжение ствола, глаз не мог свободно скользить вдоль ствола. Только в 1777 г. изогнутый приклад охотничьего ружья был принят во Франции и для пехотного ружья, и благодаря этому стал возможен эффективный стрелковый огонь. Вторым, заслуживающим внимания усовершенствованием были построенные в середине XVIII века Грибовалем более легкие, но тем не менее прочные лафеты для орудий: они-то и придали артиллерии большую подвижность, которая впоследствии стала для нее обязательным требованием.

Французской революции выпало на долю использовать на поле битвы оба эти технические усовершенствования. Когда на нее напала коалиционная Европа, революция предоставила в распоряжение правительства всех боеспособных членов нации. Но последняя

не имела времени на то, чтобы в учебных маневрах овладеть линейной тактикой в достаточной степени и быть в состоянии противопоставить старой, опытной прусской и австрийской пехоте такой же боевой строй. С другой стороны, во Франции не было не только американских девственных лесов, но и практически безграничных просторов для отступления. Нужно было разбить врага между границей и Парижем, нужно было, следовательно, защищать определенную местность, а этого можно было достигнуть в конечном счете только в открытом массовом бою. Нужно было, следовательно, наряду со стрелковой цепью найти еще и другую форму, при которой плохо обученные французские массы могли бы, с некоторой надеждой на успех, выступить против постоянных армий Европы. Эта форма была найдена в сомкнутой колонне, которая, правда, уже применялась в известных случаях, но чаще всего только на учебном плацу. Колонну легче было держать в порядке, чем линейный строй. Даже в тех случаях, когда колонна приходила в некоторый беспорядок, она все же, как сплоченное целое, оказывала по крайней мере пассивное сопротивление; ею легче было управлять, она больше поддавалась руководству командующего и могла быстрее передвигаться. Быстрота марша возросла до ста и более шагов в минуту. Но наиболее важный результат состоял в следующем: применение колонны как исключительно массовой формы ведения боя сделало возможным подразделить неуклюжее, однообразное целое линейного боевого строя на отдельные части, получившие известную самостоятельность и способные приспособляться общую инструкцию к данным обстоятельствам. Каждая из этих частей могла составляться из всех трех родов оружия, колонна отличалась достаточной гибкостью, чтобы допускать применение войск в любой возможной комбинации; она допускала строго запрещенное еще Фридрихом II использование деревень и усадеб, которые с этого времени становятся главными опорными пунктами в каждом сражении; она могла применяться в любой местности. Колонна могла, наконец, противопоставить линейной тактике, где все сразу ставится на карту, такой способ ведения боя, при котором действиями стрелковых цепей и постепенным введением войск для затягивания сражения утомляли линию противника и в такой мере изматывали ее, что она в конце концов не могла выдержать натиска свежих боевых сил, находившихся в резерве. И так как линейный строй во всех пунктах обладал одинаковой силой сопротивления, то сражающийся в колоннах противник мог отвлечь внимание части линии ложной атакой, пуская в ход слабые силы и концентрируя тем временем свои главные силы для атаки на решающий пункт позиции. Огневые действия проводились теперь преимущественно рассыпными стрелковыми цепями, в то время как колонны предназначались для штыковой атаки. Здесь установилось, таким образом, отношение, аналогичное тому, какое существовало между отрядами стрелков и массой пикинеров в начале XVI века, с той только разницей, что колонны нового типа могли в любой момент рассыпаться на стрелковые цепи, а последние в свою очередь — опять соединиться в колонны.

Новый способ ведения боя, доведенный Наполеоном до высшей степени совершенства, настолько превосходил старый, что этот последний потерпел крушение окончательно и безвозвратно, — после того как при Йене неуклюжие, медленно двигавшиеся прусские линии, большей частью совершенно непригодные для рассыпного боя, буквально растаяли под огнем французских стрелковых цепей, на который они вынуждены были отвечать пальбой сомкнутыми рядами. Но если линейный боевой порядок сошел со сцены, то этого ни в коем случае нельзя сказать о линии как боевом построении. Через несколько лет после того, как пруссаки так оскандалились со своими боевыми линиями, Веллингтон повел своих англичан, построенных в линии, против французских колонн и, как правило, их разбивал. Но Веллингтон перенял у французов как раз всю их тактику, с тем только исключением, что он свою сомкнутую пехоту выстраивал в сражениях не колоннами, а линиями. При этом он получил то преимущество, что мог одновременно использовать для огневых действий все ружья, а для атаки — все штыки. Этот боевой порядок англичане применяли в сражениях до недавнего времени, что как при нападении (Альбуэра), так и при обороне (Инкерман)⁵⁴ давало им преимущество над численно значительно превосходящим их противником. Бюжо, которому пришлось столкнуться с этими английскими линиями, предпочитал их колоннам до конца своей жизни.

При всем этом ружья пехоты были из рук вон плохи — настолько плохи, что из такого

ружья на расстоянии ста шагов только в редких случаях можно было попасть в отдельного человека, а на расстоянии трехсот шагов — столь же редко в целый батальон. Поэтому, когда французы пришли в Алжир, длинные ружья бедуинов наносили им тяжелые потери с таких расстояний, которые для французских ружей были недоступны. Здесь могло помочь только нарезное ружье. Но именно во Франции всегда противились введению нарезного ружья, даже в качестве неосновного оружия, потому что оно медленно заряжалось и быстро засорялось. Теперь, однако, когда явилась потребность в легко заряжаемом нарезном ружье, она тотчас же и была удовлетворена. После предварительных работ Дельвиня появилась винтовка Тувенена и расширяющиеся пули Минье; эти усовершенствования сделали нарезное ружье в отношении заряжаемости равноценным гладкоствольному, так что с тех пор вся пехота могла быть вооружена дальнобойными и хорошо стреляющими нарезными ружьями. Но прежде чем нарезное ружье, заряжаемое с дула, привело к созданию соответствующей тактики, оно уже было вытеснено новейшим огнестрельным оружием, — нарезным ружьем, заряжающимся с казенной части, вместе с которым все больше совершенствовались и боевые качества нарезных пушек.

Вооружение всей нации, введенное революцией, претерпело в скором времени значительные ограничения. Для службы в постоянной армии набирали путем жеребьевки только часть всех военнообязанных молодых людей, а из определенной части остальных граждан — то большей, то меньшей — формировали в лучшем случае необученную национальную гвардию. Или же там, где действительно строго проводился принцип всеобщей воинской повинности, создавали самое большое милиционную армию, находившуюся под знаменами всего каких-нибудь несколько недель, — как это было в Швейцарии. Финансовые соображения заставляли выбирать между рекрутским набором и милиционной армией. Только одна-единственная страна в Европе, и притом одна из самых бедных, попыталась совместить всеобщую воинскую повинность с существованием постоянной армии. Это была Пруссия. И хотя обязательная для всех служба в постоянном войске никогда строго не проводилась, — тоже из неумолимых финансовых соображений, — все же прусская система ландвера⁵⁵ предоставляла в распоряжение правительства такое значительное количество людей, обученных и организованных в готовые кадры, что Пруссия имела определенный перевес над всякой другой страной с таким же количеством населения.

Во франко-прусской войне 1870 г. система рекрутского набора была побеждена прусской системой ландвера. Но в этой войне обе стороны были также впервые вооружены винтовками, заряжающимися с казенной части, — в то время как те зафиксированные в уставе формы, в которых передвигались и сражались армии, в основном оставались такими же, как во времена старого кремневого ружья. Изменилось, самое большее, только то, что стрелковые цепи стали несколько более густыми. В остальном же французы всё еще сражались в прежних батальонных колоннах, а порой строились также линиями, тогда как немцы по крайней мере сделали попытку найти в ротной колонне боевую форму, более подходящую к новому вооружению. Так было в первых сражениях. Но когда при штурме Сен-Прива (18 августа) три бригады прусской гвардии попробовали всерьез применить эту ротную колонну, то обнаружилась сокрушительная сила винтовки, заряжающейся с казенной части. Пять полков, принимавших наибольшее участие в этом сражении (15 000 человек), потеряли почти всех офицеров (176) и 5 114 рядовых, т. е. больше трети своего состава. Вся гвардейская пехота, которая вступила в сражение, имея в своем составе 28 160 человек, потеряла в тот день 8 230 человек, в том числе 307 офицеров⁵⁶. С тех пор ротная колонна как боевая форма была осуждена, так же как и применение батальонной колонны или линейного строя; всякая попытка подставлять впредь под неприятельский ружейный огонь какие-либо сомкнутые отряды была оставлена; бой со стороны немцев велся теми густыми стрелковыми цепями, на которые уже и прежде колонны обыкновенно сами рассыпались под градом неприятельских пуль, несмотря на то, что высший командный состав боролся с этим как с нарушением порядка. Солдат опять-таки оказался умнее офицера; именно он, солдат, инстинктивно нашел единственную боевую форму, которая до сих пор оправдывает себя под огнем нарезных ружей, заряжаемых с казенной части, и с успехом

отстоял ее вопреки противодействию начальства. Точно так же в сфере действия неприятельского ружейного огня теперь стали применять только *перебежку*.

Энгельс Ф. Тактика пехоты и ее материальные основы. 1700—1870 гг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 655—662

Война? Начать ее ничего не стоит. Но чем кончится однажды начатая война, предусмотреть невозможно. Если Крез перейдет Галис или Вильгельм — Рейн, он разрушит обширное царство. Но чье? Свое собственное или неприятельское? Ведь мир пока еще сохраняется лишь благодаря непрекращающейся революции в военной технике, — революции, которая никому не позволяет считать себя готовым к войне, а также благодаря всеобщему страху перед совершенно неподдающимися учету шансами мировой войны — единственной, которая теперь только и возможна.

Энгельс Ф. Что же дальше? — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 9—10

Какой удивительный контраст: наши высшие военные авторитеты как раз в своей области являются большей частью страшно консервативными, а между тем едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, как военная. Между гладкоствольными шестифунтовыми и семифунтовыми гаубицами, с которыми я в свое время имел дело на Купферграбене⁵⁷, и нынешними нарезными орудиями, заряжающимися с казенной части, между тогдашним крупнокалиберным гладкоствольным ружьем и нынешним пятимиллиметровым заряжающимся с казенной части магазинным ружьем как бы лежат целые столетия; и это далеко еще не предел, ежедневно техника беспощадно отбрасывает как уже негодное все, и даже то, что было только что введено в употребление. Она устраняет теперь даже романтический пороховой дым и тем самым придает сражению совершенно иной характер и иной ход, которые абсолютно невозможно заранее предвидеть. И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционирования технической основы ведения войны.

Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться? — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 394

Вместе с Парижской Коммуной надеялись окончательно похоронить борющийся пролетариат. Но как раз наоборот, со времени Коммуны и франко-прусской войны начинается его наиболее мощный подъем. Зачисление всего годного к военной службе населения в армии, насчитывающие уже миллионы солдат, применение огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ еще неслыханной силы действия — все это создало полный переворот во всем военном деле, сразу положивший, с одной стороны, конец бонапартистскому периоду войн и обеспечивший мирное промышленное развитие, сделал невозможной никакую другую войну, кроме неслыханной по своей жестокости мировой войны, исход которой совершенно не поддается учету. С другой стороны, этот переворот, вызвавший увеличение в геометрической прогрессии военных расходов, неизбежно повлек за собой непомерное повышение налогов и бросил тем самым необеспеченные классы населения в объятия социализма. Аннексия Эльзас-Лотарингии, ближайшая причина бешеной гонки вооружений, могла разжечь шовинизм французской и немецкой буржуазии по отношению друг к другу, но для рабочих обеих стран она стала лишь новым связующим звеном. И день годовщины Парижской Коммуны стал первым общим праздником для всего пролетариата.

Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 537—538

Но с тех пор произошло много еще и других изменений, и все в пользу войск. Если значительно выросли большие города, то еще больше возросла численность армий. Население Парижа и Берлина не увеличилось с 1848 г. в четыре раза, зато гарнизоны их увеличились более чем вчетверо. Благодаря железным дорогам численность этих гарнизонов за 24 часа может быть более чем удвоена, а за 48 часов доведена до размеров огромных армий. Вооружение этой чрезмерно возросшей армии стало несравненно более действенным. В 1848 г. — гладкоствольное ударное ружье, заряжающееся с дульной части; теперь — малокалиберное магазинное ружье, заряжающееся с казенной части, ружье, которое стреляет в четыре раза дальше и в десять раз более метко и более быстро, чем старое. Прежде — артиллерия с относительно слабо действующими ядрами и картечью; теперь — разрывные гранаты, из которых достаточно одной, чтобы разрушить самую лучшую баррикаду. Прежде — кирка сапера для проламывания брандмауеров; теперь — динамитный патрон.

Наоборот, на стороне инсургентов все условия изменились к худшему. Восстание, которому сочувствовали бы все слои народа, вряд ли повторится; в классовой борьбе средние слои никогда, надо полагать, не объединятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы сплотившаяся вокруг буржуазии реакционная партия почти исчезла. «Народ», таким образом, всегда будет выступать разделенным, а, следовательно, не будет того могучего рычага, который оказался столь действенным в 1848 году. Если на стороне восставших окажется больше прошедших военную службу солдат, то зато вооружить их будет труднее. Охотничьи ружья и ружья с дорогой отделкой из оружейных магазинов, — даже в том случае, если их по распоряжению полиции не приведут заранее в негодность, вынув ту или иную часть затвора, — ни в коей мере не могут даже при стрельбе на близком расстоянии сравниться с солдатским магазинным ружьем. До 1848 г. можно было самим изготовлять из пороха и свинца необходимый заряд, теперь же для каждого ружья требуются особые патроны, похожие друг на друга лишь в том отношении, что все они представляют собой сложный продукт крупной промышленности и, следовательно, не могут быть немедленно изготовлены, так что большая часть ружей остается бесполезной, если нет подходящих специально к ним боевых патронов. Наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь построенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и винтовок. Безумцем был бы тот революционер, который сам избрал бы для баррикадной борьбы новые рабочие кварталы в северной и восточной частях Берлина.

Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения, гораздо более благоприятными для войск. Будущая уличная борьба может, таким образом, привести к победе лишь в том случае, если это невыгодное соотношение будет уравновешено другими моментами. Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти так же, как и в течение всей великой французской революции, как и 4 сентября и 31 октября 1870 г. в Париже⁵⁸, предпочтут, надо думать, открытое наступление пассивной баррикадной тактике*.

Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 542—543

Наша теория об определении *организации труда средствами производства* нигде так блестяще не подтверждается, как в человекоубойной промышленности [Menschenabschlachtungsindustrie].

Маркс К. — Ф. Энгельсу, 7 июля 1866 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 197

* В тексте «Die Neue Zeit» и отдельного издания «Классовой борьбы во Франции» 1895 г. весь этот абзац опущен. *Ред.*

Вся история кампании 1904 г.⁵⁹ явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times»⁶⁰), «преступным пренебрежением элементарными принципами морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб поваленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией.

Ленин В. И. Падение Порт-Артура. — Полн. собр. соч. т. 9, с. 155—156

Англия — одна из самых богатых, самых свободных и самых передовых стран мира. Горячка вооружений охватила уже давно английское «общество» и английское правительство — совершенно так же, как французское, германское и т. д.

И вот, английская печать, — особенно рабочая, — приводит теперь интереснейшие данные, которые показывают хитрую капиталистическую «механику» вооружений. Морские вооружения Англии особенно велики. Судостроительные заводы Англии (Викерс, Армстронг, Броун и др.) пользуются мировой известностью. Сотни и тысячи миллионов рублей расходуются Англией и другими странами на приготовления к войне, — разумеется, все это делается исключительно в интересах мира, в интересах охраны культуры, в интересах родины, цивилизации и т. д.

А в качестве акционеров и директоров предприятий судостроительных, пороховых, динамитных, пушечных и т. д. мы видим адмиралов и знаменитейших государственных деятелей Англии из обеих партий: и консервативной, и либеральной. Золотой дождь льется прямо в карманы буржуазных политиков, которые составляют тесную международную шайку, подстрекающую народы к соревнованию в деле вооружений и *стригущую* эти доверчивые, глупые, тупые и покорные народы, как стригут овец!

Вооружения считаются национальным делом, патриотическим делом; предполагается, что все строго оберегают тайну. А судостроительные и пушечные, динамитные

и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран, строя суда или пушки одинаково для Англии против Италии, для Италии против Англии.

Хитрая капиталистическая механика! Цивилизация, порядок, культура, мир — и грабеж сотен миллионов рублей дельцами и аферистами капитала судостроительного, динамитного и пр.!

Англия входит в тройственное соглашение, враждебное тройственному союзу. Италия входит в тройственный союз. Знаменитая фирма Викерс (Англия) имеет *отделения* в Италии. Акционеры и директора этой фирмы науськивают (через продажные газеты и через продажных парламентских «деятели» консерваторов, либералов, все равно) Англию на Италию и обратно. А прибыль берут и с рабочих Англии и с рабочих Италии, обдирают народ и здесь и там.

Консервативные и либеральные министры и члены палаты — почти все участники эти фирм. Рука руку моет. Сын «великого» либерального министра Гладстона — директор фирмы Армстронг. Контр-адмирал Бэйкон, известнейший морской специалист и высший чин «ведомства» в Англии, переходит на службу к фабрике артиллерийских орудий в Ковентри на жалованье в 7000 фунтов стерлингов (свыше 60 000 рублей), а английский первый министр получает 5000 фунтов (около 45 000 рублей).

То же самое происходит, разумеется, во всех капиталистических странах. Правительства — приказчики класса капиталистов. Приказчикам платят хорошо. Приказчики — сами пайщики. А овечек стригут вместе под шумок речей о «патриотизме»...

Ленин В. И. Вооружения и капитализм. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 175—176

Бюджетная комиссия немецкого райхстага приняла в первом чтении военный законопроект. Нет сомнения, что ему обеспечено принятие. Правительство юнкеров — этих братьев наших Пуришкевича и Маркова — дружно «работает» вместе с германской буржуазией над новым угнетением народа, а заодно и над увеличением прибыли гг. фабрикантов орудий истребления. Фабриканты военных припасов и предметов снаряжения хорошо торгуют. Прусские дворянские сынки заранее предвкушают удовольствие получить «добавочные» офицерские местечки. Все командующие классы довольны, — а что же такое современные парламенты, как не орудия исполнения воли командующих классов?

Чтобы оправдать новые вооружения, стараются, как водится, намалевать картину опасности, угрожающих «отечеству». Германский канцлер пугает, между прочим, немецкого филлистера *славянской опасностью*. Извольте видеть, балканские победы усилили «славянство», которое враждебно всему «немецкому миру»!! Панславизм, идея объединения всех славян против немцев, — вот опасность, уверяет канцлер юнкеров.

Немецкие социал-демократы разоблачили и продолжают неуклонно в своей печати и в своих парламентских речах и на собраниях разоблачать эти лицемерные, шовинистические выходки. Есть государство, говорили с.-д., которое имеет большинство населения славянское и которое давно уже пользуется политической свободой и конституционным порядком. Это — Австрия. Бояться военных замыслов со стороны этого государства прямо нелепо.

Прижатый к стене социал-демократами, германский канцлер сослался на шумные манифестации панславистов в Петербурге. Прекрасный довод! Фабриканты орудий, брони, пушек, пороха и прочих «культурных» потребностей желают обогащаться и в Германии и в России, а чтобы дурачить публику, они ссылаются друг на друга. Немцев пугают русскими шовинистами, русских — немецкими! И те и другие — играют жалкую роль в руках капиталистов, которые прекрасно знают, что о войне России против Германии смешно и думать.

Немецким шовинистам обеспечено, повторяем, большинство в рейхстаге. Но среди немецких рабочих растет возмущение и требование не только парламентских средств борьбы против бесстыдного грабежа народных денег шовинистами. Интересно отметить,

что на общем собрании социал-демократов 1-го вюртембергского избирательного округа (Штутгарт) была вынесена следующая резолюция:

«Общее собрание выражает свое сожаление по поводу того, что борьба против военного законопроекта в парламенте ведется недостаточно энергично. Собрание полагает, что дикому походу на народный карман со стороны фабрикантов вооружений необходимо оказать сопротивление всеми возможными средствами. Собрание ожидает поэтому от с.-д. фракции рейхстага, что она выступит на борьбу, когда законопроект выйдет из комиссии на обсуждение всего рейхстага в целом, — самым энергичным образом, не останавливаясь и перед обструкцией. Собрание считает недостаточной ту внепарламентскую борьбу, которую партия вела до сих пор. Собрание требует от правления партии, чтобы оно приступило к организации таких действий, которые охватывают все трудящееся население, в том числе и массовых стачек».

Сознание необходимости более решительной, наступательной, массовой борьбы рабочих медленно, но неуклонно растет среди германской социал-демократии. Если оппортунисты, которых много в парламентской фракции и среди чиновников рабочего движения, противятся такой борьбе, то в рабочих массах она встречает все большее сочувствия.

Ленин В. И. Германская социал-демократия и вооружения. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 182—184

Английская рабочая печать продолжает свою интересную и поучительную кампанию разоблачений по поводу того, как синдикаты интернационально объединенных капиталистов толкают народы на войну.

Вот вам *динамитный трест* (или синдикат) Нобеля. Капиталец его составляет 30 миллионов рублей. Чистая прибыль за последний год 3 300 000 рублей. Одиннадцать процентов чистой прибыли, недурно — неправда ли?

И в своем годовом отчете благородные торгаши человекоистребительными материалами скромно объясняют свои успехи короткой фразой: «на военные припасы в этом году был усиленный спрос».

Еще бы! Капиталистическая печать и служащие капиталистам политические деятели кричат о войне, требуют новых вооружений — это так выгодно промышленникам, фабрикующим военные припасы!

Но кто же они, эти промышленники?

Они объединенные капиталисты *всех* наций, братья министров, члены парламента и так далее!

Среди акционеров «динамитного» треста (который является пайщиком, если не владельцем, *четырёх* динамитных фабрик в Германии) мы встречаем имена:

Немецкая армия: генерал фон Мюльбург, майор барон фон Фрич и т. д.;

Британская армия: генерал Дж. Дональд, полковник Нейль Финдли и пр. и пр.;

Французская армия: полковник Франсуа Ляффарг;

Лорд Глэнконнер, брат г-жи Асквит, жены *английского премьер-министра*, сэр Норс, министр, Гарольд Теннант, член парламента, «Немецкий банк», «Ганноверский банк» и так далее.

Ленин В. И. Капиталисты и вооружение. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 253—254

«The Daily Telegraph», 15. III. 1915 года. «Заметки о технике». «Нефть в войне. Военный корабль целиком на нефти».

«Канцлер казначейства был прав, когда он сказал: «Это — техническая война». Мы видим отпечаток техники на каждой фазе огромной борьбы, происходящей теперь во всем мире. Техника не играет больше второстепенной роли. Она стала главной характерной чертой войны, настолько, что «очевидец» счел возможным назвать ее «бензиновой войной», описывая недавно ту роль, которую играет механическая тяга на континенте. Назвать ее «нефтяной войной», пожалуй, было бы более правильно, так как этот термин охватывал бы и флот, поскольку речь идет о многих из его наиболее крупных и наиболее мелких судов, представленных сверхдредноутами и подводными лодками».

«Королева Елизавета» — одно из первых «целиком на нефти» судов. Удешевление. Главное — быстрота снабжения топливом etc. etc. Гигантский технический прогресс.

Предстоит переход к «двигателям внутреннего сгорания на военных судах». Торговые суда уже переходят.

Ленин В. И. Тетради по империализму 1915—1916 гг. — Полн. собр. соч., т. 28, с. 283—284

... Господство кучки капиталистов дошло до полного развития тогда, когда весь земной шар оказался поделенным не только в смысле захвата различных источников сырья и средств производства крупнейшими капиталистами, но и в смысле законченности предварительного раздела колоний. Лет 40 тому назад считалось немного больше четверти миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения, а если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые тогда уже были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетаемо богатейшими, цивилизованнейшими и свободнейшими странами посредством колониальной зависимости. А вы знаете, что, кроме прямой государственной юридической зависимости, колониальная зависимость предполагает целый ряд отношений зависимости финансовой и экономической, предполагает целый ряд войн, которые за войны не считались, потому что часто сводились к бойне, когда вооруженные самыми усовершенствованными орудиями истребления европейские и американские империалистические войска избивали безоружных и беззащитных жителей колониальных стран.

Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля [II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г.]. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 216

Особенности научно-технического прогресса в эпоху становления и развития монополий

Накопление капитала (рассматриваемое с материальной стороны) имеет двойственный характер. С одной стороны, оно заключается в *возрастающей массе* прошлого труда, или в имеющейся в наличии массе условий труда, в материальных предпосылках — в массе уже имеющихся налицо продуктов и определенном числе рабочих, — при которых имеет место новое производство или воспроизводство. А, во-вторых, оно заключается в *концентрации*, в уменьшении числа капиталов, в росте капиталов, находящихся в руках отдельных капиталистов, короче говоря, в некотором новом распределении капиталов, общественного капитала. Вследствие этого возрастает власть капитала как таковая. Обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства, [XVI—1021] противостоящих действительным создателям этих условий производства, становится вследствие этого все более бросающимся в глаза. Капитал все более и более оказывается *общественной силой* (функционером которой является только капиталист и которая не находится решительно ни в каком отношении к тому, что создает или может создать труд одного индивида), но *отчужденной, обособленной общественной силой*, которая противостоит обществу как вещь, а посредством этой вещи — как сила отдельных капиталистов. Тем самым, с другой стороны, все большая масса [индивидов] лишается условий производства, противопоставляется им. Противоречие между *всеобщей общественной силой*, в которую превращается капитал, и *частной властью отдельных капиталистов* над этими общественными усло-

виями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем включает преобразование материальных условий производства во всеобщие и поэтому коллективные общественные условия производства.

Развитие [этого противоречия] обусловлено развитием производительной силы вместе с капиталистическим производством, а также тем способом, каким это развитие производительной силы совершается.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 гг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 328—329

III. Образование акционерных обществ. Благодаря этому:

1) Колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), то и тогда вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом, прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающая свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т. е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент; здесь же кроется одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не обязательно должны участвовать в выравнивании общей нормы прибыли.

{С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества. Ежедневно возрастающей быстроте, с какой во всех отраслях крупной промышленности может быть увеличено производство, противостоит постоянно возрастающая медленность расширения рынка для увеличивающегося количества продуктов. То, что промышленность производит в несколько месяцев, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика запретительных пошлин, при помощи которой каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других, и в особенности от Англии, и искусственно повышает отечественное производство. Следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли объединяются в картель для регулирования производства. Картельный комитет устанавливает для каждого предприятия твердую квоту производства и в конечном счете распределяет поступающие заказы. В отдельных случаях возникали время от времени даже международные картели, так, например, картели, объединяющие предприятия английской и германской черной металлургии. Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противоположность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производство этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством. В Америке это осуществлялось уже неоднократно, в Европе ярчайшим примером этого рода до сих пор остается «United Alkali Trust», сосредоточивший все английское производство щелочи в руках одной-единственной фирмы. Прежние владельцы отдельных заводов — свыше тридцати — получили за все оборудование по оценочной стоимости в акциях в общем около 5 миллионов ф. ст., представляющих основной капитал треста. Техническое управление остается в руках генеральной дирекции. Обратный капитал (floating capital) в сумме около одного миллиона ф. ст. был предложен публике для реализации по подписке. Весь капитал треста составляет таким образом 6 миллионов фунтов стерлингов. Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности Англии, конкуренция заменена монополией и самым обнадеживающим образом подготавливается будущая экспроприация всем обществом, нацией. — Ф. Э.]

Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое *prima facie* * представляется простым переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие оно выступает и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело, — которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом **. Распоряжение общественным, а не собственным капиталом позволяет

* — прежде всего. *Ред.*

** Посмотрите, например, в «Times» ⁶¹ перечень банкротств за такой год кризиса, как 1857, и сравните собственное имущество обанкротившихся с размером их долгов. — «Поистине покупательная способность

ему распоряжаться общественным трудом. Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в общественном мнении, становится базисом кредитной надстройки. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит преобладающая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не *своей*, а общественной собственностью. Вместе с тем пошлой становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы *другие* делали за него сбережения. {Как недавно вся Франция сберегла полтора миллиарда франков для панамских мошенников. С какой точностью изображено здесь все панамское мошенничество за целых двадцать лет до того, как оно произошло! — Ф. Э.} Фразам о воздержании резко противоречит свойственная капиталу роскошь, которая сама теперь становится средством кредита. Представления, имевшие еще некоторый смысл на менее развитой ступени капиталистического производства, становятся здесь совершенно бессмысленными. Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих мелких и средних капиталистов. Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление ее является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиваться коопе-

---

людей, пользующихся капиталом и кредитом, далеко превосходит все, что могут себе представить те, кто не имеет практического знакомства со спекулятивными рынками» (*Tooke*. «An Inquiry into the Currency Principle», p. 79). «Человек, который слышит имеющим достаточный капитал для своего постоянного дела, и располагает в своей отрасли хорошим кредитом, если он питает сангвиническую уверенность в повышении конъюнктуры производимого им товара и если в начале и в течение его спекуляции ему благоприятствуют обстоятельства, может произвести закупки колоссальных размеров по сравнению со своим капиталом» (там же, стр. 136). — «Фабриканты, купцы и т. д. — все совершают операции, далеко превосходящие размер их капиталов. В настоящее время капитал скорее основа, на которой строится хороший кредит, чем предел оборотов какого-нибудь коммерческого предприятия» («*Economist*», [20 ноября] 1847 г., стр. 1333).

ративная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному большему или меньшему расширению кооперативных предприятий в национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 479—484

Частная собственность, как антитеза коллективной собственности, существует лишь там, где орудия и другие внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется облик самой частной собственности. Бесконечные оттенки ее форм, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния между этими двумя крайностями.

Частная собственность работника на средства его производительной деятельности является неизбежным следствием мелкого производства, земледельческого или промышленного, и оно образует питомник общественного производства, школу, где вырабатывается физическая сноровка, изобретательность и свободная индивидуальность работника. Правда, этот способ производства встречается и в условиях рабства, крепостничества и других форм зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, обретает цельную и классическую форму лишь там, где работник является свободным собственником условий труда, которые он сам применяет: крестьянин — земли, которую он обрабатывает, ремесленник — инструментов, которыми он владеет как виртуоз.

Этот производственный строй мелких независимых производителей, работающих на свой страх и риск, предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию этих средств, так и кооперацию в крупном масштабе. Он исключает разделение труда в мастерской и в поле, применение машин, научное господство человека над природой, свободное развитие общественных сил труда, согласованность и единство целей, средства и усилия коллективной деятельности. Он совместим лишь с неразвитым состоянием производства и общества. Увековечение его означало бы, как справедливо заметил Пеккёр, «декретирование всеобщей посредственности»⁶². Но на известном уровне развития производственный строй мелких независимых производителей сам порождает материальные средства своего разложения. С этого момента в недрах общества начинают действовать силы и страсти, которые он сковывает. Он должен быть уничтожен, и он уничтожается. Разрушительный процесс, который превращает средства индивидуального и раздробленного производства в средства общественно концентрированного производства, карликовую собственность многих в колоссальную собственность немногих, болезненная, ужасная экспроприация трудящегося народа — таково происхождение, таков генезис капитала. . .

Частная собственность, основанная на личном труде, эта собственность, которая так сказать связывает изолированного и автономного работника с внешними условиями труда, вытесняется частной капиталистической собственностью, основанной на эксплуатации труда других, на наемном труде*.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил снизу доверху старое общество, когда производители превратились в пролетариев, а их условия труда — в капитал, когда, наконец, капиталистический строй стал держаться на одной только

* «Мы вступили в совершенно новый общественный строй. . . мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi. Nouveaux Principes d'Economie Politique. [Paris, 1827]. t. II, p. 434 [Русский перевод, том II, стр. 208]*).

экономической силе вещей, тогда дальнейшее обобществление труда, а также постепенное превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые средства, в общие средства, тогда, одним словом, дальнейшее уничтожение частной собственности приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не независимый работник, а капиталист, предводитель армии или команды наемных рабочих.

Эта экспроприация совершается в результате действия имманентных законов капиталистического производства, которые ведут к концентрации капиталов. Соответственно этой централизации, экспроприации многих капиталистов немногими, развивается во все возрастающем масштабе приложение науки к технике, методичная и совокупная [avec méthode et ensemble] эксплуатация земли, превращение орудий в могущественную силу только благодаря одному их совместному использованию, стало быть, развивается экономия средств производства, все народы вовлекаются в сеть мирового рынка, а отсюда и международный характер, присущий капиталистическому строю.

Маркс К. [Фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала»]. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 227—229

Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, сами по себе до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму того, что должно быть произведено, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в делах большей частью распадаются, то они тем самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны. Так это и случилось в 1890 г. с английским производством щелочей, которое после слияния всех 48 крупных фабрик перешло в руки единственного, руководимого единым центром, общества с капиталом в 120 миллионов марок.

В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено * взять на себя руковод-

* Я говорю «вынуждено», так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особогорода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда

ство производством. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог.

Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ, трестов и в государственную собственность доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ и трестов это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем больше будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прокладывая себе путь только как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно, — этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производитель-

---

Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главные прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, — то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская Seehandlung⁶³, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии, или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости.

ные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрошенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-плановым регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 221—224

Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения и сокрушить все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы. Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполняет эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом. Но так ли обстоит дело еще и теперь? Продолжает ли он выполнять свою важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом? Посмотрим.

Начнем со средств сообщения. Телеграф находится в руках государства. Железные дороги и значительная часть морских пароходов принадлежат не отдельным капиталистам, которые сами ведут свои дела, а акционерным компаниям, дела которых ведут за них *наемные лица* — служащие, положение которых в сущности одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих. Что же касается директоров и держателей акций, то и те и другие знают, что, чем менее первые вмешиваются в управление, а последние — в наблюдение, тем лучше для предприятия. Слабое и большей частью небрежное наблюдение является, в самом деле, единственной функцией, остающейся в руках владельцев предприятия. Итак, мы видим, что в действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять.

Но если огромные размеры предприятий, о которых идет речь, заставили капиталиста «уйти в отставку» от руководства ими, то у него осталась еще одна функция. И функция эта состоит в том, чтобы спекулировать своими акциями на бирже. За отсутствием лучшего занятия, наши «ушедшие в отставку» или, в сущности, вытесненные капиталисты вволю предаются в этом храме мамоны биржевой игре. Они отправляются туда с сознательной целью присвоить деньги, делая вид, что зарабатывают их; они, впрочем, говорят, что началом всякой собственности является труд и сбережение, — возможно началом, но отнюдь не концом. Какое лицемерие — насильственно закрывать мелкие игорные дома, когда наше капиталистическое общество не может обойтись, в качестве своего подлинного центра, без огромного игорного дома, в котором проигрываются и выигрываются миллионы за миллионами! Тут уж, конечно, существование «ушедшего в отставку» акционера-капиталиста становится не только излишним, но и совершенно вредным.

То, что верно для железных дорог и пароходства, с каждым днем становится все более и более верным для всех крупных промышленных и торговых предприятий. Учреждение акционерных компаний — превращение крупных частных предприятий в общества с ограниченной ответственностью стало лозунгом дня в последнее десятилетие и даже раньше. От больших складов манчестерских товаров в Сити до железодельных заводов и каменноугольных копей в Уэльсе и в Северной Англии и до фабрик в Ланкашире — все превратилось или превращается в акционерные компании. Во всем Олдеме вряд ли хоть одна хлопчатобумажная фабрика осталась в руках частных лиц; даже розничные торговцы все более и более вытесняются «кооперативными магазинами», бóльшая часть которых только называется кооперативными, — но об этом в другой раз. Итак, мы видим, что, вследствие развития самой системы капиталистического производства, капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работавший на ручном станке, с той, однако, разницей, что ткач обречен на медленную смерть от голода, а вытесняемый капиталист — на медленную смерть от обжорства. Но положение того и другого обычно сходно в том отношении, что ни один из них не знает, что ему делать с самим собой.

Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о «хозяйском глазе» и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе «хозяйский глаз» на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают.

Итак, капиталист уже больше не может предъявлять права на свою прибыль как на «заработную плату за руководство», так как он ничем не руководит. Надо помнить об этом, когда защитники капитала трезвонят, повторяя эту пустую фразу.

Но в нашей статье на прошлой неделе* мы попытались показать, что класс капиталистов стал не способен также управлять огромной системой производительных сил нашей страны; что капиталисты, с одной стороны, так расширяли производство, что периодически наводняли продукцией все рынки, а с другой стороны, становились все менее и менее способными выдержать иностранную конкуренцию. Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным.

Мы снова заявляем им: «Отойдите прочь! Предоставьте рабочему классу вас сменить».

Энгельс Ф. Общественные классы — необходимые и излишние. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 297—299

В Лондоне все, что связано со старым городским управлением, — с устройством и управлением собственно Сити, — представляет собой еще чистейшее средневековье. Сюда же относится и лондонский порт, первый порт в мире. Владельцы пристаней (wharfingers), разгрузочных судов (lightermen) и лодочники (watermen) образуют настоящие цехи с особыми привилегиями, а частично даже и со средневековыми костюмами. Эти старинные цеховые привилегии в течение последних семидесяти лет утративала монополия доковых компаний; тем самым весь огромный лондонский порт был передан в руки незначительного числа привилегированных корпораций, которые беспощадно эксплуатируют его. И все это привилегированное уродливое создание увековечивается и становится, так сказать, неприкосновенным вследствие бесконечного ряда запутанных и противоречивых парламентских актов, которые его создали и вырастили, так что этот юридический лабиринт стал его лучшей защитой.

* См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 292—295. Ред.

Но в то время как по отношению к торговым кругам эти корпорации кичатся своими средневековыми привилегиями и делают Лондон самым дорогим портом в мире, члены этих корпораций превратились в настоящих буржуа, которые, кроме своих клиентов, самым бесстыдным образом эксплуатируют и своих рабочих, используя таким путем одновременно выгоды и средневекового цехового общества, и современного капиталистического.

Так как, однако, эта эксплуатация совершалась в рамках современного капиталистического общества, то, несмотря на средневековый наряд, она была подчинена законам этого общества. Большие пожирали малых или, по крайней мере, приковывали их к своей триумфальной колеснице. Крупные доковые компании стали господами над цехами владельцев пристаней, разгрузочных судов и лодок, следовательно, над всем лондонским портом. Тем самым перед ними открывалась перспектива неограниченных прибылей. Эта перспектива ослепляла их. Они выбрасывали миллионы на нелепые предприятия; а так как таких компаний было несколько, то они начали между собой конкурентную войну, которая стоила новых миллионов, вызвала новые бессмысленные постройки и поставила компании на грань банкротства, пока, наконец, около двух лет тому назад они не объединились.

Между тем, торговля Лондона уже прошла через свой кульминационный пункт. Гавр, Антверпен, Гамбург, а с проведением нового морского канала и Амстердам привлекали к себе все возрастающую долю торговли, центр которой находился прежде в Лондоне. Ливерпуль, Гульль и Глазго также получили свою долю. Вновь построенные доки пустовали, дивиденды уменьшались и частью совсем исчезали, акции падали; директора доков, упрямые, избалованные добрыми старыми временами, высокомерные денежные тузы, не видели никакого выхода. Подлинных причин относительного и абсолютного упадка торгового оборота лондонского порта они не хотели признавать. А этими причинами, в той степени, в какой они носят местный характер, являются исключительно их собственное бессмысленное высокомерие и его источник — их привилегированное положение, средневековое, давно отжившее устройство Сити и лондонского порта, устройство, которому по закону место в Британском музее, рядом с египетскими мумиями и ассирийскими каменными чудовищами.

*Энгельс Ф. Отставка буржуазии. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,
т. 21, с. 398—399*

Электрическая промышленность — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма *конца* XIX и начала XX века. И всего более развилась она в двух наиболее передовых из новых капиталистических стран, Соединенных Штатах и Германии. В Германии на рост концентрации в этой отрасли особо сильное влияние оказал кризис 1900 года. Банки, к тому времени достаточно уже сросшиеся с промышленностью, в высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелких предприятий, их поглощение крупными.

*Ленин В. И. Империализм, как высшая
стадия капитализма. — Полн. собр. соч.,
т. 27, с. 365*

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п. Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется

недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний. . .

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр. и т. п. Отсюда — неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще. Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 380, 381

Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в 5 главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников *сырья* трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковским капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями *начался*. Таких международных картелей, владеющих *всем* мировым рынком и делящих его «полюбовно», — пока война не *переделила* его — насчитывают уже свыше *ста!* Вывоз капитала, как особенно характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) *закончился*.

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Ленин В. И. Империализм и раскол социализма. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 163—164

Социально-экономические последствия развития науки и техники при капитализме

Научно-технический прогресс и прибавочная стоимость

...Всюду, где крупная промышленность сменила мануфактуру, промышленная революция в чрезвычайной мере умножила богатство и могущество буржуазии и сделала ее первым классом в стране. Результатом этого было то, что повсюду, где совершился такой процесс, буржуазия получила в свои руки политическую власть и вытеснила классы, которые господствовали до тех пор, — аристократию, цеховое бюргерство и представлявшую тех и других абсолютную монархию. Буржуазия уничтожила могущество аристократии, дворянства, отменив майораты, или неотчуждаемость земельных владений, и упразднив все дворянские привилегии. Она сокрушила могущество цехового бюргерства, упразднив все цехи и все привилегии ремесленников. На место тех и других она поставила свободную конкуренцию, т. е. такое состояние общества, при котором каждый имеет право заниматься любой отраслью промышленной деятельности, причем ничто не может ему в этом помешать, кроме отсутствия нужного для этого капитала. Введение свободной конкуренции равносильно, таким образом, открытому заявлению, что отныне члены общества не равны между собой лишь постольку, поскольку не равны их капиталы, что капитал становится решающей силой, а капиталисты, буржуа, тем самым становятся первым классом в обществе.

Энгельс Ф. *Принципы коммунизма.* —
Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 4,
с. 327

Существование *различных добавочных прибылей*, или *различных земельных рент*, на земельных участках различного плодородия не есть еще то, что отличает земледелие от промышленности. Что отличает земледелие от промышленности, так это — *фиксированность* этих добавочных прибылей, которые здесь покоятся на базисе, данном природой (этот базис, правда, *может* быть более или менее выравнен), тогда как в промышленности — при одинаковой средней прибыли — они имеют всегда лишь *мимолетный характер* и всегда возникают *только* потому, что совершается переход к более производительным машинам и к более эффективным комбинациям труда. В промышленности добавочную прибыль, получаемую путем *понижения* средних цен, всегда приносит приходящий последним, *наиболее производительный* капитал. В земледелии же причиной добавочной прибыли *может* являться — и *очень часто необходимо* является — не абсолютное увеличение плодородия лучших участков, а относительное увеличение их плодородия, обусловленное тем, что в обработку вводится *менее плодородная* земля. В промышленности более высокая *относительная* производительность, добавочная прибыль (которая быстро исчезает) *всегда* должна быть результатом абсолютного увеличения производительности вновь вложенного капитала по сравнению с прежним. В промышленности никакой капитал (мы не говорим здесь о кратковременном увеличении спроса) не может давать такую *добавочную прибыль*, которая

была бы обусловлена тем, что в данную отрасль промышленности *вновь* вступают менее производительные капиталы.

[486] Но и в земледелии (как это допускает и Рикардо) более плодородная почва — почва, которая либо плодороднее от природы, либо, благодаря новейшим успехам техники, становится плодороднее, чем старая почва при прежней технике, — *может* вступить в обработку на более поздней стадии, *может* даже явиться причиной того, что (как это имеет место в горной промышленности и в производстве колониальных продуктов) часть старой почвы будет *изъята из обработки* или что на старой почве будет введен другой *вид* земледельческого производства, доставляющий *другой* продукт.

То обстоятельство, что *различия* земельных рент (добавочных прибылей) более или менее *фиксируются*, отличает земледелие от промышленности. Однако отнюдь не почва, а *конкуренция, капиталистическое производство* является причиной того, что средние условия производства определяют *рыночную цену* и таким образом поднимают ту цену продукта, которая стоит ниже этого среднего уровня, выше *цены* данного продукта и даже выше его *стоимости*; это, стало быть, не закон природы, а общественный закон.

Согласно этой теории, нет необходимости ни в том, чтобы с самой худшей земли уплачивалась *земельная рента*, ни в том, чтобы с такой земли *никакой* ренты не уплачивалось. Равным образом возможно и то, что там, где *не* получается *никакой земельной ренты*, а получается только обычная прибыль, или *даже* там, где *отсутствует и эта последняя*, — все же уплачивается *аренда*, т. е. земельный собственник получает *земельную ренту*, хотя с *экономической точки зрения никакой земельной ренты здесь нет*.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 97—98

Прибавочная стоимость, т. е. прибавочный труд, — как абсолютный, так и относительный, — порождается капиталом посредством применения машин, происходит не из той *рабочей силы*, которую машины *замещают*, а из той, которую они применяют.

«По данным Бейнса, первоклассную хлопкопрядильную фабрику нельзя построить, оборудовать машинами, паровыми двигателями и газом, затратив меньше чем 100 000 ф. ст. Паровой двигатель в 100 лошадиных сил приводит в движение 50 000 веретен, которые произведут 62 500 миль тонких хлопчатобумажных ниток за 1 день. На такой фабрике 1000 рабочих изготовят столько ниток, сколько изготовили бы 250 000 рабочих без машин» (S. Laing. National Distress. London, 1844, стр. 75).

В данном случае прибавочная стоимость капитала происходит не из сбереженного труда 250 рабочих, а из труда одного рабочего, который их замещает; не из труда 250 000 замещенных рабочих, а из труда 1000 занятых. Именно их прибавочный труд реализуется в прибавочной стоимости. Потребительная стоимость машины, — а замещение ею человеческого труда и есть ее потребительная стоимость, — не определяет ее стоимости, последняя определяется трудом, необходимым для ее собственного производства. И эта ее стоимость, которую машина имеет до ее применения, до того как она вступает в процесс производства, есть единственная стоимость, которую она в качестве машины присоединяет к продукту. Эту стоимость капиталист оплачивает при покупке машины.

Если предположить, что товары продаются по своей стоимости, то *относительная прибавочная стоимость*, которую капитал создает как при посредстве машин, так и путем применения всех других устройств, увеличивающих производительную силу труда и тем самым снижающих цену единицы продукта, состоит исключительно в том, что удешевляются необходимые для воспроизводства рабочей силы товары, и поэтому рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы и составляющее лишь эквивалент рабочего времени, содержащегося в заработной плате, сокращается; поэтому при [V—198] той же самой продолжительности совокупного рабочего дня прибавочное рабочее время удлиняется (при этом имеют место некоторые модифицирующие обстоятельства, о которых ниже). Указанное сокращение необходимого рабочего времени является таким результатом, который идет на пользу всему капиталистическому произ-

водству и вообще уменьшает издержки производства рабочей силы, так как, согласно предположению, производимый машинами товар вообще входит в воспроизводство рабочей силы. Однако для отдельного капиталиста не это является мотивом, побуждающим его к введению машин, не этот общий результат, который лично ему особенной пользы не приносит.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 363—364

Однако здесь имеет место еще одно обстоятельство, в результате которого даже и без удлинения рабочего дня применение машин увеличивает абсолютное рабочее время, а потому и абсолютную прибавочную стоимость. Это совершается, так сказать, путем *конденсирования рабочего времени*, когда каждая частица времени в большей мере наполняется трудом; растет интенсивность труда. В результате применения машин растет не только производительность (следовательно, качество) труда, но и *количество труда*, затрачиваемого в какой-либо данный промежуток времени. Пóры времени уменьшаются путем, так сказать, сжатия труда. Вследствие этого один рабочий час представляет собой, быть может, то же самое количество труда, что и $\frac{6}{4}$ рабочего часа в условиях среднего труда, когда вовсе не применяются машины или же применяются не столь совершенные машины.

Суть дела состоит в следующем: там, где машины уже введены, усовершенствования, сокращающие число рабочих по отношению к массе производимых товаров и количеству применяемых машин, сопровождаются тем обстоятельством, что труд отдельного рабочего, заменяющего двух или трех рабочих, при введении усовершенствованных машин возрастает, т. е. что машины дают рабочему возможность делать то, что прежде делали двое или трое рабочих, только тогда, когда они принуждают его увеличивать свой труд и более интенсивно наполнять им каждую частицу времени. Тем самым рабочая сила в течение того же самого рабочего часа изнашивается быстрее.

Посмотрим прежде всего, что в различные периоды составители отчетов о положении фабричных рабочих говорили об увеличении количества труда по мере усовершенствования машин. Это увеличение труда происходит, с одной стороны, вследствие большей скорости машин, за которой должен поспевать рабочий; с другой стороны, вследствие большего количества машинных операций, которые должны контролироваться отдельным рабочим, как, например, в том случае, когда увеличивается число веретен у мюль-машины, да еще применяются двухрядные веретена, или же в том случае, когда один ткач должен контролировать работу не одного, а двух или трех механических ткацких станков.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 370—371

... *Прибавочная стоимость*, которую получает капиталист, имеет своим источником не тот труд, который *замещается* машиной, а тот, который применяется на основе машинного производства. Размер же прибавочной стоимости определяется двумя моментами: [во-первых,] той нормой, в соответствии с которой эксплуатируется каждый отдельный рабочий, или той массой прибавочного труда, которая приходится на рабочий день отдельного рабочего, а во-вторых, числом одновременно занятых рабочих, эксплуатируемых данным капиталом. Введение машин уменьшает влияние последнего момента, тогда как влияние первого оно усиливает. Оно увеличивает прибавочное рабочее время отдельного рабочего, но оно уменьшает число тех рабочих, которых определенный капитал эксплуатирует одновременно. Таким образом, тот же самый метод, который имеет тенденцию к повышению нормы прибавочной стоимости, одновременно имеет противодействующую тенденцию к ослаблению другого момента, также действующего определяющим образом на массу прибавочной стоимости.

Если 20 рабочих работают по 12 часов в день, из которых 2 часа образуют прибавочную стоимость, то масса прибавочной стоимости равна $2 \times 20 = 40$ рабочим часам (равна трем рабочим дням, продолжительностью в 12 часов каждый, плюс 4 часа). Если 10 рабочих работают по 12 часов в день, из которых 4 часа образуют прибавочный труд, то масса прибавочной стоимости составит, как и раньше, 40 часов. Но 6 рабочих, каждый из которых проработал 6 часов прибавочного труда, создадут только 36 часов прибавочной стоимости. И если бы один и тот же капитал в первом случае применял 20, а во втором случае — 6 рабочих, то масса прибавочной стоимости уменьшилась бы, хотя ее норма возросла.

Эта антагонистическая тенденция эксплуатации, основанной на применении машин, толкает на увеличение абсолютного рабочего времени. Если бы, например, во втором случае рабочие вместо 12 часов работали 14 часов, из которых 8 часов представляли бы собой прибавочный труд, то размер прибавочной стоимости составил бы $6 \times 8 = 48$ часов.

Указанная причина, толкающая на абсолютное удлинение рабочего времени, — на увеличение абсолютного прибавочного труда, на удлинение рабочего дня, — совершенно *не осознана* капиталистами и их истолкователями. Данное явление обнаруживается, как только машинное производство в результате конкуренции достаточно распространяется и развивается для того, чтобы *социальная стоимость*, рыночная стоимость товаров, изготовленных с помощью машин, снизилась до уровня их индивидуальной стоимости, и капиталист, следовательно, уже не мог бы больше присваивать себе эту разницу.

Указанный побудительный мотив [к удлинению рабочего дня в условиях машинного производства] совершенно не зависит от мотива, связанного с реализацией стоимости той части постоянного капитала, которая состоит из машин и строений. Этот последний мотив, как более осязательный, непосредственно присутствует в сознании капиталистов и их истолкователей.

Мотив этот весьма прост и является общим для всякого прибавочного труда, но он приобретает особое значение в тех случаях, когда стоимость и масса капитала, затраченного на средства труда, достигают огромной величины.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 391—392

Двумя моментами, определяющими прибавочную стоимость, являются ее норма, то прибавочное время, в течение которого работает отдельный рабочий, и число одновременно занятых рабочих; следовательно, если рассматривать совокупный капитал, то прибавочная стоимость определяется как прибавочный труд отдельного рабочего, умноженный на число одновременно занятых рабочих, или на *рабочее население*. Если величина последнего дана, то прибавочная стоимость может возрастать лишь путем относительного увеличения прибавочного труда и абсолютного уменьшения необходимого рабочего времени. Если дана норма, то прибавочная стоимость может возрастать лишь путем роста населения.

Соотношение между *нормой прибавочной стоимости* и *числом* одновременно эксплуатируемых рабочих претерпевает специфическую модификацию вместе с развитием производительных сил, в особенности благодаря применению машин, короче — вместе с действительным развитием капиталистического производства.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 534—535

... Как только производимые при помощи машин товары повсеместно понизятся в стоимости, прибавочная стоимость возрастет не только в той отрасли, в которой введены машины, но во *всех* отраслях производства, так как произошло всеобщее уменьшение величины одного из элементов стоимости рабочей силы. Прибавочная стоимость даже в большей степени повышается в тех отраслях, где не введены машины, потому что эти отрасли применяют такое же число рабочих, как и раньше, но платят

за них меньше. Это, следовательно, не может служить мотивом для вводящей машины отрасли производства.

Во-вторых, в какой-либо отрасли производства машины удешевляют только свой особый продукт; этот последний, однако, входит в стоимость рабочей силы, или в потребление рабочего, лишь как особая статья и уменьшает эту стоимость лишь соответственно той пропорции, в которой он образует элемент жизненных средств рабочих. Пронтекающее отсюда обесценение рабочей силы — или являющаяся результатом этого прибавочная стоимость — не находится, следовательно, в однозначной зависимости от того отношения, в котором машины увеличили производительную силу труда, или уменьшили число рабочих, необходимых для производства определенного количества потребительных стоимостей.

В-третьих, однако, ясно, что тот прибавочный труд, который в результате введения машин, — следовательно, в тех отраслях производства, где введены машины, — доставляется меньшим числом рабочих, может абсолютно возрастать только до известных пределов или даже может оказаться равным прибавочному труду, доставлявшемуся до введения машин большим числом рабочих. Например, если рабочий день равен 12 часам, а машина замещает 24 рабочих двумя и если прибавочный труд прежде составлял один час, то масса прибавочного труда, доставлявшегося 24 рабочими, была равна 24 часам, или двум рабочим дням; следовательно, она была равна тому совокупному количеству труда, которое теперь доставляют двое рабочих, необходимого и прибавочного труда вместе. Чем в большей степени машины сокращают число рабочих, приводимых в движение данным капиталом, тем все более невозможным становится то, чтобы остающаяся часть рабочих доставляла большую или такую же массу прибавочного труда, какую доставляли вытесненные рабочие, как бы ни возрастало при этом *относительное* прибавочное рабочее время, в течение которого они работают.

Но *стоимость* товара определяется *рабочим временем, необходимым* для его изготовления при всеобщих условиях производства. Те капиталисты, которые первыми вводят машины в особых отраслях производства, производят товар за более короткое рабочее время, чем *общественно необходимое*. Поэтому *индивидуальная* стоимость их товара *ниже* его общественной стоимости. Следовательно, до тех пор пока машины не стали господствовать повсюду в данной отрасли производства, капиталисты, первыми применившие машины, могут продавать свой товар *выше* его индивидуальной стоимости даже в том случае, когда они продают его *ниже* общественной стоимости. Иными словами, до тех пор труд их рабочих выступает как более высокий труд, стоящий выше среднего уровня, продукт которого имеет поэтому более высокую стоимость. И, таким образом, фактически для капиталиста, вводящего машины, меньшее число рабочих производит *большую прибавочную стоимость*, чем та, которую производило большее число рабочих. . .

Как только машины повсеместно введены в данной отрасли, и, стало быть, исчезает разница между индивидуальной и общественной стоимостью производимых ими товаров, то, естественно, возрастает указанная тенденция к увеличению, путем *абсолютного удлинения* рабочего дня, массы прибавочной стоимости, уменьшившейся вследствие уменьшения численности рабочих, и тем самым — к увеличению абсолютной массы труда, выжимаемого из этого уменьшившегося числа рабочих.

Как только этой тенденции были положены определенные границы и был установлен нормальный рабочий день, возникает тенденция к увеличению *интенсивности* труда и к использованию этого более интенсивного труда в качестве труда, превышающего уровень простого труда. Об этом говорили раньше.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—
1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 47, с. 541—542, 543

При рассмотрении капиталистического процесса производства мы видели, что
1) абсолютная прибавочная стоимость на данной *ступени развития производства*, т. е. при данном уровне производительных сил, может быть увеличена лишь путем

увеличения либо интенсивности труда, либо продолжительности рабочего дня; или же, если и то и другое предполагается данным, — путем увеличения *численности применяемых рабочих*; во всех этих случаях должна расти *величина затраченного капитала*; 2) что *относительная прибавочная стоимость* может быть увеличена только путем *развития производительных сил труда*, путем кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. и что все это опять предполагает *растущую величину затраченного капитала*. Вследствие *обратного превращения прибавочной стоимости в капитал*, или, что то же самое, вследствие *накопления капитала*, увеличивается *величина затраченного капитала*, [XXII—1358] так как *первоначальная величина стоимости* плюс *прибавочная стоимость* (а именно та часть последней, которая снова превращается в капитал), или продукт, в котором представлен первоначальный капитал, плюс прибавочный продукт образуют теперь *капитал*; прибавочная стоимость больше не отличается как прибавочная стоимость от капитала, а прибавляется к нему как *добавочный капитал*. Иными словами, образование прибавочной стоимости представляется теперь как *возрастающая величина* капитала, входящего в процесс производства. Тем самым, следовательно, выполнены условия, заключающиеся в том, чтобы увеличить как *количество примененного труда*, так и *производительную силу труда*, те объективные условия, при которых труд во все более высокой степени развивает свои общественные производительные силы. Теперь, следовательно, имеет место производство в *расширенном масштабе* как в отношении количества примененного труда, так и в отношении *развития средств производства, условий производства*, при которых этот труд выступает как труд общественный. Если, следовательно, капиталистический способ производства, с одной стороны, умножает условия создания прибавочной стоимости — прибавочный труд, то и наоборот, обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, или *накопление капитала*, является условием развития капиталистического способа производства, масштабом производства, возрастающей массы эксплуатируемого труда, а также *вещественных условий* развития общественных производительных сил труда.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 71—72

... Одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли: так что в общем относительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обеих. Как мы показали, этот двусторонний результат может выразиться лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того чтобы при более высоком строении капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно было применить абсолютно возросший переменный капитал, весь капитал должен возрасти не только в соответствии с более высоким строением, но еще быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства требуется все большее количество капитала для того, чтобы применять ту же самую рабочую силу, и тем более для того, чтобы применять увеличивающуюся рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создает постоянное явное перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только $\frac{1}{6}$ всего капитала вместо прежней $\frac{1}{2}$, то для того чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того чтобы дать занятие вдвое большей рабочей силе, он должен возрасти в шесть раз.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том третий*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 244—245

Закон, согласно которому понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли, этот закон выражается и в том, что падение цен товаров, производимых капиталом, сопровождается относительным увеличением массы прибыли, заключающейся в них и реализуемой посредством их продажи.

Так как развитие производительной силы и соответствующее ему более высокое строение капитала приводит в действие все увеличивающееся количество средств производства при помощи все уменьшающегося количества труда, то каждая доля совокупного продукта, каждая единица товара или каждое определенное количество товара, служащее единицей меры для всей массы произведенных товаров, поглощает меньше живого труда и, кроме того, содержит меньше овеществленного труда как в виде изношенной части примененного основного капитала, так и в виде потребленного сырья и вспомогательных материалов. Следовательно, каждая единица товара содержит меньшую сумму труда, как овеществленного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства. Поэтому цена единицы товара понижается. Тем не менее, масса прибыли, заключающаяся в каждой единице товара, может увеличиться, если норма абсолютной или относительной прибавочной стоимости возрастает. Товар содержит меньше вновь присоединенного труда, но неоплаченная часть последнего возрастает сравнительно с оплаченной частью. Однако это происходит лишь в известных пределах. Вместе с чрезвычайно быстро совершающимся при развитии производства абсолютным уменьшением суммы живого труда, вновь присоединяемого к каждой единице товара, будет абсолютно уменьшаться и масса заключающегося в ней неоплаченного труда, как бы она ни возрастала относительно, именно по сравнению с оплаченной частью. Несмотря на возрастание нормы прибавочной стоимости, масса прибыли, приходящаяся на каждую единицу товара, будет значительно уменьшаться с развитием производительной силы труда; а такое уменьшение, совершенно так же, как понижение нормы прибыли, будет только замедляться удешевлением элементов постоянного капитала и другими обстоятельствами, которые указаны в первом отделе этой книги и которые при неизменной и даже при понижающейся норме прибавочной стоимости повышают норму прибыли.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 247—248

... До сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, то есть возникающая не в результате случайных операций по продаже или колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд

производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизуются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, которая сводится именно к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на уровень общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую в других случаях реализует индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — принимая во внимание, что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно выравниваются в среднюю норму прибыли, — возникает, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, в результате уменьшения издержек производства, расходов на производство. Последнее же, в свою очередь, обязано или тому обстоятельству, что капитал применяется в больших массах, чем средняя, и потому *faux frais** производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большей интенсивностью, так как они действуют на более широком поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические средства и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и получающаяся вследствие этого добавочная прибыль возникают здесь из того способа, каким применяется функционирующий капитал. Они возникают или вследствие того, что капитал в исключительно больших размерах концентрируется в одних руках, — обстоятельство, которое отпадает, когда в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, когда исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или будет превзойден еще более производительным способом.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 193—195

Машина производит относительную прибавочную стоимость не только тем, что она прямо понижает стоимость рабочей силы и удешевляет ее косвенно, удешевляя товары, необходимые для ее воспроизводства, но и тем, что при своем первом введении, имеющем еще спорадический характер, она превращает труд, применяемый владельцем машины, в труд повышенной эффективности, поднимает общественную стоимость машинного продукта выше его индивидуальной стоимости и таким образом дает капиталисту возможность возмещать дневную стоимость рабочей силы сравнительно

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

меньшей частью стоимости дневного продукта. Поэтому в течение того переходного периода, когда машинное производство остается своего рода монополией, барыши достигают чрезвычайных размеров, и капиталист стремится как можно основательнее использовать «первой страсти миг золотой»¹ посредством возможно большего удлинения рабочего дня. Большой барыш обостряет неутолимую жажду еще большего барыша.

Как только машина приобретает в данной отрасли производства всеобщее распространение, общественная стоимость машинного продукта понижается до его индивидуальной стоимости, и тогда обнаруживает свое действие тот закон, что прибавочная стоимость происходит не от тех рабочих сил, которые капиталист заместил посредством машины, а наоборот, от тех рабочих сил, которые он при ней применяет.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 417—418

Ближайший результат введения машин заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем массу продуктов, в которой она воплощается; следовательно, — в том, что вместе с той субстанцией, которую потребляет класс капиталистов и его окружение, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастание богатства последних и постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых жизненных средств, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Все большая часть общественного продукта превращается в прибавочный продукт и все большая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется все в более и более утонченных и разнообразных формах. Другими словами: производство предметов роскоши возрастает*. Возрастающие утонченность и разнообразие продуктов вытекают также из новых условий мирового рынка, создаваемых крупной промышленностью. Дело не только в том, что большее количество заграничных предметов потребления выменивается на отечественный продукт, но и в том, что в отечественную промышленность поступает все большая масса заграничных сырых материалов, ингредиентов, полуфабрикатов и т. д., которые служат средствами производства.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 455

Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других.

Ленин В. И. Империализм и социализм в Италии. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 16

Развитие науки и техники и усиление эксплуатации трудящихся

История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения послужили, как известно, толчком к промышленной революции — революции, которая одновременно произвела полный переворот в гражданском обществе и всемирно-историческое значение которой начинают уяснять себе лишь в настоящее время. Англия — классическая страна этого переворота, тем более мощного, чем бесшумнее он совер-

* Ф. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» указывает на жалкое положение большей части именно этих производителей предметов роскоши. Многочисленные новые подтверждения этого находим в отчетах Комиссии по обследованию условий детского труда.

шался, и Англия поэтому является также классической страной развития его главного результата — пролетариата. . .

Первым изобретением, вызвавшим решительное изменение в положении английского рабочего, была *дженни*, построенная ткачом *Джемсом Харгривсом* из Станхилла близ Блэкберна в Северном Ланкашире (1764). Эта машина была грубым прототипом позднейшей мюль-машины и приводилась в движение рукой, но вместо одного веретена, как в обыкновенной ручной прялке, она имела шестнадцать-восемнадцать веретён, приводимых в движение одним работником. Вследствие этого явилась возможность производить гораздо больше пряжи чем раньше; в то время как раньше, когда на одного ткача работали три прядильницы, пряжи всегда не хватало и ткачу часто приходилось ждать её, теперь пряжи стало больше, чем могло быть использовано наличными рабочими-ткачами. Спрос на ткани, который и без того возростал, еще более усилился, когда цены на них понизились в результате вызванного новой машиной сокращения издержек производства пряжи. Понадобилось больше ткачей, и заработок их повысился. Теперь, поскольку ткач мог заработать больше, стоя у станка, он мало-помалу забросил свои земледельческие занятия и занялся исключительно ткацким делом. В те времена семья из четырёх взрослых и двух детей, которых использовали для наматывания пряжи, могла при десяти часах работы в день заработать 4 ф. ст. (28 прусских талеров) в неделю, а часто и больше, если дела шли хорошо и работы было достаточно; нередко бывало, что один ткач зарабатывал за своим станком 2 ф. ст. в неделю. Так постепенно класс ткачей-земледельцев совершенно исчез и превратился в новый класс ткачей, которые существовали только на заработную плату, не имели никакой собственности, даже мнимой собственности в виде арендуемого клочка земли, и становились, таким образом, *пролетариями* (working men). К тому же наступил конец и прежним отношениям прядильщика и ткача. Раньше выработка пряжи и превращение ее в ткань совершались, насколько это было возможно, под одной крышей. Теперь, когда для дженни, в такой же мере как и для ткацкого станка, потребовались сильные руки, прядением начали заниматься и мужчины, и оно стало единственным источником существования для целых семей; между тем другие семьи, наоборот, отложили в сторону устаревшую, отжившую свой век ручную прялку и, если у них не было средств для покупки дженни, были вынуждены довольствоваться тем заработком, который давал отцу семейства его ткацкий станок. Так с ткачества и прядения началось столь бесконечно развившееся впоследствии в промышленности разделение труда.

Появление этой первой и весьма еще несовершенной машины не только вызвало развитие *промышленного пролетариата*, но и дало также толчок к возникновению *сельскохозяйственного пролетариата*. До этого времени имелось множество мелких землевладельцев, так называемых йоменов, которые вели такую же тихую, лишенную всяких умственных интересов растительную жизнь, как и жившие среди них ткачи-земледельцы. Они обрабатывали свой клочок земли, следуя во всём старым несовершенным способам своих отцов, и противились всякому новшеству с упорством, свойственным людям привычки, не знавшим перемены в течение целого ряда поколений. Среди них было также много мелких арендаторов, но не арендаторов в современном смысле этого слова, а людей, которые в силу договорной наследственной аренды или в силу старинного обычая унаследовали от отцов и дедов свои мелкие участки и сидели на них до этого так же крепко, как если бы эти участки были их собственностью. Теперь, после того как промышленные рабочие отказались от земледелия, освободилось много участков земли, и на них обосновался новый класс *крупных арендаторов*, снимавших по пятьдесят, сто, двести и больше акров, так называемых tenants-at-will (т. е. арендаторов, которым каждый год могли отказать в аренде), которые сумели повысить доходность земли лучшей обработкой и ведением более крупного хозяйства. Они имели возможность продавать свои продукты дешевле, чем мелкий йомен; последнее ничего больше не оставалось, как продать участок, который не мог уже его прокормить, и либо обзавестись дженни или ткацким станком, либо наняться к крупному арендатору в качестве подёнщика, сельского пролетария. Его прирождённая косность и неспособность преодолеть унаследованную от дедов небрежность в обработке участка не оставляли ему иного выхода, поскольку ему приходилось конкурировать с людьми, обрабатывающими свою землю на более разумных началах и со всеми

преимуществами, которые дают крупное хозяйство и затрата капиталов на улучшение почвы.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 243, 245—247

Что заработная плата падает с усовершенствованием машин, это буржуазия тоже яростно опровергает, между тем как рабочие не перестают это утверждать. Буржуазия уверяет нас в том, что, хотя с усовершенствованием производства *поштучная плата* понизилась, недельная плата, тем не менее, в общем скорее повысилась, чем понизилась, и положение рабочих скорее улучшилось, чем ухудшилось. Трудно ответить точно на этот вопрос, так как рабочие большей частью ссылаются на падение *поштучной платы*; при всем том несомненно, что в различных отраслях труда и недельная плата понизилась с внедрением машин. Так называемые тонкопрядильщики, изготовляющие тонкую пряжу на мюль-машине, получают, правда, высокую заработную плату, от 30 до 40 шилл. в неделю, ибо они организованы в сильный союз для борьбы против снижения заработной платы и труд их требует долгого обучения. Зато обыкновенные прядильщики, которым приходится конкурировать с неприменяемыми при изготовлении тонкой пряжи автоматическими станками (сельфакторами) и союзу которых введение этих машин нанесло большой удар, получают очень низкую плату. Один из таких рабочих говорил мне, что он зарабатывает не более 14 шилл. в неделю, и это совпадает с данными Лича, что на различных фабриках обыкновенные прядильщики зарабатывают меньше 16½ шилл. в неделю и что прядильщик, зарабатывавший три года тому назад 30 шилл. в неделю, теперь с трудом может заработать 12½ шилл. и за последний год в среднем зарабатывал не больше. Заработная плата женщин и детей, правда, упала меньше, но только потому, что она с самого начала была невысокая. Я знаю многих женщин, вдов с детьми, которые с трудом зарабатывают в неделю от 8 до 9 шилл., а что на эти деньги нельзя прилично прожить с семьей, признает каждый, кто знаком с ценами на предметы первой необходимости в Англии. Все рабочие *единодушно* утверждают, что с усовершенствованием машин заработная плата вообще понижается. И на каждом рабочем собрании в фабричных округах можно убедиться в том, что сами рабочие считают вопиющей ложью утверждение промышленной буржуазии, будто с введением машин положение рабочего класса улучшилось. Но *если бы* даже было верно, что упала только относительная заработная плата, именно поштучная плата, а абсолютная, т. е. вырабатываемая рабочим в неделю сумма, осталась без изменения, то что же из этого следует? Только то, что рабочие должны спокойно смотреть, как господа фабриканты набивают карманы, извлекая выгоды из каждого усовершенствования и не уделяя им, рабочим, и ничтожной доли. . .

Всего хуже приходится тем рабочим, которые вынуждены конкурировать со вновь внедряемой машиной. Цена изготовляемого ими товара определяется ценой того же товара, изготовленного машиной, а так как машинное производство обходится дешевле ручного, то конкурирующий с машиной рабочий получает самую низкую заработную плату. То же относится и к рабочему, работающему на старой машине, если ему приходится конкурировать с новейшими, усовершенствованными машинами. Конечно, кто же еще должен нести убытки? Фабриканту жалко выбросить старую машину, но ему также не хочется терпеть убыток; с неодушевленной машины нечего взять, и вот он набрасывается на живого рабочего, козла отпущения всего общества. Из этих рабочих, которые вынуждены конкурировать с машинами, всего хуже живется ручным ткачам, работающим в хлопчатобумажной промышленности. Они получают самую низкую заработную плату, и даже когда работы вдоволь, они не в состоянии заработать больше 10 шилл. в неделю. Механический ткацкий станок отбивает у них одну отрасль ткацкого дела за другой; кроме того ручной станок является последним убежищем всех рабочих, лишившихся работы в других отраслях труда, так что рабочие руки здесь всегда имеются в избытке. Вот почему ручной ткач в средние периоды считает себя счастливым, если может заработать в неделю 6—7 шилл., а чтобы заработать даже эту сумму, ему приходится сидеть за своим станком по 14—18 часов в сутки. К тому же для изготовления большинства тканей требуется сырое помещение, чтобы нить не рвалась ежеминутно, и вот отчасти из-за этого, отчасти вследствие бедности

рабочих, которые за лучшую квартиру платить не могут, в мастерских ручных ткачей почти никогда нет ни дощатого, ни каменного пола. Мне пришлось посетить немало ручных ткачей; жилища их помещались в самых запущенных, самых грязных дворах и улицах, обычно в подвалах. Нередко пять-шесть таких ткачей, причём некоторые из них женатые, живут в домике, состоящем из одной или двух рабочих комнат и большой общей спальни. Пища их состоит почти исключительно из картофеля, иногда из небольшого количества овсяной каши, редко из молока и почти никогда они не видят мяса; очень многие из них ирландцы или ирландского происхождения. И эти несчастные ручные ткачи, которых прежде всего касается каждый кризис и которым долгие все приходится страдать от его последствий, ещё должны служить буржуазии орудием для отражения нападков на фабричную систему! Посмотрите, — восклицает с торжеством буржуазия, — посмотрите, как плохо приходится этим бедным ткачам, между тем как фабричным рабочим живётся хорошо, и тогда только судите о фабричной системе! * Как будто не сама фабричная система с ее машинами виновна в том, что положение ручных ткачей так плохо, как будто буржуазия сама этого не знает так же хорошо, как и мы! Но здесь затронуты интересы буржуазии, поэтому она не остановится перед тем, чтобы лишний раз солгать или прибегнуть к лицемерию.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 368—369, 370—371

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда², равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработывает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива. . .

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и ремесленники и крестьяне — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 430—431

. . . Чем больше возрастает производительный капитал, тем больше расширяется разделение труда и применение машин. Чем больше расширяется разделение труда и применение машин, тем более усиливается конкуренция между рабочими, тем более уменьшается их заработная плата.

* См., например, д-р Юр в его «Философии фабрики».

К тому же рабочий класс пополняется и из *более высоких слоев общества*; в ряды пролетариата опускается множество мелких промышленников и мелких рантье, которым не остается ничего иного, как поскорее поднять свои руки рядом с руками рабочих. Таким образом, лес рук, простертых вверх с требованием работы, становится все более густым, а сами руки — все более худыми.

Само собой понятно, что мелкий промышленник не может выдержать такой войны *, одним из первых условий которой является производство в постоянно расширяющемся масштабе, т. е. необходимость быть именно крупным, а отнюдь не мелким промышленником.

Конечно, не требует дальнейших пояснений и то обстоятельство, что процент с капитала уменьшается в той же степени, в какой возрастает капитал, в какой увеличивается его масса и численность; что поэтому мелкий рантье лишается возможности существовать на свою ренту и должен устремиться в промышленность, т. е. пополнить собой ряды мелких промышленников и вместе с тем увеличить число кандидатов в пролетариин.

Наконец, в той же самой степени, в какой вышеописанный ход развития вынуждает капиталистов во все возрастающих масштабах эксплуатировать уже существующие исполнинские средства производства и с этой целью приводить в движение все пружины кредита, в той же степени учащаются землетрясения **, при которых торговый мир сохраняется лишь благодаря тому, что приносит в жертву подземным богам часть богатства, продуктов и даже производительных сил, — словом, усиливаются *кризисы*. Они учащаются и становятся все острее уже потому, что по мере того как увеличивается масса продуктов, а следовательно, растет потребность в расширении рынков, все более суживается всемирный рынок, остается для эксплуатации все меньше рынков ***, так как каждый предшествующий кризис вовлекал во всемирную торговлю новые или до того времени лишь поверхностно эксплуатировавшиеся ею рынки. Но капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу трупы своих рабов — целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Мы видим, таким образом: *если капитал растет быстро, то еще несравненно быстрее растет конкуренция между рабочими, т. е. чем быстрее растет капитал, тем относительно сильнее сокращаются средства занятости, средства к жизни для рабочего класса; и тем не менее быстрый рост капитала является условием, наиболее благоприятным для наемного труда.*

Маркс К. *Наемный труд и капитал.* —
Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 6,
с. 458—459

7. Если рабочий, вытесненный машиной, переходит в другую отрасль труда, то, как правило, это *худшая* отрасль. Он никогда не возвращается к своему прежнему положению.

Машина и разделение труда заменяют дорогой труд более дешевым.

Рабочим предлагали:

1) сберегательные кассы; 2) обучиться всем возможным видам труда (таким образом, если бы оказался избыток предложения рабочих в одной отрасли труда, он тотчас же оказался бы во всех).

8. В периоды застоя:

а) прекращение работы; б) понижение заработной платы; в) та же самая заработная плата ³ при меньшем количестве рабочих дней в неделю.

9. Относительно combinations of trade **** следует заметить:

1) Расходы рабочих. (Издержки.) Изобретение машин вследствие коалиций. Иное разделение труда. Понижение заработной платы. Déplacement ***** фабрик в другие местности.

* В издании 1891 г. вместо слова «войны» напечатано: «борьбы». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слова «землетрясения» напечатано: «промышленные землетрясения». *Ред.*

*** В издании 1891 г. вместо слова «рынков» напечатано: «новых рынков». *Ред.*

**** — профессиональных объединений. *Ред.*

***** — Перемещение. *Ред.*

2) Если бы всем им удалось удержать заработную плату на такой высоте, что прибыль упала бы значительно ниже средней прибыли в других странах или что капитал возрастал бы медленнее, то промышленность страны разорилась бы, а рабочие вместе с хозяевами — и того больше.

*Маркс К. Зароботная плата. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 6, с. 582*

Машины: разделение труда.

Труд упрощается. Издержки его производства уменьшаются. Он становится дешевле. Конкуренция между рабочими возрастает.

Переход от одной отрасли к другой. Относительно этого — сам д-р Боуринг говорит в парламенте в 1835 г. о работающих вручную хлопчатобумажных ткачах округа Дакка в Индии.

Новый вид труда, куда вытесняется рабочий, — хуже прежнего; более подчиненный. Труд взрослых заменяется трудом детей, труд мужчин — трудом женщин, труд более искусных рабочих — трудом менее искусных рабочих.

Либо увеличивается количество часов труда, либо понижается заработная плата.

Конкуренция между рабочими состоит не только в том, что один продает себя дешевле, чем другой, но и в том, что один работает за двоих.

Рост производительных сил вообще имеет своим следствием:

а) что положение рабочего по сравнению с положением капиталиста относительно ухудшается, и ценность наслаждений относительна. Ведь сами наслаждения суть не что иное, как социальные наслаждения, отношения, соотношения;

б) рабочий становится все более односторонней производительной силой, которая производит в возможно меньшее время как можно больше. Искусный труд все более и более превращается в простой труд;

с) заработная плата становится все более и более зависимой от мирового рынка, а положение рабочих — все более неустойчивым.

д) в производительном капитале доля, приходящаяся на машины и на сырье, возрастает гораздо быстрее, чем доля, идущая на *approvisionnement* рабочих. Увеличение производительного капитала, следовательно, не сопровождается соответствующим увеличением спроса на труд.

*Маркс К. Зароботная плата. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 585*

Известно, как с возникновением крупной промышленности началась ранее невиданная, безграничная и беззащитная эксплуатация рабочего класса фабрикантами. Новые машины сделали излишним труд взрослых мужчин; для присмотра за машинами требовались женщины и дети, которые были гораздо более пригодны для этого и вместе с тем обходились дешевле мужчин. Промышленная эксплуатация, таким образом, сразу же завладела всей семьей рабочего и заперла ее на фабрике: женщины и дети должны были работать день и ночь, не зная отдыха, пока не падали от полнейшего изнеможения. Дети бедняков из работных домов при растущем спросе на детей стали настоящим предметом торговли. Начиная с четырех- и даже трехлетнего возраста, их продавали с торгов целыми партиями, — под видом учеников, на обучение которых заключался контракт, — фабрикантам, предлагавшим за них наиболее высокую цену. Воспоминание о тех временах бесстыдной и жестокой эксплуатации детей и женщин, — эксплуатации, которая не отпускала свою жертву, пока можно было высосать из нее еще одну каплю крови, выжать из ее мускулов и жил еще одно усилие, — до сих пор очень живо у английских рабочих старшего поколения; многие из них сохранили это воспоминание в виде искривленного позвоночника или изувеченных членов, и все — в виде непоправимо разрушенного здоровья. Судьба рабов на самых плохих американских плантациях была еще счастьем в сравнении с судьбой английских рабочих того времени.

Уже довольно давно государству пришлось принимать меры для обуздания не знавшей решительно никаких границ безудержной эксплуатации со стороны фабрикантов, попиравших все требования цивилизованного общества. Эти первые законодательные ограничения были, однако, в высшей степени недостаточны, и их вскоре стали обходить. Только полстолетия спустя после введения крупной промышленности, когда бурное промышленное развитие обрело постоянное русло, только в 1833 г. стало возможным провести действенный закон, который, по крайней мере, хоть ставил известный предел наиболее вопиющим злоупотреблениям.

Энгельс Ф. Английский билль о десятичасовом рабочем дне — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 245—246

Развитие производительных сил при господстве капитала увеличивает массу ежегодно производимых жизненных средств и удешевляет их в такой мере, что *средняя заработная плата* может вычисляться на основе большего масштаба воспроизводства рабочих, хотя стоимость заработной платы снижается, представляя собой меньшее количество материализованного рабочего времени (если только величина стоимости заработной платы уменьшается не совсем в той же самой пропорции, в какой возрастает производительная сила труда). Снижается также и жизненный уровень.

С другой стороны, те жизненные условия, в которые капитал ставит рабочий класс, — скученность, отстранение от всяких других наслаждений жизни, полная бесперспективность насчет достижения более высокого общественного положения и поддержания известной благопристойности, бессодержательность всей его жизни, смещение полов на фабрике, одиночество самого рабочего, — все это толкает рабочих к преждевременным бракам. Сокращение и почти полная отмена времени, необходимого для обучения, ранний возраст, в котором дети сами могут выступать в качестве производителей, следовательно, сокращение того времени, в течение которого их должны кормить родители, увеличивает стимул к ускоренному производству людей. Если средний возраст поколения рабочих и снижается, то на рынке труда всегда имеется избыточная и постоянно возрастающая масса людей из поколения с коротким сроком жизни, а это все, что требуется капиталистическому производству.

С одной стороны, можно, следовательно, сказать (см. *Колена* и др.), что страна тем богаче, чем больше в ней насчитывается пролетариев⁴, и что рост богатства проявляется в росте бедности. С другой стороны, *относительно возрастает* число людей, не зависящих от ручного труда, и хотя масса рабочих возрастает, в той же пропорции возрастает также и численность тех общественных слоев, материально обеспечивать которые приходится рабочим (*Колен, Сисмонди* и др.). Возрастающая производительность капитала непосредственно выражается в возрастающей массе присваиваемого им прибавочного труда, или в возрастающей массе прибыли, которая представляет собой массу стоимости. Эта масса стоимости не только является возрастающей величиной, но та же самая величина стоимости воплощается в несравненно большей массе потребительных стоимостей.

Таким образом, возрастает доход общества (мы здесь не говорим о заработной плате), та его часть, которая не [V—178] превращается обратно в капитал, а вместе с тем возрастает и та субстанция, за счет которой живет общественный слой, не принимающий непосредственно участия в материальном производстве. Вместе с тем возрастает и та часть общества, которая занята науками; точно так же как и численность тех, кто занят в сфере обращения (торговлей, денежными операциями), а также празднующихся, которые только потребляют. То же самое относится к *прислуживающей части* населения. Например, в Англии она составляет один миллион человек, т. е. больше чем все рабочие, непосредственно занятые на прядильных и ткацких фабриках⁵. При выделении буржуазного общества из феодального эта часть населения значительно уменьшается. На более развитой ступени буржуазного общества это добровольное рабство (см. у *Кенэ* о прислуге) опять необычайно возрастает вместе с ростом роскоши, богатства и выставления богатства напоказ. И эту банду, отделив-

шуюся от самого рабочего класса, он должен кормить и на нее работать, так как сама она в материальном производстве непосредственно не участвует (так же как и армии). [V—178].

[V—179] *К стр. 178-й.*

Хотя численность рабочих абсолютно растет, но относительно она убывает, не только по отношению к постоянному капиталу, поглощающему труд рабочих, но также и по отношению к той части общества, которая не имеет непосредственного отношения к материальному производству или вообще не занята ни в каком производстве.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 337—338

Если в результате применения машин в какой-либо *одной* отрасли сокращается масса занятых рабочих при одновременном сокращении их заработной платы вследствие удешевления товаров, входящих в круг потребления рабочих, — то одновременно сокращается заработная плата во всех остальных отраслях капиталистического производства, в которых не произошло указанного переворота; заработная плата в этих остальных отраслях уменьшается потому, что понизилась стоимость одного из образующих ее элементов. Здесь применяется то же самое количество труда, что и прежде, но меньшим капиталом. Следовательно, часть капитала, прежде авансировавшаяся на заработную плату, высвобождается.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 529

Но (если не говорить о том, что введение машин сводит квалифицированный труд к простому труду) заработная плата падает лишь постольку, поскольку произведенные при помощи машин более дешевые товары входят в потребление рабочего и тем самым удешевляется воспроизводство рабочей силы; т. е. лишь постольку, поскольку стоимость рабочей силы уменьшается и поэтому выражается в меньшей заработной плате.

[XX—1256] Но тут, во-первых, ясно, что *это* связанное с машинами понижение заработной платы происходит не одновременно с их введением, а лишь постепенно. . .

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 540—541

В той мере, в какой машины вызывают прямое понижение заработной платы занятых ими самими рабочими, — например, путем спроса [на труд] со стороны вытесненных ими рабочих они сокращают заработную плату занятых рабочих, — рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу, а относится к учению о заработной плате. Здесь в нашем исследовании мы исходим из того, что *стоимость рабочей силы* оплачивается, следовательно, заработная плата уменьшается лишь в результате обесценения этой рабочей силы, или, что то же самое, в результате удешевления жизненных средств, входящих в потребление рабочих. Напротив, в указанном выше случае речь идет не о понижении *стоимости* средней заработной платы, а лишь о понижении ее по сравнению с ее прежним средним уровнем (выраженным в количестве потребительных стоимостей), об уменьшении самого среднего уровня, или о падении цены труда ниже его стоимости.

Но сюда, конечно, относится следующее:

Первое. То, что посредством прямой эксплуатации труда женщин и детей, вынужденных самим себе зарабатывать средства к жизни, в результате чего капиталу достается, следовательно, большая масса труда всей семьи рабочего. — *во-первых,*

растет *совокупная масса подвергающегося эксплуатации труда*, предоставляемая капиталу данным количеством населения, а следовательно, растет также и масса выжимаемого из этого рабочего населения прибавочного труда; *во-вторых*, обесценивается рабочая сила *взрослого* рабочего. Раньше его заработной платы должно было хватать для содержания его самого и его семьи. Его жена работала на свой дом, а не на капиталиста, а дети лишь в более позднем возрасте начинали сами зарабатывать эквивалент того, что они потребляли. Заработной платы взрослого отца семейства должно было не только хватать на их пропитание *без дополнительного труда* с их стороны, но также и на издержки по развитию их рабочей силы, которое в результате введения машин сводится почти к нулю.

Напротив, теперь женщины и дети не только воспроизводят эквивалент того, что они потребляют, но вместе с тем и производят прибавочную стоимость. Таким образом, вся семья вынуждена доставлять большую массу труда, — как необходимого, так и прибавочного труда, — вынуждена доставлять больше прибавочного труда, для того чтобы выколотить для всей семьи ту же самую *среднюю заработную плату*.

Второе. Поскольку машины на место искусного самостоятельного ремесленника и на место специализации труда, развившейся благодаря разделению труда, ставят нивелированный простой труд, дифференцированный самое большее по различиям возраста и пола, — они сводят всякую рабочую силу к *простой рабочей силе* и всякий труд к простому труду, в результате чего совокупная масса рабочей силы обесценивается.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 543—544

В *земледелии* (в Англии) самым разительным образом обнаруживается, что с ростом производительной силы труда средняя заработная плата не только не повышается, но понижается. В среднем положение сельскохозяйственных рабочих в Англии ухудшилось в той же мере, в какой улучшилось сельское хозяйство.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 567

Степень эксплуатации труда, присвоение прибавочного труда и прибавочной стоимости, повышается в частности посредством удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Оба эти пункта подробно исследованы в «Капитале», кн. I, когда речь шла о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Существует много таких факторов интенсификации труда, которые предполагают увеличение постоянного капитала по сравнению с переменным, следовательно, понижение нормы прибыли, — например, если рабочему приходится наблюдать за большим числом машин. При этом, — как и при большей части способов, служащих для производства относительной прибавочной стоимости, — те же самые причины, которые вызывают возрастание нормы прибавочной стоимости, могут обуславливать уменьшение массы прибавочной стоимости, приходящейся на данную величину всего вложенного капитала. Но существуют другие факторы интенсификации труда, как, например, увеличение скорости машин, последние при этом потребляют в одинаковый промежуток времени больше сырья, но что касается основного капитала, то, хотя машины и изнашиваются быстрее, от этого несколько не изменяется отношение их стоимости к цене труда, который приводит их в движение. Но в особенности увеличивает массу присваиваемого прибавочного труда удлинение рабочего дня — это изобретение современной промышленности; не изменяя существенным образом отношения применяемой рабочей силы к приводимому ею в движение постоянному капиталу, оно фактически приводит скорее к относительному уменьшению постоянного капитала.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том третий*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 254—255

Исходным пунктом крупной промышленности послужила, как мы видели, революция в области средств труда, средства же труда, претерпевшие переворот, получают свою наиболее развитую форму в расчлененной системе машин на фабрике. Прежде чем рассматривать, как к этому объективному организму присоединится человеческий материал, познакомимся с некоторыми общими действиями этой революции на самого рабочего. . .

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Этот мощный заменитель труда и рабочих превратился тем самым немедленно в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и обычным временем свободного труда в домашнем кругу для нужд самой семьи*.

Стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы. Быть может, купля семьи, раздробленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается пропорционально превышению прибавочного труда четырех над прибавочным трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей аренной капиталистической эксплуатации**, с самого начала увеличивают и степень эксплуатации.

Машины революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом. На базисе товарообмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь ка-

---

* Во время хлопкового кризиса, сопровождавшего Гражданскую войну в Америке, д-р Эдуард Смит был послан английским правительством в Ланкашир, Чешир и т. д. для обследования состояния здоровья рабочих хлопчатобумажной промышленности. Он сообщает между прочим: в гигиеническом отношении кризис, помимо вытеснения им рабочих из фабричной атмосферы, имел и многие другие положительные последствия. Жены рабочих находят теперь необходимый досуг, чтобы покормить детей грудью, вместо того чтобы отравлять их микстурой Годфри (опиумным препаратом). У них теперь появилось время, чтобы научиться стряпать. К несчастью, это поварское искусство было постигнуто в такой момент, когда им нечего было есть. Но из этого видно, до какой степени капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи. Точно так же кризис был использован с той целью, чтобы в особых школах научить дочерей рабочих шитью. Понадобились американская революция и мировой кризис, чтобы рабочие девушки, которые прядут для всего мира, научились шить!

** «Численный рост рабочих был велик вследствие усиливающейся замены труда мужчин трудом женщин и особенно труда взрослых трудом малолетних. Три девочки 13-летнего возраста, с заработной платой от 6 до 8 шилл. в неделю, заменяют взрослого мужчину, плата которого колеблется от 18 до 45 шиллингов» (*Th. De Quincey. «The Logic of Political Economy»*. Лондон, 1844, примечание к стр. 147). Так как без некоторых функций, необходимых в семье, например присмотра за детьми и кормления их, невозможно совсем обойтись, то матерям, отнятым капиталом, приходится в большей или меньшей мере прибегать к услугам заместителей. Работы, которых требует потребление семьи, например шитье, починка и т. д., приходится заменять покупкой готовых товаров. Уменьшению затраты домашнего труда соответствует поэтому увеличение денежных расходов. Поэтому издержки производства рабочей семьи возрастают и уравновешивают увеличение дохода. К этому присоединяется то обстоятельство, что делаются невозможными экономия и целесообразность в пользовании жизненными средствами и в их приготовлении. Об этих фактах, которые утаиваются официальной политической экономией, богатый материал можно найти в отчетах фабричных инспекторов, в отчетах Комиссии по обследованию условий детского труда, а в особенности в отчетах о здоровье населения.

питал покупает несовершеннолетних или малолетних. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 406—407

Судьбы фабричного рабочего выступают с наибольшей наглядностью, если мы бросим беглый взгляд на судьбы английской хлопчатобумажной промышленности.

С 1770 по 1815 г. состояние угнетения или застоя в хлопчатобумажной промышленности продолжалось 5 лет. В течение этого первого 45-летнего периода английским фабрикантам принадлежала монополия в применении машин и монополия на мировом рынке. С 1815 по 1821 г. — угнетенное состояние. 1822 и 1823 гг. — процветание. 1824 г. — отмена закона против коалиций⁶, всеобщее крупное расширение фабрик. 1825 г. — кризис. 1826 г. — огромная нужда и волнения среди хлопчатобумажных рабочих. 1827 г. — небольшое улучшение. 1828 г. — большой рост количества паровых ткацких станков и вывоза. В 1829 г. вывоз, особенно в Индию, превосходит все прежние годы. 1830 г. — переполнение рынков, огромная нужда. С 1831 по 1833 г. — непрекращающееся угнетенное положение; Ост-Индская компания лишается монополии на торговлю с Восточной Азией (Индией и Китаем). 1834 г. — крупный рост фабрик и распространение машинного производства, недостаток рабочих рук; новый закон о бедных усиливает переселение сельскохозяйственных рабочих в фабричные округа; массовый уход детей из земледельческих графств; торговля белыми рабами. 1835 г. — сильное процветание; в то же время вымирание ручных хлопчатобумажных ткачей от голода. 1836 г. — сильное процветание. 1837 и 1838 гг. — угнетенное состояние и кризис. 1839 г. — оживление. 1840 г. — сильная депрессия, волнения, вмешательство войск. 1841 и 1842 гг. — ужасающие страдания фабричных рабочих. 1842 г. — фабриканты увольняют рабочих с фабрик, чтобы вынудить отмену хлебных законов; рабочие многотысячными толпами устремляются в Йоркшир, откуда войска гонят их обратно, а их вожди предаются в Ланкастере суду. 1843 г. — большая нужда. 1844 г. — оживление. 1845 г. — сильное процветание. 1846 г. — сначала продолжается подъем, потом симптомы обратного движения; отмена хлебных законов. 1847 г. — кризис; общее понижение заработной платы на 10 и более процентов во славу «big loaf» [«большого каравая»]⁷. 1848 г. — угнетенное положение продолжается; Манчестер под военной охраной. 1849 г. — оживление. 1850 г. — процветание. 1851 г. — падение товарных цен, низкая заработная плата, частые стачки. 1852 г. — начинается улучшение, стачки продолжают, фабриканты угрожают ввозом иностранных рабочих. 1853 г. — повышающийся вывоз; восьмимесячная стачка и большая нужда в Престоне. 1854 г. — процветание, переполнение рынков. 1855 г. — из Соединенных Штатов, Канады, с восточноазиатских рынков приходят известия о банкротствах. 1856 г. — сильное процветание. 1857 г. — кризис. 1858 г. — улучшение. 1859 г. — сильное процветание, рост фабрик. 1860 г. — английская хлопчатобумажная промышленность достигает высшей точки; индийские, австралийские и другие рынки переполнены до такой степени, что к 1863 г. они едва поглотили всю заваль; торговый договор с Францией; огромный рост фабрик и машинного производства. 1861 г. — подъем некоторое время продолжается, потом обратное движение, Гражданская война в Америке, хлопковый голод. С 1862 по 1863 г. полный крах.

История хлопкового голода слишком характерна для того, чтобы немного не остановиться на ней. Из кратких указаний на положение мирового рынка в 1860—1861 гг. видно, что хлопковый голод пришел кстати для фабрикантов и отчасти был выгоден для них: факт, признанный в отчетах Манчестерской торговой палаты, возмещенный в парламенте Пальмерстоном и Дерби и подтвержденный событиями*. Конечно, в 1861 г.

* Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 30.

среди 2887 хлопчатобумажных фабрик Соединенного королевства было много мелких фабрик. По отчету фабричного инспектора А. Редгрейва, в округ которого из этих 2887 фабрик входит 2109, из последнего числа 392, или 19 %, применяют каждая меньше 10 паровых лошадиных сил, 345, или 16 %, — от 10 до 20 сил и 1372 фабрики — 20 и более лошадиных сил *. Большинство мелких фабрик были ткацкие, основанные в период процветания после 1858 г., по большей части спекулянтами, из которых один предоставлял пряжу, другой машины, третий здание; эти фабрики управлялись бывшими *overlookers* [фабричными надсмотрщиками] и другими малосостоятельными людьми. Большинство этих мелких фабрикантов разорилось. Ту же судьбу уготовал бы им и торговый кризис, наступлению которого воспрепятствовал хлопковый голод. Хотя они составляли $\frac{1}{3}$ общего числа фабрикантов, однако на их фабриках нашла себе применение намного меньшая доля всего капитала, вложенного в хлопчатобумажную промышленность. Что касается размеров сокращения, то по достоверной оценке в октябре 1862 г. бездействовало 60,3 % веретен и 58 % ткацких станков. Эти цифры относятся ко всей данной отрасли промышленности и, разумеется, сильно варьируют по отдельным округам. Только очень немногие фабрики работали полное время (60 часов в неделю), остальные фабрики работали с перерывами. Даже для тех немногих рабочих, которые работали полное время и по обычной сдельной плате, еженедельный заработок неизбежно сокращался вследствие замены лучших сортов хлопка худшими, хлопка си-айленд — египетским (в тонкопрядении), американского и египетского — суратом (ост-индским) и чистого хлопка — смесью из хлопковых угаров и сурата. Более короткое волокно суратского хлопка, его загрязненность, меньшая прочность нитей, замена муки при шлихтовании основы более тяжелыми ингредиентами разного рода и т. д. — все это заставляло уменьшать скорость машин или число ткацких станков, которыми управлял один ткач, увеличивало труд, необходимый для исправления погрешностей в работе машин, и вместе с уменьшением количества продукта понижало и сдельный заработок. При употреблении сурата рабочий, даже когда он работал полное время, терял в зарплате 20, 30 и больше процентов. Но большинство фабрикантов и норму сдельной платы понизило на 5, $7\frac{1}{2}$ и 10 процентов. Можно представить поэтому положение тех, кто работал 3, $3\frac{1}{2}$, 4 дня в неделю или только по 6 часов в день. В 1863 г., после того как уже наступило относительное улучшение, заработная плата ткачей, прядильщиков и т. д. составляла 3 шилл. 4 пенса, 3 шилл. 10 пенсов, 4 шилл. 6 пенсов, 5 шилл. 1 пенс и т. д. в неделю **. Даже при таком полном страданий положении изобретательность фабрикантов по части вычетов из заработной платы не замирала. Они производились отчасти в виде штрафов за недостатки изделий, обусловленные плохим качеством хлопка, применением несоответствующих машин и т. д. Когда же фабрикант был и собственником коттеджей рабочих, он сам уплачивал себе квартирную плату, производя вычеты из номинальной заработной платы. Фабричный инспектор А. Редгрейв рассказывает о *minders* при мюль-машинах (они присматривали за двумя автоматическими мюль-машинами каждый), которые

«в конце 14-дневной полной работы получали 8 шилл. 11 пенсов; из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант, однако, возвращал в виде подарка, так что мящики приносили домой целых 6 шилл. 11 пенсов. Недельная плата ткачей в последние месяцы 1862 г. начиналась с 2 шилл. 6 пенсов» ***.

Квартирная плата нередко вычиталась из заработной платы даже в тех случаях, когда рабочие работали лишь короткое время ****. Неудивительно, что в некоторых частях Ланкашира разразилось нечто вроде голодной чумы! Но характернее всего этого было то, как революционизирование процесса производства совершалось за счет рабочего. Это были настоящие *experimenta in corpore vili* [эксперименты на ничем не стоящем живом теле], подобные экспериментам анатома на лягушках.

«Хотя я», — говорит фабричный инспектор Редгрейв, — «привел действительные заработки рабочих на многих фабриках, но не следует думать, что они еженедельно получают эту сумму.

* Там же, с. 19.

** «Reports etc. for 31st October 1863», p. 41–45, 51.

*** «Reports etc. for 31st October 1863», p. 41, 42.

**** Там же, стр. 57.

Положение рабочих подвергается величайшим колебаниям вследствие постоянного экспериментирования («experimentalizing») фабрикантов. . . Их заработки повышаются и понижаются в зависимости от качества хлопковой смеси: то они на 15 % уступают прежним заработкам, то в следующую или во вторую неделю падают на 50—60 %*.

Эти эксперименты производились не только за счет жизненных средств рабочих. Рабочие должны были расплачиваться всеми своими пятью чувствами.

«Люди, занятые очисткой хлопка, сообщали мне, что невыносимый запах доводит их до обморочного состояния. . . Занятым в сортировочных, трепальных и чесальных отделах образующиеся пыль и грязь набиваются в рот, в нос, глаза и уши, вызывая кашель и одышку. Из-за короткости волокна к пряже при шлихтовании добавляется большое количество разных веществ, а именно всяческие суррогаты вместо муки, применявшейся раньше. Отсюда тошнота и диспепсия у ткачей. Распространен бронхит, вызываемый пылью, равно как и воспаление горла; распространены также болезни кожи вследствие раздражения ее от грязи, содержащейся в сурате».

С другой стороны, заменители муки, поскольку они увеличивают вес пряжи, были для господ фабрикантов настоящей сумкой Фортуната. Благодаря этим заменителям «15 ф. сырого материала, превращенные в пряжу, весили 20 фунтов»**. В отчете фабричных инспекторов от 30 апреля 1864 г. мы читаем:

«Промышленность пользуется теперь этим вспомогательным ресурсом поистине в неприличных размерах. Из авторитетного источника я знаю, что 8-фунтовая ткань готовится из $5\frac{1}{4}$ ф. хлопка и $2\frac{3}{4}$ ф. шлихты. В другой $5\frac{1}{4}$ -фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это — обыкновенная рубашечная ткань для экспорта. В иные сорта иногда прибавляют 50 % шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно хвалятся тем, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа»***.

Но рабочим приходилось страдать не только от экспериментов фабрикантов на фабриках и муниципалитетов вне фабрик, не только от понижения заработной платы и от безработицы, от нищеты и подачек, от хвалебных речей лордов и членов палаты общин.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 465—469

Эксплуатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще не окрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемой работе на дому эксплуатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому, что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разобщенностью, что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, что работа на дому повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, что бедность похищает у рабочего необходимые условия труда — помещение, свет, вентиляцию и т. д., — что нерегулярность занятий растет и, наконец, что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими неизбежно достигает своего максимума. Систематически осуществляемая лишь благодаря машинному производству экономия на средствах производства, которая с самого начала является в то же время беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою антагонистическую и человекоубийственную сторону,

* Там же, с. 50, 51.

** Там же, с. 62, 63.

*** «Reports etc. for 30th April 1864», p. 27.

чем меньше в данной отрасли промышленности развиты общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 472—473

Наступила пора машины. И машиной, которая сыграла решающую революционную роль, машиной, которая в одинаковой мере охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, например, производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпный промыслы и т. д., — была швейная машина.

Ее непосредственное действие на рабочих приблизительно такое же, как всех машин вообще, впервые захватывающих в период крупной промышленности новые отрасли производства. Самые малолетние дети устраняются. Заработная плата машинных рабочих повышается по сравнению с заработной платой домашних рабочих, многие из которых принадлежат к числу «беднейших из бедных» («the poorest of the poor»). Заработок находившихся в сравнительно лучшем положении ремесленников, с которыми начинает конкурировать машина, понижается. Новые машинные рабочие — исключительно девушки и молодые женщины. При содействии механической силы они уничтожают монополию мужского труда на более тяжелых работах и вытесняют массы старых женщин и малолетних детей из области более легких работ. Очень сильная конкуренция убивает наиболее слабых рабочих, выполняющих ручную работу. Ужасающий рост числа случаев голодной смерти (death from starvation) в Лондоне за последнее десятилетие идет параллельно с распространением машинного шитья*. Новые работницы, работающие на швейной машине, которую они приводят в движение рукой и ногой или только рукой, сидя или стоя, в зависимости от тяжести, размеров и характера машины, должны производить большую затрату рабочей силы. Их работа становится вредной для здоровья вследствие продолжительности процесса, хотя обыкновенно он короче, чем при старой системе. Повсюду, где швейная машина, например при производстве обуви, корсетов, шляп и т. д., вторгается в тесные и без того переполненные мастерские, она усиливает вредные для здоровья влияния.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том первый.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 483

Так как машины сами содержат силу, приводящую их в движение, то стоимость мускульной силы падает. *Женский и детский труд*, быстрое увеличение числа наемных рабочих путем вовлечения не работавших до сих пор по найму членов семьи. Тем самым *стоимость рабочей силы мужчины делится на рабочую силу всей семьи*, следовательно, она *обесценивается*. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и *прибавочный труд*, между тем как прежде это делал один человек. Таким образом, с самого начала вместе с увеличением *материала эксплуатации* увеличивается и *степень эксплуатации* (стр. 383).

Прежде продажа и покупка рабочей силы была отношением *свободных лиц*, теперь покупаются *малолетние и несовершеннолетние*; рабочий продает теперь жену и детей, становится *работорговцем* (примеры на стр. 384—385).

Энгельс Ф. *Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 291

* Вот пример: 26 февраля 1864 г. в недельном отчете генерального регистратора⁸ о смертности приводится 5 случаев голодной смерти. В тот же день «Times» сообщает о новом случае голодной смерти. Шесть жертв голодной смерти в одну неделю!

В то время как продолжительность рабочего дня все более и более приближается к возможному максимуму, заработная плата подходит все ближе и ближе к своему абсолютному минимуму — к сумме, ниже которой для рабочего становится абсолютно невозможно жить и продолжать свой род.

Временное исключение из этого правила наблюдалось в начале этого века. Быстрое распространение пара и машин не поспевало за еще более быстрым ростом спроса на изготавливаемую с их помощью продукцию. Заработная плата в этих отраслях производства, за исключением заработной платы детей, проданных фабриканту из работного дома, как правило, была высокая; плата за те виды квалифицированного ручного труда, без которых нельзя было обойтись, бывала очень высокая; плата, которую обычно получал красильщик, механик, стригальщик бархата, прядильщик, пользовавшийся ручной мюльмашиной, кажется теперь баснословной. В то же время в тех отраслях промышленности, где рабочие вытеснялись машиной, они обрекались на медленную смерть от голода. Но постепенно новозобретенные машины вытесняли хорошо оплачиваемых рабочих; были изобретены машины, изготовлявшие машины и притом в таком количестве, что предложение товаров, произведенных при помощи машин, не только покрывало спрос, но и превышало его. Когда заключение всеобщего мира в 1815 г. восстановило регулярную торговлю, начались десятилетние периоды чередования процветания, перепроизводства и торговой паники. Те относительно благоприятные условия, которые рабочие могли сохранить от периода процветания и которые они, быть может, даже частично улучшили в период бешеного перепроизводства, отнимались у них теперь, в период промышленного застоя и паники; и вскоре фабричное население Англии было подчинено тому общему закону, согласно которому заработная плата неорганизованных рабочих постоянно стремится к абсолютному минимуму.

*Энгельс Ф. Тред-юнионы. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 263—264*

Все прежние изумительные успехи, достигнутые благодаря применению пара и машин, совершенно бледнели в сравнении с мощным подъемом производства за двадцать лет, от 1850 до 1870 г., с колоссальными цифрами вывоза и ввоза, с несметным количеством богатств, накопившихся в руках капиталистов, и человеческой рабочей силы, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет: в 1857 г., а также в 1866 году; но эти рецидивы считались теперь естественными неизбежными явлениями, через которые приходится пройти, но после которых, в конце концов, все возвращается в прежнюю колею.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельского населения*, которое также все более и более вытеснялось теперь машинами.

Длительное улучшение мы находим только в положении двух «привилегированных» категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление относительно рациональных границ их рабочего дня восстановило** их физическое состояние и дало им моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в определенных местах. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 года. Это больше всего подтверждается тем, что из десяти стачек, которые они проводят, девять бывают вызваны самими фабрикантами в своих собственных интересах как единственное средство обеспечить сокращение производства. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего времени, хотя бы их

* В немецком переводе вместо слов «сельского населения» напечатано: «сельскохозяйственных рабочих». *Ред.*

** В немецком переводе вместо слов «рабочего дня восстановило» напечатано: «нормального рабочего дня восстановило до известной степени». *Ред.*

товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

Вторую категорию составляют крупные тред-юнионы. Это организации таких отраслей производства, в которых применяется исключительно или, по крайней мере, преобладает труд *взрослых мужчин*. Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не смогли до сих пор сломить их организованную силу. Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например каменщики и их подручные, с успехом противостоят введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным. Это образцовые рабочие господ Лиона Леви и Джиффена *, и они в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом.

Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше. Лондонский Ист-Энд ⁹ представляет собой все расширяющуюся трясику безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физической и моральной деградациии при наличии работы. То же самое, если не принимать во внимание привилегированное меньшинство рабочих, происходит и во всех других больших городах; так же обстоит дело в менее крупных городах и сельских районах. Закон, который сводит *стоимость* рабочей силы к стоимости необходимых средств существования, и другой закон, который сводит, как правило, ее *среднюю цену* к минимуму этих средств существования, — оба эти закона действуют на рабочих с непреодолимой силой автоматической машины, которая давит их между своими колесами.

Энгельс Ф. Англия в 1845 и 1885 годах. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21,
с. 201—203

Итак, на обширной территории Германии промышленность находится в настоящее время в состоянии, напоминающем на первый взгляд состояние, которое господствовало повсюду до введения машин. Но это только на первый взгляд. Сельская домашняя промышленность прежних времен, связанная с огородничеством и полеводством, представляла собой, по крайней мере в промышленно развивающихся странах, основу сносного, местами даже приличного материального положения рабочего класса, но вместе с тем и основу его умственного и политического ничтожества. Продукт ручного труда и издержки его производства определяли рыночную цену; и при тогдашней производительности труда, совершенно незначительной в сравнении с современной, рынки сбыта росли, как правило, быстрее предложения. Так было в середине прошлого столетия в Англии и отчасти во Франции, особенно в области текстильной промышленности. В Германии же, которая тогда, при самых неблагоприятных условиях, только оправлялась от опустошений, произведенных Тридцатилетней войной, дело обстояло, конечно, совершенно иначе; единственная домашняя промышленность, работавшая здесь на мировой рынок — льняное ткачество, — была настолько обременена налогами и феодальными повинностями, что крестьянин-ткач не поднимался над весьма низким уровнем жизни прочего крестьянства. Тем не менее, у рабочего сельской домашней промышленности было тогда до известной степени обеспеченное существование.

С введением машин все это изменилось. Цена стала определяться теперь продуктом машинного производства, и заработная плата рабочего домашней промышленности упала вместе с этой ценой. Но рабочий принужден был либо соглашаться с такой заработной платой, либо искать другой работы, а этого он не мог сделать, не становясь

* В немецком переводе здесь добавлено: «(а также достопочтенного Луйо Брентано)». Ред.

пролетарием, то есть не расставшись со своим домиком, огородом и полем — собственным или арендуемым. А на это он шел только в очень редких случаях. Таким образом, занятие старых деревенских ручных ткачей огородничеством и полеводством стало причиной, в силу которой борьба ручного ткацкого станка с механическим повсюду так сильно затянулась и в Германии еще до сих пор не закончилась. В этой борьбе впервые обнаружилось, особенно в Англии, что то самое обстоятельство, которое прежде служило основой относительного благосостояния рабочих — владение ими средствами производства, — стало теперь для них помехой и несчастьем. В промышленности механический ткацкий станок побил их ручной станок, в сельском хозяйстве крупное земледелие одержало верх над их мелким земледелием. Но в то время как в обеих областях производства совместный труд многих и применение машин и науки сделались общественным правилом, — домик, огород, поле и ткацкий станок приковывали ткача к устарелому способу индивидуального производства и ручного труда. Владение домом и огородом представляло собой теперь гораздо меньшую ценность, чем неограниченная свобода передвижения. Ни один фабричный рабочий не поменялся бы с деревенским ручным ткачом, умирающим медленной, но неизбежной голодной смертью.

Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 339—340

Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая гигантскую экспроприацию мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и упрочивается товарное хозяйство, — они¹⁰ не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, необходимо порождающей экспроприацию и угнетение масс.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 193

Понятно, что ни один рабочий никогда не согласился бы переменить свое положение на положение русского «самостоятельного» кустаря в «настоящей», «народной» промышленности. Понятно также, что все мероприятия, излюбленные российскими радикалами, либо нимало не затронут эксплуатации трудящегося и порабощения его капитала, оставаясь единичными экспериментами (артели), либо ухудшат положение трудящихся (неотчуждаемость наделов), либо, наконец, только очистят, разовьют и упрочат данные капиталистические отношения (улучшение техники, кредиты и т. п.).

«Друзья народа», впрочем, никогда не смогут вместиť того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был капитализм. Они никак не в состоянии вместиť, что капитал — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Русской Мысли» один из них, говоря о книге Зибера (о теории Маркса), приводил это определение (капитал — отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал.

Это — самая характерная черта буржуазных философов — принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные; поэтому они и для капитала берут такие определения, как, например, накопленный труд, служащий для дальнейшего производства, — т. е. определяют его как вечную для человеческого общества кате-

горию, замазывая таким образом ту особую, исторически определенную экономическую формацию, когда этот *накопленный труд*, организованный товарным хозяйством, попадает в руки того, кто не трудился, и служит для эксплуатации чужого труда. Поэтому и получается у них, вместо анализа и изучения определенной системы производственных отношений, — ряд банальностей, приложимых ко всяким порядкам, попеременно с сентиментальной водицей мещанской морали.

Вот теперь и смотрите, — почему называют «друзья народа» эту промышленность «народной», почему противопоставляют ее капиталистической? Только потому, что эти господа — идеологи мещанства и не в состоянии себе даже представить того, что эти мелкие производители живут и хозяйничают при системе товарного хозяйства (почему я их и называю мещанами) и что их отношения к рынку необходимо и неизбежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат. Попробовали бы вы изучить действительную организацию наших «народных» промыслов, вместо того, чтобы фразерствовать о том, что «может» из них выйти, — и мы посмотрели бы, сумели ли бы вы *найти в России такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически.*

А если вы не согласны с тем, что признаками, необходимыми и достаточными для этого понятия, являются монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплуатация наемного труда (говоря общее, — присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством, — вот в чем суть капитализма), — тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою» историю его.

На деле организация наших кустарных «народных» промыслов дает превосходную иллюстрацию к общей истории развития капитализма. Она показывает нам наглядно возникновение, зародыш его, например, в форме простой кооперации (высшая группа в горшечном промысле), показывает далее, как скапливающиеся в руках отдельных личностей — благодаря товарному хозяйству — «сбережения» становятся *капиталом*, монополизируя сначала сбыт («скупщики» и торговцы) вследствие того, что только у владельцев этих «сбережений» есть необходимые для оптовой продажи средства, позволяющие выждать реализации товаров на далеких рынках; как далее этот торговый капитал порабощает себе массу производителей и организует капиталистическую мануфактуру, капиталистическую домашнюю систему крупного производства; как, наконец, расширение рынка, усиление конкуренции приводит к повышению техники, как этот торговый капитал становится индустриальным и организует крупное машинное производство.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 221—223

А. 1. Все быстрее и быстрее развиваются в России крупные фабрики и заводы, разоряя мелких кустарей и крестьян, превращая их в нищих рабочих, сгоняя все больше и больше народа в города, фабричные и промышленные села и местечки.

2. Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с ней и к беззащитности рабочих.

3. Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами, и среди них появляется усиленное стремление к объединению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4. Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны идти на пользу самим трудящимся.

Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 83—84

Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бросилась на поиски заработка, идя на фабрики, на постройку железных дорог, соединяющих разные концы России и развозящих повсюду товары крупных фабрик. Масса народа пошла на заработки в города, занималась постройкой фабричных и торговых зданий, доставкой топлива к фабрикам, подготовлением материалов для нее. Наконец, множество лиц занято было работой на дому, раздаваемой купцами и фабрикантами, не успевающими расширять своих заведений. Такие же изменения произошли в земледелии, помещики стали производить хлеб на продажу, появились крупные посеивающие из крестьян и купцов, сотни миллионов пудов хлеба стали продаваться за границу. Для производства потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забрасывая свои крохотные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, производящим хлеб на продажу. Вот эти-то изменения старых условий жизни и описывает программа, говоря, что крупные фабрики и заводы разоряют мелких кустарей и крестьян, превращая их в наемных рабочих. Мелкое производство повсюду заменяется крупным, и в этом крупном производстве массы рабочих уже простые наемники, работающие за заработную плату на капиталиста, который владеет громадными капиталами, строит громадные мастерские, закупает массы материала и кладет себе в карман всю прибыль этого массового производства объединенных рабочих. Производство стало капиталистическое, и оно давит беспощадно и безжалостно всех мелких хозяев, разрушая их неподвижную жизнь в деревнях, заставляя их простыми чернорабочими ходить из конца в конец всей страны, продавая свой труд капиталу. Все большая и большая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы.

Вот в чем состоят те громадные изменения в жизни страны, которые произведены крупными фабриками и заводами: мелкое производство заменяется крупным, мелкие хозяева превращаются в наемных рабочих. Что же означает эта перемена для всего трудящегося народа и к чему она ведет? Об этом и говорит дальше программа.

А. 2. Замена мелкого производства крупным сопровождается заменой мелких денежных средств в руках отдельного хозяина — громадными капиталами, заменой мелких, ничтожных барышей — миллионными барышами. Поэтому рост капитализма ведет повсюду к росту роскоши и богатства. В России создался целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, создался целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов, отдаваемых под проценты промышленникам; обогатились крупные землевладельцы, получая с крестьян довольно выкупа за землю, пользуясь их нуждой в земле для повышения цен на отдаваемую в аренду землю, заводя в своих имениях крупные свеклосахарные и винокуренные заводы. Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками. Но положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств

к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих. Таким образом, вот в чем состоит первая перемена, к которой ведет рост капитализма: громадные богатства скопляются в руках небольшой кучки капиталистов, а массы народа превращаются в нищих.

Вторая перемена состоит в том, что замена мелкого производства крупным повела ко многим улучшениям в производстве. Прежде всего на место труда поодиночке, порознь в каждой маленькой мастерской, у каждого мелкого хозяина отдельно, стала работа соединенных рабочих, трудящихся вместе на одной фабрике, у одного землевладельца, у одного подрядчика. Совместный труд гораздо успешнее (производительнее) одиночного и дает возможность производить товары гораздо легче и скорее. Но всеми этими улучшениями пользуется один капиталист, который платит рабочим их же гроши и даром присваивает всю выгоду от соединенного труда рабочих. Капиталист оказывается еще сильнее, рабочий еще слабее, потому что он привыкает к одной какой-нибудь работе и ему труднее перейти на другое дело, переменить занятие.

Другим, гораздо более важным улучшением в производстве являются *машины*, которые вводит капиталист. Успешность труда увеличивается во много раз от употребления машин; но капиталист обращает всю эту выгоду против рабочих; пользуясь тем, что машины требуют меньшего физического труда, он ставит к ним женщин и детей, платя им меньшую плату. Пользуясь тем, что при машинах нужно гораздо меньше рабочих, он выталкивает их массами с фабрики и пользуется этой безработицей, чтобы еще сильнее поработить рабочего, чтобы увеличить рабочий день, чтобы отнять у рабочего ночной отдых и превратить его в простой придаток машины. Безработица, созданная машинами и постоянно увеличивающаяся, ведет теперь к полной беззащитности рабочего. Его искусство теряет цену, он легко заменяется простым чернорабочим, быстро привыкающим к машине и охотно идущим работать за меньшую плату. Всякая попытка отстоять себя от еще большего давления капитала ведет к расчету. Поодиночке рабочий оказывается совершенно бессильным перед капиталом, машина грозит задавить его.

А. 3. Мы показали в объяснении к предыдущему пункту, что рабочий в одиночку оказывается бессильным и беззащитным перед капиталистом, вводящим машины. Рабочему приходится во что бы то ни стало искать средств дать отпор капиталисту, чтобы отстоять себя. И такое средство они находят в *соединении*. Бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении с своими товарищами, получает возможность бороться против капиталиста и дать ему отпор.

Соединение становится необходимостью для рабочего, против которого стоит уже крупный капитал. Но возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике? Программа указывает те условия, которые готовят рабочих к соединению и развивают в них способности и умение соединяться. Эти условия следующие: 1) крупная фабрика с машинным производством, требующим постоянной работы круглый год, совершенно разрывает связь рабочего с землей и с собственным хозяйством, делая его полным пролетарием. А собственное хозяйство на кусочке земли развешивало рабочих, давало каждому из них некоторый особый интерес, отдельный от интересов товарища, и таким образом препятствовало их объединению. Разрыв рабочего с землей разрывает эти препятствия. 2) Далее, совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих. 3) Наконец, постоянные перебрасывания рабочих с фабрики на фабрику приучают их слышать условия и порядки на разных фабриках, сравнивать их, убеждаться в одинаковости эксплуатации на всех фабриках, заимствовать опыт других рабочих в их столкновениях с капиталистом и таким образом усиливают сплочение, солидарность рабочих. Вот эти-то условия, вместе взятые, и повели к тому, что появление на свет крупных фабрик и заводов вызвало соединение рабочих.

Среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках (о том, почему нашим рабочим недоступно соединение в форме союзов или касс, мы будем говорить позже). Чем сильнее развиваются крупные фабрики и заводы, тем чаще, сильнее и упорнее становятся рабочие стачки, так что, чем сильнее гнет капитализма, тем более необходим совместный отпор рабочих. Стачки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках. Но, по мере дальнейшего роста капитализма и учащения стачек, они оказываются недостаточными. Фабриканты принимают против них общие меры: они заключают между собой союз, они выписывают рабочих из других мест, они обращаются за содействием к государственной власти, которая помогает им подавлять сопротивление рабочих. Против рабочих стоит уже не один отдельный фабрикант каждой отдельной фабрики, против них стоит *весь класс капиталистов* с помогающим ему правительством. *Весь класс капиталистов* вступает в борьбу со всем *классом рабочих*, изыскивая общие меры против стачек, добиваясь от правительства законов против рабочих, перенося фабрики и заводы в более глухие местности, прибегая к раздаче работы на дом и к тысяче всяких других уловок и ухищрений против рабочих. Соединение рабочих отдельной фабрики, даже отдельной отрасли промышленности оказывается недостаточным для отпора всему классу капиталистов, становится безусловно необходимым совместное действие *всего класса рабочих*. Таким образом, из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба всего рабочего класса. Борьба рабочих с фабрикантами превращается в *классовую борьбу*. Всех фабрикантов объединяет один интерес — держать рабочих в подчинении и платить им как можно меньше рабочей платы. И фабриканты видят, что им не отстоять своего дела иначе, как при совместном действии всего класса фабрикантов, иначе, как приобретая влияние на государственную власть. Рабочих точно так же связывает один общий интерес — не дать капиталу задавить себя, отстоять свое право на жизнь и на человеческое существование. И рабочие точно так же убеждаются, что и им необходимо объединение, совместное действие всего класса — рабочего класса — и что для этого необходимо добиться влияния на государственную власть.

А. 4. Мы объяснили, каким образом и почему борьба фабричных рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой, борьбой рабочего класса — пролетариев — с классом капиталистов — буржуазией. Спрашивается, какое значение для всего народа и всех трудящихся имеет эта борьба? При современных условиях, о которых мы говорили уже в объяснении к 1 пункту, производство посредством наемных рабочих все более и более вытесняет мелкое хозяйство. Число людей, *живущих наемным трудом*, быстро увеличивается, и не только увеличивается число постоянных фабричных рабочих, но еще более увеличивается число крестьян, которые должны искать себе той же наемной работы, чтобы прокормиться. В настоящее время работа по найму, работа на капиталиста стала уже самой распространенной формой работы. Господство капитала над трудом охватило массу населения не только в промышленности, но и в земледелии. Вот эту-то эксплуатацию наемного труда, которая лежит в основании современного общества, крупные фабрики доводят до высшей степени развития. Все приемы эксплуатации, которые употребляются всеми капиталистами во всех отраслях промышленности, от которых страдает вся масса рабочего населения России — здесь, на фабрике, собираются вместе, усиливаются, делаются постоянным правилом, распространяются на все стороны труда, жизни рабочего, создают целый распорядок, целую систему выжимания соков из рабочего капиталистом. Поясним это примером: везде и всегда каждый, нанимающийся на работу, отдыхает, оставляет работу в праздник, если его празднуют в окрестности. Совсем другое дело на фабрике: нанимая работника, фабрика распоряжается уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности. Фабрика гонит его на работу тогда, когда ей это нужно, заставляя пригонять к ее требованиям всю свою жизнь, заставляя разрывать на части свой отдых, при работе сменами заставляя работать и ночью и в праздник. Все злоупотребления, какие можно себе представить относительно рабочего времени, фабрика пускает в ход, а вместе с тем вводит свои «правила», свои «порядки», обязательные для каждого рабочего. Фабричный порядок оказывается нарочно подогнанным так, чтобы

выжать из нанятого рабочего все то количество труда, какое он может дать, выжать как можно скорее и затем выбросить его долой! Другой пример. Всякий, нанимающийся на работу, обязывается, конечно, подчиняться хозяину, исполнять то, что ему прикажут. Но, обязываясь исполнять временную работу, нанимающийся вовсе не отказывается от своей воли; находя неправильным или чрезмерным требование хозяина, он уходит от него. Фабрика же требует, чтобы рабочий отказался совершенно от своей воли; она заводит у себя дисциплину, заставляет рабочего по звонку вставать на работу и прекращать ее, она присваивает себе право самой наказывать рабочего и за каждое нарушение ею же составленных правил подвергает его штрафу или вычету. Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же беспрекословен, порабощен, лишен собственной воли, как и сама машина.

Еще 3-й пример. Всякий, нанимающийся на работу, сплошь и рядом оказывается недовольным хозяином, обращается с жалобой на него в суд или к начальнику. И начальник и суд решают спор обыкновенно в пользу хозяина, держат его руку, но это потворство хозяйским интересам основывается не на общем правиле или законе, а на услужливости отдельных чиновников, которые иногда больше защищают, иногда меньше, которые решают дело несправедливо в пользу хозяина или по знакомству с хозяином, или по незнанию условий работы и неумению понять рабочего. Каждый отдельный случай такой несправедливости зависит от каждого отдельного столкновения рабочего с хозяином, от каждого отдельного чиновника. Фабрика же соединяет вместе такую массу рабочих, доводит притеснения до такой степени, что становится невозможным разбирать особо каждый случай. Создаются общие правила, составляется закон об отношениях рабочих к фабрикантам, закон, обязательный для всех. И в этом законе потворство интересам хозяина закрепляется уже государственною властью. На место несправедливости отдельных чиновников становится несправедливость самого закона. Появляются, напр., такие правила, что рабочий за прогул не только теряет заработок, но платит еще штраф, а хозяин, посылая гулять рабочего, ничего не платит ему; что хозяин может рассчитать рабочего за грубость, а рабочий не может по той же причине уйти от него; что хозяин вправе самовольно налагать штрафы, вычет или требовать сверхсрочной работы и т. п.

Все эти примеры показывают нам, каким образом фабрика усиливает эксплуатацию рабочих и делает эту эксплуатацию всеобщей, делает из нее целый «порядок». Рабочему волей-неволей приходится уже теперь иметь дело не с отдельным хозяином и его волей и притеснением, а с произволом и притеснением всего класса хозяев. Рабочий видит, что его угнетатели не какой-нибудь один капиталист, а весь класс капиталистов, потому что у всех заведений одинаковый порядок эксплуатации; отдельному капиталисту нельзя даже отступить от этого порядка: если бы он вздумал, напр., сократить рабочее время, ему обошлись бы дороже товары, чем его соседу, другому фабриканту, который заставляет рабочего за ту же плату работать дольше. Чтобы добиться улучшения своего положения, рабочему приходится теперь иметь дело с целым общественным устройством, направленным к эксплуатации труда капиталом. Против рабочего стоит уже не отдельная несправедливость одного какого-либо чиновника, а несправедливость самой государственной власти, которая берет под свою защиту весь класс капиталистов и издает обязательные для всех законы в пользу этого класса. Таким образом, борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплуатации труда капиталом. Поэтому борьба рабочих и приобретает общественное значение, становится борьбой от лица всех трудящихся против всех классов, живущих чужим трудом. Поэтому борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской истории и является зарей освобождения рабочих.

На чем же держится господство класса капиталистов над всей массой рабочего люда? На том, что в руках капиталистов, в их частной собственности находятся все фабрики, заводы, рудники, машины, орудия труда; на том, что в их руках громадные количества земли (из всей земли Европейской России более $\frac{1}{3}$ принадлежит землевладельцам, число которых не составляет полумиллиона). Рабочие, сами не имея никаких орудий труда и материалов, должны продавать свою рабочую силу капита-

листам, которые платят рабочим только то, что необходимо на содержание их, и весь излишек, производимый трудом, кладут себе в карман; они оплачивают, таким образом, только часть потребленного им на работу времени и присваивают себе остальную часть. Все увеличение богатства, происходящее от соединенного труда массы рабочих или улучшений в производстве, достается классу капиталистов, и рабочие, трудясь из поколения в поколение, остаются такими же неимущими пролетариями. Поэтому есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т. е. власть управления государством, из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его полного освобождения. К этой конечной цели должны стремиться сознательные, объединенные рабочие; но у нас в России они встречают еще огромные препятствия, мешающие им вести борьбу за свое освобождение.

Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. - Полн. собр. соч., т. 2, с. 88—97

... Усиление работы на дому было вызвано здесь прогрессом техники (вертельный станок), прогрессом разделения труда (женщины только и делают, что сажают щетину), прогрессом капиталистической эксплуатации (труд женщин и девочек дешевле). На этом примере особенно ярко сказывается, что *работа на дому несколько не устраняет понятия капиталистической мануфактуры*, а, напротив, иногда является даже *признаком ее дальнейшего развития*.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 413

... Данные о развитии горной промышленности представляют особенную важность в двух отношениях: во-1-х, они особенно наглядно показывают сущность той смены общественно-экономических отношений, которая происходит в России во всех областях народного хозяйства, во-2-х, они иллюстрируют то теоретическое положение, что в развивающемся капиталистическом обществе особенно быстро возрастают те отрасли промышленности, которые изготовляют *средства производства*, т. е. предметы не личного, а производительного потребления. Смена двух укладов общественного хозяйства сказывается на горной промышленности с особенной наглядностью вследствие того, что типичными представителями обоих укладов являются здесь особые районы: в одном районе можно наблюдать докапиталистическую старину с ее примитивной и рутинной техникой, с личной зависимостью прикрепленного к месту населения, с прочностью сословных традиций, монополий и пр., в другом районе — полный разрыв со всякой традицией, технический переворот и быстрый рост чисто капиталистической машинной индустрии*. На этом примере особенно ясна ошибка экономистов-народников. Они

* В последнее время и Урал начинает преобразовываться под влиянием новых условий жизни, и это преобразование пойдет еще быстрее, когда его теснее свяжут с «Россией» рельсовые пути. В этом отношении особенно важное значение будет иметь предполагаемое соединение жел. дорогой Урала с Югом для обмена уральской руды на донецкий каменный уголь. До сих пор Урал и Юг почти не конкурируют друг с другом.

отрицают прогрессивность капитализма в России, указывая на то, что наши предприниматели в земледелии охотно прибегают к отработкам, в промышленности — к раздаче работы на дома, в горном деле добиваются прикрепления рабочего, запрещения законом конкуренции мелких заведений и пр., и пр. Нелогичность подобных рассуждений и вопиющее нарушение в них исторической перспективы бросается в глаза. Откуда же следует, в самом деле, что это стремление наших предпринимателей воспользоваться выгодами докапиталистических приемов хозяйства должно быть поставлено в счет нашему капитализму, а не тем остаткам старины, которые задерживают развитие капитализма и которые держатся во многих случаях силой закона? Можно ли удивляться тому, что, напр., южные горнопромышленники жаждут прикрепления рабочих и законодательного запрещения конкуренции мелких заведений, если в другом районе горнопромышленности это прикрепление и эти запрещения существуют исстари и до сих пор, если в другом районе заводчики, при низшей технике, при более дешевом и покорном рабочем получают на чугуна без хлопот «копейку на копейку и даже иногда полторы копейки на копейку»*?

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 493—494

Американский капитализм стоит впереди всех. Наибольшее развитие техники, наибольшая быстрота прогресса — все это заставляет старую Европу тянуться за янки. Но не демократические учреждения перенимает из Америки европейская буржуазия, не политическую свободу, не республиканский строй государства, а новейшие приемы эксплуатации рабочего.

Всего больше говорят теперь в Европе, а отчасти и в России, о «системе» американского инженера Фредерика Тейлора. Не так давно в актовом зале института инженеров путей сообщения в Петербурге г. Семенов читал доклад об этой системе. Тейлор сам описал эту систему под названием «научной», и его книгу усердно переводят и пропагандируют в Европе.

В чем состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня. Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам — в секундах и долях секунды — количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приемы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте и т. д.

А в результате — за те же 9—10 часов работы выжимают из рабочего втрое больше труда, выматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наемного раба. Умрет раньше? — Много других за воротами! . . .

Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот.

Вот пример из книги Тейлора.

Сравнивается работа нагрузки на тележки чугуна, который идет в дальнейшую переработку, сравнивается старая и новая, «научная» система:

	Старая система:	Новая система:
Число рабочих, занятых нагрузкой	500	140
Один рабочий нагружает, в среднем, тонн (по 61 пуд.)	16	59
Средний заработок рабочего	2 р. 30 к	3 р. 75 к
Расход фабриканта на нагрузку одной тонны	14,4 к	6,4 к

Капитал понижает свои расходы *вдвое* и более. Прибыль растет. Буржуазия в восторге и не нахвалится Тейлорами!

работая на различных рынках и живя главным образом казенными заказами. Но обильные дожди казенных заказов не вечны.

* Статья Егунова в «Отч. и иссл. по куст. пром.», т. III, стр. 130.

Рабочий сначала получает прибавку. А сотни рабочих рассчитаны. Кто остался, работает вчетверо интенсивнее, надрываясь на работе. Выжмут все силы рабочего и выгонят его вон. Берут только молодых и сильных.

Выжимают пот по всем правилам науки. . .

Ленин В. И. «Научная» система выжимания пота. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 18—19

. . . В Америке имеется, круглым счетом, 15 миллионов рабочих семей.

Вместе взятые, эти рабочие семьи производят ежегодно предметов потребления на 60 миллиардов, т. е. 60 тыс. миллионов рублей. Это дает по 4000 рублей в год на рабочую семью.

Но в настоящее время, при капиталистическом общественном устройстве, только половина этого громадного производства, только 30 тысяч миллионов, достается рабочим, которые составляют девять десятых населения. Другую половину берет себе класс капиталистов, составляющий со всеми своими защитниками и захребетниками всего одну десятую долю населения.

В Америке, как и в других странах, свирепствует безработица и все усиливается дороговизна жизни. Нужда рабочих становится все мучительнее и нестерпимее. Американская статистика показала, что *около половины* всех рабочих заняты *неполное* рабочее время. А какая еще бездна общественного труда растрачивается благодаря сохранению бессмысленного, отсталого, раздробленного мелкого производства, особенно в земледелии и в торговле!

Применение машин в Америке, благодаря полной политической свободе и отсутствию крепостников-помещиков, развито сильнее, чем где бы то ни было в мире. В Америке в одной обрабатывающей промышленности сила машин определяется в сумме взятая, в 18 миллионов паровых лошадиных сил. А в то же время исследование всех источников силы в виде падения воды показало, по отчету 14 марта 1912 года, что Америка может сразу, благодаря превращению силы падающей воды в электричество, получить еще 60 миллионов лошадиных сил!

Страна необъятно богата уже теперь и она может сразу *утроить* свои богатства, *утроить* производительность своего общественного труда, обеспечивая этим *всем* рабочим семьям сносную, достойную разумного человеческого существа, высоту дохода, и не чрезмерную длину рабочего дня, в 6 часов ежедневно.

Но, благодаря капиталистическому общественному устройству, рядом с ужасной безработицей и нищетой в больших городах Америки, да и в деревнях тоже, — рядом с расхищением попусту человеческого труда — мы видим неслыханную роскошь миллиардеров, богачей, состояние которых исчисляется миллиардами, тысячами миллионов.

Американский рабочий класс быстро просвещается и сплачивается в могучую пролетарскую партию. Сочувствие к ней растет среди всех трудящихся. Работая при помощи превосходных машин, видя на каждом шагу чудеса техники и великолепные успехи труда от организации крупного производства, наемные рабы Америки начинают ясно сознавать свои задачи и ставить простые, очевидные, ближайшие требования: добиться 4000 рублей дохода каждой рабочей семье и 6-часового рабочего дня.

В каждой цивилизованной стране мира эта цель американских рабочих является тоже вполне достижимой целью; но для этого требуются основные условия свободы в стране. . .

И нет иного пути к свободному будущему, кроме как через их собственную, рабочую организацию, просветительную, профессиональную, кооперативную и политическую.

Ленин В. И. 4000 рублей в год и 6-часовой рабочий день. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 271—273

Капитализм ни на минуту не может стоять на месте. Он должен идти вперед и вперед. Конкуренция, особенно обостряющаяся в эпохи кризиса, подобные нашей, заставляет изобретать все новые средства для удешевления производства. А господство капитала превращает все такие средства в орудия дальнейшего угнетения рабочего.

Система Тейлора — одно из таких средств.

Недавно в Америке сторонники этой системы применяли такие приемы.

К руке рабочего прикрепляют электрическую лампочку. Фотографируют движения рабочего и изучают движения лампочки. Находят, что известные движения были «излишни» — и рабочего заставляют избегать этих движений, т. е. работать интенсивнее, не теряя ни секунды на отдых.

Составляют целые планы новых фабричных построек — таким образом, чтобы не терялась ни одна лишняя минута при доставке материалов на фабрику, при передаче их из одной мастерской в другую, при вывозе готового продукта. Кинематограф применяется систематически для изучения работы лучших рабочих и для увеличения ее интенсивности, т. е. для большего «подгонянья» рабочего.

Например, в течение целого дня кинематографировали работу монтера. Изучив его движения, ввели особую скамейку настолько высокую, чтобы монтеру не надо было терять времени на то, чтобы наклоняться. Приставили мальчика в помощники монтеру. Мальчик должен был подавать ему каждую часть машины определенным, наиболее целесообразным способом. Через несколько дней монтер исполнял данную работу по сборке машины в *четверть* того времени, которое он употреблял раньше!

Какой успех производительности труда! . . . но плату рабочему повышают не вчетверо, а всего в полтора раза, самое большое, да и то *только на первое время*. Как только рабочие привыкнут к новой системе, плату опять понижают до прежнего уровня. Капиталист получает громадную прибыль, а рабочий трудится вчетверо интенсивнее, выматывая свои нервы и мускулы вчетверо быстрее.

Новопоступающего рабочего ведут в заводский кинематограф, который показывает ему «образцовое» производство его работы. Рабочего заставляют «догонять» этот образец. Через неделю рабочему показывают в кинематографе его собственную работу и сравнивают ее с «образцом».

Все эти громадные усовершенствования делаются *против* рабочего, ведя к еще большему подавлению и угнетению его и притом ограничивая рациональным, разумным, распределением труда *внутри фабрики*.

Естественно является мысль: а распределение труда внутри всего общества? Какая бездна труда пропадает даром в настоящее время от безалаберности, хаотичности всего капиталистического производства! Сколько теряется времени на переход сырого материала к фабриканту через сотни скупщиков и перекупщиков при неизвестности требований рынка! Не только время, но и самые продукты теряются и портятся. А потеря времени и труда на доставку готового продукта потребителям через бездну мелких посредников, которые тоже не могут знать требований покупателей и делают массу не только лишних движений, но лишних закупок, поездок и так далее и тому подобное!

Капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы.

Система Тейлора — без ведома и против воли ее авторов — подготавливает то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои, рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон — все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь.

И рабочие комиссии при помощи рабочих союзов сумеют применить эти принципы разумного распределения общественной работы, когда она избавлена будет от порабощения ее капиталом.

Г-ном Козьминых-Ланиным было обследовано в общем 112 380 рабочих в 152 преимущественно крупных предприятиях Московской губернии; причем преобладающее место заняла в исследовании текстильная промышленность.

Из приводимых в брошюре цифр следует, что сверхурочные работы в текстильной промышленности Московского района не имеют широкого распространения. Так, из 59 тысяч обследованных рабочих по обработке хлопка только 767 человек занято праздничными сверхурочными работами. Значительно большее число было занято сверхурочными работами в будни (1717 чел.), но и тут процент колеблется в пределах 1—2 % к общему числу. Это и понятно, так как текстильная промышленность технически требует в каждый данный момент более или менее наперед определенного количества рабочих рук; а главное, 1908 г. был годом далеко не благоприятным для текстильной промышленности. Предприниматели были заинтересованы часто скорее в сокращении производства, чем в увеличении производительности предприятий путем применения сверхурочных работ.

Иную картину представляет другая главная отрасль промышленности — металлообрабатывающая. Здесь сверхурочные работы практикуются широко, захватывая иногда до 20 % общего числа рабочих.

Что касается длительности сверхурочных работ, то, по данным Козьминых-Ланина, она вообще колеблется как для металлистов, так и для текстильщиков от 25 до 35 часов на одного рабочего, занятого сверхурочными работами (считая и будничные, и праздничные работы). Цифра очень большая. Эти 30 часов свободного времени в среднем, отнимаемых сверхурочными заработками, идут, само собой, всецело в ущерб культурному и умственному развитию рабочего.

Ленин В. И. Рецензия. И. М. Козьминых-Ланин. Сверхурочные работы на фабриках и заводах Московской губернии. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 211

... Знаменитая система Тейлора, получившая большое распространение в Америке, — знаменита именно тем, что она представляет из себя последнее слово самой бесшабашной капиталистической эксплуатации. Понятно поэтому, что эта система встречала в рабочих массах такую массу ненависти и возмущения. Но в то же самое время нельзя ни на минуту забывать, что в системе Тейлора заключается громадный прогресс науки, систематически анализирующей процесс производства и открывающей пути к громадному повышению производительности человеческого труда. Начатые в Америке в связи с введением системы Тейлора научные исследования, в особенности изучение движений, как говорят американцы, дали громадный материал, позволяющий обучить трудящееся население неизмеримо более высоким приемам труда вообще и организации труда в частности.

Отрицательным в системе Тейлора было то, что она осуществлялась в обстановке капиталистического рабства и служила средством выжимания из рабочих двойного и тройного количества труда при прежней оплате, совершенно не считаясь со способностью наемных рабочих дать без вреда для человеческого организма это двойное или тройное количество труда при прежнем числе рабочих часов.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 140—141

Тот же технический прогресс дает кроме того предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации. . .

Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

(8) Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы РКП. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 85

Научно-технический прогресс и изменения в функциях, профессиональном и квалификационном составе рабочих

... Буржуазия умалчивает о том, что целые отрасли труда из-за этого либо совершенно исчезают, либо настолько преобразовываются, что рабочим приходится обучаться заново, причём она здесь старательно избегает упоминать о доводе, на который она при других обстоятельствах всякий раз ссылается, когда ставится вопрос о запрещении детского труда, а именно — что для приобретения необходимых навыков надо приучаться к фабричному труду с самых ранних лет, ещё до десятилетнего возраста (см., например, «Отчёт комиссии по обследованию фабричного труда», в различных местах). Наконец, буржуазия ничего не говорит о том, что процесс развития техники непрерывно продолжается и что, если рабочему действительно удаётся найти занятие в новой отрасли труда, усовершенствования машин вытесняют его и оттуда, лишая его окончательно уверенности в завтрашнем дне. Но буржуазия получает всю выгоду от усовершенствования машин; в первые годы, когда много устаревших машин еще на ходу и усовершенствование не введено повсеместно, для буржуазии открываются прекраснейшие возможности обогащения, и требовать от нее, чтобы она видела отрицательные стороны развития машинного производства, означало бы требовать от нее слишком многого.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 368

Мы уже говорили в общем о характере работы на фабрике и говорили достаточно исчерпывающе, чтобы из сказанного можно было сделать дальнейшие выводы. Наблюдать за машиной, связывать оборвавшуюся нить — это не такая деятельность, которая может занять ум рабочего, но в то же время она такого свойства, что мешает ему думать о другом. Мы видели также, что труд этот не требует напряжения мускулов, не даёт простора физической деятельности. Таким образом, это не настоящий труд, а сплошное однообразие — самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать. Фабричный рабочий осуждён губить в этом однообразии все свои физические и духовные силы; его призвание — с восьмилетнего возраста томиться от скуки целыми днями. К тому же ему нельзя отвлечься ни на одну минуту: паровая машина работает целый день, колёса, ремни и веретёна непрерывно гудят и стучат у него над ухом, и если он хочет хоть минуту передохнуть, у него за спиной немедленно появляется надсмотрщик

со штрафной книгой. Неумолимая необходимость — заживо похоронить себя на фабрике, неотрывно следить за неутомимой машиной, является тяжчайшей пыткой для рабочих. Она действует самым отупляющим и ослабляющим образом как на тело, так и на душу рабочего.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 404

Что отличает эту механическую фабрику, так это, напротив, всеобщее *нивелирование* рабочих функций, так что переход рабочих, действительно занятых машинным трудом, от одной машины к другой может быть осуществлен в весьма короткое время и без больших приготовлений. В мануфактуре разделение труда вызывается тем, что особые *операции*, подлежащие выполнению, могут выполняться только особо *специализированной* рабочей силой; следовательно, здесь должно иметь место не только распределение, но и действительное *разделение* труда по группам этих специальностей. На механической фабрике, напротив, *специализируются* именно машины, а одновременно производимая ими работа, хотя и направлена на выполнение последовательных фаз одного и того же совокупного процесса, требует *распределения* между ними особых групп рабочих, каждой из которых постоянно поручаются одни и те же, одинаково простые функции. Это скорее распределение рабочих между *специализированными машинами*, чем разделение труда между *специализированными рабочими силами*. В одном случае специализируется *рабочая сила*, использующая особые орудия труда; в другом случае *специализируются машины*, которые обслуживаются особыми группами рабочих. Не говоря о ранее упомянутых и здесь вновь встречающихся простых подсобных рабочих, главное различие между рабочими состоит здесь в *силе* и *ловкости*. Но когда тут необходимо применять силу, она представляет собой лишь *среднюю силу*, которой обладает каждый *взрослый мужчина* в отличие от женщин и детей. Указанное различие в силе сводится, следовательно, к простому различию пола и возраста. Требуемые же *ловкость* и натренированность пальцев, так же как и быстрая реакция, вообще напряженная внимательность, — обусловлены тем, что скорость обслуживающей машину деятельности рабочего приспосабливается к ее собственной скорости и что несколько таких машин и многие операции одной машины должны обслуживаться одновременно; например, при связывании нитей. В значительной степени этот род ловкости, — отвлекаясь от того, что главное здесь в тренировке, в привычке, — опять-таки требует не особой специальности, а, например, старательности, свойственной определенным возрастам и присущей неразвитому (юношескому) организму в большей мере, чем организму вполне развившемуся. Все эти действия, выполняемые занятым у машины рабочим, примечательны своей *пассивностью*, своей приспособленностью к операциям и движениям самой машины, подчинением ей. Эта *специализация пассивности*, т. е. уничтожение самой специализации как таковой, является характерной чертой машинного труда. *Усовершенствования внутри самой механической фабрики* направлены на то, чтобы по возможности удалить всякую виртуозность, снова и снова возникающую на ее собственном базисе. Это, следовательно, совсем простой труд, характеризующийся однообразием, бессодержательностью и подчинением машине; мертвящий труд, который, [XIX—1241] как это имеет место и при разделении труда в мануфактуре, требует полного подчинения себе со стороны индивида. Он препятствует развитию специальности, но сам же вновь и вновь специализирует это отсутствие специализации. Здесь отпадает последняя самоудовлетворенность рабочего своим трудом, здесь имеет место абсолютное безразличие, обусловленное самой бессодержательностью этого труда.

В мануфактуре труд является непрерывным. На механической фабрике непрерывным является внимание к работе машины, так же как и обусловленное ее движениями движение рабочего (там, где рабочему приходится вместе с машиной двигаться вперед и назад). Напротив, его действительное вмешательство является случайным, зависящим от того, совершила машина ошибку или нет. Следовательно, подчиненность машине рабочего, как слуги этой машины, является здесь постоянной, тогда как в мануфактуре роль слуги всегда остается за орудием.

В мануфактуре, рассматриваемой как целое, отдельный рабочий образует живую часть совокупной машины, т. е. такой фабрики, которая сама представляет собой состоящий из людей механизм. Напротив, на механической фабрике (т. е. на рассматриваемой здесь фабрике, развившейся в систему машин) человек есть живая принадлежность совокупного организма, существующего вне его в виде машины и автоматической системы машин. Но совокупная система машин состоит из машин, составляющих ее части. Люди здесь всего лишь живая принадлежность, всего лишь сознательные приделки бессознательной, но единообразно действующей системы машин.

Кооперация (простая) и распределение кооперируемых рабочих по *различным частям* большого совокупного автомата в качестве его подвижных принадлежностей и слуг, подчинение рабочего движениям и операциям машины, к которой он прикован как к своей судьбе, нивелирование различных видов труда и пассивность, отсутствие специализации или, самое большее, развитие в специальности простых различий пола и возраста — все это характеризует механическую фабрику. Дисциплина и субординация вытекают здесь не только из кооперации, но также из подчинения рабочих совокупной системе машин.

Тот самый Юр, который как бесстыдный апологет фабричной системы был отвергнут даже в Англии, все же имеет ту заслугу, что впервые правильно понял дух фабричной системы и метко охарактеризовал *различие и противоположность* между автоматической фабрикой и покоящейся на разделении труда мануфактурой, рассматривавшейся А. Смитом в качестве основы основ (впоследствии процитировать соответствующие места). Уничтожение иерархии способностей, ломка утвердившихся за спиной «разделения труда» специальностей и тем самым пассивное подчинение — так же как и связанная с этим абсолютная дисциплина, субординация, подчинение часовой стрелке и фабричным законам, — все это Юр очень правильно отметил, как мы это увидим сейчас из нескольких выдержек. Вновь обретенная *всеобщность* рабочего существует в этой системе лишь *an sich**, поскольку рабочий безразличен к своему труду, содержание которого находится вне его, и поскольку [в процессе этого труда] он не развивает никакой специальности. Однако в действительности здесь происходит развитие некоторой *бессодержательной специальности*.

[XX—1242] ** В то время как в ремесленном производстве и даже в мануфактуре движение орудия определяется движением человека, на механической фабрике, наоборот, движение человека определяется движением машин.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 510—512

... Прошлый труд — в автомате и в приводимых им в движение машинах — выступает, как может показаться, самостоятельно и независимо от [живого] труда; вместо того чтобы подчиняться [живому] труду, он подчиняет его себе; железный человек выступает против человека из плоти и крови. Подчинение труда рабочего капиталу, всасывание капиталом его труда, заложенное в понятии капиталистического производства, выступает здесь как технологический факт. *Краеугольный камень* готов. Налицо приведенный в движение мертвый труд и живой труд в качестве всего лишь одного из его сознательных органов. Уже не кооперация лежит здесь в основе *живой взаимосвязи* всей фабрики, а система машин образует приводимое в движение первичным двигателем и охватывающее всю фабрику единство, которому затем подчинена живая фабрика, поскольку она состоит из рабочих. *Единство* этих рабочих получило таким путем явно независимую от них и самостоятельную по отношению к ним форму.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 551

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

** На обложке XX тетради рукой Маркса написано: «Март 1863», а затем добавлено: «апрель, май». *Ред.*

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, предъявляют к нему разные требования. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, на которой произрастает разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, коль скоро она введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Совокупный рабочий обладает теперь всеми производственными качествами в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления его специфической функции *. Односторонность и даже неполноценность частичного рабочего становится его достоинством, коль скоро он выступает как орган совокупного рабочего **. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины ***.

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, более низкого или более высокого порядка, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в весьма различной степени образования и обладают поэтому весьма различной стоимостью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операции в такой же мере приспособляются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей ****. Между тем каждый производственный процесс требует известных простых действий, одинаково доступных каждому человеку. И такие действия порывают теперь свою непрочную связь с более содержательными моментами деятельности и окостеневают в виде исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность отсутствие всякого развития. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников.

---

* «Так как в мануфактуре работа разделяется на несколько различных операций, из которых каждая требует различной степени искусства и силы, то владелец мануфактуры может обеспечить себя как раз необходимым для каждой операции количеством силы и искусства. А если бы весь процесс изготовления продукта выполнялся одним рабочим, то один и тот же индивидуум должен был бы обладать достаточным искусством для самых деликатных и достаточной силой для самых тяжелых операций» (*Ch. Babbage*, цит. соч., гл. XIX).

** Например, одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п.

*** Г-н У. Маршалл, главный управляющий одной стекольной мануфактуры, очень хорошо ответил на вопрос члена следственной комиссии, каким образом поддерживается интенсивность труда рабочих-подростков: «Они не могут пренебречь своим делом; раз они начали, они должны продолжать; они являются как бы частями одной и той же машины» («*Children's Employment Commission. Fourth Report*», 1865, p. 247).

**** Д-р Юр в своем апофеозе крупной промышленности острее подмечает специфический характер мануфактуры, чем прежние экономисты, у которых не было полемического интереса, и даже острее, чем его современники, например Баббедж, который превосходил Юра как математик и механик, однако крупную промышленность рассматривал, собственно говоря, только с мануфактурной точки зрения. Юр замечает: «Приспособление рабочего к каждой частичной операции составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он называет это разделение «приспособлением работ к различным индивидуальным способностям» и характеризует, наконец, всю мануфактурную систему как «систему градиции по степени искусства», как «разделение труда по различным степеням искусства» и т. д. (*Ure. «Philosophy of Manufactures»*, p. 19—23, *passim*).

В обоих случаях падает стоимость рабочей силы *. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Относительное обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, непосредственно означает более значительное возрастание капитала, потому что все, что сокращает время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 361—363

Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным в силу преобладающего значения первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит. Хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, например, что в Англии laws of apprenticeship [законы об ученичестве] с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и они отбрасываются лишь крупной промышленностью. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен независимого от самих рабочих объективного скелета, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 379—380

Моральное калечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими авторами, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно вызываемое превращением незрелых людей в простые машины для производства прибавочной стоимости и совершенно отличное от того природного невежества, при котором ум остается нетронутым без ущерба для самой его способности к развитию, его естественной плодовитости, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству. Дух капиталистического производства ясно обнаруживается в неряшливой редакции в фабричных актах пунктов о так называемом воспитании, в отсутствии того административного аппарата, без которого это обязательное обучение в большинстве случаев опять-таки становится иллюзорным, в оппозиции фабрикантов даже такому закону об обучении и в их увертках и уловках для того, чтобы обойти его.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 411

* «Каждый профессиональный рабочий... получая возможность совершенствоваться путем упражнений в одном направлении... становится более дешевым» (*Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 19.*)

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к одной частичной операции всего человека, и в то же время капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более чудовищном виде: на собственно фабрике — посредством превращения рабочего в наделенный сознанием придаток частичной машины, во всех других местах — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда *, отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности дает о себе знать насильственным образом. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что большая часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к простейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 495

... Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства ** и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия ***, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолют-

* В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена в отношении рабочего, приводящего машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расхождение его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, осуждаемых на это истязание. Так, член комиссии Лойдж наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, а еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это чрезвычайно тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1886, p. 114, № 6). Там же и на следующих страницах см. об убийственных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет.

** «Лишая средств для жизни — жизни всей лишаете» (*Шекспир*)¹¹.

*** Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, что буду способен заниматься всеми ремеслами, которыми действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в этот мир авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем вы рубаху, — поверьте! — я действовал, как остальные. Так как занятие рудокопом оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографским рабочим, кровельщиком, литейщиком по свинцу и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (*A. Corbon. «De l'enseignement professionnel», 2ème éd., p. 50*).

ной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «*écoles d'enseignement professionnel*» [«профессиональные школы»], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоеует надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих находятся в прямом противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «*Ne sutor ultra crepidam!*»¹² Эта *pes plus ultra* [вершина] ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, рабочий-ювелир Фултон — пароход*.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 498—499

Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства, — а современное общество является именно таким, — не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Сказанное относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной промышленности был наиболее могущественным, — к разделению труда. Уже первое крупное разделение труда — отделение города от деревни — обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других. Если крестьянин овладевает землей, а горожанин — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником. Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре. Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные частичные операции, отводит каждую из них отдельному рабочему как его пожизненную профессию и приковывает его таким образом на всю жизнь к определенной частичной функции и к определенному орудью труда. «Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований. . .

* Джон Беллерс, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения нынешней системы воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию и атрофию на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он, между прочим, очень хорошо говорит: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни, потому что те неприятности, от которых человек спасается праздностью, постигнут его в виде болезни... Труд подливает масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд» (это — пророческие возражения Базедовым и их современным подголоскам) «оставляет детский ум пустым» («Proposals for raising a College of Industry of all useful Trades and Husbandry». London, 1696, p. 12, 14, 16, 18).

Сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы» (Маркс)¹³, — в автоматическое орудие, которое во многих случаях достигает своего совершенства лишь путем буквального физического и духовного уродования рабочего. Машины, применяемые в крупной промышленности, низводят рабочего от положения машины до роли простого придатка к ней. «Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины» (Маркс)¹⁴. И не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа поработан своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист поработан своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще поработаны разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности — даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание.

*Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 303—304*

... В то время как капиталистический способ применения машин вынужден сохранять и дальше старое разделение труда с его окостенелыми частичными функциями, несмотря на то, что оно стало технически излишним, — сами машины встают против этого анахронизма. Технический базис крупной промышленности революционен. «Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего... Мы видели, как это абсолютное противоречие... жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения.

*Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 306*

Нам остается еще в заключение подвести итоги по тому вопросу, который получил в литературе название вопроса о «миссии» капитализма, т. е. об его исторической роли в хозяйственном развитии России. Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо (как мы старались подробно показать на каждой ступени нашего фактического изложения) с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима. Именно народники, которые тщатся из всех сил представить дело так, будто признавать историческую прогрессивность капитализма значит быть

апологетом его, именно народники грешат недостаточной оценкой (а подчас и замалчиванием) наиболее глубоких противоречий русского капитализма, затушевывая разложение крестьянства, капиталистический характер эволюции нашего земледелия, образование класса сельских и промысловых наемных работников с наделом, затушевывая полное преобладание низших и худших форм капитализма в пресловутой «кустарной» промышленности.

Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процессах в различных областях народного хозяйства.

Процесс этого преобразования по самой природе капитализма не может идти иначе, как среди ряда неравномерностей и непропорциональностей: периоды процветания сменяются периодами кризисов, развитие одной отрасли промышленности ведет к упадку другой, прогресс земледелия захватывает в одном районе — одну, в другом — другую сторону сельского хозяйства, рост торговли и промышленности обгоняет рост земледелия и т. д. . . .

Другая особенность развития капитализмом общественных производительных сил состоит в том, что рост средств производства (производительного потребления) далеко обгоняет рост личного потребления: мы указывали не раз, как проявляется это в земледелии и в промышленности. Эта особенность вытекает из общих законов реализации продукта в капиталистическом обществе. . . .

Обобществление труда капитализмом проявляется в следующих процессах. Во-первых, самый рост товарного производства разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность мелких хозяйственных единиц и стягивает мелкие местные рынки в громадный национальный (а затем мировой) рынок. Производство на себя превращается в производство на все общество, и чем выше развит капитализм, тем сильнее становится противоречие между этим коллективным характером производства и индивидуальным характером присвоения. Во-вторых, капитализм создает на место прежней раздробленности производства невиданную раньше концентрацию его как в земледелии, так и в промышленности. Это — наиболее яркое и наиболее рельефное, но отнюдь не единственное проявление рассматриваемой особенности капитализма. В-третьих, капитализм вытесняет те формы личной зависимости, которые составляли неотъемлемую принадлежность предшествующих систем хозяйства. . . По сравнению с трудом зависимого или кабального крестьянина, труд вольнонаемного рабочего представляет из себя во всех областях народного хозяйства явление прогрессивное. В-четвертых, капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была невозможна при них в сколько-нибудь широких размерах. В-пятых, капитализм уменьшает постоянно долю населения, занятого земледелием (в котором всегда господствуют наиболее отсталые формы общественно-хозяйственных отношений), увеличивает число крупных индустриальных центров. В-шестых, капиталистическое общество увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый характер, сравнительно с объединениями прежних времен. . . В-седьмых, все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения. Скачкообразный характер экономического развития, быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т. д. — все это не может не вести к глубокому изменению самого характера производителей. . . .

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 597, 598—599, 600—601

Одним из коренных недостатков постановки образования и просвещения в капиталистическом обществе было то, что оно было оторвано от основной задачи организации труда постольку, поскольку капиталисту нужно было натаскать и наддрессировать

покорных и дрессированных рабочих. Связи между действительными задачами организации народного труда и между преподаванием в капиталистическом обществе не было. Получался мертвенный, схоластический, казенный, загаженный поповскими влияниями характер преподавания, который везде, в самых демократических республиках, делал то, что все свежее, здоровое должно было устраниваться.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 162

Научно-технический прогресс и проблемы занятости и безработицы

В борьбе капитала и земельной собственности против труда оба первых элемента имеют перед трудом ещё одно особое преимущество — помощь науки, ибо при нынешних отношениях и она направлена против труда. Например, почти все механические изобретения, в особенности бумагопрядильные машины Харгривса, Кромптона и Аркрайта, были вызваны недостатком в рабочей силе. Усиленный спрос на труд всегда влѣк за собой изобретения, которые значительно увеличивали силу труда и потому уменьшали спрос на человеческий труд. История Англии с 1770 г. до наших дней — непрерывное тому доказательство. Последнее крупное изобретение в бумагопрядении — селфактор — было вызвано исключительно спросом на труд и ростом заработной платы; оно удвоило работу машин и тем наполовину сократило ручной труд, лишило половину рабочих работы и в результате этого понизило заработную плату другой половины; оно уничтожило сговор рабочих против фабрикантов и разрушило тот последний остаток силы, который ещё позволял труду выдерживать неравную борьбу против капитала (ср. д-р Юр, «Философия фабрики», т. II¹⁵). Экономист, правда, говорит, что в конечном результате машины выгодны для рабочих, так как они удешевляют производство и потому создают для своих продуктов новый, более широкий рынок и что, таким образом, машины, в конце концов, снова дают занятие рабочим, оставшимся без работы. Совершенно верно; но почему же экономист здесь забывает, что производство рабочей силы регулируется конкуренцией, что рабочая сила всегда давит на средства занятости, что, следовательно, к тому времени, когда должны наступить эти выгоды, опять окажется налицо избыточное число конкурирующих, ищущих работы, и тем самым выгода станет призрачной, тогда как невыгода — внезапное лишение средств существования для одной половины рабочих и падение заработной платы для другой — отнюдь не призрачна? Почему экономист забывает, что прогресс изобретений никогда не останавливается, что, стало быть, эта невыгода увековечивается? Почему он забывает, что при бесконечно возросшем в результате нашей цивилизации разделении труда, рабочий может существовать лишь в том случае, если он может найти применение своим силам на данной определённой машине для данной определённой частичной работы; что переход от одного занятия к другому, новому, почти всегда совершенно невозможен для взрослого рабочего?

Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 570—571

Производительность труда каждого отдельного рабочего, доведенная до своего максимума конкуренцией рабочих между собой, разделение труда, введение машин, использование сил природы, — все это оставляет без работы множество рабочих. Эти безработные перестают существовать для рынка; они уже ничего не могут покупать, и то количество товаров, которое им раньше требовалось, больше не находит спроса и поэтому его уже не надо производить; занятые ранее изготовлением этих товаров рабочие тоже

остаются без работы, уже не существуют для рынка, и так дело идет все дальше, тем же круговоротом, или, вернее, так дело шло бы, если бы не было других привходящих обстоятельств. Введение в промышленность рассмотренных выше средств, увеличивающих продукцию, приводит с течением времени к снижению цен на произведенные товары и тем самым к росту их потребления, вследствие чего значительная часть безработных рабочих, разумеется после долгих страданий, находит себе, наконец, применение в новых отраслях труда. Если сюда присоединяется еще, как это было в Англии в течение последних шестидесяти лет, завоевание чужих рынков, вследствие чего спрос на промышленные товары быстро и непрерывно растет, то растет и спрос на рабочих, а с ним в той же пропорции увеличивается и население. Таким образом, вместо того чтобы сократиться, население Великобритании поразительно быстро увеличилось и продолжает увеличиваться; и несмотря на непрестанное развитие промышленности, несмотря на растущий в общем и целом спрос на рабочие руки, в Англии, по признанию официальных партий (т. е. тори, вигов и радикалов), постоянно имеется избыточное, не находящее себе применения население, и конкуренция *между* рабочими в общем преобладает над конкуренцией *из-за* рабочих.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 317

История хлопчатобумажной промышленности, изложенная Юром *, Бейнсом ** и др., на каждой странице повествует о все новых и новых усовершенствованиях, большинство которых было введено и в остальных упомянутых отраслях текстильной промышленности. Ручной труд почти везде вытеснен машиной, почти все операции производятся силой воды или пара, и каждый год приносит все новые усовершенствования.

При правильно организованном социальном строе все эти усовершенствования можно было бы только приветствовать; но там, где бушует война всех против всех, отдельные лица присваивают себе всю выгоду и тем самым отнимают средства существования у большинства. Каждое усовершенствование в машине отнимает у рабочих кусок хлеба, и чем значительнее это усовершенствование, тем более многочисленная категория рабочих остается без работы; каждое усовершенствование, следовательно, влечет за собой для известного числа рабочих такие же последствия, как торговый кризис, т. е. нужду, нищету и преступления. Приведем несколько примеров. Хотя бы самое первое изобретение — прялка дженни (см. выше), приводимая в движение одним рабочим, производила по меньшей мере в шесть раз больше, чем могла произвести обыкновенная прялка за то же время, то каждая новая дженни оставляла без работы пять прядильщиков. Ватер-машина, производившая еще значительно больше, чем дженни, и тоже требовавшая только одного рабочего, лишила заработка еще больше людей. Мюль-машина, которая требовала еще меньше рабочих, сравнительно с количеством продукции, оказывала такое же действие, и каждое ее усовершенствование, т. е. каждое увеличение числа веретен, снова сокращало число необходимых рабочих рук. Это увеличение числа веретен на мюль-машине уже настолько значительно, что лишало работы множество рабочих: если раньше один прядильщик с несколькими детьми (присучальщиками) приводил в движение 600 веретен, то теперь он получил возможность наблюдать за двумя мюль-машинами, насчитывающими от 1400 до 2000 веретен, и два взрослых прядильщика и часть занятых при них подручных оказались без работы. А с тех пор как на значительном числе прядильных фабрик введены сельфакторы, роль прядильщика совершенно свелась на нет, и ее выполняет машина. Передо мной книга, составленная признанным лидером чартистов в Манчестере Джемсом Личем ***. Автор

* «The Cotton Manufacture of Great Britain». By Dr. A. Ure. 1836 [Д-р Э. Юр. «Хлопчатобумажная промышленность Великобритании». 1836].

** «History of the Cotton Manufacture of Great Britain». By E. Baines, Esq. [Э. Бейнс. «История хлопчатобумажной промышленности Великобритании»].

*** «Stubborn Facts from the Factories». By a Manchester Operative. Published and dedicated to the Working Classes by Wm. Rashleigh, M. P. London, Ollivier, 1844, p. 28 ff. [«Неопровержимые факты о фабриках, сообщаемые манчестерским рабочим». Издано и посвящено рабочему классу членом парламента У. Рашли. Лондон, Олливер, 1844, стр. 28 и сл.].

работал в течение многих лет в различных отраслях промышленности, на фабриках и в угольных копях и лично известен мне как человек честный, надежный и дельный. Благодаря своему партийному положению, он имел под рукой множество подробнейших сведений относительно различных фабрик, — сведений, собранных самими рабочими; он приводит таблицы, из которых видно, что в 1829 г. на 35 фабриках было занято на 1060 прядильщиков больше, чем в 1841 г., хотя число веретен на этих 35 фабриках увеличилось за это время на 99 239. Он приводит далее пять фабрик, на которых нет более ни одного прядильщика, так как там используются только сельфакторы. В то время как число веретен увеличилось на 10 %, число прядильщиков уменьшилось на 60 % и больше. — А с 1841 г., — добавляет Лич, — было введено столько усовершенствований путем удвоения рядов веретен (*double decking*) и т. п., что на некоторых из указанных фабрик с 1841 г. снова половина прядильщиков была уволена; только на одной фабрике, где еще очень недавно работало 80 прядильщиков, число их сократилось до 20, остальные уволили или заставляют выполнять работу детей за детскую заработную плату. Такие же сведения Лич сообщает относительно Стокпорта, где в 1835 г. было занято 800 прядильщиков, а в 1843 г. только 140, хотя промышленность в этом городе за эти 8—9 лет значительно развилась. В чесальных машинах были введены за последнее время такого же рода усовершенствования, и это лишило заработка половину рабочих. На одной фабрике установлены усовершенствованные тростильные машины, вследствие чего из восьми девушек четыре остались без работы, а остальным четырем фабрикант понизил плату с 8 до 7 шиллингов. То же произошло и в ткацкой промышленности. Механический ткацкий станок отвоёвал у ручного станка одну за другой все области ткачества, а поскольку он производит гораздо больше, чем ручной станок, и один рабочий может наблюдать за работой двух механических станков, то и здесь множество рабочих осталось без работы. И во всех отраслях фабричного производства, в прядении льна и шерсти, в обработке шёлка, произошло то же самое; механический ткацкий станок начинает даже завоевывать отдельные участки в производстве шерстяных и льняных тканей; в одном Рочдейле на выделке фланели и других шерстяных тканей занято больше механических ткацких станков, чем ручных. — Буржуазия на это обычно отвечает, что усовершенствование машин, уменьшая издержки производства, ведет к снижению цен на готовые изделия, а снижение цен ведет к такому росту потребления, что лишившиеся заработка рабочие скоро могут снова найти занятие на вновь возникших фабриках. Буржуазия, конечно, совершенно права в том, что при известных условиях, благоприятствующих общему промышленному развитию, каждое снижение цен на товары, изготовляемые из *дешевого* сырья, значительно увеличивает потребление и влечет за собой создание новых фабрик; но в остальном в ее утверждениях нет ни слова правды. Она вовсе не считается с тем, что должно пройти много лет, прежде чем скажутся последствия снижения цен и будут выстроены новые фабрики. Она умалчивает о том, что в результате всех усовершенствований машин действительная, требующая физического напряжения работа все более и более переносится на машину и работа взрослых мужчин таким образом сводится к простому наблюдению, которое вполне могут осуществлять и слабосильная женщина и ребенок, получающие за это в два или даже в три раза меньшую плату, что, следовательно, взрослые рабочие все более и более вытесняются из промышленности и *не находят вновь* работы, несмотря на расширение производства. . .

Если машины и принесли какую-нибудь пользу рабочим, то только тем, что доказали им необходимость такого социального преобразования, которое заставит машины работать уже *не во вред*, а *на пользу* рабочим. Пусть мудрые господа буржуа спросят у подметальщиков улиц в Манчестере или еще где-нибудь (теперь, правда, и это уже позади, так как и для этого изобретены и применяются машины), пусть спросят у тех, кто продает на улице соль, спички, апельсины, шнурки для ботинок и т. п. или вынужден просить милостыню, кем они были раньше, и многие из них ответят: фабричными рабочими, которых машины лишили работы. Усовершенствование машин при современных социальных условиях может иметь для рабочих только неблагоприятные и часто очень тяжелые последствия; каждая новая машина приносит с собой безработицу, нужду и нищету, а в такой стране, как Англия, где и без того почти всегда имеется «избыточное население», увольнение с работы в большинстве случаев является худшим из того, что

может постигнуть рабочего. Нечего говорить о том, какое деморализующее, обескураживающее действие оказывает эта неуверенность в завтрашнем дне, вытекающая из непрерывного развития техники и связанной с ним безработицы, на рабочего, положение которого и без того уже достаточно шатко! Чтобы не впасть в отчаяние, рабочему и здесь остается только два пути: внутренний и внешний протест против буржуазии, или пьянство и вообще беспутство. И английские рабочие прибегают и к первому, и ко второму, История английского пролетариата повествует о сотнях бунтов против машин и против буржуазии вообще. . .

Присмотримся поближе к тому факту, что развитие машинного производства все более и более вытесняет работу взрослых мужчин. Работа при машинах, как прядильных, так и ткацких, сводится главным образом к связыванию разорванных нитей, а все остальное делает машина; для этой работы не требуется никакой силы, зато требуется большая гибкость пальцев. Вот почему взрослые мужчины для этого не только не нужны, но даже, вследствие более сильного развития мышц и костей их рук, менее пригодны, чем женщины и дети, и потому из этой отрасли труда они почти совершенно вытеснены. Таким образом, по мере того как деятельность рук и мускульное напряжение заменяется, с введением машин, силой воды или пара, необходимость использовать взрослых мужчин отпадает, а так как женщины и дети не только получают более низкую плату, но, как уже сказано, более пригодны к этой работе, чем мужчины, то они и занимают их место. В прядильнях при ватер-машинах работают только женщины и девушки, при мюль-машинах — один взрослый мужчина-прядильщик (который с применением селфакторов становится излишним) и несколько присучальщиков для связывания нитей, большей частью женщин и детей, порой молодых мужчин 18—20 лет, иногда старых, лишившихся работы прядильщиков *. У механических ткацких станков работают большей частью женщины от 15 до 20 лет и старше, иногда и мужчины, которые, однако, редко остаются при этом занятии после двадцати одного года. В прядильнях у ровничных машин тоже встречаются только женщины, в крайнем случае несколько мужчин бывают заняты точкой и чистой чесальных машин. Кроме того на всех фабриках находят работу еще известное число детей, занятых сниманием и насаживанием шпулек (doffers), несколько взрослых мужчин-надсмотрщиков в мастерской, один механик и один машинист для обслуживания паровой машины, а также плотники, сторожа и т. п. Но основная работа производится женщинами и детьми. Фабриканты отрицают также и это и даже обнародовали в прошлом году обстоятельные таблицы, которые должны были доказать, что машины вовсе не вытесняют взрослых мужчин. Из этих таблиц явствует, что женщины составляют более половины (52 %) всех фабричных рабочих, мужчины около 48 % и что более половины всех этих рабочих старше 18 лет. Все это действительно так, но господа фабриканты предусмотрительно не сообщают нам, сколько же взрослых рабочих было мужского пола и сколько — женского, а в этом все дело.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 365—368, 370, 371—373

Нам осталось еще рассмотреть только одну отрасль металлической промышленности — *производство машин*. Оно распространено главным образом в фабричных округах и в особенности в Ланкашире. Особенность этой отрасли производства заключается в том, что машины изготавливаются машинами же, таким образом снова разрушается последнее убежище рабочих, вытесненных из других отраслей, — работа по изготовлению тех самых машин, которые отняли у них хлеб. Строгальные и сверлильные машины, машины для изготовления винтов, колес, гаек и т. д., механические токарные

---

* «В некоторых отраслях хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире положение вещей в отношении заработной платы стало очень запутанным: сотни молодых мужчин от 20 до 30 лет выполняют работу присучальщиков или какую-нибудь другую, зарабатывая не более 8—9 шилл. в неделю, между тем как на той же фабрике дети 13 лет зарабатывают по 5 шилл., а молодые девушки от 16 до 20 лет по 10—12 шилл. в неделю». Отчет фабричного инспектора Л. Хорнера, октябрь 1844 года.

станки и здесь вытеснили массу рабочих, имевших раньше хороший и постоянный заработок, а теперь оставшихся без работы; таких безработных можно видеть в Манчестере в большом количестве.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 430

В 1829 г. в Манчестере имелось 1088 прядильщиков, которые работали на 36 фабриках. В 1841 г. прядильщиков насчитывалось уже только 448, и эти рабочие обслуживали на 53 353 веретена больше, чем 1088 прядильщиков в 1829 году. Если бы количество применяемого ручного труда возрастало соответственно развитию производительных сил, то число рабочих должно было бы дойти до 1848; следовательно, усовершенствования, сделанные в области машинной техники, оставили без работы 1100 рабочих.

Мы заранее знаем ответ экономистов. Эти оставшиеся без работы люди, скажут они, найдут себе другое занятие. На конгрессе экономистов д-р Боуринг не преминул привести этот аргумент, но не преминул при этом опровергнуть самого себя.

В 1835 г. д-р Боуринг произнес в палате общин речь на тему о 50 000 лондонских ткачей, уже в течение долгого времени гибнущих от голода в бесплодных поисках того нового занятия, перспективой получения которого тешат их фритредеры.

Маркс К. Речь о свободе торговли, произнесенная на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации 9 января 1848 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 412

Итак, в той же мере, в какой труд перестает доставлять удовлетворение, становится все более отталкивающим, — в той же самой мере конкуренция увеличивается, а заработная плата уменьшается. Рабочий пытается отстоять общую сумму своей заработной платы тем, что больше трудится: работает большее число часов или изготавливает больше в течение одного часа. Подгоняемый нуждой, он, таким образом, еще больше усиливает губительные последствия разделения труда. Результат таков: *чем больше он работает, тем меньшую плату он получает;* и это по той простой причине, что чем больше он работает, тем более сильную конкуренцию он создает своим товарищам по работе и потому превращает своих товарищей в конкурентов самому себе, в конкурентов, которые предлагают себя на таких же плохих условиях, как и он сам; следовательно, по той простой причине, что он в конечном счете создает конкуренцию *самому себе, самому себе как члену рабочего класса.*

Машины производят то же самое действие, но в гораздо большем масштабе, так как они вытесняют искусных рабочих малонискусными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми, так как машины там, где они вводятся впервые, массами выбрасывают на улицу рабочих ручного труда, а там, где машины усовершенствуются, улучшаются, заменяются более производительными машинами, они вытесняют отдельные группы рабочих. Мы бегло обрисовали выше промышленную войну капиталистов между собой. *Эта война имеет ту особенность, что здесь сражения выигрываются не столько путем увеличения армии рабочих, сколько путем уменьшения ее. Полководцы, капиталисты состязаются между собой в том, кто сможет уволить большее число промышленных солдат.*

Правда, экономисты рассказывают нам, будто рабочие, ставшие благодаря машинам излишними, находят работу в новых отраслях промышленности.

Они не осмеливаются прямо утверждать, что в новых отраслях труда находят себе пристанище те же самые рабочие, которые были уволены. Факты слишком громко вопиют против такой лжи. Они, собственно, только утверждают, что новые средства занятости открываются для *других составных частей рабочего класса*, например, для той части молодого поколения рабочих, которая уже была готова вступить в погибшую отрасль промышленности. Это, конечно, большое утешение для обездоленных рабочих.

У господ капиталистов не будет недостатка в свежих, пригодных для эксплуатации мускулах и крови, и они предоставляют мертвым погребать своих мертвецов. Это — утешение, которое буржуа находят скорее для самих себя, чем для рабочих. Ведь если бы машины уничтожили весь класс наемных рабочих, — какие ужасные времена настали бы для капитала, который без наемного труда перестает быть капиталом!

Допустим, однако, что как рабочие, непосредственно вытесненные машинами, так и вся та часть молодого поколения, которая уже рассчитывала на заработок в данной отрасли, *находят себе новую работу*. Можно ли поверить, что новая работа будет оплачиваться так же высоко, как потерянная? *Это противоречило бы всем экономическим законам*. Мы видели, что современная промышленность несет с собой постоянную замену более сложной и высшей работы упрощенной, низшей.

Как же в таком случае масса рабочих, вытесненных машинами из одной отрасли промышленности, может найти пристанище в другой отрасли иначе, как при условии *низшей, худшей оплаты?*

Как на исключение, указывали на рабочих, занятых производством самих машин. Поскольку, мол, в промышленности требуется и потребляется больше машин, число их неизбежно должно увеличиваться, стало быть должно увеличиваться и производство машин, а вместе с тем и число занятых в этом производстве рабочих; а ведь рабочие, занятые в этой отрасли промышленности, принадлежат к числу квалифицированных, более того — образованных рабочих.

С 1840 г. это утверждение, уже и прежде верное лишь наполовину, утратило всякую тень правдоподобия, так как для производства машин все более всесторонне применяются машины, не больше и не меньше, чем при производстве хлопчатобумажной пряжи, и рабочие, занятые в производстве машин, по сравнению с весьма совершенными машинами могут играть только роль весьма несовершенных машин.

Но вместо одного вытесненного машиной мужчины фабрика дает работу, быть может, *троим* детям и *одной* женщине! А разве заработной платы мужчины не должно было хватать для прокормления троих детей и жены? Разве минимум заработной платы не должен был быть достаточным для поддержания и размножения рода? Что же в таком случае доказывают эти излюбленные буржуазные фразы? Только одно: что теперь веро больше рабочих жизнью, чем прежде.

Маркс К. *Наемный труд и капитал*. —
Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд.,
т. 6, с. 456—458

Таким образом, изобретение машин и использование сил природы высвобождают капитал и людей (рабочих) и создают вместе с высвободившимся капиталом высвободившиеся руки («свободные руки», как выражается Стюарт^{1b}), а это приводит к тому, [736] что создаются новые сферы производства или же происходит расширение старых сфер производства, увеличение в них масштаба производства.

Мельник на свой высвободившийся капитал будет строить новые мельницы или отдаст этот капитал в ссуду, если сам он не сможет затратить его в качестве капитала.

Но при всех обстоятельствах здесь нет налицо никакого фонда, «предназначенного» для десяти уволенных рабочих. Мы еще вернемся* к выступающей тут перед нами нелепой предпосылке о том, что если введение машин (или использование сил природы) не уменьшает массы жизненных средств, могущих служить заработной платой (как это отчасти имеет место в сельском хозяйстве, когда лошади вытесняют людей или когда скотоводство вытесняет хлебопашество), то высвободившийся указанным выше образом фонд необходимо должен быть израсходован в виде переменного капитала (как будто невозможен вывоз жизненных средств за границу или они не могут быть затрачены на непроизводительных работников, или заработная плата не может повыситься в тех или

* См. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 618—626. *Ред.*

иных сферах производства, и т. п.) и должен быть затрачен как раз на уволенных рабочих. Машины постоянно создают относительное перенаселение, резервную армию рабочих, что весьма увеличивает власть капитала.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 11, с. 614—615

Апологетическая буржуазная трактовка вопроса о машинах не отрицает вообще,

1) что машины постоянно — то здесь, то там — делают избыточным часть населения, выбрасывают часть рабочих на улицу. Перенаселение (а отсюда и снижение — то здесь, то там — заработной платы в тех или иных сферах производства) получается не потому, что население увеличивается быстрее, чем жизненные средства, а потому, что быстрое возрастание количества жизненных средств, вызванное введением машин, позволяет вводить еще больше машин и *вследствие этого* уменьшает *непосредственный спрос на труд*. Таким образом, перенаселение возникает не потому, что уменьшается общественный фонд, а потому, что в результате возрастания этого фонда относительно уменьшается та часть его, которая расходуется на заработную плату.

2) Еще меньше эта апологетика отрицает порабощение самих рабочих машинного труда и нищету вытесненных машинами и гибнущих рабочих ручного труда или ремесленников.

Апологетика эта утверждает — и отчасти правильно — *[во-первых]*, что благодаря машинам (вообще благодаря развитию производительной силы труда) чистый доход (прибыль и рента) так возрастает, что у буржуа появляется потребность в большем количестве *домашней прислуги*, чем раньше; если раньше ему из своего продукта приходилось больше затрачивать на производительный труд, то теперь он может больше расходувать на непроизводительный труд, и в результате этого число слуг и других работников, живущих на средства непроизводительного класса, увеличивается. Нечего сказать, великолепная перспектива — это прогрессирующее превращение части рабочих в слуг. Столь же утешительно для рабочих и то, что в результате возрастания чистого продукта для непроизводительного труда открывается больше сфер деятельности, представители которых потребляют продукт производительных рабочих и более или менее одинаково с непосредственно эксплуатирующими классами заинтересованы в эксплуатации этих производительных рабочих.

Во-вторых, буржуазная апологетика утверждает, что в результате того стимула к накоплению, который порождается новыми условиями производства, требующими меньше живого труда в сравнении с прошлым трудом, в производство втягиваются также и вытесненные, пауперизированные рабочие или, по крайней мере, та часть прироста населения, [745] которая должна была бы занять их место; это происходит вследствие расширения производства либо на самих машиностроительных предприятиях, либо в тех связанных с машиностроением отраслях производства, которые сделались необходимыми и возникли благодаря машиностроению, либо в новых областях применения труда, открываемых новым капиталом и удовлетворяющих новые потребности. Такова вторая великолепная перспектива: рабочий класс вынужден терпеть все «временные неудобства» — безработицу, перемещение труда и капитала из одной сферы производства в другую, — *но при всем том наемному труду конца не наступает; напротив, наемный труд воспроизводится в постоянно увеличивающихся размерах, абсолютно возрастаая, хотя и уменьшаясь относительно, в сравнении с возрастающим совокупным капиталом, который его применяет.*

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 11, с. 633—634

Там, где на основе машин создаются *новые отрасли производства*, там, конечно, не может быть и речи о замещении рабочих машинами. Но подобный случай вообще может иметь место только тогда, когда машины уже получили распространение, — в более развитый период основанного на машинах способа производства, но даже в этот

период всегда лишь в ничтожно малых масштабах, будем ли мы сравнивать продукты этих новых отраслей с теми товарами, в производстве которых человеческий труд вытесняется машинами, или с теми товарами, которые замещают товары, ранее производившиеся одним только ручным трудом.

Самым первым всегда является *применение машин* в таких отраслях, в которых до этого производство велось ремесленным или мануфактурным способом. Тем самым машина выступает как исходящее из капиталистического способа производства *революционизирующее* начало в способе производства вообще. Как только была основана *механическая фабрика*, целью становятся постоянные *усовершенствования машин*; эти усовершенствования либо подчиняют системе машин те звенья фабрики, которые пока еще не были ей подчинены, либо уменьшают число занятых рабочих, либо труд взрослых рабочих замещают женским и детским трудом, либо, наконец, в большей степени, чем в мануфактуре (и потому это непосредственно ощущается рабочими), увеличивают производительную силу одного и того же количества рабочих и поэтому *относительно* уменьшают число рабочих, требуемое для производства определенной массы товаров.

Формула применения машин заключается не в относительном уменьшении *отдельного рабочего дня*, его необходимой части, а в сокращении *числа рабочих*, т. е. совокупного рабочего дня, составленного из многих одновременных рабочих дней, его необходимой части; иными словами, в том, чтобы выбросить, ликвидировать определенное число рабочих как излишних для производства прибавочного труда, не говоря уже об уничтожении развившейся благодаря разделению труда специализации и о происходящем в результате этого обесценении рабочей силы. Прошлый труд — и общественная комбинация труда — сознательно используются здесь как средства делать живой труд излишним. В условиях другой формы необходимое рабочее время есть та основа, на которой развивается прибавочный труд. Здесь же, напротив, высчитывают, как, обладая определенным количеством необходимого труда, можно получить определенное количество прибавочного труда.

Противоположность между капиталом и наемным трудом развивается здесь до полного противоречия, так как капитал выступает не только как средство обесценения живой рабочей силы, но также и как средство превращения ее в *излишнюю*: либо — для определенных процессов — в полностью излишнюю, либо же — как общий случай — *сокращая ее до минимального количества*.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 547—548

Основанная на системе машин фабрика постоянно отталкивает рабочих в качестве *необходимых* и вновь притягивает вытолкнутых рабочих к функциям, установленным самой машиной. Если, например, из 50 рабочих 40 вытолкнуто, то решительно ничто не мешает тому, чтобы 40 рабочих вновь были притянуты, но теперь уже на основе нового уровня производства. Однако более подробное рассмотрение этого касается соотношений между переменным и постоянным капиталом, которые здесь не подлежат разбору. Странный страх экономистов перед тем, чтобы показать, что *в конце концов* базирующаяся на применении машин крупная промышленность все снова и снова поглощает избыточное население, является комичным. Они хотят сначала доказать, что машины хороши, так как они сберегают труд, а затем — что они опять-таки хороши, так как не сберегают его, а тот ручной труд, который они замещают в одном месте, они вновь вызывают к жизни в качестве ручного труда в другом месте. [XX—1261] Буржуазная политическая экономия в утешение рабочих ссылается в особенности на такие вспомогательные работы, которые не выполняются машинами, но становятся необходимыми в результате применения машин. Утешение, стало быть, заключается в том, что машины лишь по видимости устраняют тяжелый труд, а в действительности наряду со старыми создают лишь новые формы этого труда. Иными словами, поскольку речь идет о рабочих, занятых на самой механической фабрике, это утешение заключается в том, что несмотря на машины — и несмотря на увеличившуюся в результате примене-

ния машин мучительность труда отдельного [машинного] рабочего — количество рабочих, обреченных на вышеупомянутый тяжелый труд, увеличивается. Впрочем, здесь не место более подробно рассматривать этот вопрос, так как он предполагает исследования относительно реального движения капитала, которые здесь еще невозможны. Однако приведенные мною выше примеры достаточно ярко иллюстрируют то обстоятельство, что машины могут действовать в обоих направлениях. Точно так же здесь нет необходимости подробнее показывать, каким образом в земледелии должна преобладать тенденция машин к тому, чтобы делать население избыточным не только временно, но также и абсолютно.

Вместе с системой машин — и основанной на ней механической фабрикой — господство прошлого труда над живым становится не только социальной истиной, выраженной в отношении между капиталистом и рабочим, но и, так сказать, *технологической истиной*.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 551—552

Средство труда, выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего *. Самовозрастание капитала при помощи машин прямо пропорционально числу рабочих, у которых они разрушают условия существования. Вся система капиталистического производства основывается на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар. Разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием. Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и ее меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя подобно тому, как никто не берет изъятые из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже ее стоимости. Говорят, будто большим утешением для пауперизованных рабочих должно служить то обстоятельство, что, с одной стороны, их страдания только «временные» («a temporary inconvenience»), а с другой стороны — машина ведь лишь постепенно овладевает всем полем производства, благодаря чему уменьшаются размах и интенсивность ее разрушительного действия. Одно утешение побивается другим. Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хроническую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер. Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2¹/₂ пенса в день **. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели

* «Машины и труд находятся в постоянной конкуренции» (Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 479).

** До проведения закона о бедных 1833 г. конкуренция между ручным ткачеством и машинным ткачеством затягивалась в Англии из-за того, что вспомоществованиями от приходов пополняли заработную плату, упавшую далеко ниже минимума. «В 1827 г. его преподобие Тёрнер был ректором в Уилмслоу в Чешире, фабричном округе. Вопросы комитета по делам эмиграции и ответы Тёрнера показывают, каким образом поддерживалась конкуренция ручного труда против машин. Вопрос: «Не вытеснено ли применение ручных станков применением механических станков?» Ответ: «Несомненно; оно было бы вытеснено в еще большей степени, чем это наблюдается в действительности, если бы ручные ткачи не имели возможности соглашаться на понижение заработной платы». Вопрос: «Но, соглашаясь на это, они нанимаются за плату, недостаточную для их существования, и рассчитывают на поддержку прихода, чтобы, покрыть дефицит в средствах существования?» Ответ: «Да, конкуренция между ручным станком и механическим станком фактически поддерживается налогом в пользу бедных». Итак, униженный пауперизм или эмиграция — вот благодеяния, которыми трудящиеся обязаны введению машин. Из уважаемых и до некоторой степени независимых

острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834—1835 годах: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания». Впрочем, «временное» действие машин оказывается постоянным, потому что они завоевывают все новые и новые сферы производства.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 440—442

Целый ряд буржуазных экономистов, как Джемс Милль, Мак-Куллох, Торренс, Сениор, Джон Стюарт Милль, утверждают, что все машины, вытесняющие рабочих, постоянно и необходимо высвобождают в то же время соответствующий капитал, который даст работу этим самым вытесненным рабочим*.

Предположим, что капиталист применяет 100 рабочих, например в обойной мануфактуре, причем каждый получает по 30 ф. ст. в год. Следовательно, ежегодно пускаемый в оборот капиталистом переменный капитал составляет 3000 фунтов стерлингов. Допустим, что 50 рабочих он увольняет, а остальных 50 занимает при помощи машин, которые стоят ему 1500 фунтов стерлингов. Для упрощения мы оставяем в стороне здания, уголь и т. д. Предположим далее, что ежегодно потребляемый сырой материал стоит по-прежнему 3000 фунтов стерлингов**. «Высвободился» ли благодаря этой перемене какой-нибудь капитал? При старом способе ведения дела вся пущенная в оборот сумма в 6000 ф. ст. состояла наполовину из постоянного и наполовину из переменного капитала. Теперь она состоит из 4500 ф. ст. (3000 ф. ст. в сыром материале и 1500 ф. ст. в машинах) постоянного и 1500 ф. ст. переменного капитала. Переменная, или превращенная в живую рабочую силу, часть капитала составляет уже не половину, а лишь $\frac{1}{4}$ всего капитала. Вместо высвобождения здесь происходит связывание капитала в такой форме, в которой он перестает обмениваться на рабочую силу, т. е. происходит превращение переменного капитала в постоянный. Теперь капитал в 6000 ф. ст. при прочих равных условиях не может занимать более 50 рабочих. С каждым усовершенствованием машин он занимает все меньше и меньше рабочих. Если бы вновь вводимые машины стоили меньше, чем вытесненные ими рабочая сила и орудия труда, например вместо 1500 только 1000 ф. ст., то переменный капитал в 1000 ф. ст. превратился бы в постоянный капитал, т. е. был бы связан, а капитал в 500 ф. ст. высвободился бы. Предполагая, что годовая заработная плата остается прежняя, этот капитал образовал бы фонд для занятия примерно 16 рабочих, — между тем как уволено 50, — и даже много меньше, чем 16 рабочих, так как для превращения этих 500 ф. ст. в капитал часть их придется превратить в постоянный капитал и, следовательно, только остальную часть можно будет превратить в рабочую силу.

Но допустим даже, что производство новых машин даст работу большему числу механиков; может ли это послужить компенсацией для выброшенных на мостовую обойщиков? В лучшем случае изготовление машин потребует рабочих меньше, чем вытесняется применением машин. Сумма в 1500 ф. ст., которая представляла только заработную плату уволенных обойщиков, теперь, в форме машин, представляет: 1) стоимость средств производства, необходимых для изготовления машин; 2) заработную плату изготовляющих их механиков; 3) достоящуюся «хозяину» последних прибавочную стоимость. Далее: раз машина готова, ее не приходится обновлять до самой ее смерти.

мастеровых их низводят до положения раболопных босяков, живущих униженным хлебом благотворительности. Вот что называют «временным страданием» («A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Co-operation», London, 1834, p. 29).

* Рикардо первоначально разделял это воззрение, но позже с характеризующим его научным беспристрастием и любовью к истине отказался от него. См. *David Ricardo*. «Principles of Political Economy», гл. XXXI «О машинах».

** NB. Я привожу иллюстрацию совершенно в стиле названных выше экономистов.

Следовательно, для того чтобы добавочное число механиков могло получать постоянные занятия, необходимо, чтобы фабриканты обоев один за другим заменяли рабочих машинами.

Впрочем, упомянутые апологеты и не имеют в виду такого рода высвобождение капитала. Они имеют в виду жизненные средства высвободившихся рабочих. Нельзя отрицать, например, что в приведенном выше случае машины не только высвобождают 50 рабочих и тем самым делают их «свободными», но одновременно и прекращают их связь с жизненными средствами стоимостью в 1500 ф. ст. и таким образом «высвобождают» эти жизненные средства. Итак, тот простой и отнюдь не новый факт, что машины освобождают рабочего от жизненных средств, на языке экономистов означает, что машины освобождают жизненные средства для рабочего, или превращают их в капитал, который применяет рабочий. Как видим, все дело в способе выражения. *Nominibus tollige licet mala*¹⁷.

По этой теории, жизненные средства стоимостью в 1500 ф. ст. были капиталом, который увеличивал свою стоимость посредством труда пятидесяти уволенных обойщиков. Следовательно, этот капитал утрачивает свое занятие, раз пятьдесят человек увольняются, и не может успокоиться до тех пор, пока не найдет нового «приложения», при котором эти пятьдесят рабочих снова получают возможность производительно потреблять его. Итак, рано или поздно капитал и рабочие снова должны соединиться, и тогда компенсация налицо. Следовательно, страдания рабочих, вытесняемых машинами, столь же преходящи, как и богатства этого мира. . .

. . . Конечно, рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать занятия в какой-либо другой. Если они находят такое и если таким образом вновь восстанавливается связь между ними и жизненными средствами, которые были освобождены вместе с ними, то это происходит при посредстве нового, дополнительного капитала, ищущего применения, а отнюдь не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращен в машины. Но если даже и так, то как ничтожны все же их перспективы! Искалеченные разделением труда, эти бедняги столь мало стоят вне своей старой сферы деятельности, что они имеют доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные и плохо оплачиваемые отрасли труда*. Далее, каждая отрасль промышленности ежегодно притягивает новый поток людей, который доставляет ей необходимый контингент для регулярного замещения и роста. Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определенной отрасли промышленности, контингент заместителей тоже перераспределяется заново и поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные жертвы по большей части опускаются и гибнут в переходное время.

Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за то, что они «освобождают» рабочего от жизненных средств. Они удешевляют и увеличивают продукт в той отрасли, которой они овладевают, и сначала оставляют без изменения массу жизненных средств, производимую в других отраслях промышленности. Следовательно, после введения машин, как и до него, в распоряжении общества находилось все такое же или большее количество жизненных средств для высвобожденных рабочих, если оставить в стороне огромную часть годового продукта, которая расточается неработающими. И в этом — *pointe* [зацепка] экономической апологетики! . . .

Хотя машины неизбежно вытесняют рабочих из тех отраслей труда, в которых они введены, однако они могут вызвать увеличение занятости в других отраслях труда. Но это действие не имеет ничего общего с так называемой теорией компенсации. Так как всякий машинный продукт, например один аршин машинной ткани, дешевле, чем вытесненный им однородный продукт ручного труда, то получается следующий абсолютный

* Один рикардиец, полемизируя против нелепостей Ж. Б. Сэя, замечает по этому поводу: «При развитии разделении труда искусство рабочего может найти себе применение только в той особой сфере, в которой он приобрел выучку; сам рабочий является своего рода машинной. Поэтому абсолютно ничему не поможет попугайская болтовня, что вещам свойственна тенденция отыскивать свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они в течение долгого времени не могут найти своего уровня и что если они находят его, то он оказывается ниже, чем был в начале процесса» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.». London, 1821, p. 72).

закон: если общее количество товаров, произведенных машинным способом, остается равным общему количеству замещенных ими товаров, производившихся ремесленным или мануфактурным способом, то общая сумма прилагаемого труда уменьшается. То увеличение труда, которое обусловливается производством самих средств труда, — машин, угля и т. д., — должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта. Однако общая масса товаров, производимых при помощи машин сократившимся количеством рабочих, не только не остается без изменения, но, напротив, вырастает до размеров, далеко превышающих общую массу вытесненных ремесленных товаров. Предположим, что 400 000 аршин машинной ткани производятся меньшим количеством рабочих, чем 100 000 аршин ручной ткани. В учетверенном продукте заключается и учетверенное количество сырого материала. Следовательно, производство сырого материала должно учетвериться. Что касается потребленных средств труда, например зданий, угля, машин и т. д., то пределы, в которых может возрасти дополнительный труд, необходимый для их производства, изменяются сообразно разности между теми массами продукта, которые при одном и том же числе рабочих могут быть произведены машинным способом, с одной стороны, и ручным способом — с другой.

Поэтому с расширением машинного производства в одной отрасли промышленности увеличивается производство прежде всего и в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства. Насколько благодаря этому возрастает масса занятых рабочих, это зависит при данной продолжительности рабочего дня и интенсивности труда от строения употребляемых капиталов, т. е. от отношения между их постоянными и переменными составными частями. Это отношение, в свою очередь, значительно варьирует в зависимости от того, в какой мере машины уже овладели или овладевают данной отраслью промышленности. Число рабочих, обреченных на работу в угольных копях и рудниках, колоссально возросло с развитием применения машин в Англии, хотя это возрастание в последние десятилетия замедляется применением в горном деле новых машин*. Вместе с машиной появляется новый вид рабочих — производители машин. Мы уже знаем, что машинное производство все в большей мере овладевает и этой отраслью производства**. Далее, что касается сырого материала***, то не подлежит, например, никакому сомнению, что бурное развитие бумагопрядения не только форсировало возделывание хлопка в Соединенных Штатах, а вместе с тем и африканскую работорговлю, но и сделало размножение негров главным занятием так называемых пограничных рабовладельческих штатов. В 1790 г., когда в Соединенных Штатах была произведена первая перепись рабов, число их составляло 697 000, а в 1861 г. уже примерно четыре миллиона. С другой стороны, не менее верно, что расцвет механических шерстяных фабрик вместе с прогрессирующим превращением пахотной земли в пастбища для овец вызвал массовое изгнание сельскохозяйственных рабочих и превращение их в «избыточных». В Ирландии еще в настоящее время совершается этот процесс, — ее население, уменьшившееся после 1845 г. почти наполовину, низводится до размеров, точно соответствующих потребностям ее лендлордов и господ английских шерстяных фабрикантов. . .

Прямо на основе машинного производства или же на основе соответствующего ему общего промышленного переворота образуются совершенно новые отрасли производства, а потому и новые сферы труда. Однако их удельный вес в общем производстве

* По переписи 1861 г. (т. II, Лондон, 1863) число рабочих, занятых в угольных копях Англии и Уэльса, составляло 246 613, в том числе 73 546 до 20-летнего и 173 067 старше 20-летнего возраста. К первой рубрике принадлежит 835 человек 5—10 лет, 30 701 — от 10 до 15 лет, 42 010 — от 15 до 19 лет. Число занятых в железных, медных, свинцовых, оловянных и других рудниках — 319 222.

** В Англии и Уэльсе в 1861 г. производством машин было занято 60 807 лиц, считая в том числе и фабрикантов вместе с их приказчиками и т. д., ditto [а также] всех агентов и торговцев этой отрасли. Напротив, исключены производители сравнительно более мелких машин, например, швейных и т. д., а также производители инструментов для рабочих машин, например, веретен и т. д. Число всех гражданских инженеров составляло 3 329.

*** Так как железо — один из важнейших сырых материалов, то здесь стоит отметить, что в 1861 г. в Англии и Уэльсе был 125 771 железолитейщик, в том числе 123 430 мужчин, 2 341 женщина. В числе первых 30 810 до 20 лет и 92 620 старше 20 лет.

нельзя признать значительным даже в наиболее развитых странах. Число занятых в них рабочих увеличивается в соответствии с тем, насколько воспроизводится потребность в самом грубом ручном труде. Главными отраслями промышленности этого рода в настоящее время можно считать газовые заводы, телеграфию, фотографию, пароходное и железнодорожное дело. . .

Все находящиеся в здравом уме представители политической экономии признают, что когда вводится вновь машина, это действует как чума на рабочих тех традиционных ремесел и мануфактур, с которыми она прежде всего вступает в конкуренцию. Почти все они оплакивают рабство фабричного рабочего. Но каков тот главный козырь, который все они пускают в ход? Это то, что машины после всех ужасов, относящихся к периоду их введения и развития, в конечном счете не уменьшают, а увеличивают число рабов труда! Да, политическая экономия упивается отвратительной теоремой, — отвратительной для всякого «филантропа», который верит в вечность и естественную необходимость капиталистического способа производства, — теоремой, согласно которой даже фабрика, уже основанная на машинном производстве, после определенного периода роста, по окончании более или менее продолжительного «переходного времени», начинает терзать большее число рабочих, чем то, которое первоначально она выбросила на мостовую! *

Правда, некоторые примеры — хотя бы английских камвольных и шелковых фабрик — показывают, что на известной ступени развития чрезвычайное расширение фабричных отраслей может сопровождаться не только относительным, но и абсолютным уменьшением числа занятых рабочих. . . В некоторых эмпирически данных случаях увеличение числа занятых фабричных рабочих является только кажущимся, т. е. оно вызвано не расширением фабрик, в основе которых уже лежит машинное производство, а постепенным присоединением к ним побочных отраслей. Например, увеличение числа механических ткацких станков и занятых при них фабричных рабочих в период 1838—1856 гг. было вызвано в (английском) хлопчатобумажном производстве просто расширением этой отрасли; напротив, на других фабриках оно было обязано применению паровой силы к ткацким станкам, с помощью которых изготавливаются ковры, ленты, холст и т. д. и которые до того времени приводились в движение мускульной силой человека **. Следовательно, увеличение числа этих фабричных рабочих было просто выражением уменьшения общего числа занятых рабочих. Наконец, мы здесь совершенно не останавливаемся на том, что повсюду, за исключением металлических фабрик, подростки (до 18 лет), женщины и дети составляют значительное большинство фабричного персонала.

Тем не менее понятно, что несмотря на массу рабочих, фактически вытесняемых или потенциально замещаемых машинами, число фабричных рабочих вследствие роста самого машинного производства, который находит себе выражение в увеличении числа одинаковых фабрик или в увеличении размеров уже существующих фабрик, — может в конце концов оказаться больше числа вытесненных мануфактурных рабочих или ремесленников.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 448—449, 450—451, 452—454, 456, 457—458, 459

* Напротив, Ганиль окончательным результатом машинного производства признает абсолютное уменьшение числа рабов труда, за счет которых затем кормится и развивает свою «perfectibilité perficible» [«способную к усовершенствованию способность к усовершенствованию»] возросшее число «gens honnêts» [«порядочных людей»]. Как ни плохо понимает Ганиль движение производства, он чувствует, по крайней мере, что машины — весьма роковая вещь, раз введение их превращает занятых рабочих в пауперов, а развитие их вызывает к жизни больше рабов труда, чем они убили. Кретинизм его собственной точки зрения можно выразить только его собственными словами: «Классы, обреченные на то, чтобы производить и потреблять, уменьшаются в своей численности, а те классы, которые управляют трудом, которые дают всему населению облегчение, утешение и просвещение, увеличиваются... и присваивают себе все блага, являющиеся результатом уменьшения издержек труда, изобилия продуктов и удешевления предметов потребления. В этом направлении род человеческий поднимается до высших творений гения, проникает в таинственные глубины религии, создает спасительные принципы морали» (которые заключаются в том, чтобы «присваивать все блага» и т. д.), «законы для защиты свободы» (свободы для «классов, обреченных производить»?) «и власти, послушания и справедливости, долга и гуманности». Эта тарабарщина находится в книге: *Ch. Ganiilh. «Des Systèmes d'Economie Politique etc.»*, 2ème éd. Paris, 1821, t. I, p. 224. Ср. там же, стр. 212.

** «Reports etc. for 31st October 1856», p. 16.

Колоссальная скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Жизнь промышленности превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и зстоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает занятость, а следовательно, и жизненное положение рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла. За исключением периодов процветания, между капиталистами свирепствует ожесточенная борьба за их индивидуальное место на рынке. Их доля на рынке прямо пропорциональна дешевизне продуктов. Кроме вызываемого этим соперничества в употреблении усовершенствованных машин, замещающих рабочую силу, и новых методов производства, всякий раз наступает такой момент, когда удешевления товаров стремятся достигнуть посредством насильственного понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы*.

Следовательно, возрастание числа фабричных рабочих обуславливается относительно гораздо более быстрым возрастанием всего капитала, вложенного в фабрики. Но этот процесс совершается лишь в пределах периодов прилива и отлива промышленного цикла. Кроме того, он постоянно прерывается техническим прогрессом, который то замещает рабочих потенциально, то вытесняет их фактически. Такие качественные изменения в машинном производстве постоянно удаляют рабочих с фабрики или запирают фабричные ворота перед новым потоком рекрутов, между тем как просто количественное расширение фабрик поглощает кроме выброшенных и новый контингент рабочих. Таким образом, рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются то сюда, то туда, и это сопровождается постоянными изменениями пола, возраста и искусства вербуемых рабочих.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 464—465

Если употребление машин в земледелии по большей части свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему**, то зато оно, как позже мы покажем это подробнее, действует здесь еще интенсивнее в направлении превращения рабочих в «избыточных» и не встречает при этом какого-либо сопротивления. В графствах Кембридж и Суффолк, например, площадь обрабатываемой земли

* В воззвании рабочих, выброшенных на мостовую «локаутом» сапожных фабрикантов в Лестере, к профессиональным обществам Англии, июль 1866 г., между прочим, говорится: «Лет 20 тому назад в сапожном деле Лестера совершился переворот вследствие того, что вместо шитья введено скрепление гвоздями. Тогда можно было получать хорошие заработки. Скоро это новое дело сильно расширилось. Между различными фирмами, которые производят наиболее изящный товар, началась сильная конкуренция. Но вскоре возникла вслед за тем конкуренция худшего рода — стремление побить друг друга на рынке низкой ценой (undersell). Вредные последствия скоро обнаружили в понижении заработной платы, и понижение цены труда совершалось с такой стремительной быстротой, что многие фирмы платят теперь всего половину первоначальной заработной платы. И хотя заработная плата падает все ниже и ниже, прибыль при каждом изменении расценок труда, по-видимому, возрастает». — Даже неблагоприятными периодами промышленности фабриканты пользуются для того, чтобы путем чрезмерного понижения заработной платы, т. е. прямой кражей самых необходимых жизненных средств рабочего, добиться чрезвычайной прибыли. Вот пример. Дело идет о кризисе шелкоткачества в Ковентри: «Из показаний, полученных мной как от фабрикантов, так и от рабочих, с несомненностью следует, что заработная плата понижена в большей мере, чем это вынуждалось конкуренцией иностранных производителей и другими обстоятельствами. Большинство ткачей работает за плату, пониженную на 30—40 %. Кусок ленты, за который ткач пять лет тому назад получал 6—7 шилл., теперь дает ему только 3 шилл. 3 пенса или 3 шилл. 6 пенсов; другая работа, за которую раньше платили 4 шилл. и 4 шилл. 3 пенса, теперь дает только 2 шилл. или 2 шилл. 3 пенса. Заработная плата понижена больше, чем необходимо было для оживления спроса. В действительности для многих видов лент понижение заработной платы не сопровождалось даже каким бы то ни было понижением цены товара» (Отчет члена комиссии Ф. Д. Лонджа в «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 114, № 1).

** Подробное описание машин, применяемых в английском земледелии, дается в работе: Dr. W. Hamm. «Die Landwirtschaftlichen Geräte und Maschinen Englands», 2. Aufl., 1956. В своем очерке развития английского земледелия г-н Гамм слишком некритически следует за г-ном Леонсом де Лавернем. {К 4 изданию. Конечно, эта работа теперь устарела. Ф. Э.}

за последние двадцать лет сильно увеличилась, между тем как сельское население за тот же период уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Соединенных Штатах Северной Америки сельскохозяйственные машины замещают рабочих пока только потенциальных, т. е. они дают производителю возможность обрабатывать большую площадь, но не прогоняют фактически занятых рабочих. В Англии и Уэльсе число лиц, принимающих участие в производстве сельскохозяйственных машин, составляло в 1861 г. 1034, между тем как число сельскохозяйственных рабочих, занятых при паровых и рабочих машинах, составляло всего лишь 1205.

В сфере земледелия крупная промышленность действует с наибольшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который соединял друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 513—514

Производство относительного перенаселения или высвобождение рабочих идет поэтому еще быстрее, чем и без того ускоряемый прогрессом накопления технический переворот производственного процесса и соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и силе действия, все в убывающей степени становятся средством занятости рабочих, то самое это отношение модифицируется еще и тем, что, по мере возрастания производительной силы труда, капитал создает увеличенное предложение труда быстрее, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает ряды его резервов, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает их к чрезмерному труду и подчинению диктату капитала. Обречение одной части рабочего класса на вынужденную праздность посредством чрезмерного труда другой его части, и наоборот, становится средством обогащения отдельных капиталистов* и в то же время ускоряет производство промышленной резервной армии в масштабе, соответ-

* Даже во время хлопкового голода 1863 г. в одном памфлете хлопкопрядильщиков Блэкберна мы находим сильные жалобы на чрезмерный труд, который благодаря фабричному закону затрагивал, конечно, только взрослых рабочих мужского пола. «От взрослых рабочих этой фабрики требовали, чтобы они работали 12—13 часов в день, между тем как сотни людей вынуждены оставаться праздными и охотно согласились бы работать неполное время, только бы поддержать свои семьи и спасти своих товарищей от преждевременной смерти вследствие чрезмерного труда». «Мы», — говорится дальше, — «хотели бы спросить, оставляет ли эта практика сверхурочных работ какую-нибудь возможность сносных отношений между хозяевами и «слугами»? Жертвы чрезмерного труда так же чувствуют несправедливость, как и те, кто обречен им на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Если бы работа распределялась справедливо, ее в этом округе было бы достаточно для того, чтобы дать частичные занятия всем. Мы требуем только своего права, предлагая хозяевам повсеместно ввести неполное время работы, по крайней мере до тех пор, пока сохраняется настоящее положение вещей; между тем как теперь одна часть должна совершать чрезмерный труд, другая же за недостатком работы вынуждена влачить существование за счет благотворительности» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 8). — Автор «Essay on Trade and Commerce» со своим обычным непогрешимым буржуазным инстинктом понимает влияние относительного перенаселения на занятых рабочих. «Другая причина лениности (idleness) в этом королевстве заключается в нехватке числа рабочих рук. Как только вследствие необыкновенного спроса на какие-либо фабрикаты масса труда становится недостаточной, так рабочие начинают чувствовать свое собственное значение и хотят дать почувствовать его и своим хозяевам; это паразитально; но умы этих людей столь испорчены, что в таких случаях группы рабочих сговариваются с целью поставить своих хозяев в затруднительное положение тем, что они целый день лентяйничают» («An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 27, 28). Эти люди добивались именно повышения заработной платы.

ствующем прогрессу общественного накопления. Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, доказывает, например, Англия. Ее технические средства «сбережения» труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных».

В общем и целом всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютной численности рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова высвобождается.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 650—651

Благодаря развитию машинного производства, улучшениям в земледелии и т. д. для производства одного и того же количества продуктов требуется все меньше рабочих, и это усовершенствование, означающее образование излишка рабочих, идет быстрее, чем даже возрастание капитала. Что же делается с этим все возрастающим количеством рабочих? Они образуют промышленную резервную армию, которая во время плохого или среднего состояния дел оплачивается ниже стоимости ее труда, бывает занята нерегулярно или попадает под опеку общественной благотворительности, но которая, как это ясно видно на примере Англии, необходима классу капиталистов во время особо оживленного состояния дел. При всех обстоятельствах она служит для того, чтобы сокрушать силу сопротивления регулярно занятых рабочих и держать их заработную плату на низком уровне. «Чем больше общественное богатство... тем больше относительное перенаселение (избыточное население) или промышленная резервная армия. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной (регулярно занятой) рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, или те слои рабочих, нищета которых обратно пропорциональна мукам их труда*. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» (стр. 631) [659].

Энгельс Ф. Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Demokratisches Wochenblatt». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 247—248

Применение машин в сельском хозяйстве обуславливает постоянно возрастающий избыток населения, которое уже не может найти занятия. Приток этого избыточного населения в города оказывает постоянное давление на рынок труда, снижая заработную плату. Обстановка в лондонском Ист-Энде — один из примеров этого воздействия¹⁸.

Действительные последствия применения машин нагляднее всего выявляются в тех отраслях труда, где машины не применяются.

В заключение можно сказать, что в настоящее время применение машин ведет, с одной стороны, к ассоциированному организованному труду, а с другой стороны — к разрушению всех существовавших до сих пор общественных и семейных отношений.

Запись речи К. Маркса о праве наследования. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 584

* — в авторизованном французском переводе I тома «Капитала» это положение Маркс уточняет См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 659. *Ред.*

... Движущая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему непрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает вытеснение все большего и большего количества самих рабочих машинного труда и, в конечном счете, образование усиленного предложения рабочих рук, превышающего средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию... поступающую в распоряжение производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую в результате неизбежно следующего за этим краха; эта армия, постоянно висящая свинцовый гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится самым мощным боевым средством капитала против рабочего класса, что средство труда постоянно вырывает из рук рабочего жизненные средства и собственный продукт рабочего превращается в орудие его порабощения¹⁹. Это приводит к тому, что экономия на средствах труда с самого начала является, вместе с тем, беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда²⁰, что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство для того, чтобы обратить всю жизнь рабочего и его семьи в потенциальное рабочее время для увеличения стоимости капитала. Вот почему чрезмерный труд одной части рабочего класса обуславливает полную безработицу другой его части, а крупная промышленность, по всему свету гоняющаяся за потребителями, ограничивает у себя дома потребление рабочих масс голодным минимумом и таким образом подрывает свой собственный внутренний рынок. «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления капитала, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» (Маркс, «Капитал», стр. 671)²¹. Ждать от капиталистического способа производства иного распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 217—218

... Машины создают внутренний рынок для капитализма: во-1-х, рынок на средства производства (на продукты машиностроительной, горной промышленности и пр. и пр.) и, во-2-х, рынок на рабочую силу. Введение машин, как мы уже видели, ведет к замене отработков вольнонаемным трудом и к созданию батрацких крестьянских хозяйств. Массовое употребление с.-х. машин предполагает существование массы с.-х. наемных рабочих. В местностях с наиболее развитым земледельческим капитализмом этот процесс введения наемного труда наряду с введением машин перекрещивается другим процессом, именно: вытеснением наемных рабочих машиной. С одной стороны, образование крестьянской буржуазии и переход землевладельцев от отработков к капитализму создают спрос на наемных рабочих; с другой стороны, там, где уже давно хозяйство было основано на наемном труде, машины вытесняют наемных рабочих. Каков общий результат обоих процессов для всей России, т. е. увеличивается ли или уменьшается число

с.-х. наемных рабочих, — об этом нет точных и массовых статистических данных. Не подлежит сомнению, что до сих пор это число увеличивалось. . . Мы полагаем, что и теперь оно продолжает увеличиваться *: во-1-х, данные о вытеснении наемных рабочих в земледелии машинами имеются об одной Новороссии, а в других районах капиталистического земледелия (прибалтийский и западный край, восточные окраины, некоторые промышленные губернии) этот процесс не был еще констатирован в широких размерах. Остается еще громадный район с преобладанием отработков, и в этом районе введение машин создает спрос на наемных рабочих. Во-2-х, увеличение интенсивности земледелия (введение корнеплодов, напр.) увеличивает в громадных размерах спрос на наемный труд. . . Уменьшение абсолютного числа с.-х. наемных рабочих (в противоположность промышленным) должно наступить, конечно, на известной ступени развития капитализма, именно, когда сельское хозяйство всей страны организуется вполне капиталистически и употребление машин для самых различных операций земледелия делается всеобщим.

Что касается до Новороссии, то местные исследователи констатируют здесь обычные следствия высокоразвитого капитализма. Машины вытесняют наемных рабочих и создают в земледелии капиталистическую резервную армию. . .

Другим следствием употребления машин является усиленное применение женского и детского труда. . .

Машины увеличивают интенсивность труда рабочих. Например, наиболее распространенный вид жатвенных машин (с ручным сбрасыванием) получил характерное название «лобогреек» или «чубогреек», так как работа на ней требует от рабочего чрезвычайного напряжения: рабочий заменяет собой сбрасывающий аппарат. . . Точно так же увеличивается напряженность работы и при молотилках. Капиталистически употребляемая машина создает и здесь (как и везде) громадный импульс к удлинению рабочего дня. Появляется и в земледелии невиданная раньше работа ночью.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 227—230

. . . Русский капитализм не мог бы никогда развиваться до современной высоты, не мог бы просуществовать и года, если бы экспроприация мелких производителей не создавала многомиллионной массы наемных рабочих, готовых, по первому призыву, удовлетворить максимальный спрос предпринимателей в земледелии, в лесном и строительном деле, в торговле, в обрабатывающей, горной, транспортной промышленности и т. д. Мы говорим: максимальный спрос, — потому что капитализм может развиваться лишь скачками, а следовательно, количество нуждающихся в продаже рабочей силы производителей должно быть всегда выше среднего спроса капитализма на рабочих. Если мы подсчитали сейчас общее число разных разрядов наемных рабочих, то этим мы отнюдь не хотели сказать, что капитализм в состоянии постоянно занимать всех их. Такого постоянства занятий нет и не может быть в капиталистическом обществе, какой бы разряд наемных рабочих мы ни взяли. Из миллионов бродячих и оседлых рабочих известная доля постоянно остается в резерве безработных, и этот резерв то поднимается до громадных размеров в годы кризисов, или при упадке той или другой промышленности в известном районе, или при особенно быстром расширении машинного производства, вытесняющего рабочих, — то опускается до минимума, вызывая даже тот «недостаток» рабочих, на который нередко жалуются предприниматели отдельных отраслей промышленности в отдельные годы в отдельных районах страны. Определить хотя бы приблизительно количество безработных в средний год невозможно за полным отсутствием сколько-нибудь надежных статистических данных; но несомненно, что число это должно быть очень велико: об этом свидетельствуют и те громадные колебания капиталистической промышленности, торговли и земледелия, на которые было неоднократно указываемо выше, и те обычные дефициты в бюджетах крестьян низших

* Вряд ли требуется пояснять, что в стране с массой крестьянства абсолютное увеличение числа с.-х. наемных рабочих вполне совместимо не только с относительным, но и с абсолютным уменьшением сельского населения.

групп, которые констатирует земская статистика. Увеличение числа крестьян, выталкиваемых в ряды промышленного и сельского пролетариата, и увеличение спроса на наемный труд, это — две стороны одной медали. Что же касается до форм наемного труда, то они в высшей степени разнообразны в капиталистическом обществе, опутанном еще со всех сторон остатками и учреждениями докапиталистического режима. Было бы глубокой ошибкой игнорировать это разнообразие, и в эту ошибку впадают те, кто рассуждает, подобно г. В. В., что капитализм «отмежевал себе уголок в один — полтора миллиона рабочих и не выходит из него» *. Вместо капитализма — здесь является уже одна крупная машинная индустрия. Но как произвольно и как искусственно выгораживаются здесь эти 1½ млн. рабочих в особый «уголок», ничем будто бы не связанный с остальными областями наемного труда! На самом же деле связь эта очень тесна, и для характеристики ее достаточно сослаться на две основные черты современного хозяйственного строя. Во-1-х, в основе этого строя лежит денежное хозяйство. «Власть денег» проявляется с полной силой и в промышленности и в земледелии, и в городе и в деревне, но только в крупной машинной индустрии она достигает полного развития, вытесняет совершенно остатки патриархального хозяйства, концентрируется в небольшом числе гигантских учреждений (банков), связывается непосредственно с крупным общественным производством. Во-2-х, в основе современного хозяйственного строя лежит купля-продажа рабочей силы. Возьмите даже самых мелких производителей в земледелии или в промышленности, и вы увидите, что исключением является такой, который бы не нанимался сам или не нанимал других. Но опять-таки полного развития и полного отделения от прежних форм хозяйства эти отношения достигают только в крупной машинной индустрии. Поэтому тот «уголок», который кажется иному народнику таким незначительным, воплощает в себе, на самом деле, quintessenciu современных общественных отношений, а население этого «уголка», т. е. пролетариат, является, в буквальном смысле слова, одним только передним рядом, авангардом всей массы трудящихся и эксплуатируемых **. Поэтому, лишь рассматривая весь современный хозяйственный строй под углом отношений, сложившихся в этом «уголке», получаешь возможность разобраться в основных взаимоотношениях между различными группами участвующих в производстве лиц, а следовательно, и рассмотреть основное направление развития данного строя. Наборот, кто отворачивается от этого «уголка» и рассматривает хозяйственные явления под углом отношений мелкого патриархального производства, того ход истории превращает либо в невинного мечтателя, либо в идеолога мелкой буржуазии и аграриев.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 584—586

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступающих в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени.

Ленин В. И. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 65

* «Нов. Слово», 1896, № 6, стр. 21.

** *Mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями. *Ред.*), об отношении наемных работников в крупной машинной индустрии к остальным наемным работникам можно сказать то же самое, что говорят супруги Вебб об отношении тред-юнионистов в Англии к не-юнионистам. «Члены тред-юнионов составляют около 4 % всего населения... Тред-юнионы считают в своих рядах ок. 20 % взрослых мужчин-работников, живущих физическим трудом». Но «Die Gewerkschaftler... zählen in der Regel die Elite des Gewerbes in ihren Reihen. Der moralische und geistige Einfluss, den sie auf die Masse ihrer Berufsgenossen ausüben, steht deshalb ausser jedem Verhältniss zu ihrer numerischen Stärke» (S. & B. Webb: «Die Geschichte des britischen Trade Unionismus», Stuttgart, Dietz, 1895, S. S. 363, 365, 381) [«В состав тред-юнионов... входят, как правило, самые отборные группы рабочих каждой отрасли. Моральное и духовное влияние их на остальную массу рабочих, поэтому, совершенно непропорционально их численности» (С. и Б. Вебб: «История британского тред-юнионизма», Штутгарт, Дитц, 1895, стр. 363, 365, 381). *Ред.*].

Научно-технический прогресс и здоровье рабочих

Что рост юных рабочих задерживается трудом на фабрике — это подтверждено сотнями показаний. Так, Кауэлл, между прочим, приводит вес 46 семнадцатилетних юношей, учеников одной и той же воскресной школы: у 26 работавших на фабрике средний вес составлял 104,5 англ. фунтов, а у 20, тоже принадлежавших к рабочему классу, но работавших не на фабрике, средний вес был 117,7 англ. фунтов. Один из крупнейших манчестерских фабрикантов, вдохновитель борьбы фабрикантов против рабочих, если не ошибаюсь, Роберт Хайд Грег, сам однажды заявил, что, если так будет продолжаться, фабричные рабочие Ланкашира скоро превратятся в породу пигмеев *. Офицер, ведающий рекрутским набором (Тафнелл, стр. 59), заявляет, что фабричные рабочие мало пригодны для военной службы, что они худые и слабые и часто бракуются врачами. В Манчестере он с трудом находил мужчин ростом в 5 футов 8 дюймов, большинство имело только 5 футов 6—7 дюймов, между тем как в сельскохозяйственных округах большинство рекрутов имело 5 футов 8 дюймов (английский фут несколько меньше прусского, и эта разница составляет на 5 футов приблизительно 2 дюйма).

Под влиянием всех этих условий мужчины-рабочие очень быстро изнашиваются. Большинство к 40 годам уже неработоспособно, некоторые держатся до 45 лет и очень немногие — до 50. Помимо общей слабости организма неработоспособность вызывается еще отчасти ослаблением зрения — вследствие работы у мюль-машин, при которой рабочему постоянно приходится следить за длинным рядом тонких параллельных нитей, сильно напрягая при этом зрение. Из 1600 рабочих, занятых на нескольких фабриках в городах Харпере и Ланарке, только 10 человек были старше 45 лет; из 22 094 рабочих, занятых на различных фабриках в Стокпорте и Манчестере, только 143 человека были старше 45 лет. Из этих 143 человек 16 человек оставались на фабрике из особой милости, а один из них выполнял работу ребенка. В одном списке прядильщиков из 131 человека только семерым было больше 45 лет, и тем не менее фабрикант, у которого они просили работы, отказал им всем по причине «преклонного возраста». Из 50 прядильщиков, забракованных в Болтоне, только двум было больше 50 лет, а средний возраст остальных был ниже 40 лет, и тем не менее они остались без работы из-за, якобы, преклонного возраста! Крупный фабрикант Ашуэрт в письме к лорду Эшли сам признает, что к 40 годам прядильщик уже не в состоянии выработать установленное количество пряжи и потому «иногда» получает расчёт; сорокалетних рабочих он называет «стариками!» ** Такие же данные сообщает член комиссии Макинтош в отчете 1833 г.:

«Хотя я и был уже в известной степени к этому подготовлен, зная, в каких условиях работают дети, все же мне трудно было поверить, когда более пожилые рабочие сообщали мне свой возраст, настолько эти люди рано старятся».

Хирург Смелли из Глазго, пользующий главным образом фабричных рабочих, тоже утверждает, что 40 лет для них уже преклонный возраст (old age) (Стюарт, документы, стр. 101). О том же свидетельствуют Тафнелл, документы, стр. 3, 9, 15, и Хокинс, доклад, стр. 4, документы, стр. 14 и т. д. В Манчестере эта ранняя старость рабочих настолько обычное явление, что почти все сорокалетние мужчины выглядят на десять-пятнадцать лет старше, тогда как и мужчины и женщины из состоятельных классов сохраняются очень хорошо, если только они не слишком много пьют. . .

В отделениях для ватер-машин хлопчатобумажной фабрики в Манчестере, на которой я служил, не было, насколько я припоминаю, ни одной высокой, стройной девушки; все они были малы ростом, плохо развиты, узкогруды, очень некрасивого телосложения. Помимо всех этих заболеваний и уродств рабочим наносятся также увечья другого рода. Работа возле машин сопровождается множеством несчастных случаев, более или менее серьезных, в результате которых рабочий кроме всего еще делается временно или окончательно нетрудоспособным. Чаще всего у рабочего бывает раздавлен сустав пальца, реже колесо захватывает и размалывает целый палец, кисть руки или всю руку и т. д. Очень частым следствием этих повреждений, даже пустяковых, является столбняк, кото-

* Слова эти заимствованы не из фабричного отчета.

** Все эти факты заимствованы из речи лорда Эшли (на заседании палаты общин 15 марта 1844 г.).

рый влечет за собой смерть. Наряду со множеством калек в Манчестере встречаешь также огромное число изувеченных: один лишился всей или половины руки, другой — ступни, у третьего нет половины ноги; так и кажется, что живешь среди инвалидов, вернувшихся с войны. Но самые опасные места машин — это приводные ремни, передающие двигательную силу от вала к отдельным машинам, особенно, если на этих ремнях есть пряжки, что теперь, впрочем, встречается редко. Подхваченного этими ремнями человека мгновенно увлекает вперед и с такой силой ударяет о потолок или пол, что ни одна кость не остается целой и смерть наступает немедленно. С 12 июня по 3 августа 1843 г. газета «Manchester Guardian» сообщила о следующих *серьезных* несчастных случаях (о более легких она даже не упоминает). 12 июня в Манчестере от столбняка умер мальчик, которому машина раздробила руку. — 16 июня в г. Садлуэрте подхваченный колесом подросток разбился насмерть. — 29 июня молодой человек, работавший на машиностроительном заводе в Гринейкерс-Муре близ Манчестера, попал под точильный камень, который сломал ему два ребра и сильно изуродовал его. — 24 июля в Олдеме погибла девушка, которую приводной ремень подхватил и перебросил пятьдесят раз, так что ни одна косточка не уцелела. — 27 июля в Манчестере девушка попала в трепальную машину (машина, производящая первичную обработку хлопко-сырца) и умерла от полученных ран. — 3 августа в Дакинфилде погиб подхваченный ремнем шпильный токарь: все ребра оказались переломанными. — В манчестерской больнице перебивало за один только 1843 г. 962 человека, израненных и искалеченных машинами, между тем как других несчастных случаев больницы зарегистрировала 2426, так что на пять несчастных случаев по другим причинам приходилось два несчастных случая, связанных с машинами. В это число не входят несчастные случаи, происшедшие в Солфорде, а также те, при которых помощь была оказана частными врачами. — При таких несчастных случаях, даже если они влекут за собой нетрудоспособность, фабриканты в лучшем случае оплачивают врачебную помощь и крайне редко выплачивают жалование, пока длится лечение; куда денется рабочий, который уже не может работать, им до этого и дела нет.

Фабричный отчет по этому поводу пишет, что во всех случаях ответственность следовало бы возлагать на фабриканта; ведь дети неспособны соблюдать меры предосторожности, а взрослые, разумеется, их соблюдают в своих же собственных интересах. Но составляли отчет буржуа, и потому они неизбежно сами себе противоречат и всячески разглагольствуют о «преступной неосторожности» (*culpable temerity*) рабочих. Это, конечно, ничего не меняет. Суть дела такова: раз дети не *могут* быть осторожными, значит, надо запретить труд детей; раз взрослые не *бывают* в достаточной степени осторожны, значит, либо они те же дети, т. е. стоят на такой ступени развития, которая не позволяет им понять всей грозящей им опасности, — а кто же виноват в этом, как не буржуазия, которая держит их в таком положении, что они не *могут* учиться и развиваться? — либо машины плохо устроены и их надо окружить барьерами и загородками, о чем, конечно, тоже должен был позаботиться буржуа, — либо рабочим руководят мотивы, более сильные, чем страх перед грозящей ему опасностью, — он должен работать быстро, чтобы заработать побольше денег, и у него нет времени быть осторожным и т. д., — и в этом случае тоже виноват буржуа. Многие несчастные случаи, например, происходят оттого, что рабочий начинает чистить машину, когда она еще на ходу. Почему же это? Потому, что буржуа заставляет рабочих чистить машины в нерабочее время, когда они стоят без движения, а рабочий, разумеется, вовсе не хочет, чтобы как-либо урезывали его свободное время. Каждый свободный час так дорог ему, что он предпочитает дважды в неделю подвергаться смертельной опасности, чем пожертвовать этот час буржуа. Заставьте фабриканта включить время, необходимое для чистки машин, в рабочее время, и ни одному рабочему уже в голову не придет чистить машины на ходу. Одним словом, во всех несчастных случаях вина в конечном счете падает на фабриканта, и самое меньшее, чего от него следовало бы требовать, это пожизненного обеспечения утратившего работоспособность рабочего, а в случае его смерти — обеспечения его семьи. На первых порах промышленного развития несчастные случаи бывали сравнительно гораздо чаще, чем теперь, потому что машины были хуже, меньше, размещались теснее и почти совсем не ограждались. Но, как показывают приведенные данные, число несчастных случаев все еще достаточно велико, чтобы заставить задуматься

серьезно над таким положением вещей, при котором, ради выгоды одного только класса, столько людей становятся калеками или увечными и столько трудолюбивых работников бывают осуждены на нужду и голод из-за несчастного случая, постигшего их на службе буржуазии и по ее вине.

Какую богатую коллекцию болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии! Женщины, неспособные рожать, дети-калеки, слабосильные мужчины, изуродованные члены, целые поколения, обреченные на гибель, изнуренные и хилые, — и все это только для того, чтобы набивать карманы буржуазии! Когда же читаешь об отдельных случаях этой варварской жестокости, о том, как надсмотрщики вытаскивают раздетых детей из постели и побоями загоняют их на фабрику с одеждой в руках (например, Стюарт, стр. 39 и др.), как они кулаками разгоняют детский сон, как дети тем не менее засыпают за работой, как несчастный ребенок, заснувший уже после остановки машины, при окрике надсмотрщика вскакивает и с закрытыми глазами проделывает обычные приемы своей работы; когда читаешь о том, как дети, слишком утомленные, чтобы уйти домой, забираются в сушильни и укладываются спать под шерстью, откуда их удается прогнать только ударами плетки; как сотни детей каждый вечер приходят домой настолько усталыми, что от сонливости и плохого аппетита уже не могут ужинать и родители находят их спящими на коленях у постелей, где они заснули во время молитвы; когда читаешь обо всем этом и о сотне других гнусностей и мерзостей, и читаешь об этом в отчете, все показания которого даны под присягой и подтверждены многими свидетелями, пользующимися доверием самой комиссии, когда подумаешь, что сам этот отчет — «либеральный», что это буржуазный отчет, составленный для того, чтобы опровергнуть предшествовавшие отчеты тори и доказать чистосердечие фабрикантов, когда вспомнишь, что сами члены комиссии на стороне буржуазии и записывали все показания против собственной воли, то нельзя не возмущаться, нельзя не возненавидеть этот класс, который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как его единственное стремление — любой ценой набить свой кошелек. Послушаем, однако, что говорит сама буржуазия устами своего избранного прислужника д-ра Юра.

Этот господин пишет в своей «Философии фабрики» на стр. 277 и следующих, что рабочим наговорили, будто получаемое ими вознаграждение никак не соответствует тем жертвам, которые они приносят, и что это нарушило добрые отношения между хозяевами и рабочими. Лучше было бы, чтобы рабочие старались зарекомендовать себя прилежанием и добросовестным отношением к делу и радовались успехам своих хозяев, они тогда тоже могли бы стать надсмотрщиками, управляющими и, наконец, даже компаньонами благодаря чему (о, мудрость, ты воркуешь, как голубь!) «на рынке сразу увеличился бы спрос на рабочие руки»!! — «Если бы рабочие не были такими беспокойными, *развитие фабричной системы имело бы еще более благотворные результаты*». Затем следует длинная иеремияда о строптивости рабочих, а по поводу забастовки наиболее хорошо оплачиваемых рабочих — тонкопрядильщиков — высказывается следующая наивная сентенция:

«Да, именно высокая оплата их труда дала им возможность содержать на жаловании свой комитет и довела их до нервной гипертрофии вследствие слишком обильного и возбуждающего при такой работе питания!» (стр. 298).

Послушаем, как этот буржуа рисует детский труд:

«Я посетил много фабрик в Манчестере и его окрестностях и нигде не видел, чтобы с детьми дурно обращались или подвергали их телесным наказаниям; не видел я также детей угрюмых; все они казались *веселыми* (cheerful), *оживленными, испытывающими удовлетворение* (taking pleasure) от легкого напряжения своих мышц и *наслаждающимися в полной мере* присущей их возрасту подвижностью. Зрелище производства далеко не возбуждало во мне печальных эмоций, а, напротив, всегда действовало на меня *ободряюще*. Было *наслаждением* (delightful) смотреть, с какой ловкостью они присучали порвавшиеся нити, когда каретка возвращалась, и наблюдать за ними в минуты их досуга, когда, поработав своими нежными пальчиками несколько секунд, они *забавлялись*, принимая всевозможные положения, пока происходило вытягивание и наматывание ниток. Работа этих *проворных* (lively) *эльфов* казалась *забавой*, в которой они проявляли большую ловкость благодаря навыку. Сознвая свою ловкость, они с удовольствием показывали ее каждому посетителю. Усталости не было и следа: покинув фабрику, они на первой же площадке для игр начинают резвиться с живостью школьников, вырвавшихся из школы».

(Еще бы, как будто движение всех мышц не является непосредственной потребностью организма, онемевшего и ослабевшего за работой! Но автору следовало бы подождать, чтобы посмотреть, не исчезнет ли это кратковременное возбуждение уже через несколько минут. Кроме того автор ведь мог это видеть только в *обед*, после пяти-или шестичасового труда, а не *вечером*!) — Что касается здоровья рабочих, то, чтобы доказать его превосходное состояние, этот буржуа имеет беспредельную наглость ссылаться на отчет 1833 г., который мы уже так много раз цитировали и приводили в выдержках. Отдельными, вырванными из контекста цитатами он пытается доказать, что среди рабочих не встречается и намек на золотуху и — это совершенно верно — что фабричная система избавила их от всяких острых заболеваний (о том, что она зато наградила их всеми хроническими болезнями, автор, конечно, умалчивает). Чтобы понять бесстыдство, с которым почтенный Юр преподносит английской публике самую грубую ложь, надо знать, что отчет состоит из трех толстых фолиантов и откормленному английскому буржуа и в голову не придет его штудировать.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 388—389, 392—396

Недавно изданные отчеты фабричных инспекторов за полугодие, истекшее 31 октября 1856 г.²², составляют ценный материал для изучения социальной анатомии Соединенного королевства. Они в немалой степени помогут объяснить реакционную позицию, занятую фабрикантами на нынешних всеобщих выборах.

Во время сессии 1856 г. через парламент контрабандой протащили фабричный акт, при помощи которого «радикальные» фабриканты, во-первых, изменили уже существующий закон в части, касающейся ограждения механических приводов и машин, и, во-вторых, ввели принцип арбитража при спорах между хозяевами и рабочими. Целью одного закона была якобы более действенная охрана жизни и безопасности фабричных рабочих; целью другого — подчинение этой охраны дешевым судам справедливости²³. На деле же этот последний закон должен был поставить фабричного рабочего вне закона, а первый — лишить его безопасности. Цитирую следующие слова из сводного отчета инспекторов:

«Согласно новому законодательному акту, лица, находящиеся в силу своих *обычных занятий* вблизи от механических приводов и, следовательно, хорошо знакомые как с опасностями, которые сопряжены с работой на приводах, так и с необходимостью принимать меры предосторожности, пользуются покровительством закона; но этого покровительства *лишены* те лица, которые могут оказаться вынужденными прервать свое обычное занятие ради исполнения специальных поручений и подвергнуть себя опасности, которой они не сознают и от которой в силу своего неведения они не могут себя предохранить, то есть как раз те лица, которые, казалось бы, нуждаются в специальной охране со стороны законодательства».

Статья об арбитраже, в свою очередь, предписывает, чтобы арбитры выбирались из лиц, «сведущих в конструкции того рода машин», которыми причинено физическое увечье. Одним словом, монополией арбитража наделяются инженеры и конструкторы машин.

«Нам кажется», — говорят инспектора, — «что инженеров и конструкторов машин следует рассматривать *как лиц, неправомочных* выполнять функции фабричных арбитров по причине их деловых связей с владельцами фабрик, так как они являются их клиентами».

Нет ничего удивительного в том, что при таких условиях число несчастных случаев, причиненных машинами, как-то: смерть, потеря кистей рук или целой руки, целой ноги или ступни, перелом конечностей, черепа и лицевых костей, ранения, ушибы и т. д. за полугодие, истекшее 31 октября 1856 г., составляет ужасающую цифру — 1919. В промышленном бюллетене за полгода зарегистрировано двадцать смертных случаев из-за машин — приблизительно в десять раз больше, чем потерял британский флот во время «славного» кантонского побоища²⁴.

Маркс К. Положение фабричных рабочих. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 189—190

В английских угольных шахтах еженедельно погибало в среднем 15 рабочих. В течение 10 лет, по 1861 год включительно, погибло около 10 000 человек, главным образом — вследствие подлой жадности владельцев угольных шахт. Это в порядке общего замечания. Капиталистическое производство выступает как наиболее экономичное — в определенных пределах, если отвлечься от всего процесса обращения и от чрезвычайной сложности торговых и денежных операций, проистекающей из его базиса, меновой стоимости, — по отношению к *овеществленному труду*, по отношению к труду, овеществленному в товарах. И в то же время капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению к человеку, к живому труду, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества.

Маркс К. *Экономическая рукопись 1861—1863 годов*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 186

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и расходов в связи с конкуренцией, относится крайне бережливо к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так как вся экономия, о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Р. Бейкером:

«Весь вопрос, заслуживающий серьезных размышлений, состоит в том, каким образом можно лучше всего избежать *обусловленного совместным трудом принесения в жертву детских жизней?*» («Reports of Insp. of Fact., 31 October 1863», p. 157).

Фабрики. Сюда относится отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Отсюда исходит большая часть боевых сводок о раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты). Для фабрик характерны также тесные помещения, плохая вентиляция и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Хорнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно подтверждается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти стоят недорого и никоим образом не мешают производству («Reports of Insp. of Fact., October 1855», p. 6). В своем сопротивлении этому и другим положениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны безвозмездно исполняющих обязанности мировых судей, которые, в большинстве случаев сами являясь фабрикантами или друзьями фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода.

Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии. Том третий*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 100—101

Экономия общественных средств производства, достигшая зрелости лишь в условиях благоприятного тепличного климата фабричной системы, вместе с тем превращается в руках капитала в систематический грабеж всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда: пространства, воздуха, света, а также всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или вредных для здоровья условий процесса производства, — о приспособлениях же для удобства рабочего нечего и говорить*.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 437

... Систематическое употребление машин ведет за собой травматизм сельскохозяйственных рабочих; работа девушек и детей при машинах ведет, естественно, к особенному обилию повреждений. ... Крупная машинная индустрия и в земледелии, как и в промышленности, с железной силой выдвигает требования общественного контроля и регулирования производства.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 230

Научно-технический прогресс и социальная структура капиталистического общества

... Возникшая промышленность лишь потому так разрослась, что она заменила инструменты машинами, мастерские фабриками и тем самым превратила трудовые элементы среднего класса в рабочих пролетариев, а прежних крупных торговцев в фабрикантов; она вытеснила мелкую буржуазию и свела все различия населения к противоположности между рабочими и капиталистами. И за пределами промышленности в узком смысле слова, в области ремесла и даже торговли произошло то же самое. Вместо прежних мастеров с их подмастерьями появились, с одной стороны, крупные капиталисты, с другой — рабочие, не имеющие никакой надежды подняться над положением своего класса; ремесло превратилось в фабричное производство, стало строго проводиться разделение труда, и мелкие мастера, не имевшие возможности конкурировать с крупными предприятиями, были оттеснены в ряды пролетариата. Но в то же время с уничтожением прежнего ремесленного производства, с исчезновением мелкой буржуазии для рабочего пропала всякая возможность самому стать буржуа. Прежде у него всегда была надежда обзавестись своей мастерской и впоследствии, может быть, нанять подмастерьев; теперь же, когда сами мастера вытеснились фабрикантами, когда для устройства самостоятельного дела появилась необходимость в больших капиталах, рабочий класс впервые действительно стал устойчивым классом населения, между тем как раньше положение рабочего нередко бывало лишь этапом на пути к положению буржуа. Теперь тот, кто родился рабочим, не имеет иных перспектив, как остаться им навсегда.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 257

---

* В первом отделе третьей книги я расскажу об относящемся к последнему времени походе английских фабрикантов против тех статей фабричного акта, которые имеют целью оградить конечности «рук» от машин, опасных для жизни. Здесь достаточно будет одной цитаты из официального отчета фабричного инспектора Леонарда Хорнера: «Я слышал, с какой непростительной легкостью отзываются фабриканты о некоторых несчастных случаях; например, потеря пальца, по их мнению, это — пустяк. В действительности жизнь и все виды на будущее у рабочего настолько зависят от его пальца, что такая потеря является для него в высшей степени серьезным событием. Слушая такую глупую болтовню, я спрашивал: «Допустим, что вам требуется дополнительный рабочий, и к вам пришли два рабочих, оба во всех остальных отношениях одинаково хороши, но у одного нет большого или указательного пальца; на котором же вы остановитесь?» Они без малейшего колебания высказывались за того, у которого все пальцы целы... У этих господ фабрикантов ложные предубеждения против того, что они называют псевдо-филантропическим законодательством» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855»). Эти господа — «рассудительные люди», и недаром они симпатизировали мятежу рабовладельцев.

Мы уже видели во «Введении», как одновременно с мелкой буржуазией и с жившими раньше в скромном достатке рабочими подверглось разорению и мелкое крестьянство, поскольку существовавшее раньше соединение промышленного и сельскохозяйственного труда оказалось уничтоженным, опустевшие мелкие участки сосредоточились в руках крупных арендаторов, а мелкие крестьяне были вытеснены подавляющей конкуренцией крупных хозяйств. Вместо того чтобы оставаться попрежнему земельными собственниками или арендаторами, мелкие крестьяне были вынуждены, забрасывая собственное хозяйство, пойти в батраки к крупным фермерам-арендаторам и к лендлордам. В течение известного времени их новое положение было хотя и хуже прежнего, но все же сносное. Развитие промышленности шло в ногу с приростом населения, но в дальнейшем это развитие несколько замедлилось, а непрерывное усовершенствование машин уже не позволяло промышленности поглощать весь избыток рабочего населения, притекавшего из сельскохозяйственных районов. С этого момента нищета, наблюдавшаяся раньше, и то только временами, в фабричных округах, появилась также и в сельскохозяйственных районах. . .

В результате «избыток» населения, находившийся прежде, выражаясь языком физики в скрытом состоянии, теперь высвободился, заработная плата упала, и налог в пользу бедных чрезвычайно возрос. С этого времени сельскохозяйственные округа стали очагами *хронического пауперизма*, а фабричные округа — очагами *периодического пауперизма*, и реформа законодательства о бедных была первой предпринятой правительством мерой против растущего с каждым днем обнищания сельских общин. Кроме того, вследствие применения молотилок и других машин, вызванного непрерывным развитием системы крупного хозяйства, а также вследствие использования на полевых работах женского и детского труда, который в настоящее время настолько распространен, что его последствия недавно стали даже предметом обследования особой официальной комиссии, и в этой отрасли появилось большое число безработных. Итак, мы видим, что и сюда проникла система промышленного производства, создавая крупные хозяйства, разрушая патриархальные отношения, — которые именно здесь имели большое значение, — вводя применение машин, паровых двигателей, женского и детского труда и вовлекая и эту, остававшуюся еще нетронутой, наиболее инертную часть трудящегося человечества в революционное движение. Но чем продолжительнее был застой в земледелии, тем тяжелее оказался удар, обрушившийся теперь на рабочих, тем сильнее сказалась здесь дезорганизация старого социального уклада. «Избыточное население» сразу выступило на свет божий и не могло быть поглощено расширением производства, как в промышленных округах. Всегда можно создать новую фабрику, если только есть покупатель для ее продукции, но новую землю создать нельзя, а обработка пустующих общинных земель была рискованным вложением средств и, после окончания войны, привлекала мало капиталов.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 482, 483—484

Феодальная аристократия — не единственный ниспровергнутый буржуазией класс, условия жизни которого в современном буржуазном обществе ухудшались и отмирали. Средневековое сословие горожан и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась — и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают уже видеть приближение того момента, когда с развитием крупной промышленности они совершенно исчезнут как самостоятельная часть современного общества и в торговле, промышленности и земледелии будут замещены надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей.

Но по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 449—450

... В той мере как возрастает производительный капитал, возрастает:

конкуренция между рабочими, потому что разделение труда упрощается, и всякая отрасль труда становится более доступной для каждого.

Конкуренция между ними возрастает, далее, потому, что им в такой же степени приходится конкурировать с машинами, и из-за машин они лишаются работы. Следовательно, концентрация и накопление производительного капитала, все более увеличивая масштабы производства — причем, далее, вследствие конкуренции предлагаемых капиталов, процент на капитал все более падает, —

влечет за собой следующее:

Мелкие промышленные предприятия гибнут и не могут выдерживать конкуренции с крупными. Целые слои класса буржуазии отбрасываются в ряды рабочего класса. Следовательно, конкуренция между рабочими увеличивается вследствие разорения мелких предпринимателей, неизбежно связанного с ростом производительного капитала.

И в то же время, так как размер процента понижается, мелкие капиталисты, прежде не принимавшие прямого участия в промышленности, вынуждены заняться промышленной деятельностью, т. е. пополнять ряды новых жертв крупной промышленности. Следовательно, и с этой стороны численность рабочего класса увеличивается, и конкуренция между рабочими усиливается.

Так как рост производительных сил вызывает увеличение масштаба труда, то временное перепроизводство становится все неизбежнее, мировой рынок все обширнее, при все более всеобщей конкуренции. Следовательно, кризисы становятся все более и более острыми. При столь внезапном средстве, побуждающем рабочих к вступлению в брак и к размножению, они скучиваются огромными массами, концентрируются, и их заработная плата все более и более колеблется. Следовательно, всякий новый кризис непосредственно вызывает значительное усиление конкуренции между рабочими.

В общем: рост производительных сил, с более быстрыми средствами сообщения, с ускоренным обращением, лихорадочным оборотом капитала, состоит в том, что в одно

и то же время может быть произведено больше, и следовательно, по закону конкуренции, должно быть произведено больше. Это означает, что производство происходит при все более тяжелых условиях, и для того, чтобы при этих условиях можно было выдержать конкуренцию, приходится работать во все большем масштабе, капитал все больше должен концентрироваться в руках немногих лиц. И для того, чтобы это производство в большем масштабе было выгодным, разделение труда и машинное производство должны развиваться непрерывно и несоразмерно.

*Маркс К. Заработная плата. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 593—594*

Введение машин и применение пара в промышленности произвело в Австрии, как и повсюду, переворот во всех прежних отношениях и условиях жизни целых классов общества; крепостных оно превратило в свободных людей, мелких земледельцев — в промышленных рабочих; оно подорвало старинные феодальные ремесленные корпорации и уничтожило средства существования многих из них. Новое торговое и промышленное население повсюду приходило в столкновение со старыми феодальными учреждениями. Буржуа, которых их дела все чаще заставляли выезжать за границу, привозили оттуда некоторые, звучавшие как сказка, сведения о цивилизованных странах по ту сторону таможенных застав империи; наконец, введение железных дорог ускорило как промышленное, так и духовное развитие страны.

*Энгельс Ф. Революция и контрреволюция
в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 8, с. 34*

Сначала довести население страны до пауперизма, а когда из нищих больше уже нельзя выжать никакой прибыли, когда они стали бременем, мешающим росту доходов, выгнать их вон и потом подсчитывать свой чистый доход! Такова ведь доктрина, изложенная Рикардо в его знаменитой работе «Начала политической экономии»²⁵. Предположим, говорит он, что капиталист получает ежегодную прибыль в 2 тысячи фунтов стерлингов. Не все ли ему равно, сто или тысяча рабочих заняты у него на работе? «Не так ли обстоит дело и с действительным доходом нации?» — спрашивает Рикардо. Если действительный чистый доход нации — земельная рента и прибыль — остается на одном уровне, то в конце концов безразлично, получен ли он от десяти миллионов или от двенадцати миллионов жителей. Сисмонди в своих «Новых началах политической экономии»²⁶ в ответ на это указывает, что, согласно такой точке зрения, для английской нации должно было бы быть совершенно безразлично, если бы исчезло все население и на острове остался бы один король (в то время царствовал король*, а не королева) при условии, что автоматические машины давали бы ему возможность получать ту же сумму *чистого дохода*, которую сегодня создает население в двадцать миллионов. И в самом деле «национальное богатство», являющееся здесь лишь грамматическим понятием, в данном случае несколько бы не уменьшилось. . .

Однако не только доведенные до нищеты жители зеленого Эрина** и горной Шотландии изгоняются в результате улучшений, вводимых в сельское хозяйство, и «крушения устаревшей общественной системы»; речь идет также не только о дюжих сельских рабочих Англии, Уэльса и равниной Шотландии, чье переселение оплачивают агенты по эмиграции; процесс «улучшений» захватывает ныне также другой класс, который был наиболее устойчивым классом Англии. Поразительное эмиграционное движение возникло среди английских мелких фермеров, особенно среди тех, кто арендует участки с тяжелой глинистой почвой. Плохие виды на урожай, недостаток капитала, необходимого для проведения на этих земельных участках значительных

* — Георг III. *Ред.*

** — древнее название Ирландии. *Ред.*

улучшений, которые дали бы им возможность платить прежнюю ренту, — все это не оставляет им иного выхода, кроме как отправиться за океан в поисках новой родины и новой земли. Я говорю здесь не об эмиграции, вызванной золотой лихорадкой, а о той вынужденной эмиграции, которая порождена лендлордизмом, концентрацией земельных участков, применением машин при обработке земли и введением в широких масштабах современной системы сельского хозяйства. . .

Избыток населения создается теперь отнюдь не в результате недостатка производительных сил; наоборот, именно рост производительных сил требует уменьшения населения и устраняет его избыточную часть при помощи голода или эмиграции. Не народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение.

Я не разделяю ни мнения Рикардо, считавшего «чистый доход» Молохом, которому должны быть принесены в жертву — и притом совершенно безропотно — целые народы, ни мнения Сисмонди, который во имя своей ипохондрической филантропии стремился насильственно сохранить отжившие методы ведения сельского хозяйства и изгнать науку из промышленности, подобно тому как Платон изгнал поэтов из своей республики²⁷. В обществе совершается бесшумная революция, которой приходится подчиняться и которая так же мало считается с человеческими жизнями, ставшими ее жертвами, как землетрясение с разрушаемыми им домами. Классы и народы, слишком слабые для того, чтобы справиться с новыми условиями жизни, обрекаются на гибель. Но что может быть более ребяческим и близоруким, чем взгляды тех экономистов, которые вполне серьезно полагают, что это плачевное переходное состояние не имеет иного смысла, кроме как приспособление общества к стяжательским наклонностям капиталистов, — как лендлордов, так и денежных магнатов? В Великобритании этот процесс проявляется наиболее явственно. Применение современных научных методов в производстве приводит к изгнанию жителей из сельских местностей и в то же время ведет к концентрации населения в промышленных городах.

«Агентам по эмиграции», — пишет «Economist», — «не пришлось оказывать поддержки промышленным рабочим, за исключением немногих ручных ткачей из Спиталфилдса и Пейсли, а на собственный счет эмигрировали лишь немногие или даже никто».

«Economist» отлично знает, что на собственный счет рабочие не могут эмигрировать, а промышленная буржуазия не станет оказывать им поддержки при эмиграции. К чему же это приводит? Сельское население, наиболее неподвижный и консервативный элемент современного общества, исчезает, в то время как промышленный пролетариат, именно в результате развития современного способа производства, сосредоточивается в крупнейших центрах, где вокруг собраны огромные производительные силы, история создания которых была до сих пор мартирологом трудящихся. Кто помешает последним сделать еще шаг вперед и овладеть этими силами, во власти которых они до сих пор находились? Какая сила сможет оказать им сопротивление? Нет такой силы! Бесплезно будет тогда ссылаться на «права собственности». Буржуазные экономисты сами признают, что современные изменения в способе производства уничтожили устаревшую общественную систему и ее способы присвоения. Эти изменения привели к *экспроприации* членов шотландского клана, ирландских поденщиков и арендаторов, английских йоменов, ручных ткачей, бесчисленного множества ремесленников, целых поколений фабричных детей и женщин. . .

Маркс К. Вынужденная эмиграция. — Кошут и Мадзини. — Вопрос об эмигрантах. — Избирательные подкупы в Англии. — Г-н Кобден. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 566, 567, 568—569

Основная масса наших сторонников в Саксонии состоит из ручных ткачей, которые обречены на гибель паровым ткацким станком и продолжают существовать еще кое-как только благодаря голодной заработной плате и подсобным занятиям (огородничество, вырезывание игрушек из дерева и т. д.). Положение этих людей экономически

реакционно, они представляют гибнущую ступень производства. Поэтому они, во всяком случае, не в такой степени природные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности. Это не значит, что они по своей природе реакционны (какими сделались *здесь* в конце концов, например, остатки ручных ткачей, составляющие ядро «консервативных рабочих»), но они все же не очень надежны, и в особенности потому, что из-за ужасного нищенского положения они обладают гораздо меньшей способностью к сопротивлению, чем городские рабочие, а их разбросанность позволяет политически поработить их с большей легкостью, чем жителей больших городов.

Энгельс Ф. — Эдуарду Бернштейну, 30 ноября 1881 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 193—194

Когда читаешь немецкие буржуазные газеты и парламентские речи, кажется, что живешь в Англии времен Генриха VII и Генриха VIII: те же причитания о бродягах, те же вопли о принудительном уничтожении бродяжничества, о тюрьмах и розгах. Это служит лучшим доказательством того, как быстро совершается отделение производителя от его средств производства, вытеснение мелкого производства машиной и усовершенствование машины. Но как смешны и презренны эти буржуа, которые стремятся посредством моральных проповедей и уголовных кар устранить необходимые последствия своей собственной деятельности!

Энгельс Ф. — Августу Бебелю, 7 марта 1883 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 379

Мы имеем то огромное преимущество, что промышленная революция у нас в полном разгаре, тогда как во Франции и в Англии она в основном уже завершена. Там разделение на город и деревню, на промышленные и сельскохозяйственные области достигло уже такой степени, что подвергается лишь медленным изменениям. Там люди в своей основной массе появляются на свет в тех условиях, в каких им придется впоследствии жить; они к этим условиям привыкли и даже колебания и кризисы считают чем-то почти само собой разумеющимся. К тому же — воспоминания о прежних неудавшихся попытках движения. У нас, наоборот, все еще течет и движется. Остатки старого промышленного производства крестьян, которое служило только удовлетворению собственных потребностей, вытесняются капиталистической домашней промышленностью, в то время как в других местах капиталистическая домашняя промышленность, в свою очередь, уступает место машинам. И именно природа нашей промышленности, ковыляющей позади других стран, делает революцию столь основательной. Так как массовое производство предметов широкого потребления и предметов роскоши уже захвачено англичанами и французами, то на долю нашей экспортной промышленности остается большей частью всякого рода мелочь, которая, однако, тоже потребляется широкими массами и производится сначала домашней промышленностью и лишь затем, когда производство становится массовым, — при помощи машин. Благодаря этому домашняя (капиталистическая) промышленность захватывает гораздо более обширные области и тем основательнее расчищает почву. Если исключить прусские земли к востоку от Эльбы, то есть Восточную и Западную Пруссию, Померанию, Познань и большую часть Бранденбурга, а также Старую Баварию*, то останется мало областей, где крестьянин не втягивался бы все больше и больше в домашнюю промышленность. Революционизированная таким путем территория становится у нас обширнее, чем где бы то ни было.

Далее. Вследствие того, что рабочий, занятый в домашней промышленности, обычно обрабатывает свой клочок земли, возникает возможность больше, чем где бы то ни было, снижать его заработную плату. То, что прежде было счастьем для мелкого люда — соединение земледелия с промышленной деятельностью, — становится теперь сильней-

* — наименование административных округов Баварии — Верхняя Бавария и Нижняя Бавария. *Ред.*

шим средством капиталистической эксплуатации. Участок земли под картофель, корова, клочок пашни позволяют рабочему продавать свою рабочую силу ниже ее цены; они *принуждают* к этому, потому что приковывают рабочего к клочку земли, который, однако, в состоянии его прокормить лишь частично. Отсюда наша промышленность приобретает способность экспортировать благодаря тому, что она в большинстве случаев дарит всю прибавочную стоимость покупателю, между тем как прибыль капиталиста образуется путем снижения нормальной заработной платы. Это в той или иной мере наблюдается во всякой сельской домашней промышленности, но нигде не выражено так резко, как у нас.

К тому же наш промышленный переворот, приведенный в движение революцией 1848 г. с ее буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), был в громадной степени ускорен благодаря 1) устранению внутренних преград в 1866—1870 гг. и 2) французским миллиардам, которые в конце концов должны были получить капиталистическое применение²⁸. Таким образом, мы достигли промышленного переворота более радикального и глубокого, развернувшегося на большем пространстве и более всеобъемлющего, чем в других странах, и имея при этом совершенно свежий, нетронутый, не деморализованный поражением пролетариат и, наконец, обладая — благодаря Марксу — таким пониманием причин экономического и политического развития и условий предстоящей революции, какого не было ни у кого из наших предшественников. Именно поэтому мы и *обязаны* победить.

Энгельс Ф. — Августу Бебелю, 11—12 декабря 1884 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 215—217

... Сельская домашняя промышленность и мануфактура, которые в силу своей распространенности стали важнейшей отраслью производства в Германии и вместе с тем все более и более революционизируют немецкое крестьянство, сами служат только первой ступенью для дальнейшего переворота. Как показал уже Маркс («Капитал», т. I, 3 изд., стр. 484—495²⁹), и для них на определенной ступени развития пробьет час гибели от машин и фабричного производства. И этот час, кажется, уже близок. Но уничтожение сельской домашней промышленности и мануфактуры машинами и фабричным производством означает в Германии уничтожение средств к существованию миллионов сельских производителей, экспроприацию почти половины немецкого мелкого крестьянства, превращение не только домашней промышленности в фабричную, но и крестьянского хозяйства в крупное капиталистическое земледелие и мелкого землевладения в крупные помещичьи хозяйства, означает промышленную и сельскохозяйственную революцию в интересах капитала и крупного землевладения за счет крестьян. Если Германии суждено проделать и этот переворот еще при старых общественных условиях, то он несомненно станет поворотным пунктом. Если до тех пор ни в какой другой стране рабочий класс не захватит инициативы, то атаку несомненно начнет Германия, и крестьянские сыны «славной боевой армии» окажут мужественную поддержку.

Таким образом, буржуазная и мелкобуржуазная утопия — дать каждому рабочему в собственность домик и приковать его таким путем на полуфеодалных началах к своему капиталисту — принимает теперь совершенно другой вид. Ее осуществление означает превращение всех мелких сельских домохозяев в рабочих домашней промышленности, уничтожение старой замкнутости и связанного с этим политического ничтожества мелких крестьян, вовлекаемых теперь в «социальный водоворот»; означает распространение промышленной революции на деревню, а тем самым, превращение самого неподвижного, самого консервативного класса населения в рассадник революции и в довершение всего — экспроприацию занятых в домашней промышленности крестьян при посредстве машин, которые насильственно толкают их на путь восстания.

Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 343—344

Война в Китае³⁰ нанесла старому Китаю смертельный удар. Замкнутость стала невозможной, внедрение железных дорог, паровых машин, электричества и крупной промышленности сделалось необходимостью уже из соображений военной обороны. Но вместе с тем происходит распад и старой экономической системы мелкого крестьянского хозяйства, когда каждая семья производила сама для себя и промышленные продукты, а следовательно, и всей старой общественной системы, допускавшей относительно высокую плотность населения. Миллионы окажутся выбитыми из колеи и будут вынуждены эмигрировать, эти миллионы найдут дорогу даже в Европу, и этот приток будет массовым. Но китайская конкуренция как у вас, так и у нас быстро приведет к крайнему обострению, коль скоро она станет массовой, и, таким образом, завоевание Китая капитализмом одновременно даст толчок к низвержению капитализма в Европе и Америке.

Энгельс Ф. — Фридриху Адольфу Зорге,
10 ноября 1894 г. Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 39, с. 259

Исходя из обычной идеи о противоречии капитализма «народному строю» и видя, что социал-демократы считают крупный капитализм прогрессивным явлением, что они хотят именно на него опираться для борьбы против современного грабительского режима, — наши радикалы³¹, без дальних рассуждений, обвиняют социал-демократов в игнорировании интересов массы крестьянского населения, в желании «выварить каждого мужика в фабричном котле» и т. д.

Основываются все эти рассуждения на том именно поразительно нелогичном и странном приеме, что о капитализме судят по тому, что он в действительности есть, а о деревне — по тому, чем она «может быть». Понятно, что нельзя лучше ответить на это, как показавши им *действительную* деревню, *действительную* ее экономику.

Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-экономической жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение *капитала*, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки. Когда вы сравниваете описания экономики крестьянства у наших радикалов с точными данными первоисточников о хозяйственной жизни деревни, вас поражает отсутствие в критикуемой системе воззрений места для той массы мелких торгашей, которые кишмя кишат на каждом таком рынке, всех этих шибав, ивашей и как там прозвали их еще местные крестьяне, всей той массы мелких эксплуататоров, которые хозяйничают на рынках и беспощадно гнетут трудящегося. Их обыкновенно просто отодвигают — «это-де уже не крестьяне, а торгаши». — Да, вы совершенно правы: это — «уже не крестьяне». Но попробуйте выделить в особую группу всех этих «торгашей», т. е., говоря точным политико-экономическим языком, тех, кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присваивает себе чужой труд, попробуйте выразить в точных данных экономическую силу этой группы и ее роль во всем хозяйстве района; попробуйте затем выделить в противоположную группу всех тех, кто тоже «уже не крестьянин», потому что несет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого, — попробуйте выполнить эти элементарные требования беспристрастного и серьезного исследования, и вы увидите такую яркую картину буржуазного разложения, что от мифа о «народном строе» останется одно воспоминание. Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они дают на трудящегося враздробье, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе, низкой производительностью труда и отсутствием сношений, представ-

ляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту *действительную* деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглофов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному *капиталу*. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно **БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО**, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на **ВЕРНЫЙ УСПЕХ**.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 239—241

В высшей степени характерно для г-на Михайловского, объявлявшего не раз, что он согласен с экономической доктриной Маркса, полное непонимание этой доктрины, позволяющее ему «уверенно» заявлять, что цитированные Novus'ом слова Маркса — результат простого увлечения, простой неразборчивости в выражениях, простая бутада! Нет, г. Михайловский, вы жестоко ошибаетесь. Это слова Маркса — не бутада, а выражение одной из самых основных и самых важных черт всего его мирозерцания, и теоретического и практического. В этих словах ясно выражено признание *прогрессивности* того процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам, который служит одним из характернейших признаков капиталистического развития, который наблюдается и на Западе, и в России.

Ленин В. И. Перлы народнического прожектерства. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 501

Серьезные трудности, и технические, и культурные, встретило бы объединение в союзы мельчайших и мелких хозяев, вследствие крайнего раздробления их предприятий, технической примитивности, неграмотности или необразованности владельцев. Но именно эти предприятия могли бы быть исключены из закона (как уже отмечено в нашем предположительном примере, выше), и необъединение их, не говоря уже о запоздании их объединения, серьезной помехи создать бы не могло, ибо роль громадного числа мелких предприятий *ничтожна* в общей сумме производства, в их значении для народного хозяйства в целом, а кроме того они часто зависимы так или иначе от крупных предприятий.

Решающее значение имеют только крупные предприятия, и здесь технические и культурные средства и силы для «обсоюзивания» *есть налицо*, недостает только твердой, решительно, беспощадно-суровой по отношению к эксплуататорам инициативы *революционной* власти для того, чтобы эти силы и средства были пущены в ход.

Чем беднее страна технически образованными и вообще интеллигентными силами, тем *насущнее* необходимо как можно быстрее и как можно решительнее декретировать принудительное объединение и начать проведение его с крупнейшими и крупными предприятий, ибо именно объединение *сбережет* интеллигентные силы, даст возможность *полностью* использовать и правильное распределить их.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 178

Научно-технический прогресс и создание материальных предпосылок социализма

... Пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росла промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья. . .

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. . .

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. — Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 425—426, 427—428, 429—430

Развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокого способа производства. Что здесь Рикардо не по душе, так это то, что прибыль — стимул капиталистического производства и условие, а также двигатель накопления — ставится под угрозу самим законом развития производства. А количественное соотношение — здесь всё.

В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что Рикардо лишь смутно сознает. Здесь обнаруживается *чисто экономическим* образом, с точки зрения самого капиталистического производства, его предел, его *относительность*, то, что оно — не *абсолютный*, а лишь исторический *способ производства*, соответствующий определенной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 294

... Научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определенностью, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 450

Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы*.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа

---

* «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi*. «Nouveaux Principes de l'Économie Politique», t. II [Paris, 1827], p. 434).

производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприровать немногих узурпаторов*.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 772—773

... Отделение рабочего класса от всякой прежней мнимой собственности и мнимых привилегий, установление неприкрытого антагонизма между капиталом и трудом сделало вообще возможным существование единого многочисленного рабочего класса с общими интересами, существование рабочего движения, рабочей партии. К тому же подобный поворот истории вспять совершенно невозможен. Паровые машины, механические прядильные и ткацкие станки, паровые плуги и молотилки, железные дороги и электрический телеграф, современные паровые прессы делают невозможным такое нелепое движение вспять; наоборот, постепенно и неумолимо они уничтожают все остатки феодальных и цеховых отношений и растворяют все перешедшие от прежнего времени мелкие общественные противоречия в едином всемирно-историческом антагонизме между капиталом и трудом.

У буржуазии, напротив, нет никакой другой исторической задачи, как только всесторонне увеличить и поднять до высшего уровня упомянутые ранее гигантские производительные силы и средства обмена современного общества; при помощи своих кредитных обществ прибрать к рукам и те средства производства, которые унаследованы от прежних времен, а именно земельную собственность; развить при помощи современных орудий труда все отрасли производства; уничтожить все остатки феодального производства и феодальных отношений и таким образом свести все общество к простому антагонизму между классом капиталистов и классом неимущих рабочих. В той же мере, в какой происходит это упрощение общественных классовых противоречий, растет сила буржуазии, но в еще большей мере возрастает также сила пролетариата, его классовое сознание и способность к победе; только в результате этого увеличения мощи буржуазии пролетариат мало-помалу становится большинством, преобладающим большинством в государстве, как это уже имеет место в Англии,

---

* «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848, стр. 11,9 [См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 435—436, 434]).

но чего вовсе нет еще в Германии, где в деревне крестьяне всех категорий, а в городах мелкие мастера, мелкие торговцы и т. п. еще преобладают над пролетариатом.

Следовательно, каждая победа реакции задерживает общественное развитие и неизбежно отдаляет момент победы рабочих. Напротив, каждая победа буржуазии над реакцией в известной мере является вместе с тем и победой рабочих, способствует окончательному свержению господства капиталистов, приближает время победы рабочих над буржуазией.

Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 69—70

Чем же объясняется, что тот самый призыв к уничтожению классовых противоположностей и классовых различий, к которому до 1830 г. трудящиеся и страждущие массы оставались равнодушны, находит теперь отклик у миллионов; что он завоевывает одну страну за другой, притом в той самой последовательности, в которой в отдельных странах развивается крупная промышленность, и с той самой интенсивностью, с которой происходит это развитие; что за одно поколение он приобрел такую силу, которая может бросить вызов всем объединившимся против него силам и быть уверенной в своей победе в близком будущем? Объясняется это тем, что современная крупная промышленность создала, с одной стороны, пролетариат, класс, который впервые в истории может выставить требование уничтожения не той или иной особой классовой организации, не той или иной особой классовой привилегии, а уничтожения классов вообще; класс, который поставлен в такое положение, что он должен провести это требование под угрозой опуститься, в противном случае, до положения китайских кули. А с другой стороны, та же крупная промышленность создала в лице буржуазии класс, который владеет монополией на все орудия производства и жизненные средства, но который в каждый период спекулятивной горячки и следующего за ним краха доказывает, что он стал неспособен к дальнейшему господству над производительными силами, переросшими его власть, — класс, под руководством которого общество мчится навстречу гибели, как локомотив, у которого машинист не имеет сил открыть захлопнувшийся предохранительный клапан. Иначе говоря, все это объясняется тем, что как производительные силы, порожденные современным капиталистическим способом производства, так и созданная им система распределения благ, пришли в вопиющее противоречие с самим этим способом производства, и притом в такой степени, что должен произойти переворот в способе производства и распределения, устраняющий все классовые различия, чтобы все современное общество не оказалось обреченным на гибель. На этом осязательном, материальном факте, который в более или менее ясной форме с непреодолимой необходимостью проникает в сознание эксплуатируемых пролетариев, — на этом факте, а не на представлениях того или другого мудрствующего домоседа о праве и несправии, основана уверенность современного социализма в победе.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 161

С тех пор как пар и новые рабочие машины превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, созданные под управлением буржуазии производительные силы стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как в свое время мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли в конфликт с феодальными оковами цехов, так и крупная промышленность в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже переросли буржуазную форму их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который возник только в головах людей — подобно конфликту между человеческим первородным грехом и божественной справедливостью, — а существует в дей-

ствительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне — земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она исторически выполнила эту роль, начиная с XV века, на трех различных ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности, — подробно изображено Марксом в IV отделе «Капитала». Но буржуазия, как установил Маркс там же, не могла превратить эти ограниченные средства производства в мощные производительные силы, не превращая их из средств производства, применяемых отдельными лицами, в *общественные* средства производства, применяемые лишь *совместно массой людей*. Вместо самопрялки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо отдельной мастерской — фабрика, требующая совместного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда разрозненных действий в ряд общественных действий, а продукты — из продуктов отдельных лиц в продукты общественные.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 279—280

Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе*.

В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг», который открыл в нем уже Фурье. Но Фурье в свое время еще не мог, конечно, видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства. Та же движущая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему непрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает вытеснение все большего и большего количества самих рабочих машинного труда и, в конечном счете, образование усиленного предложения рабочих рук, превышающего средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию...

поступающую в распоряжение производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую в результате неизбежно следующего за этим краха; эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится самым мощным боевым средством капитала против рабочего класса, что средство труда постоянно вырывается из рук рабочего жизненные средства и собственный продукт рабочего превращается в орудие его порабощения³².

Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 285

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигла такой степени развития, что стала несовместимой с существующей рядом с ней и над ней анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов посредством разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства отказывается служить под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, жизненные средства, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала, — все элементы производства и общего благосостояния имеются в изобилии. Но «изобилие становится источником нужды и лишений» (Фурье), потому что именно оно-то и препятствует превращению средств производства и жизненных средств в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, в средство эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак, стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил.

Это противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, сами по себе до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма: государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено * взять на себя руководство указанными средствами производства и сооб-

* Я говорю «вынуждено», так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные

щения. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог

Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производственными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ и в государственную собственность доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прокладывая себе путь только как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно, — этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно

силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особый рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим *всякое* огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главные прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, — то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская Seehandlung³³, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швалли в армии.

отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота.

*Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 288—
291*

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

*Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 294—295*

Научив нас превращать, в технических целях, молекулярное движение, осуществимое более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок. Сила воды была связана с данным местом, сила пара — свободна. Если сила воды связана по необходимости с деревней, то сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое применение последней сосредоточивает ее преимущественно в городах и превращает фабричные села в фабричные города. Но этим самым оно в то же время подрывает условия нормального хода производства. Первая потребность паровой машины и главная потребность почти всех отраслей крупной промышленности — это наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всякую воду в вонючую жижу. Поэтому в той же мере, в какой концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, в той же мере каждый промышленный капиталист в отдельности постоянно стремится перенести свое предприятие из больших городов, неизбежно создаваемых капиталистическим производством, в сельскую местность. Этот процесс можно детально изучить в текстильных округах Ланкашира и Йоркшира; капиталистическая крупная промышленность непрерывно создает там новые большие города тем, что она постоянно устремляется из города в деревню. То же самое происходит в округах металлообрабатывающей промышленности, где те же результаты порождаются отчасти другими причинами.

Уничтожить этот новый порочный круг, это постоянно возобновляющееся противоречие современной промышленности, возможно опять-таки лишь с уничтожением ее капиталистического характера. Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства.

Таким образом, уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, — оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом условии массы городского населения, ныне чахнувшие, сумеют добиться такого положения, при котором их экскременты будут использованы в качестве удобрения для выращивания растений, вместо того чтобы порождать болезни.

... Уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены — и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс. . .

Те революционные элементы, которым предстоит устранить старое разделение труда, а вместе с ним и разрыв между городом и деревней, и произвести переворот во всем производстве, содержатся уже в зачаточном состоянии в условиях производства современной крупной промышленности и встречают препятствие для своего дальнейшего развития лишь в нынешнем капиталистическом способе производства. Но для понимания этого нужно, конечно, иметь несколько более широкий горизонт, чем область действия прусского права, где водка и свекловичный сахар являются решающими продуктами промышленности и где торговые кризисы можно изучать по состоянию книжного рынка. Для этого надо знать настоящую крупную промышленность, в ее историческом развитии и ее современном действительном положении, особенно в той стране, которая является ее родиной и единственным местом, где она достигла своего классического развития. И тогда никому не придет в голову опознать современный научный социализм и низводить его до *специфически прусского социализма* г-на Дюринга.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 307, 309

Переворот в промышленности, совершающийся сначала посредством простой кооперации и мануфактуры. Концентрация разбросанных до сих пор средств производства в больших мастерских и превращение их тем самым из индивидуальных средств производства в общественные, — превращение, в общем и целом не коснувшееся формы обмена. Старые формы присвоения остаются в силе. Выступает *капиталист*: в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и превращает их в товары. Производство становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности.

а) Отделение производителя от средств производства. Рабочий обречен на позитивный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией*.

б) Все большее выявление и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Безудержная конкурентная борьба. *Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом*.

с) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение из фабрик рабочих: *возникновение промышленной резервной армии*. С другой стороны — беспредельное расширение производства, что также стало принудительным законом конкуренции для каждого фабриканта. С обеих сторон — неслыханное развитие производительных сил, превышение предложения над спросом, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: *здесь — излишек средств производства и продуктов, там — излишек рабочих*, лишенных работы и средств существования. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам циркулировать иначе, как при условии предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает против формы обмена*. Буржуазия уличается, таким образом, в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами.

д) Частичное признание общественного характера производительных сил — признание, к которому вынуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — сначала в собственность *акционерных компаний*, позже — трестов, а затем — и *государства*. Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

III. *Пролетарская революция*, разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим актом он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 228—230

... Так называемое «социалистическое общество» не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям. Решающее его отличие от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общей собственности сначала отдельной нации на все средства производства. На пути осуществления завтра же этого переворота — речь идет о постепенном осуществлении — я не вижу совершенно никаких трудностей. Что наши рабочие способны на это, доказывают их многочисленные производственные и потребительские товарищества, которые там, где полиция не подрывала их намеренно, управлялись так же хорошо и гораздо более честно, чем буржуазные акционерные общества. Я не могу понять, как можете Вы говорить о невежестве масс в Германии после блестящего доказательства политической зрелости, которое наши рабочие дали в победоносной борьбе против закона о социалистах³⁴. Мнимочуенное чванство наших так называемых образованных представляется мне гораздо более серьезным препятствием. Конечно, нам не хватает еще техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов и т. д., но на худой конец мы можем купить их для себя так же, как это делают капиталисты, а если несколько предателей — которые наверняка окажутся в этом обществе — будут наказаны как следует в назидание другим, то они поймут, что в их же интересах не обкрадывать нас больше. Но за исключением этих специалистов, к которым я отношу также и школьных учителей, мы прекрасно можем обойтись без остальных «образованных», и, к примеру, нынешний сильный наплыв в партию литераторов и студентов сопряжен со всяческим вредом, если только не держать этих господ в должных рамках.

Латифундии ост-эльбских юнкеров без труда могут быть при надлежащем техническом руководстве переданы в аренду нынешним поденщикам и батракам и обрабатываться на коллективных началах. Если же при этом произойдут какие-нибудь эксцессы, то ответственны за это господа юнкеры, которые, несмотря на все существующее школьное законодательство, довели людей до такого одичания.

Самой большой помехой будут мелкие крестьяне и те назойливые сверхумные образованные, которые тем больше делают вид, что все знают, чем меньше они смыслят в данном деле.

Итак, имея достаточное количество приверженцев среди масс, крупную промышленность и крупное земледелие типа латифундий можно будет обобществить очень быстро, поскольку политическая власть будет находиться в наших руках. Остальное, быстрее или медленнее, последует за этим. А с крупным производством мы будем хозяевами положения.

Вы говорите об отсутствии соответствующего сознания. Это имеет место по со стороны образованных, вышедших из дворянских и буржуазных кругов, которые не представляют даже, сколь многому они должны еще учиться у рабочих.

*Энгельс Ф. — Отто Бениксу, 21 августа
1890 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 37, с. 380—381*

... Пока у власти остаются имущие классы, любое огосударствление будет не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы; во французской, американской и швейцарской республиках ничуть не в меньшей мере, чем в монархической Центральной Европе и в деспотической Восточной Европе. А для того чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс, который, без сомнения, хоть и сравнительно медленно, уже сейчас происходит; для того же чтобы этот переворот совершился, нужен еще более быстрый темп переворота в методах производства, больше машин, вытеснение большего числа рабочих, разорение большего числа крестьян и мелкой буржуазии, большая осязательность и более массовый характер неизбежных результатов современной крупной промышленности.

Чем быстрее и решительнее будет происходить этот экономический переворот, тем

скорее станут неизбежными и мероприятия, с виду призванные только смягчить внезапно разросшиеся до огромных и невыносимых размеров бедствия, но на деле ведущие к подрыву самых корней существующего способа производства. . .

Энгельс Ф. — Максус Оппенхейму, 24 марта 1891 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 51

Для того чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и притом в большом количестве. Их у нас нет; до последнего времени мы были даже рады тому, что по большей части избавлены от так называемой «образованной» публики. Теперь — другое дело. В настоящее время мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии принять и переработать любое количество образованного мусора, и я предвижу, что в ближайшие 8—10 лет к нам придет достаточное количество молодых специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей, чтобы с помощью партийных товарищей организовать управление фабриками и крупными имениями в интересах нации. Тогда, следовательно, взятие нами власти будет совершенно естественным и произойдет относительно гладко. Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придется прибегать к устрашению их, и все-таки они будут нас надувать. Так, в меньшем масштабе, *всегда* было с французскими революционерами: они вынуждены были даже в обычном управлении предоставлять второстепенные, но связанные с непосредственной практической деятельностью посты, прежним реакционерам, а те всячески мешали и все тормозили.

Энгельс Ф. — Августу Бебелю, 24—26 октября 1891 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 163—164

...Отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением *непосредственной*, думали, что *производство идет за потреблением*. Маркс же показал, что эта связь *лишь посредственная*, что сказывается она *лишь в конечном счете*, ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством*. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно идти за производством, и, если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. . . Оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т. е. сознание противоречия работниками.

Спрашивается теперь, какое же положение мог бы занять г. Нежданов по отношению к вопросу о «независимости» средств производства от предметов потребления? Одно из двух: или он станет совершенно отрицать всякую зависимость между ними, станет утверждать возможность реализации средств производства, *совершенно не связывающихся* с предметами потребления, не связывающихся даже и «в конечном счете», — и тогда он неизбежно придет к абсурду, или же он признает, вслед за Марксом, что в конечном счете средства производства связаны с предметами потребления, — и тогда он должен признать правильность моего понимания теории Маркса.

Возьму пример, чтобы иллюстрировать, в заключение, абстрактные рассуждения конкретными данными. Известно, что в каждом капиталистическом обществе употреблению машин мешает часто непомерно низкая заработная плата (= низкий уровень

потребления народных масс) . . . Наличие противоречия между потреблением и производством, между стремлением капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничением этого стремления пролетарским состоянием, нищетой и безработицей народа, ясна в этом случае, как день. Но не менее ясно, что из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей. Наоборот, было бы совершенно ошибочно делать из этого противоречия тот вывод, что капитализм должен *систематически* давать избыточный продукт, т. е. что капитализм вообще не может реализовать продукта, не может поэтому играть никакой прогрессивной исторической роли и т. п.

Ленин В. И. Ответ г. П. Нежданову. —
Полн. собр. соч., т. 4, с. 161—162

Всемирно-знаменитый английский химик Вильям Рамсей (Ramsay) открыл способ непосредственного добывания газа из каменноугольных пластов. Рамсей ведет уже переговоры с одним владельцем каменноугольных рудников о практической постановке дела.

Одна из великих задач современной техники близится, таким образом, к разрешению. Переворот, который вызовет ее решение, громаден.

В настоящее время, чтобы использовать энергию, заключающуюся в каменном угле, его развозят по стране и сжигают в массе отдельных предприятий и домов.

Открытие Рамсея означает гигантскую техническую революцию в этой, едва ли не самой важной, отрасли производства капиталистических стран.

Рамсей открыл способ непосредственно, на месте нахождения угля, без извлечения его на поверхность земли, превращать этот уголь в газ. Подобный прием, только гораздо более простой, употребляется иногда при добыче соли: ее не извлекают на поверхность земли прямо, а растворяют водой, и уже рассол поднимают потом по трубам.

Способ Рамсея превращает каменноугольные рудники как бы в громадные дистилляционные аппараты для выработки газа. Газ приводит в движение газовые моторы, которые дают возможность использовать *вдвое большую* долю энергии, заключающейся в каменном угле, чем это было при паровых машинах. Газовые моторы, в свою очередь, служат для превращения энергии в электричество, которое техника уже теперь умеет передавать на громадные расстояния.

Стоимость электрического тока понизилась бы, при таком техническом перевороте, до *одной пятой*, а может быть даже до *одной десятой* теперешней стоимости. Громадная масса человеческого труда, употребляемого теперь на добывание и развозку каменного угля, была бы сбережена. Использовать можно было бы даже наиболее бедные и неразрабатываемые ныне залежи каменного угля. Расходы на освещение и отопление домов понизились бы чрезвычайно.

Переворот в промышленности, вызванный этим открытием, будет огромен.

Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме.

При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения положат себе в карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы — с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала.

При социализме применение способа Рамсея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить *для всех* рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого

дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

Техника капитализма с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство.

Ленин В. И. Одна из великих побед техники. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 93—95

... Развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката»...

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, с. 100—101

Капитализм тем отличается от старых, докапиталистических систем народного хозяйства, что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его. Не будь этого, никакие шаги к социализму, — кстати сказать — были бы технически невыполнимы. Современный же капитализм с господством банков над производством довел эту взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени. Банки и крупнейшие отрасли промышленности и торговли срослись неразрывно. С одной стороны, это значит, что нельзя национализировать только банки, не делая шагов к созданию государственной монополии торговых и промышленных синдикатов (сахарный, угольный, железный, нефтяной и пр.), не национализируя эти синдикаты. С другой стороны, это значит, что регулирование экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков и синдикатов.

Возьмем для примера хоть сахарный синдикат. Он создан еще при царизме и тогда привлек к крупнейшему капиталистическому объединению прекрасно оборудованных фабрик и заводов, причем это объединение, разумеется, насквозь проникнуто было реакционнейшим и бюрократическим духом, обеспечивало скандально высокие барыши капиталистам, ставило в абсолютно бесправное, униженное, забитое, рабское положение служащих и рабочих. Государство уже тогда контролировало, регулировало производство — в пользу магнатов, богачей.

Тут остается *только* превратить реакционно-бюрократическое регулирование в революционно-демократическое простыми декретами о созыве съезда служащих, инженеров, директоров, акционеров, о введении единообразной отчетности, о контроле рабочих союзов и пр. Это самая простая вещь — и именно она остается *несделанной!!* При демократической республике остается *на деле* реакционно-бюрократическое регулирование сахарной промышленности, все остается по-старому, хищение народного труда,

рутина и застой, обогащение Бобринских и Терешенок. Призвать к самостоятельной инициативе демократию, а не бюрократию, рабочих и служащих, а не «сахарных королей», вот что можно и должно бы сделать в несколько дней, одним ударом; — если бы эсеры и меньшевики не затемняли сознание народа планами «коалиции» как раз с этими сахарными королями, как раз той коалиции с богачами, от которой, вследствие которой «полная бездеятельность» правительства в деле регулирования экономической жизни проистекает совершенно неизбежно*.

Возьмите нефтяное дело. Оно «обобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», уже организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, уже ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна сразу и обязательно для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис, когда надо во что бы то ни стало сберечь народный труд и увеличивать производство топлива. Понятно, что бюрократический контроль тут ничего не даст, ничего не изменит, ибо с Терешенками, и с Керенскими, и с Авксентьевыми, и с Скобелевыми «нефтяные короли» справятся так же легко, как справлялись они с царскими министрами, справятся посредством оттяжек, отговорок, обещаний, затем прямого и косвенного подкупа буржуазной прессы (это называется «общественным мнением» и с этим Керенские и Авксентьевы «считаются»), подкупа чиновников (оставляемых Керенскими и Авксентьевыми на старых местах в старом неприкосновенном государственном аппарате).

Чтобы сделать что-либо серьезное, надо от бюрократии перейти, и действительно революционно перейти, к демократии, т. е. объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства, за непринятие мер к повышению производства. Надо обратиться к инициативе рабочих и служащих, их созвать немедленно на совещания и съезды, в их руки передать такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства. Если бы такие революционно-демократические шаги были сделаны тотчас, сразу, в апреле 1917 года, тогда Россия, одна из богатейших стран в мире по запасам жидкого топлива, могла бы сделать за лето, пользуясь водным транспортом, очень и очень многое в деле снабжения народа необходимыми количествами топлива.

Ни буржуазное, ни коалиционное эсеровски-меньшевицки-кадетское правительство не сделали ровно ничего, ограничились бюрократической игрой в реформы. Ни единого революционно-демократического шага предпринять не осмелились. Те же нефтяные короли, тот же застой, та же ненависть рабочих и служащих к эксплуататорам, тот же развал на этой почве, то же хищение народного труда, все как было при царизме, переменялись только *заголовки* исходящих и входящих бумаг в «республиканских» канцеляриях!

Относительно угольной промышленности, не менее «готовой» технически и культурно к национализации, не менее бесстыдно управляемой грабителями народа, угольными королями, мы имеем ряд нагляднейших *фактов* прямого саботажа, прямой *порчи* и остановки производства промышленниками. Даже министерская меньшевицкая «Рабочая Газета» признала эти факты. И что же? Ровно ничего не сделано, кроме старых, реакционно-бюрократических совещаний «пополам», поровну от рабочих и от разбойников угольного синдиката! Ни одного революционно-демократического шага, ни тени попытки установления единственно реального контроля *снизу*, через союз служащих, через рабочих, путем террора по отношению к губящим страну и останавливающим производство углепромышленникам! Как же можно, мы ведь «все» за «коалицию», если не с кадетами, то с торгово-промышленными кругами, а коалиция это и значит

* Эти строки были уже написаны, когда я прочел в газетах, что правительство Керенского вводит сахарную монополию и, разумеется, вводит ее реакционно-бюрократически, без съездов служащих и рабочих, без гласности, без обуздания капиталистов!!

оставлять у капиталистов власть, оставлять их безнаказанными, позволять им тормозить дело, валить все на рабочих, усиливать разруху, готовить *таким образом* новую корниловщину! . . .

Обычный довод капиталистов, повторяемый без размышления мелкой буржуазией, состоит в том, что капиталистическое хозяйство абсолютно не допускает вообще отмены коммерческой тайны, ибо частная собственность на средства производства, зависимость отдельных хозяйств от рынка делает необходимым «священную неприкосновенность» торговых книг и торговых, а в том числе конечно и банковых, оборотов.

Люди, в той или иной форме повторяющие этот или подобные доводы, дают себя в обман и сами обманывают народ, закрывая глаза на два основные, крупнейшие и общеизвестные факта современной хозяйственной жизни. Первый факт: крупный капитализм, т. е. особенности хозяйства банков, синдикатов, больших фабрик и т. д. Второй факт: война.

Именно современный крупный капитализм, становящийся повсюду монополистическим капитализмом, устраняет всякую тень разумности коммерческой тайны, делает ее лицемерием и исключительно орудием скрывания финансовых мошенничеств и невероятных прибылей крупного капитала. Крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природе своей, есть обобщественное хозяйство, т. е. и работает оно на миллионы людей и объединяет своими операциями, прямо и косвенно, сотни, тысячи и десятки тысяч семей. Это не то, что хозяйство мелкого ремесленника или среднего крестьянина, которые вообще никаких торговых книг не ведут и к которым поэтому и отмена торговой тайны не относится!

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 168—172

Об империализме говорят все. Но империализм есть не что иное, как монополистический капитализм.

Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

. . . Государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т. е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного* демократизма) — государство направляет все предприятие — в чьих интересах?

— либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистскую республику,

— либо в интересах революционной демократии; тогда *это и есть шаг к социализму*.

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждать их по-плекхановски, по-дановски, по-черновски доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя «вводить» со-

циализма и т. п., — и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции.

Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести» в земледелии крестьян, его нельзя отменить в сахарном производстве).

А если бояться идти вперед, *это значит* идти назад, чем гг. Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются.

Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 191—193

Спротивление буржуазии, при переходе власти к Советам, поведет к тому, что за *каждым* капиталистом будут «следить», надзирать, контролировать и учитывать его *десятки и сотни* рабочих и крестьян, интерес которых будет требовать борьбы с обманом народа капиталистами. Формы и способы этого учета и контроля выработаны и упрощены именно капитализмом, именно такими созданиями капитализма, как банки, крупные фабрики, синдикаты, железные дороги, почта, потребительные общества и профессиональные союзы. Советам совершенно достаточно будет наказывать уклоняющихся от подробнейшего учета или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путем всякое сопротивление буржуазии. Ибо именно через банки, раз они национализированы, именно через союзы служащих, через почту, через потребительные общества, через профессиональные союзы, контроль и учет станут универсальны, всеисильны, вездесущи, непреоборимы.

Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 223—224

Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при

поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34, с. 332—333

Беспомощный рабочий из заброшенной, захолустной деревенской жизни, попадая в бурлящий котел фабрики, где он получал более сносные условия существования и возможность кое-как прокормиться, подпадал под гнетущее ярмо капиталистической эксплуатации. Всем хорошо известно, как рабочие России и других стран переживали это тяжелое время. Но вот мы видим, как постепенно рабочий освобождается от своей крестьянской отсталости и забитости и начинает подниматься на более высокую ступень развития, как появляются первые попытки борьбы с угнетателями — стачки, попытки распыленных пролетарских масс организовать в профессиональные союзы, как начинает чувствоваться в рабочем другая сила, как любая стачка при всех ее ничтожных результатах давала нечто неоцененное, новое, важное, содержательное. Стачка учила рабочего сознавать, что лишь в единении с другими рабочими заключается сила, сила могучая, способная остановить машины, превратить раба в свободного человека и воспользоваться теми благами, которые по праву принадлежат производителю их. Всем известна картина развития стачечного движения за последние десятилетия, его постепенный переход от мелких, раздробленных стачек к широким организованным забастовкам. В 1905 году стачечное движение прокатилось мощной волной по всей России. Вместе с ростом организованной борьбы с капиталистами путем стачек, рабочий приобретает невиданную ранее силу. В этом одно из первых мест принадлежит профессиональным организациям. Рабочий приходит к сознанию, что все изобретения техники, все машины и орудия производства, которые используются капиталистами в своих интересах, в ущерб интересам пролетариата, все это может и должно сделаться достоянием пролетариата. Эта новая фаза, фаза организованного отпора рабочих капиталистам с помощью профессиональных союзов — новый шаг вперед в истории развития пролетарского самосознания.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности 19 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 318

Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму — и никто не опровергнет этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах-победительницах, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей. А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся? упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплуататора. И для того чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственно возможной, — связь через хозяйство.

Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 310

Наука, техника и решение социально-экономических проблем становления и развития социалистического общества

Наука и техника в социалистическом строительстве

...Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя * и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивный налог.

3. Отмена права наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней **.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4. с. 446—447

* В английском издании 1888 г. после слов «перерастают самих себя» добавлено: «делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй». *Ред.*

** В издании 1848 г. — «противоположности между городом и деревней». В издании 1872 г. и в последующих немецких изданиях слово «противоположности» было заменено словом «различия». В английском издании 1888 г. вместо слов «содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» напечатано: «постепенное устранение различия между городом и деревней путем более равномерного распределения населения по всей стране». *Ред.*

... Крупная промышленность и обусловленная ею возможность бесконечного расширения производства позволяют создать такой общественный строй, в котором всех необходимых для жизни предметов будет производиться так много, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и способности. Итак, именно то свойство крупной промышленности, которое в современном обществе порождает всю нищету и все торговые кризисы, явится при другой общественной организации как раз тем свойством, которое уничтожит эту нищету и эти приносящие бедствия колебания.

Таким образом, вполне убедительно доказано:

- 1) что в настоящее время все эти бедствия объясняются только общественным строем, который уже не соответствует условиям времени;
- 2) что уже имеются средства для окончательного устранения этих бедствий путем создания нового общественного строя.

14-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй?

Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а ее место займет общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества. Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности.

15-й вопрос: Значит, уничтожение частной собственности раньше было невозможно?

Ответ: Да, невозможно. Всякое изменение общественного строя, всякий переворот в отношениях собственности являлись необходимым следствием создания новых производительных сил, которые перестали соответствовать старым отношениям собственности. Так возникла и сама частная собственность. Дело в том, что частная собственность существовала не всегда; когда в конце средних веков в виде мануфактуры возник новый способ производства, не укладывавшийся в рамки тогдашней феодальной и цеховой собственности, эта мануфактура, уже переросшая старые отношения собственности, создала для себя новую форму собственности — частную собственность. Для мануфактуры и для первой стадии развития крупной промышленности не была возможна никакая другая форма собственности, кроме частной собственности, не был возможен никакой другой общественный строй, кроме строя, основанного на частной собственности. Пока нельзя производить в таких размерах, чтобы не только хватало на всех, но чтобы еще оставался избыток продуктов для увеличения общественного капитала и дальнейшего развития производительных сил, до тех пор должен всегда оставаться господствующий класс, распоряжающийся производительными силами общества, и другой класс — бедный и угнетенный. Каковы эти классы, это зависит от ступени развития производства. В средневековье, зависевшем от земледелия, — перед нами помещик и крепостной; в городах позднего средневековья — цеховой мастер, подмастерье и поденщик; в XVII веке — владелец мануфактуры и мануфактурный рабочий; в XIX веке — крупный фабрикант и пролетарий. Вполне очевидно, что до настоящего времени производительные силы не были еще развиты в такой степени, чтобы можно было производить достаточное для всех количество продуктов и чтобы частная собственность уже сделалась оковами, преградой для развития этих производительных сил. Но теперь благодаря развитию крупной промышленности,

во-первых, созданы капиталы и производительные силы в размерах, ранее неслыханных, и имеются средства для того, чтобы в короткий срок до бесконечности увеличить эти производительные силы. *Во-вторых*, эти производительные силы сосредоточены в руках немногих буржуа, тогда как широкие народные массы все более превращаются в пролетариев, причем положение их становится тем более бедственным и невыносимым, чем больше увеличиваются богатства буржуа. *В-третьих*, эти могучие, легко поддающиеся увеличению производительные силы до такой степени переросли частную собственность и буржуа, что они непрерывно вызывают сильнейшие потрясения общественного строя. Поэтому лишь теперь уничтожение частной собственности стало не только возможным, но даже совершенно необходимым.

16-й вопрос: Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?

Ответ: Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов из всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом.

17-й вопрос: Возможно ли уничтожить частную собственность сразу?

Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя *сразу* увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства.

18-й вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего, она создаст *демократический строй* и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата. Прямо — в Англии, где пролетариат уже теперь составляет большинство народа, косвенно — во Франции и Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые находятся еще только в стадии перехода в пролетариат, в осуществлении всех своих политических интересов все более зависят от пролетариата и потому вскоре должны будут присоединиться к его требованиям. Для этого, может быть, понадобится еще новая борьба, которая, однако, непременно закончится победой пролетариата.

Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

1) Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследство, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.

2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и судовладельцев, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путем выкупа ассигнатами.

3) Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа.

4) Организация труда или предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство.

5) Одинаковая обязательность труда для всех членов общества до полного уничтожения частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства.

6) Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор.

7) Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог, судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация.

8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом.

9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков.

10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах.

11) Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей.

12) Концентрация всего транспортного дела в руках нации.

Все эти мероприятия нельзя, разумеется, провести в один прием, но одно из них повлечет за собой другое. Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен. К этому ведут все перечисленные мероприятия. Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать точно в такой же степени, в какой производительные силы страны будут умножаться трудом пролетариата. Наконец, когда весь капитал, все производство, весь обмен будет сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличится в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества.

*Энгельс Ф. Принципы коммунизма. —
Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд.,
т. 4, с. 329—333*

Стремлением пролетариата, материальной основой его движения является труд, организованный в крупном масштабе, хотя в настоящее время организация труда является деспотической, и централизация средств производства, хотя они в настоящее время централизованы в руках монополиста не только как средства производства, но и как средства эксплуатации и порабощения производителя. Задача пролетариата состоит в том, чтобы преобразовать нынешний капиталистический характер этого организованного труда и этих централизованных средств труда, превратить их из орудий классового господства и классовой эксплуатации в формы свободного ассоциированного труда и в общественные средства производства. С другой стороны, труд крестьянства разъединен, и его средства производства раздроблены, распылены. На этих экономических различиях покоится в качестве надстройки целый мир различных социальных и политических взглядов. Но эта крестьянская собственность давно уже переросла свою нормальную фазу, то есть фазу, когда она была реальностью, была способом производства и формой собственности, которые отвечали экономическим потребностям общества и ставили самих сельских производителей в нормальные условия жизни. Крестьянская собственность вступила в период своего упадка. С одной стороны, из нее вырос обширный *prolétariat foncier* (сельский пролетариат), интересы которого совпадают с интересами городских наемных рабочих. Самый способ производства изжил себя вследствие современного развития агрономии. Наконец, сама крестьянская собственность стала номинальной, оставляя крестьянину иллюзию соб-

ственности и экспроприруя у него плоды его собственного труда. Конкуренция крупных сельских хозяев, налог кровью, государственный налог, ростовщичество городских кредиторов по закладным и всяческое обирание крестьянина с помощью судебной системы, опутывающей его со всех сторон, низвели крестьянина до положения индийского райата, в то же время повседневным фактом стала его экспроприация — экспроприация даже его номинальной собственности — и низведение его до степени сельского пролетария. Следовательно, крестьянина отделяет от пролетария уже не его действительный интерес, а вводящий его в заблуждение предрассудок. Коммуна¹ является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные блага, вместе с тем она представляет собой единственную форму правления, которая может обеспечить преобразование его нынешних экономических условий, спасти его, с одной стороны, от экспроприации крупным землевладельцем, и избавить его, с другой стороны, от каторжного труда и нищеты, на которые он обречен под предлогом мнимой собственности; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии, — вызванной к жизни общественными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила, — с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив сразу выгоды от Республики Коммуны, он скоро проникся бы доверием к ней.

Маркс К. Гражданская война во Франции. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 556—557

Главные меры, которые были предприняты Коммуной², были предприняты для спасения среднего класса — класса-должника Парижа от класса-кредитора! Этот средний класс сплотился во время июньского восстания (1848 г.) против пролетариата под знаменами капиталистического класса, его генералов и его государственных паразитов. И он тотчас же был наказан 19 сентября 1848 г., когда были отвергнуты «concordats à l'amiable»³ Победа над июньским восстанием сразу же оказалась вместе с тем победой кредитора, богача-капиталиста над должником, над средним классом. Кредитор беспощадно требовал своего «фунта мяса»* 13 июня 1849 г. национальная гвардия этого среднего класса была разоружена и изрублена армией буржуазии! Во времена империи, когда расхищались государственные ресурсы, за счет чего жирел богач-капиталист, этот средний класс был отдан на разграбление биржевому спекулянту, железнодорожным королям, мошенническим обществам Crédit Mobilier и т. д. и был экспроприрован капиталистическими объединениями (акционерными компаниями). В политическом отношении средний класс был принижен; велось наступление на его экономические интересы, вместе с тем средний класс был морально возмущен оргиями этого режима. Гнусности войны переполнили чашу терпения и пробудили в нем чувства француза. При виде бедствий, обрушившихся на Францию в результате этой войны, при виде переживаемого ею кризиса — национального крушения и финансового разорения — средний класс чувствует, что не растленный класс, претендующий на роль рабовладельцев Франции, а единственно лишь отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!

Средний класс чувствует, что лишь рабочий класс может освободить его от господства попов, превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из пособников классовых предрассудков, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли! Наука может выполнять свою истинную роль только в Республике Труда.

Маркс К. Гражданская война во Франции. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 558—559

* Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. *Ред.*

... Частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата *как* пролетариата, — этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обезчеловеченности, сознающей свою обезчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность.

Если социалистические писатели признают за пролетариатом эту всемирно-историческую роль, то это никоим образом не происходит от того, что они, как уверяет нас критическая критика, считают пролетариев *богами*. Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, — то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества. . .

Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство или Критика критической критики. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 39—40

... Подлинное освобождение рабочего класса невозможно до тех пор, пока он не станет собственником всех средств труда — земли, сырья, машин и т. д., а тем самым и собственником **ВСЕГО ПРОДУКТА СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ТРУДА**.

Энгельс Ф. Система наемного труда. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 261

... Владение средствами производства возможно только в двух формах: либо как индивидуальное владение, которое в качестве общей формы для всех производителей не существовало никогда и нигде и которое с **каждым** днем все более исключается промышленным прогрессом, либо как **общее владение**, то есть в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием капиталистического общества; что, следовательно, необходимо всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, вести борьбу за переход средств производства в *общее* владение.

Таким образом, общее владение средствами производства выдвигается в программе как единственная главная цель, которой надо добиваться. И не только в области промышленности, где почва уже подготовлена, но и повсюду, а значит и в земледелии.

Индивидуальное владение, согласно программе, никогда и нигде не существовало в качестве формы, общей для всех производителей; именно поэтому, а также потому, что оно и без того устраняется промышленным прогрессом, социализм заинтересован вовсе не в его сохранении, а в его устранении; ведь там, где и поскольку оно существует, становится невозможным общее владение.

Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 22, с. 510

Перед победившим пролетариатом открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации.

Ленин В. И. Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г.] — Полн. собр. соч., т. 35, с. 288—289

Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил * России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию.

Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 228—231

Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза. Но сразу нельзя выместить буржуазную обстановку и буржуазные привычки, им нужна та организация, на которой стоит вся современная наука и техника.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти [Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.] — Полн. собр. соч., т. 36, с. 272—273

* NB: Надо ускорить издание этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда.

Социализм не мыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые *даже* этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немислим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука.

Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 300

Если мы перечитаем сочинения тех социалистов, которые в течение последнего полувека наблюдали развитие капитализма и приходили к выводу еще и еще раз, что социализм неизбежен, то они все без исключения указывали на то, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его.

Мы должны осуществить это, опираясь на элементы, ему враждебные, так как капитал, чем крупнее он становится, тем более развивает гнет буржуазии и подавление рабочих. Когда власть оказалась в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, когда власть ставит себе задачи при поддержке этих масс, нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, даже в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом.

Эти трудности задачи и достижения для нас не могут быть скрыты. Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противополжении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда. Если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частных ошибок, это неизбежно, когда не удается сразу в той или иной области народного хозяйства превратить специалистов из служителей капитализма в служителей трудящихся масс, в их советчиков. Если нам это не удается сразу, это не может вызвать ни капли пессимизма, потому что задача, которую мы себе ставим, это — задача всемирно-исторической трудности и значения.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 381—382

Городские рабочие взяли власть в городе; все, что создано в городе лучшего в смысле дворцов, помещений, в смысле культуры, все это городские рабочие несут в деревню, зная, что власть городских рабочих не может быть прочна, если не будет прочного союза с сельскохозяйственными рабочими. Только такой союз, которому вы здесь кладете начало, может привести к прочной переделке. В этот союз добровольно будут вступать и крестьяне-середняки. Конечно, потребуется приложить много труда, — сразу сделать ничего нельзя. Если ваш союз будет основан, будет расти, развиваться, распространяться по всей России, если он будет находиться в теснейшем единении с союзом городских рабочих, то эту трудную задачу совместными усилиями, усилиями миллионов организованных сельскохозяйственных рабочих и городских, мы решим и мы выйдем из того разорения, в которое четырехлетняя война бросила все народы и нас; мы выйдем, но выйдем не к старому хозяйству в одиночку, вразброд, — такое хозяйство осуждает людей на темноту, на нищету, на распыленность, — а мы выйдем к хозяйству общему, крупному, товарищескому. Тогда все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов, — все должно пойти на службу объединенному рабочему. Рабочие должны стать хозяевами всего, они должны научиться управлять сами и управлять теми, которые до сих пор, как, например, многие агрономы, действовали, как приказчики капиталистов, против рабочих. Эта задача не легка, но в городах для разрешения этой задачи сделано очень много. Первые шаги теперь делаете вы, чтобы решить эту задачу в деревне.

Ленин В. И. Речь об организации профессионального союза сельскохозяйственных рабочих [Заседание I съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии 13 марта 1919 г.]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 25—26

Мы должны показать крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание. К этому мы приступим сейчас же, как справимся с нашей очередной, основной задачей. Мы для этого не отвлечемся от нашей основной практической задачи ни на минуту.

В ближайшие месяцы — все силы на подвоз продовольствия и расширение продовольственной базы. Ни малейшего отвлечения от этого быть не должно. А рядом с этим специалисты науки и техники пусть разработают рассчитанный на многие годы план электрификации всей России⁴. Пусть та связь с внешним миром, с капиталистической Европой, которую мы осуществили, то окно, которое мы себе пробили, заключив мир с Эстонией, послужит тому, чтобы мы сейчас же получили необходимую техническую помощь. И решив основные задачи транспорта и продовольствия в ближайшие месяцы, решив задачи трудовой повинности, на которых мы целиком сосредоточим все свои силы, ни на что не отвлекаясь в течение ближайшего времени, решив их, мы покажем, что мы умеем перейти к задачам строительства на целый ряд лет, к задачам перевода всей России на высшую техническую базу, которая устранил рознь между городом и деревней и даст возможность полностью и решительно победить ту отсталость, ту раздробленность, распыленность, темноту деревенскую, которая является главной причиной всей косности, всей отсталости, всего угнетения до сих пор. И в этой области, в области этой мирной победы на бескровном фронте реорганизации промышленности, мы, если будем оперировать всеми нашими военными навыками, со всей энергией, со всем сплочением сил на этой задаче, — мы в этой области одержим победы еще более решительные, еще более великие, чем те, которые мы одержали на поприще военном.

Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 109—110

Борьба на военном фронте доказала, что попытки империалистов ни к чему не привели. Самые большие трудности военного дела остались позади, но сейчас нужно осуществить задачу мирного строительства. Тот опыт, который мы приобрели на кровавом фронте, мы перенесем и на бескровный фронт, где мы встретим гораздо больше сочувствия.

Мы сумели привлечь на службу тысячи специалистов, громадное число офицеров, генералов, которые наравне с рабочими коммунистами стоят на ответственных постах. Всю решительность, весь опыт гражданской войны мы должны обратить на борьбу с эпидемиями.

Когда-то представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу, когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя. Теперь и они убедились, что только вместе с пролетариатом можно привести Россию к культурному расцвету. Сотрудничество представителей науки и рабочих, — только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано.

Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила.

Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 188—189

Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию. Эта бесспорная теоретическая истина.

Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 179

Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной.

Если же мы второй задачи не решим, то никакие успехи, никакие победы в деле свержения эксплуататоров, в деле военного отпора международным империалистам ничего не дадут, и возврат к старому останется неизбежным. На этот счет в смысле теоретическом не может быть двух мнений. Переход здесь чрезвычайно резкий и трудный, требующий иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д. Вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам мы должны применить методы организаторства, строительства, мы должны проявить себя, отстоять себя перед всем миром не только, как сила, способная сопротивляться военному удушению, а как сила, способная показать пример. Всегда, во всех сочинениях крупнейших социалистических писателей, можно было

найти указание на эти две стороны задачи социалистической революции, которые, как две стороны задачи, относятся и к внешнему миру, к тем государствам, которые остались в руках капиталистов, так и к непролетарским массам своей собственной страны. Мы убедили крестьянство, что пролетариат дает ему условия существования лучшие, чем давала буржуазия, убедили на практике. Когда крестьянство, хотя и недовольное большевистским режимом, тем не менее сравнило его на практике с учредительскими, колчаковскими и другими порядками, то пришло к выводу, что большевики обеспечили ему существование лучше и в военном отношении защитили его от насилия империалистов всего мира. А между тем половина крестьянства жила под условиями буржуазии по-буржуазному, иначе и не могла жить. Пролетариат теперь должен решить вторую задачу, показать крестьянину, что он может дать ему образец и практику таких экономических отношений, которые окажутся выше тех, где каждая крестьянская семья хозяйничает по-своему. До сих пор крестьянство только в этот старый порядок и верит, до сих пор его считает нормальным. Это не подлежит сомнению. Чтобы оно от нашей пропаганды переменяло свое отношение к жизненным вопросам, к экономике, это — чистейшие пустяки. Оно в положении выжидательном, оно сделалось из нейтрально-враждебного нам нейтрально-сочувствующим нам. Оно предпочитает нас всякому другому правительству, видя, что рабочее, пролетарское государство, пролетарская диктатура, не есть грубое насилие, узурпация, как изображали, а есть лучший защитник крестьянства, чем колчаковцы, деникинцы и т. д.

Но этого мало, мы не сделали того главного, что нужно сделать — показать, что пролетариат восстановит крупное производство и общественное хозяйство так, чтобы перевести крестьянство на высший экономический строй. Мы должны, доказавши, что революционной организацией мы в состоянии дать отпор насилию по отношению к эксплуатируемым, то же самое доказать в другой области, создавши такой пример, который бы не убеждал словами, а показывал на деле всей громадной массе крестьян и мелкобуржуазным элементам, и остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан пролетариатом, победившим в войне. Эта задача имеет всемирное значение. Для того, чтобы нам одержать вторую половину победы в международном смысле, нужно разрешить вторую половину задачи — в деле хозяйственного строительства. Об этом мы говорили на последней партийной конференции *, так что мне кажется, что здесь детально останавливаться на отдельных сторонах нет надобности и возможности, эта задача охватывает все в деле хозяйственного строительства. Я кратко указал условия обеспечения хлебом рабочих, занятых в промышленности, и обеспечения промышленности топливом. Такие условия являются фундаментом, обеспечивающим возможность дальнейшей постройки. Я должен добавить, что на предстоящем съезде Советов, как вы видели из порядка дня, опубликованного в газетах, этот вопрос о хозяйственном строительстве должен явиться центральным вопросом. Весь порядок дня приспособлен к тому, чтобы все внимание и заботы всех съехавшихся делегатов, всей массы советских и партийных работников во всей республике сосредоточить на хозяйственной стороне, на восстановлении транспорта, промышленности, на том, что названо осторожно «помощью крестьянскому хозяйству», но что означает гораздо больше — целую систему, обдуманый ряд мер для того, чтобы крестьянское хозяйство, которое будет существовать еще довольно долго, поднять на должную высоту.

В связи с этим на съезде Советов поставлен доклад по электрификации России для того, чтобы единый хозяйственный план восстановления народного хозяйства, о котором мы говорили, установить со стороны техники. Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно. Эта задача длительная, не менее, как на 10 лет, при условии привлечения к этой работе массы техников, которые дадут съезду Советов целый ряд печатных документов, где разрабатывается детально этот план. Меньше, чем через 10 лет, мы не можем осуществить основы этого плана, создать 30 крупнейших районов электрических станций,

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 285, 291. Ред.

которые дали бы возможность перевести всю промышленность на современные основания. Понятно, что без этой перестройки всей промышленности, с точки зрения условий крупного машинного производства, социалистическое строительство останется только суммой декретов, останется политической связью рабочего класса с крестьянством, останется спасением крестьянства от колчаковщины, деникинщины, останется примером для всех держав мира, но не будет иметь своей основы. Коммунизм предполагает Советскую власть, как политический орган, дающий возможность массе угнетенных вершить все дела, — без этого коммунизм немыслим. И во всем мире мы видим доказательство этого, потому что идея Советской власти, ее программа во всем мире одерживает безусловную победу. Это мы видим из каждого эпизода борьбы против II Интернационала, который держится помощью полиции, попов и старых буржуазных чиновников рабочего движения.

Этим обеспечена политическая сторона, но экономическая может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники, а это значит — электрификация, а для этого нужно понимать основные условия применения электричества и соответственно понимать и промышленность и земледелие. Задача громадная, срок для ее осуществления требуется гораздо более значительный, чем тот, в течение которого мы отстояли свое существование против военного нашествия. Но мы этого срока не боимся, мы считаем завоеванием то, что мы привлекли десятки и сотни инженеров и представителей науки, пропитанных буржуазными взглядами, дали им задание реорганизации всего хозяйства, промышленности и земледелия, вызвали в них интерес и получили множество материала, который сводится в целый ряд брошюр. Каждый район по электрификации освещен отдельной брошюрой. План электрификации Северного района готов, интересующиеся его могут получить. К съезду Советов будут изданы брошюры, посвященные каждому району и дающие весь план реорганизации. Задача в том, чтобы со всех концов, в каждой партийной ячейке, в каждом советском учреждении по этому единому плану, рассчитанному на долгий ряд лет, систематически велась работа, чтобы в недалеком будущем мы могли представить конкретно, насколько и как мы движемся вперед, не впадая ни в какой самообман и не скрывая трудностей, которые стоят перед нами. Эта задача единого хозяйственного плана, его осуществление во что бы то ни стало становится перед всей республикой.

Ленин В. И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь 21 ноября [Московская губернская конференция РКП(б) 20—22 ноября 1920 г.] — Полн. собр. соч., т. 42, с. 27—31

Привлечение научно-технических кадров к строительству социализма

Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д. . .

Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще. Нам нужны хорошие организаторы банковского дела и объединения предприятий (в этом деле у капиталистов больше опыта, а с опытными людьми работа идет легче), нам нужны в большем и большем,

против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода, — скажет пролетарское государство. Мы всем таким работникам дадим посильный и привычный им труд, мы, вероятно, лишь с постепенностью будем вводить равенство платы в полном его размере, оставляя на время перехода более высокую плату для таких специалистов, но мы поставим их под всесторонний рабочий контроль, мы добьемся полного и безусловного проведения в жизнь правила: «кто не работает, тот да не ест». А организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии и прочее; нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34, с. 311—312

Мы имеем теперь перед собою во всех областях хозяйственной и политической жизни предложение услуг со стороны громадного числа буржуазной интеллигенции и деятелей капиталистического хозяйства, — предложение ими услуг Советской власти. И задача Советской власти состоит теперь в том, чтобы суметь воспользоваться этими услугами, которые для перехода к социализму безусловно необходимы, особенно в такой крестьянской стране, как Россия, и которые должны быть взяты при полном соблюдении верховенства, руководства и контроля Советской власти за ее новыми, — действовавшими сплошь и рядом против воли и с тайной надеждой опротестовать эту Советскую власть, — помощниками и пособниками.

Чтобы показать, насколько необходимо Советской власти воспользоваться именно для перехода к социализму услугами буржуазной интеллигенции, мы позволим себе употребить выражение, которое на первый взгляд покажется парадоксом: учиться социализму надо в значительной степени у руководителей трестов, учиться социализму надо у крупнейших организаторов капитализма. Что это не парадокс, в этом легко убедится всякий, кто подумает над тем, что именно крупные фабрики, именно крупная машинная индустрия, развившая до неслыханных размеров эксплуатацию трудящихся, — именно крупные фабрики являются центрами сосредоточения того класса, который один только был в состоянии уничтожить господство капитала и начать переход к социализму. Не удивительно поэтому, что для решения практических задач социализма, когда на очередь поставлена организационная сторона его, мы необходимо должны привлечь к содействию Советской власти большое число представителей буржуазной интеллигенции, в особенности из числа тех, кто был занят практической работой организации крупнейшего производства в капиталистических рамках, и значит в первую голову — организацией синдикатов, картелей и трестов. Для решения этой задачи Советской власти потребуется, конечно, напряжение энергии, инициатива широкой массы трудящихся во всех областях народного хозяйства, ибо старого положения так называемым вождем промышленности, — старого положения начальников и эксплуататоров, — этого старого положения Советская власть не даст им никогда. Прежние вожди промышленности, прежние начальники и эксплуататоры, должны занять место технических экспертов, руководителей, консультантов, советчиков. Должна быть решена трудная и новая, но чрезвычайно благодарная задача соединения всего опыта и знания, которые этими представителями эксплуататорских классов скоплены, с самостоятельностью, с энергией, работою широких слоев трудящихся масс. Ибо только это соединение в состоянии создать мост, ведущий от старого, капиталистического — к новому, социалистическому обществу.

Если бы социалистическая революция победила одновременно во всем мире или, по крайней мере, в целом ряде передовых стран, то задача привлечения к процессу новой организации производства лучших специалистов техников из руководителей старого капитализма была бы чрезвычайно облегчена. Отсталой России не приходилось бы тогда самостоятельно думать о решении этой задачи, ибо на помощь нам пришли бы передовые рабочие западноевропейских стран и сняли бы с нас большую часть

трудностей в той наиболее трудной задаче перехода к социализму, которая называется организационной задачей. Теперь, при таком фактическом положении, когда наступление социалистической революции на Западе замедлилось и запоздало, а России приходится ускоренным образом принимать меры к своей реорганизации, — просто хотя бы в интересах спасения населения от голода, а затем в интересах спасения всей страны от возможного военного нашествия, — теперь нам приходится заимствовать у передовых стран не помощь социалистической организации и поддержку рабочих, а помощь тамошней буржуазии и капиталистической интеллигенции.

И обстоятельства складываются таким образом, что мы можем получить эту помощь, организовав содействие буржуазной интеллигенции в деле новых организационных проблем Советской власти. Можно получить это содействие при помощи высокой оплаты труда наилучших специалистов в каждой отрасли знания, как принадлежащих к нашему государству, так и взятых из-за границы. Конечно, говоря с точки зрения уже развитого социалистического общества, представляется совершенно несправедливым и неправильным, чтобы представители буржуазной интеллигенции получали оплату труда неизмеримо более высокую, чем оплата труда лучших слоев рабочего класса. Но в условиях практической действительности. . . * мы непременно должны решить неотложную задачу путем этой (несправедливой) оплаты труда буржуазных специалистов по гораздо более высоким нормам. Если бы, например, мы допустили, что Россия для организации производства на новых началах, для повышения производительности труда, для обучения нашего народа искусству работать в лучших условиях, — если бы мы допустили, что нам пришлось бы нанять для этого, скажем, две тысячи крупнейших специалистов различных областей знания, — специалистов из числа русских и еще более из числа зарубежных, скажем, американских, — если бы нам пришлось заплатить им в год пятьдесят или сто миллионов рублей, то, с точки зрения интересов народного хозяйства, вообще с точки зрения перехода от устарелых приемов производства к новейшим, наиболее усовершенствованным, — такой расход представлялся бы вполне обоснованным. За обучение лучшим способом и приемам производства такую сумму дать надо, и дать стоит, и такую сумму нам придется дать потому, что другую возможность получить подобное руководство создала бы исключительно победа социалистической революции в других странах.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 137—140

Главным и очередным является теперь лозунг именно практичности и именно деловитости. Отсюда вытекает, что привлечение к работе буржуазной интеллигенции является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня. Было бы до смешного нелепо, если бы в таком привлечении усматривали бы какое-то шатание власти, какое-то отступление от принципов социализма, или какой-то недопустимый компромисс с буржуазией. Высказывать такое мнение, значило бы повторять без всякого смысла слова, относящиеся к совершенно иному периоду деятельности революционных пролетарских партий. Напротив, именно во исполнение наших революционных задач, именно во имя того, чтобы эти задачи не остались утопией, или невинным пожеланием, а превратились бы действительно в реальность, — были бы осуществлены немедленно, — именно, во имя такой цели, мы должны теперь поставить, как свою первую, очередную и главнейшую задачу, именно практичность и деловитость организационной работы.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 159

* Опущена часть фразы, записанная неясно. *Ред.*

Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом. Социализм должен *по-своему*, своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед. А специалисты неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами. Если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля, организации во всенародном масштабе, — (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России) — тогда, сломав саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью и буржуазных специалистов. В силу значительного «опоздания» с учетом и контролем вообще, мы, хотя и успели победить саботаж, но обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, *еще не* создали; масса саботажников «идет на службу», но лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому, по-буржуазному (т. е. за высокую плату), либо по-новому, по-пролетарски (т. е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собою подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов. Все, знакомые с делом, видят это, но не все вдумываются в значение подобной меры со стороны пролетарского государства. Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом.

Мало того. Ясно, что такая мера есть не только приостановка — в известной области и в известной степени — наступления на капитал (ибо капитал есть не сумма денег, а определенное общественное отношение), но и *шаг назад* нашей социалистической, Советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего.

Конечно, лакеи буржуазии, особенно мелкого разбора, вроде меньшевиков, новоженцев, правых эсеров, будут хихикать по поводу признания того, что мы делаем шаг назад. Но нам нечего обращать внимание на хихиканье. Нам надо изучать особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь вовремя доделывать недоделанное. Скрывать от масс, что привлечение буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступление от принципов Коммуны, значило бы опускаться до уровня буржуазных политиканов и обманывать массы. Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства наверстать упущенное, — это значит воспитывать массы и на опыте учиться, вместе с ними учиться строительству социализма. Едва ли был хоть один победоносный военный поход в истории, когда бы победителю не случилось делать отдельных ошибок, терпеть частичные поражения, временно отступать кое в чем и кое-где назад. А предпринятый нами «поход» против капитализма в миллион раз труднее самого трудного военного похода, и впасть в уныние по поводу частного и частичного отступления было бы глупо и позорно.

Подойдем к вопросу с практической стороны. Допустим, Российской Советской республике необходимы 1000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знания, техники, практического опыта, для руководства народным трудом в целях возможно более быстрого экономического подъема страны. Допустим, что эти «звезды первой величины» приходится оплачивать — большинство из них, конечно, тем развращеннее буржуазными нравами, чем охотнее оно кричит о развращенности рабочих, — по 25 000 рублей в год. Допустим, что эту сумму (25 миллионов рублей) надо удвоить (предполагая выдачу премий за особенно успешное и быстрое выполнение важнейших из организаторски-технических заданий) или даже учетверить (предполагая привлечение нескольких сот более требовательных зарубежных специалистов). Спрашивается, можно ли признать чрезмерным или непосильным для Советской республики расход пятидесяти или ста миллионов рублей в год на переорганизацию народного

труда по последнему слову науки и техники? Конечно, нет. Подавляющее большинство сознательных рабочих и крестьян одобрит такой расход, зная из практической жизни, что наша отсталость заставляет нас терять миллиарды, а такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие «звезд» буржуазной интеллигенции в *нашей* работе, мы *еще не* достигли.

Разумеется, вопрос имеет также другую сторону. Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо — и на Советскую власть (тем более, что при быстроте переворота к этой власти не могло не примкнуть известное количество авантюристов и жуликов, которые вместе с бездарными или бессовестными из разных комиссаров не прочь попасть в «звезды». . . казнокрадства) и на рабочую массу. Но все, что есть мыслящего и честного среди рабочих и беднейших крестьян, согласится с нами, признаёт, что сразу избавиться от дурного наследия капитализма мы не в состоянии, что освободить Советскую республику от «дани» в 50 или 100 миллионов рублей (дани за нашу собственную отсталость в деле организации *всенародного* учета и контроля *снизу*) можно не иначе, как организуясь, подтягивая дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всех «хранящих наследство капитализма», «соблюдающих традиции капитализма», т. е. от лодырей, туенядцев, казнокрадов (теперь вся земля, все фабрики, все железные дороги есть «казна» Советской республики). Если сознательные передовики рабочих и беднейших крестьян успеют, при помощи советских учреждений, в один год организоваться, дисциплинироваться, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину, тогда мы через год скинем с себя эту «дань», которую можно сократить даже раньше. . . ровно в меру успехов нашей, рабоче-крестьянской, трудовой дисциплины и организованности. Чем скорее мы сами, рабочие и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплине и высшей технике труда, используя для этой науки буржуазных специалистов, тем скорее мы избавимся от всякой «дани» этим специалистам.

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 178—181

. . . Рабочие прекрасно знают, что организаторы действительно крупных и крупнейших предприятий, трестов или других учреждений, на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов, как и первоклассные техники, — но именно их мы, пролетарская партия, должны брать в «руководители» процесса труда и организации производства, ибо иных, знающих это дело из практики, из опыта, людей *нет*. Ибо рабочие, вышедшие из младенческого возраста, когда их могла сбивать «левая» фраза или мелкобуржуазная распушенность, идут к социализму именно через капиталистическое руководство трестами, через крупнейшее машинное производство, через предприятия с оборотами в несколько миллионов в год, — только через такие производства и предприятия. Рабочие — не мелкие буржуа. Они не боятся крупнейшего «государственного капитализма», они его ценят, как их, *пролетарское*, орудие, которое *их, Советская*, власть употребит в дело против мелкособственнического распада и развала.

Этого не понимают лишь деклассированные и потому насквозь мелкобуржуазные интеллигенты, типом которых в группе «левых коммунистов» и в их журнале выступает Осинский, когда он пишет:

«. . . Вся инициатива в деле организации и руководства предприятием будет принадлежать «организаторам трестов»: ведь мы не *учить* их хотим, не делать их рядовыми работниками, а *учиться* у них» («Коммунист» № 1, стр. 14, столб. 2).

Потуги на иронию в этой фразе направлены против моих слов: «учиться социализму у организаторов трестов».

Осинскому это смешно. Он хочет организаторов трестов сделать «рядовыми работниками». Если бы это писал человек такого возраста, про который поэт сказал: «Пятнадцать только лет, не более того?» . . .⁵ — тогда бы удивляться было нечему. Но от марксиста, учившегося тому, что социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом, слышать такие речи несколько странно. От марксизма тут не осталось ничего.

Нет. Коммунистами достойны называться лишь те, кто понимает, что создать или ввести социализм, *не участь* у организаторов треста, *нельзя*. Ибо социализм не есть выдумка, а есть усвоение пролетарским авангардом, завоевавшим власть, усвоение и применение того, что создано трестами. Нам, партии пролетариата, *неоткуда* взять умения организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, — *неоткуда*, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма.

Их нам учить нечему, если не задаваться ребяческой целью «учить» буржуазных интеллигентов социализму: их надо не учить, а экспроприровать (что в России достаточно «решительно» делается), их саботаж надо *сломить*, их надо, как слой или группу, *подчинить* Советской власти. У них же нам, — если мы коммунисты не ребяческого возраста и не ребяческого понимания, — у них нам надо учиться, и есть чему учиться, ибо *опыта* самостоятельной работы по налажению крупнейших, десятки миллионов населения обслуживающих, предприятий у партии пролетариата и у авангарда пролетариата *нет*.

И лучшие рабочие России поняли это. Они начали учиться у капиталистов-организаторов, у инженеров-руководителей, у техников-специалистов. Они начали твердо и осторожно с более легкого, постепенно переходя к труднейшему. Если в металлургии и в машиностроении дело идет медленнее, то это потому, что оно труднее. А рабочие текстили, табачники, кожевники не боятся, как деклассированные мелкобуржуазные интеллигенты, «государственного капитализма», не боятся «учиться у организаторов трестов». Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа «Главкожи» или «Центротекстиля», сидят рядом с капиталистами, *учатся у них*, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма.

Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 310—311

Возьмите одну из второстепенных задач, на которую Совет народного хозяйства, Высший совет народного хозяйства, особенно часто натывается, — задачу использования буржуазных специалистов. Мы все знаем, по крайней мере те, которые стоят на почве науки и социализма, что эта задача может быть осуществима лишь тогда, что она может быть осуществима лишь в той мере, в какой международный капитализм развил материальные, технические предпосылки труда, осуществленного в гигантском размере, покоящегося на данных науки, а поэтому на выработке громадного кадра научно-образованных специалистов. Мы знаем, что без этого социализм невозможен.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 380—381

Я не сомневаюсь, что коммунисты — превосходнейшие люди, среди них имеются превосходные организаторы, но чтобы получить этих организаторов в большом числе, нужны годы и годы, а нам ждать нельзя.

Сейчас мы можем получить таких работников в среде буржуазии, в среде специалистов и интеллигенции. И мы будем спрашивать с каждого товарища, работающего в совнархозе: что вы, господа, сделали для того, чтобы привлечь к работе опытных людей, что вы сделали для того, чтобы привлечь специалистов, чтобы привлечь приказчиков, дельных буржуазных кооператоров, которые должны работать у вас несколько не хуже, чем они работали у каких-нибудь Колупаевых и Разуваевых? Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных нам специалистов к нашей работе. Это должны знать все наши коллегиальные управления, все наши коммунистические работники. В таком отношении к делу — залог нашего успеха.

Достаточно всевозможных праздных разговоров, теперь настало время перейти к практическому делу, которое может вывести нашу страну из того круга, в который ее замыкают империалисты. На этой точке зрения должны стоять все советские, все

кооперативные аппараты. Нам нужно делать дело и дело! Если пролетариат, взяв власть в свои руки, не сумеет воспользоваться своей властью, не сумеет практически поставить вопрос и практически же его разрешить, он потеряет очень многое. Пора оставить тот предрассудок, будто только коммунисты, среди которых, несомненно, есть и весьма хорошие люди, могут проводить определенную работу. Пора оставить этот предрассудок: нам нужны работники дела и дела, и мы должны всех их привлечь к работе.

Капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми мы должны непременно воспользоваться и воспользоваться в широком, массовом размере, пустив всех их в ход. Тратить время на подготовку специалистов из наших коммунистов нам совершенно некогда, потому что сейчас все дело в практической работе, в практических результатах.

Ленин В. И. Речь на 11 Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 400—401

Повышение производительности труда составляет одну из коренных задач, ибо без этого окончательный переход к коммунизму невозможен. Достижение этой цели, помимо длительной работы над просвещением масс и повышением их культурного уровня, требует немедленного, широкого и всестороннего использования специалистов науки и техники, которые оставлены нам в наследство капитализмом и неизбежно оказываются обычно пропитанными буржуазным мирозерцанием и привычками. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не делать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой, также беспощадно бороться с мниморадикальным, на самом же деле невежественным, самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними.

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, мы никоим образом не можем ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно за организаторскую работу; премии будут недопустимы при системе полного коммунизма, но в переходную эпоху от капитализма к коммунизму обойтись без премий нельзя, как свидетельствуют и теоретические соображения и годичный опыт Советской власти.

Вместе с тем надо неуклонно работать над тем, чтобы окружать буржуазных специалистов обстановкой товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и терпеливо, не смущаясь неизбежными отдельными неудачами, добиваться того, чтобы пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации человека человеком, сознание более высокой задачи использовать науку для ознакомления с ней всей массы трудящихся.

Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы РКП [февраль, ранее 23, 1919 г. Проект программы РКП(б)]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 97—98

...Задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно

пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не делать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой, также беспощадно бороться с мниморадикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними.

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно за организаторскую работу.

Равным образом необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда.

Ленин В. И. Пункты экономической части программы. [Февраль, ранее 25, 1919 г. Проект программы РКП(б)]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 120

О специалистах я говорю, что это люди, которые обладают буржуазной наукой и техникой в таком размере, в каком громадное большинство всех рабочих и крестьян не обладает, такие специалисты нужны, и мы говорим, что мы сейчас не можем вводить полное равенство платы и стоим за то, чтобы платить свыше трех тысяч. Если даже мы заплатим несколько миллионов в год, — это не дорого, если мы научимся при помощи их хорошо работать. Иного средства поставить дело мы не видим для того, чтобы они работали не из-под палки, и пока специалистов мало, мы принуждены не отказываться от высоких ставок. Мы недавно имели разговор по этому вопросу с комиссаром труда Шмидтом, и он соглашается с нашей политикой и говорит, что прежде, при капитализме, заработная плата чернорабочего была 25 рублей в месяц, заработок хорошего специалиста не меньше 500 рублей в месяц — разница 1—20, теперь низший заработок 600 рублей, а специалисты получают 3 тысячи, разница 1—5. Таким образом, чтобы выравнять низшие и высшие ставки, мы сделали порядком и будем дальше продолжать начатое. В данное же время сравнивать оплату мы не можем, пока мало специалистов мы не отказываемся от повышения платы им. Мы говорим, что лучше отдадим лишний миллион или миллиард в год только бы воспользоваться всеми специалистами, какие есть, — они большему научат рабочих и крестьян, чем стоит этот миллиард.

Ленин В. И. Ответ на записки [Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г.]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 18—19

Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они ни сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу. Мы должны поставить их на работу, как техническую и культурную силу, чтобы сохранить их и сделать из некультурной и дикой капиталистической страны — культурную коммунистическую страну. И я думаю, что за этот год мы научились строить, мы стали на верный путь и с этого пути не сойдемся.

Ленин В. И. Отчет Центрального Комитета 18 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 143

Вопрос о *буржуазных специалистах* вызывает немало трений и разногласий. Когда мне пришлось выступить на днях в Петроградском Совете, то из тех записок, которые мне подали, несколько было посвящено вопросу о ставках. Меня спрашивали: разве можно в социалистической республике платить до 3000 рублей? Мы, в сущности, поставили этот вопрос в программу, ибо недовольство на этой почве пошло довольно далеко. Вопрос о буржуазных специалистах стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, стоит везде. Это очень важный вопрос переходного периода от капитализма к коммунизму. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средствами буржуазной науки и техники сделаем его более доступным массам. Иначе построить коммунистическое общество нельзя. А чтобы построить его таким образом, надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех этих специалистов. Мы в программе нарочно развили этот вопрос подробно, чтобы он был радикально решен. Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, в принципе давшей неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, давшей образец этой демократии для всего мира, — как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной, — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы. Этот вопрос о буржуазных специалистах на настоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Такое решение даст возможность товарищам, которые несомненно прислушиваются к этому съезду, опереться на его авторитет, увидеть, на какие трудности мы наталкиваемся. Оно поможет тем товарищам, которые на каждом шагу сталкиваются с этим вопросом, принять участие хотя бы в пропагандистской работе. . .

Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, немедленно и сейчас же поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя. Это надо раз навсегда сказать. Конечно, большинство этих специалистов насквозь проникнуто буржуазным мирозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя, — это мы прекрасно испытали. Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устроить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию. На этот счет у большевиков действуют энергично. Это сделать можно, и это мы делаем достаточно. Этому мы научились все. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно. Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, т. е. обогащали буржуазию огромными материальными приобретениями, а для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах. Но они все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самостоятельность трудящихся, он относится к нам уже совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и, когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены *морально*, а не только политически отсечены от буржуазии. Тогда наша задача станет легче. Тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью. Для этого идти на жертвы необходимо. Для этого заплатить хотя бы два миллиарда — пустяки. Бояться этой жертвы было бы ребячеством, ибо это значило бы не понимать тех задач, которые стоят перед нами.

Расстройство транспорта, расстройство промышленности и земледелия подрывают самое существование Советской республики. Тут мы должны идти на самые энергичные меры, напрягающие до последней степени все силы страны. По отношению к специа-

318

листам мы не должны придерживаться политики мелких придинок. Эти специалисты — не слуги эксплуататоров, это — культурные деятели, которые в буржуазном обществе служили буржуазии и про которых все социалисты всего мира говорили, что в пролетарском обществе они будут служить *нам*. В этот переходный период мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика, это будет самое экономное хозяйничание. Иначе мы, сэкономив несколько сот миллионов, можем потерять столько, что никакие миллиарды не восстановят потерянного.

*Ленин В. И. Доклад о партийной программе
19 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта
1919 г.]. — Полн. собр. соч., т. 38,
с. 165—168*

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз большие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным мирозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях, — и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя — все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Немущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов.

И если вы не постройте коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взяли власть, когда мы получили советский аппарат!

Это одна половина задачи, и это большая половина задачи. Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыв не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах.

Так поставлена задача во всех областях — задача противоречивая, как противоречив весь капитализм, труднейшая, но выполняемая. Не потому, что мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без дятна и упрека; нет, извините, нам надо все устроить теперь, не через двадцать лет, а через два месяца, чтобы бороться против буржуазии, против буржуазной науки и техники всего мира. Тут мы должны победить. Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам — трудно, но можно; и если мы это сделаем, мы победим.

*Ленин В. И. Успехи и трудности Советской
власти. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 54—55*

Задача практически сейчас стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации, каждый день пресекать контрреволюционные поползновения и в то же время учиться у них.

У нас, в лучшем случае, есть наука агитатора, пропагандиста, человека, закаленного дьявольски тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина, — наука, которая учит долго держаться, оказывать упорство в борьбе, что и спасало нас до сих пор; это все необходимо; но этого мало, с этим одним победить нельзя; чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру.

Откуда же это взять? Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома, инженера и пр., чтобы усвоить плоды их культуры.

В этом отношении та борьба, которая возникла в нашей партии за минувший год, была чрезвычайно плодотворна; она вызвала немало резких столкновений, но борьба и не бывает без резких столкновений; мы же приобрели практический опыт в вопросе, который никогда перед нами не ставился, но без которого коммунизм осуществить не удастся. Задача — как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, трудная. Здесь все дело в организации, в дисциплине передового слоя трудящихся масс. Если бы в России, во главе миллионов забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян, если бы около них не было передового слоя городских рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются их доверием, которым крестьянин поверит, как своим рабочим людям, если бы не было этой организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе, — тогда дело коммунизма было бы безнадежно.

Говорю это не с точки зрения отвлеченной, а с точки зрения ежедневного опыта в течение целого года. Если в этом опыте много мелочей, иногда скучных, неприятных, то за всеми этими мелочами надо увидеть нечто поглубже, надо понять, что в этих мелочах работы, в столкновениях между заводским комитетом и инженером, таким-то красноармейцем и таким-то буржуазным офицером, таким-то крестьянином и буржуазным агрономом, — что в этих конфликтах, трениях, мелочах есть неизмеримо более глубокое содержание. Мы победили предрассудок, что следует этих буржуазных специалистов выкинуть вон.

Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 58—60

Нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а он находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем. Надо их окружить товарищеской обстановкой, духом коммунистической работы и добиться того, чтобы они шли в шеренге с рабоче-крестьянской властью.

Среди крестьянства очень часто проявляется чрезвычайное недоверие и возмущение, доходящее до полного отрицания советских хозяйств: не нужно советских хозяйств, там сидят старые эксплуататоры. Мы говорили — нет, если не умеете сами устроить хозяйство по-новому, надо брать на службу старых специалистов, без этого из нищеты не выйти. Тех из них, которые будут нарушать постановления Советской власти, мы будем беспощадно вылавливать так же, как и в Красной Армии; борьба продолжается, и борьба беспощадная. Но большинство из них мы заставим работать по-нашему.

Эта задача трудная, сложная, одним ударом ее не разрешить. Тут нужна сознательная рабочая дисциплина, сближение с крестьянами; необходимо показать им, что мы видим все злоупотребления в советских хозяйствах, но мы говорим, что люди науки

и техники должны быть поставлены на службу общественному хозяйству, ибо мелким хозяйством из нужды не выйти.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 314

Сейчас нам нужно использовать всех тех буржуазных специалистов, которые, накопив свои знания в прошлом, должны расплачиваться этими знаниями теперь. Вот с помощью этих специалистов мы и должны провести нашу работу, с их помощью мы должны победить все, что нам нужно, победить и создать наши боевые рабочие ряды, которые бы у них учились и их направляли, которые всегда обращались бы к широкой рабочей среде для разъяснения этого опыта.

Ленин В. И. Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 200

Теперь весь опыт, который мы накопили за войну, мы должны перенести на фронт труда. Тут нельзя перейти механически, основное отношение между классами остается. В войне мы побеждали потому, что за рабочими шла масса, причем военные спецы старые генералы, полковники старой царской буржуазной армии, которые сотни раз совершали измены и предательства, и при каждом предательстве тысячи солдат гибли от этой измены, тем не менее мы десятки тысяч генералов и офицеров получили, и они образовали нашу армию, не будучи коммунистами, сохраняя сочувствие к капиталистам, сохраняя отрицательное отношение к большевизму; живя в военной обстановке, сознательно поддерживая крестьян и рабочих, они перерождались. Вот это основное отношение между коммунистами, которые руководили пролетариатом, и буржуазными специалистами — это основное отношение мы применили на деле и его надо применять с соответствующими изменениями на те задачи, которые стоят перед нами.

Ленин В. И. Доклад о международном и экономическом положении России на XVII Московской губернской конференции. 13 марта 1920 г. — Ленинский сборник XXXVIII, М., 1975, с. 298

Нам специальные люди — специалисты нужны, и мы поставили их в своем государстве. Если преданный делу пролетариат это ясно понял, то тут трудность громадная, надо взять на работу специалистов. Кто из нас учился командовать? Мы учились вести подпольную пропаганду против царизма, но где и когда рабочие учились управлять? Опыта у нас не было, этот опыт мы начали приобретать с Октября 1917 года, тогда, когда буржуазные специалисты приобретали это десятилетиями. Задача кажется неразрешимой, но в Красной Армии мы ее решили, так и тут ни одного спеца без народного комиссара не должно быть. Если мы сами прозеваем, то нас и побьют. Если так, и организация нашей партии должна быть такова, чтобы буржуазный специалист работал на нас, а не мы на него. Но без буржуазных специалистов мы ни одной отрасли построить не сможем.

Ленин В. И. Доклад о международном и экономическом положении России на XVII Московской губернской конференции. 13 марта 1920 г. — Ленинский сборник XXXVIII, М., 1975, с. 303

Прежние революции гибли именно потому, что рабочие не могли удержаться твердой диктатурой и не понимали, что одной диктатурой, одним насилием, принуждением удержаться нельзя; удержаться можно только взявши весь опыт культурного, технического, прогрессивного капитализма, взявши всех этих людей на службу. Когда

рабочие принимаются в первый раз за дело управления и относятся недружелюбно к спецу, к буржую, к капиталисту, который вчера еще был директором, наживал миллионы, угнетал рабочих, мы говорим — и, вероятно, большинство из вас говорит то же самое, — что эти рабочие только начали подходить к коммунизму. Если бы можно было строить коммунизм из спецов, не проникнутых буржуазными взглядами, это было бы очень легко, но только коммунизм этот был бы фантастическим. Мы знаем, что с неба ничего не сваливается, мы знаем, что коммунизм вырастает из капитализма, что только из его остатков можно построить коммунизм, из плохих, правда остатков, но других нет. И того, кто мечтает о таком фантастическом коммунизме, надо гнать из всякого делового собрания и надо оставить в этом собрании людей, которые из остатков капитализма умеют дело делать. Трудности этого дела громадны, но это плодотворная работа, и всякого специалиста надо ценить как единственное достойное достижение техники и культуры, без которого ничего, никакого коммунизма не может быть. . .

Тут опыт говорит, что всякого представителя буржуазной культуры, буржуазного знания, буржуазной техники надо ценить. Без них мы не сумеем построить коммунизма. Рабочий класс, как класс, управляет, и когда он создал Советскую власть, эта власть находится в его руках, как класса, и он всякого представителя буржуазных интересов может взять за шиворот и выкинуть вон. В этом состоит власть пролетариата. Но чтобы построить коммунистическое общество, давайте сознаемтесь откровенно в нашем громадном неумении вести дела, быть организаторами и администраторами. Мы должны подходить к делу с величайшей осторожностью, помня, что только тот пролетарий является сознательным, который умеет подготовить к делу предстоящей кампании буржуазного спеца и ни одной лишней минуты не тратит на расходование человеческой силы, какая всегда тратится излишне на коллегияльность.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г. — Полн. собр. соч. т. 40, с. 217—218

Дорогой Климентий Аркадьевич! Большое спасибо Вам за Вашу книгу и добрые слова⁶. Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть. Крепко, крепко жму Вашу руку и от всей души желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья!

Ленин В. И. — К. А. Тимирязеву. 27 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 185

Неправильно поставлено в Наркомпросе вообще, в Главпрофобре в частности, дело с привлечением к работе в центре спецов, т. е. педагогов с теоретической и длительной практической подготовкой и лиц, имеющих такую подготовку в области профессионально-технического (в том числе и агрономического) образования.

Необходимо немедленно организовать учет таких работников, изучение их стажа, проверку результатов их работы и систематическое привлечение их на ответственные посты в местной и особенно центральной работе. Ни одна серьезная мера не должна проводиться без заключения таких спецов и постоянного участия их.

Разумеется, привлечение спецов должно быть осуществляемо при 2-х неперемных условиях: во 1-х, спецы некоммунисты должны работать под контролем коммунистов. Во-2-х, содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами.

4. Должны быть разработаны и утверждены коллегией и наркомом программы учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий.

5. Отделу единой трудовой школы и затем в особенности Главпрофобру надо обратить усиленное внимание на более широкое и систематическое привлечение всех

подходящих технических и агрономических сил к профессионально-техническому и политехническому образованию в связи с использованием каждого сколько-нибудь сносно поставленного фабрично-заводского и сельскохозяйственного предприятия (совхоза, с.-х. опытной станции, хорошего хозяйства и т. п., электрических станций и т. д.).

Формы и порядок использования хозяйственных предприятий и заведений для политехнического образования должны устанавливаться по соглашению с соответствующими хозяйственными органами так, чтобы это не нарушало нормального хода производства.

Ленин В. И. Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса. 5 февраля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 319—320

В комиссариате просвещения есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства. Это — нарком, т. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, т. Покровский, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще. Вся партия, хорошо знающая и т. Луначарского и т. Покровского, не сомневается, конечно, в том, что они оба являются, в указанных отношениях, своего рода «спецами» в Наркомпросе. Для всех остальных работников такой «специальности» быть не может. «Специальностью» всех остальных работников должно быть умение наладить дело привлечения к работе спецов-педагогов, осуществить правильную постановку их работы, использовать указания практического опыта систематически. Об этом директивы ЦК говорят и в § 2-м, и в § 3-м, и в § 5-м.*

На совещании партработников должны были быть заслушаны спецы, педагоги, лет десять работавшие практически и могущие сказать нам всем, что сделано и делается в такой-то области, например, в области профессионального образования, и каким образом советское строительство с этим справляется, что достигнуто хорошего, каковы образчики этого хорошего (такие образчики, наверное, есть, хотя бы и в самом небольшом числе), каковы конкретные указания на главные недочеты и способы устранения этих недочетов.

Ленин В. И. О работе Наркомпроса. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 324

Не менее невежественным самомнением является мысль, будто возможна иная общеплановая комиссия в РСФСР, кроме «Гозлро», чем, конечно, не отвергается возможная польза частичных, деловых исправлений ее состава. Строить что-либо серьезное, в смысле улучшения общего плана нашего народного хозяйства, можно только на этой основе, только продолжая начатое, иначе это будет игра в администрирование или, проще, самодурство. Задача коммунистов внутри «Гозлро» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца.

Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 346

* См. предыдущий документ. *Ред.*

Не бояться «ученья» коммунистов у буржуазных спецов, в том числе и у торговцев, и у капиталистиков-кооператоров, и у капиталистов. Учиться у них по форме иначе, а по сути дела так же, как учились и научились у военспецов. Результаты «науки» проверять только практическим опытом: сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные спецы, сумей добиться и так и этак подъема земледелия, подъема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить «за науку»: за науку заплатить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком.

Ленин В. И. О продовольственном налоге. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 244

Дорогой Иван Иванович! *

Я вполне понимаю, что Вам больно видеть, как несоветские люди — даже, может быть, частью враги Советской власти — использовали свое изобретение в целях наживы. Очень верю Вам, что таков Кирпичников. Конечно, и Классон не сторонник наш.

Но в том-то и суть, что, как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаться ему.

Изобретатели — чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажить, цапнуть, — но двинуть *и для нас* дело, имеющее исключительную важность для РСФСР.

Давайте, будем детальнее обдумывать *задания* этим людям. Может быть такой план:

1) Кирпичникову разрешить поездку под условием выполнения точно определенных заданий; составить список их.

2) Послать с ним надежных политически двух-трех людей (рабочего, инженера своего и т. п.) как «комиссаров» своего рода. Дать им точную инструкцию.

Утвердим 1 § и 2 § по соглашению с Кржижановским.

3) У нас, в России, создать особый центр, заказать лучшие машины Гидроторфа, поставить с этими особыми машинами этот особый центр, т. е. особое предприятие, и ему поручить *по-своему* двигать это дело вперед.

Найдете людей для этого?

4) Дать *от Главторфа* премии (в 10—30 тысяч рублей *золотом*) в Канаде и в Германии за лучшие приемы обезвоживания торфа и лучшие образцы машин для Гидроторфа и т. д.

Ленин В. И. — И. И. Радченко. 7 июня 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 260

Мы уже назначили специальную комиссию из лучших экономистов и технических сил. Почти все они, правда, настроены против Советской власти. Все эти специалисты придут к коммунизму, но не так, как мы, не через двадцатилетнюю подпольную работу, во время которой мы непрерывно изучали, повторяли и пережевывали азбуку коммунизма.

Почти все органы Советской власти были за то, чтобы мы пошли к специалистам. Специалисты-инженеры придут к нам, когда мы им практически докажем, что таким путем повышаются производительные силы страны. Недостаточно доказывать им это теоретически. Мы должны им доказать это практически. И мы привлечем этих людей на нашу сторону, если мы поставим вопрос иначе, не на почву теоретической пропаганды коммунизма. Мы говорим: крупная промышленность — единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода. С этим все согласны. Но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, а именно — перейти к электрификации. Она требует значительно меньше времени. Планы электрификации нами уже выработаны. Более 200 специалистов — почти все, без исключения, противники Советской власти — с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты. Но, с точки зрения технической науки, они должны были признать, что это

* И. И. Радченко. *Ред.*

единственно правильный путь. Конечно, от плана до его осуществления еще очень далеко. Осторожные специалисты говорят, что первый ряд работ требует не менее 10 лет.

Ленин В. И. Доклад о тактике РКП 5 июля [III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г.] — Полн. собр. соч., т. 44, с. 50—51

Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой степени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов. Никто не согласится признать поставленным сколько-нибудь сносно такое ведомство, в котором не ведется планомерно поставленной и дающей практические результаты работы по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защиты и охраны их интересов и т. д. Профсоюзы должны вести всю работу всех этих видов (или систематически участвовать в соответственной работе всех ведомств) не с точки зрения интересов данного ведомства, а с точки зрения интересов труда и нархозяйства в целом. На профсоюзы ложится в отношении спецов самая тяжелая и трудная работа повседневного воздействия на наиболее широкие массы трудящихся, чтобы создавать правильные взаимоотношения их к спецам; и только такая работа способна дать действительно серьезные практические результаты.

Ленин В. И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. 30 декабря 1921 г. — 4 января 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 350—351

Дорогой мистер Штейнмец!

Душевно благодарю Вас за Ваше дружественное письмо от 16.II.1922 г. Я должен признаться, к стыду моему, что первый раз услышал Ваше имя всего только немного месяцев тому назад от товарища Кржижановского, который был председателем нашей «Государственной комиссии по выработке плана электрификации России» и состоит теперь председателем «Государственной общеплановой комиссии». Он рассказал мне о выдающемся положении, которое Вы заняли среди электротехников всего мира.

Товарищ Мартенс познакомил меня теперь больше с Вами своими рассказами о Вас. Я увидел из этих рассказов, что Вас привели к сочувствию Советской России, с одной стороны, Ваши социально-политические воззрения. С другой стороны, Вы, как представитель электротехники и притом в одной из передовых по развитию техники стран, убедились в необходимости и неизбежности замены капитализма новым общественным строем, который установит планомерное регулирование хозяйства и обеспечит благосостояние всей народной массы на основе электрификации целых стран. Во всех странах мира растет — медленнее, чем того следует желать, но неудержимо и неуклонно растет — число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем и которых «страшные трудности» («terrible difficulties») борьбы Советской России против всего капиталистического мира не отталкивают, не отпугивают, а, напротив, приводят к созна-

нию неизбежности борьбы и необходимости принять в ней посильное участие, помогая новому осилить старое.

В особенности хочется мне поблагодарить Вас за Ваше предложение помочь России советом, указаниями и т. д. Так как отсутствие официальных и законно признанных отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами крайне затрудняет и для нас и для Вас практическое осуществление Вашего предложения, то я позволю себе опубликовать и Ваше письмо и мой ответ, в надежде, что тогда многие лица, живущие в Америке или в странах, связанных торговыми договорами и с Соединенными Штатами и с Россией, помогут Вам (информацией, переводами с русского на английский и т. п.) осуществить Ваше намерение помочь Советской республике.

Ленин В. И. — Чарлзу П. Штейнмецу.
10 апреля 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45,
с. 147—148

Дорогой Иван Иванович! *

Прочел Вашу статью о спецах ⁷.

Несогласен. 2 пункта.

Первый в начале (третий столбец с начала): «Пролетарская диктатура провалится, если, во-1-х, . . .** (это верно), и, во-2-х, если эти спецы не будут своими спецами, такими, которые свою задачу видят в закреплении и развитии диктатуры пролетариата».

Подчеркнутое неверно. Таких спецов мы долго не получим, пока не исчезнут буржуазные спецы, мелкобуржуазные спецы, пока все спецы не станут коммунистами. Между тем «проваливаться» пролетарская диктатура вовсе не должна. Достаточно *м е н ь ш е е* условие: именно *п е р в о е*. Второе не губит нас. Достаточно «иметь в своем распоряжении».

Долго еще будут сомнения, неуверенность, подсиживания, измены и проч. Второе условие дотянется до *конца* диктатуры, а потому *не есть условие диктатуры*.

Теперь второе, в конце статьи, абзац 3-ий и 2-ой *с к о н ц а*.

«Классовая борьба. . . не более уродливо, чем выраженные им отношения».

Неверно. Оно *неверно*, а не только уродливо. Оно хуже чем уродливо: оно *научно неверно*. Это *не* классовая борьба.

Далее. «Научная лаборатория — сплоченный коллектив, действующий согласованно, солидарно и сознательно во всех его элементах».

Неверно. Это не может быть раньше *уничтожения классов*.

Это выходит не по-научному, а по-сентиментальному: *д о* уничтожения классов всем «*делись*». Неверно. Выродится в образцы 1918 года: фельдшера требуют от врачей: всем (*н а у ч н ы м*) «*делись*».

Это и неверно, и практически вредно.

Пример: Политбюро и его *секретарши*. Всем (*н а у ч н ы м*) «*делись*»? Вы сами не станете настаивать. Увлечлись.

Ленин В. И. — И. И. Скворцову—Степанову. 15 ноября 1922 г. — Полн. собр. соч.,
т. 54, с. 310—311

* И. И. Скворцов-Степанов. *Ред.*

** В. И. Ленин имеет в виду следующий текст: «во-первых, в ее распоряжении не будет хороших спецов разнообразнейших категорий». *Ред.*

Подготовка и воспитание новой научно-технической интеллигенции. О социалистической академии общественных наук

СНК поручает Комиссариату народного просвещения подготовить немедленно ряд постановлений и шагов для того, чтобы, в случае если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии.

Ленин В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект постановления Совета Народных Комиссаров. 2 августа 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 34

Одна из составных частей в той борьбе, которую мы сейчас ведем, — дело народного образования. Лицемерию и лжи мы можем противопоставить полную и открытую правду. Война показала наглядно, что такое «воля большинства», которой прикрывалась буржуазия, война показала, что кучка плутократов втягивает народы в бойню ради своих интересов. Вера в то, что буржуазная демократия служит большинству, подорвана теперь окончательно. Наша Конституция, наши Советы, которые явились новостью для Европы, но которые понятны нам еще с опыта революции 1905 года, служат лучшим агитаторским и пропагандистским примером, обличающим всю ложь и лицемерие их демократизма. Мы открыто провозгласили господство трудящихся и эксплуатируемых — это составляет нашу силу и источник нашей непобедимости.

В области народного образования — то же самое: чем более культурно было буржуазное государство, тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом.

На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих. Война показала, как чудеса современной техники служат средством для истребления миллионов рабочих и несметного обогащения наживающихся на войне капиталистов. Война внутренне подорвана, потому что мы разоблачили их ложь, противопоставив ей правду. Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие. Что такое был саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры? Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низами». Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс.

В революционной борьбе русские рабочие и крестьяне получили свое окончательное воспитание. Они увидели, что только наш строй дает им действительное господство, они убедились, что государственная власть целиком и полностью идет на помощь рабочим и деревенским беднякам, чтобы они могли окончательно раздавить сопротивляющиеся кулаков, помещиков и капиталистов.

Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем. Наше дело обеспечено тем, что массы сами взялись за строительство новой, социалистической России. Они учатся на своем собственном опыте, на своих неудачах и ошибках, они видят, насколько просвещение необходимо для победоносного окончания той борьбы, которую

они ведут. Несмотря на кажущееся распадение многих учреждений и ликование саботажной интеллигенции, мы видим, что опыт борьбы научил массы братья самим за вершение своей судьбы. Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 76—78

1

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВНАРКОМА

СНК, вполне одобряя и приветствуя идею, легшую в основе проекта учреждения Социалистической академии⁸, поручает Комиссариату народного просвещения переработать этот проект на следующих основах:

- 1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления;
- 2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы;
- 3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований;
- 4) — немедленно принять меры к выяснению, сбору и использованию русских преподавательских сил.

2

ДИРЕКТИВЫ КОМИССИИ

Поручить Комиссии:

- 1) рассмотреть детально устав Социалистической академии общественных наук для внесения в СНК и затем в ЦИК;
- 2) тотчас же вступить в обмен мнений по этому вопросу, как и по вопросу о составе, с нерусскими и заграничными марксистами;
- 3) составить и обсудить список кандидатов, пригодных и согласных быть членами-учредителями, а равно преподавателями, для внесения этого списка в СНК и ЦИК⁹

Ленин В. И. О Социалистической академии общественных наук. 25 мая 1918 г. и 7 июня 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 372—373

Товарищи, позвольте мне приветствовать ваш съезд¹⁰ от имени Совета Народных Комиссаров. Товарищи, теперь перед учительством встают особо важные задачи, и я надеюсь, что после пережитого года, после той борьбы, которая шла в среде учительства, между теми, кто с самого начала стал на сторону Советской власти, на сторону борьбы за социалистический переворот, и между той частью учительства, которая до сих пор оставалась на почве старых порядков, на почве старых предрассудков, что можно сохранить учебу на почве этих старых порядков, — я думаю, что теперь, после годовой борьбы, после того, что произошло в международных отношениях, — этой борьбе должен прийти и приходит конец. Нельзя сомневаться в том, что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоко корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот и в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерий, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков.

Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение. И буржуазия, выдвигающая такое положение, сама во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников, старалась снизу доверху даже всеобщее обучение свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на советской платформе.

Конечно, дело перестройки школы — дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубом и уродливом смысле, когда пытаются неумело внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придется бороться. Но сейчас главная задача той части учительства, которая встала на почву Интернационала, которая встала на почву Советской власти, заботиться о том, чтобы создать более широкий и по возможности всеобъемлющий учительский союз.

Для старого учительского союза, который отстаивал буржуазные предрассудки, который обнаружил непонимание и до последней степени отстаивал гораздо дольше даже, чем отстаивали такие же привилегии другие вершинные союзы, которые образовались с самого начала революции 1917 года и с которыми мы боролись во всех областях жизни, — для этого союза почвы нет в вашем союзе, союзе интернационалистов. Я думаю, что ваш союз интернационалистов может вполне превратиться в единый школьный профессиональный союз учителей, стоящий, как и все профессиональные союзы, — это особенно ярко показывает II Всероссийский съезд профессиональных союзов, — на платформе Советской власти. Задача перед учительством стоит необъятная. Здесь приходится бороться и с теми остатками расхлябанности и разъединенности, которые оставила нам прошлая революция.

Далее, пропаганда и агитация. Сейчас естественно, что при том недоверии к учительскому составу, которое оставила практика саботажа и предрассудки буржуазного состава учительства, которое привыкло думать, что настоящее образование могут получать только богатые и что для большинства трудящихся достаточно только подготовка хороших слуг и хороших рабочих, но не настоящего хозяина жизни, — оставалась раздробленность во всех областях пропаганды и просвещения. Это осуждает часть учителей на узкую сферу, на сферу якобы учебы, и не дает нам возможности полностью создать единый аппарат, в который все силы науки войдут и будут работать вместе с нами. Нам удастся это сделать постольку, поскольку мы порвем со старыми буржуазными предрассудками, и тут задача вашего союза — привлечь самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию.

В деле профессионального объединения на плечах учительства лежит великая задача в том положении, которое создалось сейчас у нас, когда отчетливо выясняются все вопросы гражданской войны и когда мелкобуржуазные демократические элементы силою вещей вынуждены переходить на сторону Советской власти, потому что они убедились, что всякий другой путь невольно толкает их на путь защиты белогвардейцев и международного империализма. Когда во всем мире ставится одна главная задача, дело ставится так, что либо крайняя реакция, либо военная диктатура и расстрелы, относительно которых мы имели наглядные известия из Берлина; либо эта бешеная реакция озверевших капиталистов, которые чувствуют, что эта четырехлетняя война им не может пройти безнаказанно, и поэтому они на все готовы, готовы еще заливать землю кровью трудящихся, либо полная победа трудящихся в социалистической революции. В тот момент, который мы переживаем, середины быть не может. И вот почему то учительство, которое с самого начала стало на позицию Интернационала, которое теперь ясно видит, что их противники в среде учителей другого лагеря

никакой серьезной оппозиции оказать не могут, должно встать на дорогу более широкой работы. Из вашего союза должен создаться теперь широкий, охватывающий огромные массы учителей, профессиональный союз учителей, союз, который встанет решительно на почву советской платформы и борьбы за социализм путем диктатуры пролетариата.

Именно такова формула, которая принята заседающим теперь II съездом профессиональных союзов. Он требует, чтобы все занятые в известной профессии, в известного рода деятельности, объединялись в один единый союз, но в то же время говорит, что профессиональное движение не может быть оторванным от основных задач борьбы за освобождение труда от капитала. И поэтому полноправным членом профессиональных союзов могут быть только те союзы, которые признают революционную классовую борьбу за социализм путем диктатуры пролетариата. Таков ваш союз. Если вы на эту позицию встанете, — вам обеспечен успех в деле привлечения громадной массы учителя и работы над тем, чтобы знания и науки перестали быть делом привилегированных, перестали быть материалом, который укрепляет позицию богатых и эксплуататоров, а превратились бы в орудие освобождения трудящихся и эксплуатируемых. На этом поприще позвольте пожелать вам, товарищи, всяческого успеха.

Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 430—433

Из номера «Известий» от 8/X видно, что т. Луначарский говорил на съезде Пролеткульта *прямо обратное* тому, о чем мы с ним вчера условились¹¹.

Необходимо с чрезвычайной спешностью приготовить проект резолюции (съезда Пролеткульта), провести через ЦК и успеть провести *в этой же* сессии Пролеткульта. Надо сегодня же провести от имени Цека и в коллегии Наркомпроса и на съезде Пролеткульта, ибо съезд сегодня кончается.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ:¹²

1. В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

2. Поэтому пролетариат, как в лице своего авангарда, коммунистической партии, так и в лице всей массы всякого рода пролетарских организаций вообще, должен принимать самое активное и самое главное участие во всем деле народного просвещения.

3. Весь опыт новейшей истории и в особенности более чем полувековая революционная борьба пролетариата всех стран мира со времени появления «Коммунистического Манифеста» доказали бесспорно, что только мирозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата.

4. Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры.

5. Неуклонно стоя на этой принципиальной точке зрения, Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и

Пролеткульта или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п. Напротив, съезд вменяет в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры.

* * *

Тов. Луначарский говорит, что его исказили. Но *тем более* резолюция архинеобходима.

Ленин В. И. О пролетарской культуре. 8 октября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 336—337

1. Не особые идеи, а марксизм.
2. Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *сущестующей* культуры *с точки зрения* мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры.
3. Не особо от НКПроса, а как часть его, ибо РКП + НКПрос = Σ пролеткультура
4. Тесная связь и соподчинение Пролеткульта НКПросу.

Ленин В. И. набросок резолюции о пролетарской культуре. 9 октября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 462

Товарищи, позвольте мне поделиться несколькими мыслями, которые отчасти были затронуты в Центральном Комитете коммунистической партии и в Совнарком по вопросу об организации Главполитпросвета, отчасти явились у меня по поводу того проекта, который был внесен в Совнарком. Вчера проект этот принят в основание, а затем в деталях он будет еще обсуждаться¹³.

Я от себя позволю только отметить, что к перемене названия вашего учреждения я относился вначале чрезвычайно отрицательно: По-моему, задача Наркомпроса — это помочь людям учиться и других учить. Я за время своего советского опыта привык относиться к разным названиям, как к ребячьим шуткам, ведь каждое название — своего рода шутка. Теперь уже утверждено новое название: Главполитпросвет.

Так как это вопрос решенный, то вы мое замечание примите не больше, как личное замечание. Если дело не ограничится только переменной клички, то это можно будет только приветствовать.

Если нам удастся привлечь новых работников для культурно-просветительной работы, тогда уже будет дело не только в новом названии и тогда можно будет примириться с «советской» слабостью наклеивать ярлычки на каждое новое дело и каждое новое учреждение. В случае удачи мы добьемся чего-нибудь большего, чем то, что было до сих пор достигнуто.

Самое главное, что должно заставить товарищей принять участие вместе с нами в совместной культурно-просветительной работе, — это вопрос о связи просвещения с нашей политикой. Название может что-либо предусматривать, если в этом есть надобность, ибо мы по всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой.

Такая мысль господствовала и господствует в буржуазном обществе. Название «аполитичность» или «неполитичность» просвещения — это есть лицемерие буржуазии, это есть не что иное, как обман масс, на 99 % униженных господством церкви, частной собственности и пр. Буржуазия, господствуя во всех теперь еще буржуазных странах, занимается именно этим обманом масс.

И чем больше там аппарат имеет значение, тем меньше он имеет свободы от капитала и его политики.

Во всех буржуазных государствах связь политического аппарата с просвещением является чрезвычайно крепкой, хотя признать этого прямо буржуазное общество не может. Между тем, это общество обрабатывает массы через церковь, через весь институт частной собственности.

Наша основная задача состоит в том, между прочим, чтобы в противовес буржуазной «правде» противопоставить свою правду и заставить ее признать.

Переход из буржуазного общества к политике пролетариата — очень трудный переход, тем более, что буржуазия клеветает на нас неустанно всем аппаратом своей пропаганды и агитации. Она как можно более старается затушевать еще более важную роль диктатуры пролетариата, ее воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения. А между тем тут эта задача должна выдвинуться на первый план, так как нам нужно подготовить массы к социалистическому строительству. О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т. е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом.

Мы не стоим на точке зрения утопической, будто трудящиеся массы подготовлены к социалистическому обществу. Мы знаем на основании точных данных всей истории рабочего социализма, что это не так, что подготовленность к социализму дает лишь крупная индустрия, стачечная борьба, политическая организованность. И для того, чтобы одержать победу, чтобы совершить социалистический переворот, пролетариат должен быть способным к солидарному действию, к делу свержения эксплуататоров. И теперь мы видим, что все необходимые способности он приобрел и превратил их в дело, когда завоевал свою власть.

Для работников просвещения и для коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс. Эта основная задача всего социалистического переворота никогда не должна быть упускаема при рассмотрении тех частных вопросов, которые так много занимали внимание ЦК партии и Совнаркома. Как построить Главполитпросвет, как соединить его с отдельными учреждениями, как связать его не только с центром, но и с местными учреждениями, на этот вопрос нам ответят товарищи более компетентные в этом деле, имеющие уже большой опыт и специально изучавшие это дело. Мне бы хотелось только подчеркнуть основные моменты принципиальной стороны дела. Мы не можем не ставить дело открыто, открыто признавая, вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой.

Мы живем в исторический момент борьбы с мировой буржуазией, которая во много и много раз сильнее нас. В такой момент борьбы мы должны отстаивать революционное строительство, бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания, чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал себе в продолжение многих десятилетий в борьбе за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей послужила орудием воспитания всех трудящихся, а задача решения вопроса, как именно воспитать, ложится на пролетариат. Необходимо воспитать сознание, что нельзя, недопустимо стоять вне той борьбы пролетариата, которая сейчас все более и более захватывает все без исключения капиталистические страны мира, стоять в стороне от всей международной политики. Объединение всех могущественных капиталистических стран мира против Советской России — в этом подлинная база настоящей международной политики. И нужно же признать, что от этого зависит судьба сотен миллионов трудящихся в капиталистических странах. Ведь в настоящий момент нет уголка на земле, который не был бы подчинен горсточке капиталистических стран. Таким образом, положение выливается в такую форму, что необходимо либо стать в стороне от переживаемой борьбы и этим доказать полную несознательность, как те темные люди, которые остались в стороне от революции и войны и которые не видят всего обмана масс буржуазией, не видят,

как буржуазия сознательно оставляет эти массы в темноте, либо стать на борьбу за диктатуру пролетариата.

Об этой борьбе пролетариата мы говорим совершенно открыто, и нужно каждому человеку стать или по эту, нашу, сторону, или по другую. Все попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом.

Наблюдая бесконечные остатки керенщины, остатки эсеров, социал-демократии, выявившиеся в лице Юденичей, Колчаков, Петлюры, Махно и проч., мы видели такое разнообразие форм и окрасок контрреволюции в разных местах России, что можем сказать, что мы закалены уже гораздо больше, чем кто-нибудь другой, а когда мы взглянем на Западную Европу, то видим, что там повторяется то же самое, что было у нас, повторяется наша история. Почти везде рядом с буржуазией встречаются элементы керенщины. В целом ряде государств, особенно в Германии, они главенствуют. Везде наблюдается одно и то же: невозможность какой-нибудь средней позиции и ясное сознание — либо белая диктатура (к ней готовится буржуазия во всех странах Западной Европы, вооружаясь против нас), либо диктатура пролетариата. Мы испытали это так остро и глубоко, что о русских коммунистах мне распространяться не приходится. Отсюда вывод только один, и вывод, который должен лечь в основу углов всех рассуждений и построений, связанных с Главполитпросветом. Прежде всего в работе этого органа должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии. Иной формы мы не знаем, и иной формы ни одна страна еще не выработала. Партия может быть более или менее соответствующей интересам своего класса, она переживает те или иные изменения или исправления, но лучшей формы мы еще не знаем, и вся борьба в Советской России, в течение трех лет удерживавшей натиск мирового империализма, связана с тем, что партия сознательно ставит своей задачей помочь пролетариату выполнить его роль воспитателя, организатора и руководителя, ту роль, без которой распад капитализма невозможен. Трудящиеся массы, массы крестьян и рабочих, должны побороть старые навыки интеллигенции и перевоспитать себя для строительства коммунизма — без этого к делу строительства приступить нельзя. Весь наш опыт показывает, что это дело слишком серьезное, и потому признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве. Как осуществлять его, надо будет еще много говорить, придется говорить об этом и в ЦК партии и в Совнаркоме; тот декрет, который вчера был утвержден, явился основой по отношению к Главполитпросвету, но он в Совнаркоме еще не завершил всего своего пути. На днях этот декрет будет опубликован, и в окончательно отредактированной форме вы увидите, что прямого заявления об отношении к партии там нет.

Но мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить. Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. В этой учительской среде особенно упрочились буржуазные предрассудки. Здесь долго шла борьба и в виде прямого саботажа и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоевывать себе коммунистическую позицию. Для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающая задача этого образования и просвещения масс, особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе, враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты.

Так как надо порвать со старыми привычками, навыками, идеями, то здесь перед Главполитпросветом и перед его работниками стоит наиважнейшая задача, которая и должна более всего иметься в виду. И действительно, тут стоит перед нами дилемма, как связать учительство, в большинстве старого закала, с партийными, с коммунистами? Этот вопрос крайне трудный, и над ним нужно очень и очень задуматься.

Рассмотрим, как связать организационно столь разных людей. Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии. Таким образом, цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это можно сделать? Это возможно, только овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об этом. Вот и является вопрос, как же их связать, этих работников, которые не привыкли работать в связи с политикой и с полезной для нас политикой в частности, т. е. необходимой для коммунизма. Это, как я сказал, очень трудная задача. Мы обсуждали этот вопрос и в Центральном Комитете и, обсуждая этот вопрос, старались учесть указания, собранные опытом, и думаем, что такого рода съезд, как сегодня, на котором я сейчас говорю, такого рода конференция, как ваша, будет иметь в этом отношении большое значение. Каждому комитету партии на каждого пропагандиста, на которого смотрели раньше как на человека определенного кружка, определенной организации, теперь приходится смотреть по-новому. Каждый принадлежит к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом. Очень и очень многие коммунисты, прошедшие великолепно школу подпольной работы, испытанные и закаленные борьбой, не хотят и не могут понять всей значительности этого перелома, этого перехода, когда из агитатора-пропагандиста он становится руководителем агитаторов, руководителем гигантской политической организации. Будет ли он назван при этом каким-либо соответствующим именем, может быть, даже щекотливым, например, заведующим народных училищ, — это не так важно, но важно, чтобы он умел руководить учительской массой.

Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах. Наследие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками учительской массы, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако, не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели.

Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей. Это задача, которая решена на фронте, в нашей Красной Армии, в которую были взяты десятки тысяч представителей старой армии. В длительном процессе, процессе перевоспитания, они слились с Красной Армией, что, в конце концов, и доказали своими победами. И в нашей культурно-просветительной работе мы должны следовать этому примеру. Правда, эта работа не так блестящая, но еще более важна. Каждый агитатор и пропагандист нам необходим, он выполняет свою задачу, когда работает в строго партийном духе, но не ограничивается одной только партией, а помнит, что его задача — руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь.

Вот те задачи, которые должны преследовать каждый агитатор и пропагандист, работающий вне школьных рамок, и этих задач он не должен выпускать из виду. При решении их встречается масса практических трудностей, и вы должны помочь

коммунизму и стать представителями и руководителями не только партийных кружков, но и всей государственной власти, которая находится у рабочего класса.

Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге победителями будем мы.

Я хотел бы в итоге остановиться еще на одном: может быть, слово Главполитпросвет неправильно понимается. Постольку, поскольку здесь упоминается понятие политической, здесь политика есть самое главное.

Но как понимать политику? Если понимать политику в смысле старом, то можно впасть в большую и тяжелую ошибку. Политика — это борьба между классами, политика — это отношения пролетариата, борющегося за освобождение против всемирной буржуазии. Но в нашей борьбе выделяются две стороны дела: с одной стороны, задача разрушить наследие буржуазного строя, разрушить попытки раздавить Советскую власть, повторяемые всей буржуазией. До сих пор эта задача более всего занимала наше внимание и мешала перейти к другой задаче — задаче строительства. Политика в представлении буржуазного мирозерцания была как бы оторвана от экономики. Буржуазия говорила: работайте, крестьяне, чтобы получить возможность существования, работайте, рабочие, чтобы получить на рынке все необходимое, чтобы жить, а политику хозяйственную ведут ваши хозяева. А между тем это не так, политика должна быть делом народа, делом пролетариата. И вот тут нам необходимо подчеркнуть, что мы ⁹/₁₀ времени в нашей работе заняты борьбой с буржуазией. Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства. Всякий шаг, приближающий нас к победе над белогвардейцами, переносит постепенно центр тяжести борьбы к политике экономики. Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главная задача, и если бы кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался бы отсталым и не может вести работу пропаганды для массы крестьян и рабочих. Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы решить, как лучше использовать эти пуды хлеба и угля, чтобы не было голодных, — вот какова наша политика. И на этом должна быть построена вся агитация и вся пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся. Как только война нам даст возможность освободить центр тяжести от борьбы с буржуазией, от борьбы с Врангелем, с белогвардейцами, мы обратимся к политике экономики. И вот тут будет играть все возрастающую, громадную роль агитация и пропаганда.

Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом, нужно знать, нужно прочесть вот такую-то брошюрку, вот такую-то книжку. Вот как мы улучшим хозяйство и сделаем его более солидным, более общественным, увеличим производство, улучшим хлебный вопрос, более правильно распределим произведенные продукты, увеличим добычу угля и восстановим промышленность без капитализма и без капиталистического духа.

В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело свелось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны

при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии выработать и выровнять наш аппарат; для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства. И если мы терпели в нашей войне самые жестокие поражения от наших врагов, то мы зато учились на этих поражениях и достигли полной победы. И теперь в каждом поражении мы должны черпать знания, мы должны помнить, что надо учить рабочих и крестьян на примере проделанной работы. Указывать на то, что у нас плохо, чтобы в дальнейшем этого избежать.

На примере этого строительства, повторяя его большое количество раз, мы добьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы создадим настоящих строителей, прежде всего нашего экономического хозяйства. Мы добьемся всего, что надо, преодолеем все препятствия, которые нам остались от старого строя и которые сразу откинуть нельзя, надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда, надо связывать массы с строительством общей хозяйственной жизни в первую голову. Это должно быть главным и основным в работе каждого агитатора-пропагандиста, и когда он себе это усвоит, тогда успех его работы будет обеспечен.

Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. 3 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 398—408

т. Луначарский! Мы вчера подробно побеседовали с т. Литкенсом. По-моему, его и т. Соловьева проекты искусственны¹⁴. Решать будет, разумеется, Цека. Мои предварительные соображения таковы:

- 1) Создать должность помнаркома, передав ему *все* администрирование.
- 2) «Организационный сектор» превратить в «Организационный центр» (с заведующим — членом коллегии). Этот центр ведает административной, организационной, снабженческой и т. п. частью *всех* секторов.
- 3) Главпрофобр уничтожить, слив его с *школой 2-ой ступени*, при *услови*и:
(а) увеличить в школах 2-ой ступени общеобразовательные и политические предметы и (б) обеспечить, по мере возможности, переход от профессионально-технического образования к политехническому.
- 4) «ГУС» (Государственный ученый совет) оживить и упорядочить, как орган обсуждения всех научно-педагогических вопросов.

Состав = все члены коллегии + лучшие
спецы, хотя бы буржуазные.

- 5) Сектора создать такие: (1) дошкольный; (2) школьный 1-ой ступени; (3) школьный 2-ой ступени (= Главпрофобр); (4) внешкольный (= Главполитпросвет); (5) высшая школа; (6) художественный.
- 6) Художественный сектор оставить как единый сектор, поставив «политкомов» из коммунистов во все центральные и руководящие учреждения этого сектора.

Ленин В. И. — А. В. Луначарскому 29 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 21—22

1. Создать должность помнаркома в Наркомпросе, сосредоточив в руках помнаркома *все* администрирование целиком.
3. Общую реорганизацию Наркомпроса признать *необходимой*, но подготовить ее более обстоятельно, в частности, обсудив на ряде совещаний в связи с съездом Советов. Там же обсудить и установить точно распределение функций между центральным и местными органами Наркомпроса.
4. Признать в принципе *необходимым* слияние школ 2-ой ступени (или их высших

классов) с профессионально-техническим образованием, при 2-х неперемных условиях: 1) обязательное расширение в профессионально-технических школах предметов общего образования и коммунизма; 2) обеспечение тотчас и на деле перехода к политехническому образованию, используя для этого всякую электрическую станцию и всякий подходящий завод.

Осуществление этого преобразования отсрочить до общей реорганизации¹⁵

5. Помнаркомом назначить тов. Литкенса, обязав его не меньше $1/2$ рабочего времени уделять Главполитпросвету до тех пор, пока Главполитпросвет не будет вполне достаточно снабжен работниками.

6. Оргбюро поручить: ускорить снабжение Главполитпросвета работниками и непременно обеспечить его в этом отношении полностью.

Ленин В. И. Проект постановления Пленума ЦК РКП (б) о реорганизации Наркомпроса. 8 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 87

Нельзя так писать о политехническом образовании: выходит абстрактно, для далекого будущего, *не учитывается* насущная, теперешняя, печальная действительность.

Надо

1) добавить 1 или 2 тезиса о принципиальном значении политехнического образования

*{ по Марксу
по нашей программе РКП. }*

2) Сказать ясно, что никоим образом мы не можем отказаться от принципа и от осуществления тотчас *в мере возможного* образования именно политехнического. 17-й тезис *долой*.

Про вторую ступень (12—17) сказать:

Крайне тяжелое хозяйственное положение республики требует в данное время безусловно и немедленно

слияния * 2-й ступени с профтехшколами,

превращения * 2-й ступени в профтехшколы, но вместе с тем, *дабы не было превращения в ремесленничество*, надо установить следующие точные правила:

1) избегать ранней специализации; разработать инструкцию об этом.

2) расширить во *всех* профтехшколах *общеобразовательные* предметы.

Составить программу по годам:

*{ коммунизм география
история вообще литература
» революций и т. д.
» революции
1917 г. }*

3) *безусловным* заданием поставить *немедленный* переход к *политехническому* образованию или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же *шагов к политехническому образованию*, как-то:

а) посещение электрической станции, ближайшей, и ряд лекций с опытами на ней; *ряд практических работ*, какие только возможны с электричеством; разработать тотчас детальные программы (на 1 посещение; на курс в 5, 10 лекций; в 1, 2 месяца и т. д.),

**совместно
с ГОЭЛРО**

* (Исправить: сливать не всю 2-ю ступень, а с 13, 14 лет, по указанию и решению педагогов.)

совместно
с ГОЭЛРО

- б) тоже — *каждый* *сносно* поставленный *совхоз*,
- в) тоже — *каждый* *сносно* поставленный *завод*,
- г) мобилизация (для лекций по электричеству и политехническому образованию, руководству практическими занятиями, поездок и проч.) *всех* инженеров, агрономов, всех кончивших университет по физико-математическому факультету,
- д) устройство маленьких музеев по политехническому образованию, поездок, пароходов и проч.

Это — архиважно. Мы нищие. Нам нужны столяры, слесаря, *тотчас*. *Безусловно*. **Все** должны стать столярами, слесарями и проч., *но* с таким-то добавлением общеобразовательного и политехнического минимума.

Задача школ 2-й ступени (вернее: высших классов 2-й ступени) (12—17): дать вполне знающего свое дело, вполне способного стать мастером и практически подготовленного к этому

столяра,
плотника,
слесаря и т. п.

с тем, однако, чтобы этот «ремесленник» имел *широкое общее образование* (знал *минимум основы* таких-то и таких-то наук; указать точно, каких);

был коммунистом (точно указать, *что* должен знать);
имел политехнический кругозор и основы (начатки) политехнического образования,
именно:

- (аа) *основные* понятия об электричестве (точно определить, какие),
- (бб) о применении электричества к *механической* промышленности,
- (вв) —»—тоже к *химической*,
- (гг) тоже о плане электрификации РСФСР,
- (дд) посетил не менее 1—3 раз электрическую станцию, завод, совхоз,
- (ее) знал *такие-то* основы агрономии и т. д. Разработать *детально минимум знаний*.

Ленин В. И. О политехническом образовании. Конец 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 228—230

О Наркомпросе:

- 1 Отношение политехнического и профессионального образования.
2. Использование электрических станций
фабрик и заводов
совхозов
колхозов
хорошо поставленных хозяйств
опытных станций.
3. Лекции и курсы
технические
агрономические.
4. Точная отчетность
число лекций + ликвидация
число курсов неграмотности
» курсантов в особенности
» посещений
» прошедших курс
и т. д. об итогах работы.

5. Привлечение спецов (педагогов с образованием и опытом) систематически и в большом числе.

Ленин В. И. План «Директив ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса». — Полн. собр. соч., т. 42, с. 415

Зам. председателя Малого СНК
тов. Гойхбаргу

Посылаю Вам при этом:

1) Выписку из протокола общего собрания ком. ячейки рабочего факультета Московского высшего технического училища от 9/II.

2) Докладную записку комиссара рабочего факультета ВТУ от 10/II.

3) Выписку из протокола объединенного заседания президиумов ком. ячеек ИИПС *, ПРСХ ** и бюро ком. ячейки рабфака МВТУ *** от 23/I с. г.

4) Копию докладной записки инструктора культотдела ВЦСПС от 28/I с. г.

Предлагаю Малому СНК специально заняться вопросом о рабочих факультетах, всесторонне его рассмотреть и добиться максимального улучшения положения рабочих факультетов ¹⁶.

Ленин В. И. — А. Г. Гойхбаргу. 15 февраля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 72

В ЦК РКП(б)

Литкенс вносит в Оргбюро состав кандидатов в *Академический центр* (Наркомпроса) ¹⁷. Прошу перенести в Политбюро.

Ленин В. И. В ЦК РКП(б). 15 февраля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 72

Надо добавить, на основании резолюции 8-го Всероссийского съезда Советов,

{ *план электрификации,*
его экономические основы,
экономическая география России,
значение и условия осуществления плана ¹⁸.

Ленин В. И. Дополнение к проекту постановления СНК об обязательном научном минимуме в ВУЗах 5 марта 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 427

IX съезд считает, что задача Наркомпроса в новом периоде заключается в том, чтобы в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих, и предлагает еще более усилить связь школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности. В частности, IX съезд Советов устанавливает, что во исполнение решения VIII съезда Советов о пропаганде плана электрификации России сделано еще далеко не достаточно, и требует, чтобы при каждой электрической станции путем мобилизации всех пригодных сил были регулярно устраиваемы беседы, лекции, практические занятия для ознакомления рабочих и

* Институт инженеров путей сообщения. *Ред.*

** Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия. *Ред.*

*** Московское высшее техническое училище. *Ред.*

крестьян с электричеством, его значением и планом электрификации; в тех уездах, где еще нет ни одной электрической станции, должны быть построены, с наибольшей возможной быстротой, хотя бы маленькие электрические станции, которые должны стать местным центром указанной работы пропаганды, просвещения и поощрения всяческой инициативы в этой области.

Ленин В. И. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 337—338

ТОВ. М. Н. ПОКРОВСКОМУ

Тов. М. Н.! Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: «Русская история в самом сжатом очерке»¹⁹. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки.

Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была *учебником* (а она должна им стать), надо *дополнить* ее *хронологическим указателем*. Поясню свою мысль; примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки *Вашей*, марксистской, *с указанием страниц Вашей книги*.

Учащиеся должны знать *и* Вашу книгу *и указатель*, чтобы не было *верхоглядства*, чтобы *знали факты*, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?

Ленин В. И. — Тов. М. Н. Покровскому, 5 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 24

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все преподавание в высших технических учебных заведениях должно строго соответствовать современным нуждам РСФСР.

2. Преподавание должно вестись на основе практического изучения производственных процессов и организации производства на государственных предприятиях. Планы работ студентов на этих предприятиях устанавливаются высшими техническими учебными заведениями по соглашению с соответствующими хозяйственными органами.

3. В результате указанных в настоящем постановлении мероприятий и целесообразной концентрации преподавания, в высших технических учебных заведениях устанавливается трехлетний курс...

??

Это не по-русски.
Не ясно.
?? Когда же?

Срок введения
определяется особо??

.....
6. Принятые студенты зачисляются на государственную службу и обязаны учебной повинностью со строжайшим контролем над занятиями, на основании особых правил, устанавливаемых Главкомтрудом совместно с Главпрофобром.

7. Студенты и преподаватели в отношении снабжения приравниваются к военно-учебным заведениям, причем самые нормы устанавливаются Комиссией по рабочему снабжению при Наркомпроде.

Примечание: За прогульные дни студенты помимо других мер (п. 6) лишаются пайка.

.....

Отчеты раз в месяц в СНК краткие:
число учащихся
число посещений и лекций
число вольнослушателей и публики²⁰.

Ленин В. И. Пометки и дополнения к проекту постановления Совнаркома о высших технических учебных заведениях. 27 мая 1920 г. — Ленинский сборник, XXXV, М., 1945, с. 128—129

Создание условий для развития научных исследований и научно-технических работ

Нижний Новгород, губпродотдел
Копия — управляющему радиолaborаторией
Лещинскому

Ввиду важной работы, выполняемой радиолaborаторией, прошу не задерживать с выдачей продовольствия.

Ленин В. И. Телеграмма в Нижегородский губпродотдел. 29 ноября 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 376

Гражданину Владимиру Ивановичу *Танееву*
Охранная грамота

На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 25/III. 1919 г. выдается эта охранная грамота гражданину Владимиру Ивановичу *Танееву*, 78 лет, который долгие годы работал научно и, по свидетельству Карла Маркса, проявил себя «преданным другом освобождения народа»²¹.

Гражданину Владимиру Ивановичу *Танееву* предоставляется право посещать библиотеку Совета Народных Комиссаров, а всем другим государственным библиотекам предлагается оказывать ему всяческое содействие в его научных работах и изысканиях. Всем советским властям предписывается оказывать гражданину Владимиру Ивановичу *Танееву* содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества. В случае передвижения его по Российской Социалистической Советской Республике всем железнодорожным и пароходным властям предписывается оказывать гражданину Владимиру Ивановичу *Танееву* и его семье возможное содействие в деле получения билетов на поезд и предоставления места в поездах.

Ленин В. И. Охранная грамота В. И. Танееву. 26 апреля 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 383

Совнарком, *Симферополь*
Копия Алупскому исполкому, *Алупка*

В Алупке, Приморская улица, 15, из дачи Медже выселяется занимающая одну комнату вдова покойного геолога ученого Мушкетова, оказавшего большие услуги

изучению геологии России. Прошу, если возможно, отменить выселение или предоставить другое вполне подходящее помещение.

*Ленин В. И. Крымскому Совнаркому
24 июня 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 50,
с. 388*

Ввиду особой важности задач, поставленных радиолaborатории, и достигнутых ею важных успехов, оказывайте самое действительное содействие и поддержку к облегчению условий работы и устранению препятствий.

*Ленин В. И. Телеграмма председателю
Нижегородского губисполкома. 5 февраля
1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 129*

Михаил Александрович! *

Тов. Николаев передал мне Ваше письмо и рассказал суть дела. Я навел справки у Дзержинского и тотчас же отправил обе просимые Вами телеграммы **.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радионизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам.

*Ленин В. И. — М. А. Бонч-Бруевичу.
5 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51,
с. 130*

Петроград
Горькому

На Ваше письмо от 5/III сообщаю копию телеграммы Наркомпрода Бадаеву: «Предлагается Вам впредь до окончательного разрешения вопроса об улучшении положения ученых специальной комиссией Совнаркома продолжать снабжение по плану, ранее Вами принятому, то есть не сокращая, согласно последнему распоряжению Наркомпрода». Комиссия Покровского опротестовывает петроградский список как несправедливый. Сапожников освобожден 9/III. Манухин должен представить наркомздраву Семашко изложение способа предполагаемых изысканий, от результатов рассмотрения которого зависит решение.

*Ленин В. И. Телеграмма А. М. Горькому
19 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51,
с. 164—165*

Мандат

Предъявитель сего, тов. Степан Иванович *Ботин*²², получает от меня особенно важное задание привезти из Ростова н/Д и других южных городов ряд предметов, необходимых в Москве крайне спешно.

Тов. С. И. Ботин получает для этого кроме своего вагона два вагона товарных на месте и 1 вагон с углем в Донбассе.

Прошу все советские, железнодорожные, военные и прочие власти оказать С. И. Ботину **всяческое** содействие для **быстрейшего** исполнения его поручения, давать ему автомобили и пр., прицеплять все его вагоны ко всем и непременно к самым скорым поездам и пр.

*Ленин В. И. Мандат С. И. Ботину. 5 апреля
1920 г. — Ленинский сборник XXXIX, М.,
1980, с. 227—228*

* М. А. Бонч-Бруевич. *Ред.*

** См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 129—130. *Ред.*

т. Адоратский!

Я передал тов. Ходоровскому, прося помочь Вам насчет пайка, дров и пр.

Он обещал это сделать.

Пишите мне с оказией (через военных лучше)

1) сделано ли что-либо для помощи Вам? пайком? дровами?

2) не надо ли еще чего?

3) можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?

Можно ли вообще собрать в Казани эти материалы?

Могу ли я помочь?

Комплекты «Известий» и «Правды»? Многого не хватает?

Могу ли я помочь достать недостающее?

Прошу Вас написать мне, дать Ваш адрес.

Ленин В. И. — В. В. Адоратскому. 6 апреля
1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 176

Товарищи! Очень прошу вас во всех тех случаях, когда т. Горький²³ будет обращаться к вам по подобным вопросам, оказывать ему *в с я ч е с к о е* содействие, если же будут препятствия, помехи или возражения того или иного рода, не отказать сообщить мне, в чем они состоят.

Ленин В. И. — В Петроградский Совет.
22 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51,
с. 184

т. Покровский!

Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка*. Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно). Засадить на паек человек 30 ученых или сколько надо, взяв, конечно, не годных на иное дело, — и пусть сделают.

Луначарский сказал, что об этом он уже думал и что это не то делается не то будет сделано.

Будьте любезны проверить, делается ли, и черкнуть мне.

Ленин В. И. — М. Н. Покровскому. 5 мая
1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 192

т. Ботин! Когда Вы были у меня сегодня, я имел только 2 минуты, ибо был оторван от важного заседания.

Теперь я имею свободных четверть часа и потому могу (и должен) сказать Вам подробнее и яснее, что были явно допущены ошибки и что надо прямо, честно, решительно от этих ошибок отказаться. Иначе серьезнейшее дело будет испорчено.

Ошибкой было, во-1-х, то, что было недоверие к «спецу»²⁴, которое мешало сразу ему *все* сказать и поставить *опыт* быстро; во-2-х, то, что «черная», подготовительная работа делалась Вами лично, отвлекая Вас от *настоящей* работы, тогда как всю массу «черной», т. е. подготовительной, работы *обязательно* сдать механикам, монтерам, электротехникам и проч., коих мы найдем *дюжину*. А для отделения Вашей *настоящей* работы от подготовительной или подсобной нужен *постоянный* совет «спеца».

Теперь Вы мне обещали полное доверие к «спецу», и я верю, что Вы вполне убедились в его партийности и абсолютной преданности революции. Поэтому я должен Вас просить: исполните Ваше обещание мне *полностью* (иначе ошибки *повторятся* неизбежно).

* В. И. Ленин имеет в виду свое письмо А. В. Луначарскому от 18 января 1920 г. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 121—122). *Ред.*

Завтра же, с утра *все «спецу» покажите, расскажите* (пока помощники подвозят вагоны и делают подготовительную работу). Тогда вместе со «спецом» *опыты* будут произведены без проволоочки.

Прошу Вас ответить мне, что Вы это обещаете.

Ленин В. И. — С. И. Ботину. 4 июня 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 210—211

тов. Николаев!

Надо *окончательно* воспользоваться этим протоколом и привлечением Вас (*наконец-то* и наш капризник * начинает понимать, что без спеца нельзя!), чтобы *решительно* переделать организацию всего дела.

- 1) Тщательно изучите протокол и опросите механика при электрической станции;
- 2) на основании этого решите для себя, стоит ли *продолжать* опыты;
- 3) если стоит, по-вашему, составим *письменную* точную конституцию, дающую *все* права спецу (т. е. Вам) — с гарантией *от меня* изобретателю, что *тайну* сохраним.

И тогда начать работать серьезно, т. е. с привлечением спецов на ряд подсобных специальных заданий и *при участии одного спеца* (Вас) во *всех* тайнах.

Ленин В. И. — А. М. Николаеву, 29 июня 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 225

В Петроградский Совет

Прошу издать атлас,
подобный книге

«Железные дороги России» (издание картографического заведения А. Ильина. Петроград, 1 сентября 1918 года),

- 1) т. е. в одной книжке малого формата;
- 2) карты на 2 страницах книги по возможности *без загибания* листов;
- 3) на каждой карте *новые* границы губерний (с такими же цветами для каждой губерний, как у Ильина). *Все* уездные города;
- 4) железные дороги с указанием *каждой* станции;
- 5) *новые* государственные границы;
- 6) особо: области и территории, отошедшие от бывшей Российской империи (на особой карте);
- 7) приложить *несколько* исторических карт с указанием *линии фронтов* (гражданской войны) в разные периоды 1917—1920 годов.

Ленин В. И. В Петроградский Совет. 10 августа 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 253

Нижний Новгород, предгубисполкому
Копия радиолaborатории

Немедленно по получении сего примите все зависящие меры для полного содействия Ботину, командированному в Нижний Новгород в целях выполнения военно-государственных работ, также и для квартирного и продовольственного снабжения команды военной радиостанции № 605, находящейся в распоряжении Ботина. Предоставить Ботину необходимые средства передвижения, красноармейский фронтной паек и квартиру ему, жене и дочери.

Ленин В. И. Телеграмма председателю Нижегородского губисполкома. 24 августа 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 268—269

* Имеется в виду С. И. Ботин. Ред.

Тов. Ботин!

Прошу Вас вести протокольную запись всех опытов

- 1) сила тока или электрической энергии,
  - 2) где (на сколько сажен) и по плану расположены патроны, перед заграждением и позади него,
  - 3) на земле, вверху, внизу, под землей (глубина),
  - 4) когда и какие взорвались,
  - 5) подписывать протокол всем троим, хранить протокол у Вас для передачи мне.
- На каждый опыт отдельную запись (день, час и т. д.).

*Ленин В. И. — С. И. Ботину. Октябрь
1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 323*

Тов. Николаев!

Рассмотрев Ваши материалы и посоветовавшись с т. Сталиным, который тоже рассмотрел их, я прошу Вас сообщить мне дополнительно:

- 1) Подробности о всех трех Ваших кандидатах в члены комиссии, именно:
  - (а) должность каждого из них;
  - (б) стаж технический (радиодело или только знание электротехники; стаж их службы);
  - (в) коммунисты они? если да, с какого времени? если нет, то Ваше заключение о том, насколько можно доверять им?
- 2) Давали ли Вы задание Ботину воспроизвести тифлисский опыт? если нет, то какое именно другое задание? если да, то устно или письменно? сразу или позже и когда именно?
- 3) Говорил ли Вам Ботин в точности, что он теоретически ни объяснить ни формулировать своего изобретения не может, а наткнулся на него случайно. (Прошу Вас поточнее изложить его заявление на эту тему, о котором мне Вами сообщалось.)
- 4) Какие суммы? Кем и когда ассигнованы были Ботину на расходы? Из каких средств? Из средств Нижегородской радиолaborатории или из других?
- 5) На каком основании мог «комиссар Московской мощной радиостанции незатухающих колебаний» (фамилия неясна) говорить о 500 000 рублей? (его бумага от 28. IX. 1920)

*Ленин В. И. — А. М. Николаеву. 6 октября
1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 295—296*

Принимая во внимание совершенно исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Образовать на основании представления Петросовета специальную комиссию с широкими полномочиями в следующем составе: тов. М. Горького, заведующего высшими учебными заведениями Петрограда тов. Кристи и члена коллегии отдела управления Петросовета тов. Каплуна, которой поручить в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников.

2. Поручить Государственному издательству в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком И. П. Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за границей.

3. Поручить комиссии по рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

4. Поручить Петросовету обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным

пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами.

Ленин В. И. Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников. Проект постановления Совета Народных Комиссаров 24 января 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 262—263

Гуманная помощь в форме присылки различных медикаментов, предложенная шведским Красным Крестом больным Петроградской коммуны, была принята правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с искренней благодарностью.

Однако к своему сожалению, Российское Советское правительство вынуждено отклонить просьбу Центрального комитета шведского Красного Креста относительно переезда профессора Павлова для научной работы в Швецию, так как в настоящее время Советская Республика вступила в период интенсивного хозяйственного строительства, что требует напряжения всех духовных и творческих сил страны и делает необходимым эффективное содействие и сотрудничество таких выдающихся ученых, как профессор Павлов.

Советское правительство, постоянно стремившееся создать максимально благоприятные условия для научно-исследовательской работы в России, было ограничено в своих возможностях в этой области в результате блокады и войны, которую вели против России в открытой или скрытой форме почти все западноевропейские державы. Разумеется, прерванные отношения и враждебная позиция всех западноевропейских государств в отношении России не содействовали взаимным связям ученых обоих лагерей; эти обстоятельства почти полностью исключали возможность установления столь полезных контактов и обмена мнениями, а также обмена научными достижениями между русскими и западноевропейскими учеными. Равным образом, в результате этого стало невозможным приобретение научной литературы и учебных пособий.

Теперь, когда военные нападения всех врагов России отбиты и взаимные связи со странами Западной Европы вновь постепенно, но неуклонно устанавливаются, существует надежда, что для развития и применения русской науки будут созданы необходимые условия.

Ленин В. И. Центральному комитету шведского Красного Креста. 2 февраля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 302—303.

Ввиду крайней неудовлетворительности «пробного экземпляра» «Атласа России» (хотя работали много месяцев) прошу назвать мне *всех* ответственных за работу лиц, ведущих работу раньше и ведущих теперь. Вот краткий перечень недостатков.

Мне доставлен вчера «Атлас России» — «пробный экземпляр». (1-ое государственное картографическое заведение, бывшее Ильина.)

«Атлас России» может и должен стать учебным атласом.

Но для этого нужен ряд исправлений и дополнений, ибо пробный экземпляр весьма неудовлетворителен.

Перечислю главнейшие недостатки, требующие безусловного исправления.

1. Нет текста «от издателя» (раньше было). Надо такой текст составить: по образцу-де «Железные дороги» составлен настоящий учебный атлас по плану такому-то.

2. Нет ни нумерации карт, ни условных обозначений (раньше было). Добавить. Карты должны быть не по железным дорогам или *не только* по железным дорогам, но и по

губерниям. В нумерации карт должен быть перечень входящих *полностью* губерний. И губернии, вошедшие в нумерацию, должны быть на карте показаны *полностью*.

В карте № 1 не полны губернии: Петроградская, Псковская и другие. Не названы: Череповецкая и другие.

Те же недостатки в других картах. Исправить.

3. Границы республик (Украина) и автономных областей должны быть везде особо показаны. Этого не сделано большей частью. Ни для Украины, ни для Белоруссии. (Немецкая коммуна? Марийская область? Все кавказские республики?)

4. Железные дороги не проверены к определенному сроку (например, к 1. I. 1921). Показаны неверно. Не выделены оконченные. Нет строящихся. Исправить.

5. Ко всем картам должен быть приложен (на обороте или вкладными страничками) небольшой объяснительный текст: государственные границы по договорам таким-то (тогда-то утвержденным и ратифицированным). Автономные области *тогда-то* утверждены. Население — губерний и главных городов по переписи VIII. 1920. *И т. п.*

6. Нумерация карт по смешному недосмотру взята, т. е. оставлена, старая: № X — Москва, № XII — Крым и др.!! Нумерация должна быть новая.

7. В № XIV нет *полностью* ни *Татарской* республики, ни *Башкирской* республики. Должны быть *полностью*. То же *все* автономные области. Должен быть дан, по последним сведениям, *национальный* состав автономных областей (в объяснительном тексте).

8. Пропущены из старых карты:

Саратов и окружающие губернии

Симбирск, Пенза и окружающие губернии

Ростов н/Д и окружающие губернии

Смоленск и окружающие губернии (Белоруссия)

Правобережная Украина

Кавказ (с обязательным указанием границ всех новых республик).

Ленин В. И. — Г. Е. Зиновьеву. 24 апреля
1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 163—164

Тов. Альский!

Хочется мне помочь товарищу *Гастеву*, заведующему Институтом труда.

Ему надо на 0,5 миллиона золотом прикупить. Этого, конечно, теперь мы не можем. Нельзя ли в Германии хоть кое-что купить на романовские?

Подумайте, узнайте точнее и постарайтесь исхлопотать ему известную сумму. Такое учреждение мы все ж таки, и при трудном положении, поддержать должны.

Ленин В. И. — А. О. Альскому. 3 июня
1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 244—245

Тов. Николаеву

Народный комиссариат почт и телеграфов

Предлагаю Вам в срочном порядке назначить комиссию из 3-х специалистов по радио для окончательных испытаний результатов, достигнутых в известной Вам лаборатории в с. Богородском²⁵.

Желательно, чтобы в составе комиссии был бы один ответственный коммунист.

Ленин В. И. — А. М. Николаеву, 7 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 179

Джером	(Горький)
Девис	29 000 листов печатных
балти-	Научные работы во время войны:
морский	
профессор	1 млн. \$ *

* — долларов. *Ред.*

- 1) Грум-Гржимайло топливник
- 2) Топливо разложение водой
- 3) Вернадский строение земной коры
- 4) Магнитные аномалии
Курская+Крымская.

Редакция за нами:
(по экономике) Осадчий
(естественные науки) Пинкевич
(математика) Стеклов
(астрономия) Иванов
(анатомия) Тонков
Хирургия?

Пинкевич, принять (до субботы здесь, в Москве).

Найти через Горького

Ленин В. И. Заметки во время беседы с А. М. Горьким. 1921 г., ранее 17 октября. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 466

Г. М.! *

Что это сегодня в «Правде» об открытии Чейко? ²⁶ Очередная утка? А если серьезно, запросить Харьков или вызвать Чейко, или поговорить какому-либо спецу по телефону с Харьковом?

Ваш Ленин

2

Г. М.! Я говорил с Чубарем. Оказывается, он знает про это открытие и говорит, что ихние спецы и профессора обсуждали и нашли серьезным. Могу-де, прислать и материалы и самого изобретателя.

Надо решить, выписать ли материалы или самого изобретателя сюда; не послать ли в Нижний к Бонч-Бруевичу? ²⁷

Подумайте и черкните либо мне, либо Н. П. Горбунову, коему я поручу последить за исполнением и проверкой ²⁸.

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому. 26 ноября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 37—38

(К ходатайству Довгалева об ассигновании Нижегородской радиолaborатории 50 000 рублей золотом.)

Поддерживаю и прошу т. Молотова внести на голосование Политбюро. Прошу членов Политбюро принять во внимание исключительную важность Нижегородской радиолaborатории, громадные услуги, которые она уже оказала, и громадную пользу, которую она может оказать нам в ближайшем будущем как в военном деле, так и в деле пропаганды.

Ленин В. И. Предложение в Политбюро ЦК РКП(б) об ассигновании средств Нижегородской радиолaborатории. 12 января 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 358

---

* Г. М. Кржижановский. *Ред.*

Тов. Литкенсу
Копия в Малый Совнарком

В конце декабря прошлого года я писал в Наркомпрос о просьбе проф. Круга предоставить Московскому высшему техническому училищу помещение для электротехнического факультета и Электротехнического института и просил обратить сугубое внимание и всячески постараться выполнить эту просьбу*.

9-го февраля я снова получил от проф. Круга письмо, в котором он пишет, что Наркомпрос до сих пор не пришел на помощь училищу. Проф. Круг указывает, что можно было бы вполне безболезненно, в порядке уплотнения, предоставить электротехническому факультету и Экспериментальному электротехническому институту часть помещения бывш. Елизаветинского института, с тем чтобы к весне, когда наступит теплая погода, школа Радищева, помещающаяся в этом институте, была переведена в другое помещение.

Если Вы не согласны с этим предложением проф. Круга — поручаю под личную Вашу ответственность в 2-недельный срок найти и предоставить институту помещение.

Об исполнении сообщите мне к 3-му марта.

Ленин В. И. — Е. А. Литкенсу. 16 февраля 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 171

т. Молотову

Я прочел в последнем протоколе, что Политбюро отклонило ходатайство Госплана об отпуске средств на командировку за границу профессора Рамзина. Считаю абсолютно необходимым внести предложение о пересмотре этого решения и об удовлетворении ходатайства Госплана. Рамзин лучший топливник в России. Об его работе я подробно знаю, кроме литературы, из докладов Кржижановского и Смилги. Последний, между прочим, сообщил мне, по секрету, что во время их совместной поездки в Баку Рамзин передавал Смилге саботажное заявление ряда выдающихся спецов. Все эти факты по совокупности не оставляют для меня ни малейшего сомнения в том, что в лице Рамзина мы имеем, во-первых, самого выдающегося ученого по такой специальности (теплотехника), по которой у нас после Кирша людей нет и которая имеет гигантское значение для всего народного хозяйства, а во-вторых, имеем человека, безусловно добросовестно работающего для Советской власти. Болезнь его очень тяжелая, и жалеть средств на быстрое и полное излечение было бы, по моему мнению, не только ошибкой, но и преступлением.

Предлагаю Политбюро принять следующую резолюцию: ходатайство Госплана об отпуске средств на командировку за границу профессора Рамзина как для лечения, так и для переговоров, касающихся нефтяных промыслов, удовлетворить полностью и предписать Крестинскому, тотчас после получения отзыва от берлинских врачей, сообщить, достаточны ли эти средства для полного излечения²⁹.

Ленин В. И. — В. М. Молотову с предложением в Политбюро ЦК РКП(б). Продиктовано по телефону. 23 февраля 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 402—403

Удостоверяю, что податель тов. Владимир Викторович Адоратский — большевик, лично мне известный с 1911 года; заслуживает полного доверия; член РКП; литератор.

Работает над сборником избранных писем Маркса, каковую работу мы вместе с ним обсудили.

Очень прошу всячески ему помочь, выписывать необходимые для него книги и,

* Письмо не разыскано. *Ред.*

в частности, предоставить ему возможность ежедневно по утрам часа по 4 работать в Социалистической академии и пользоваться ее библиотекой.

Ленин В. И. В президиум Социалистической академии. 10 апреля 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 233—234

т. Адоратский! Прилагаю просимое*. Каменеву пишу**. Я болен и, вероятно, не смогу ни видется, ни помочь насчет писем Маркса. Каменев поможет Вам; и посоветоваться будет с кем. Займитесь побольше письмами: важное *международное* дело. Выберите *важнейшие*. Примечания должны быть кратки, ясны, точны (+сопоставлять отзывы Маркса с *такими-то* «авторитетными» буржуазными учеными-реакционерами).

Ленин В. И. — В. В. Адоратскому. 10 апреля 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 234

Товарищ Довгалецкий!

Прочитал сегодня в «Известиях» сообщение, что Нижегородский горсовет возбудил ходатайство перед ВЦИК о предоставлении Нижегородской радиолaborатории ордена Красного Трудового Знамени и о занесении профессоров Бонч-Бруевича и Вологодина на красную доску.

Прошу Вашего отзыва. Я, с своей стороны, считал бы необходимым поддержать это ходатайство.

Кстати, в связи с Вашим письмом ко мне, прошу Вас сообщить, вполне ли Вы довольны работой Нижегородской радиолaborатории; а также прислать мне, по возможности самый короткий, отзыв Бонч-Бруевича о том, как идет его работа по изготовлению рупоров, способных передавать широким массам то, что сообщается по беспроволочному телефону. Эти работы имеют для нас исключительно важное значение ввиду того, что их успех, который давно был обещан Бонч-Бруевичем, принес бы громадную пользу агитации и пропаганде.

Поэтому необходимо пойти на некоторые жертвы, чтобы поддержать эти работы. В частности, я слышал, что в Америке подобные работы повели уже к успешным практическим результатам.

Надо бы проверить, есть ли у нас в распоряжении Нижегородской радиолaborатории вся новейшая американская литература по этому вопросу.

Прошу Вашего отзыва возможно скорее, чтобы я успел, в случае надобности, подписать то или иное сообщение или ходатайство еще в открываемой завтра сессии ВЦИКа³⁰.

Прошу также в особом конфиденциальном письме сообщить мне некоторые подробности о перемещении Николаева с должности заведующего радиоотделом на другую должность; а также о том, какова подготовка к заведованию этим отделом тов. Трофимова, который, кажется, заведует им теперь; также того спеца, который непосредственно ведет в центральном ведомстве эту работу³¹.

Ленин В. И. — В. С. Довгалецкому. 11 мая 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 255—256

Тов. Красин прислал мне письмо, в котором сообщает о крупнейших успехах группы инженеров во главе с тов. Губкиным, которая с упорством, приближающимся к героическому, и при ничтожной поддержке со стороны государственных органов, из ничто~~го~~ развила не только обстоятельное научное обследование горючих сланцев

* См.: предыдущий документ. *Ред.*

** См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 235—236. *Ред.*

и сапропеля, но и научилась практически готовить из этих ископаемых различные полезные продукты, как-то: ихтиол, черный лак, различные мыла, парафины, сернокислый аммоний и т. д.

Ввиду того что эти работы, по свидетельству т. Красина, являются прочной основой промышленности, которая через десяток, другой лет будет давать России сотни миллионов, я предлагаю:

1. Немедленно обеспечить в финансовом отношении дальнейшее развитие этих работ.
2. Устранить и впредь устранять всяческие препятствия, тормозящие их, и
3. Наградить указанную группу инженеров трудовым орденом Красного Знамени и крупной денежной суммой.

О последующем прошу мне письменно сообщить через управделами СНК тов. Горбунова. В случае каких-либо препятствий немедленно сообщите мне через него же.

Ленин В. И. В Президиум ВСНХ. 16 октября
1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 224

Наука, техника и управление социалистическим производством

Пролетариат делает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно *в интересах трудящихся*.

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план *пролетарского* государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров. Под «общегосударственным» мы согласны понимать лишь то, что сламывает сопротивление капиталистов, что дает всю полноту власти большинству народа, т. е. пролетариям и полупролетариям, рабочим и беднейшим крестьянам.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч.,
т. 34, с. 320

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч.,
т. 34, с. 315

Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет еще ту особенность, что речь идет теперь — и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов — о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика. Обычно со словом

«управление» связывают именно и прежде всего деятельность преимущественно, или даже чисто, политическую. Между тем самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим. И теперь, в особенности после практического опыта более чем четырехмесячного существования Советской власти в России, для нас должно быть вполне ясно, что задача управления государством сводится теперь прежде всего и в первую голову к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войною ран, восстановления производительных сил, налаживания учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышения производительности труда, — одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации.

Можно сказать, что эта задача разделяется на две главные рубрики: 1) учет и контроль за производством и распределением продуктов в наиболее широких, повсеместных и универсальных формах этого учета и контроля и 2) повышение производительности труда. Эти задачи могут быть разрешены какой угодно коллективностью или каким угодно государством, переходящим к социализму, лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом. Без крупного машинного производства, без более или менее развитой сети железных дорог, почтово-телеграфных сношений, без более или менее развитой сети учреждений народного образования, — ни та, ни другая задача в систематическом виде и во всенародном объеме, безусловно, не могли бы быть решены. Россия находится в таком положении, когда целый ряд из первоначальных предпосылок подобного перехода имеется налицо. С другой стороны, целый ряд подобных предпосылок отсутствует в нашей стране, но может быть заимствован ею сравнительно легко из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран, давно уже поставленных историей и международным обменом в тесную связь с Россией.

Коренная задача всякого общества, переходящего к социалистическому устройству, состоит в победе господствующего класса — или, вернее, вырастающего в господствующий класс — пролетариата над буржуазией сообразно тому, что было изложено выше. И эта задача ставится теперь перед нами в значительной степени по-новому, — совершенно не так, как ставилась она в течение многих и многих десятилетий всемирного опыта борьбы пролетариата с буржуазией. Под победой над буржуазией мы теперь, после завоеваний Октябрьской революции, после успехов в гражданской войне, можем и должны понимать уже нечто гораздо более высокое, хотя по форме более мирное: именно — победа над буржуазией должна быть осуществлена теперь, после того как эта победа политически достигнута и военным образом закреплена, — теперь эта победа должна быть достигнута в области организации народного хозяйства, в области организации производства, в области всенародного учета и контроля. Задачи учета и контроля производства буржуазия решала с тем большим успехом, чем крупнее становилось производство, чем гуще становилась сеть общегосударственных экономических учреждений, охватывающих десятки и сотни миллионов населения современного крупного государства. Эту задачу мы должны решить теперь по-новому, опираясь на господствующее положение пролетариата, на поддержку его большинством трудящихся и эксплуатируемых масс, используя те элементы организаторского таланта, технического знания, которые накоплены предыдущим обществом и которые на девять десятых, а может быть, и на девяносто девять сотых принадлежат классу, враждебно противостоящему социалистической революции.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 130—132

Крупнейший капитализм создал такие системы организации труда, которые при условии эксплуатации масс населения были злейшей формой порабощения и выжимания добавочного количества труда, силы, крови и нервов меньшинством имущих классов из трудящихся, но которые в то же самое время являются последним словом научной организации производства, которые должны быть переняты социалистической

Советской республикой, которые должны быть переработаны ею в интересах осуществления нашего учета и контроля над производством, с одной стороны, а затем — повышения производительности труда, с другой стороны... Социалистической Советской республике предстоит задача, которую можно кратко формулировать так, что мы должны ввести систему Тейлора и научное американское повышение производительности труда по всей России, соединив эту систему с сокращением рабочего времени, с использованием новых приемов производства и организации труда без всякого вреда для рабочей силы трудящегося населения. Наоборот, правильно руководимое самими трудящимися, если они будут достаточно сознательными, применение системы Тейлора послужит вернейшим средством к дальнейшему и громадному сокращению обязательного рабочего дня для всего трудящегося населения, послужит вернейшим средством к тому, чтобы мы в период времени довольно краткий осуществили задачу, которую можно примерно выразить так: шесть часов физической работы для каждого взрослого гражданина ежедневно и четыре часа работы по управлению государством.

Переход к такого рода системе потребует очень много новых навыков и новых организационных учреждений. Нет сомнения, что этот переход причинит нам немало трудностей и что постановка такой задачи вызовет даже недоумение, а может быть, и сопротивление некоторых слоев среди самих трудящихся. Но можно быть уверенным, что передовые элементы рабочего класса поймут необходимость такого перехода и что теми условиями страшного расстройтва народного хозяйства, которые теперь только обнаружались для городов и деревень, когда с фронта вернулись миллионы людей, оторванных от хозяйства и впервые видящих всю степень расстройтва хозяйства, причиненного войной, нет сомнения, — почва для подготовки общественного мнения трудящихся в данном направлении создана, и что переход, который мы приблизительно и примерно наметили выше, будет поставлен как практическая задача всеми сознательно идущими элементами трудящихся классов, ныне ставших на сторону Советской власти.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 140—142

Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией. Наша задача теперь — провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 152

...Крайне критическое и даже отчаянное положение страны в смысле обеспечения хотя бы простой возможности существования для большинства населения, в смысле обеспечения его от голода, — эти хозяйственные условия настоятельно требуют достижения определенных практических результатов. Деревня могла бы прокормиться своим хлебом, — это несомненно, — но она сможет прокормиться им только в том случае, если действительно с абсолютной строгостью произойдет учет всего имеющегося хлеба и если с величайшей экономией и бережливостью сумеют распределить его между всем населением. А для правильного распределения нужна правильная постановка транспорта. А транспорт как раз всего более разрушен войною. И для восстановления транспорта в стране, отличающейся такими громадными расстояниями, как Россия, — всего более нужна стройная, крепкая организация, а может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма...

Демократический принцип организации — в той высшей форме, в которой с проведением Советами предложений и требований активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении, — это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь. Но из этого вовсе не следует, чтобы допустим был малейший хаос или малейший беспорядок насчет того, кто ответствен в каждом отдельном случае за определенные исполнительные функции, за проведение в жизнь определенных распоряжений, за руководство определенным процессом общего труда в известный промежуток времени. Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это несколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36, с. 155—157

На обсуждение ставится проект относительно трудовой дисциплины, выработанный Всероссийским советом профессиональных союзов...

Сдельная плата должна быть установлена для всех производств безусловно, в тех же специальностях, где это невозможно, установить систему премий. Для учета производительности и для соблюдения дисциплины необходимо устроить промышленные суды, устроить группы контролеров не на предприятии, а со стороны из различных профессий с привлечением инженеров и бухгалтеров, крестьян. В декрете необходимо определенно сказать о введении системы Тейлора, иначе сказать, использовать все научные приемы работ, которые выдвигает эта система. Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введем социализма. При проведении этой системы привлечь американских инженеров. Конечно, при введении ее необходимо учесть плохое питание, поэтому норма выработки голодная должна быть принята. Далее организовать выработку...* при переходе к социализму может дать нам возможность понизить рабочий день. В декрете надо упомянуть от отчетности и печатании отчетов, касающихся производительности отдельных предприятий.

Ленин В. И. Выступление на заседании президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 212—213

Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: экспроприировать экспроприаторов и подавить их сопротивление, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация...

* В протокольной записи пропуск. *Ред.*

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил.

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности разворачивается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации...

Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма.

*Ленин В. И. Очередные задачи Советской
власти. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 187—
190*

Выслушав сообщение товарищей, избранных рабочей делегацией на конференции крупнейших металлообрабатывающих заводов, и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверное, по моему мнению, будет единодушие *в пользу* немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности.

Желательно поэтому, чтобы конференция:

- 1) немедленно выбрала Временный совет по подготовке объединения заводов;
- 2) дала право Центральному комитету Союза металлистов, по соглашению с Высшим советом народного хозяйства, видоизменять его, пополнять состав этого Временного совета для превращения его в *Правление* единого союза (или объединения) всех национализированных заводов;
- 3) одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил³² в интересах создания строгой трудовой дисциплины;
- 4) наметила кандидатов из специалистов, инженеров и организаторов крупного производства для участия в Правлении, или поручила Высшему совету народного хозяйства подыскать и назначить таковых;
- 5) желательно, чтобы рабочие из наилучше поставленных заводов или наиболее опытные в руководстве крупным производством посылались (Временным советом или Центральным комитетом Союза металлистов) для содействия в правильной постановке дела в заводах менее успешных;
- 6) при условии строгого учета и контроля над всеми материалами и за производительностью труда — надо достигнуть и можно будет достигнуть громадной экономии сырья и труда.

Я думаю, что при энергичной работе конференции и выбранных ею учреждений можно будет в ближайшие дни провести национализацию в Совнарком.

Ленин В. И. Письмо конференции представителей национализируемых предприятий. 17 мая 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 348—349

...Нельзя построить социализма, не используя остатка капитализма. Необходимо использовать все то, что против нас создал капитализм в смысле культурных ценностей. В этом трудность социализма, что его нужно строить из материалов, созданных чужими людьми, но только в этом возможность социализма, и мы все знаем это теоретически, а с тех пор как пережит этот год, мы убедились практически, что построить социализм можно только из того, что создано капитализмом против нас и что мы должны употребить все это на постройку социализма, на укрепление его.

Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 425

В буржуазном обществе массой трудящихся управляла буржуазия, при помощи тех или иных форм, более или менее демократических, управляло меньшинство, имущие, участвующие в капиталистической собственности, превратившие образование и науку, высший оплот и высший цвет капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того чтобы громадное большинство людей держать в рабстве. Переворот, который мы начали, который мы уже два года совершаем и который мы твердо решились довести до конца (а п л о д с м е н т ы), — этот переворот возможен и осуществим лишь при условии, что мы достигнем перехода власти к новому классу, что на месте буржуазии, капиталистических рабовладельцев, буржуазных интеллигентов, представителей всех имущих, всех собственников, — во всей области управления, во все дело государственного строительства, во все дело руководства новой жизнью — с низов до верхов вступит новый класс. (А п л о д с м е н т ы.)

Вот задача, которая стоит теперь перед нами. Лишь только тогда, когда этот новый класс воспитается не из книжек, не из митингов, не из речей, — а из практики своего управления, лишь тогда, когда он привлечет к этому самые широкие массы трудящихся, лишь тогда, когда он выработает такие формы, которые дадут всем трудящимся возможность легко приспособиться к делу управления государством и создания государственного распорядка, социалистический переворот может быть прочен, и лишь при этом условии он не может не быть прочным. При наличии этого условия он будет представлять такую силу, которая отбросит назад капитализм и все его пережитки, как соломинку, как прах.

Ленин В. И. Доклад на 11 Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 444

Профессиональные союзы с величайшим переворотом, который наступил в истории, когда пролетариат взял в свои руки государственную власть, испытывают величайший перелом во всей своей деятельности. Они становятся главным создателем нового общества, потому что создателями этого общества могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими создателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого еще не дошли.

Профессиональные союзы должны знать, что рядом с теми задачами, которые частью ставятся, а частью отпали, которые, во всяком случае, если бы даже они остались, не могут не остаться для нас мелкими, рядом с этими задачами учета, нормирования, объединения организаций ставится более высокая и важная задача: научить массу управлению, не книжному, не лекциями, не митингами, научить опытом, сделать так, чтобы на место того передового слоя, который пролетариат дал из своей среды, который он поставил командовать, организовывать, входило все больше и больше в эти ведомства, все новые и новые слои рабочих, чтобы на место этого нового слоя пришло десять таких же. Эта задача кажется необъятной и трудной. Но если мы подумаем, как быстро Опыт революции дал возможность выполнить самые необъятные задания, поставленные с Опыта, как потянулись к знанию те слои трудящихся, которым эти знания были недоступны и не нужны, если мы об этом подумаем, — эта задача перестанет нам казаться необъятной.

Мы увидим, что мы можем эту задачу разрешить, научить неизмеримо большие массы трудящихся такому делу, как управление государством и управление промышленностью, развить практическую работу, разрушить то, что в течение веков и десятилетий вкоренялось в рабочие массы, — тот вредный предрассудок, что дело управления государством — есть дело привилегированных, что это есть особое искусство. Это неправда. Мы будем неизбежно делать ошибки, но на каждой ошибке теперь будут учиться не группы студентов, теоретически изучающих какой-нибудь курс государственного управления, а миллионы трудящихся, которые на себе будут чувствовать последствия каждой ошибки, сами будут видеть, что перед ними стоят неотложные задачи учета и распределения продуктов, поднятия производительности труда, и которые на опыте видят, что власть в их руках, что никто им не поможет, если они не помогут себе сами, — вот та новая психология, которая в рабочем классе создается, вот та новая задача колоссальной исторической важности, которая стоит перед пролетариатом, которая больше всего должна внедриться в сознание профессиональных союзов и деятелей профессионального движения.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 451—452

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двойную или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

Ленин В. И. Великий почин. 28 июня 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 17—18

Всякая работа управления требует особых свойств. Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором. Но тот, кто присматривается к практической жизни и имеет житейский опыт, знает, что, чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование. Вот те условия, которым мы должны удовлетворять во что бы то ни стало. И вот, когда мы ставим общие резолюции, толкующие с важным видом знатоков о коллегиальности и единоличности управления, мы постепенно убеждаемся, что мы почти ничего не знаем в области управления, но начинаем кое-чему учиться на основании опыта, взвешивать каждый шаг, выдвигать каждого более или менее способного администратора.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 215—216

Господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление — это другое дело, это — дело уменья, дело сноровки. Буржуазия это великолепно понимала, а мы еще этого не поняли. Давайте учиться. Мы уже здесь заявили, что надо твердо держать власть в руках, а вот как управлять нужно — мы не научились, нам нужно еще много и много учиться делу управления...

Чтобы управлять, надо знать дело и быть великолепным администратором. Где сказано, что поэтому нужна коллегиальность? Это вытекает обратно из того, что у нас мало опытных работников, из этого вытекает, что коллегиальность недопустима. Примите тогда тезисы, в которых так и сказано: держите при спеце комиссара, комиссию и т. д. Пока у вас отсутствует принцип компетентности и уважения к спецу — мы стоим на примитивной точке зрения. Так никакого промышленного фронта не создашь. Единство воли! Без этого никакой диктатуры на фронте нет, а будет волянка. Ведь это типичное явление, что там трения, но не управление. Поставьте спеца с опытом, но мы сейчас знаем, что когда в коллегии соединяем компетентного человека с некомпетентным, то вы создаете множественность воли и полную несоответственность.

Ленин В. И. Речь на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 222—223

Если мы не хотим стать на позицию чистейшего утопизма и пустых фраз, мы должны сказать, что мы должны учитывать опыт прежних лет, что мы должны обеспечить завоеванную революцией Конституцию, но для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса.

Сплошь и рядом рассуждение о коллегиальности проникнуто самым невежественным духом, духом антиспецства. С таким духом победить нельзя. Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира, и чтобы строить коммунизм, надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов, а взять ее неоткуда, кроме как от буржуазии. Этот основной вопрос надо выдвинуть выпукло, надо поставить в основные задачи хозяйственного строительства. Мы должны управлять с помощью выходцев из того класса, который мы свергли, — выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с этим мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса. Мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебные заведения, внешкольное образование, практическая подготовка — все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян.

Только так мы можем поставить дело. После нашего двухлетнего опыта мы не можем рассуждать так, как будто бы мы в первый раз взялись за социалистическое строительство.

Ленин В. И. Доклад Центрального Комитета 29 марта [IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г.]. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 253—254

Мы должны суметь организовать хозяйство на новой, более совершенной базе с утилизацией и учетом всех завоеваний капитализма. Без этого мы никакого социализма и коммунизма не в состоянии будем построить. Эта задача много труднее, чем задача военная. Задачу военную во многих отношениях мы можем решить легче. Ее можно решить подъемом энергии, самопожертвованием. Крестьянству было легче и понятнее, когда оно шло против векового врага — помещика. Ему не нужно было понимать связи между властью рабочих и необходимостью победить свободную торговлю. Русских белогвардейцев, помещиков и капиталистов, со всеми их помощниками в лице меньшевиков, легче было победить, а эта победа нам будет стоить дороже и в смысле времени и в смысле сил.

В хозяйственных задачах победить так, как в военных, — нельзя. Победить свободную торговлю энтузиазмом и самопожертвованием нельзя. Тут нужна длительная работа, тут нужно брать вершок за вершком, тут нужны организующие силы пролетариата, тут можно победить в том случае, если пролетариат свою диктатуру осуществит, как величайшую организованную, организационную и моральную силу для всех трудящихся и в том числе трудящихся непролетарских масс. Поскольку мы успешно решили и будем столь же успешно решать первую и простейшую задачу — подавление эксплуататоров, прямо пытающихся изгнать Советскую власть, постольку выдвигается более сложная вторая задача — организовать силы пролетариата, научиться быть хорошим организатором. Надо организовать труд по-новому, создать новые формы привлечения к труду, подчинения трудовой дисциплине.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 304—305

Следя за опытами науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того, чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство, и тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем. Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение.

Необходимо, чтобы хозяйственные планы выполнялись по определенной программе и чтобы рост выполнения этой программы отмечался и поощрялся: массы должны не только знать, но и чувствовать, что сокращение периода голода, холода и нищеты всецело зависит от скорейшего выполнения ими наших хозяйственных планов. Все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся.

Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.]. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 154

Единственная серьезная работа по вопросу об едином хозяйственном плане есть «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов от «Гозэро» (Государственная комиссия по электрификации России), изданный в декабре 1920 г. и розданный на VIII съезде. В этой книге изложен единый хозяйственный план, который разработан — разумеется, лишь в порядке первого приближения — лучшими учеными силами нашей республики по поручению высших ее органов. И борьбу с невежественным самомнением сановников, с интеллигентским самомнением коммунистических литераторов приходится начать с самого скромного дела, с простого рассказа об истории этой книги, ее содержания, ее значения.

2—7 февраля 1920 г., т. е. больше года тому назад, состоялась сессия ВЦИК, которая приняла резолюцию об электрификации. В этой резолюции читаем:

«. . . Наряду с ближайшими, насущнейшими, неотложными и первоочередными задачами по устройству транспорта, устранению кризисов в топливе, продовольствии, в борьбе с эпидемиями, организации дисциплинированных армий труда — для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства. Принимая во внимание первенствующее значение электрификации. . . оценивая значение электрификации для промышленности, земледелия, транспорта. . . и т. д., и т. д. . ., ВЦИК постановляет: поручить ВСНХ, совместно с Народным комиссариатом земледелия, разработать проект постройки сети электрических станций. . .»

Кажется, ясно? «Научная выработка государственного плана всего народного хозяйства», — можно ли не понять этих слов, этого решения нашей высшей власти? Если кичащиеся перед «спецами» своим коммунизмом литераторы и сановники не знают этого решения, то остается только напомнить им, что незнание наших же законов не есть аргумент.

Во исполнение решения ВЦИК, президиум ВСНХ 21 февраля 1920 г. утвердил образованную при электроотделе электрификационную комиссию, а затем Совет Обороны утвердил положение о «Гозэро», состав которой поручено было определить и утвердить ВСНХ по соглашению с НКЗ. «Гозэро» уже 24 апреля 1920 г. выпустил № 1 своего «Бюллетеня»³³ с детальнейшей программой работ, с перечнем ответственных лиц, ученых, инженеров, агрономов, статистиков, входящих в различные подкомиссии, руководящих работой по отдельным районам, взявших на себя различные, точно определенные задания. Один перечень этих работ и взявших их на себя лиц занимает в № 1 «Бюллетеня» десять печатных страниц. Все лучшие силы, которые только были на виду у ВСНХ и НКЗ, а равно НКПС, были привлечены к работе.

Результатом работ «Гозэро» явился названный выше обширный — и превосходный — научный труд. В нем участвовало свыше 180 сотрудников-специалистов. В перечень доставленных ими в «Гозэро» работ входит свыше 200 номеров. Мы имеем, во-первых, сводку этих работ (первая часть названного тома, охватывающая свыше 200 страниц): а) электрификация и план государственного хозяйства; затем б) топливоснабжение (с подробно разработанным «топливным бюджетом» РСФСР в пределах ближайшего десятилетия, с учетом потребного количества рабочих); в) водная энергия; г) сельское хозяйство; д) транспорт и е) промышленность.

План рассчитан примерно на десятилетие с указанием числа рабочих и мощности (в тысячах лошадиных сил). Конечно, это — план лишь приблизительный, первоначальный, грубый, с ошибками, план «в порядке первого приближения», но это настоящий научный план. Мы имеем точные расчеты спесов по всем основным вопросам. Мы имеем их расчеты по всем отраслям промышленности. Мы имеем — один маленький пример — расчет размеров производства кожи, обуви по две пары на душу (300 миллионов пар) и т. д. В итоге мы имеем и материальный и финансовый (в золотых рублях) баланс электрификации (около 370 миллионов рабочих дней, столько-то бочек цемента, штук кирпича, пудов железа, меди и проч., такая-то мощность турбогенераторов и т. д.). Баланс рассчитан на увеличение («по очень грубой оценке») обрабатывающей промышленности за 10 лет на 80%, а добывающей на 80—100%. Дефицит золотого баланса (+11 миллиардов — 17, итого дефицит около 6 миллиардов) «может быть покрыт путем концессий и кредитных операций».

Указано местонахождение 20 паровых и 10 гидроэлектрических районных станций первой очереди с подробным описанием хозяйственного значения каждой станции. . .

Резолюция VIII съезда Советов говорит: «... Съезд... одобряет работу ВСНХ и т. д. и в особенности «Гозэро» по разработке плана электрификации России... оценивает этот план как первый шаг великого хозяйственного начинания, поручает ВЦИК и т. д. завершить разработку этого плана и утвердить его, притом обязательно в кратчайший срок... Поручает принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана... Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях республики»³⁴ и т. д.

Ничто не характеризует столь наглядно наличность болячек в нашем аппарате, особенно верхушечном, и бюрократических, и интеллигентских болячек, как наблюдаемое в Москве отношение к этой резолюции, попытки «истолковать» ее вкривь и вкось вплоть до того, чтобы отговориться от нее. Литераторы не пропагандируют выработанного плана, а пишут тезисы и пустые рассуждения о том, как подойти к выработке плана! Сановники ставят ударение чисто бюрократически на необходимости «утвердить» план, понимая под этим не вынесение конкретных заданий (построить то-то и тогда-то, купить то-то за границей и т. п.), а нечто совершенно путаное, вроде разработки *нового* плана! Непонимание дела получается чудовищное, слышатся речи: сначала восстановим хоть частью старое, прежде чем строить новое; электрификация похожа на электрофикацию; почему не газификация; в «Гозэро» буржуазные спецы, мало коммунистов; «Гозэро» должна дать кадры экспертов, а не общеплановой комиссии и т. п.

Вот этот-то разброд мнений и опасен, ибо показывает неумение работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом. Насмешечки над фантастичностью плана, вопросы насчет газификации и пр. обнаруживают сомнение невежества. Поправлять с кондачка работу сотен лучших специалистов, отделяться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом «не утвердить», — разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое» чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!

Конечно, «планы» вещь такая, по самой ее сути, что говорить и спорить можно бесконечно. Но не нужно допускать общих разглагольствований и споров о «принципах» (построения плана), когда надо взяться за изучение данного, единственно научного плана и за исправление его на основании указаний *практического* опыта и на основании более детального изучения. Конечно, право «утверждать» и «не утверждать» всегда остается за сановником и сановниками. Если понимать разумно это право и толковать разумно решения VIII съезда насчет утверждения одобренного им и преподанного к самой широкой пропаганде плана, то под утверждением надо понимать ряд заказов и приказов: то-то, тогда-то и там-то купить, то-то начать строить, такие-то материалы собрать и подвезти и т. п. Если же толковать по-бюрократически, тогда «утверждение» означает самодурство сановников, бумажную волокиту, игру в проверяющие комиссии, одним словом, чисто чиновничье убийство живого дела.

Взглянем на дело еще с одной стороны. Необходимо особо связать научный план электрификации с текущими практическими планами и их действительным осуществлением. Это, разумеется, совершенно бесспорно. Как же именно связать? Чтобы знать это, надо, чтобы экономисты, литераторы, статистики не болтали о плане вообще, а детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле, способы исправления этих ошибок. Без такого изучения мы слепые. При таком изучении, наряду с ним, при условии изучения практического опыта, — остается совсем маленький вопрос административной техники. Плановых комиссий у нас хоть пруд пруди. Взять для объединения двоих от ведомства, вверенного Ивану Иванычу, одного — от ведомства, вверенного Пал Палычу, или наоборот. Соединить их с подкомиссией общеплановой комиссии. Ясно, что это именно административная техника и ничего больше. Испытать и так и эдак, выбрать лучшее — об этом смешно и разговаривать.

Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист, вместо пустяковых

тезисов, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь.

В том-то и болячка, что неверно ставят вопрос об отношении коммуниста к спецам, администратора к ученым и литераторам. В вопросе о едином хозяйственном плане, как и во всяком другом вопросе, есть такие стороны — и всегда могут возникнуть такие новые стороны, — которые требуют решения только коммунистами или требуют подхода только административного. Это бесспорно. Но это голая абстракция. А сейчас у нас к данному вопросу подходят ошибочно как раз коммунистические литераторы и коммунистические администраторы, не сумевшие понять, что здесь надо побольше поучиться у буржуазных спецов и ученых, поменьше играть в администрирование. Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже «Гоэлро», нет и быть не может. Его надо дополнить, развивать дальше, исправлять и применять к жизни на основании указаний практического опыта, внимательно изучаемого. . .

Коммунисты, стоящие вне «Гоэлро», помочь делу создания и проведения единого хозяйственного плана могут двояко. Если они экономисты, статистики, литераторы, надо сначала изучить наш собственный практический опыт и только на основании детального изучения соответственных фактов рекомендовать исправление ошибок, улучшение работы. Изучение — дело ученого, и тут, поскольку дело идет у нас уже давно не об общих принципах, а именно о практическом опыте, нам опять в десять раз ценнее хотя бы буржуазный, но знающий дело «специалист науки и техники», чем чванный коммунист, готовый в любую минуту дня и ночи написать «тезисы», выдвинуть «клозунги», преподнести голые абстракции. Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений.

С другой стороны, если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитать с тем, что наука уже выработала, сначала спросить, проверены ли факты, сначала добиться изучения (в докладах, в печати, на собраниях и проч.) — изучения того, где именно мы сделали ошибку, и лишь на этой основе исправлять делаемое. Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок. . .

Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили — мы должны научиться Россией управлять. Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники», для этого надо научиться деловому и внимательному анализу наших многочисленных *практических* ошибок и исправлению их постепенному, но неуклонному. Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт, в центре и на местах, дает, и того, что наука нам уже дала.

Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 339—341, 343—347

Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти еще не чувствуется. Преобладает стремление «поднять» все и вся, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставляется по наследству от капитализма.

Госплану следует так поставить работу, чтобы выработать, хотя бы ко времени сбора урожая, основы общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период, год или два.

За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений. . .

Экономия топлива путем выдачи премий за его сбережение и путем усиления надзора за его расходом. Примерный расчет такой экономии, если есть к тому те или иные опорные пункты. . .

Промышленность, разделенная на несколько групп, возможно меньшее число основ-

ных групп. Водосвет. Минимум необходимого для покрытия минимума потребностей: (а) производительного потребления; (б) личного потребления. Расчет на определенное число основных групп (может быть, с раздачей детальной работы по отдельным отраслям промышленности и по отдельным районам и городам в специальные подкомиссии, или специальным уполномоченным на местах, или в губстатбюро и т. п.) — расчет того, в скольких крупных предприятиях можно бы сосредоточить все производство и сколько закрыть. Это, по-видимому, важнейший вопрос, который требует особенно тщательного изучения: во-первых чисто статистического (данные 1920 года, а по возможности и 1918—1919 годов; иногда в виде исключения подсобное значение будут иметь и данные довоенной статистики); во-вторых, экономического, которое должно решить следующую специальную задачу:

нельзя ли изыскать для освобождаемых городских и промышленных рабочих, которых государству не следовало бы кормить и которых в городе нельзя поставить на иную работу, занятия временно, на год, на два, в хлебных местностях, при условии удовлетворения ими нужд окрестного земледельческого населения?

Затем, после промышленности, с обязательным выделением строительной промышленности, следует транспорт (может быть, его придется поставить впереди промышленности?) и специально электрификация.

И т. д.

Расчет должен быть дан первоначально, хотя бы в грубых чертах, в порядке первого приближения, но непременно в короткий срок, в один, максимум в два месяца, — именно расчет общей картины, всего расходования всей суммы продовольствия и всей суммы топлива за год. Потом этот грубый план будем уточнять, исправлять, изменять, но хотя бы основной, хотя бы самый грубый план на год (или, может быть, отдельно на четыре четверти года, или на три трети I.IX.1921 г.—I.I.1922; I.I.—I.V; I.V.—I.IX.1922) иметь в указанный кратчайший срок необходимо.

Сравнение обязательно постоянное с 1920 годом. Может быть, ряд расчетов можно и должно сделать именно в смысле сравнительно статистического и экономического изучения данных за 1920 год и «видов» на 1921—1922 годы.

Ленин В. И. — Тов. Кржижановскому в президиум Госплана. 14 мая 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 260—262

Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской, а мы в России знаем это гораздо более конкретно, чем прежде, и, вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности, мы теперь говорим об определенном, точно рассчитанном, конкретном плане электрификации. Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России, мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи. Это остается совершенно бесспорным, и если в последнее время в связи с продналогом об этом говорили в отвлеченных выражениях, то теперь надо сказать конкретно, что надо восстановить прежде всего крупную промышленность.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге 26 мая [X Всероссийская конференция РКП(б) 26—28 мая 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 305—306

1. Текущие отчеты, которые должны быть во всех ведомствах, учреждениях, главках, предприятиях (в том числе негосударственных), представляются не реже 1 раза в месяц.
2. В «*Экономическую Жизнь*»³⁵, Госплан и ЦСУ эти отчеты должны быть доставляемы для ознакомления регулярно и своевременно (независимо от подлежащих удовлетворению во всяком случае требований высших советских учреждений).
3. Краткие извлечения из отчетов (размер производства; число рабочих; число предприятий и т. п. лишь абсолютно необходимые цифры) доставляются в 3-х экземплярах, по одному в «*Экономическую Жизнь*», ЦСУ и Госплан.
4. «*Экономическая Жизнь*» печатает их немедленно.
5. Анализ этих отчетов ведется по важнейшим отраслям народного хозяйства по одному членами редакции «*Экономическая Жизнь*», Госплана и ЦСУ (согласно § 6 теперь).
6. Периодические сводки-обзоры «*Экономическая Жизнь*» печатает периодически, в сроки, установленные редакцией, не реже 2-х раз в год.
7. Простейшие графики составляет ЦСУ ежемесячно. Форму их оно должно выработать в недельный срок. По утвержденным формам составить их в *недельный* срок после утверждения форм.

Ленин В. И. О кратких ежемесячных извлечениях из отчетов. Конец мая или начало июня 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 348—349

Тов. Попов!

В дополнение к нашей беседе я должен добавить, что характер работы Центрального статистического управления требует радикальной перемены.

Сейчас Центральное статистическое управление, собрав 28/VIII 1920 г. богатейший материал и ведя обширную текущую статистику, *тянется* к изданию общего типа сборников, бюллетеней и проч.

Это следует поставить на второй план.

Бумаги и типографий у нас нет.

Органы Центрального статистического управления должны быть ближе, непосредственнее связаны с губэкономсоветах и СТО. Справки и сводные работы ЦестатУ должен делать по своим рукописным материалам.

Приведены ли эти материалы в состояние, позволяющее быстрые справки (и сводки) по всем вопросам?

Главное, чего не хватает ЦестатУ и чем надо ему заняться в первую голову, это *обслуживание практических надобностей социалистической реорганизации*.

К этому совсем не приспособлялись буржуазные статистические учреждения. Наше ЦестатУ идет по старой колее. Так нельзя.

Распределение продовольствия государством с точки зрения рациональности этого распределения и повышения производительности труда; — и меры закрытия лишних заведений для концентрации производства в минимуме лучших заведений; — усиление производства топлива; — его доставка; — экономия в его потреблении; — способы проверки этой экономии; — способы проверки соответствия между количеством выдаваемого государством продовольствия и итогами работы, размером производства; — тоже для хозяйственной работы армии; — тоже для работы канцелярий и советских учреждений в центре (наркоматов) и на местах (исполкомы, их отделы); — вот примерный перечень некоторых из важнейших вопросов.

Никогда буржуазная статистика этого не делала.

Наше ЦестатУ должно этим заняться. Поставить вопрос. Составить немедленно перечень важнейших, первоочередных, практических тем указанного характера. Раздать работу. Поощрить инициаторов, лучших статистиков, идущих во главе *такой* работы.

Прошу Вас поставить этот вопрос и сообщить мне практические результаты, план работы, принимаемые меры.

Ленин В. И. — Письмо в Центральное статистическое управление П. И. Попову. 6 июня 1921 г. — Ленинский сборник XXXVII, М., 1970, с. 299—300

Превращение «Экономической Жизни» в орган *СТО*³⁶ не должно остаться простой и пустой формальностью.

Газета должна стать боевым органом, не только дающим регулярные и правдивые сведения о нашей экономике, во-первых, но также анализирующим эти сведения, обрабатывающим их научно для получения правильных выводов в целях управления промышленностью и проч. (во-вторых), и наконец, *подтягивающим* всех работников экономического фронта, добывающимся пунктуальной отчетности, одобряющим успешную работу и выносящим на общий суд неаккуратных, отсталых, неумелых работников данного предприятия, или учреждения, или отрасли хозяйства и т. п., в-третьих.

Газета дает массу ценнейшего, в частности статистического, материала о нашей экономике. Но материал этот страдает двумя недостатками: он случаен, неполон, несистематичен и затем необработан, не анализирован. . . Чтобы газета стала на деле, а не на словах только, органом *СТО*, необходимы следующие изменения:

1) Строже следить за неаккуратным или неполным поступлением отчетов в соответствующие учреждения и заносить на черную доску неисправных, в то же время *добиваясь* (через соответствующий наркомат или через управление делами *СТО*) аккуратной отчетности.

2) Все помещаемые статистические данные гораздо строже, т. е. заботливее, тщательнее систематизировать, всегда добываясь данных для сравнения, всегда приводя данные за прошлые годы (месяцы и т. п.), всегда подбирая материал для анализа, для объяснения *причин* неуспеха, для *выделения* тех или иных успевающих или хотя бы опережающих остальные предприятия и т. д.

3) Завести сеть корреспондентов с мест, как коммунистов, *так и беспартийных*, и уделять больше места корреспонденциям с мест, с заводов, с рудников, с совхозов, с железнодорожных депо и мастерских и т. д.

4) Печатать в особых приложениях сводки по всем важнейшим вопросам нашей экономики. Сводки должны быть безусловно обработанные, с анализом всесторонним и с практическими выводами.

Ленин В. И. В редакцию газеты «Экономическая жизнь». 1 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 112—113

Тов. Горбунов!

Я подписал сейчас мандаты председателю и членам Чрезвычайной комиссии по экспорту при *СТО* (Рыкунову, Пятигорскому, Валаеву и Владимиру Спиридоновичу Ермакову). Поручаю Вам ознакомиться с составом этой Комиссии и с положением о ней, затем систематически знакомиться с ходом ее работ, с *отчетами* ее и сообщать мне.

Пользуюсь этим поводом, чтобы указать Вам на необходимость правильного распределения работ между Вами и Смольяниновым (и Борисом Волиным, если удастся его привлечь) и правильной постановки всей работы управделами СНК и Совета Труда и Обороны.

Надо точно распределить функции между Вами и Смольяниновым. Каждый должен *вести надзор* за определенными *делами* (электроплуги, Гидроторф, коллективное снабжение, тарифы и т. д. и т. п.).

По каждому делу, как «старому», так и вновь возникающему, должны систематически подбираться вместе все бумаги и все справки, чтобы всегда легко было найти требуемое.

Кроме распределения между Вами дел «экономического фронта», важнейшего ныне

фронта, надо также распределить (или взять все Вам на себя) неэкономические наркоматы, «следя» за их работой по отчетам губ. и уезд. экосо и иначе.

По каждому «делу» надо от времени до времени (1 раз в неделю, 1 раз в месяц или в два месяца, смотря по характеру и важности дела, а затем *внезапно*) производить *проверку реального* выполнения. Это самое важное и самое необходимое. Результаты каждой проверки отмечать.

Я думаю, что когда вас будет трое (Вы + Смольянинов + Б. Волин или кто другой, если с Волиным не выйдет), то этого будет достаточно (при небольшом числе канцелярских помощников) для ведения всей работы, — конечно, при условии абсолютной аккуратности, с одной стороны, а с другой, при условии передачи всего, что можно и должно передать, в «*Экономическую Жизнь*», в *Госплан* и в другие соответствующие учреждения. К чтению уездных отчетов придется привлечь еще ряд лиц с обязательной распиской читавшего на пришитом к каждому отчету листу: привлечем и литераторов, и некоторых членов партии из старейших, и некоторых спецов. Когда число приходящих отчетов будет увеличиваться. Вы составите список «помогающих при чтении отчетов» и установите *строгий* порядок возвращения прочитанного.

Снимите копию на машинке с этого письма и пришлите ее мне вместе с Вашим ответом насчет плана распределения и ведения всех работ управделами СНК и Совета Труда и Обороны.

В частности, *особо* внимательно надо *следить* за Гидроторфом как в связи с данными уже за границей заказами на торфососы к сезону 22 г., так и в связи с недавним сообщением Р. Э. Классона о решенной им задаче обезвоживания³⁷.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 3 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 162—163

Поручить т. Богданову немедленно осуществить образование государственного треста из заводов и рудников Риддеровского, Экибастузских и всех тех, кои с ними хозяйственно связаны, на началах наибольшей финансовой и экономической самостоятельности, независимости от местных, сибирских, киргизских и др. властей и прямого подчинения ВСНХозу.

Ленин В. И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б). 14 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 120

Атлас диаграмм для СТО

(По общему правилу эти диаграммы должны быть ежемесячны. Изъятия на отдельные случаи устанавливаются отдельно.)

1. продовольствие
2. внутренняя торговля Центросоюз
3. частная торговля
4. промышленность
5. уголь
6. нефть
7. дрова
8. сланец

9—14. главные отрасли промышленности 6—12

9—20. урожай

6—12. видов или главных злаков

4—6. 2—3 раза в год

4—6. виды, итоги

Транспорт

1 ж.-д. длина

1 число паровозов

- 1 « вагонов
- 1 пассажироверст
- 1 пудоверст
- 1 водный; число судов
- 1 « пудоверст
- 1 автомобильный транспорт
- 1 число автомобилей
- 1 « пудоверст

20—38

- вывозная торговля
- 6—12
- совхозы
- 6—12
- колхозы
- 6—12
- банковское дело
- 4—8
- денежное обращение
- 4—8
- трудопвинность
- 6—12
- профсоюзы
- 4—8
- число членов и т.д.
- народное образование

20—40

56—104

- Потель и телефон
- 6—12
- Наркомздрав
- 6—12
- Собез
- 6—12
- Наркомвоен
- 6—12
- Ракрин
- 4—8
- Наркомюст
- 6—12
- Наркомнац
- 6—12
- Наркомвнудел
- 4—8
- съезды Советов
- иные съезды

40—88

$$\left. \begin{array}{l} 9-20 \\ 20-38 \\ 40-88 \\ 56-104 \end{array} \right\} \Sigma = \underline{\underline{125}} - \underline{\underline{250}}$$

Говоря о плане, я перейду к тому, какое практически положение получилось у нас с государственным планом. Я начну с топлива, с того, что является хлебом для промышленности, является основой всей нашей промышленной работы. Вы уже, вероятно, получили сегодня или получите на днях материалы по работе нашего Госплана — Государственной плановой комиссии. Вы получите отчет о съезде электротехников, который дал серьезнейший и богатейший материал, проверку лучшими техническими и научными силами России того плана, который является единственно научно проверенным, кратчайшим и ближайшим планом для восстановления нашей крупной промышленности, требующим для выполнения не менее 10—15 лет. Я уже говорил и не устану повторять, что сроки, с которыми мы должны считаться в нашей практической работе, теперь не те, какие мы видели в области работы политической и военной. Очень многие из руководящих работников коммунистической партии и профсоюзов это усвоили, а надо, чтобы это усвоили все. Между прочим, в той брошюре тов. Кржижановского, которая завтра вам будет роздана — отчет о деятельности Госплана, — вы увидите, как, с точки зрения коллективной мысли инженеров и агрономов, ставится вопрос о нашем государственном плане вообще. Вы увидите, как подходят к делу, — не с обычной для нас с вами точки зрения, общеполитической или общезакономерной, а с точки зрения коллективного опыта, — инженеры и агрономы, рассчитывая, между прочим, до каких пределов мы можем отступить. Вы найдете в этой брошюре ответ на этот вопрос с точки зрения инженеров и агрономов, и тем более ценно то, что вы найдете в ней, как результат работы за отчетный год нашего общепланового государственного учреждения, расчет того, как им ставится вопрос транспорта и промышленности. Понятное дело, что я не могу излагать вам здесь содержание этой работы.

Мне хотелось бы только совсем коротко остановиться на вопросе о том, как обстоит дело с планом топливным, ибо в этой области в начале отчетного 1921 г. мы понесли самое жестокое крушение. Именно тут, опираясь на улучшение дела в конце 1920 г., мы допустили величайший просчет и привели транспорт к колоссальному кризису весной 1921 г., кризису, который был вызван уже не только недостатком материальных средств, но и тем, что мы неверно рассчитали темп быстроты развития. Уже тогда сказалась ошибка, что опыт, нами усвоенный из периода политического и военного, мы перенесли на задачи хозяйственные, — важнейшая ошибка, коренная ошибка, которую мы до сих пор повторяем, товарищи, на каждом шагу. Сейчас у нас много ошибок, и нужно сказать, что если мы этих ошибок не осознаем и если мы во что бы то ни стало не добьемся того, чтобы эти ошибки исправить, у нас прочного хозяйственного улучшения быть не может. После испытанного нами урока мы топливный план на вторую половину 1921 г. ставим уже с большой осторожностью, считая малейшее преувеличение здесь недопустимым и всемерно с ним борясь. Цифры к концу декабря, хотя еще неполные, которые мне были сообщены т. Смилгой, руководящим всеми нашими учреждениями по сбору топлива, показывают, что мы имеем тут дефицит, но уже дефицит незначительный, причем дефицит, показывающий улучшение внутреннего строения нашего топливного бюджета — именно то, что техники называют его минерализацией, т. е. большой успех в снабжении России минеральным топливом, а только на минеральном топливе может быть прочная постановка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества.

Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 316—317

У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т. д. На основании этого деления созданы районные и областные экосы³⁸. Конечно, частные исправления будут, но надо повысить авторитет этих экосы.

Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта—2 апреля 1922 г.]. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 115

Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей. . .

Я замечал у некоторых из наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и в своем времени, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т. д. . . .

Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо. . .

Госплан, по-видимому, развивается у нас всесторонне в комиссию экспертов. Во главе такого учреждения не может не стоять лицо с большим опытом и всесторонним научным образованием по части техники. Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной. Известная независимость и самостоятельность Госплана обязательна с точки зрения авторитета этого научного учреждения и обусловлена одним, именно добросовестностью ее работников и добросовестным стремлением их провести в жизнь наш план экономического и социального строительства.

Это последнее качество, конечно, сейчас может встречаться лишь как исключение, ибо подавляющее большинство ученых, из которых, естественно, составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками. Проверка их с этой стороны должна составлять задачу нескольких лиц, которые могут образовывать президиум Госплана, которые должны состоять из коммунистов и следить изо дня в день во всем ходе работы за степенью преданности буржуазных ученых и за их отказом от буржуазных предрассудков, а также за их постепенным переходом на точку зрения социализма. Эта обоюдная работа такой научной проверки вместе с работой по чистому администрированию должна бы составить идеал руководителей Госплана в нашей Республике.

Ленин В. И. О придании законодательных функций Госплану. 27, 28 и 29 декабря 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 350—352

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное

количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

*Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. —
Полн. собр. соч., т. 45, с. 390—391*

По-моему, из тех учреждений, которые мы уже напекли по части высших институтов труда и прочее, выбрать минимум, проверить вполне серьезную постановку и продолжать работу лишь так, чтобы она действительно стояла на высоте современной науки и давала нам все ее обеспечения. Тогда в несколько лет не утопично будет надеяться на получение учреждения, которое будет в состоянии делать свое дело, именно — систематически, неуклонно работать, пользуясь доверием рабочего класса, Российской коммунистической партии и всей массы населения нашей республики, над улучшением нашего госаппарата. . .

Объявить конкурс сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого. В основу можно положить имеющуюся уже у нас книгу Ерманского, хотя он, в скобках будь сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника, подходящего для Советской власти. Затем, можно взять за основу недавнюю книгу Керженцева; наконец, могут пригодиться еще кое-какие из имеющихся частичных пособий.

Послать нескольких подготовленных и добросовестных лиц в Германию или в Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса. Англию я называю на случай, если бы посылка в Америку или Канаду оказалась невозможной.

*Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. —
Полн. собр. соч., т. 45, с. 394—395*

Электрификация, ее политическое и социально-экономическое значение

Глеб Максимилианович! *

Статью получил и прочел³⁹.

Великолепно.

Нужен ряд таких. Тогда пустим брошюрой⁴⁰. У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом».

Надо 1) примечания *пока* убрать или сократить. Их слишком много для газеты (с редактором буду говорить завтра).

2) Нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (*примерно* перебрать Россию всю, с *грубым* приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию «электрической».

Я думаю, подобный «план» — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*. Доработаемся до *стольких-то* (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет.

Р. С. Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? может быть на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о «государственном плане» сети электрических станций, с картой, или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим.

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому.
23 января 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40,
с. 62—63

Мы должны, не ослабляя нашей военной готовности, во что бы то ни стало перевести Советскую республику на новые рельсы хозяйственного строительства. В ближайшие недели, быть может в ближайших месяцах, эта задача должна быть исполнена. Каждая советская или партийная организация должна напрячь все силы, чтобы покончить с разрухой транспорта, увеличить запасы хлеба.

Тогда и только тогда мы будем иметь базу, прочную основу для широкого промышленного строительства, для электрификации России. И чтобы показать населению и в особенности крестьянству, что мы имеем в этом отношении широкие планы не из фантазии взятые, а подкрепленные техникой, подготовленные наукой, — для этого, я думаю, мы должны провести, — я надеюсь, что ЦИК одобрит это, — резолюцию, предлагающую ВСНХ и Комиссариату земледелия в соглашении между собой выработать проект по вопросу об электрификации России.

Мне удалось, благодаря помощи Государственного издательства и энергии рабочих

* Г. М. Кржижановский. Ред.

типографии бывшей Кушнерева, теперь 17-й государственной типографии, добиться того, чтобы в очень краткий срок была издана брошюра Кржижановского «Основные задачи электрификации России». Завтра эта брошюра будет роздана всем членам ВЦИК. Эта брошюра тов. Кржижановского, работающего в электротехническом подотделе ВСНХ, подводит итоги тому, что уже сделано, и ставит вопросы, пропаганда которых, — не практическое применение, а пропаганда, — составит теперь одну из наиболее важных задач.

Я надеюсь, что ЦИК примет ту резолюцию, которая ставит от имени ЦИК задачу ВСНХ и Народному комиссариату земледелия разработать в течение нескольких месяцев, — наши практические задачи в это время будут иные, — разработать при содействии представителей науки и техники широкий и полный план электрификации России. Автор брошюры совершенно прав, когда эпитафией для нее избрал изречение: «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма». Мы должны иметь новую техническую базу для нового экономического строительства. Этой новой технической базой является электричество. Мы должны будем на этой базе строить все. Это стоит долгих лет. Мы не побоямся работать в течение 10 и 20 лет, но мы должны показать крестьянству, что вместо старого обособления промышленности и земледелия, этого самого глубокого противоречия, которое питало капитализм, сеяло рознь между рабочими промышленными и рабочими земледелия, — мы ставим своей задачей возвратит крестьянству то, что мы получили в ссуду от него в виде хлеба, ибо мы знаем, что бумажные деньги это, конечно, не есть эквивалент хлеба. Эту ссуду мы должны вернуть посредством организации промышленности и снабжения крестьян ее продуктами.

Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 107—109

1) «Наше отношение к снятию блокады?»

Мы относимся к этому как к большому шагу вперед. Открывается возможность для нас от войны, которую нам навязали капиталистические правительства Антанты, переходить к мирному строительству. А это для нас самое главное. Напрягая все силы для восстановления хозяйственной жизни страны, разоренной сначала войной между капиталистами из-за Дарданелл, из-за колоний, затем войной капиталистов Антанты и России против рабочих России, мы, между прочим, разрабатываем теперь при помощи ряда ученых и техников план электрификации всей России. План этот рассчитан на много лет. Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов.

Снятие блокады должно помочь осуществлению плана электрификации.

Ленин В. И. Ответ на вопросы корреспондента английской газеты «Daily Express» 18 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 148

Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему путем создания электростанций на Урале и в других местах. Наши инженеры говорят нам, что на это потребуется десять лет. Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества. Вся наша промышленность получит энергию от общего источника, способного снабжать в одинаковой степени все ее отрасли. Это устранит непроизводительное соперничество в поисках топлива и создаст прочную экономическую основу для предприятий обрабатывающей промышленности, без чего мы не можем надеяться достичь такого уровня обмена продуктами первой необходимости, который бы соответствовал принципам коммунизма.

Мы предполагаем, между прочим, что через три года в России будет гореть 50 000 000 ламп накаливания. Как я полагаю, в Соединенных Штатах имеется 70 000 000 таких ламп, но для страны, где электричество находится еще в младенческом состоянии,

более чем две трети этого количества являются огромным достижением. На мой взгляд, электрификация является наиболее важной из всех великих задач, стоящих перед нами.

Ленин В. И. Беседа с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром. 21 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 155—156

На восстановление промышленности мы теперь направили все силы и идем неуклонно в этой новой войне, в которой мы одержим такую же победу, какие одерживали до сих пор. Мы поручили комиссии ученых и техников разработать план электрификации России. Этот план через два месяца будет готов и даст полную возможность ясно представить себе, как в течение нескольких лет вся Россия будет покрыта сетью электрических проводов и будет восстановлена не по-старому, а по-новому, как она достигнет той культуры, которую наши пленные видели в Германии.

Так мы должны восстановить нашу промышленность, так мы вернем сторицей ту ссуду хлебом, которую берем у крестьян. Мы знаем, что это дело нельзя сделать в год или в два; минимальная программа электрификации рассчитана не меньше, чем на три года, а полная победа этой культурной промышленности потребует не менее десяти лет.

Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 186—187

Глеб Максимилианович!

Просмотрев заявление ГОЭЛРО ⁴¹, подумав над вчерашней беседой, я прихожу к выводу, что оно *сухо*.

Мало этого.

Нельзя ли Вам написать или Кругу (или еще кому) заказать статейку такого рода, чтобы доказать

или хотя бы иллюстрировать

- а) громадную выгодность,
- б) *необходимость* электрификации.

Примерно:

I. Транспорт. Восстановить по-старому — надо α миллионов (по довоенным ценам) или α топлива + β рабочих дней.

A для восстановления на базе электрификации

- α — x млн. рублей
- α — y топлива + $(\beta - z)$ рабочих дней.

Или *то же* $\frac{\alpha}{\alpha + \beta}$, но с эффектом во столько-то раз больше прежнего.

II. Паровые силы. Если восстановить промышленность по-старому, нужно затратить **больше**, чем для восстановления на базе электрификации.

III. Земледелие.

Восстановить, скажем, +5 млн. плугов и конных упряжек.

Стоимость этого по-старому и при электрификации?

Это — *примерно*. Я думаю, толковый спец в 2 дня сделает такую работу (если захочет исполнить добросовестно), взяв либо цифры довоенной статистики (немного, совсем немного итоговых цифр), либо расчет *грубо приближительный* («в порядке первого приближения» ⁴² к *первому приближению*).

Закажите это. Может быть, Вы себе закажете *материал*, а напишете сами или *дадите интервью*, я пошлю интервьюера. Тогда мы получим *канву* для пропаганды. А это важно.

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому. 14 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 159—160

Я остановлюсь на последнем пункте — на вопросе об электрификации, который поставлен в порядок дня съезда, как особый вопрос, и вам предстоит выслушать доклад по этому вопросу. Я думаю, что мы здесь присутствуем при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти. На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы. Чтобы настоящим образом перейти к делу хозяйственного строительства, надо этот обычай начать с Всероссийского съезда Советов и провести сверху донизу по всем Советам и организациям, по всем газетам, по всем органам пропаганды и агитации, по всем учреждениям.

Политике мы, несомненно, научились, здесь нас не собьешь, тут у нас база имеется. А с хозяйством дело обстоит плохо. Самая лучшая политика отныне — поменьше политики. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитесь, их работу проверяйте, превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству.

Вы услышите доклад Государственной комиссии по электрификации, которая создана постановлением ВЦИК от 7 февраля 1920 года. 21 февраля президиум ВСНХ подписал окончательное постановление о составе этой комиссии, и целый ряд лучших специалистов и работников ВСНХ в первую голову, в числе свыше ста, целиком отдались этому делу, с присоединением лучших сил Наркомпути и Наркомзема. Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии. У нас есть программа партии, превосходно разъясненная тт. Преображенским и Бухариным, в книжке менее толстой, но в высшей степени ценной. Это есть программа политическая, это есть перечень наших заданий, это есть разъяснение отношений между классами и массами. Но надо также помнить, что пора на эту дорогу вступить в действительности и измерить ее практические результаты. Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она не годна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем. Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане. Мы должны прийти к тому, чтобы принять известный план; конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения. Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться. Она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на десять лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма. . .

Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу, у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более

слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно.

Нами уже разработан предварительный план электрификации страны, над этим планом работали двести наших лучших научных и технических сил. Разработан план, который на долгий период лет, не менее чем на десять лет, дает нам расчет материальный и финансовый. Этот план указывает, сколько миллионов бочек цемента и сколько миллионов кирпичей нужно нам для проведения электрификации. Чтобы осуществить задачи электрификации в финансовом отношении, расчет сделан на 1—1,2 миллиарда рублей золотом. Вы знаете, что мы нашим золотым фондом можем покрыть далеко не всю эту цифру. Невелик также у нас и продовольственный фонд. Поэтому мы должны эти расчеты покрыть концессиями по тому плану, о котором я говорил. Вы увидите расчет, как на этой основе планируется восстановление нашей промышленности и нашего транспорта. . .

. . . Нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс. Нужно, чтобы все знали, почему эти маленькие электрические станции, которых мы имеем уже десятки, почему они связаны с восстановлением промышленности. У нас есть разработанный план электрификации, но выполнение этого плана рассчитано на годы. Мы во что бы то ни стало должны этот план осуществить и срок его выполнения сократить. Здесь должно быть то же самое, что произошло с одним из наших первых хозяйственных планов, с планом восстановления транспорта — приказом № 1042, который был рассчитан на пять лет, но уже теперь сокращен до трех с половиной лет, так как выполняется сверх нормы. Для проведения плана электрификации нам необходимо будет, быть может, срок в десять или двадцать лет, чтобы осуществить преобразования, вырывающие корни возвращенного капитализму. И это будет невиданным еще в мире примером быстроты общественного развития. Мы во что бы то ни стало должны этот план осуществить и срок его выполнения сократить.

Мы впервые становимся на хозяйственную работу таким образом, что кроме отдельных планов, которые вырастали у нас в отдельных частях промышленности, как, например, в транспорте, которые переносились в другие части промышленности, мы получаем также обобщенный план, рассчитанный на целый ряд лет. Эта работа трудная, работа, рассчитанная на победу коммунизма. . .

Лучшие работники, хозяйственники-специалисты исполнили данное им задание по выработке плана электрификации России и восстановления ее хозяйства. Теперь нужно добиться того, чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить и как за нее взяться.

Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии.

Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.]. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 157—161

VIII Всероссийский съезд Советов,
заслушав доклад председателя Государственной комиссии по электрификации, выражает благодарность в первую голову президиуму ВСНХ, затем Наркомзему и НКПС и в особенности Комиссии по электрификации России за разработку плана электрификации России.

Съезд поручает ВсеЦИКу, Совнаркому, Совтрудобороне и президиуму ВСНХ, а равно другим наркоматам, довершить разработку этого плана и утвердить его, притом обязательно в кратчайший срок.

Съезд поручает далее правительству и просит ВЦСПС и Всероссийский съезд профсоюзов принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана и ознакомлению с ним самых широких масс города и деревни. Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях республики; каждая электрическая станция и каждый сколько-нибудь сносно поставленный завод и совхоз должны стать центрами ознакомления с электричеством, с современной промышленностью и центрами пропаганды плана электрификации и систематического преподавания его. Все, обладающие достаточной подготовкой, научной или практической, должны быть поголовно мобилизованы для пропаганды плана электрификации и преподавания необходимых знаний для его понимания.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что все советские учреждения, все Совдепы, все рабочие и трудящиеся крестьяне напрягут все свои силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям.

Ленин В. И. Проект резолюции по докладу об электрификации. Между 21 и 29 декабря 1920 г. [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.]. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 196—197

1

Значение электрификации

1. Современная техника.
2. Восстановление производительных сил. Повышение их.
3. Централизация — тахитип.
4. Коммунизм = Советская власть + электрификация.
5. Общий и единый план: централизация внимания и сил народа.
6. Подъем культуры (трудящихся).
7. Не простая грамотность.

2

К электрификации

- 1) Декрет об утверждении плана. . .
- 2) Мобилизация технических сил.
  - Сбор сил как электротехнических, так и рабочих сил.
  - Использование станций.
  - Агитация и пропаганда.
  - Преподавание теоретических и практических знаний об электричестве.
- 3) Декрет о ГОЭЛРО.
- 4) Декрет о Научно-техническом отделе. . .
- 5) Декрет о Всероссийском электротехническом съезде.
- 6) Петроград. Уголь из-за границы через Мурманск.

Ленин В. И. Заметки об электрификации. Декабрь 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 227

Нельзя ли развить (не сейчас, а после съезда ⁴³, для Совета Труда и Оборона, но *тотчас*) практический план кампании по электрификации:

Et wa *:

- 1) в *каждом* уезде создать *срочно* не менее одной электрической станции;
- 2) обязать этот центр сделать центром *обучения*, лекций, демонстраций и пр. и *привести* через эти курсы *все* население (начав с молодежи или по волостям и т. д.);
- 3) разверстать *тотчас* среди населения то, что можно сейчас начать готовить (меди надо $2\frac{1}{2}$ млн. пуд. — разверстаем *тотчас* 25 млн. пуд., пусть собирают *доброволично* колокола, ручки и проч.; затем *столбы* и т. д.);
- 4) начать подготовительные *земляные* работы *тотчас* и разверстать их по уездам;
- 5) мобилизовать *всех* без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и пр. Обязанность: в неделю не менее 2 (4?) лекций, обучить *не менее* (10—50?) человек электричеству. Исполнишь — премия. Не исполнишь — тюрьма;
- 6) написать *срочно* несколько популярных брошюр (частью перевести с *немецкого*) и переделать «книгу» (Вашу) в ряд более популярных очерков для обучения в школе и чтения крестьянам.

И еще ряд детальных мер по этим 2-м группам

аа) пропаганда и обучение,

бб) начало осуществления *тотчас* и со всех концов.

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому.
Конец декабря 1920 г. — Полн. собр. соч.,
т. 52, с. 38—39

Г. М.! Мне пришла в голову такая мысль.

Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словом, но и примером.

Что это значит? Самое важное — популяризировать его. Для этого надо теперь же выработать *план* освещения электричеством *каждого дома* в РСФСР.

Это надолго, ибо ни 20 000 000 (— 40 000 000?) лампочек, ни проводов и проч. у нас *долго* не хватит.

Но план все же нужен *тотчас*, хотя бы и на ряд лет.

Это во-1-х.

А во-2-х, надо *сокращенный* план выработать *тотчас* и затем, это в-3-х, — и это самое главное — надо уметь вызвать и *соревнование и самостоятельность масс* для того, чтобы они *тотчас* принялись за дело.

Нельзя ли для этого *тотчас* разработать такой план (примерно):

- 1) все волости (10—15 тыс.) снабжаются электрическим освещением в *один* год;
- 2) все поселки ($\frac{1}{2}$ —1 миллион, вероятно, не более $\frac{3}{4}$ миллиона) в *два* года;
- 3) в первую очередь — изба-читальня и совдеп (2 лампочки);
- 4) столбы *тотчас* готовьте так-то;
- 5) изоляторы *тотчас* готовьте *сами* (керамические заводы, кажись, местные и маленькие?). Готовьте *так-то*;
- 6) *медь* на провода? *Собирайте сами* по уезду и волостям (тонкий намек на колокола и проч.);
- 7) обучение электричеству ставьте так-то.

Нельзя ли *подобную* вещь обдумать, разработать и *декретировать*?

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому.
Декабрь 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52,
с. 39—40

* — примерно, приблизительно. Ред.

Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе⁴⁴, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется.

Ленин В. И. О продовольственном налоге. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 228

Какие меры приняты во исполнение постановления VIII съезда Советов о широкой пропаганде плана электрификации? Сколько статей в местных газетах об этом? Сколько докладов? Число слушателей на них?

Мобилизованы ли для таких докладов и для преподавания все местные работники, обладающие теоретическими или практическими знаниями об электричестве? Сколько таких работников? Как ведется их работа? Используются ли для лекций и занятий местные или ближайšie электрические станции? Число их?

В скольких учебных заведениях введено, согласно решению VIII съезда Советов, преподавание плана электрификации?

Сделано ли что-либо практическое и что именно в деле осуществления этого плана? Или вне плана стоящих работ по электрификации?

Есть ли местный план и очередь работ по электрификации?

Ленин В. И. Наказ от ЦТО (Совета Труда и Оборонь) местным советским учреждениям. Проект 21 мая 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 289

Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны. Научную работу выработки плана такой электрификации РСФСР мы должны были выработать, и мы ее выполнили. При участии свыше 200 лучших научных, инженерных и агрономических сил России эта работа закончена, напечатана в виде объемистого тома и утверждена, в общем, VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. Теперь уже организован созыв Всероссийского съезда электротехников, который соберется в августе 1921 года, подробно рассмотрит эту работу, и она получит тогда окончательное государственное утверждение⁴⁵. Работы по электрификации первой очереди рассчитаны на 10 лет; они потребуют около 370 миллионов рабочих дней.

Если в 1918 году у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4757 kw — киловатт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 (с 1648 kw), а в 1920 году до 100 (с 8699 kw).

Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено, работа пошла и идет все лучше и лучше. Русский крестьянин после империалистской войны, после знакомства миллиона пленных в Германии с современной передовой техникой, после тяжелого, но закаляющего опыта трехлетней гражданской войны — уже не тот, каким он был в старину. С каждым месяцем он видит все яснее и все нагляднее, что руководство пролетариата одно только в состоянии вывести массу мелких земледельцев из рабства капиталу и привести к социализму.

Ленин В. И. Тезисы доклада о тактике РКП. 13 июля 1921 г. [III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 9—10

... Я еще раз должен подчеркнуть, что единственной возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист. Мы должны конкретно разработать этот вопрос. Мы не можем ставить вопросы так, как это делают теоретики старого социализма. Мы должны ставить их практически. Что значит современная крупная промышленность? Это значит *электрификация всей России*. Швеция, Германия и Америка уже близки к ее осуществлению, хотя это страны еще буржуазные. Один товарищ из Швеции рассказывал мне, что значительная часть промышленности там электрифицирована, а также 30 % сельского хозяйства. В Германии и в Америке, как в странах еще более развитых капиталистически, мы встречаемся с этим в еще большем масштабе. Крупная машинная индустрия означает не что иное, как электрификацию всей страны ⁴⁶.

Ленин В. И. Доклад о тактике РКП 5 июля [III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 50

Электроотдел ВСНХ, тов. Вашков
Копия тов. Кржижановскому

Чрезвычайно благодарен Вам за статью «Электрификация России» в «Экономической Жизни» от 10/VII ⁴⁷.

В высшей степени важно, чтобы подобного рода сведения были от времени до времени помещаемы и в «Экономической Жизни» и в общей прессе. Прошу Вас прислать мне, если у Вас имеются, следующие дополнительные сведения: 1) за 1920 г. в Вашей таблице мощность станций показана 7670 киловатт. Входит ли в это число 5 тысяч Шатурки?

2) В Вашей статье показано, что Тульский куст дал в 20 году 3000 киловатт, вошло ли это в таблицу или подобного рода сведения не включаются в таблицу?

3) Нельзя ли выделить особо более крупные станции, имеющие действительно промышленное значение, например, с числом киловатт в 1000 или такого размера, какие могут быть признаны крупными и имеющими значение для промышленности?

4) За сколько месяцев 1921 года имеются у Вас сведения таблиц, в которых показан 1921 год вообще?

5) Нет ли некоторых подробностей о начале организации станций Штеровской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской и Челябинской?

6) В статье сказано, что комбинация нескольких крупных станций могла дать Москве 10 тысяч киловатт. Прошу сообщить, дала ли действительно, сколько именно и когда?

7) Нельзя ли сообщить некоторые подробности о станциях Болшевского района, около Мытищ, и Детскосельской, снабжающей Петроград, и более точно о времени предполагаемого окончания?

Прошу также сообщить мне, нельзя ли воспользоваться предстоящим электротехни-

ческим съездом в октябре ⁴⁸ для сбора более точных и полных сведений о всех существующих электротехнических станциях, о распределении их по уездам и губерниям, о времени основания, о том, какое число станций используется для преподавания электричества и электрификации и т. д.

Ленин В. И. Телефонограмма Н. Н. Вашкову. 1 августа 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 84—85

Всем губисполкомам для электроотделов

Предлагаю вменить в обязанность лицам, делегируемым на предстоящий в октябре электротехнический съезд, представить таковому статистические сведения о времени основания электростанций, числе установленных киловатт, годичном отпуске киловатт-часов, расходе топлива, причинах перерывов работы организованных при станциях курсов, числе лекций по электрификации, прочитанных персоналом. Ответственность за срочное исполнение и полное собрание сведений относительно каждой станции без исключения возложить немедленно поименно на каждого делегата или на специально назначенных губисполкомом лиц.

Ленин В. И. Телеграмма губисполкомам для электроотделов. 18 августа 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 128—129

г. Горбунов!

Я давал (кажется, через Смольянинова) телеграмму всем губэлектроотделам * об обязательной присылке с делегатами Всероссийского электротехнического съезда *статистических сведений обо всех электростанциях в России.*

Обязательно найдите копию и, пока съезд электротехников заседает, проверьте исполнение архипридирчиво и документально.

Надо **добиться** исполнения, ибо вопрос имеет и громадное хозяйственное значение и политическое.

Если надо, пустить *анкетный* листок среди делегатов съезда, *не выпуская* незаполнивших.

Добиться исполнения и осведомления и проверить сугубо недоверчиво! ⁴⁹

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 30 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 226

О значении книги «План электрификации» и еще более самой электрификации мне доводилось высказываться не раз **. Крупная машинная промышленность и перенесение ее в земледелие есть единственная экономическая база социализма, единственная база для успешной борьбы за избавление человечества от ига капитала, от избиения и калечения десятков миллионов людей для решения вопроса, будет ли иметь перевес в разделе земли хищник английский или немецкий, японский или американский и т. п.

Рабоче-крестьянская советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты 4-летней империалистской и 3-летней гражданской войной, для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее и превратить в свою колонию, как ни мучительно медленно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед. При помощи вашего съезда, при помощи всех электротехников России

* См.: предыдущий документ. *Ред.*

** См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 157—161, 339—347; т. 43, с. 288—289. *Ред.*

и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту задачу осилим, мы электрификацию нашей страны создадим.

Приветствую VIII Всероссийский съезд электротехников и желаю ему всяческого успеха в его работах.⁵⁰

Ленин В. И. В президиум VIII Всероссийского электротехнического съезда. 8 октября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 135—136

В президиум ВСНХ

Предлагаю срочно прислать мне сведения и материалы о постройке Иваново-Вознесенской районной электрической станции (на Рубском озере)⁵¹.

1) Положение о государственной районной Иваново-Вознесенской электрической станции или о строительстве этой станции.

2) Выработаны ли и утверждены ли проекты постройки этой станции, основные данные проекта: мощность, тип и т. д.

3) Как организовано строительное управление; число контор; их местонахождение; взаимоотношения друг с другом и с центром; кому строительство непосредственно подчинено здесь, в центре; в каких отношениях находятся органы строительства к иваново-вознесенским губернским советским учреждениям; фамилии, должность и стаж главных ответственных лиц по строительству; кто здесь, в центре, непосредственно отвечает за все дело.

4) Число рабочих и служащих в управлении строительства и на стройке к 1 мая и к 1 октября, включая сюда штаты всех центральных и местных контор строительства (Москва, Иваново-Вознесенск, Тейково, Рубское озеро); отдельно — сколько:

Строительных и прочих рабочих:

- а) квалифицированных,
- б) неквалифицированных;

Служащих конторского труда;

Административно-технический персонал:

- а) инженеров,
- б) прочих техников.

5) Какие задачи поставлены строительному управлению, строительная программа на 1921 и 1922 гг.; календарная программа и ее исполнение на эти два года.

6) В каком положении находились строительные работы на 1 октября 1921 г.; что реально сделано с начала постройки.

7) Обеспеченность постройки на 1921 и 1922 гг.:

продовольствием,

строительными и техническими материалами и рабочей силой и т. д.

Ленин В. И. В президиум ВСНХ. 19 октября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 280—281

В Госплан

Прошу поставить в Госплане вопросы:

1. об ускорении постройки и пуска в ход Иваново-Вознесенской районной (на Рубском озере) электрической станции и

2. о включении в программу Главторфа на 1922 г. разработку рубских торфяных болот или передачи этой разработки строительству станции.

Необходимо теперь же в связи с наличием материальных ресурсов установить и утвердить на 1922 г. программу строительства и торфяных работ для Иваново-Вознесенской станции и их очередность.

Считаю желательным привлечение к обсуждению этого вопроса, кроме центральных заинтересованных ведомств (Комиссии использования, Главкомгосоора, Главторфа *), и представителя Иваново-Вознесенского губэкономсовещания, а также главного инженера строительства⁵²...

Вообще следует поторопиться с разработкой плана государственного электро-строительства на 1922 г. с таким расчетом, чтобы он был готов к съезду Советов⁵³.

Ленин В. И. В Госплан. 23 ноября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 33

Я бы хотел сообщить еще некоторые данные об успехе электрификации. К сожалению, крупного успеха мы пока не имеем. Я рассчитывал, что смогу поздравить IX съезд с открытием второго крупного электрического центра, построенного Советской властью: первый — Шатурка, а второй — новый центр — Каширская станция, которую мы как раз рассчитывали открыть в декабре⁵⁴. Она дала бы — и может дать — 6000 киловатт в первую очередь, что при тех 18 тысячах киловатт, которые мы имеем в Москве, было бы помощью существенной. Но тут целый ряд препятствий привел к тому, что в декабре 1921 г. мы этой станции открыть не можем. Она откроется в самый короткий срок, не больше, чем через несколько недель. Вообще вы, вероятно, обратили внимание на отчет, который на днях был помещен в «Экономической Жизни» и подписан инженером Леви, одним из крупных работников VIII Всероссийского электротехнического съезда и вообще одним из крупнейших наших работников. Из этого отчета я приведу вам только следующие краткие цифры: если сложить 1918 и 1919 гг., то у нас в этот срок были открыты 51 станция с мощностью в 3¹/₂ тысячи киловатт. Если сложить 1920 и 1921 гг., то открыто было 221 станция с мощностью в 12 тысяч киловатт. Если эти цифры сравнивать с Западной Европой, то, конечно, они покажутся крайне мизерными, нищенскими. Но они показывают, как может идти вперед дело даже при наличии трудностей, ни в одной стране не виданных. Немаловажную роль сыграло распространение мелких станций в деревне. Надо сказать прямо, что очень часто здесь было растаскивание. Но и в этом растаскивании есть некоторая польза. Этими мелкими станциями были созданы в деревне центры современной новой крупной промышленности. Они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется со своей примитивной деревянной сохой, а пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу. Сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет, но работа уже началась, сознание в крестьянской массе расширяется и отчасти именно благодаря тому, что у нас мелкие станции растут быстрее, чем крупные. Но если в 1921 г. мы опоздали с открытием одной крупной электрической станции, то в начале 1922 г. их будет две: Каширская в Подмосковье и Уткина Заводь под Питером⁵⁵. В этом отношении, во всяком случае, мы стоим на пути, по которому нам обеспечено движение вперед, если мы с прежним напряжением будем относиться к выполнению наших задач.

Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря. [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 320—321

* Комиссия использования материальных ресурсов при СТО; Главный комитет государственных сооружений ВСНХ; Главный торфяной комитет ВСНХ. *Ред.*

Добыча и переработка полезных ископаемых, рациональное использование природных ресурсов

СНК поручает докладчикам ⁵⁶ выработать немедленно подробный проект конкретных практических правил, преследующих цель:

- 1) усиления добычи топлива,
- 2) экономии его употребления,
- 3) рационального распределения технических сил по районам или округам производства топлива,
- 4) популярной агитации и пропаганды о важности беречь топливо.

Ленин В. И. Проект постановления СНК о топливе. 24 мая 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 371

Предписываю Березниковскому заводу немедленно начать работы по организации радиевого завода согласно постановления Высовнархоза ⁵⁷. Необходимые средства отпущены Совнаркомом. Работы должны вестись под управлением и ответственностью инженера-химика Богоявленского, которому предлагаю оказать полное содействие.

Ленин В. И. Телеграмма Уральскому совнархозу. 28 октября 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 375

Глеб Максимилианыч! *

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статьи об этом в «Экономическую Жизнь» (и затем брошюрой или в журнал)? ⁵⁸

Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот-де запасы торфа — миллиарды.

Его тепловая ценность.

Его местонахождение — под Москвой; *Московская область*.

Под Питером — поточнее.

Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.).

Применение труда *местных* рабочих и крестьян (*хотя бы по 4 часа в сутки для начала*).

Вот-де база для электрификации *во столько-то раз* при **теперешних** электрических станциях.

Вот *быстрейшая* и *вернейшая* -де база восстановления промышленности; —

— организация труда по-социалистическому (земледелие + промышленность);

— выхода из топливного кризиса (освободим *столько-то* миллионов кубов леса на транспорт).

Дайте *итоги* Вашего доклада; — приложите карту торфа; — краткие расчеты суммарные. Возможность построить торфяные машины быстро и т. д. и т. д. Краткая суть экономической программы.

Необходимо *тогчас* двинуть вопрос в печать.

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому. 26 декабря 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 105

Члену президиума ВСНХ Ломову

Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты в музее общества изучения Северного края и в управлении государственными имуществами.

Ленин В. И. Телеграмма А. Ломову. 9 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 156

* Г. М. Кржижановский. *Ред.*

Всем известно, что текстильная промышленность переживает величайшую разруху, потому что хлопок, который доставлялся из-за границы, теперь нет, ибо и в Западной Европе ощущается острый недостаток в сырье. Единственный источник — Туркестан, который лишь недавно отвоеван у белогвардейцев, но транспорт не налажен.

Одно из средств спасения в настоящий момент, это — срочная добыча и разработка торфа, что даст возможность пустить полным ходом все электрические станции и освободиться от полной зависимости от отдаленных от Центральной России угольных районов.

Надеяться на древесное топливо при теперешней разрухе — не приходится. Торфяные залежи находятся, главным образом, в текстильных районах. И одна из главных задач текстильного пролетариата — организовать торфяное производство.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности 19 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 322

27.X.1920 состоялось перед многочисленной партийной публикой кинематографическое изображение работы нового гидравлического торфососа (инженера Р. Э. Классона), механизующего добычу торфа, сравнительно со старым способом.

В связи с этим состоялся обмен мнений между инженером Классоном, представителями Главторфа, тт. И. И. Радченко и Морозовым, т. Шатуновским (от Основной транспортной комиссии) и мною.

Этот обмен мнений показал, что руководители Главторфа вполне согласны с изобретателем насчет важного значения этого изобретения. Во всем деле восстановления народного хозяйства РСФСР и электрификации страны механизация добычи торфа дает возможность пойти вперед неизмеримо более быстро, прочно и более широким фронтом. Необходимо поэтому принять немедленно ряд мер в государственном масштабе для развития этого дела.

Прошу обсудить этот вопрос немедленно и дать мне незамедлительно отзыв (поправки, дополнения, контрпроекты и проч.) по поводу следующих, вытекающих из вчерашнего предварительного обмена мнений, предложений.

1. Признать работы по применению гидравлического способа торфодобычания имеющими первостепенную государственную важность и потому особо срочными. Провести это в субботу 30/X, через СНК.

2. Поручить тем главам (и др. учреждениям), от содействия которых больше всего зависит успех работы «Комиссии (или комитета?) по гидравлическому добычанию торфа» (при Главторфе), делегировать своих представителей (предпочтительно коммунистов или, во всяком случае, заведомо добросовестных и *особо энергичных* людей) для постоянного участия в этой комиссии. Особо возложить на них ответственность за *скорейшее* исполнение заказов и просьб этой комиссии без всякой волокиты. Дать в СНК имена и адреса этих представителей.

3. То же — по отношению к нескольким важнейшим в данном деле заводам. Составить список этих заводов.

4. Поручить *Морскому* ведомству дать в эту комиссию своего представителя, вполне знакомого с запасами материалов и техническими средствами этого ведомства.

5. Дать красноармейский паек той группе лиц, от работы которых непосредственно зависит быстрый и полный успех дела, повысив вместе с тем их вознаграждение так, чтобы они могли вполне и целиком отдаться своему делу. Поручить «Комиссии по гидравлическому добычанию торфа» немедленно дать в НКпрод и в ВЦСПС список (точный) этих лиц, с указанием норм вознаграждения, премий и проч.

6. Немедленно обсудить с НКвнешторгом, какие заказы следует сейчас же дать шведским и германским заводам (может быть, нанять там одного или нескольких крупных химиков) для того, чтобы к лету 1921 мы могли получить необходимое в целях более быстрого и широкого использования гидравлического способа. В частности, использовать для этого предстоящий через несколько дней отъезд т. Ломоносова в Швецию и Германию.

7. Поручить *Киноотделу* (НКпроса?) поставить *очень широко* (особенно в Петро-

граде, Иваново-Вознесенске, Москве и в местностях торфодобыывания) кинематографическое изображение гидравлического способа, с тем чтобы обязательно читалась при этом краткая и популярная листовка (просить т. Сосновского редактировать), объясняющая гигантское значение механизации торфодобыывания и электрификации.

8. Первый доклад по этому вопросу «Комиссии по гидравлическому способу добыывания торфа» назначаю в СНК 30.X.1920 г.⁵⁹

Р. С. т. Рыков! Не поставить ли вопрос о *большем* обращении материалов и технических средств Морского ведомства на нужды производства средств производства? К чему нам новые броненосцы и пр.? Ко двору ли теперь? *Шатуновский* (обратите на него внимание, преданный, рабочий, за границей выучился математике, ценный) говорит (по словам Сосновского), что Троцкий нашел в Морском ведомстве что-то вроде миллиона пудов первосортной стали (для броненосцев) и взял для Основной транспортной комиссии. Проверьте, обдумайте, может быть, внесем в Совет Обороны или в СНК.

Ленин В. И. — А. И. Рыкову и И. И. Радченко. 28 октября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 318—321

Я должен сказать, что в области топлива мы имеем один из крупнейших успехов в виде гидравлического способа добыывания торфа. Торф, это — то топливо, которого у нас очень и очень много, но использовать которое мы не могли в силу того, что нам приходилось до сих пор работать в невыносимых условиях. И вот этот новый способ поможет нам выйти из того топливного голода, который является одной из грозных опасностей на нашем хозяйственном фронте. Мы долгие годы не в состоянии будем выйти из этого тупика, если у нас останется старое хозяйничанье, если у нас не будет восстановлена промышленность и транспорт. Работники нашего торфяного комитета помогли двум русским инженерам довести до конца это новое изобретение, и они добились того, что этот новый способ скоро близок к довершению. Итак, мы накануне великой революции, которая даст нам в хозяйственном отношении большую опору. Не надо забывать, что мы имеем необъятные богатства торфа. Но мы не можем их использовать потому, что мы не можем посылать людей на эту каторжную работу. Капиталистический строй мог посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не пойдет. Капиталистический строй все делал для верхов. Он о низах не заботился.

Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире. Добывание торфа гидравлическим способом, которое так успешно двинуто вперед ВСНХ, открывает возможность добыывания топлива в огромном количестве и устраняет необходимость привлечения обученных рабочих, так как при таком способе могут работать и необученные рабочие. Мы эти машины произвели, я лично советовал бы товарищам делегатам посмотреть кинематографическое изображение работ по добыыванию торфа, которое в Москве было показано и может быть продемонстрировано для делегатов съезда. Оно даст конкретное представление о том, где одна из основ победы над топливным голодом. Мы изготовили машины, которые употребляются при новом способе, но изготовили их плохо. Командировки за границу при налаживающемся товарообмене с заграницей, при хотя бы полулегально существующих торговых сношениях, помогут нам эти же машины, нашими изобретателями составленные, получить исполненными великолепно. И числом этих машин, успехом работы Главного торфяного комитета и ВСНХ в этой области будут измеряться все наши хозяйственные успехи, ибо без победы над топливным голодом победы на хозяйственном фронте одержать нельзя. С этим связаны также жизненнейшие успехи в области восстановления транспорта.

Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.]. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 152—153

***ТОВАРИЩАМ И. М. ГУБКИНУ,
А. И. ЦЕВЧИНСКОМУ, И. Н. СТРИЖОВУ,
Н. Н. СМИРНОВУ⁶⁰**

В связи с доставленными докладами в Главнефть по вопросу об обводнении нефтяных скважин и грозящей в связи с этим катастрофой, прошу Вас доставить мне сегодня, если возможно, имеющиеся у Вас под рукой материалы (книги, журналы, доклады и пр.) по вопросу о заграничных законах или местных положениях, карающих нефтепромышленника за оставление скважин незакрытыми, за отсутствие тампонажа, за его нерациональность и т. п.

Либо самые законы, либо, если их нет под рукой, указание соответствующих книг или журнальных статей или справочных изданий, дабы я мог взять их из библиотек.

Просьба ответить сегодня по телефону.

*Ленин В. И. — Товарищам И. М. Губкину,
А. И. Цевчинскому, И. Н. Стрижову,
Н. Н. Смирнову. 23 февраля 1921 г. —
Полн. собр. соч., т. 52, с. 79*

*В президиум ВСНХ
Копия: в Наркомвнешторг
Копия: в Наркоминдел
Копия: в ВЧК
Копия: в Главторф*

Тов. Радченко просит:

- 1) оформить командировку от Главторфа 10 человек сотрудников (за поручительством товарища Радченко и товарища Смилги) в Финляндию, Швецию, Данию и Канаду для ознакомления с постановкой дела торфодобыывания;
- 2) отпустить для этого необходимую сумму денег;
- 3) отправку организовать так, чтобы к 1 мая выехало три человека, а остальные — к 1 июня.

Прошу это дело двинуть в срочном порядке, но обязать Главторф по окончании командировки представить подробный отчет о проделанной работе.

Р. С. Настаиваю на необходимости чрезвычайно ускорить это дело и обязательно известить меня о фактическом исполнении.

*Ленин В. И. — А. И. Рыкову. 6 апреля
1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 129—
130*

Опасность при перерывах в добыче нефти приобретает катастрофический характер. Той нормы, которая была до 1905 г. в Баку, капиталистам не удалось достигнуть. Оказывается, что в заграничных месторождениях нефти, например в Калифорнии и в Румынии, признается та же опасность обводнения промыслов. Недостаточная выкачка воды ведет ко все большему и большему обводнению.

В заграничных и русских законодательствах есть на этот счет подробные правила. Когда мы занимались этим делом в Баку, то справлялись у наших спецов относительно законодательства румынского и калифорнийского. Для того чтобы охранить источники нашего сырья, мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил.

*Ленин В. И. Доклад о концессиях. За-
седание Коммунистической фракции
ВЦСПС 11 апреля 1921 г. — Полн. собр.
соч., т. 43, с. 174*

Тов. Межлаук передал мне о большом успехе вашей работы за апрель месяц 1921 года: на забойщика по 294 пуда при 291 пуде в 1914 году. Шлю товарищам горнякам поздравление с редким большим успехом и самое лучшее приветствие. С такой работой мы все трудности преодолеем и электрифицируем Донбасс и Криворожский район, а в этом все.

Ленин В. И. — Товарищам горнякам Петровского куста. 25 мая 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 294

Главнефть
тов. Губкину

3. VI. 1921 г.

Просматривая журнал «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство», я в № 1—4 (1921) наткнулся на заметку (с. 199) «О замене металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин».

Оказывается, что сие применимо при вращательном бурении. А у нас в Баку такое есть, как я читал в отчете бакинцев ⁶².

От недостатка бурения мы гибнем и губим Баку.

Можно заменить железные трубы цементом и пр., что достать все же легче, чем железные трубы, и что стоит, по указанию вашего журнала, «совершенно ничтожную» сумму!

И такого рода известие вы хороните в мелкой заметке архивного журнала, понимать который способен, может быть, 1 человек из 1 000 000 в РСФСР.

Почему не били в большие колокола? Не вынесли в общую прессу? Не назначили комиссии практиков? Не провели поощрительных мер в СТО? ⁶³

Ленин В. И. — И. М. Губкину. 3 июня 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 245—246

т. Радченко! Не придирайтесь к Гидроторфу. Это дело *законом* признано имеющим *исключительную* важность ⁶⁴.

Закон этот Главторф *обязан* проводить не за страх, а за совесть.

Изобретение великое. С изобретателями, даже, если немного капризничают, надо уметь вести дело.

А я не вижу пока каприза.

Кирпичников — изобретатель. Его надо пустить и послать. Возражения могут быть только *от политики*: если имеете их, сообщите мне *секретно*.

Если нет, обязательно пошлите Кирпичникова.

Я превосходно знаю и высоко ценю Вашу заслугу в постановке Главторфа. Вы его поставили образцово. Очень прошу: *не делайте ошибки*, не придирайтесь к Гидроторфу.

Ленин В. И. — И. И. Радченко. 5 июня 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 254—255

Инженеру Роберту Эдуардовичу Классону
Копии: Смольянинову, И. И. Радченко,
президиуму Госплана, Красину

Получил и прочел Ваше сообщение от 31 августа. Если сообщаемое Вами известие о том, что вопрос об обезвоживании торфа заводским путем Вами разрешен совершенно бесспорно, вполне соответствует действительности, то оно имеет громадную важность. Необходимо немедленно произвести проверку или техническую экспертизу и тогда

решать вопрос об ассигновании Вам просимого продовольствия и иностранной валюты. Вы должны сообщить, сколько именно продовольствия и иностранной валюты Вы просите.

Ваше сообщение, что права, предоставленные Вам СНК, давно отменены, меня удивляет, ибо отменить их никто не мог.

Прошу организовать совещание с участием т. Радченко, представителя Госплана, Смольянинова и Красина⁶⁵. Так как Красин уезжает 7 сентября, то желательно закончить до его отъезда. Задания совещанию: принять меры к проверке Вашего сообщения и определить количество подлежащего выдаче продовольствия и иностранной валюты, а равно условия выдачи.

Ленин В. И. — Р. Э. Кассону. 31 августа 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 147—148

т. Горбунов!

Надо выяснить дело насчет Кара-Бугаза. Если очень заняты, можно отложить на несколько дней, но не больше.

Лацис в «Правде» от 29. IX опять повторяет «Золотое дно»⁶⁶. Возьмите в секретариате СНК мою недавнюю переписку* с профессором Ипатьевым (членом коллегии ВСНХ), специалистом и главой нашей химической промышленности.

Он мне отвечал: нельзя пустить в ход теперь.

Главсоли ошибается или кто?

Взять ли данные Главсоли и посмотреть на их солидность или поступить как-либо иначе?

Осведомитесь и скажите мне.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 29 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 225—226

Два слова еще об одном успехе — о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 г. достигла 93 млн. пудов, в 1921 г. — 139 млн. пудов — единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необъятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас в том отношении, что эта работа, вообще тяжелая, страшно тяжела была именно в России. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, над чем работали в Главторфе тт. Радченко, Меньшиков и Морозов, облегчает эту работу. В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 г. работало всего 2 торфонасоса — аппараты для гидравлического добывания торфа, избавляющие рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа. Теперь заказано в Германии и обеспечено к 1922 г. 20 аппаратов. Содружество с передовой европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела, мимо которого пройти невозможно. Обилие болот и запас торфа в России велик, как нигде, и превратить этот труд из каторжного, на который шло и могло идти только небольшое число рабочих, в более нормальный теперь представляется возможным. Практическое содружество с современным передовым государством — с Германией — достигнуто, поскольку там уже вырабатывают на заводах приборы, облегчающие этот труд, приборы, имеющие быть, наверняка, пущенными в 1922 году. На это обстоятельство нам надо обратить внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень много, если все будем знать и все будем распространять ту мысль, что при напряжении усилий, при механизации труда выйти из экономического кризиса в России мы имеем большую возможность, чем какое бы то ни было другое государство.

Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.] — Полн. собр. соч., т. 44, с. 321—322

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 125. Ред.

Гидроторф: 1921 — 2¹/₂ торфонасоса — 1,1 млн. пуд. торфа
 { Радченко а) 1922—20 » до 10 млн. пуд.
 Морозов (10 заказано в Германии)
 { Меньшиков б) сделано Гидроторфом изобретение:
 Классон } найден способ *искусственно обезвоживать торф* в течение несколь-
 { Кирпичников } ких часов.

Заказано уже в *Германии* оборудование завода, который даст обезвоживание торфа и изготовление *торфяного порошка* «горящего с таким же высоким коэффициентом полезного действия, как и лучшее топливо — нефтяное».

Ленин В. И. План доклада о внутренней и внешней политике на IX Всероссийском съезде Советов. Декабрь, не позднее 23, 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 490

* ТОВАРИЩАМ, РАБОТАЮЩИМ В ГИДРОТОРФЕ

Благодаря моей помощи, вы теперь получили то, что необходимо для ваших работ *. При всей нашей бедности и убожестве, вам сверх ранее выданных сумм ассигнованы еще крупные суммы.

Строжайше озаботиться:

1. чтобы не сделать чего-нибудь зря,
2. чтобы не размахнуться больше, чем это позволяют отпущенные средства,
3. чтобы опыты, вами произведенные, получили максимальную степень доказательности и дали бы окончательно ответы о практической и хозяйственной пригодности нового способа добывания торфа,
4. обратить сугубое внимание на то, чтобы велась отчетность в израсходовании отпущенных вам сумм.

Отчетность должна быть поставлена так, чтобы можно было судить о стоимости добываемого торфа.

Ленин В. И. — Товарищам, работающим в Гидроторфе. 2 марта 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 196—197

Другой пример, который я хотел бы привести, это — Донбасс. Вы знаете, что это — центр, настоящая основа всей нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс.

Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.] — Полн. собр. соч., т. 45, с. 105

Обращаю внимание на исключительную важность работ по обследованию Курской магнитной аномалии ⁶⁷. Тов. *Кржижановский* сообщил мне, что, по сведениям инженеров, с которыми он беседовал, почти доказано, что мы имеем там неслыханно богатый запас чистого железа. Тов. *Мартенс* считает это уже доказанным. Через три недели он собирается съездить на место. Надо обсудить, следует ли послать с ним еще какого-

* См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 159. Ред.*

либо инженера из Госплана, более знакомого с русскими условиями и способного проверить, нет ли тут какого-либо увлечения⁶⁸.

По моему мнению, следовало бы не давать в печать никаких сведений об этом и принять меры к тому, чтобы в печати об этом не говорили, ибо можно опасаться, что в противном случае интервенционистские планы могут усилиться. По этой же причине, пожалуй, было бы лучше доклад *Мартенса* не ставить ни в Совнарком, ни в СТО, а выслушать этот доклад только обоим замам, Богданову и некоторым членам ЦК.

Если доклад *Мартенса* и того инженера, который поедет с ним от Госплана, подтвердит серьезность этого дела, то необходимо добиться самого быстрого ведения работ, ни в коем случае не скупиться на необходимые золотые ассигновки и установить специальный надзор за тем, чтобы получение необходимого оборудования из-за границы (алмазного, бурового и т. п.) было проведено с максимальной быстротой. Я очень боюсь, что это дело будет проведено без достаточной энергии. А между тем, по словам и *Кржижановского* и *Мартенса*, мы имеем здесь почти навверное невиданное в мире богатство, которое способно перевернуть все дело металлургии*.

Ленин В. И. — А. И. Рыкову. 5 апреля
1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 226—227

Г. М.! **

Вчера Мартенс мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличность невиданных богатств железа в Курской губернии.

Если так, не надо ли *весной уже* —

1) провести там необходимые узкоколейки?

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?

Если сие соображение не кажется Вам излишним, напишите о нем Мартенсу (и мне 2 слова).

Мартенс хочет ехать туда недели через 3. Я писал Рыкову и Цюрупе, что надо бы ему дать еще инженера из Госплана***.

Дело это надо вести *сугубо* энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет. Когда я уеду, не забудьте, что у Рыкова и Цюрупы есть мое письмо об этом.

Ленин В. И. — Г. М. Кржижановскому.
6 апреля 1922 г. — Полн. собр. соч.,
т. 54, с. 227—228

Металлургия, машиностроение, химическая и некоторые другие отрасли производства

Поручается тов. Раскольникову экстренно отправиться в Комиссариат торговли и промышленности, а также в Комиссариат продовольствия (отдел машиноснабжения) для немедленной организации заказов, которые могли бы быть переданы заводам, занятым военно-морскими сооружениями и ремонтными работами. Особенно спешным является производство сельскохозяйственных орудий, машин, производство и ремонт паровозов. В первую голову обратить внимание на петербургский Металлический завод, который снабжен топливом и металлом надолго.

Поручается Главному морскому хозяйственному управлению немедленно пересмотреть сметы Морского министерства на 1917 год с целью приостановки всех расходов

* См. также следующий документ. *Ред.*

** Г. М. Кржижановский. *Ред.*

*** См. предыдущий документ. *Ред.*

по программе постройки военных судов и всех вообще непроизводительных расходов и перевода соответствующих ассигновок на полезные народнохозяйственные работы. Для участия в этой работе делегируется тов. И. Э. Гуковский в качестве чрезвычайного комиссара по пересмотру смет всех ведомств.

Е ж е д н е в н ы й доклад Совету Народных Комиссаров об исполнении этого приказа возлагается на тов. Раскольникову и на лицо, уполномоченное Главным морским хозяйственным управлением (или на тов. Гуковского), а равно на уполномоченного от Комиссариата торговли и промышленности.

Ленин В. И. О переводе военных заводов на хозяйственно-полезные работы. Постановление Совета Народных Комиссаров. 12 ноября (12 декабря) 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 130—131

Сормовский завод, заводууправлению копия ГОМЗЫ *

Зная загруженность Сормовского завода военными заказами, президиум ВСНХ и Председатель Совобороны тем не менее предлагают вам принять к исполнению заказ Главторфа № 9 от 17 февраля на гусеничный торфяной кран согласно разработанным вами чертежам № 30821 и исполнить его в кратчайший срок. Принятие сего к исполнению донесите телеграфно с копией Главторфу.

Ленин В. И. Телеграмма заводууправлению Сормовского завода. 28 мая 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 342

Если мы хотим товарообмена с границей, а мы его хотим, мы понимаем его необходимость, наш основной интерес — возможно скорее получить от капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколько-нибудь серьезно мы не сможем, а иногда и совсем не сможем, за недоступностью иметь для наших фабрик нужные машины.

Ленин В. И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 110

Предлагаю приложить все усилия, чтобы заказ Наркомзема на 22 электропахотных орудия и их части был выполнен не позднее 1 апреля 1921 г.⁶⁹ О состоянии работ по выполнению заказа телеграфируйте еженедельно в адрес Совнаркома, Горбунову.

Ленин В. И. Телеграмма предприятиям, изготовлявшим электроплуги. 31 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 37

В совхозах Донской области до 800 000 десятин, которые обработать мы не можем и для обработки которых нужно громадное количество скота либо целые тракторные отряды, которые пустить мы не можем, а некоторые капиталистические страны, в том числе нуждающиеся до зарезу в продовольствии — Австрия, Германия, Богемия, — могли бы пустить их в ход и получить превосходную пшеницу в летнюю кампанию. Насколько это нам удастся реализовать, мы не знаем. У нас сейчас работает два тракторных завода, в Москве и Петрограде, но вследствие трудных условий они

* Центральное правление государственных объединенных машиностроительных заводов. *Ред.*

не могут дать в большом количестве тракторов. Мы могли бы облегчить положение покупкой увеличенного количества тракторов. Тракторы — важнейшее средство для радикальной ломки старого земледелия и для расширения запасов.

Ленин В. И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.] — Полн. собр. соч., т. 42, с. 112

Сормовский завод изготовляет гусеничный кран для Гидроторфа, но изготовление его идет чрезвычайно медленно. Ввиду необходимости испытать этот кран в течение предстоящего летнего сезона прошу приложить все усилия к тому, чтобы этот кран был вполне закончен в апреле месяце, с тем чтобы в начале мая он мог быть доставлен на «Электропередачу», где он будет подвергнут всестороннему испытанию, с тем чтобы по выяснении всех необходимых усовершенствований по этому образцу можно было приступить к массовому изготовлению кранов⁷⁰.

Ленин В. И. — Сормовскому заводу. 26 января 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 55

ЗАВКОМУ И ВСЕМ РАБОЧИМ 1-го ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА⁷¹

Многоуважаемые товарищи! Я получил от председателя вашего завкома тов. Смирнова сообщение о выпуске двигателей и приглашение на праздник 7. IV.

Поздравляю вас, товарищи, с успехом работы и с годовщиной курсов автомобильных механиков. От всей души желаю бодрой работы, которая, несомненно, принесет дальнейшие успехи. Особенно велико значение ваших успехов с точки зрения всей массы рабочих и крестьян, ибо развитие производства двигателей, при обилии в России нефти, обещает возможность поставить дело снабжения дешевыми и практичными двигателями крестьянского хозяйства. Во что бы то ни стало надо добиться еще и еще успехов в деле производства двигателей.

Лучшие пожелания и коммунистический привет.

Ленин В. И. Завкому и всем рабочим 1-го Государственного автомобильного завода. 7 апреля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 145

т. Горбунов!

1) Созвонитесь с автором⁷² (он в Питере; через Калинина узнать адрес или вызвать), *когда* он будет здесь.

2) Спросите его, не даст ли он заметки в «Правду».

3) Если не может, надо дать из этого письма, сделать выписку (об электроплуге) и отдать в «Правду».

4) Разущите ему просимые материалы (*официально*, запросите их у Осинского, в Главземхозе и др. учреждениях).

5) Кстати. Повидайте *Стюкеля* и проверьте (поделовитее, потщательнее), как идет дело с электроплугами.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 27 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 220

По поводу записки А. П. Смирнова я Вам написал *, что решительно возражаю против всякой траты картофеля на спирт, и указал, что спирт можно и должно делать из торфа.

Теперь выяснилось, что вопрос о производстве спирта из торфа еще окончательно не решен. В заводском масштабе способ не проверен и экономически не ясен (нет точно проверенной калькуляции и нет данных, чтобы ее точно составить). Поэтому нельзя еще говорить о массовом производстве спирта из торфа.

Примите все меры к тому, чтобы всячески ускорить пуск в ход опытного завода для производства спирта из торфа — бывший дрожжевой завод Гивартовского в Москве.

Ленин В. И. — А. С. Киселеву. 5 октября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 242

тов. Крицману

Предлагаю в 24 часа рассмотреть по существу заявку Туркрыбы на два экскаватора системы «Парсенс» и четыре — системы «Артур Коппель» и на токарный и фрезерный станок для аральских 6 судовых ремонтных мастерских.

Обращаю Ваше внимание на крайне важное значение успешных работ Туркрыбы.

Ленин В. И. — Л. Н. Крицману. 18 октября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 278

1. Возложить ответственность за исполнение постановлений *СТО* о плугах Фаулера⁷³ персонально на зав. отделом металла ВСНХ товарища Мартенса.

2. Предложить товарищу Мартенсу в недельный срок представить в *СТО* письменное предложение о плане организации работ и о конкретных мероприятиях для их успеха.

3. Ликвидировать чрезвычайную тройку, обязав ее сдать в недельный срок дела т. Мартенсу и представить письменный отчет о своей работе.

4. Поручить НКЮсту расследовать в недельный срок волокиту, бесхозяйственность и неправильное отношение к этому делу, проявленное отделом металла, затем в особенности чрезвычайной тройкой, а равно иными учреждениями.

Доклад представить в *СТО*.

*Ленин В. И. Проект постановления *СТО* о плугах «Фаулера». 21 октября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 183*

т. Михайлов! Прошу *спешно* послать вкруговую членам Политбюро (если одобрят, согласовать с Богдановым и Чичериним и послать сегодня же)⁷⁴.

Признавая гигантски важным, чтобы Красин успел до Вашингтонской конференции поехать в Америку;

— признавая *не* менее важным заинтересовать американский капитал в нашей нефти, *предлагаю* ответить Красину *сегодня же* следующей телеграммой (конечно, шифром):

«Согласны ассигновать до ста тысяч долларов на оплату изысканий Фаундэйшн Компани при условии участия наших работников и спецов и доставки нам всех подробностей изыскания. Считаю гигантски важным привлечь американский капитал на постройку парафиноотделительного завода и нефтепровода в Грозном. Просим двинуть это дело с максимальной быстротой и энергией, ибо ваша поездка до начала Вашингтонской конференции особенно важна».

Ленин В. И. Записка В. М. Михайлову с проектом телеграммы Л. Б. Красину. 28 октября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 190

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 183—184. Ред.

Рабочие и служащие *Брянского* завода изготовили 7 электроплугов. До 1-го I. 1922 изготовят 20.

Трудности при этом были невероятно велики.

Поэтому необходимо особо вознаградить до 70 человек рабочих и служащих. Это удостоверяет директор *Брянского* завода тов. *Желтов*.

Прошу поставить вопрос завтра в *СТО*, обсудив вместе с тов. *Желтовым* виды вознаграждения (орден Трудового Знамени; денежное и натуральное) ⁷⁵.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 10 ноября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 10—11

Еще два слова о металлургии. В этом отношении наше положение особенно тяжело. Мы производим каких-нибудь, может быть, 6 % того, что производили в довоенное время. Вот до какого разорения, до какой нищеты империалистическая война и гражданская война довели Россию! Но мы, конечно, поднимаемся. У нас создаются такие центры, как *Югосталь* ⁷⁶, где работает тоже наиболее преданным образом тов. *Межлаук*. Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 1921 г. выплавляли ежемесячно 70 тысяч пудов чугуна, в октябре — 130 тысяч, в ноябре — 270 тысяч, т. е. почти вчетверо больше. Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике.

Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 319

Товарищу Ломоносову

Копии: *Госплан, Транспортная секция профессору Рамзину НКПС, товарищу Фомину*

Прошу сговориться с *Госпланом*, *НКПС* и *Теплотехническим институтом* об условиях на конкурс тепловозов, считаясь с постановлением *СТО* от 4/1—22 г. Крайне желательно не упустить время для использования сумм, могущих оказаться свободными по ходу исполнения заказов на паровозы, для получения гораздо более целесообразных для нас тепловозов. Прошу неотлагательно сообщить мне лично результаты последовавшего между вами соглашения ⁷⁷.

Ленин В. И. Телефограмма Ю. В. Ломоносову. 27 января 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 144—145

Я внимательно прочитал договор с *Отто Вольфом* ⁷⁸. Нахожу, что возражения тов. *Каменева* целиком основаны на недоразумении. . .

Каменев пишет в своей записке, что мы «обязаны у *Вольфа* купить его товар». . .

Я выяснил это дело подробно как с *Лежавой*, так и с *Фрумкиным* сегодня, и оба подтверждают, что ни тени обязательства покупать товары *Вольфа* на нас никоим образом не падает.

Таким же недоразумением со стороны т. *Каменева* объясняется то, будто бы *Лежава*, как он выражается, «усугубил» его сомнение. На самом деле, то предложение *Стомонякова*, которое сформулировано на 2-й странице протокола № 62 и которое было принято единогласно всеми нашими хозяйственниками, объясняется совсем иначе. Это предложение состоит в том, чтобы в интересах нашей возрождающейся про-

мышленности Вольф возможно более развил доставку нам станков и других необходимых, например для электротреста, орудий. Вольф может пойти на это, потому что такой заказ также даст ему доход, а в заказах вообще германская металлическая промышленность нуждается. Нам станки и машины, например для электротреста, потому являются абсолютно необходимыми, что эта промышленность у нас начинает оживать, и нам до последней степени важно, чтобы мы развили у себя эту промышленность, укрепив ее германскими средствами производства окончательно.

Ленин В. И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о договоре с консорциумом германских фирм. 18 октября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 225—226

Транспорт и связь

Автомобильное дело, при условии обслуживания большинства населения, имеет громадное значение, ибо общество объединенных рабочих заменит автомобилями очень большое количество рабочего скота в земледелии и в извозной промышленности. Такая замена позволит обратить миллионы десятин, занятые теперь производством корма для лошадей, на добывание хлеба, мяса, молока для улучшения народного питания.

Буржуазные экономисты ведь только пугают, когда говорят, что земледелие не может дать достаточно хлеба!

Ленин В. И. Одна из «модных» отраслей промышленности. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 352

...Масса трудящегося железнодорожного пролетариата вынесла трудность организации железнодорожного дела на своих плечах. Это дело не искусственно, не случайно пришло в это безвыходное положение: оно либо сознательно тормозилось руками буржуазии, подкупленной миллионерами, которые бросали сотни тысяч рублей и готовы были сделать все для того, чтобы разрушить Советскую власть; либо потому, что буржуазия отказывалась изменять порядок дела, потому что считала, что это так бог велел, чтобы были начальники и бедные, которые у них работали, и чтобы начальники измывались над ними. В самом деле, управленцы думали, что это действительно так бог велел и что иного порядка быть не может, и что, если посягнуть на этот порядок, то получится хаос. Но этого нет. Объединение трудящихся масс выше всего, они сумеют создать свою товарищескую дисциплину и сумеют воспользоваться всеми завоеваниями техники и культуры для того, чтобы правильно поставить железнодорожное дело и обмен продуктов города и деревни, чтобы помочь рабочим и крестьянам организовать народное хозяйство во всероссийском масштабе, так, чтобы без помещиков и капиталистов трудящиеся массы могли пользоваться продуктами своего труда, чтобы научно-технические знания служили не для обогащения кучки людей, не для создания толстого денежного мешка, а служили к улучшению жизни всего железнодорожного хозяйства. Это особенно важно для нас. Вы знаете, сколько подкупа, обмана, спекуляций висит около каждой узловой станции, вы знаете, как бросаются миллионы эксплуататорами для того, чтобы попортить транспорт, чтобы загнать вагоны туда, где их не найдешь. Это все делается для того, чтобы усилить голод и натравить народ на Советскую власть. Но вы все знаете, что если большинство железнодорожных организаций объединится и поставит своей задачей поддержку Советской власти, то только тогда все жулики, саботажники, капиталисты и эксплуататоры, весь этот пережиток буржуазного общества будет сметен беспощадной борьбой и только тогда возможно будет организовать правильное железнодорожное хозяйство и получить полное освобождение рабочих, солдат и крестьян от власти угнетателей, только тогда мы получим социализм.

Ленин В. И. Доклад Совета Народных Комиссаров 13 (26) января. [Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд 5—30 января (18 января—12 февраля) 1918 г.]. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 304—305

... Железные дороги — это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм. Чтобы соединить это для планомерной деятельности в интересах всего населения, нужны железные дороги.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти [Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.]. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 271—272

Что делает наше положение особенно трудным, что заставляет еще и еще раз призвать на помощь всех сознательных рабочих, так это затруднения в продовольствии и транспорте. Транспорт четыре года разрушался империалистической войной, и в стране, столь отсталой, как Россия, следы этого разрушения до сих пор не поправлены и поправить их иначе, как долгими месяцами или, может быть, даже годами самой упорной работы — нельзя. А работать без топлива нет возможности. Лишь в последнее время мы начали получать уголь из Донецкого бассейна. Вы знаете, что в Баку нефть у нас отбили англичане. Они, захватив часть судов на Каспийском море и завладев Грозным, мешают нам воспользоваться нефтью. Без топлива же ни промышленность, ни железные дороги не могут работать. Приходится напрягать все усилия.

Мы еще раз говорим всем товарищам: на работу по продовольствию и транспорту нужно привлечь больше сил. Работа по транспорту стоит так, что на востоке России, за Волгой, у нас несколько миллионов пудов хлеба, — 10—20 миллионов уже ссыпано и заготовлено, но мы не можем его подвезти. Часть этого хлеба мы потеряли благодаря последнему продвижению колчаковских войск, захвативших Уфу и вынудивших к отступлению наши войска. Эта потеря чрезвычайно чувствительна и тяжела. Работа по транспорту требует величайшего напряжения. Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту? Не можем ли мы заменить мужчин женщинами на здешних работах и двинуть мужчин либо в ремонтные мастерские, либо на помощь железнодорожникам? Как это сделать — виднее рабочим, которые знают, кого и на какую специальность поставить. Это виднее людям практики, которые должны изыскивать новые и новые средства помощи.

Ленин В. И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики. [Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г.]. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 248—249

Наркому Рязано-Уральской, Саратов

Передайте всем товарищам рабочим и служащим, самоотверженными усилиями которых в короткий срок поднят, отремонтирован и пущен в работу затопленный врагами рабочих и крестьян железнодорожный паром на Увекe, горячую благодарность за их труды, приближающие окончательную победу Советской власти.

Ленин В. И. Телеграмма комиссару Рязано-Уральской железной дороги. 5 мая 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 50, с. 383—384

Ташкент

Исполком

Копия всем железнодорожникам

Ввиду предстоящего соединения Советской России и Советского Туркестана необходимо немедленно напрячь все силы для ремонта паровозов, подвижного состава. Совет Обороны предлагает мобилизовать для этого все силы депо и мастерских.

Победу революции и Красной Армии нужно использовать для поднятия экономической жизни Туркестана и России. Привет Красному Туркестану ⁷⁹.

Ленин В. И. Радиogramма Ташкентскому исполкому. 30 августа 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 40—41

Наш железнодорожный транспорт разорен несравненно больше водного. Он разорен гражданской войной, которая больше всего шла на сухопутных путях; больше всего с обеих сторон разоряли мосты, а это сказалось на разрушении всего железнодорожного транспорта в отчаянных размерах. Мы его восстановим. Почти каждый день мы видим, как мы его восстанавливаем по мелочам. Но мы восстановим его нескоро. Если передовые и культурные страны испытывают разорение транспорта, то как восстановить его в России? А поправить его надо быстро, потому что такой зимы, какой была эта зима, вынести больше население не сможет.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 216

Для обслуживания постройки линии Александров-Гай—Эмба предписываю немедленно устроить специальную телеграфную линию Саратов—Новоузенск, используя для этой цели имеющиеся в распоряжении Туркфронта материалы. О приступе к работам донести.

Ленин В. И. Телеграмма Управлению связи Красной Армии, Революционному Туркфронта, Революционному 4 армии, Наркомпочтель. 22 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 183

По условиям военной обстановки в настоящее время особенно необходима напряженная, безотказная работа железных дорог по военным перевозкам. Хотя в этом отношении работа железных дорог и ныне идет хорошо, тем не менее надо напрячь еще большие усилия, так как теперь успех общего дела особенно зависит от работы железных дорог. В особенности необходима гибкость и точность с маршрутами оперативных перевозок, где совершенно недопустимы никакие задержки и засылы.

Ленин В. И. В Народный комиссариат путей сообщения и в Центральное управление военных сообщений. 28 августа 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 350

Вывоз нефтепродуктов из Астрахани по Волге тормозится 1) небывалым мелководьем и 2) отсутствием достаточного количества подсобного деревянного тоннажа малой грузоподъемности. Государственные соображения настоятельно диктуют наибольший своевременный завоз нефтепродуктов в центральные промышленные районы. Поэтому предлагается всеми мерами и средствами прийти на помощь местным органам водного транспорта как в производстве ремонта этих судов, так равно и во всех других нуждах водотранспорта (в снабжении продовольствием, одеждой на осень рабочей силы и проч.). Ответственность возлагаю на предгубисполкома.

Ленин В. И. Телеграмма губисполкомам Поволжья. 31 августа 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 351

т. Горбунов! Этот Бонч-Бруевич (не родня, а только однофамилец Вл. Дм. Бонч-Бруевича), по всем отзывам, *к р у п н е й ш и й* изобретатель. Дело *г и г а н т с к и в а ж н о е* (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствован-

ном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим *сотни*, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве).

Очень прошу Вас:

1) следить специально за этим делом, *вызывая Острякова и говоря по телефону с Нижним*;

2) провести прилагаемый проект декрета *ускоренно* через Малый Совет. Если не будет быстро единогласия, обязательно приготовить в Большой СНК ко вторнику;

3) сообщать мне два раза в месяц *о ходе работ* ⁸⁰.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 26 января 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 54

Назначить комиссию из

2 Госплан 2 нефтяника или топливника

2 Главнефть 2 путейца

2 недельную с поручением выяснить

- 1) какая часть работ железной дороги Алгембы ⁸¹ выполнена;
- 2) то же относительно нефтепровода;
- 3) в частности обеспеченность немедленно рельсами и трубами — и виды на обеспечение полностью;
- 4) возможность снабдить эмбенские промыслы пресной водой и другие условия обеспечения работ на Эмбе;
- 5) проверка сравнительной стоимости доставки нефти в центр через Ракуши—Астрахань водой и через Саратов железной дорогой и нефтепроводом;
- 6) возможный и вероятный срок окончания железной дороги (Алгембы) и нефтепровода;
- 7) возможность, вероятность и стоимость приобретения и доставки добавочного речного и морского флота для перевозки нефти с Эмбы через Ракуши—Астрахань;
- 8) выяснить также остальные стороны вопроса.

Ленин В. И. Проект постановления СТО об «Алгембе». 15 апреля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 202

В Малый Совет

От СТО поступает к Вам проект (от НКвоен + НККИД + ВЧК) *воздушного* сообщения Берлин—Москва.

Прошу проверить точнее, *сколько это будет стоить*, и сказать мне ⁸².

Ленин В. И. В Малый Совнарком. 5 мая 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 178

Подтверждая указания управделами Совнаркома, сделанные по телефону члену коллегии Наркомпочтеля тов. *Николаеву*, предлагаю сделать в среду, 1 июня, в Совете Труда и Оборона доклад о календарной программе радиотелефонного строительства первой очереди (т. е. установка радиотелефонных приемников в губернских и уездных центрах на площади радиусом 2000 верст вокруг Москвы) и на этот же день внести на повестку все вопросы, связанные с радиотелефонным строительством, а именно: передача мастерской быв. *Аносова* в ведение Наркомпочтеля, о снабжении работ по радиотелефону денежными знаками непосредственно из центра и т. д.

Наркомпочтелю предлагается точно зафиксировать лицо, которое персонально ответственно за выполнение в срок всей представляемой на утверждение СТО программы радиотелефонного строительства ⁸³.

Ленин В. И. В Наркомпочтель. 31 мая 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 233—234

т. Горбунов!

Я читаю сегодня в газетах, что в Казани испытан (и дал прекрасные результаты) *рупор*, усиливающий телефон и говорящий *толпе*.

Проверьте через Острякова. Если верно, надо поставить в Москве и Питере, и, кстати, проверьте всю их работу.

Пусть дадут мне краткий *письменный* отчет:

- 1) календарная программа их работы;
- 2) то же — говорящей телефонной станции на 2000 верст в Москве.
Когда будет готова.
- 3) То же — приемники. *Число* изготавливаемых.
- 4) То же — рупоры.

*Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. Не позднее
2 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53,
с. 159—160*

т. Довгалевский!

Прошу Вас представить мне сведения о том, в каком положении находится у нас дело беспроводного телефона.

1) Работает ли Центральная московская станция? Если да, по сколько часов в день? на сколько верст?

Если нет, чего не хватает?

2) Выделяются ли (и сколько?) приемников, аппаратов, способных слушать разговор Москвы?

3) Как стоит дело с рупорами, аппаратами, позволяющими целому залу (или площади) слушать Москву? и т. д.

Я очень боюсь, что это дело опять «заснуло» (по проклятой привычке российских Обломовых *усыплять* всех, все и вся).

«Обещано» было много раз, и сроки все давно прошли!

Важность этого дела для нас (для пропаганды особенно на Востоке) *исключительная*. Промедление и халатность тут преступны.

За границей все это уже есть; купить недостающее можно и должно.

*Ленин В. И. Письмо В. С. Довгалевскому
и поручение секретарю. 2 сентября 1921 г. —
Полн. собр. соч., т. 53, с. 160—161*

1

Товарищу Сталину с просьбой переслать вкруговую всем членам Политбюро⁸⁴

Товарищ Сталин,

прилагаю два доклада: первый — профессора Осадчего, специалиста по электричеству, о радиотелеграфной и телефонной связи; второй — Бонч-Бруевича (не родственника известных братьев Бонч-Бруевич, из которых один был управдел СНК, а другой выдающимся царским генералом). Этот Бонч-Бруевич, доклад которого я прилагаю, — крупнейший работник и изобретатель в радиотехнике, один из главных деятелей Нижегородской радиолaborатории.

Из этих докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроводному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст.

Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необхо-

димось как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах Федерации.

Поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов.

Предлагаю вынести постановление об ассигновке сверх сметы в порядке экстраординарном до 100 тысяч рублей золотом из золотого фонда на постановку работ Нижегородской радиолaborатории, с тем чтобы максимально ускорить доведение до конца начатых ею работ по установке вполне пригодных громкоговорящих аппаратов и многих сотен приемников по всей республике, способных повторять для широких масс речи, доклады и лекции, произносимые в Москве или другом центре.

Поручить СТО установить особый надзор за расходом этого фонда и, может быть, если окажется целесообразным, ввести премии из указанного фонда за особо быстрый и успешный ход работы.

Добавлю, что сегодняшние «Известия» сообщают об английском изобретении в области радиотелеграфии, передающем радиотелеграммы тайно. Если бы удалось купить это изобретение, то радиотелефонная и радиотелеграфная связь получила бы еще более громадное значение для военного дела.

2

Товарищу Сталину

По поводу сегодняшней бумаги Бонч-Бруевича я полагаю, что мы не можем пойти на финансирование радиолaborатории из золотого фонда без специальных заданий.

Предлагаю поэтому поручить СТО выяснить необходимые расходы на то, чтобы радиолaborатория максимально ускорила разработку усовершенствования и производства громкоговорящих телефонов и приемников. Только на это мы должны, по моему мнению, ассигновать сверхсметно определенную сумму золота.

Ленин В. И. Письма И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) о развитии радиотехники. 10 мая 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 194—196

Социалистическая перестройка сельского хозяйства

Основным принципом распределения сельскохозяйственных машин и пр. должно быть, с одной стороны и в первую голову, обеспечение интересов сельскохозяйственного производства, обработки всей земли и повышения производительности сельского хозяйства, а с другой стороны, снабжение сельскохозяйственными машинами и пр. прежде всего трудящейся и беднейшей части сельского населения; причем общей целью должно быть обеспечение правильного и достаточного получения хлеба всем населением государства.

Ленин В. И. Дополнение к проекту декрета СНК о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами. 23 апреля 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 238

По мере того, как складывается в более наглядную форму то, что происходит во всей России, когда поднялась деревенская беднота, она увидела борьбу с кулаками на собственном опыте, увидела, что для того, чтобы обеспечить продовольствие в городе, чтобы восстановить товарообмен, без которого деревня жить не может, нельзя идти вместе с деревенской буржуазией и с кулаками. Нужно организовать отдельно. И нами теперь сделан первый и величайший шаг социалистической революции в деревне. В Октябре этого сделать мы не могли. Мы поняли этот момент, когда могли идти к массам, и мы достигли теперь того, что социалистическая революция в деревнях начата, что нет такой захолустной деревни, где не знали бы, что свой брат богатей, свой брат кулак, если он спекулирует хлебом, — смотрит на все происходящие события со старой захолустной точки зрения.

И вот деревенское хозяйство, деревенская беднота, сплываясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства. Только теперь социалистическое строительство начнется в деревнях. Только теперь образуются те Советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний, науки и техники, зная, что на основах старого, реакционного, темного времени даже простой, элементарной, человеческой культуры быть не может. Тут еще более трудная работа, чем в промышленности. Тут еще больше ошибок делается нашими местными комитетами и Советами на местах. На ошибках они учатся. Мы не боимся ошибок, когда их делают массы, сознательно относящиеся к строительству, потому что мы полагаемся только на собственный опыт и на собственное приложение рук.

И вот величайший переворот, который в такое короткое время привел нас к социализму в деревне, показывает, что вся эта борьба увенчалась успехом.

Ленин В. И. Речь о годовщине революции 6 ноября [VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казацких и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г.]. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 144

Мало того, что крестьян в их массе пробудила война, мало того, что война показала им, какие чудеса техники существуют в настоящее время и что эти чудеса техники приспособлены к истреблению людей, но она пробудила мысль, что чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого. Мало того, что это сознание пробуждено, но люди убедились на чудовищных ужасах современной войны, какие силы создала современная техника, и как растрачиваются эти силы в ужаснейшей, бессмысленнейшей войне, и что единственным средством спасения от этих ужасов являются те же самые силы техники. Наша обязанность и долг направить их на то, чтобы самое отсталое производство, земледельческое, сельскохозяйственное, поставить на новые рельсы, чтобы его преобразовать и превратить земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники. Война пробудила это сознание неизмеримо больше, чем каждый из нас может судить. Но, кроме того, что война пробудила это сознание, она также отняла возможность восстановить производство по-старому⁸⁵.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 358

Союз комитетов бедноты, сельскохозяйственных коммун и земельных отделов, союз, который мы имеем на настоящем съезде⁸⁶, он нам показывает и дает полную уверенность, что дело теперь поставлено этим переходом к общественной обработке земли правильно, в настоящем социалистическом масштабе. Этой неуклонной и систематической работой

должно быть достигнуто повышение производительности труда. Для этого мы должны применить наилучшие приемы земледелия и привлечь агрономические силы России так, чтобы мы могли использовать все наилучше поставленные хозяйства, которые до сих пор служили лишь источником обогащения отдельных лиц, служили источником возрождения капитализма, новой кабалы, нового закрепощения наемных рабочих и которые теперь, при законе о социализации и при полной отмене частной собственности на землю, должны служить источником сельскохозяйственного знания и культуры и повышения производительности для всех миллионов трудящихся.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 363

Товарищ И. Н. Смирнов! Посылаю Вам на соображение следующие пункты⁸⁷. Черкните два слова о них.

1. Обратит внимание на сельскую бедноту Сибири, снабдить их продовольствием из местной разверстки.

2. Организовать дегтярное производство в Сибири с привлечением местного Совета и населения (местное производство дегтя).

3. Крестьяне получают один пуд пшеницы и размалывают на крупчатку, получают 18—20 фунтов муки. Лучше, если делать размол на простую муку, крестьяне с этим будут согласны.

4. Обратит особое внимание на сельские кузницы по ремонту сельскохозяйственных машин, снабдить их углем.

Ленин В. И. В Сибревком. 26 сентября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 288

т. Середа! Прошу Вас дать мне Ваш отзыв⁸⁸.

Необходимо, в самом срочном порядке, подготовить *план тракторной кампании*.

- 1) Закупка за границей
- 2) Производство в России
- 3) Техники —
рабочие и т. д.

Ленин В. И. — С. П. Середе. 19 октября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 51, с. 309

В стране глубоко крестьянской, где индивидуальный, единоличный труд крестьянина господствует на $\frac{9}{10}$, а вероятнее на 99 процентов, где мы имеем 20 миллионов крестьянских хозяйств, мы хотим поднять их, и мы должны это во что бы то ни стало сделать. Мы знаем, что поднять их труд можно только после нескольких, долгих лет коренной технической реформы. Мы за три года чему-нибудь научились в нашей практической работе. Мы знаем, как обеспечить основы коммунизма в земледелии, — это можно сделать ценой громадной технической эволюции. Мы ясно представляем этот разработанный план с местами электрических станций, мы знаем программу-минимум, программу десяти ближайших лет, но в этой книге об электрификации мы имеем и программу-максимум, где спланирована гигантская работа на многие годы. А теперь мы имеем 20 миллионов отдельных хозяйств, которые хозяйничают отдельно и не могут иначе хозяйничать; и вот если мы их не будем вознаграждать для поднятия их производительности, это будет в корне неправильно, это — очевидное перебарщивание и нежелание увидеть бросающуюся в глаза действительность, с которой надо считаться и из которой надо исходить. Конечно, было бы желательно, чтобы хозяйства подымались через коллективизм, целыми волостями, обществами и т. д.

Но насколько это возможно сделать сейчас, вот с этим надо считаться. Если вы, работая на местах, поддержите подъем по этому пути, осуществите подъем целого общества или целой волости — отлично; тогда все лучшее, что есть в премировании, давайте им. Но есть ли у вас уверенность, что это вам удастся, не есть ли это фантазия, которая в практической работе даст величайшие ошибки?

И поэтому мы предлагаем вам последнюю часть резолюции ЦК, с той или иной обработкой или видоизменением, которое, может быть, по соображениям практиков, включить в резолюцию съезда Советов, чтобы этот вопрос был решен вами же, чтобы вы сказали здесь: вознаграждение и премирование отдельных хозяев допускается, но при известных трех условиях. Первое — премирование сельских обществ в первую голову, домохозяев — на второй план, тем, что останется от премирования, с этим мы согласимся. Второй пункт говорит — не вознаграждать тех отдельных домохозяев, которые достигли хозяйственного успеха кулацкими приемами, не ставить так дело: ты получил хозяйственный успех и премируешься. Нет, если кто получил хозяйственный успех, но допустил кулацкий прием, все равно, в форме ли займа, отработки, спекуляции — кулацкие приемы пускаются иногда в ход и при помощи обхода закона, — если кто употребил малейший кулацкий прием и достиг успеха, тот лишается всякой премии. Вот второе ограничение, которое еще больше удовлетворяет вашу принципиальную точку зрения борьбы с кулаками и поддержки трудящегося середняка и бедняка. Третье ограничение — что выдавать как премию. Можно выдавать средства производства, то, что служит для расширения и улучшения хозяйства: орудия, машины; можно выдавать предметы потребления, то, что служит в обиходе как украшение дома, от чего жизнь будет красивее и лучше в домашнем быту. Мы говорим: «Давайте отдельным хозяевам только предметы потребления и домашнего обихода и, конечно, знаки отличия». Тут вами уже принят орден Трудового Красного Знамени⁸⁹. Средства же производства можно давать отдельным хозяевам только такие и только на таких основаниях, чтобы они не могли быть использованы кулачески. Не давать машины, даже если он самый старательный хозяин, даже если он достиг успеха без малейшего применения кулачества. Машину нельзя давать потому, что она по самому своему применению требует труда коллективного, и хозяин, получив машину, не может ее использовать один.

Ленин В. И. Речь о дополнениях к законопроекту СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 27 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 187—189

Мы должны признать необходимыми концессии, закупку машин и орудий для удовлетворения сельского хозяйства, чтобы, пустив их в обмен на хлеб, восстановить такие отношения между пролетариатом и крестьянством, которые обеспечивают существование его в обстановке мирного времени.

Ленин В. И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 31

Вам, товарищи коммунисты Кавказа, не надо пробивать брешь, надо уметь с большей осторожностью и систематичностью создавать новое, используя выгодную для вас международную обстановку 1921 года. И Европа и весь мир в 1921 году уже не то, что в 1917 и 1918 годах.

Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов. Экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической границей, не скучиться: пусть десятки миллионов ценнейших горных продуктов достанутся ей.

Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму.

Ленин В. И. — Товарищам—коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. 14 апреля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 199—200

Никакое снабжение с.-х. машинами и орудиями недопустимо без установления реального контроля со стороны Наркомпрода за получением для государства с.-х. продуктов в обмен за эти машины и орудия.

Способы контроля должны быть установлены особой инструкцией по соглашению Наркомзема и Наркомпрода.

Поручить Наркомзему и Наркомпроду рассмотреть и внести проект наиболее простого и экономного способа доставки машин потребителю*.

Ленин В. И. Дополнение к проекту постановления СНК «О распределении сельскохозяйственных машин». 26 апреля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 252

... Главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию. Эта задача в России особенно трудна как в силу отсталости нашей страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистской и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами.

Ленин В. И. Тезисы доклада о тактике РКП. 13 июня 1921 г. [III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 г.]. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 6

Дорогие товарищи!

Я только что проверил специальным опросом Пермского губисполкома те чрезвычайно благоприятные сведения, которые были опубликованы в наших газетах, относительно работы членов вашего Общества⁹⁰, во главе с Гарольдом Вэром, с тракторным отрядом Пермской губернии на совхозе (советском хозяйстве) «Тойкино».

Несмотря на гигантские трудности, в особенности ввиду крайней отдаленности от центра указанного места работы, а также ввиду разорения Колчаком во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать совершенно исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего Общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИКа о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и др. материалами, необходимыми для организации ремонтной мастерской.

* Последний абзац написан рукою Л. А. Фотиевой, по-видимому, под диктовку В. И. Ленина. *Ред.*

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и столь важным, как оказанный вами.

Ленин В. И. Обществу друзей Советской России (в Америке). 20 октября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 229

Дорогие товарищи!

В наших газетах появились чрезвычайно благоприятные сведения относительно работ членов вашего Общества⁹¹ в советских хозяйствах Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, и при ст. Митино, Одесской губернии, а также о работе группы шахтеров Донецкого бассейна⁹².

Несмотря на гигантские трудности и, в особенности, ввиду разорения во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего Общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИКа о признании наиболее выдающихся хозяйств образцовыми и об оказании им специальной и экстраординарной помощи, необходимой для благоприятного развития их работы.

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ваша помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной.

Особенное удовольствие мне доставляет возможность поздравить вас в связи с предполагаемой вами организацией 200 сельскохозяйственных коммун.

Ленин В. И. Обществу технической помощи Советской России, 20 октября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 230

В целом ряде газетных статей отмечены совершенно исключительные успехи, достигнутые некоторыми сельскохозяйственными американскими коммунами и отрядами, привезшими с собой тракторы. Специальной проверкой установлена отличная работа тракторного отряда во главе с Гарольдом Вэром в Пермской губернии в совхозе «Тойкино». Кроме того, в Отделе промышленной иммиграции ВСНХ имеются такие же сведения о работе сельскохозяйственных коммун в Тамбовской губернии, Кирсановского уезда и в Одесской губернии, Тираспольского уезда, село Мигаево.

Американское общество технической помощи России организует в настоящее время до 200 артелей с 800—1000 тракторами для отправки в Россию. Если это дело удастся, то в каждом уезде мы сможем иметь хотя бы одно показательное сельское хозяйство с американской техникой, чему я придаю огромное значение.

В целях поощрения этого дела я написал по благодарственному письму американскому Обществу друзей Советской России и американскому Обществу технической помощи Советской России, в которых отметил, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и важным, как оказываемый ими нашему сельскому хозяйству*. В этих письмах я сообщил им, что вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИКа о признании пермского и других наиболее выдающихся хозяйств образцовыми и об оказании им специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и другими материалами, необходимыми для развития работ и организации ремонтных мастерских.

Прошу этот вопрос рассмотреть и удовлетворить это мое ходатайство⁹³.

Ленин В. И. В Президиум ВЦИК. 24 октября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 233—234

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 229, 230. Ред.

Посылаю Вам копию письма тов. Осинского из Берлина от 14/X, в котором он пишет по поводу Шатиловского треста⁹⁴. Прошу Вас ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в «Правду» о значении этих работ вообще и о работах Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына в частности. Все необходимые сведения Вы сможете получить, вероятно, у тов. Теодоровича. Через него Вы сможете также и непосредственно связаться с шатиловцами и Лисицыным. Предварительно рекомендую Вам познакомиться с книжкой, вышедшей у нас в переводе Тимирязева, «Обновленная земля».

Ленин В. И. — Л. С. Сосновскому. 25 октября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 300—301

Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства, прошу пересмотреть решение междуведомственного совещания, с тем чтобы удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры.

Прилагаю в качестве материала копию заявления тов. Теодоровича и копию письма т. Осинского, с которым я вполне согласен⁹⁵.

Ленин В. И. — В Финкомитет. 4 ноября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 307

Тов. Райхель сообщил мне о той подготовительной работе, которая производится Обществом технической помощи, по организации сельскохозяйственных и других производственных американских коммун, желающих въехать и работать в России, предполагающих привезти с собой новые орудия производства, тракторы, семена улучшенных культурных растений и т. д.

В письмах своих Обществу технической помощи и Обществу друзей Советской России по поводу весьма успешной работы их сельскохозяйственных коммун и отрядов в России летом 1922 г. я уже высказывал свою благодарность американским товарищам*.

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз от имени Советского правительства принести им свою благодарность и подчеркнуть, что из всех видов помощи помощь нашему сельскому хозяйству и улучшению техники этого хозяйства является для нас самой важной и самой ценной.

Ленин В. И. Русской колонии в Северной Америке. 14 ноября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 297

Придаю очень большое значение выставке⁹⁶, уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха.

Ленин В. И. Приветствие Всероссийской сельскохозяйственной выставке. 14 ноября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 298

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 229, 230. Ред.

Информация и пропаганда научно-технических достижений

Чтобы показать, как я понимаю задачи и весь характер образования, преподавания, воспитания и обучения в соответствии с изменившимися задачами Советской республики, напомним ту резолюцию об электрификации, которая принята последней сессией ВЦИК ⁹⁷, вероятно, всем она знакома. На днях в печати появилось сообщение о том, что в двухмесячный срок (в официально напечатанном сообщении было сказано: в двухнедельный срок — это ошибка), — что в двухмесячный срок будет разработан план электрификации страны, рассчитанный на 2—3 года по программе-минимум и максимум — на 10 лет. Характер всей нашей пропаганды и чисто партийной, и школьного преподавания и образования, и характер внешкольного преподавания должен измениться не в том смысле, чтобы изменились самые основы и направление преподавания, а в том, чтобы приспособить характер деятельности к переходу на мирное строительство с широким планом промышленного и экономического преобразования страны, потому что общая экономическая трудность и общая задача — это задача восстановления экономических сил страны таким образом, чтобы рядом с мелким крестьянским хозяйством пролетарская революция могла создать новые основы экономической жизни. . .

Мы выступаем перед крестьянством, перед массой наименее развитой, с указанием, как новый переход к более высокой ступени культуры и технического образования необходим для успеха всего советского строительства. Итак, необходимо восстановить хозяйство. Самый темный крестьянин понимает, что оно разорено войной, что без восстановления его он не может справиться с нищетой — получить необходимые продукты в обмен на хлеб. Именно к этой-то самой непосредственной, насущной нужде крестьянства должна примыкать и зацепляться вся работа пропаганды, образования, просвещения и внешкольного образования, чтобы она не была оторвана от самых насущных нужд повседневной жизни, а именно исходила бы из их развития и разумения для крестьянина, подчеркивая, что выход из положения только в восстановлении промышленности. Но восстановление промышленности не может быть на старой почве: ее нужно восстановить на почве современной техники. Это значит — электрификация промышленности и подъем культуры. Электрические станции требуют до 10 лет работы, но работы более культурной и сознательной.

Мы развернем широкий план работы, который должен быть связан в представлении широких масс крестьянства с ясной, практически поставленной целью. Этого нельзя сделать в несколько месяцев. Дать программу-минимум можно не меньше чем на 3 года. Но, не задаваясь утопиями, можно сказать, что в течение 10 лет мы в состоянии покрыть всю Россию сетью электрических станций и перейти на такое состояние электрической промышленности, которое удовлетворяло бы современным требованиям техники и покончило бы со старым крестьянским земледелием. Оно требует более высокой культуры и образования.

Не скрывая от себя, что теперь непосредственная практическая задача есть восстановление транспорта и подвоз продовольствия, что при теперешнем состоянии производительности широкими задачами заниматься нельзя, вы в области пропаганды и просвещения эту задачу полной перестройки на почве, соответствующей культурно-техническим потребностям, должны все же иметь в виду и выполнить ее. Мы от старых методов пропаганды, которые грешили устарелостью, которые до сих пор подходили к крестьянину с общими фразами о классовой борьбе, на почве которых выдумывали всякие глупости о пролетарской культуре ⁹⁸ и т. д., от этого хлама, который очень похож на детские болезни ребяческого возраста, мы с большой быстротой будем исцеляться. В пропаганде, агитации, деятельности образовательной и просветительной будем переходить к постановке вопроса более трезвой и деловой, достойной людей Советской власти, которые за два года научились кое-чему и которые идут к мужику с практическим, деловым и ясным планом перестройки всей промышленности и изложением того, что теперь мужик и рабочий, при теперешнем состоянии образования, этой задачи не выполнит и из грязи, нищеты, сыпняка и болезней не вылезет. Эта практическая задача,

ясно связанная с подъемом культуры и образования, должна послужить узлом, вокруг которого весь характер нашей партийной пропаганды и деятельности, нашего преподавания и обучения должен группироваться.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 162—165

Прошу ответить на следующие вопросы:

1. Какое количество заявлений об изобретениях рассмотрено со времени образования отдела и какое имеется в настоящее время нерассмотренных.

2. Какое количество 1) признано полезным, 2) проведено в жизнь (назвать главнейшие).

3. Порядок и срок рассмотрения каждого изобретения и дальнейшее направление дела.

4. Может ли быть проведено в жизнь каким-либо учреждением какое-либо изобретение без заключения отдела изобретений Научно-технического отдела.

5. Известны ли отделу изобретений НТО

а) изобретение суррогата подошвенной кожи, сделанное Барышниковым, если да, то какое движение дано этому делу,

б) изобретение *

Кто стоит во главе отдела изобретений? ⁹⁹

Ленин В. И. В отдел изобретений Научно-технического отдела ВСНХ. 13 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 8—9

Я принимаю почти все поправки Н. К.** и предлагаю еще одно добавление: добавить о слиянии работы *п о л и т и к о*-просветительной и *н а у ч н о*-просветительной.¹⁰⁰

Ленин В. И. В ЦК РКП(б). 14 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 9

1. В настоящий момент, в связи с военными победами РСФСР и ее международным положением вообще, производственная пропаганда должна быть снова выдвинута на первый план, усилена и организационно укреплена.¹⁰¹

2. Руководящие газеты, «Известия» и «Правда» в первую очередь, должны: (а) уменьшить место, уделяемое политике, увеличить отдел производственной пропаганды; (б) влиять на всю работу партии и советских учреждений в смысле большего уделения сил производственной пропаганде; (в) стараться систематически поставить дело производственной пропаганды в общегосударственном размере, вырабатывать широкие меры ее развития, улучшения, и особенно проверки ее реальных, осуществляемых на деле, успехов.

3. Так же систематизирована, расширена, развита должна быть работа по выдвижению способных администраторов, организаторов, изобретателей из среды рабочей и крестьянской массы.

4. Производственная пропаганда во всей РСФСР должна быть объединена под руководством одного органа в целях экономии сил и более правильного направления работы. Абсолютно необходима при этом широчайшая автономия, местная и профессиональная. Систематическое, правильно поставленное вознаграждение (натуральные премии и проч.) всякого значительного успеха; организация беспристрастной и компетентной проверки успехов.

5. Единым руководящим органом производственной пропаганды должна быть редакция популярной массовой газеты с тиражом $1/2$ —1 миллион экземпляров.

* В машинописной копии, по-видимому, пропуск. *Ред.*

** Н. К. Крупской. *Ред.*

Такой газетой должна стать «Беднота»¹⁰².

Разделение промышленной и сельскохозяйственной газет такого типа вредно, ибо задача социализма сблизить и объединить промышленность и земледелие. Практически же руководящая роль промышленного пролетариата и в городе, и в деревне, и, в частности, в урбанизации земледелия, и в деле электрификации всей страны требует именно единой производственной газеты (и единого руководства производственной пропагандой) и для рабочих, и для крестьян.

6. Руководящая коллегия должна состоять из 5 лиц: 1) от ВЦСПС; 2) от ВСНХ; 3) от Наркомзема; 4) Главполитпросвета; 5) от ЦК РКП (или ответственный редактор). Коллегия и газета должны быть при ВЦСПС. (Может быть, плюс еще 1 от Главпрофобра?)

7. Производственная газета должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого читателя, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие. Уделять немного места, примерно не больше $\frac{1}{4}$, политике. Главное место — единому хозяйственному плану, трудовому фронту, производственной пропаганде, обучению рабочих и крестьян управлять, проверке действительного осуществления законов и мероприятий советских учреждений и хозяйств, широкому и правильному обмену мнений с читателем-массовиком.

8. Печатаемый в газете, поступающий в газету, а равно другой материал должен систематически переиздаваться брошюрками и листовками периодически для обязательного снабжения библиотек, затем всех фабрик и предприятий данного производства (брошюрки и листовки должны систематизировать материал по производствам). Наряду с учебниками и обзорами заграничной техники этот материал должен служить для распространения профессионально-технического и политехнического образования.

Ленин В. И. Тезисы о производственной пропаганде (Черновой набросок). 18 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 14—15

Красину и Клышко:

Очень просят купить и привезти с собой популярные руководства по практической электротехнике — английские и американские, полный комплект. Поддерживаю просьбу.

Ленин В. И. Телеграмма Л. Б. Красину и Н. К. Клышко. 31 декабря 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 37

Анатолию Васильевичу Луначарскому Копия Главторфу

Чтобы поднять торфодобывание, надо широко поставить пропаганду — листовки, брошюры, передвижные выставки, кинематографические снимки, издание учебников; ввести обязательный предмет в школах и в высших технических учебных заведениях о торфодобывании; составить учебники; ежегодно посылать экскурсию за границу.

Конкретно нужно: 1) поручить Госиздату отпечатать к 15 апреля в количестве 100 000 экземпляров брошюру в полтора листа «Торф», сданную Главторфом 8 февраля с. г. в агитационный отдел т. Мордвинкину, и принять к печати от Главторфа еще три брошюры и листовки, с тем чтобы выпустить их к 1 мая; Главторфу нужно выдать для распространения 15 000 брошюр.

2) Поручить киноотделу в течение мая снять 12 лент — под руководством Главторфа — торфодобычи (для России, Украины, Урала, Белоруссии и Сибири).

3) Поручить Главпрофобру совместно с Главторфом к 1 июня разработать проект обязательного курса в школах и в высших учебных заведениях по торфодобыванию.

Ленин В. И. — А. В. Луначарскому. 9 апреля 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 136—137

Научно-технический отдел ВСНХ, кажись, совсем заснул. Надо либо разбудить его, либо двинуть настоящим образом дело о разгоне этих ученых шалопаев и обязательно установить точно, кто будет отвечать за ознакомление нас с европейской и американской техникой толком, вовремя, практично, не по-казенному. В частности, Москва должна иметь по 1 экземпляру *всех* важнейших машин *из новейших*, чтобы учиться и учить. (Два инженера говорили мне, что в Америке делают дороги машиной, которая превращает проселок в шоссе только силой своего давления; как бы это важно для нашей бездорожной, полудикой страны!)

Надо добиться, чтобы научно-технический отдел ВСНХ и его многочисленные заграничные бездельники перестали бездельничать или чтобы *мы их заменили дру- г и м и*.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 3 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 163—164

т. Горбунов!

Прошу Вас распорядиться о том, чтобы собрали следующую литературу:

1) *все* по-русски по электрификации *сверх* книги «План электрификации».

Доклады Кржижановского и Рамзина в Питере. — Брошюра Кушнера. — Другие брошюры об электрификации — издание *Владимирского* губисполкома об электрификации *и другие местные издания*.

2) По-немецки новую литературу (1915—1921) о состоянии электрификации в разных странах и задачах ее и т. д. (через Кржижановского и т. д.).

Достаньте мне в 1—2 недели все сие сроком на 2 месяца для Ив. Ив. Скворцова (Степанова) ¹⁰³.

Ленин В. И. — Н. П. Горбунову. 20 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 205—206

Коминолит ¹⁰⁴

Как видно из доклада Коминолита, последний пока в сущности еще ничего не успел сделать.

Главная задача, которую должен себе поставить Коминолит, — это добиться того, чтобы в Москве, Петрограде и крупных городах Республики было сосредоточено в специальных библиотеках по 1 экземпляру всех заграничных новейших технических и научных (химия, физика, электротехника, медицина, статистика, экономика и пр.) журналов и книг 1914—1921 гг. и было бы налажено регулярное получение всех периодических изданий.

Ленин В. И. В Комитет иностранной литературы. 30 сентября 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 53, с. 228

Предлагаю выписать для Центрального правления каменноугольной промышленности Донецкого бассейна каталоги иностранных фирм — германских, американских, английских, — поставляющих:

- а) оборудование рудников вообще,
- б) проволочные канаты,
- в) насосы,
- г) электротехнические материалы,
- д) врубовые машины, конвейеры и т. п.,
- е) инструменты,
- ж) металлические изделия вообще и проволоку в особенности.

Ленин В. И. Народный комиссариат внешней торговли. 2 декабря 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 47—48

Предлагаю для и за счет Центрального правления каменноугольной промышленности Донецкого бассейна

1. срочно выписать комплекты всех горных журналов — германских, английских и Северо-Американских Соединенных Штатов за 1917—1921 годы;
2. регулярно выписывать и высылать Центральному правлению:
  - а) все выходящие горные журналы на немецком, французском и английском языках;
  - б) вновь выходящие, наиболее значительные книги по горному делу;
  - в) журнал «The Economist»¹⁰⁵.

Ленин В. И. — В Комитет иностранной литературы, 2 декабря 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 48

В «Известиях» от 20 декабря помещена статья А. Белякова «Новые пути оживления железнодорожного транспорта»¹⁰⁶. Очень прошу автора статьи сообщить мне возможно более точно с указанием соответствующих изданий:

- 1) Из какого источника взяты сведения о том, что за границей вообще испытан и дал блестящие результаты способ применения обыкновенного, слегка переделанного, грузовика вместо железнодорожного локомотива.
- 2) То же относительно того, что в Америке такими грузовиками обслуживались подъездные пути.
- 3) О том, что во время войны такие грузовики удачно применялись в американской армии (об этом должны быть сведения, если применение было удачно, и в американской, и во французской, и в английской прессе).
- 4) О том, что в Лондоне были произведены испытания по идее русского инженера Кузнецова, доказавшие, что грузовик в 30 лошадиных сил свободно тянул поезд в 9—10 вагонов со скоростью до 20 верст в час¹⁰⁷.

Ленин В. И. В редакцию «Известий ВЦИК». 21 декабря 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 84

Наркомпрос должен организовать наблюдение за всеми представлениями и систематизировать это дело. Все ленты, которые демонстрируются в РСФСР, должны быть зарегистрированы и занумерованы в Наркомпросе. Для каждой программы кинопредставления должна быть установлена определенная пропорция:

- а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабины и контрреволюции) и
- б) под фирмой «из жизни народов всех стран» — картины специально пропагандистского содержания, как-то: колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги наций, голодающие Берлина и т. д. и т. д. Нужно показывать не только кино, но и интересные для пропаганды фотографии с соответствующими надписями. Добиться, чтобы кинотеатры, находящиеся в частных руках, давали бы достаточно дохода государству в виде аренды, предоставить право предпринимателям увеличивать число номеров и вводить новые, но с неперменной цензурой Наркомпроса и при условии сохранения пропорции между увеселительными картинами и картинами пропагандистского характера под названием «Из жизни народов всех стран», с тем чтобы промышленники были заинтересованы в создании и производстве новых картин. Им должна быть в этих рамках дана широкая инициатива. Картины пропагандистского и воспитательного характера нужно давать на проверку старым марксистам и литераторам, чтобы у нас не повторялись не раз происходившие печальные казусы, когда пропаганда достигает обратных целей. Специально обратить внимание на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна.

Ленин В. И. Директивы по киноделу. 17 января 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 360—361

От всей души рекомендую настоящую работу тов. Степанова вниманию¹⁰⁸ всех коммунистов.

Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов. Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян. В приложении автор поместил указатель литературы как для тех, кому трудно было бы, без пояснений, понять некоторые места в изложении тов. Степанова, так и для тех, кто хочет знать главнейшие труды русской и иностранной литературы по данному вопросу вообще. Особо отметить надо начало VI главы, где автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики, а затем превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрификации; скептицизм этот прикрывает обычно отсутствие серьезного размышления о предмете (если этот скептицизм не является, что тоже иногда бывает, прикрытием вражды белогвардейцев, эсеров и меньшевиков ко всякому советскому строительству вообще).

Чего нам больше всего не хватает для настоящей (а не чиновнически-бездельной) работы по народному просвещению — это именно вот таких «пособий для школ» (для всех, обязательно всех школ вообще), как настоящее. Если бы все наши литераторы-марксисты вместо того, чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным вопросам, тогда мы не переживали бы такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу.

Восьмой съезд Советов постановил, что преподавание плана электрификации обязательно во всех — во всех без изъятия — учебных заведениях РСФСР¹⁰⁹. Это постановление осталось, как и многие другие, на бумаге вследствие нашей (нас, большевиков) некультурности. Теперь, с появлением в свет настоящего «пособия для школ» тов. Степанова, надо добиться — и мы добьемся! — того, чтобы в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по несколько экземпляров этого «пособия»; — чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и читались обязательно общедоступные народные чтения об электричестве и об электрификации РСФСР и о технике вообще; — чтобы каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это «пособие» (для помощи в этом деле должен быть в каждом уезде устроен кружок или группа инженеров и преподавателей физики), и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще.

Добиться этого будет стоить немало труда. Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить *с в о ю* жизнь.

А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся.

Ленин В. И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». 18 марта 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 51—52

тов. Аванесов! Вчера я переговорил с т. Свидерским и убедился, что он тоже придает важнейшее значение «отделу нормализации». Собрать литературу он поручил Ерманскому. Я немного сомневаюсь, выполнит ли удачно Ерманский. Он меньшевик, и в его книге видна некоторая злость (хотя книга все же хорошая)*. Прошу Вас либо проверить, как он выполнит поручение, либо *и самому* принять меры к его выполнению.

* Имеется в виду книга А. Ерманского «Научная организация труда и производства и система Тейлора». Госиздат, 1922. *Ред.*

Достать литературу надо и немецкую и американскую. Собрать *все* сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы *бюрократической* (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.).

По-моему, нам теперь поучиться у Европы и Америки *самое* нужное. Если не ошибаюсь, я слышал, что Вы прекрасно владеете немецким. Если нет, найдите переводчика. Может быть, и в скандинавских странах что-либо полезное найдется.

Надо собрать все и *не полагаться* на Ерманского *без особой проверки*.

Может быть, через Крестинского Вы сможете получить некоторые *неопубликованные* материалы? или через посла в Норвегии?

Я считаю, что нормализацию *бумажной* работы мы должны выработать, и ее потом применять всюду. Это самое важное. Если Вас пустят посмотреть одно из лучших учреждений в Германии или Норвегии, стоит остаться на неделюку.

Главное: нормы (т. е. сколько человек на такую-то сумму работы). Мы потом заставим у себя работать и Центральное статистическое управление.

Прошу Вас, *по использовании этого письма*, переслать и А. Д. Цюрупе. Пока он болен, я не хочу его тревожить.

Ленин В. И. — В. А. Аванесову. 1 сентября
1922 г. — Полн. собр. соч., т. 54, с. 277—278

Г-н О. А. Ерманский написал очень полезную и очень хорошую книгу: «Научная организация труда и система Тейлора» (Госиздат. 1922). Это переработка его книги «Система Тейлора», вышедшей в свет в 1918 году. Книга значительно расширена; добавлены очень важные приложения: I. «Производительный труд и культура»; II. «Проблема усталости». Один из важнейших отделов, прежде называвшийся «Труд и отдых», занимавший прежде всего 16 страниц, теперь разросся в 70 страниц (глава III: «Работа человека»).

Книга дает нам подробнейшее изложение системы Тейлора, притом, что особенно важно, и ее положительной и *ее отрицательной стороны*, а также основные научные данные о физиологическом приходе и расходе в человеческой машине. В целом книга вполне годится, по моему мнению, для того, чтобы быть признанной обязательным учебником для всех профшкол и для всех школ 2-ой ступени вообще. Научиться работать — это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики. Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то ни стало пойти дальше и перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача.

Одним серьезным недостатком обладает книга г-на Ерманского, недостатком, который, пожалуй, мешает тому, чтобы признать ее учебником. Это — многоречивость автора. Без всякой надобности он повторяет одно и то же по многу раз. Может быть, до известной степени извинением автору может служить в этом случае то, что он писал свою книгу, не имея в виду превратить ее в учебник. Однако на стр. VIII предисловия автор говорит о том, что он видит достоинство своей книги в популярном изложении научных вопросов. Он прав. Но популярное изложение требует также устранения повторений. Читать большие книги «народу» некогда. Книга г-на Ерманского чрезмерно велика, и без всякой надобности. Это мешает ее популярности. . .*

Ленин В. И. Ложка дегтя в бочке меда. —
Полн. собр. соч., т. 45, с. 206—207

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

Наука и техника в коммунистическом обществе

Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому. Такой коммунизм, как законченный натурализм, = гуманизму, а как законченный гуманизм, = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение¹.

[V] Поэтому все движение истории есть, с одной стороны, *действительный* акт порождения этого коммунизма — роды его эмпирического бытия, — а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания *постигаемым* и *познаваемым* движением его становления.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 42, с. 116

... Отчужденное усмотрение *действительного опредмечивания* человека, действительного присвоения им своей предметной сущности путем уничтожения *отчужденного* определения предметного мира, путем его снятия в его отчужденном бытии, подобно тому как атеизм, в качестве снятия бога, означает становление теоретического гуманизма, а коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни, как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма; другими словами, атеизм есть гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия религии, а коммунизм — гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредствования, — являющегося, однако, необходимой предпосылкой, — возникает положительно начинающий с самого себя, *положительный* гуманизм.

Но атеизм, коммунизм, это — вовсе не бегство, не абстракция, не утрата порожденного человеком предметного мира, не утрата принявших предметную форму сущностных сил человека, не возвращающаяся к противоестественной, неразвитой простоте нищета. Они, наоборот, впервые представляют собой действительное становление, действительно для человека возникшее осуществление его сущности, осуществление его сущности как чего-то действительного.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 42, с. 169

Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налично предпосылкой. Впрочем, наличие массы людей, живущих *только* своим трудом, — массы рабочей силы, отрезанной от

капитала или от возможности хотя бы ограниченного удовлетворения своих потребностей и характеризующейся поэтому уже не только временной потерей самой этой работы, как обеспеченного источника жизни, но и вообще совершенно непрочным положением, — все это предполагает, в силу конкуренции, существование *мирового рынка*. Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование. А всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 34—35

Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов. Поэтому установление коммунизма имеет по существу экономический характер: оно — создание материальных условий этого объединения; имеющиеся налицо условия оно превращает в условия объединения. Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов, поскольку существующий строй есть ведь не что иное, как продукт существовавшего до сих пор общения между самими индивидами. Таким образом, с условиями, порожденными прежним производством и общением, коммунисты практически обращаются как с неорганическими, но при этом они отнюдь не воображают, будто намерением или предназначением прошлых поколений было доставить им материал, и не считают, что условия эти были неорганическими для создававших их индивидов.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 70—71

Коммунизм не доктрина, а *движение*. Он исходит не из принципов, а из *фактов*. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах. Коммунизм есть следствие крупной промышленности и ее спутников: возникновения мирового рынка и обусловленной этим безудержной конкуренции; принимающих все более разрушительный, все более всеобщий характер торговых кризисов, которые теперь уже окончательно стали кризисами мирового рынка; формирования пролетариата и концентрации капитала; вытекающей отсюда классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата.

Энгельс Ф. *Коммунисты и Карл Гейнцен*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 281—282

«Несправедливость в отношениях собственности», обусловленная современным разделением труда, современной формой обмена, конкуренцией, концентрацией и т. д., никоим образом не обязана своим происхождением политическому господству класса буржуазии, а, наоборот, политическое господство класса буржуазии вытекает из этих современных производственных отношений, провозглашаемых буржуазными экономистами в качестве необходимых и вечных законов. Поэтому, если пролетариат и

свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом самой *буржуазной революции*, — как это было в 1794 г., — до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а следовательно также и окончательное свержение политического господства буржуазии. Господство террора во Франции могло поэтому послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее трусливой осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа, следовательно, лишь расчистили ей путь. Точно так же лишь кратковременным было бы и свержение абсолютной монархии, если бы экономические условия недостаточно созрели для господства класса буржуазии. Люди строят для себя новый мир не из «богатств земных», как заставляют воображать *грубиянов* их предрассудки, а из тех исторических благоприобретений, которые имеются в их гибнущем мире. В самом ходе своего развития должны они сперва *произвести материальные условия* нового общества, и никакие могучие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой участи.

Маркс К. Морализирующая критика и критицирующая мораль. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 299

20-й вопрос: Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?

Ответ: Тем, что общество изымет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами общения, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом, — будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные с нынешней системой ведения крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширенное производство, которое при существующем общественном строе вызывает перепроизводство и является столь могущественной причиной нищеты, тогда окажется далеко не достаточным и должно будет принять гораздо более широкие размеры. Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, вместо того чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Он явится условием и стимулом для дальнейшего прогресса и будет осуществлять этот прогресс, не приводя при этом, как раньше, к периодическому расстройству всего общественного порядка. Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени. Это развитие промышленности даст обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворять потребности всех его членов. Точно так же земледелие, для которого, вследствие гнета частной собственности и вследствие дробления участков, затруднено внедрение уже существующих усовершенствований и достижений науки, тоже вступит в совершенно новую полосу расцвета и предоставит в распоряжение общества вполне достаточное количество продуктов. Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы. Но оно не только станет излишним, оно будет даже несовместимо с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей, приводящих в движение эти средства. Подобно тому как в прошлом столетии крестьяне и рабочие

мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменили весь свой жизненный уклад и сами стали совершенно другими людьми, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только *одну* сторону своих способностей за счет всех других и знает только *одну* отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий.

Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать.

Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней — вот главнейшие результаты ликвидации частной собственности.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 334—336

Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 438

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 447

Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 11, с. 214

Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразование в более высокую форму не распределения, а самого способа производства. Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. И для того, и для другого процесс производства вместе с тем является физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 11, с. 221

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторон-

ним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

Маркс К. Критика Готской программы. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19,
с. 20

Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые пристокают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство»², фразу, имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра.

С тех пор как на историческую сцену выступил капиталистический способ производства, взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но оно стало возможным, стало исторической необходимостью лишь тогда, когда фактические условия его проведения в жизнь оказались налицо. Как и всякий другой общественный прогресс, оно становится осуществимым не вследствие осознания того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. д., не вследствие простого желания отменить классы, а в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный — было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование

того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которые оно не может использовать, и остается беспомощным перед абсурдным противоречием, когда производители не могут потреблять потому, что недостает потребителей. Свойственная современным средствам производства сила расширения разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие непрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и то прямое расстояние и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, оно сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши и мотовства господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута*.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей,ступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей

* Несколько цифр могут дать приблизительное представление об огромной способности современных средств производства к расширению даже под капиталистическим гнетом. По новейшим вычислениям Джиффена³, общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

в 1814 г. — 2 200 млн. ф. ст. = 44 млрд. марок
 » 1865 » — 6 100 » » » = 122 » »
 » 1875 » — 8 500 » » » = 170 » »

Что же касается уничтожения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников (в Берлине, 21 февраля 1878 г.)⁴ было установлено, что общие убытки одной только германской железодельной промышленности достигли во время последнего кризиса 455 млн. марок.

мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19., с. 224—228

Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естественный испытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, с. 84—85

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкну*т к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых.

Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *атомлет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

Ленин В. И. Государство и революция. —
Полн. собр. соч., т. 33, с. 89—91

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока⁵, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда переилен. Распределение продуктов не будет

требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объяснить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К⁰) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновые говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плекхановского» превращения Кропоткиных, Грива, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, поскольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

Ленин В. И. Государство и революция. —
Полн. собр. соч., т. 33, с. 96—98

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преидеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Ленин В. И. Государство и революция. —
Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100

В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет.

2) Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п. в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины.

3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно производительным трудом, подготавливающей всесторонне развитых членов коммунистического общества.

4) снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства.

5) Подготовка новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие «советов народного образования», мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с общими политехническими знаниями.

9) Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой.

10) Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся

все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров.

11) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти.

Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) [принята VIII съездом партии 8—23 марта 1919 г.]. — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 431—433

Мы обязаны исходить из того марксистского положения, которое всеми признается, что программа должна быть построена на научном фундаменте. Она должна объяснить массам, как коммунистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чем ее значение, ее сущность, ее сила, что она должна решить. Наша программа должна быть сводкой для агитации, такой же сводкой, какой были все программы, какой была, например, Эрфуртская программа⁶. Каждый параграф этой программы содержал в себе сотни тысяч речей и статей агитаторов. В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянство и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождают этот капитализм постоянно, — если он этого не понимает, то, хоть бы он сто раз объявлял себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена. Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 178—179

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каком-то заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров включительно⁷). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, — как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим и в речи 12 марта на заседании Петроградского Совдепа, — не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым

шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его.)

Ошибка «бернского», желтого, Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть *тоже* период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Ленин В. И. Великий почин. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 13—15

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало *коммунизма*, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются

лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе⁸).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достигающих не работающих лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик.

Ленин В. И. Великий почин. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 22

Большие перспективы открываются перед промышленностью России. Возьмем, к примеру, хотя бы энергетику. Если она будет развита до высокого уровня, мы сможем электрифицировать все отрасли хозяйства. Созидательные возможности коммунизма скоро дадут большой эффект в разрешении всех этих проблем и будет сделан такой гигантский шаг вперед, который можно сравнить с прогрессом, осуществляющимся в течение многих десятилетий.

Ленин В. И. Беседа с японским корреспондентом Р. Накахира, представителем газеты «Осака Асахи». — Полн. собр. соч., т. 41, с. 131

... В известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы, — чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом. Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества. Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ: «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний,

чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно или когда она понимается слишком однобоко.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно. Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество.

Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы вовремя эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки? Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию. Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той

суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма. И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре⁹. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе. Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будет переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека. Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добыю того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая

школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей? Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое, коммунистическое общество. Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче: научиться коммунизму.

Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная. Мы знаем, что коммунистическое общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение. Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием.

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умения сплотить свои силы. Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно. Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало его превратить в груды

развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество. Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь остановлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали.

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, — к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира. И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которую идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем классы капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, — это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб». Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных. Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества. Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что, чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист? Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу. Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И, чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество. В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть,

потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может. Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества. Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании. Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным. А наша школа должна давать молодежи основы знания, умение вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров. Коммунистический союз молодежи только тогда оправдывает свое звание, что он есть Союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывает с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что, пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск, что, только если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы. Таким образом, быть коммунистом — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 298—314

...Цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это можно сделать? Это возможно,

только овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об этом.

Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 404

Если мы спросим себя, что представляет собою коммунизм в отличие от социализма, то мы должны будем сказать, что социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества и может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм. Социализм предполагает работу без помощи капиталистов, общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причем должны определяться и мера труда и его вознаграждение. Это определение необходимо потому, что капиталистическое общество оставило нам такие следы и такие привычки, как труд враздробь, недоверие к общественному хозяйству, старые привычки мелкого хозяина, которые господствуют во всех крестьянских странах. Все это идет наперекор действительно коммунистическому хозяйству. Коммунизмом же мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением.

Ленин В. И. Доклад о субботниках на Московской общегородской конференции РКП(б) 20 декабря 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 33—34

Примечания *

РАЗДЕЛ VI

¹ См.: *Morgan L. H. Ancient Society*, London, 1877, p. 19, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, с. 4—28. — 7.

² Здесь Ф. Энгельс использовал в качестве источника книгу: *Dawkins W. B. Early man in Britain and his place in the tertiary period*. London, 1880 (*Докинс У. Б. Первобытный человек в Британии и его место в третичном периоде*. Лондон, 1880). — 11.

³ В первые века I тыс. до н. э. кельты заселяли территорию нынешней Франции и верховья Дуная. Позже они заселяли также и Британские острова. — 12.

⁴ О Германии говорится во 2 и 3 книгах труда Птолемея «География». — 16.

⁵ *Пуэбло* — название группы индейских племен Северной Америки, живших на территории Новой Мексики (в настоящее время — Юго-Запад США и Северная Мексика) и объединенных общностью истории и культуры. Это название, происходящее от испанского слова *pueblo* (народ, селение, община). — 17.

⁶ Имеется в виду упоминание о Демокрите в книге М. Штирнера «Единственный и его собственность». Лейпциг, Изд-во Отто Виганда, 1845 (*Stirner M. Der Einzige und sein Eigenthum*. Leipzig: Verlag von Otto Wigand, 1845. — 18.

⁷ *Hegel G. W. F. Werke*. Bd. XIII, Berlin, 1833. — 19.

⁸ Относительно сочинения «*De placitis philosophorum*» («О мнениях философов») в дальнейшем было доказано, что оно принадлежит не Плутарху, а какому-то неизвестному автору (так называемый «Псевдо-Плутарх»). Оно восходит к Азию, жившему около 100 г. н. э. — 20.

⁹ Эта заметка написана рукой Маркса и состоит из приведенных на греческом языке (по изданиям К. Таухница) цитат из сочинения Аристотеля «*Метафизика*» и из компилятивного труда Диогена Лаэртция «*О жизни, мнениях и изречениях знаменитых философов*». Составлена эта заметка до июня 1878 г., так как фигурирующие в ней цитаты об Эпикуре использованы Энгельсом в старом предисловии к «*Анти-Дюрингу*» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 20, с. 367—368). Все подчеркивания в цитатах принадлежат Марксу. — 21.

¹⁰ В новейших изданиях «*Метафизики*» книга IX называется книгой X. — 21.

¹¹ *Wolf R. Geschichte der Astronomie*. München, 1877 (*Вольф Р. История астрономии*. Мюнхен, 1877). Здесь и в дальнейшем Энгельс использует книги: *Mädler J. H. Der Wunderbau des Weltalls, oder Populäre Astronomie*. 5. Aufl. Berlin, 1861 (*Медлер И. Г. Чудесное строение вселенной, или Популярная астрономия*. 5 изд. Берлин, 1861) и *Secchi A. Die Sonne*. Braunschweig, 1872 (*Секки А. Солнце*. Брауншвейг, 1872).

Во второй части «*Введения*» Энгельс использовал свои выписки из этих книг, относящиеся, по-видимому, к январю—февралю 1876 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 20, с. 589—592). — 21.

¹² Впервые железные предметы упоминаются в начале II тысячелетия до н. э. В середине II тысячелетия до н. э. хеттский царь Хаттусили III послал железо египетскому фараону Рамсесу II. Начиная с IX в. до н. э. в ассирийских документах упоминаются железные мотыги и кинжалы, но и тогда железо еще не вытеснило бронзы и даже камня. Лишь с VIII в. до н. э. железо начинает получать широкое распространение. Железная металлургия в Египте восходит к VII—VI вв. до н. э. Полный расцвет железной металлургии и вытеснение железными орудиями орудий из других материалов, а главные социальные последствия перехода к «железному веку» относятся к VI—IV вв. до н. э. — 21.

¹³ Энгельс имеет в виду сочинения Гая Юлия Цезаря «*Записки о галльской войне*» и Публия Корнелия Тацита «*Германия*». — 22.

¹⁴ «*Песнь о Хильдебранде*» — героическая поэма, памятник древнегерманской эпической поэзии VIII в., сохранившийся в отрывках. — 23.

---

* Нижеприведенные примечания воспроизводятся в основном по второму изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и пятому изданию сочинений В. И. Ленина. *Ред.*

¹⁵ *Testudo* (буквально: «черепаха») — род навеса для защиты осаждающих при разрушении ими стен вражеской крепости тараном и других осадных работах. *Винея* (*vinea* — буквально: «виноградник») — защитный навес, оплетенный прутьями и покрытый влажными кожами или дерном; употреблялся в древности при осаде крепостей. — 27.

¹⁶ Имеется в виду книга: *Wilkinson J. G. Manners and Customs of the Ancient Egyptians, vol. 1, London, 1837, p. 67—68 (Уилкинсон Дж. Г. Нравы и обычаи древних египтян, т. 1. Лондон, 1837, с. 67—68).* — 27.

¹⁷ *Геродот*. История в девяти книгах, книга VII. — 28.

¹⁸ Упомянуты наиболее крупные сражения периода греко-персидских войн (500—449 г. до н. э.). — 28.

¹⁹ Имеется в виду осада афинским войском города Самос (на острове Самос в юго-восточной части Эгейского моря в 440 г. до н. э.). — 29.

²⁰ Под завоеванием Греции Энгельс здесь имеет в виду подчинение греческих городов-государств власти македонского царя. — 30.

²¹ При *Арбелах* (точнее при селении Гавгамелы, расположенном к северо-западу от ассирийского города Арбелы) в 331 г. до н. э. произошло одно из крупнейших сражений древности, в котором войска Александра Македонского наголову разбили армию персидского царя Дария III. Победа при Арбелах, захват македонянами персидского лагеря со всем обозом и казной сыграли решающую роль в завершении завоевания персидской империи Александром Македонским. — 30.

²² *Ахейский союз* — федерация ряда рабовладельческих городов-государств Пелопоннеса, созданная в 280 г. до н. э. для борьбы против Македонии, а также против движения рабов и городской бедноты. Союз располагал значительными военными силами и добился независимости от македонской монархии. В 146 г. до н. э. войска союза были разгромлены римлянами и его территория была включена в состав Македонии, ставшей с 148 г. до н. э. римской провинцией. — 31.

²³ *Трибы* — территориально-административные единицы в Древнем Риме. — 32.

²⁴ Всадниками в ранние периоды истории Древнего Рима назывались богатые граждане, составлявшие особую привилегированную группу населения и обязанные нести военную службу в коннице. Впоследствии всадниками стали называться представители торгово-ростовщических слоев римских рабовладельцев, принадлежащие к всадническому сословию. — 32.

²⁵ *Хастаты и триари* — подразделения в римском воинском соединении — легионе. — 32.

²⁶ Первая гражданская война (88—82 гг. до н. э.) в Древнем Риме была вызвана борьбой за власть между представителями двух враждующих группировок рабовладельцев. Первую возглавлял Луций Корнелий Сулла, ставленник рабовладельческой аристократии (нобилитета), во главе второй стоял Гай Марий, опиравшийся на торгово-ростовщические круги и заигрывавший с городским и сельским плебсом. Война, происходившая в обстановке острых классовых конфликтов между рабовладельцами и рабами, а также между рабовладельческой знатью и демократическими слоями свободного населения, закончилась поражением маррианцев и установлением диктатуры Суллы, что явилось шагом к ликвидации Римской республики и основанию империи. — 32.

²⁷ Речь идет о сражении на реке Мутуле (Северная Африка), в котором в 109 г. до н. э. римская армия под командованием Квинта Цецилия Метелла нанесла поражение войскам нумидийского царя Югурты. Это была первая победа римлян в неудачной вначале для них Югуртинской войне (111—105 гг. до н. э.). В дальнейшем ходе войны Югурта был побежден Римом.

Энгельс ссылается здесь на сочинение римского историка Саллюстия «О Югуртинской войне», гл. XLVIII—LIII. — 32.

²⁸ Римские воинские единицы каждой ступени имели свои отличительные знаки. Отличительным знаком легиона со времен Гая Мария был серебряный орел, укрепленный на древке копья. — 32.

²⁹ Имеется в виду сочинение римского писателя Вегеция «*Epitome rei militaris*» («Краткое изложение военного дела»). — 33.

³⁰ *Вальденсы* — религиозная секта, возникшая в конце XII в. среди плебейских низов южно-французских городов. — 41.

³¹ *Альбигойцы* — религиозная секта, широко распространенная в XII—XIII вв. в городах Южной Франции и Северной Италии. — 41.

³² Один из вождей крестьянского восстания 1251 г. во Франции (так называемого восстания «папушков»). — 41.

³³ Первые опыты книгопечатания относятся к середине XI в. (Би-Шэн, Китай). В Европе оно было изобретено в Германии Иоганном Гутенбергом в 40-х годах XV в. В Русском государстве типографию основали Иван Федоров и Петр Мстиславец. Первая книга была отпечатана в этой типографии в 1564 г. — 41.

³⁴ *Ганза* — торговый и политический союз средневековых немецких городов, расположенных на побережье Северного и Балтийского морей и на прилегающих к ним реках; имел своей целью установление монополии торговли в Северной Европе. Время расцвета Ганзы приходилось на вторую половину XIV в. — 42.

³⁵ Родиной бумаги считается Китай (II в. н. э.). Из Китая не позднее VII в. она попала в Индию, в VIII в. известна в Самарканде. Из Самарканда переходит в арабские страны и далее в Испанию. Проникновению бумаги в Европу способствовали также крестовые походы (1098—1261 гг.). — 43.

³⁶ Имеются в виду крупные сражения Столетней войны между Англией и Францией (1337—1453). — 44.

³⁷ Речь идет о военных действиях против монгольских завоевателей во время их вторжения в Центральную Европу в 1241—1242 гг., последовавшего за нашествием их на русские земли (1237—1240). Ареной этих военных действий помимо территории Польши сделались также Моравия, Венгрия и Далмация. — 45.

³⁸ Имеются в виду войны швейцарских кантонов в XIV—XV вв. против иноземных завоевателей — австрийских Габсбургов, а также война швейцарцев в 1474—1477 гг. с бургундским герцогом Карлом Смелым, пытавшимся захватить земли Швейцарского союза. — 45.

³⁹ Точная дата изобретения пороха неизвестна. Считают, что приближающаяся к нему по составу смесь появилась в Китае в начале нашей эры (по другим данным — в VIII—IX вв.). В Европе порох стал известен в XIII в., с XIV в. его производили в Германии. Тогда же появились первые пушки. На Руси пушки известны с 1382 г. — 45.

⁴⁰ Имеется в виду трактат Макиавелли «I sette libri dell'arte della guerra» («Семь книг об искусстве войны»), написанный в 1519—1520 гг. — 46.

⁴¹ При Мариньяно (Северная Италия) 13—14 сентября 1515 г. армия французского короля Франциска I при поддержке его венецианских союзников нанесла поражение швейцарским наемным войскам герцога Миланского. — 46.

⁴² При Павии 24 февраля 1525 г. произошло сражение между армией французского короля Франциска I и войсками Карла V (германского императора и испанского короля). Французы потерпели жестокое поражение, сам король Франциск попал в плен. — 46.

⁴³ Имеется в виду нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг., сочетавшая борьбу буржуазии и народных масс против феодализма с национально-освободительной войной против абсолютистской Испании, которая в XVI в. подчинила Нидерланды (современные Бельгия и Голландия). — 46.

⁴⁴ Эти технические внешние усовершенствования относятся к периоду тридцатилетней войны. Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. — общеевропейская война, вызванная борьбой между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — 47.

⁴⁵ *Военная граница* — так назывались в XVI—XIX вв. южные области Австрийской империи (Словения, Хорватия, Славония, Банат), жители которых — граничары — обязаны были нести военную пограничную службу за пользование землей. — 47.

См. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 512. — 52.

РАЗДЕЛ VII

¹ К этому месту рукой Маркса сделана приписка «При рабовладельческом производстве (ср. Кернса)». Маркс имеет в виду книгу Кернса «The slave power» (London, 1862), которую он неоднократно цитирует в I и III томах «Капитала». Так как IV тетрадь рукописи 1861—1863 гг. была написана в конце 1861 г., а книга Кернса вышла в свет в 1862 г., то указанная приписка, по-видимому, была сделана Марксом позднее. — 54.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 346. — 54.

³ Характеристику этого принципа соотношений кратных количеств Маркс дал в I томе «Капитала» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч. 2-е изд., т. 23, с. 358—359). — 55.

⁴ См. примеч. 1, а также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 223, с. 344. — 56.

⁵ *Ure A.* Philosophie des Manufactures, t. II. Paris, 1836, p. 21. — 58.

⁶ Имеются в виду цитаты из работ Адама Фергюсона, Джона Такетта, Адама Смита (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 374—375). — 60.

⁷ В настоящее время некоторые факты, приведенные Энгельсом, могут быть уточнены. Так, известно, что Аркрайт не был изобретателем прядильной машины, а присвоил ряд чужих изобретений, сделанных в Англии. Энгельсу также не было известно о ряде открытий и изобретений, сделанных в других странах, в частности в России. Так, например, Энгельс не знал о создании русским изобретателем И. И. Ползуновым (1728—1766) первого парового двигателя в 1763 г. Этот двигатель не нашел применения в условиях крепостной России, тогда как паровая машина, изобретенная Дж. Уаттом, уже вскоре получила широкое распространение в английской промышленности. — 65.

⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 643—655, 655—662. — 73.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 406—413. — 73.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 755—759. — 73.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 437. — 75.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 398. — 77.

¹³ В настоящем издании эти стихи приводятся в переводе с греческого по кн.: Греческие эпиграммы. М.; Л., 1935. — 84.

¹⁴ Во время традиционных празднеств в честь Джаггернаута (Джаганнатха) — воплощения индуистского бога Вишну — охваченные крайним религиозным фанатизмом верующие нередко бросались под колесницу, на которой везли изображение Вишну. — 86.

¹⁵ См. примеч. 9. — 87.

¹⁶ Имеется в виду ряд войн XVII и XVIII вв. между крупнейшими европейскими государствами за гегемонию в торговле с Индией и Америкой и за захват колониальных рынков. Первоначально соперничавшими странами являлись Англия и Голландия (типичными торговыми войнами были англо-голландские войны 1652—1654, 1664—1667 и 1672—1674 гг.), позднее решающая борьба развернулась между Англией и Францией. Победительницей из всех этих войн вышла Англия, в разуха которой к концу XVIII в. сосредоточилась почти вся мировая торговля. — 88.

¹⁷ Подробный анализ понятия «существующего труда» Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» в связи с рассмотрением взглядов Томаса Годскина (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 276—290). — 95.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 217—218, 415. — 100.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 437, примеч. 191а. — 100.

²⁰ Маркс, возможно, имеет в виду книгу: *Lauderdale J. An inquiry into the nature and origin of public wealth, and into the means and causes of its increase.* London, 1804. — 104.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 544—571. — 110.

²² Выявленная В. И. Лениным тенденция концентрации капиталистического производства на стадии империализма полностью подтвердилась за время, истекшее после ленинского анализа. — 116.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 246, 368—370. — 123.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 333—397. — 123.

²⁵ Маркс имеет в виду работу: *Ure A. The philosophy of manufactures: or, An exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain.* Second edition, London, 1835. — 124.

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 618. — 126.

²⁷ Французский историк Ленге высказал эту гипотезу в своей работе «*Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société*». Londres, 1867, t. 2, liv. V, chap. XX. — 127.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 333—347. — 127.

²⁹ Имеется в виду навеянная идеями социалистов-утопистов инициатива рабочих города Рочдейла (Манчестерский промышленный округ), организовавших в 1844 г. потребительское кооперативное общество под названием «Общество справедливых пионеров», которое явилось зародышем рабочего кооперативного движения в Англии и других странах. — 127.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 242—311. — 128.

³¹ Имеется в виду фабричный акт 1850 г., устанавливавший средненедельный 10-часовой рабочий день (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 251). — 130.

³² Маркс имеет в виду «British Association for the Advancement of Science» (Британскую ассоциацию содействия прогрессу науки), основанную в 1831 г. и проводившую ежегодные съезды в различных городах Великобритании. — 130.

³³ *Ure A. Philosophie des Manufactures.* Paris, 1836, t. 2, p. 4. — 132.

³⁴ Речь идет об Американском рабочем съезде, состоявшемся в Балтиморе с 20 по 25 августа 1866 г. На съезде присутствовало 60 делегатов, представлявших более 60 тысяч рабочих, объединенных в тред-юнионы. Съезд обсудил вопросы о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня, о политической деятельности рабочих, о кооперативных товариществах, об объединении всех рабочих в тред-юнионы. На съезде было принято также решение о создании политической организации рабочего класса — Национального рабочего союза. — 134.

³⁵ Цитируемая здесь резолюция Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих была составлена на основе написанной Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 194—203). В данном месте резолюции дословно воспроизводится текст этой «Инструкции». — 135.

³⁶ Имеется в виду Шестой отдел первого тома «Капитала», озаглавленный «Заработная плата» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 545—575). — 136.

³⁷ В записи вместо Милнера ошибочно назван Эккариус. Именно Милнер, возражая Эккариусу, утверждал, что сокращение рабочего дня, хотя и является желательным, вызвало бы сокращение производства. — 140.

³⁸ Маркс имеет в виду подробное обоснование Эккариусом в его выступлении на этом заседании вопроса о вредном влиянии продолжительного рабочего дня на здоровье рабочих. — 140.

³⁹ Под «*бунтом в защиту рабства*» подразумевается мятеж, поднятый рабовладельцами Юга США и приведший к Гражданской войне 1861—1865 гг. — 145.

⁴⁰ *Fourier Ch. Oeuvres complètes.* Paris, 1845, t. VI, p. 393—394. (Ш. Фурье. Полн. собр. соч. Париж, т. VI, 1845, с. 393—394). — 147.

⁴¹ Имеется в виду книга: *Wade J.* History of the middle and working classes. London, 1833. — 152.

⁴² См.: *Stewart J.* An inquiry into the principles of political oeconomy. Dublin, 1770, vol. 1, b. 1, Ch. XVI. — 159.

⁴³ Цитируется доклад Сезара Де Папа о земельной собственности на заседании Брюссельского конгресса Международного Товарищества Рабочих 11 сентября 1868 г. — 159.

⁴⁴ «*Die Neue Zeit*» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии. В 1885—1895 гг. в журнале был опубликован ряд статей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. — 165.

⁴⁵ См.: *Bensing F.* Der Einfluss der Landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks- und Privatwirtschaft. Breslau, 1897 (*Бензинг Ф.* Влияние сельскохозяйственных машин на народное и частновладельческое хозяйство. Бреславль, 1897). Более подробно Ленин останавливается на этой монографии Бензинга в своей работе «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» (см.: Полн. собр. соч., т. 5, с. 126—129). — 168.

⁴⁶ *Say J. B.* Traité économie politique. Troisième édition, Paris, 1817, t. II, p. 433. — 173.

⁴⁷ Речь идет о пяти миллиардах франков, которые Франция после поражения во франко-прусской войне 1870—1871 гг. по условиям мирного договора выплатила в 1871—1873 гг. Германии в качестве контрибуции. — 178.

⁴⁸ *Прусская система ландвера* — система формирования части вооруженных сил из военно-обязанных старших возрастов, зачислившихся в ландвер после того, как они прошли действительную военную службу в регулярной армии и пробыли установленный срок в резерве. Впервые система ландвера возникла в Пруссии в 1813—1814 гг. как народное ополчение в борьбе против наполеоновских войск. В период франко-прусской войны 1870—1871 гг. ландвер использовался для ведения боевых действий наряду с регулярными войсками. — 179.

⁴⁹ Речь идет об австро-прусской войне 1866 г. — 180.

⁵⁰ В сражении при Сен-Прива 18 августа 1870 г. немецкие войска ценой огромных потерь одержали победу над французской Рейнской армией. В исторической литературе это сражение известно также как сражение при Гравелоте. — 180.

⁵¹ Доклад М. Йенса «Макиавелли и идея всеобщей воинской повинности» был напечатан в «*Kölnische Zeitung*» №№ 108, 110, 112 и 115 от 18, 20, 22 и 25 апреля 1876 г. Курсив в цитате принадлежит Энгельсу. — 181.

⁵² *Крымская война 1853—1856 гг.* (Восточная война) — война между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии, возникшая в результате столкновения экономических и политических интересов этих стран на Ближнем Востоке. — 181.

⁵³ См. примеч. 51. — 182.

⁵⁴ Сражение при Альбуэре (Испания) произошло 16 мая 1811 г. между английской армией и французскими войсками. Эта битва закончилась поражением наполеоновских войск.

Сражение при Инкермане между русской армией и англо-французскими войсками произошло 5 ноября (24 октября) 1854 г. во время Крымской войны (1853—1856). — 185.

⁵⁵ См. примеч. 48. — 186.

⁵⁶ Все приведенные здесь данные о численном составе и потерях прусской армии в сражениях при Сен-Прива Энгельс, по всей вероятности, получил в результате обработки материалов официальной истории франко-прусской войны 1870—1871 гг., составленной военно-историческим отделом прусского генерального штаба (см.: *Der deutschfranzösische Krieg 1870—1871.* Berlin, 1875, Th. 2, Bd. 2, S. 669 ff., 197*—199*, 233*). — 186.

⁵⁷ *Купфегерабен* — канал в Берлине, близ которого находились казармы бригады, в которой в 1841—1842 гг. Энгельс отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в прусской гвардейской артиллерийской бригаде. — 187.

⁵⁸ 4 сентября 1870 г. в Париже, после получения сообщения о разгроме французской армии при Седане, произошло революционное выступление народных масс, приведшее к падению режима Второй империи и провозглашению республики во главе с буржуазным правительством национальной обороны.

31 октября 1870 г. парижские рабочие и революционная часть национальной гвардии подняли восстание и, захватив городскую ратушу, создали орган революционной власти — Комитет общественного спасения — во главе с Бланки. Однако, воспользовавшись недостаточной организованностью революционных сил Парижа и разногласиями между руководившими восстанием бланкистами и мелкобуржуазными демократами-якобинцами, правительство с помощью оставшихся на его стороне батальонов национальной гвардии, нарушив свои обещания об отставке, завладело ратушей и восстановило свою власть. — 188.

⁵⁹ Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг., в которой царская Россия потерпела поражение. — 189.

⁶⁰ «*The Times*» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 г. — 189.

⁶¹ См. примеч. 60. — 194.

⁶² См.: *Pecqueur C. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des sociétés.* Paris, 1842, p. 435. — 196.

⁶³ «*Seehandlung*» («Морская торговля») — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — 198.

РАЗДЕЛ VIII

¹ Шиллер Ф. Песнь о колоколе. — 211.

² В трудах более позднего времени Маркс и Энгельс употребляли вместо понятий «стоимость труда», «цена труда» более точные понятия, введенные Марксом, — «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы». — 214.

³ Имеется в виду поштучная форма заработной платы. — 215.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 628. — 217.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 456—457; т. 26, ч. I, с. 186. — 217.

⁶ Законы против коалиций — принятые в 1799 и 1800 гг. английским парламентом, законы, согласно которым запрещалось создание и деятельность каких бы то ни было рабочих организаций. Эти законы были отменены парламентом в 1824 г., а в следующем году их отмена была еще раз подтверждена. Однако и после этого власти весьма ограничивали деятельность рабочих союзов. В частности, простая агитация за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление. — 221.

⁷ Странники Лиги против хлебных законов, основанной в 1838 г. фабрикантами и отстаивавшей интересы промышленной буржуазии, ставили своей целью снижение цен на хлеб на внутреннем рынке, а тем самым и снижение заработной платы наемных рабочих; в своей демагогической пропаганде они уверяли, будто с установлением свободы торговли повысится заработная плата и рабочие будут иметь каравай хлеба в два раза больше прежнего («big loaf»). Действительность показала всю лживость этих обещаний. Окрепший в результате отмены хлебных законов (1846 г.) промышленный капитал Англии усилил свое наступление на жизненные интересы рабочего класса. — 221.

⁸ *Генеральный регистратор* — так назывался в Англии чиновник, возглавляющий Центральное бюро регистрации актов гражданского состояния. Помимо своих обычных функций бюро раз в 10 лет проводило перепись населения. — 224.

⁹ *Ист-Энд* (East End) — восточная часть Лондона, включающая кварталы, населенные бедной. — 226.

¹⁰ Имеются в виду российские марксисты (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 193). — 227.

¹¹ *Шекспир В.* Венецианский купец, акт IV, сцена первая. — 243.

¹² «*Ne sutor ultra crepidam!*» («Сапожник, знай свои колодки!») — слова, сказанные выдающимся древнегреческим художником Апеллесом в ответ на критику его картины сапожником, который совершенно не разбирался в живописи и в состоянии был подметить лишь отдельные недочеты в изображении обуви. — 244.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 373. — 245.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 433. — 245.

¹⁵ *Ure A. The philosophy of manufactures. London, 1835. — 247.*

¹⁶ *Steuart J. An inquiry into the principles of political oeconomy. Dublin, 1770, vol. 1, p. 396.* Это место приводится Марксом в его экономической рукописи 1857—1858 гг. (см.: *Маркс К. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Moskau: 1939, S. 666*). Ср. также: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 19; т. 25, ч. II, с. 348*). — 252.

¹⁷ «*Nominibus mollire licet mala*» («зло подобает прикрашивать словами») — слова из сочинения Овидия «Наука любви», книга вторая, стих 657. — 257.

¹⁸ Речь идет об усилении после кризиса 1866 г. пауперизма в Лондоне и особенно в его восточной части — Ист-Энде. — 262.

¹⁹ Энгельс цитирует здесь I том «Капитала» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 445, 498*). — 263.

²⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 473*. — 263.

²¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 660*. — 263.

²² Reports of the inspectors of factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, for the half year ending 31st October 1856. London, 1857 (Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества за полугодие, истекшее 31 октября 1856 г. Лондон, 1857). — 269.

²³ *Суд справедливости* или *Канцлерский суд* — один из высших судов Англии; после судебной реформы 1873 г. — отделение Высокого суда, возглавлявшегося лордом-канцлером; в компетенцию этого суда входили дела, касающиеся наследства, договорных обязательств акционерных обществ и др.; в ряде случаев компетенция суда справедливости переплеталась с компетенцией других высших судов. — 269.

²⁴ При бомбардировке англичанами Кантона в октябре 1856 г. потери британского флота составили всего 3 человека. — 269.

²⁵ *Ricardo D. On the Principles of political economy, and taxation. (Рикардо Д. О началах политической экономии и налогового обложения).* Первое издание вышло в Лондоне в 1817 г. — 274.

²⁶ *J.-C.-L. Simonde de Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Paris, 1819. Т. 1—2. (Ж. Ш. Л. Симонд де Сисмонди. Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению. Париж, 1819. Т. 1—2).* — 274.

²⁷ Имеется в виду диалог Платона «Государство», в котором описывается идеальное государство, основанное на разделении труда; из этого государства поэты, по мнению Платона, должны быть изгнаны, поскольку они неспособны приносить пользу. — 275.

²⁸ См. примеч. 47 к Разделу VI. — 277.

²⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 481—491*. — 277.

³⁰ Имеется в виду японо-китайская война 1894—1895 гг., развязанная Японией в целях утверждения своего контроля над Кореей и проникновения в Китай. — 278.

³¹ Имеются в виду идеологи позднего народничества, пытавшиеся игнорировать развитие капитализма в России. — 278.

³² Энгельс цитирует здесь I том «Капитала» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 445, 498*). — 286.

³³ См. примеч. 63 к Разделу VI. — 287.

³⁴ Исключительный закон против социалистов был введен правительством Бисмарка при поддержке большинства рейхстага 21 октября 1878 г. в целях борьбы против социалистического и рабочего движения. Этот закон поставил социал-демократическую партию Германии в нелегальное положение; были запрещены все организации партии, массовые рабочие организации, социалистическая и рабочая печать; социал-демократы подвергались репрессиям. Однако социал-демократической партии Германии при активной помощи Маркса и Энгельса удалось, сочетая нелегальную работу с использованием легальных возможностей, значительно укрепить и расширить свое влияние в массах. Под давлением усилившегося рабочего движения исключительный закон был отменен 1 октября 1890 г. — 291.

РАЗДЕЛ IX

¹ Речь идет о Парижской Коммуне — революционном правительстве рабочего класса, созданном рабочими Парижа в марте 1871 г. — 303.

² См. примеч. 1. — 303.

³ Маркс имеет в виду отклонение Учредительным собранием 22 августа 1848 г. законопроекта о «полюбовных соглашениях» («*concordats à l'amiable*»), в котором предусматривалась отсрочка

платежей для должников, доказавших, что они стали банкротами вследствие вызванного революцией застоя в делах. Вследствие этого значительная часть мелкой буржуазии совершенно разорилась и оказалась во власти кредиторов из крупной буржуазии. — 303.

⁴ План электрификации всей России — первый научный перспективный план восстановления и развития народного хозяйства Советской республики, составленный по заданию В. И. Ленина Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО) в 1920 г. — 307.

⁵ В. И. Ленин цитирует эпиграмму В. Л. Пушкина (см.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959, с. 288). — 314.

⁶ Имеется в виду книга К. А. Тимирязева «Наука и демократия. Сборник статей 1904—1919 гг.» (М., 1920).

На IX стр. книги имеется дарственная надпись автора: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности». Книга Тимирязева экспонируется в музее «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». — 322.

⁷ В. И. Ленин имеет в виду статью И. И. Скворцова-Степанова «Что такое спец и как его делают», напечатанную 28 октября 1922 г. в газете «Правда». — 326.

⁸ Вопрос об учреждении Социалистической академии общественных наук обсуждался Советом Народных Комиссаров 25 мая 1918 г. Проект Положения об Академии, представленный Народным комиссариатом просвещения, не удовлетворил В. И. Ленина, и он, по-видимому во время заседания, написал публикуемые предложения, которые были приняты Совнаркомом.

7 июня правительство рассмотрело переработанное на основе ленинских указаний Положение о Социалистической академии. Одобрив его в принципе, Совнарком образовал комиссию для детальной разработки устава Академии, предложив ей руководствоваться в работе директивами Ленина. В окончательном виде устав был утвержден Совнаркомом 15 июня. Декрет ВЦИК (Положение) о Социалистической академии общественных наук был опубликован 12 июля 1918 г. в газете «Известия ВЦИК» № 145 (см.: Декреты Советской власти, т. 2, 1959, т. 2, с. 468—479). Торжественное открытие Академии состоялось 1 октября 1918 г.

Научные задачи Академии состояли в «исследовании и разработке вопросов истории, теории и практики социализма»; учебные — в «подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства». Первоначально деятельность Академии была почти исключительно учебно-просветительной и состояла в организации лекций по общественным наукам.

В конце 1923 г. Социалистическая академия была переименована в Коммунистическую. С ноября 1926 г. после утверждения ЦИК СССР нового устава Академии, в ней развернулась научно-исследовательская работа сначала по наукам общественным, а потом и естественноисторическим. В состав Академии входил ряд научных институтов: философии, истории, литературы, искусства и языка, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания, а также ряд секций и комиссий по специальным проблемам. При ней функционировал ряд обществ: общество воинствующих материалистов-диалектиков, общество марксистов-государственников, марксистов-марксистов и др.

После реорганизации Коммунистической академии в 1932 г. ее работа сосредоточилась главным образом на разработке небольшого числа узловых проблем социалистического строительства и мирового хозяйства. В состав Академии входило около 100 действительных членов и ряд членов-корреспондентов. С 1922 г. издавался периодический орган — «Вестник Социалистической Академии», с 1924 по 1935 г. — «Вестник Коммунистической Академии».

В феврале 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение: «в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки» ликвидировать Коммунистическую академию, а ее институты и основных работников передать в Академию наук СССР. — 327.

⁹ Списки действительных членов Социалистической академии общественных наук и преподавателей, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, были опубликованы 9 августа 1918 г. в газете «Известия ВЦИК» № 169. — 327.

¹⁰ II Всероссийский съезд учителей-интернационалистов состоялся 12—19 января 1919 г. в Москве. Союз учителей-интернационалистов возник вскоре после образования Народного комиссариата по просвещению и оказывал большую помощь в его работе. Это объединение сыграло значительную роль в борьбе против старого Всероссийского учительского союза (распущен в декабре 1918 г.), руководство которого, состоявшее из эсеров и кадетов, занимало контрреволюционную, враждебную Советской власти позицию. Союз учителей-интернационалистов объединял ту группу учителей, которая вела пропаганду идей социализма и активно выступала против отсталой части учительства, считавшей, что школа должна стоять вне политики и быть отделенной от государства.

В принятой съездом резолюции было признано необходимым организовать Всероссийский союз работников просвещения и социалистической культуры. Съезд заслушал несколько докладов о единой трудовой школе и разработал ряд мероприятий по улучшению культурно-просветительной работы в Красной Армии. — 328.

¹¹ В отчете о выступлении А. В. Луначарского на съезде Пролеткульта 7 октября 1920 г. говорилось: «Тов. Луначарский указал, что за Пролеткультом должно быть обеспечено особое положение, полнейшая автономия. . .» («Известия ВЦИК» № 224, 8 октября 1920 г.).

Сам Луначарский об этом эпизоде в своих воспоминаниях рассказывал: «Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта в октябре 1920 г. поручил мне поехать туда и определенно указал, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его и к партии. Речь, которую я сказал на съезде, я средактировал довольно уклончиво и примирительно, Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес» (В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1960, с. 667). — 330.

¹² Проект резолюции «О пролетарской культуре» был написан В. И. Лениным в связи с I Всероссийским съездом Пролеткульта, который проходил в Москве с 5 по 12 октября 1920 г. Проект обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 9 и 11 октября 1920 г. Коммунистической фракции I съезда Пролеткульта было предложено принять организационную резолюцию о подчинении пролеткультов в центре и на местах органам Наркомпроса. Эта резолюция, составленная в духе прямых указаний Ленина, была единогласно принята съездом Пролеткульта. Однако после съезда некоторые пролеткультовские руководители стали высказывать несогласие с принятой резолюцией и пытались в искаженном виде изложить перед рядовыми пролеткультовцами ее смысл, представить дело так, будто бы ЦК РКП(б) ограничивает самостоятельность рабочих в области художественного творчества и хочет ликвидировать организации Пролеткульта. Отповедь всем этим лживым, демагогическим заявлениям была дана в письме ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» (опубликовано в газете «Правда» № 270, 1 декабря 1920 г.), где подробно разбирались пролеткультовские ошибки. — 330.

¹³ Декрет СНК «О Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвете)», разработанный на основе указаний В. И. Ленина (см.: Полн. собр. соч., т. 41, с. 397), был подписан Лениным 12 ноября 1920 г. и опубликован в газете «Известия ВЦИК» № 263 от 23 ноября 1920 г. — 331.

¹⁴ Имеется в виду проект положения о Народном комиссариате просвещения, написанный В. И. Соловьевым, и проект тезисов о реорганизации Наркомпроса, составленный Е. А. Литкенсом. — 336.

¹⁵ Проект постановления о реорганизации Наркомпроса, предложенный В. И. Лениным с добавлением второго пункта, был принят пленумом ЦК РКП(б) 8 декабря 1920 г.

Второй пункт гласит: «Руководство работой Наркомпроса в области организационной и административно-распорядительной в широком всероссийском масштабе, равно как и внутри самого аппарата Наркомпроса, осуществляется народным комиссаром только через помощника».

Вопрос о перестройке работы Наркомпроса был поставлен Лениным в ноябре 1920 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 42, с. 376). Необходимость его реорганизации была вызвана тем, что работа и структура Наркомпроса не отвечали новым задачам в области народного образования, возникшим в связи с переходом страны к мирному социалистическому строительству. — 337.

¹⁶ 18 апреля 1921 г. Совнарком по предложению Малого СНК утвердил постановление «Об обеспечении рабочих факультетов общежитиями» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 315). — 339.

¹⁷ Академический центр, или центр общего теоретического и программного руководства, — один из органов Наркомпроса. На основании «Положения о Народном комиссариате по просвещению», утвержденного Совнаркомом 11 февраля 1921 г., Академический центр состоял из научной секции (Государственный ученый совет) с тремя подсекциями — научно-политической, научно-технической, научно-педагогической — и художественной секции (Главный художественный комитет) с пятью подсекциями — литературной, театральной, музыкальной, изобразительных искусств, кинематографической. Кроме этого, в Академический центр входили Главархив и Главмузей. — 339.

¹⁸ В Постановлении Совета Народных Комиссаров «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР», содержался следующий перечень предметов:

- а) По общественным наукам.
  - 1) Развитие общественных форм.
  - 2) Исторический материализм.
  - 3) Пролетарская революция (исторические предпосылки переворота, включая империализм, его формы и история в связи с историей XIX—XX вв. вообще и рабочего движения в частности).
  - 4) Политический строй РСФСР.
  - 5) Организация производства и распределения в РСФСР.
  - 6) План электрификации РСФСР, его экономические основы, экономическая география России, значение и условия осуществления плана.
- б) По естественным наукам.
  - 1) Физика и космическая физика, включая геофизику.
  - 2) Химия.
  - 3) Биология.

Постановление было опубликовано 12 марта 1920 г. в «Известиях ВЦИК». — 339.

¹⁹ Книга М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II (От древнейших времен до второй половины 19 столетия)» была издана Государственным издательством в декабре 1920 г. — 340.

²⁰ В соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров о высших технических учебных заведениях при кафедрах учреждались исследовательские институты и при них особые исследовательские курсы для инженеров, обнаруживших склонность к самостоятельной научной работе. Постановление было опубликовано 9 июля 1920 г. в «Известиях ВЦИК». — 341.

²¹ См. письмо К. Маркса М. М. Ковалевскому от 9 января 1877 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 185. — 341.

²² С. И. Ботин работал над проблемой взрыва на расстоянии с помощью электромагнитных волн. — 342.

²³ Записка написана на письме профессора С. П. Костычева, адресованном А. М. Горькому, в котором сообщалось о работах лаборатории физиологии растений Петроградского университета, представлявших большой научный и практический интерес. В письме приводился список самых насущных предметов и материалов, из-за недостатка которых сильно тормозилась работа лаборатории. 22 апреля 1920 г. А. М. Горький передал это письмо В. И. Ленину с просьбой предоставить необходимые материалы профессору Костычеву для экспериментальной работы.

В конце записки В. И. Ленина имеется приписка народного комиссара здравоохранения: «Вполне присоединяю к этому предложению т. Ленина и с своей стороны прошу оказывать всяческое содействие т. Горькому. Н. Семашко». — 343.

²⁴ Говоря о «спеце», В. И. Ленин имеет в виду А. М. Николаева, члена коллегии Наркомпочтеля в 1918—1924 гг. и председателя Радиосовета. Летом 1920 г. тов. Николаев по заданию В. И. Ленина был прикомандирован к С. И. Ботину в качестве «спеца» и поверенного по всем секретам изобретателя. — 343.

²⁵ Речь идет о научно-технических работах по взрыву пороха на расстоянии, проводимых С. И. Ботиным в 1920—1921 гг. В октябре 1921 г. комиссия специалистов дала отрицательный отзыв о проводимых испытаниях и предложила прекратить дальнейшую постановку опытов ввиду их неподготовленности. По этому вопросу см. также: Полн. собр. соч., т. 51, документы 373, 400, 415, 477, 532, 545, 578. — 347.

²⁶ Речь идет о статье «Замечательное открытие». В ней сообщалось о том, что харьковский инженер-электрик И. А. Чейко открыл «новые лучи», излучаемые магнитным полем, тепловой эффект которых позволял взрываться на расстоянии без проводов мины, артиллерийские склады и т. п. Эти лучи, по словам автора статьи, могут быть использованы также в горной и химической промышленности, геодезии, медицине и др. — 348.

²⁷ В. И. Ленин имеет в виду нижегородскую радиолaborаторию, которой руководил М. А. Бонч-Бруевич. — 348.

²⁸ 27 ноября 1921 г. Г. М. Кржижановский ответил В. И. Ленину следующее: «Путь нижегородской лаборатории или отзывы московского Лазарева (в Питере — Иоффе), на мой взгляд, правилен. Нижегородцы к нам ближе, и я бы тоже предпочел их». — 348.

²⁹ Политбюро ЦК РКП(б) 23 февраля 1922 г. утвердило предложение В. И. Ленина, а 30 марта приняло постановление о дополнительном ассигновании на командировку Л. К. Рамзина. — 349.

³⁰ Сообщив В. И. Ленину в тот же день, что «радиотелефон профессора Бонч-Бруевича будет принят в эксплуатацию в Москве в начале июня», В. С. Довгалецкий писал, что считает «желательным и справедливым отметить работу Нижегородской лаборатории и профессоров Бонч-Бруевича и Вологодина.

19 сентября 1922 г. Секретариат ВЦИК постановил: «Наградить орденом Трудового Красного Знамени Нижегородскую радиолaborаторию и, особо отмечая заслуги проф. Вологодина, Бонч-Бруевича и старшего механика Шорина, выразить им благодарность от имени ВЦИК». — 350.

³¹ На следующий день, 12 мая 1922 г. народный комиссар почт и телеграфов В. С. Довгалецкий подробно изложил обстоятельства перемещения А. М. Николаева с должности начальника технического управления и охарактеризовал деловые качества К. В. Трофимова, назначенного на эту должность. На Николаева, сообщил Довгалецкий, возложено руководство общим управлением, в функции которого входят финансы и организационные вопросы. — 350.

³² «Брянские правила» — «Временные правила внутреннего распорядка», разработанные заводским комитетом и рабочей дирекцией национализированного Брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода в Бежице (ныне завод «Красный Профинтерн»). Они были изданы 9 мая 1918 г. в виде приказа за подписью фабрично-заводского комитета и директора завода. Правила были составлены на основе Положения о трудовой дисциплине, принятого Всероссийским центральным советом профессиональных союзов 3 апреля 1918 г. Они определяли твердый распорядок на заводе и вели к укреплению единоначалия в управлении производством. Правила предусматривали строгий учет производительности труда, ответственность рабочих за брак; рабочим и служащим заработная плата полагалась только за выполненную работу; запрещались митинги и собрания в рабочее время; рабочие и служащие, нарушавшие трудовую дисциплину, подвергались серьезным взысканиям вплоть до увольнения. В результате проведения этих правил, повышения трудовой дисциплины и ряда других мероприятий завод быстро достиг довоенной производительности. — 355.

³³ *«Бюллетени Государственной Комиссии по Электрификации России»* издавались государственным техническим издательством научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства в Москве с апреля по август 1920 г.; всего вышло 5 номеров. — 360.

³⁴ В. И. Ленин приводит выдержки из резолюции об электрификации, принятой VIII Всероссийским съездом Советов 29 декабря 1920 г. — 361.

³⁵ *«Экономическая Жизнь»* — ежедневная газета: издавалась с ноября 1918 г. по ноябрь 1937 г. в Москве; вначале была органом ВСНХ и других хозяйственных наркоматов, с июля 1921 г. — органом Совета Труда и Обороны, Госплана, Госбанка и Наркомфина.

В 1928 г., в связи с десятилетием газеты, ЦК РКП(б) отметил, что «Экономическая Жизнь» сумела стать руководящей экономической газетой, твердо отстаивающей принципиальные позиции ленинизма и глубоко освещающей практику хозяйственного строительства. С 16 ноября 1937 г. «Экономическая Жизнь» была преобразована в «Финансовую Газету», издание которой было прекращено в июне 1941 г. — 364.

³⁶ СТО — Совет Труда и Обороны; с декабря 1920 г. — постоянная комиссия Совнаркома; существовал до 1937 г. СТО был преобразован в апреле 1920 г. из Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, созданного постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 г. в целях мобилизации сил и средств для обороны страны. Совет Обороны и Совет Труда и Обороны возглавлял В. И. Ленин. — 365.

³⁷ Речь идет о письме Р. Э. Классона В. И. Ленину от 31 августа 1921 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 145—147). — 366.

³⁸ *Областные экосы* — Областные экономические совещания (или советы) — местные органы Совета Труда и Обороны, созданные в начале 1921 г. в соответствии с постановлением VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920) «О местных органах экономического управления».

Согласно «Временному положению об областных хозяйственных органах», утвержденному СТО и подписанному В. И. Лениным (см.: «Известия ВЦИК» № 68, 30 марта 1921 г.), облэкосы учреждались с целью координирования и усиления деятельности всех местных хозяйственных органов и губернских экономических совещаний. Главными задачами областных экосы являлись наблюдение за своевременным и точным исполнением постановлений по экономическим вопросам всех высших органов, рассмотрение и согласование хозяйственных планов областей, контроль за их осуществлением, наблюдение за правильным использованием материальных ресурсов, развитием местной инициативы. В состав облэкосы входили местные представители ВСНХ, наркоматов путей сообщения, продовольствия, земледелия, труда, финансов, Рабоче-Крестьянской инспекции (с совещательным голосом) и ВЦСПС. Председатели облэкосы назначались СТО.

Ленин придавал большое значение экономическим совещаниям, привлекал к контролю за их работой и анализу их материалов различные советские учреждения, указывал, что отчеты экосы должны внимательно изучаться, предлагал знакомить с этими отчетами большие группы коммунистов, публиковать отзывы о работе экосы в печати (см.: Полн. собр. соч., т. 45, с. 155). Расширение деятельности местных экосы Ленин рассматривал как одно из важных средств правильной организации работы центральных органов, сокращения их аппарата, повышения ответственности работников, развития хозяйственной инициативы местных органов управления и широких масс трудящихся.

В резолюции «По докладу Центрального Комитета» XI съезд партии подчеркнул, что «дальнейшая работа хозяйственного строительства в общегосударственном масштабе может опираться лишь на накапливаемый местами опыт» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1954, ч. 1, с. 601). — 368.

³⁹ Ленин имеет в виду статью Г. М. Кржижановского «Задача электрификации промышленности», напечатанную в сокращенном виде в «Правде» № 20 от 30 января 1920 г. — 371.

⁴⁰ Г. М. Кржижановским была написана брошюра «Основные задачи электрификации России». Брошюра была издана в феврале 1920 г. — 371.

⁴¹ Речь идет о программе работ Государственной комиссии по электрификации России и объяснительной записке к ней, принятых на заседании ГОЭЛРО 13 марта 1920 г. Г. М. Кржижановский вспоминал, что В. И. Ленин в беседах с ним настаивал «на таком ведении дела, при котором надлежащим образом пропагандировалась бы самая идея электрификации» и что «первый набросок заявления о работе ГОЭЛРО не встретил в нем одобрения» («Экономическая Жизнь» № 18 от 22 января 1925 г.). — 373.

⁴² Впоследствии Г. М. Кржижановский писал, что В. И. Ленин словами «в порядке первого приближения» подтрунивал над его привычкой ради осторожности постоянно так оговаривать сообщаемые им подсчеты или наметки (см.: В. И. Ленин во главе великого строительства: Сборник воспоминаний о деятельности В. И. Ленина на хозяйственном фронте. М., 1960, с. 45). — 373.

⁴³ В. И. Ленин имеет в виду VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся 22—29 декабря 1920 г., на котором Г. М. Кржижановский сделал доклад о плане электрификации России. Проект резолюции по докладу об электрификации был написан Лениным (см.: Полн. собр. соч., т. 42, с. 196—197). — 377.

⁴⁴ Ленин имеет в виду план электрификации РСФСР, разработанный Государственной комиссией по электрификации России. Этот коллективный научный труд виднейших ученых и специалистов являлся первым государственным единым перспективным планом создания материальной

основы социализма на базе электрификации. Изданный отдельной книгой к VIII Всероссийскому съезду Советов, он был одобрен съездом. — 378.

⁴⁵ VIII Всероссийский электротехнический съезд происходил в Москве 1—9 октября 1921 г. Съезд был создан по инициативе В. И. Ленина во исполнение резолюции VIII съезда Советов по специальному постановлению СНК от 8 февраля 1921 г. «в целях всестороннего обсуждения технико-экономических вопросов, связанных с осуществлением плана электрификации России, а также привлечения широких народных масс к активному участию в деле электрификации народного хозяйства». В работе съезда приняли участие 893 делегата из 102 городов России и 475 гостей; среди них — крупнейшие ученые страны, хозяйственники и специалисты, многочисленные представители рабочих электротехнических предприятий.

Ленин был избран почетным председателем съезда. В заявлении, встреченном аплодисментами, говорилось: «Ввиду тех неопенимых услуг, которые оказаны председателем Совнаркома В. И. Лениным-Ульяновым, и ввиду той особой горячей поддержки, которую имела Государственная комиссия по электрификации и все работы электротехники, предлагаем этого уважаемого великого борца всемирной революции избрать почетным председателем съезда».

Съезд в пленарных заседаниях и комиссиях заслушал большое количество докладов, в том числе доклады Г. М. Кржижановского о работе ГОЭЛРО; А. Ф. Иоффе — о строении материи; М. В. Шулейкина о развитии радиотелеграфии и радиотелефонии; Л. К. Рамзина — о топливном снабжении России; Г. О. Графтио — об электрификации транспорта и другие. Съезд принял резолюции по общему плану электрификации РСФСР; по электрификации различных районов страны (Юга, Северо-Западного района, Сибири, Урала, Туркестана, Юго-Востока); о снабжении деревни электрической энергией; о задачах русской металлопромышленности; о поднятии нефтяной промышленности в связи с электрификацией последней; о пропаганде электротехнических знаний и другие. Рекомендации электротехнического съезда были учтены при конкретизации плана ГОЭЛРО и в ходе практического его осуществления. — 378.

⁴⁶ Электроэнергетика дореволюционной России базировалась на мелких ТЭС. Энергия рек практически не использовалась. В 1913 г. выработка электроэнергии составила 2 млрд. квт · ч. Развитию электроэнергетики придавалось огромное значение на всех этапах социалистического строительства. Советская энергетика базируется в основном на ТЭС (включая АЭС), удельный вес которых в 1975 г. в производстве электроэнергии составил 88 %. Более 50 % электроэнергии дают электростанции мощностью от 1 ГВт.

Для советской энергетики характерна высокая степень централизации производства электроэнергии в энергосистемах; электростанции общего пользования и блок-станции дают 97 % всей электроэнергии в стране. Благодаря широкому строительству линий электропередачи (ЛЭП) стало возможным создание Единой электроэнергетической системы Европейской части СССР и формирование Единой электроэнергетической системы (ЕЭЭС) СССР. — 379.

⁴⁷ В упоминаемой статье Н. Н. Вашков дал краткий обзор того, что сделано в области электрификации, привел таблицу роста новых городских и сельских электростанций за 1917—1921 гг. В статье также говорилось о начатых на местах работах по исследованию энергетических ресурсов и потребностей в электрификации. — 379.

⁴⁸ Речь идет о VIII Всероссийском электротехническом съезде, который созывался по инициативе В. И. Ленина во исполнение резолюции VIII съезда Советов, в целях всестороннего обсуждения технико-экономических вопросов, связанных с осуществлением плана ГОЭЛРО. Перед съездом всем губисполкомом для электроотделов была послана телеграмма о присылке с делегатами сведений о всех существующих электрических станциях. — 380.

⁴⁹ В связи с этим поручением Н. П. Горбунов написал в электроотдел ВСНХ В. Л. Леви письмо, а затем послал ему следующую телефонограмму: «Прошу сообщить, в каком положении находится дело по сбору статистических сведений у членов электротехнического съезда согласно телеграмме Предсовнаркома № 0981 и письму управделами СНК № 1011/л от 1 октября» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). — 380.

⁵⁰ См. примеч. 45. — 381.

⁵¹ Документ написан в связи с докладной запиской Председателя Иваново-Вознесенского губисполкома Н. Н. Колотилова, в которой говорилось о бесхозяйственности, о том, что на строительстве имеется несколько контор, много служащих и мало рабочих.

В тот же день по поручению В. И. Ленина Н. П. Горбунов беседовал с Н. Н. Колотилковым. 20 октября 1921 г. Управление электротехнических сооружений направило письмо с подробными ответами на заданные В. И. Лениным вопросы. — 381.

⁵² В ответном письме из Госплана от 15 декабря 1921 г. сообщалось, что президиум Госплана заслушал представителя Иваново-Вознесенского губисполкома о положении дел со строительством Иваново-Вознесенской районной электрической станции. В заключении Госплана отмечалось, что достаточных данных для суждения о срочности сооружения станции нет и что работа ее не обеспечена добычей торфа на Тейковском болоте, где запланировано строительство станции. Ввиду этого Госплан предложил Центральному управлению торфяной промышленности (Цуторфу) принять срочные меры усиления добычи торфа, а Иваново-Вознесенскому экономсовещанию — для уточнения срока введения в строй электростанции разработать схему развития и реконструкции

промышленности и других отраслей хозяйства с точки зрения потребности в электроэнергии и топливе.

Строительство Иваново-Вознесенской электростанции началось в 1926 г. — 382.

⁵³ Имеется в виду IX Всероссийский съезд Советов. — 382.

⁵⁴ Открытие первой очереди Государственной Шатурской районной электростанции, строительство которой было начато в 1918 г., состоялось 25 июля 1920 г. (мощность первой очереди 5000 киловатт). Полностью строительство электростанции было завершено в 1925 г.; электростанции было присвоено имя В. И. Ленина.

Строительство Каширской электростанции началось в феврале 1919 г., и по плану его предполагалось закончить к концу 1921 г., до открытия IX Всероссийского съезда Советов. Ленин придавал большое значение строительству Каширской электростанции, которая должна была дать электроэнергию для крупнейших фабрик и заводов Москвы и являлась одним из первых строительных по осуществлению плана электрификации страны. Он с величайшим вниманием следил за ходом строительства, непосредственно участвовал в решении всех вопросов, проверял, как идет снабжение строительства необходимыми материалами, рабочей силой, топливом, оборудованием (см.: Ленинский сборник XX, М., 1932, с. 211—215; XXIII, М., 1933, с. 14—29).

Государственная Каширская районная электростанция первой очереди (12 000 киловатт) была пущена в ход 4 июня 1922 г. — 382.

⁵⁵ *Уткина Заводь под Питером* — электростанция «Красный Октябрь»; первая ее очередь мощностью в 10 000 киловатт была введена в эксплуатацию 8 октября 1922 г. — 382.

⁵⁶ Вопрос о топливе обсуждался на заседании Совета Народных Комиссаров 24 мая 1918 г.; докладчиком от отдела топлива ВСНХ был Н. И. Соловьев и от Москвотопы — С. С. Диканский. — 383.

⁵⁷ Имеется в виду «Положение о коллегии по организации и эксплуатации пробного завода для извлечения радия», принятое ВСНХ и опубликованное 16 августа 1918 г. в «Известиях ВЦИК». — 383.

⁵⁸ Статья Г. М. Кржижановского была опубликована в газете «Правда» № 5 от 10 января 1920 г. под заголовком «Торф и кризис топлива». — 383.

⁵⁹ 30 октября 1920 г. Совет Народных Комиссаров по докладу В. И. Ленина и В. П. Милютина принял постановление «О гидравлическом способе добычи торфа». Работы по гидроторфу, где бы они ни производились, признавались особо срочными, имеющими чрезвычайно важное государственное значение. Президиуму ВСНХ поручалось организовать при Главторфе Управление по делам гидроторфа (Гидроторф), ответственным руководителем которого назначался Р. Э. Классон. Утверждались конкретные меры к развитию работ по гидроторфу (см.: Исторический Архив, 1956, № 1, с. 12). — 385.

⁶⁰ Настоящее письмо написано в связи с тем, что Л. Б. Красин 19 февраля 1921 г. представил В. И. Ленину доклад «Концессии на разработку нефти в Баку и Грозном и отношение к этому вопросу Главкопнефти». До этого, 8 февраля 1921 г., Красин подал докладную записку в ЦК РКП(б) «Об опасности утраты нефтеносных площадей и о концессиях в Баку и Грозном». Еще до 12 февраля Ленин просмотрел и сделал много пометок и подчеркиваний на поданных ему материалах специалистов-нефтяников (докладная записка И. М. Губкина «О положении дела в нефтеносных районах Республики» от 9 февраля, меморандум А. И. Цевчинского по вопросу «Об обводнении месторождения нефти в Бакинском районе» от 9 февраля, докладная записка З. Н. Доссера от 10 февраля, докладная записка И. Н. Стрижова «К вопросу о затоплении нефтяных месторождений» от 9 февраля, записка Н. Н. Смирнова «Бакинские промысловые районы» от 9 февраля, а также брошюра «Положение нефтяной промышленности Бакинского района к концу 1920 г. Доклад уполномоченного Совета Труда и Рабоче-Крестьянской Обороны по добыче и вывозу нефти»), результатом чего явилось его «Письмо о нефтяных концессиях» от 12 февраля 1921 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 42, с. 334—336).

Утром 23 февраля Ленин снова просматривал все эти материалы, после чего написал настоящее письмо. — 386.

⁶¹ Письмо горнякам Петровского куста написано В. И. Лениным во время приема И. И. Межлаука, бывшего в то время директором Петровского металлургического комбината. Межлаук ознакомил Ленина с сравнительными данными добычи угля за апрель 1914 и апрель 1921 г. Письмо В. И. Ленина было зачитано на собрании рабочих комбината. Оно вызвало горячий трудовой подъем горняков Донбасса. — 387.

⁶² Имеется в виду брошюра «Положение нефтяной промышленности Бакинского района к концу 1920 г. Доклад уполномоченного Совета труда и рабоче-крестьянской обороны по добыче и вывозу нефти». Баку, Азербайджанпечать, 1920 (Азнефтеком). Пометки и подчеркивания В. И. Ленина на этой брошюре см.: Ленинский сборник XX, М., 1932, с. 137—142. — 387.

⁶³ В письме от 5 июня 1921 г. И. М. Губкин сообщил В. И. Ленину, что заметка «О замене металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин» представляет перепечатку (почти полностью) статьи из американского журнала «Engineering and Mining Journal» («Инженерное и Горное Дело») № 13 от 27 марта 1920 г., содержавшей лишь предложение автора без указаний на практическое его применение. — 387.

⁶⁴ См. примеч. 59. — 387.

⁶⁵ 7 сентября 1921 г. состоялось совещание комиссии из представителей Госплана, Главторфа и Гидроторфа под председательством Л. Б. Красина, которое обсудило сообщение о новом способе добычи торфа и приняло ряд мер по обеспечению этой работы. Ознакомившись 11 сентября 1921 г. с материалами комиссии, Ленин поручил Н. П. Горбунову установить систематический надзор за исполнением принятых решений. — 388.

⁶⁶ В статье председателя Главсоли М. И. Лациса «Золотое дно» говорилось о значении Кара-Богаза, могущего дать глауберову соль как важнейшую статью нашего экспорта. Для этого, по его расчетам, требовалось 1,5 млрд. рублей капиталовложений, которые быстро окупались бы. — 388.

⁶⁷ Настоящее письмо, а также ряд других документов, посвящены вопросу об исследовании Курской магнитной аномалии (КМА).

Разведка Курской магнитной аномалии началась еще до Октябрьской революции, но широкой исследовательской работы тогда не велось. Разведочные работы в районе КМА начались в 1919 г.

24 августа 1920 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «О разведывании района Курской магнитной аномалии»; признав «все работы, связанные с разведкой Курских магнитных аномалий, имеющими особо важное государственное значение», СТО обязал советские, гражданские и военные власти оказывать содействие этим работам. Более широко работы по исследованию Курской магнитной аномалии развернулись после окончания гражданской войны.

В. И. Ленин проявлял огромный интерес к этим работам. О его внимании к исследованию КМА и помощи в этом деле говорят как публикуемые документы, так и воспоминания современников — И. М. Губкина, В. Н. Розанова и др. (см.: Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, ч. 2, с. 357—379, 402—404).

В апреле 1923 г. в районе КМА были получены первые керны железорудных кварцитов. Особая комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. за геологоразведочные работы в области КМА ей присудили высшую государственную награду. После многолетних работ в начале 30-х годов были открыты месторождения богатых руд КМА — Лебединское и Южно-Коробовское. В полном объеме разработка этого крупнейшего месторождения железной руды развернулась в 60-х годах.

В начале 80-х годов границы КМА перешагнули Курскую и Белгородскую области. Они простираются на 850 км в длину и почти на 250 км в ширину — от Смоленска до Ростова-на-Дону, включая часть Брянской, Орловской, Воронежской, Харьковской и других областей. — 389.

⁶⁸ По поводу этой поездки Л. К. Мартенс писал позднее в своих воспоминаниях о В. И. Ленине: «Владимир Ильич очень заинтересовался Курской магнитной аномалией, так как видел в ней огромные возможности для поднятия нашей металлопромышленности. В начале 1922 г. он поручил мне поехать в Курск и постараться выяснить, что собой представляет эта аномалия и каково ее значение. . . Владимир Ильич, которому были известны споры по этому вопросу, хотел получить возможно более полную информацию о Курской магнитной аномалии» (Воспоминания о В. И. Ленине, М., 1961, ч. 3, с. 345—346). — 390.

⁶⁹ Настоящая телеграмма была послана Петроградскому совету народного хозяйства, заводоуправлениям и заводам петроградских заводов — Балтийского, Металлического, Обуховского, «Сименс-Шукерт», «Дюмо», Северного кабельного и Арсенала, а также электроотделу ВСНХ, отделу металла ВСНХ, московским заводам «Динамо», «Изолятор» и Кольчугинскому заводу. — 391.

⁷⁰ В. И. Ленин каждые две недели получал подробные сведения о ходе работ по изготовлению гусеничного торфяного крана на Сормовском заводе. 24 июня 1921 г. Ленину сообщили, что сборка крана заканчивается и испытания будут проведены во второй половине июля. — 392.

⁷¹ Поздравление Ленина явилось ответом на письмо, в котором рабочие 1-го Государственного автомобильного завода сообщали Ленину о выпуске автомобильных двигателей и приглашали его принять участие в заводском празднестве, назначенном на 7 апреля 1921 г.

Поздравление было написано на письме, присланном заводком. Заботясь о своевременном получении рабочими ответа, Ленин дал указание послать его телеграммой. Над текстом телеграммы им была сделана пометка: «Передать в 12 часов». — 392.

⁷² Речь идет о письме Л. М. Михайлова (см. текст письма с пометками В. И. Ленина в Ленинском сборнике XXIII. М., 1933, с. 110—111). — 392.

⁷³ Вопрос о производстве автопługов системы Фаулера неоднократно рассматривался Советом Труда и Оборона. Коллегия отдела металла ВСНХ, которой в мае 1920 г. было поручено производство этих пługов, составила производственный план без предварительного учета имевшихся ресурсов металла и топлива. Однако чрезвычайная тройка во главе с инженером М. И. Унковым, созданная для объединения всего производства пługов, ограничилась писанием докладов и перепиской с ведомствами, не осведомила СТО и СНК о действительном положении с производством пługов. Дело о волоките было передано на рассмотрение Московского военного трибунала, который в начале января 1922 г. признал доказанными предъявленные ряду работников ВСНХ и Наркомзема обвинения в недостаточно серьезном отношении к возложенным на них обязанностям. Но, учитывая

заслуги этих товарищей в деле восстановления хозяйства, трибунал постановил не подвергать их наказанию. По предложению трибунала СТО поставил на вид президиуму ВСНХ и коллегии Наркомзема недостаточно серьезное отношение к производству плугов системы Фаулера. — 393.

⁷⁴ В телеграмме из Лондона от 19 октября 1921 г. Л. Б. Красин сообщал о начатых им переговорах с американской строительной компанией «Фаундэйшин Компани», обслуживающей крупнейшие нефтяные фирмы. Представитель этой компании заявил, что она готова взять на себя постройку парафиноотделительного завода и нефтепровода Грозный—Черное море при условии производства изысканий инженерами компании. Красин предлагал выделить для этого необходимые средства. Данный проект телеграммы Л. Б. Красину был утвержден Политбюро ЦК РКП(б) 28 октября. См. также: Ленинский сборник XXXVI. М., 1959, с. 357—358. — 393.

⁷⁵ Вопрос о вознаграждении рабочих Брянского завода за успешное изготовление электроплугов был рассмотрен на заседании Совета Труда и Оборона 25 ноября 1921 г. СТО постановил направить дело на заключение ЦК союза металлистов. В связи с тем, что Брянский завод вместо запланированных 20 электроплугов к 1 ноября изготовил только 8, ЦК союза металлистов счел нецелесообразным выдачу специального вознаграждения, указав, что особо отличившиеся работники могут быть премированы за счет средств, ассигнованных на изготовление электроплугов. 14 декабря 1921 г. Совет Труда и Оборона, ознакомившись с заключением ЦК союза металлистов, постановил согласиться с ним. — 394.

⁷⁶ *Югосталь* — горный металлургический трест; был образован в сентябре 1921 г. В состав треста входили Петровский, Макеевский и Юзовский заводы со всеми относящимися к ним рудниками и ряд других крупных металлургических предприятий Украины, Северного Кавказа и Крыма. Трест сыграл значительную роль в восстановлении черной металлургии страны: существовал до 1929 г. — 394.

⁷⁷ 28 января 1922 г. Ю. В. Ломоносов телефонограммой сообщил В. И. Ленину о состоявшемся у него совещании с Г. М. Кржижановским, профессором Л. К. Рамзиным и помощником заведующего Техническим комитетом НКПС П. С. Янушевским о постройке тепловозов. — 394.

⁷⁸ Речь идет о соглашении между правительством РСФСР и возглавлявшимся Отто Вольфом консорциумом германских фирм, которое было заключено в Берлине 9 октября 1922 г. Оно состояло из общего протокола и трех договоров. Первый из них содержал основные положения о создаваемом смешанном Русско-Германском торговом акционерном обществе (Русгерторг), устанавливал порядок распределения прибыли, решения спорных вопросов. Второй — регулировал порядок работы Русгерторга в области торговли, которая ставилась под контроль НКВТ, решал вопросы закупки, ввоза и вывоза товаров, определения цен. Согласно третьему договору консорциум предоставлял Советскому правительству товарный кредит до 500 тыс. ф. ст. на закупку предметов производства консорциума сроком на год из расчета 10 % годовых, а Русгерторгу — в размере 750 тыс. ф. ст. на тех же условиях, причем предусматривалась возможность дальнейшего предоставления кредитов. Срок действия договоров не устанавливался. Каждая сторона могла расторгнуть их, предварительно оповестив об этом за 12 месяцев.

Протокол об учреждении общества был подписан в Берлине 16 ноября 1922 г. К весне 1923 г. общество открыло свои отделения в ряде советских городов — в Москве, Петрограде, Ростове-на-Дону и других. Заключение договора с консорциумом О. Вольфа и его ратификация произвели огромное впечатление за границей и создали благоприятную атмосферу для переговоров с другими предпринимателями и компаниями.

Однако в дальнейшем консорциум стал уклоняться от выполнения обязательств, вытекающих из соглашения, а в 1924 г. вышел из состава Русгерторга. — 394.

⁷⁹ 1 сентября 1919 г. в Ташкенте состоялось общее собрание профессиональных союзов, которое, ознакомившись с данной телеграммой В. И. Ленина, записало в своем решении: «... красный Ташкент от имени красного Туркестана клянется выполнить все задания, которые от нас требует центр, и красное знамя, гордо развевающееся над Туркестаном, не дрогнет в руках красного Ташкента» (Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961, т. 2, с. 737). — 397.

⁸⁰ Письмо написано на докладной записке начальника строительства первой радиотелефонной станции в Москве П. А. Острякова В. И. Ленину от 26 января 1921 г. Остряков сообщал о возникших в ходе работы трудностях, просил Ленина оказать содействие в их устранении и утвердить предлагаемый им проект декрета.

27 января 1921 г. был принят декрет СНК по организации развернутого радиотелефонного строительства. Совнарком поручил Наркомпочтелю оборудовать в Москве и наиболее важных пунктах Республики радиоустановки для взаимной телефонной связи. — 398.

⁸¹ «Алгемба» — сокращенное название строительства железнодорожной ветки Александров-Гай—Эмба и нефтепровода, который должен был соединить Эмбинские нефтепромыслы с Уралом и Саратовом. 15 апреля 1921 г. на заседании СТО стоял вопрос о приостановке строительства в связи с тем, что его отдаленность требовала больших затрат для доставки материалов, оборудования и продовольствия. СТО утвердил предложенный Лениным проект постановления. 29 апреля СТО принял решение о прекращении строительства нефтепровода, а 6 мая постановил перевести строительство железной дороги Александров-Гай—Эмба с ударного темпа на обыкновенный. На этом же заседании СТО было решено организовать комиссию по проверке постройки железной дороги. Проект задания комиссии был написан В. И. Лениным и утвержден СТО 11 мая. — 398.

⁸² 4 мая 1921 г. на заседании СТО обсуждалось предложение бреславльского отделения германского общества «Stahlwerkmark» о предоставлении ему концессии на установление воздушного почтово-пассажирского сообщения между Советской Россией и Германией. СТО принципиально одобрил предложение и поручил Наркомвоенту, Наркоминделу и ВЧК выработать подробные условия полетов и внести проект постановления в Малый СНК.

6 августа 1921 г. В. И. Ленин дал поручение В. А. Смольянинову «проверить, движется ли это дело» (Ленинский сборник XXXVI. М.: 1959, с. 304). 8 сентября 1921 г. Малый СНК постановил: 1) признать неотложным организацию воздушного сообщения между Москвой и Германией; 2) поручить Наркомвнешторгу по соглашению с Наркоминделом, Наркомпочтелем и Главным управлением воздушного флота войти в переговоры с германскими фирмами по вопросу об организации смешанного русско-германского общества для организации и эксплуатации линии воздушного сообщения Москва—Германия; и 3) ассигновать Наркомвнешторгу 250 тыс. руб. золотом на организацию и оборудование линии и на первоначальные расходы по ее эксплуатации.

Смешанное «Русско-германское общество воздушных сообщений» («Дерулюфт»), которому было предоставлено право осуществлять воздушное сообщение между Россией и Германией, было учреждено 24 ноября 1921 г. в Берлине. — 398.

⁸³ 3 июня 1921 г. Совет Труда и Обороны постановил отпустить Наркомпочтелю 5 млн. руб. для технической организации устной газеты при помощи громкоговорящих телефонов в Москве на 6 площадях.

Доклад А. М. Николаева и проекты постановлений о программе-минимум по радиотелефонному строительству и о мерах для ее выполнения обсуждались СТО 15 июня. Постановления были приняты 24 июня и 6 июля 1921 г. СТО обязал Наркомпочтель построить к 1 марта 1922 г. 4 радиотелефонные передающие станции (Москва—Ташкент—Харьков—Новониколаевск) и 280 приемных губернских и уездных станций в радиусе 2000 км вокруг Москвы. — 398.

⁸⁴ Придавая большое значение развитию радио — «газета без бумаги» и «без расстояний», — В. И. Ленин уже в самом начале работы Нижегородской радиолaborатории, в феврале 1920 г., писал ее руководителю М. А. Бонч-Бруевичу: «Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобной работам» (Полн. собр. соч., т. 51, с. 130). 17 марта Ленин подписал постановление СТО, в котором говорилось: «1. Поручить Нижегородской радиолaborатории Наркомпочтеля изготовить в самом срочном порядке, не позднее двух с половиной месяцев, Центральную радиотелефонную станцию с радиусом действия 2000 верст. 2. Местом установки назначить Москву и к подготовительным работам приступить немедленно» (Воспоминания о В. И. Ленине. М.: 1957, ч. 2, с. 589—590).

27 января 1921 г. Ленин подписал декрет о радиотелефонном строительстве, в котором намечалась широкая программа этого строительства и подчеркивалась его государственная важность и исключительная срочность. Изготовление радиотелефонных передатчиков и приемников было снова поручено Нижегородской радиолaborатории.

Особенное внимание Ленин уделял сооружению радиотелефонной станции в Москве. Он поручил управляющему делами СНК и СТО Н. П. Горбунову специально проследить за этим делом и докладывать ему о ходе работы.

13 мая 1922 г., за несколько месяцев до пуска радиотелефонной станции, Ленин разговаривал по телефону с инженером В. А. Павловым, чтобы получить дополнительные разъяснения насчет стоимости станции, а позднее, 18 мая, попросил его выяснить у Бонч-Бруевича, какая сумма (в довоенных рублях) нужна была бы в итоге для хорошей постановки дела (см.: Ленинский сборник XXXVI. М., 1959, с. 482, 486—487).

Получив 19 мая сообщение Бонч-Бруевича, что для нормальной работы радиолaborатории необходим твердый бюджет, который может быть определен минимально в 7500 довоенных рублей в месяц (нормальным бюджетом, обеспечивающим дальнейшее развитие радиолaborатории, Бонч-Бруевич считал 20 тыс. довоенных руб. в месяц), Ленин внес в Политбюро ЦК РКП(б) предложение о дополнительных ассигнованиях для радиолaborатории из золотого фонда с тем, чтобы радиолaborатория максимально ускорила производство громкоговорящих аппаратов и радиоприемников. Предложение Ленина 22 мая было принято Политбюро.

В. И. Ленин высоко оценил деятельность Нижегородской радиолaborатории. 11 мая Ленин писал наркому почт и телеграфа В. С. Довгалевскому, что он считает необходимым поддержать ходатайство Нижегородского Совета перед ВЦИК о награждении Нижегородской радиолaborатории орденом Трудового Красного Знамени и о занесении профессоров Бонч-Бруевича и Вологодина на Доску почета (см. Ленинский сборник XXXV. М., 1945, с. 348). 19 сентября 1922 г., после пуска Московской радиотелефонной станции, по постановлению ВЦИК Нижегородская радиолaborатория была награждена орденом Трудового Красного Знамени; в том же постановлении ВЦИК отметил деятельность научных руководителей лабораторий. — 399.

⁸⁵ В наследство от царской России Советское государство получило технически отсталое, малопроизводительное сельское хозяйство. В 1913 г. в сельском хозяйстве было занято свыше 75 % населения, насчитывалось 20 млн. крестьянских хозяйств (дворов), из них 30 % не имели рабочего скота, 34 % — пахотного инвентаря, 15 % — посевов.

За годы Советской власти проведена большая работа по обеспечению сельского хозяйства основными фондами и его техническому перевооружению. Количественный рост машинно-тракторного парка сопровождался качественным улучшением технических средств: сельское хозяйство оснащалось более совершенными самоходными зерновыми комбайнами, появились кукурузо-

свекло-, льноуборочные и др. комбайны. На смену карбюраторным пришли дизельные тракторы. Резкое увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство, а также в отрасли, связанные с его материально-техническим обеспечением, обусловило ускорение технического прогресса в сельскохозяйственном производстве. Колхозы и совхозы стали оснащаться тракторами повышенной мощности с комплектами машин и орудий, высокопроизводительными комбайнами, комбинированными машинами, выполняющими за один проход агрегата несколько технологических операций и т. п. Увеличились поставки сельскому хозяйству мелиоративной техники, новых типов машин и оборудования для комплексной механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства, особенно в животноводстве и кормопроизводстве. — 401.

⁸⁶ В. И. Ленин имеет в виду I Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, состоявшийся в декабре 1918 г. — 401.

⁸⁷ 17 сентября 1920 г. В. И. Ленин беседовал с членом Московского бюро Сибревкома С. И. Пороскуном, вернувшимся из Сибири, и вел запись предлагаемых им мер помощи сибирскому крестьянству (см.: Ленинский сборник XXXV. М., 1935, с. 151). Результаты этой беседы и предложенные Пороскуном меры нашли отражение в настоящем письме Ленина в Сибревком. — 402.

⁸⁸ Речь идет об отзыве на докладную записку, полученную Советом Народных Комиссаров от директора Государственного сельскохозяйственного музея, члена совета и председателя Правления Всероссийской сельскохозяйственной палаты В. Д. Батюшкова и члена палаты Г. Фролова «О применении механической рабочей силы (тракторов) к производству сельскохозяйственных работ (пахота и уборка)».

См. также добавления В. И. Ленина к проекту декрета об едином тракторном хозяйстве (Ленинский сборник XXXV. М., 1935, с. 164). — 402.

⁸⁹ *Орден «Трудового Красного Знамени»* был учрежден решением VIII Всероссийского съезда Советов для награждения групп трудящихся и отдельных граждан, проявивших особую самоотверженность, инициативу, трудолюбие и организованность в разрешении хозяйственных задач. — 403.

⁹⁰ *Общество друзей Советской России* (в Америке) возникло в июне 1921 г. Официально Общество было оформлено на состоявшейся 7—9 августа в Нью-Йорке конференции представителей Американского рабочего союза, Общества технической помощи Советской России и ряда других организаций. В Общество входило свыше 200 местных организаций. Во главе каждой организации стоял Исполнительный комитет или Комитет действия, непосредственно связанный с Национальным исполнительным комитетом Общества. Национальный исполнительный комитет и Совецательный комитет Общества друзей Советской России руководили всей организационной и агитационной работой, а также концентрацией в единый фонд собранных денежных средств. Общество ставило своей целью оказание помощи рабочим и крестьянам Советской России, распространение в США правдивых сведений о Советской России и борьбу за отмену правительством США экономического бойкота России.

В мае 1922 г. Общество направило в Россию тракторный отряд, который 17 июля приступил к работе в совхозе «Тойкино» Сарапульского уезда Пермской губернии (ныне Больше-Сосновский район Пермской области). Работа тракторного отряда, добившегося больших успехов в подьеме совхоза, наглядно показывала крестьянам преимущества крупного хозяйства, вооруженного машинной техникой. 15 октября 1922 г. в «Правде» была опубликована статья руководителя отряда Г. Вэра «Американский тракторный отряд», которая привлекла внимание В. И. Ленина.

По его предложению Президиум ВЦИК 9 ноября 1922 г. признал совхоз «Тойкино» образцовым хозяйством.

Письмо Ленина было опубликовано на английском языке 15 ноября 1922 г. в журнале «Советская Россия», издававшемся в Нью-Йорке русскими рабочими организациями США. — 404.

⁹¹ *Общество технической помощи Советской России* было организовано в мае 1919 г. русскими эмигрантами в Нью-Йорке. Такие же общества создавались и в других местах США и Канады.

⁹¹ *Общество технической помощи Советской России* было организовано в мае 1919 г. русскими эмигрантами в Нью-Йорке. Такие же общества создавались и в других местах США и Канады. Активное участие в создании Общества принимали, кроме выходцев из России, американцы и канадцы. Целью Общества являлось содействие восстановлению народного хозяйства Советской России путем посылки туда из США и Канады квалифицированных рабочих и техников. Членом Общества мог быть всякий, имеющий техническую специальность, «признающий Правительство Народных Комиссаров и соглашающийся посвятить свои знания и труд устройству России на коммунистических началах». К 1923 г. Общество имело более 75 отделений в различных местах Америки и Канады и насчитывало более 20 тысяч членов. Отделения Общества были открыты в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Питтсбурге и других городах. При многих отделениях были открыты школы по тем или иным специальностям.

Активная работа Общества по оказанию хозяйственной помощи продолжалась до 1925 г. С выполнением задач, стоявших перед Обществом, его деятельность прекратилась в 1925 г.

Деятельность Общества технической помощи Советской России, как и Общества друзей Советской России в США, по оказанию помощи Советской республике Ленин расценивал как яркое проявление пролетарского интернационализма, братской солидарности трудящихся.

Письмо Ленина было опубликовано на английском языке в декабре 1922 г. в журнале «Советская Россия», издававшемся в Нью-Йорке русскими рабочими организациями США. — 405.

⁹² В Кирсановском уезде Тамбовской губернии работала американская сельскохозяйственная коммуна, организованная в январе 1921 г. в США Обществом технической помощи Советской России

из крестьян и фабрично-заводских рабочих, эмигрировавших из России в результате преследований со стороны царского самодержавия и пожелавших возвратиться на родину после установления Советской власти. Под коммуну была отведена территория бывшего совхоза «Ира» Ирской волости Кирсановского уезда, разгромленного летом 1921 г. антоновскими бандитами. За сравнительно короткий срок, уже к осени 1922 г., коммуна сумела поднять хозяйство, восстановить все хозяйственные постройки, заложить двухэтажный дом для переселения членов коммуны, в мастерской, проживавших в палатках, построить лесопилку, механические мастерские, значительно увеличить поголовье скота. Коммуна оказывала помощь крестьянам соседних сел путем выдачи им безвозвратных и возвратных ссуд хлебом, инвентарем, бесплатным ремонтом инвентаря в мастерской. Своей работой коммуна доказывала крестьянам выгодность коллективного труда, содействовала вовлечению их в коллективные формы хозяйства. 9 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК по предложению Ленина признал коммуну образцовым хозяйством; коммуна была оказана большая материальная помощь — выданы кредиты, семенные ссуды, лес на постройку.

В феврале 1924 г. коммуна стала носить имя Владимира Ильича Ленина. В 1936 г. Советское правительство наградило коммуну орденом «Знак Почета» за достижения в развитии основных отраслей хозяйства. Сейчас колхоз имени Ленина (коммунары приняли Устав сельскохозяйственной артели в 1938 г.) Кирсановского района является одним из крупнейших и передовых хозяйств Тамбовской области.

В Тираспольском уезде Одесской губернии, при станции Мигаево (в газете ошибочно дано: при ст. Митино), группой прибывших из Канады украинцев и галичан в мае 1922 г. была организована «Первая канадская агрокультурная образцовая коммуна им. тов. Ленина».

В Донбассе на Лидиевском руднике Юзовского района работала группа американских шахтеров, приехавшая в Россию летом 1922 г. В ответ на письмо Ленина Обществу технической помощи Советской России Комитет американских шахтеров этого рудника направил ему в октябре этого же года приветственную телеграмму, в которой говорилось: «Радуюсь Вашему выздоровлению и возвращению на боевой пост, шлем Вам к пятилетию Октябрьской революции свой горячий братский привет. Мы горячо благодарим Вас за память о нас в Вашем письме Обществу технической помощи России. Мы счастливы быть полезными первому в мире рабоче-крестьянскому государству и обещаем перед всеми... поддержать его на трудовом, а если понадобится, и на военном фронте». — 405.

⁹³ Президиум ВЦИК 9 ноября 1922 г. принял предложение В. И. Ленина и вынес постановление: «Признать пермское и другие наиболее выдающиеся хозяйства, руководимые артелями американского Общества технической помощи Советской власти, образцовыми». — 405.

⁹⁴ *Шатиловский овсяной трест* (Госсемкультура) был создан при поддержке В. И. Ленина на базе Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции, основанной в 1896 г. в Новосильском уезде Тульской губернии (ныне Шатиловская государственная селекционная станция в Орловской области — научно-исследовательское учреждение Министерства сельского хозяйства РСФСР).

В письме В. И. Ленину от 14 октября 1922 г. Н. Осинский возражал против отказа междугосударственного совещания включить смету Шатиловского треста в бюджет Наркомзема на том основании, что он находится на хозрасчете. Напоминая о том, что при организации треста было признано необходимым субсидировать его в течение 3—5 лет, Осинский указывал, что отказ тресту в материальной поддержке приведет к потере уже вложенных средств, и просил Ленина «лично воздействовать в смысле полного обеспечения Шатиловки». Осинский писал также о руководителе всего дела, селекционере П. И. Лисицыне, который отказался от чисто научной работы ради того, «чтобы увидеть свой овес в массовом распространении...» (см.: Исторический архив, 1962, № 1, с. 60—61). — 406.

⁹⁵ Финкомитет СНК, рассмотрев 18 ноября 1922 г. по предложению В. И. Ленина смету Госсемкультуры, определил ее на квартал октябрь—декабрь 1922 г. в сумме 2¹/₂ трлн. руб. — 406.

⁹⁶ *Всероссийская сельскохозяйственная выставка* должна была открыться, согласно постановлению IX Всероссийского съезда Советов, осенью 1922 г. Однако ввиду большого объема работ по организации выставки и ликвидации последствий неурожая открытие ее было перенесено на 1923 г. Большое значение придавалось иностранному отделу выставки, к участию в которой стремились предприниматели целого ряда зарубежных стран. В печати подчеркивалось, что выставка «должна иметь не только российский, но в известном смысле и международный характер», «иметь значение не только внутрисоветское, но и международное». По-видимому, в связи с этим 6 октября 1922 г. В. И. Ленин написал следующее приветствие: «Международной сельскохозяйственной выставке в Москве. Желая всяческих успехов, очень прошу извинить за краткость и спешность письма. В. Ульянов (Ленин)» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Это приветствие не было отправлено; вместо него Ленин написал и отправил Главному выставочному комитету публикуемый документ.

Открытие Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки Союза ССР состоялось в Москве 19 августа 1923 г. В. И. Ленин проявлял большой интерес к выставке. Будучи тяжело больным, 19 октября, во время последнего приезда в Москву, Ленин проехал по территории выставки. — 406.

⁹⁷ В. И. Ленин имеет в виду резолюцию об электрификации, принятую на сессии ВЦИК в феврале 1920 г. — 407.

⁹⁸ Имеются в виду пролеткультовцы — члены культурно-просветительной организации Пролеткульт. Возникший еще в сентябре 1917 г. как независимая самостоятельная рабочая организация, Пролеткульт, руководство которым сосредоточилось в руках А. А. Богданова и его сторонников, продолжал и после Октябрьской революции отстаивать свою «независимость», тем самым противопоставляя себя пролетарскому государству. Вследствие этого в Пролеткульт проникли и стали оказывать решающее влияние буржуазные интеллигенты. Пролеткультовцы фактически отрицали значение культурного наследия прошлого, стремились отгородиться от задач массовой культурно-просветительной работы и в отрыве от жизни «лабораторным путем» создать особую «пролетарскую культуру». Признавая на словах марксизм, главный идеолог Пролеткульта Богданов на деле проповедовал субъективно-идеалистическую, махистскую философию. Пролеткульт не был однородной организацией. Наряду с буржуазными интеллигентами, которые верховодили во многих организациях Пролеткульта, в них входила также и рабочая молодежь, которая искренне стремилась помочь культурному строительству Советского государства. Наибольшее развитие пролеткультовские организации получили в 1919 г. В начале 20-х годов они пришли в упадок; в 1932 г. Пролеткульт прекратил свое существование.

В. И. Ленин в ряде работ подверг решительной критике ошибочные установки Пролеткульта. — 407.

⁹⁹ Подробный ответ на все поставленные вопросы В. И. Ленин получил от Комитета по делам изобретений научно-технического отдела ВСНХ 20 ноября 1920 г. К ответу были приложены: 1) ведомость дел, рассмотренных Комитетом по секциям; 2) главнейшие изобретения, признанные полезными и частью проведенные в жизнь; 3) список изобретений, заслуживающих внимания со стороны государства; 4) предварительный отзыв эксперта Ф. Блистанова о суррогате кожи, изобретенном инженером А. А. Барышниковым; 5) отчет Комитета на 1 ноября 1920 г.; 6) сведения о председателе Технического отдела военном инженере-технологе В. А. Петрове.

Одновременно Ленин получил добавление к официальному ответу Комитета от члена коллегии Комитета А. К. Кауфмана, который сообщал о недостатках в работе Комитета и их причинах. — 408.

¹⁰⁰ Речь идет о замечаниях и добавлениях Н. К. Крупской к проекту письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах», первоначальный вариант которого был подготовлен Г. Е. Зиновьевым и в дальнейшем дорабатывался на основе замечаний членов ЦК и Наркомпроса. — 408.

¹⁰¹ Настоящий документ был положен в основу проекта тезисов Главполитпросвета, опубликованного в «Правде» № 267 от 27 ноября 1920 г. под заголовком «Производственная пропаганда (Проект тезисов Главполитпросвета)».

Впервые вопрос о производственной пропаганде встал в связи с обсуждением очередных задач хозяйственного строительства на IX съезде партии, который проходил с 29 марта по 5 апреля 1920 г. Но ввиду того, что кратковременная передышка была сорвана нападением буржуазно-помещичьей Польши на Советскую страну, вопросы хозяйственного строительства вновь отодвинулись на второй план. И лишь в конце 1920 г. после заключения временного мира с Польшей и разгрома Врангеля, встал со всей остротой вопрос о необходимости производственной пропаганды в целях привлечения народных масс к сознательному участию в восстановлении народного хозяйства. Выдвинутая В. И. Лениным идея производственной пропаганды и в настоящее время является одной из важнейших задач политической и культурно-воспитательной работы партии и Советского государства. — 408.

¹⁰² «Беднота» — ежедневная газета для крестьян; выходила в Москве с 27 марта 1918 г. С 1 февраля 1931 г. «Беднота» слилась с газетой «Социалистическое земледелие». — 409.

¹⁰³ Литература, указанная В. И. Лениным в документе, была необходима И. И. Скворцову-Степанову, работавшему над книгой «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» (Госиздат, 1922).

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся две записки Н. П. Горбунова от 7 октября, связанные с этим поручением В. И. Ленина. В записке на имя Г. М. Кржижановского говорится: «Согласно нашим телефонным переговорам посылаю Вам копию записки Владимира Ильича, в которой он просил собрать литературу по электрификации — русскую и немецкую для Ив. Ив. Скворцова». В записке на имя Ленина Горбунов писал: «Владимир Ильич! Собирать литературу взялся Глеб Максимилианович, который Вам ее и доставит. Я прослежу».

В книге поручений В. И. Ленина по СНК и СТО под датой 20 сентября 1921 г. имеется такая запись: «Собрать для И. И. Скворцова-Степанова литературу об электрификации, Исполнено 21 октября» (Исторический Архив, 1961, № 5, с. 42). — 410.

¹⁰⁴ Комитет иностранной литературы (Коминолит) — междуведомственная комиссия при НКПросе по приобретению и распространению иностранной литературы. В ответном письме председателя Коминолита О. Ю. Шмидта от 10 октября 1921 г. указывается, что распределение новых книг, покупаемых за границей, ведется в духе указаний В. И. Ленина; всего распределено 3749 названий, или около 25 000 томов; фамилия «винового» в присылке беллетристики и художественных изданий выясняется» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). — 410.

¹⁰⁵ «The Economist» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики; орган крупной промышленной буржуазии; выходит в Лондоне с 1843 г. — 411.

¹⁰⁶ В статье рассказывалось об опыте применения тепловозов за границей и высказывалось мнение о возможности и целесообразности использования их на железных дорогах Советской России. — 411.

¹⁰⁷ Над текстом письма В. И. Ленина секретарем СНК Н. С. Лепешинской написано: «В Госплан (президиум), в НТО ВСНХ, НКПС. Р. С. Т. Ленин просит указать, было ли что-нибудь об этом в научной и технической литературе и как смотрят на это дело специалисты?». — 411.

¹⁰⁸ Книга «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» была написана И. И. Скворцовым-Степановым по поручению В. И. Ленина, который придавал этой работе очень большое значение. Ленин постоянно интересовался ходом работы над книгой, помогал автору, старался создать ему наиболее благоприятные условия. Так, 17 июля 1921 г. он просил Скворцова-Степанова сообщить, «как движется и когда закончится» обещанная им работа (Ленинский сборник XX. М., 1932, с. 221); 20 сентября Владимир Ильич дал поручение Н. П. Горбунову подобрать для Скворцова-Степанова всю литературу по электрификации на русском и немецком языках; в конце октября Ленин обратился в Оргбюро ЦК РКП(б) с просьбой отменить командировку Скворцова-Степанова «и сослать его... в один из подмосковных совхозов, на молоко, чтобы он в 1—1½ месяца, не отвлекаясь другими делами, кончил предпринятую им литературную работу» (Ленинский сборник XXXV, М., 1945, с. 284).

Сообщая Ленину о работе над книгой, Скворцов-Степанов 20 января 1922 г. писал: «Дорогой Владимир Ильич, по-прежнему яростно электрифицирую... Надо увидеть Вас, когда будете в Москве, по обыкновению на пять минут, чтобы подвинуть себя. Вы, как умный эксплуататор, превосходно повышаете работоспособность. Крепко жму Вашу руку. Спасибо Вам за то, что засадили за такую работу» («Пролетарская Революция», 1929, № 10, с. 122).

Направляя предисловие Скворцову-Степанову, Ленин в письме от 19 марта поздравил его «с великолепным успехом» (Полн. собр. соч., т. 54, с. 210).

Предисловие Ленина было напечатано до выхода книги 21 марта 1922 г. в «Правде» № 64. Когда книга вышла, Скворцов-Степанов подарил Ленину экземпляр ее со следующей дарственной надписью: «Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, засаженный за работу в порядке беспощадного „принуждения“ и неожиданно нашедший в ней свое „призвание“. Да здравствует такое „принуждение“! И. Степанов, 23/X 1921—29/III 1922» (Библиотека В. И. Ленина в Кремле, М., 1961, с. 318). — 412.

¹⁰⁹ В. И. Ленин имеет в виду резолюцию VIII Всероссийского съезда Советов «По докладу т. Кржижановского об электрификации», принятой 29 декабря 1920 г. (см.: Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стенографический отчет, М., 1921, с. 271—272). Проект этой резолюции был написан Лениным. — 412.

РАЗДЕЛ X

¹ Используя терминологию Фейербаха, Маркс намечает здесь свою диалектико-материалистическую концепцию коммунизма, которая дает «решение загадки истории», т. е. иначе говоря, выводит неизбежность коммунизма из развития объективных противоречий общества, основанного на частной собственности. — 414.

² «Свободное народное государство» было в 70-х годах программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов. — 419.

³ Приводимые здесь данные относительно общей суммы всех богатств Великобритании и Ирландии взяты из доклада Р. Джиффена «Накопление капитала в Соединенном королевстве за последнее время», который был прочитан в Статистическом обществе 15 января 1878 г. и напечатан в Лондонском «Journal of the Statistical society» («Журнал Статистического общества») за март 1878 г. — 420.

⁴ Второй конгресс центрального союза немецких промышленников происходил в Берлине 21—22 февраля 1878 г. — 420.

⁵ Шейлок — персонаж из комедии В. Шекспира «Венецианский купец»; жестокий и черствый ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправного должника. — 422.

⁶ Эрфуртская программа — программа Германской социал-демократической партии, принятая в октябре 1891 г. на съезде в Эрфурте. — 425.

⁷ Ленин имеет в виду заговор о сдаче Петрограда, которым руководила контрреволюционная организация «национальный центр», объединявшая деятельность ряда антисоветских групп и шпионского подполья. — 425.

⁸ Речь идет о партийной программе, принятой на VIII съезде РКП(б) (см.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959, с. 404—405; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 98, 120). — 427.

⁹ См. Раздел VIII, примеч. 98. — 429.

Указатель имен

А

- Авенариус** (Avenarius), **Рихард** (1847—1896) — 1, 64, 65, 120—123, 129, 130, 132, 133, 144, 145, 147, 196—198.
- Агассис** (Agassiz), **Луи Жан Рудольф** (1807—1873) — 1, 175, 453.
- Адикес** (Adickes), **Эрих** (1866—1928) — 1, 146.
- Адлер** (Adler), **Виктор** (1852—1918) — 1, 16.
- Адлер** (Adler), **Фридрих** (1879—1960) — 1, 127.
- Адоратский**, **Владимир Викторович** (1878—1945) — 2, 343, 349, 350.
- Аксельрод**, **Павел Борисович** (1850—1928) — 1, 406, 421.
- Альский**, **Аркадий Осипович** (1892—1939) — 2, 347.
- Анаксагор** (ок. 500—428 до н. э.) — 1, 480.
- Анаксимандр из Милета** (ок. 610—546 до н. э.) — 2, 19, 20.
- Анаксимен из Милета** (ок. 585—ок. 525 до н. э.) — 2, 19, 20.
- Андерсон** (Anderson), **Джемс** (1739—1808) — 1, 392, 489; 2, 86.
- Анненков**, **Павел Васильевич** (1812—1887) — 1, 301, 331, 340.
- Аристарх Самосский** (конец IV—первая половина III в. до н. э.) — 1, 179; 2, 21.
- Аристотель** (384—322 до н. э.) — 1, 41, 50, 51, 90, 148, 153, 212, 228, 229, 293, 443, 448, 461, 462, 471; 2, 18—21, 83.
- Аркрайт** (Arkwright), **Ричард** (1732—1792) — 1, 302, 334, 341, 343; 2, 244, 247.
- Архимед** (ок. 287—212 до н. э.) — 1, 165.

Б

- Баббедж** (Babbage), **Чарлз** (1792—1871) — 1, 298, 301, 336, 337, 367, 371, 378, 381, 395; 2, 123.
- Базаров** (Руднев), **Владимир Александрович** (1874—1939) — 1, 125—127, 141.
- Бакунин**, **Михаил Александрович** (1814—1876) — 1, 104.
- Банкрофт** (Bancroft), **Хьюберт Хау** (1832—1918) — 2, 17.
- Баркер** (Barker) — 1, 311.
- Барт** (Barth), **Эрнст Эмиль Пауль** (1858—1922) — 1, 461.
- Бартез** (Barthez), **Поль-Жозеф** (1734—1806) — 1, 293.
- Бастиа** (Bastiat), **Фредерик** (1801—1850) — 2, 84.
- Бастриан** (Bastian), **Адольф** (1826—1905) — 1, 290.
- Бауэр** (Bauer) **Бруно** (1809—1882) — 1, 104, 105, 461.
- Бейнс** (Baines), **Эдуард** (1800—1890) — 1, 376; 2, 248.
- Беккерель** (Becquerel), **Антуан Анри** (1852—1908) — 1, 249.
- Белинский**, **Виссарион Григорьевич** (1811—1848) — 1, 407.
- Бельтов** — см. **Плеханов, Г. В.**
- Бём-Баверк** (Böhm-Bawerk), **Евгений** (1851—1914) — 1, 19, 20.
- Бензинг** (Bensing), **Август Франц** (род. в 1870 г.) — 2, 168.
- Бентам** (Bentham), **Иеремия** (1748—1832) — 1, 477.
- Бергсон** (Bergson), **Анри** (1859—1941) — 1, 295, 296.
- Беркли** (Berkeley), **Джордж** (1685—1753) — 1, 52, 115—118, 120, 121, 124, 129, 145, 147, 263.
- Бернулли** (Bernoulli), **Даниил** (1700—1782) — 1, 311, 313.
- Бернулли** (Bernoulli), **Иоганн** (1667—1748) — 1, 311, 313.
- Бертло** (Berthelot), **Пьер Эжен Марселен** (1827—1907) — 1, 106.
- Бертолле** (Berthollet), **Клод Луи** (1748—1822) — 2, 121.
- Бизли** (Beesley), **Эдуард Спенсер** (1831—1915) — 1, 195.
- Блан** (Blanc), **Луи** (1811—1882) — 1, 106.
- Блох** (Bloch), **Иосиф** — 1, 33.
- Блэк** (Black), **Джозеф** (1728—1799) — 1, 176.
- Богданов** (Малиновский), **Александр Александрович** (1873—1928) — 1, 62, 64, 123, 127—131, 134—136, 141—144, 210—212, 255, 258—261.
- Богоявленский**, **Леонид Николаевич** (1881—1943) — 2, 383.

Богуский (Boguski), **Юзеф Ежи** (1853—1933) — 1, 31.
Бойль (Boyle), **Роберт** (1627—1691) — 1, 31, 166, 240.
Бокль (Buckle), **Генри Томас** (1821—1862) — 1, 149.
Болтон (Boulton), **Мэтью** (1728—1809) — 1, 376.
Больцман (Boltzmann), **Людвиг** (1844—1906) — 1, 237, 256, 264.
Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич (1873—1955) — 2, 397, 399.
Бонч-Бруевич, Михаил Александрович (1888—1940) — 2, 348, 350, 397, 399, 400.
Боссю (Bossut), **Шарль** (1730—1814) — 1, 225, 311.
Ботин, Степан Иванович — 2, 342—345.
Боуринг (Bowring), **Джон** (1792—1872) — 2, 216, 251.
Бруно (Bruno) **Джордано** (1548—1600) — 1, 167, 174, 186, 441.
Булгаков, Сергей Николаевич (1871—1944) — 1, 429, 490—492; 2, 164, 166.
Бэкон (Bacon), **Фрэнсис**, барон Веруламский (1561—1626) — 1, 240, 377, 444, 449.
Бэр (Baer), **Карл Эрнст** (Карл Максимович) (1792—1876) — 1, 171, 175, 492.
Бюффон (Buffon), **Жорж Луи** (1707—1788) — 1, 176.
Бюхнер (Büchner), **Людвиг** (1824—1899) — 1, 120, 144, 195, 292, 449, 457.

В

Васко да Гама (Vasco da Gama) (1469—1524) — 2, 42.
Вашков Н. Н. (1874—1953) — 2, 379.
Вебер (Weber), **Вильгельм Эдуард** (1804—1891) — 1, 235, 236.
Вебб (Webb), **Сидней** (1859—1947) и **Беатриса** (1858—1943) — 2, 265.
Вейтлинг (Weitling), **Вильгельм** (1808—1871) — 1, 408.
Вернадский, Владимир Иванович (1863—1945) — 2, 348.
Видеман (Wiedemann), **Густав Генрих** (1826—1899) — 1, 236, 238, 239, 247.
Вико (Vico), **Джамбаттиста** (1668—1744) — 1, 302.
Вилли (Willy), **Рудольф** (1855—1920) — 1, 121, 145.
Винтерль (Winterl), **Якоб Йозеф** (1739—1809) — 1, 246.
Виппер, Роберт Юрьевич (1859—1954) — 1, 472.
Вирхов (Virchow), **Рудольф** (1821—1902) — 1, 28, 454.
Вислиценус (Wislicenus), **Иоганес** (1835—1902) — 1, 286.
Витрувий (Витрувий Поллион Марк) (вторая половина I в. до н. э.) — 1, 308.
Волгин, А. — см. Плеханов Г. В.
Волластон (Wollaston), **Уильям Хайд** (1766—1828) — 1, 246.
Вологдин, Валентин Петрович (1881—1953) — 2, 350.
Вольта (Volta), **Алессандро** (1745—1827) — 1, 239.

Вольф (Wolff), **Каспар Фридрих** (1733—1794) — 1, 171.
Вольф (Wolff), **Христиан** (1679—1754) — 1, 70, 449; 2, 21.
Вульф (Woolf), **Артур** (1766—1837) — 1, 317.
Вундт (Wundt), **Вильгельм Макс** (1832—1920) — 1, 122, 282.
Вюрц (Würtz), **Шарль Адольф** (1817—1884) — 1, 267.

Г

Гален, Клавдий (ок. 130—ок. 200) — 1, 152.
Галилей (Galilei), **Галилео** (1564—1642) — 1, 165, 175, 180, 229, 269.
Галле (Galle), **Иоганн Готфрид** (1812—1910) — 1, 456.
Гамм (Hamm), **Вильгельм** (1820—1880) — 2, 260.
Ганиль (Ganihl), **Шарль** (1758—1836) — 1, 338; 2, 259.
Гарвей (Harvey), **Уильям** (1578—1657) — 1, 166.
Гартман (Gartmann), **Эдуард** (1842—1906) — 1, 121, 147, 300, 449, 461.
Гассенди (Gassendi), **Пьер** (1592—1655) — 1, 52.
Гастев, Алексей Капитонович (1882—1941) — 2, 347.
Гатри (Guthrie), **Фредерик** (1833—1886) — 1, 347.
Гаусс (Gauss), **Карл Фридрих** (1777—1855) — 1, 69.
Гегель (Hegel), **Георг Вильгельм Фридрих** (1770—1831) — 1, 19, 26, 27, 33, 35—37, 40—42, 44, 45, 48, 50—54, 60, 63, 65—70, 73, 82, 83, 85, 87—91, 93—96, 99—103, 105, 107, 113, 130, 132, 134, 135, 146, 148, 154, 156, 157, 161, 169, 181—183, 185, 190, 194—196, 221, 223, 227—229, 231, 234—236, 240—242, 245, 265, 266, 268—272, 275, 277, 280, 285, 286, 289, 290, 443, 445, 446, 448, 450, 451, 454, 456—458, 461, 462, 469, 476, 480, 482; 2, 19, 20, 34.
Гей (Gay), **Жюль** (1807—после 1876) — 1, 477.
Геккель (Haeckel), **Эрнст Генрих** (1834—1919) — 1, 26, 77, 78, 79, 82, 119, 146, 147, 149, 155—157, 274, 282, 283, 286, 288, 291.
Гексли (Huxley), **Томас Генри** (1825—1895) — 1, 125, 164, 196, 274.
Гельветий (Helvetius), **Клод Адриан** (1715—1771) — 1, 477.
Гельмгольц (Helmholtz), **Герман Людвиг Фердинанд** (1821—1894) — 1, 27, 41, 236, 240, 241, 252, 256, 281, 290.
Гераклит из Эфеса (ок. 520—ок. 460 до н. э.) — 1, 50, 52, 99, 164, 443; 2, 20.
Геродот (ок. 484—ок. 425 до н. э.) — 2, 12, 28.
Герц — (Hertz), **Фридрих Отто** (род. в 1878) — 1, 256, 264, 295, 429; 2, 166.
Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 1, 407.
Гершель (Herschel), **Уильям** (1738—1822) — 1, 169.
Гете (Goethe), **Иоганн Вольфганг** (1749—1832) — 1, 60, 79, 181, 187, 457.
Гизо (Guizot), **Франсуа Пьер Гийом** (1787—1874) — 1, 185, 188.

Гоббс (Hobbes), **Томас** (1588—1679) — 1, 285, 290, 377, 457, 460.
Годскин (Hodgskin), **Томас** (1787—1869) — 1, 390.
Гольбах (Holbach), **Поль Анри Дитрих** (1723—1789) /— 1, 52.
Гольц (Goltz), **Теодор Александр** (1836—1905) — 2, 164.
Горбунов, Николай Петрович (1892—1937) — 2, 348, 351, 365, 380, 388, 391, 394, 397, 399, 410.
Горький, Максим, (Пешков Алексей Максимович) (1868—1936) — 2, 342, 343, 345, 347, 348.
Гофман (Hofmann), **Август Вильгельм** (1818—1892) — 1, 266, 267.
Грамм (Gramme), **Зеноб Теофиль** (1826—1901) — 1, 238.
Гримо (Grimaux), **Луи Эдуард** (1835—1900) — 1, 291.
Гров (Grove), **Уильям Роберт** (1811—1896) — 1, 37, 170, 175, 248, 496.
Грум-Гржимайло (Грум-Гржимайло), **Владимир Ефимович** (1864—1928) — 2, 348.
Губкин, Иван Михайлович (1871—1939) — 2, 350, 386, 387.
Гумбольдт (Humboldt), **Александр** (1769—1859) — 1, 175.

Д

Д'Аламбер (D'Alembert), **Жан** (1717—1783) — 1, 226, 311, 313.
Даль, Владимир Иванович (1801—1872) — 2, 343.
Дальтон (Dalton), **Джон** (1766—1844) — 1, 234, 265, 448; 2, 18.
Даннеман (Dannemann), **Фридрих** (род. в 1859 г.) — 1, 179, 180.
Дарвин (Darvin), **Чарлз Роберт** (1809—1882) — 1, 14, 143, 157, 171, 175, 183, 192, 271—275, 278, 284, 285, 287, 290, 302, 336, 339, 400, 445, 452, 459, 490.
Девис (Davis), **Джером** (род. в 1891 г.) — 2, 347.
Дезами (D'ézamy), **Теодор** (1803—1850) — 1, 477.
Декарт (Descartes), **Рене** (лат. — Cartesius) (1596—1650) — 1, 52, 167, 170, 221, 237, 377, 443, 457, 458, 476.
Демокрит из Абдеры (ок. 460—370 гг. до н. э.) — 1, 52, 131, 179, 448; 2, 18, 21.
Депарсье (Deparcieux), **Антуан** (1703—1768) — 1, 311.
Депре (Deprez), **Марсель** (1843—1918) — 1, 14, 300.
Дессень (Dessaigues), **Виктор** (1800—1885) — 1, 235, 246.
Дестют де Траси (Destutt de Tracy), **Антуан Луи Клод** (1754—1836) — 1, 361; 2, 57.
Джемс (James), **Уильям** (1842—1910) — 1, 198, 295, 297.
Джиффен (Giffen), **Роберт** (1837—1910) — 1, 426; 2, 226.
Джоуль (Joule), **Джемс Прескотт** (1818—1889) — 1, 76, 137, 170, 236, 240, 289, 452.
Дзержинский, Феликс Эдмундович (1877—1926) — 2, 342.

Дидро (Diderot), **Дени** (1713—1784) — 1, 119, 120, 129, 443.
Динер-Дэнеш (Diner-Dénes), **Йожеф** (Динэ-Дэнес, Иосиф) (1857—1937) — 1, 249.
Диоген Лаэртский (III в.) — 1, 448; 2, 18—20.
Дицген (Dietzgen), **Иосиф** (1828—1888) — 1, 61, 127, 134, 150, 182, 196—198, 254, 257.
Довгалевский, Валерян Савельевич (1885—1934) — 2, 348, 350, 399.
Древс (Drews), **Артур** (1865—1935) — 1, 472.
Дрейпер (Draper), **Джон Уильям** (1811—1882) — 1, 455.
Дьюи (Dewey), **Джон** (1859—1952) — 1, 295.
Дэви (Davy), **Гемфри** (1778—1829) — 2, 67, 121.
Дю Бост (Du Bost) — 1, 311.
Дюгем (Duhem), **Пьер Морис Мари** (1861—1916) — 1, 136, 139, 198, 252, 262.
Дюрер (Dürer), **Альбрехт** (1471—1528) — 1, 163.
Дюринг (Dühring), **Евгений Карл** (1833—1921) — 1, 18, 19, 26, 29, 30, 43, 44, 83, 84, 109—112, 116, 117, 122, 135, 144, 154, 195, 196, 199, 270—279, 287—289, 434, 446, 447, 450, 464, 465, 483; 2, 177, 178, 180—182, 289.

Е

Ейдэльс (Jeidels), **Отто** — 1, 430, 431.
Ерманский А. (Коган, Осип Аркадьевич) (1866—1941) — 2, 370, 412, 413.

Ж

Жерар (Gerhardt), **Шарль Фредерик** (1816—1856) — 1, 267.
Жирар (Girard), **Филипп** (1775—1845) — 1, 342.

З

Зейффергельд (Seufferheld), **Адольф** — 2, 165.
Зибер, Николай Иванович (1844—1888) — 2, 90, 227.

К

Кабе (Cabet), **Этьен** (1788—1856) — 1, 477.
Калинин, Михаил Иванович (1875—1946) — 2, 392.
Кальвин (Calvin), **Жан** (1509—1564) — 1, 167.
Кант (Kant), **Иммануил** (1724—1804) — 1, 19, 27, 52, 59, 68, 69, 88, 89, 101, 109, 123, 126, 130, 132, 134, 145, 147, 148, 169, 171, 175, 195, 227, 445, 450, 454, 456, 457, 460, 469.
Карлейль (Carlyle), **Томас** (1795—1881) — 1, 423, 425.
Карно (Carnot), **Никола Леонар Сади** (1796—1832) — 1, 79, 137, 227, 228, 238, 451.
Картрайт (Cartwright), **Эдмунд** (1743—1823) — 1, 334, 341; 2, 121.
Кассини (Cassini), **Джованни Доменико** (1625—1712) — 1, 311.
Каутский (Kautsky), **Карл** (1854—1938) — 1, 178, 212, 418, 421, 423, 428, 429, 469, 470; 2, 164, 165.
Кауфман, Александр Аркадьевич (1864—1919) — 1, 493.

Кекуле (Kekulé), **Фридрих Август** (1829—1896) — 1, 155, 157, 267, 448.
Кельвин — см. **Томсон, Уильям**.
Кенэ (Quesnay), **Франсуа** (1694—1774) — 2, 217.
Кеплер (Kepler), **Иоганн** (1571—1630) — 1, 27, 167, 175, 177, 180, 231, 269.
Кернс (Cairnes), **Джон Эллиот** (1823—1875) — 2, 56.
Кестнер (Kestner), **Фриц** — 2, 118, 119.
Киннерсли (Kinnerley), **Эбенезер** (1711—1778) — 1, 246.
Кирквуд (Kirkwood), **Даниел** (1814—1895) — 1, 230, 231.
Кирпичников, В. Д. (1881—1940) — 2, 324, 387.
Кирхгоф (Kirchhoff), **Густав Роберт** (1824—1887) — 1, 27, 252, 256, 261; 2, 156.
Кириш, Карл Васильевич (1877—1919) — 2, 349.
Клапейрон (Clapeyron), **Бенуа Поль Эмиль** (1799—1864) — 1, 233.
Классон, Роберт Эдуардович (1868—1926) — 2, 324, 366, 384, 387.
Клаузиус (Clausius), **Рудольф** (1822—1888) — 1, 137, 230—233, 240, 243, 244, 294.
Клауссен (Clausen), **Питер** — 1, 302.
Клейнпетер (Kleinpeter), **Ганс** (1869—1916) — 1, 252.
Ко (Caus), **Саламон де** (1576—1626) — 1, 310.
Коген (Cohen), **Герман** (1842—1918) — 1, 138.
Козьминых-Ланин, И. М. (род. в 1874 г.) — 2, 237.
Колен (Colins), **Жан Гийом Сезар Александр Ипполит** (1783—1859) — 2, 217.
Колумб (Colombo), **Христофор** (1451—1506) — 1, 487.
Кольдинг (Colding), **Людвиг Август** (1815—1888) — 1, 76, 452.
Конт (Comte), **Огюст** (1798—1857) — 1, 154, 195.
Кооли (Cawley), **Джон** — 1, 316.
Коперник (Copernik), **Николай** (1473—1543) — 1, 167, 168, 174, 177, 179, 456.
Копп (Kopp), **Герман Франц Мориц** (1817—1892) — 1, 106, 265.
Корню (Cornu), **Мари Альфред** (1841—1902) — 1, 264.
Корсак, Александр Казимирович (1832—1874) — 2, 64.
Красин, Леонид Борисович (1870—1926) — 2, 350, 351, 371, 387, 388, 393, 409.
Кржижановский, Глеб Максимилианович (1872—1959) — 2, 324, 325, 349, 372, 377, 390.
Крицман, Лев Натанович (1890—1938) — 2, 393.
Кролл (Croll), **Джемс** (1821—1890) — 1, 282.
Кромптон (Crompton), **Самюэл** (1753—1827) — 1, 334, 341; 2, 247.
Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — 2, 423.
Круг, Карл Адольфович (1873—1952) — 2, 349, 373.
Крупская, Надежда Константиновна (1869—1939) — 2, 408.
Ксенофонт (ок. 430—ок. 354 до н. э.) — 2, 29.
Кугельман (Kugelman), **Людвиг** (1830—1902) — 1, 143, 195.

Кулон (Coulomb), **Шарль Огюстен** (1736—1806) — 1, 246.
Кунов (Cunow), **Генрих** (1862—1936) — 1, 421.
Кушнер, Борис Анисимович (1888—1937) — 2, 410.
Кэри (Carey), **Генри Чарлз** (1793—1879) — 1, 371, 392.
Кювьё (Cuvier), **Жорж** (1769—1832) — 1, 166, 170, 175.

Л

Ла Ир (La Hire), **Филипп де** (1640—1718) — 1, 311.
Лабриола (Labriola), **Артуго** (род. в 1873 г.) — 1, 21.
Лавернь (Lavergne), **Луи Габриель Леонс Гило де** (1809—1880) — 2, 260.
Лавров, Петр Лаврович (1823—1900) — 1, 243, 245, 291.
Лавуазье (Lavoisier), **Антуан Лоран** (1743—1794) — 1, 170, 176, 250, 265, 451.
Лагранж (Lagrange), **Жозеф Луи** (1736—1813) — 1, 226, 227, 264.
Лайель (Lyell), **Чарлз** (1797—1875) — 1, 170, 175.
Ламарк (Lamarck), **Жан Батист Пьер Антуан** (1744—1829) — 1, 171, 175, 271, 275, 457.
Ламберт (Lambert), **Иоган Генрих** (1728—1778) — 1, 311.
Ланге (Lange), **Фридрих Альберт** (1828—1875) — 1, 136—138, 142, 143, 195.
Ланжевэн (Langevin), **Поль** (1872—1946) — 1, 254, 256.
Лаплас (Laplace), **Пьер Симон** (1749—1827) — 1, 56, 169, 172, 175, 230, 231, 445, 450, 453, 454.
Лармор (Larmor), **Джозеф** (1857—1942) — 1, 252, 256.
Лафарг (Lafargue), **Поль** (1842—1911) — 1, 291, 494.
Леббок (Lubbock), **Джон** (1834—1913) — 1, 41.
Леверьё (Le-Verrier), **Урбен Жан Жозеф** (1811—1877) — 1, 36, 456.
Леви (Levi), **Лион** (1821—1888) — 1, 426; 2, 226.
Левкипп (V в. до н. э.) — 1, 448; 2, 21.
Лейбниц (Leibniz), **Годфрид Вильгельм** (1646—1716) — 1, 69, 167, 221, 226, 227, 233, 454, 476.
Леклер (Leclair), **Антон** (род. в 1848 г.) — 1, 145.
Лекок де Буабодран (Lecoq de Boisbaudran), **Поль Эмиль** (1838—1912) — 1, 36.
Ленин, Владимир Ильич (Ульянов, В. И., Ильин, В., Ленин, Н.) (1870—1924) — 1, 15—18, 22, 24, 25, 44—46, 48, 50, 53, 54, 62, 63, 66, 68, 74, 75, 87, 88, 92, 94, 97—100, 115, 116, 120—124, 127, 131—135, 140, 144, 147—150, 152, 164, 180, 194, 195, 198, 199, 208—210, 216—220, 228, 261, 263—265, 350, 351, 403—407, 409, 419—423, 431—433, 436—439, 462—464, 469—471, 473, 474, 484, 492, 493; 2, 33, 49, 52, 53, 61, 63, 64, 88—93, 109, 110, 119, 120, 149—151, 161—164, 166, 167, 171, 172, 189—192, 201, 202, 227—229, 233—238, 246, 247, 265, 271, 279, 294, 296—298, 305—312, 314—317, 319—328, 330, 331, 336—359, 362—373, 375—406, 408—413, 421—427, 433, 434.

Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452—1519) — 1, 167.
Лесевич, Владимир Викторович (1837—1905) — 1, 66.
Лещинский, В. М. (1887—1919) — 2, 341.
Либих (Liebig), **Юстус** (1803—1873) — 1, 26, 257, 265, 266, 489; 2, 86, 121, 160.
Линней (Linne), **Карл** (1707—1778) — 1, 167, 168, 176, 446.
Лист (List), **Фридрих** (1789—1846) — 1, 325.
Лифман (Liefmann), **Роберт** (1874—1941) — 1, 430; 2, 117, 118.
Лодердель (Lauderdale), **Джемс** (1759—1839) — 1, 383; 2, 104.
Лодж (Lodge), **Оливер Джозеф** (1851—1940) — 1, 254, 263.
Локк (Locke), **Джон** (1632—1704) — 1, 94, 115, 129, 381, 444, 449, 460, 477.
Лонге (Longuet), **Шарль** (1839—1903) — 1, 300.
Лопатин, Лев Михайлович (1855—1920) — 1, 136.
Лоран (Laurent), **Огюст** (1807—1853) — 1, 266.
Лоренц (Lorentz), **Гендрик Антон** (1853—1928) — 1, 252, 256.
Лошмидт (Loschmidt), **Йозеф** (1821—1895) — 1, 243.
Лукреций (Тит Лукреций Кар) (ок. 99—ок. 55 до н. э.) — 2, 18.
Луначарский, Анатолий Васильевич (Воинов) (1875—1933) — 1, 63, 64, 146, 198, 467; 2, 323, 330, 331, 336, 343, 409.
Лютер (Luther), **Мартин** (1483—1546) — 1, 167, 174; 2, 19.

М

Мабли (Mably), **Габриель** (1709—1785) — 1, 481.
Майер (Mayer), **Юлиус Роберт** (1814—1878) — 1, 76, 77, 137, 170, 240, 452.
Мак (Mack), **П.** — 2, 165.
Макиавелли (Machiavelli), **Никколо** (1469—1527) — 1, 167; 2, 46.
Мак-Куллох (McCulloch), **Джон Рамси** (1789—1864) — 1, 423; 2, 65, 84, 256.
Максвелл (Maxwell), **Джемс Клерк** (1831—1879) — 1, 166, 233, 237, 245, 252, 256, 264.
Мальбранш (Malebranche), **Никола** (1638—1715) — 1, 476.
Мальпиги (Malpighi), **Марчелло** (1628—1694) — 1, 152.
Мальтус (Malthus), **Томас Роберт** (1766—1834) — 1, 271, 272, 290, 488; 2, 155, 156.
Мандевиль (Mandeville), **Бернард** (1670—1733) — 1, 477.
Мариотт (Mariotte), **Эдм** (1620—1684) — 1, 311, 313.
Маркс (Marx), **Карл** (1818—1883) — 1, 14—27, 30—33, 50—54, 56, 61—63, 65, 70, 76, 80, 82, 86, 87, 90, 94, 98, 104, 109, 113, 115, 116, 120, 124, 132, 133, 141, 143—145, 147, 151, 155, 161, 163, 164, 175, 178, 179, 181, 188—196, 198, 199, 202—209, 212, 214—220, 223, 225, 226, 227, 248, 255, 258, 264, 266, 267, 270, 284, 290, 291, 299—305, 313, 316, 318, 319, 321, 323—329, 331, 335—340, 347, 348, 353—361, 365, 367—372, 375, 379, 380, 382—385, 387, 388, 390,

391, 393—397, 399, 400, 403, 404, 407, 408, 410, 411, 414, 415, 417—420, 424, 427—429, 433—435, 440, 443, 460—462, 464—466, 469, 472, 476, 477, 480, 482, 483, 485, 488, 490; 2, 7, 9, 10, 17, 19, 25, 26, 34, 35, 38—41, 43, 52, 57, 71, 74—80, 83—87, 90, 91, 93, 97, 98, 101—103, 105, 108, 109, 111—113, 116, 117, 122, 123, 129, 130, 135, 138—140, 142—144, 151—160, 165, 166, 173, 174, 176, 177, 188, 193, 194, 196, 197, 205—211, 214—216, 218, 221, 223, 224, 227, 240, 242—245, 251—255, 259, 263, 269, 270, 271, 273—275, 279, 281, 283, 285, 286, 292, 299, 303, 341, 349, 350, 414—419, 421—423, 429.
Мартенс Людвиг Карлович (1875—1948) — 2, 325, 390, 393.
Маслов Петр Павлович (Джон, Икс) (1867—1946) — 2, 165, 166.
Маурер (Maurer), **Георг Людвиг** (1790—1872) — 1, 411.
Мах (Mach), **Эрнст** (1838—1916) — 1, 42, 44, 61, 62—66, 117—123, 125, 129, 130, 132—137, 139, 144—147, 149, 196—198, 250, 252, 258, 260, 262, 295, 296.
Медлер (Mädler), **Иоганн Генрих** (1794—1874) — 1, 169, 172, 245; 2, 21.
Мейер (Meyer), **Юлиус Лотар** (1830—1895) — 1, 156.
Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907) — 1, 31, 36.
Милль (Mill), **Джемс** (1773—1836) — 1, 12, 48; 2, 86, 256.
Милль (Mill), **Джон Стюарт** (1806—1873) — 1, 48; 2, 86, 130, 256.
Михайловский, Николай Константинович (Посторонний) (1842—1904) — 1, 115, 142, 188, 189, 192—194, 218, 219, 418; 2, 279.
Модсли (Maudsley), **Генри** (1771—1831) — 2, 82.
Мошешотт (Moleschott), **Якоб** (1822—1893) — 1, 120, 144, 457.
Молотов (Скрябин), **Вячеслав Михайлович** (род. в 1890 г.) — 2, 348, 349.
Монталамбер (Montalembert), **Марк Рене** (1714—1800) — 1, 167.
Морган (Morgan), **Канви Ллойд** (1852—1936) — 1, 119.
Морган (Morgan), **Льюис Генри** (1818—1881) — 1, 188, 411; 2, 7, 8, 9, 22.
Морозов, Михаил Владимирович (1868—1938) — 2, 384, 388.
Мортон (Morton), **Джон Чалмерс** (1821—1888) — 2, 69.
Мюрон (Muiron), **Жюст** (1787—1881) — 2, 51.
Мюллер (Müller), **Иоганнес Петер** (1801—1858) — 1, 136.
Мюнцер (Münzer), **Томас** (ок. 1490—1525) — 1, 481.

Н

Негели (Nägeli), **Карл Вильгельм** (1817—1891) — 1, 37—39.
Нейман (Neumann), **Карл Годфрид** (1832—1925) — 1, 236.
Непер (Napier), **Джон** (1550—1617) — 1, 167.
Несмит (Nasmyth), **Джемс** (1808—1890) — 1, 382.
Николаев, Аким Максимович (1887—1938) — 2, 342, 344, 345, 347, 350, 398.

Николсон (Nicholson), **Генри Аллейн** (1844—1899) — 1, 282, 286, 288.
Норс (North), **Дадли** (1641—1691) — 1, 377.
Ньюкомен (Newcomen), **Томас** (1663—1729) — 1, 233, 316, 317.
Ньюмарч (Newmarch), **Уильям** (1820—1882) — 2, 130.
Ньютон (Newton), **Исаак** (1642—1727) — 1, 27, 137, 167—169, 175, 176, 180, 221, 226, 227, 230, 231, 240, 248, 250, 311, 313, 345, 445, 446, 453, 454.

О

Окен (Oken), **Лоренц** (1779—1851) — 1, 26, 171, 454.
Осадчий, Петр Семенович (1866—1943) — 2, 348, 399.
Оствальд (Ostwald), **Вильгельм Фридрих** (1853—1932) — 1, 198, 250, 258—260, 295.
Оуэн (Owen), **Роберт** (1771—1858) — 1, 55, 201, 416, 477, 481; 2, 51, 52, 133, 139.
Оуэнс (Owens), **Михаэл Джозеф** (1859—1923) — 1, 268, 269; 2, 120.

П

Павлов, Иван Петрович (1849—1936) — 2, 345, 346.
Палгрейв (Palgrave), **Роберт Гарри Инглис** (1827—1919) — 2, 148.
Папен (Papin), **Дени** (1647—1714) — 1, 233, 316.
Паран (Parent), **Антуан** (1666—1716) — 1, 311.
Пастер (Pasteur), **Луи** (1822—1895) — 1, 281.
Паульсен (Paulsen), **Фридрих** (1846—1908) — 1, 146, 292.
Пеккёр (Pecquer), **Константен** (1801—1887) — 2, 196.
Пелла (Pellat), **Анри** (1850—1909) — 1, 254.
Петцольдт (Petzoldt), **Иосиф** (1862—1929) — 1, 64, 65, 117, 121, 130, 132, 145.
Пирс (Peirce), **Чарлз Сандерс** (1839—1914) — 1, 295.
Пирсон (Pearson), **Карл** (1857—1936) — 1, 133, 134, 136, 137, 198, 253, 258, 262.
Писарев, Дмитрий Иванович (1840—1868) — 1, 148.
Пито (Pitot), **Анри** (1695—1771) — 1, 311.
Пифагор (ок. 571—497 до н. э.) — 1, 84, 148, 157, 179, 227, 228, 471; 2, 19—21.
Платон (настоящее имя Аристокл) (427—347 гг. до н. э.) — 1, 52, 95, 131, 148; 2, 275.
Плеханов, Георгий Валентинович (Бельтов, Н., Волгин, А., Каменский, Н.) (1856—1918) — 1, 17, 19, 51, 52, 89, 99, 100, 115, 124, 126, 128, 150, 249, 469; 2, 297.
Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) (23—79) — 2, 24.
Плутарх (ок. 46—ок. 125) — 2, 19, 20.
Поинтинг (Poynting), **Джон Генри** (1852—1914) — 1, 262.
Попов, Павел Ильич (1872—1950) — 2, 364.
Покровский, Михаил Николаевич (1868—1932) — 2, 323, 340, 342, 343.
Поло (Polo), **Марко** (1254—1324) — 2, 43.
Поппе (Porppe), **Иоганн Генрих Мориц** (1776—1854) — 1, 307—309.

Портер (Porter), **Джордж** (1792—1852) — 2, 65.
Прингсгейм (Pringsheim), **Отто** (род. в 1860) — 2, 165, 166.
Пристли (Priestley), **Джозеф** (1733—1804) — 1, 38, 176, 451.
Прудон (Proudhon), **Пьер Жозеф** (1809—1865) — 1, 192, 211, 325, 331, 335, 340, 352, 353, 397, 408.
Птолемей, Клавдий (II в.) — 1, 167, 179; 2, 14, 16.
Пуанкаре (Poincaré), **Анри** (1854—1912) — 1, 116, 136, 137, 139, 198, 249, 252, 255, 261—263.
Пуанкаре (Poincaré), **Люсьен Антуан** (1862—1920) — 1, 264.

Р

Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — 2, 349.
Рамзин, Леонид Константинович (1887—1948) — 2, 349, 394, 410.
Рамсей (Ramsay), **Уильям** (1852—1916) — 1, 140; 2, 293.
Распайль (Raspail), **Франсуа** (1794—1878) — 1, 400.
Рауль (Raoult), **Франсуа Мари** (1830—1901) — 1, 236, 240.
Рей (Rey), **Абель** (1873—1940) — 1, 137, 139, 250—252, 255, 256, 264, 297.
Ремке (Rehmke), **Иоганнес** (1848—1930) — 1, 135, 137, 145, 146, 261.
Ренар (Reynard), **Франсуа** (1805—после 1870) — 1, 237.
Реньо (Regnault), **Анри Виктор** (1810—1878) — 1, 31.
Риги (Rughi), **Аугусто** (1850—1921) — 1, 253—255.
Рикардо (Ricardo), **Давид** (1772—1823) — 1, 111, 206, 209, 272, 299, 369, 374, 376, 379, 489; 2, 86, 152, 173, 204, 256, 274, 275, 281.
Риккер (Rücker) **Артур Уильям** (1848—1915) — 1, 261, 262.
Риттер (Ritter), **Йоган Вильгельм** (1776—1810) — 1, 239.
Родбертус-Ягцов (Rodbertus-Jagetzow), **Иоганн Карл** (1805—1875) — 1, 206.
Ройс (Royce), **Джозайя** (1855—1916) — 1, 295.
Роско (Roscoe), **Генри Энфилд** (1833—1915) — 1, 36, 267, 268, 288.
Рошер (Roscher), **Вильгельм** (1817—1894) — 1, 374, 375.
Руссо (Rousseau), **Жан Жак** (1712—1778) — 1, 424, 443, 481.

С

Саллюстий, Гай Саллюстий Крисп (86—ок. 35 до н. э.) — 2, 32.
Сапожников, Алексей Васильевич (1868—1935) — 2, 342.
Севери (Savery), **Томас** (1650—1715) — 1, 233, 316.
Сегнер (Segner), **Янош Андраш** (1704—1777) — 1, 311.
Секки (Secchi), **Анджело** (1818—1878) — 1, 172, 453.

Семашко, Николай Александрович (1874—1949) — 2, 342.
Сениор (Senior), Нассау Уильям (1790—1864) — 2, 256.
Сен-Симон (Saint-Simon), Анри (1760—1825) — 1, 24, 154, 169, 201, 416, 445, 481.
Сервет (Servet), Мигель (1511—1553) — 1, 167, 174.
Сименс (Siemens), Эрнст Вернер (1816—1892) — 1, 238.
Сисмонди (Sismondi), Жан Шарль Леонар Сисмонд де (1773—1842) — 1, 211, 474; 2, 50—52, 89, 90, 150, 217, 274, 275.
Скворцов-Степанов, Иван Иванович (1870—1928) — 2, 410, 412.
Смирнов Н. Н. (род. в 1880 г.) — 2, 386, 392.
Смит (Smith), Адам (1723—1790) — 1, 111, 176, 202, 205, 209, 353, 360, 376, 382, 416, 423, 489; 2, 102, 104, 136, 150, 155, 240.
Спенсер (Spencer), Герберт (1820—1903) — 1, 142, 220.
Спиноза (Spinoza), Барух (Бенедикт) (1632—1677) — 1, 52, 87, 169, 443, 454, 461, 462, 476.
Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1879—1953) — 2, 345, 394, 399, 400.
Сталло (Stallo), Джон Бернард (1823—1900) — 1, 139, 140.
Стрижов, И. Н. (род. в 1872 г.) — 2, 386.
Струве, Петр Бернгардович (П. С.) (1870—1944) — 1, 24, 113—115, 404, 408, 409, 419, 420, 429; 2, 91, 160, 162.
Стюнкель, Борис Эрнестович (1882—1938) — 2, 392.
Стюарт (Steuart), Джемс (1712—1780) — 2, 159, 252, 266, 268.
Суханов (Н. Гиммер), Николай Николаевич (1882—1940) — 1, 422.
Сэй (Say), Жан Батист (1767—1832) — 1, 374, 376; 2, 173, 257.

Т

Танеев, Владимир Иванович (1840—1921) — 2, 341.
Таргоне (Targone), Помпео (вторая половина XVI—начало XVII в.) — 1, 310.
Тард (Tarde), Габриель (1843—1904) — 1, 297.
Тацит (Публий Корнелий Тацит) — (ок. 55—ок. 120) — 2, 14, 17, 22.
Тейлор (Taylor) Фредерик Уинслоу (1856—1915) — 2, 234, 236, 237, 353—355, 413.
Тимирязев, Аркадий Климентович (1880—1955) — 1, 53.
Тимирязев, Климент Аркадьевич (1843—1920) — 2, 322.
Тиндаль (Tyndall), Джон (1820—1893) — 1, 248, 282, 453.
Толстой, Лев Николаевич (1828—1910) — 1, 429.
Томпсон (Thompson), Уильям (около 1785—1833) — 2, 51.
Томсон (Thomson), Томас (1773—1852) — 1, 233, 234, 244, 245.
Томсон (Thomson), Уильям, лорд Кельвин (1824—1907) — 1, 80, 241, 243, 250, 252, 254.
Торренс (Torrens), Роберт (1780—1864) — 2, 256.

Торричелли (Torricelli), Эванджелиста (1608—1647) — 1, 60, 165, 168.
Траубе (Traube), Мориз (1826—1894) — 1, 278, 281, 288, 290.
Тревиранус (Treviranus), Годфрид Рейнхольд (1776—1837) — 1, 26.
Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865—1919) — 1, 115, 398, 491.
Тук (Tooke), Томас (1774—1858) — 2, 130.
Тьерри (Thierry), Жак Никола Огюстен (1795—1856) — 1, 185, 188.
Тюрго (Turgot), Анн Робер Жак (1727—1781) — 1, 308

У

Уайетт (Wyatt), Джон (1700—1766) — 1, 302.
Уатт (Watt), Джемс (1736—1819) — 1, 233, 302, 303, 316—318, 334, 341, 343, 376; 2, 121, 244.
Уилкинсон (Wilkinson), Джон Гарднер (1797—1875) — 2, 27.
Уильямс (Williams), Филипп — 1, 311.
Уитни (Whitney), Илай (1765—1825) — 1, 378; 2, 81.
Ульвиг (Houllevigue), Луи (1863—1944) — 1, 253.
Уорд (Ward), Джемс (1843—1925) — 1, 261—263.
Уэвель (Whewell), Уильям (1794—1866) — 1, 78.
Уэджвуд (Wedgwood), Джозайа (1730—1795) — 1, 341; 2, 66.
Уэйд (Wade), Джон (1788—1875) — 2, 152.
Уэйкфилд (Wakefield), Эдуард Гиббон (1796—1862) — 1, 427.
Уэйринг (Waring), Уильям — 1, 311.
Уэст (West), Эдуард (1782—1828) — 1, 489.

Ф

Фаброни (Fabbroni), Джованни Валентино Маттия (1752—1822) — 1, 246.
Фавр (Favre), Пьер Антуан (1813—1880) — 1, 236, 238, 240.
Фалес из Милета (ок. 624—ок. 547 до н. э.) — 1, 240; 2, 19, 20.
Фарадей (Faraday), Майкл (1791—1867) — 1, 234—237, 246, 247, 264.
Фаульхабер (Faulhaber), Иоганн (1580—1635) — 1, 302, 310.
Фейербах (Feuerbach), Людвиг (1804—1872) — 1, 42, 43, 52, 54—56, 61, 70, 98, 104—109, 117, 120, 124, 130, 136, 144, 195, 196, 199, 269, 441, 442, 451, 456—459, 461, 464, 466, 468, 471, 475, 476.
Фехнер (Fechner), Густав Теодор (1801—1887) — 1, 195, 235.
Фик (Fick), Адольф (1829—1901) — 1, 245, 286.
Филон Александрийский (Philo) (ок. 25 до н. э.—50 н. э.) — 1, 50.
Фихте (Fichte), Иоганн Готтлиб (1762—1814) — 1, 122, 135, 263.
Фишер (Fischer), Фридрих (1801—1853) — 1, 229.
Фогт (Vogt), Карл (1817—1895) — 1, 26, 120, 144, 449, 457.

Фолькман (Volkmann), **Пауль** (1856—ок. 1938) — 1, 52, 149.
Фраас (Fraas), **Карл** (1810—1875) — 1, 490.
Франкленд (Frankland), **Эдуард** (1825—1899) — 1, 267.
Франклин (Franklin), **Бенджамин** (1706—1790) — 1, 338.
Фрейзер (Fraser), **Александр Кемпбел** (1819—1914) — 1, 115, 116.
Фриз (de-Vries), **Гуго де** (1848—1935) — 1, 293.
Фултон (Fulton), **Роберт** (1765—1815) — 2, 244.
Фурье (Fourier), **Шарль** (1772—1837) — 1, 177, 201, 416, 451, 477, 481; 2, 51, 75, 81, 88, 147, 285, 286, 418.

Х

Ханкель (Hankel), **Вильгельм Готлиб** (1814—1899) — 1, 237.
Хантсмен (Huntsman), **Бенджамин** (1704—1776) — 2, 66.
Харгривс (Hargreaves), **Джемс** (ум. в 1778 г.) — 1, 341; 2, 212, 247.
Харизоменов, Сергей Андреевич (1854—1917) — 2, 61.
Хвольсон, Орест Даниилович (1852—1934) — 1, 146.
Хиббен (Hibben), **Джон Грир** (1861—1933) — 1, 259, 260.
Хорнер (Horner), **Леонард** (1785—1864) — 2, 250, 270, 271.

Ц

Цицерон (**Марк Туллий Цицерон**) (106—43 до н. э.) — 1, 308; 2, 19, 25, 84.
Цюрупа, Александр Дмитриевич (1870—1928) — 2, 390, 413.

Ч

Чейко, Иван Антонович (Чейка) — 2, 348.
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — 1, 150, 407.
Чиршки (Tschierschky), **Зигфрид** (род. в 1872 г.) — 2, 118.
Чичерин, Георгий Васильевич (1872—1936) — 2, 393.
Чубарь, Влас Яковлевич (1891—1939) — 2, 348.

Ш

Шван (Schwann), **Теодор** (1810—1882) — 1, 289, 452.
Шwegler (Schwegler), **Альберт** (1819—1857) — 1, 51, 229.
Шербюлье (Cherbulier), **Антуан Элизэ** (1797—1869) — 1, 478.
Шиллер (Schiller), **Фердинанд Каннинг Скотт** (1864—1937) — 1, 295.
Шлейден (Schleiden), **Маттиас Якоб** (1804—1881) — 1, 289, 452.
Шмидт (Schmidt), **Генрих** (1874—1935) — 1, 146.
Шмидт, Василий Владимирович (1886—1940) — 2, 317.
Шопенгауэр (Schopenhauer), **Артур** (1788—1860) — 1, 135, 449.

Шорлеммер (Schorlemmer), **Карл** (1834—1892) — 1, 36, 161, 162, 266—269, 291, 454.
Штарке (Starcke), **Карл Николай** (1858—1926) — 1, 105, 107, 108, 457.
Штейнмец (Steinmetz), **Чарльз Протеус (Карл Август Рудольф)** (1865—1923) — 2, 325.
Штирнер (Stirner), **Макс** (литературный псевдоним **Каспара Шмидта**) (1806—1856) — 1, 104, 186; 2, 18, 435.
Штраус (Strauß), **Давид Фридрих** (1808—1874) — 1, 104, 105.
Шуберт-Зольдери (Schubert-Soldern), **Рихард** (1852—1935) — 1, 122, 141, 142, 145.
Шульце-Делич (Schulze-Delitzsch), **Герман** (1808—1883) — 1, 409.
Шуппе (Schuppe), **Вильгельм** (1836—1913) — 1, 141.

Э

Эвклид (конец IV—начало III в. до н. э.) — 1, 167.
Эйлер (Euler), **Леонард** (1707—1783) — 1, 227, 311, 313.
Эйнштейн (Einstein), **Альберт** (1879—1955) — 1, 53, 150.
Эмери (Emery) — 2, 81.
Энгельс (Engels), **Фридрих** (1820—1895) — 1, 14—18, 22, 23, 25, 28—33, 36, 38, 42—44, 50, 51, 59, 61, 63—65, 79, 82, 84, 85, 105, 109, 110, 112, 113, 116, 117, 120—128, 130, 133—134, 139, 140, 144, 145, 147, 154, 155, 162, 166, 172, 174, 176—178, 185, 187, 188, 194—196, 199, 202, 207, 215—217, 220, 223—227, 230, 232—234, 236, 240, 245—249, 254, 255, 258, 264, 265—270, 275, 279—281, 284, 287, 289—291, 300, 327, 330, 335, 340, 345, 348, 349, 358, 362, 364, 380, 382—383, 397, 401—402, 407, 421, 424—427, 435, 446, 447, 449, 451, 453—455, 459—461, 464—466, 468, 471, 472, 478, 482, 484, 488; 2, 5, 6, 9, 11, 12, 16, 17, 19, 21—25, 28, 29, 33, 34, 36, 37, 42—45, 49, 60, 65, 68, 69, 72, 73, 87, 88, 111, 121, 139, 141, 145, 148, 160, 173, 178, 182—183, 187, 188, 199—201, 203, 213, 214, 217, 225—227, 238, 239, 242, 245, 247—248, 250, 251, 262, 263, 269, 272, 277, 278, 284—286, 288—292, 302, 305, 415, 417, 421.
Энгельхардт (Engelhardt), **Хельвиг Конрад Кристиан** (1825—1881) — 2, 13.
Эндрюс (Andrews), **Томас** (1813—1885) — 1, 84.
Эпикур (ок. 341—ок. 270 до н. э.) — 1, 448, 449; 2, 9, 17, 18, 19, 21.
Эратосфен (ок. 276—194 до н. э.) — 1, 179.
Эфруси, Б. О. (1865—1897) — 2, 50—52, 89.

Ю

Юм (Hume), **Давид** (1711—1776) — 1, 52, 121, 123, 125, 130, 132, 133, 147, 195, 456.
Юр (Ure), **Эндрью** (1778—1857) — 1, 298, 323, 354; 2, 75, 77, 124, 132, 133, 214, 240, 241, 248, 268, 269.

Я

Якоби (Jacobi), **Фридрих Генрих** (1743—1719) — 1, 69.

Предметный указатель

А

Абстракция

- научная — 1, 33, 37, 39, 79, 81—82, 85—86, 88—91, 138, 148, 440, 443, 455, 461; 490;
- как прием исследования — 1, 85—86, 88—89;
- абстрактное и конкретное — 1, 33, 37, 39, 55, 60, 68, 80—82, 85—86, 88—90, 95, 96, 109, 113—114, 117, 157; 2, 414.

Авиация — 2, 398.

Автомат (автоматическая машина) — см. Машины (машинное производство).

Автоматизация производства — см. Машины (машинное производство).

Автотранспорт — см. Транспорт автомобильный.

Агронмия, агротехника и агрокультура — 1, 207, 334, 350, 428, 429, 431, 485, 490, 492; 2, 33, 102, 151—152, 157, 160—167, 169—172, 302, 303, 338, 402.

Агрохимия — 1, 428; 2, 157, 169—171.

Академии наук — 1, 267; 2, 305.

Аксиомы — 1, 18, 67, 73, 83, 84, 220.

Алгебра — 1, 80, 167, 224.

Анализ — 1, 18, 25, 49—50, 70, 78, 79, 84—85, 94, 96, 191, 192, 194, 203—207, 210, 218—219, 242, 280, 302, 321, 449, 454, 487; 2, 282, 423;

- и синтез — 1, 49, 85, 94, 301, 444.

Аналогия — 1, 29, 36, 81—82, 90, 91, 400, 401, 444, 448, 454, 455.

Анатомия

- ее место в системе (классификации) наук — 1, 175, 443, 451, 452, 459.
- ее история — 1, 165, 168, 171, 175, 460;
- сравнительная — 1, 171, 175, 289, 451, 452;
- анатомия человека — 1, 86, 165;
- разное — 1, 452.

Антропология — 1, 166.

Априоризм — 1, 110—112, 133—134, 193—194, 202.

Арифметика — 1, 80, 167, 220—222, 290.

Астрономия

- ее предмет — 1, 40, 41, 82, 152, 162;
- ее законы — см. Законы — астрономии;
- ее место в системе (классификации) наук — 1, 165, 175, 453;

- ее история — 1, 165—169, 172, 174—175, 177, 179, 230, 456, 459; 2, 19—21;
- разное — 1, 40, 56, 152, 229—231.

Атеизм — 1, 43—44, 55, 56, 61, 103—107, 115—116, 122, 135, 150, 156, 197, 198, 464—473, 483; 2, 19, 414;

- и естествознание — 1, 56, 60, 61, 115—116, 122, 156, 167, 174, 453, 463

Б

Биология

- ее место в системе (классификации) наук — 1, 152, 154—155, 157—158, 175, 270;
- ее законы — см. Законы — биологии;
- и диалектика — 1, 36, 99, 162, 171, 182—183, 280—286., 449;
- биологическое и социальное — 1, 142—144, 284—285; 2, 421;
- ее история — 1, 26, 28, 152—153, 168—171, 173, 176, 183, 453, 457;
- разное — 1, 40, 41, 149, 156, 162, 192, 279, 289, 293, 451.

См. также: **Анатомия, Ботаника, Дарвинизм, Зоология, Палеонтология, Физиология, Эмбриология.**

Ботаника — 1, 165—166, 168, 170, 171, 275; 2, 174.

В

Военная наука — 2, 26—33, 44—49, 180—182, 184—187, 189, 192.

Военная техника — 1, 421, 431, 437; 2, 26—33, 44—49, 72, 178—184, 186—189, 191—192, 348, 401.

Г

География — 1, 169—171, 175, 176; 2, 38, 88, 337, 339.

Геология

- ее предмет — 1, 152, 155;
- ее место в системе (классификации) наук — 1, 175;
- и диалектика — 1, 170, 172, 175, 182;
- ее история — 1, 166, 168, 170—172, 175, 176, 452, 458;
- разное — 1, 11, 30, 152, 155, 452, 480; 2, 173.

Геометрия — 1, 79, 80, 83, 84, 167, 168, 224—225, 233.

Гидростатика — 1, 51, 60.

Гидроторф — 1, 439; 2, 224, 365, 366—381, 385, 388, 389, 392.

Гипотеза

— как прием исследования — 1, 42, 152, 450;
— и доказательство, проверка гипотезы — 1, 42, 158, 190—192, 194, 290—291, 293—294, 450.

ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России) — 2, 307, 323, 325, 337, 338, 360, 362, 373, 374, 375, 376.

См. также: План электрификации и единый хозяйственный план в Советской России.

Гуманизм

— и наука — 1, 474—476; 2, 414.

Д

Дарвинизм

— его историческое значение — 1, 14, 175, 183, 271—275, 284—285, 287—288, 290, 302, 400, 420, 445, 452;

— и диалектика, диалектическое понимание природы — 1, 14, 28, 157, 175, 192, 194, 284, 400, 445, 451, 452, 458;

— и материалистическое понимание истории — 1, 14, 142—144, 400, 452, 454, 455;

— разное — 1, 28, 78—79, 157. *См. также: Биология.*

Дедукция — 1, 77, 78, 87, 96, 187, 204;

— и индукция — 1, 77, 78, 79, 87, 96.

Диалектика

— общая характеристика — 1, 22, 26—28, 44, 45, 48, 49—53, 79, 93, 96, 101, 102, 113, 139, 150, 154, 175, 199, 228, 229, 251, 255—256, 443, 445, 448, 449, 461, 466; 2, 423;
— законы диалектики — 1, 26, 33, 49—50, 79, 249, 450, 451;

— диалектика и конкретные науки — 1, 26, 27, 51, 54, 89, 95, 102, 164, 167—172, 181—182, 221, 225, 226, 444, 446, 450, 454.

См. также: Закон единства и борьбы противоположностей, Закон перехода количества в качество, Закон отрицания отрицания.

Диалектический материализм

— как научное мировоззрение — 1, 52, 101—102, 181—182, 254—255, 446, 464—466, 472; 2, 423;

— и естествознание — 1, 26, 28—29, 42—44, 53, 54, 95, 102, 123—124, 132, 137—140, 161—162, 176—177, 181—183, 196, 199, 249—250, 253—256, 262—264, 292, 441—446, 451—453, 469, 470.

См. также: Диалектика, Исторический материализм, материалистическое понимание истории, Материализм.

Диктатура пролетариата

— как власть рабочего класса — 1, 215, 405, 436, 474; 2, 359, 421, 424, 425, 426;

— как условие строительства социализма — 1, 217, 404—405, 436, 438, 439, 474; 2, 294, 297, 330, 331, 332, 333, 421, 424, 425—426, 432;

— и наука — 1, 436;

— и техника — 1, 437—439, 483.

Дифференциальное и интегральное исчисление — 1, 51, 69, 79—82, 112—113, 152, 167, 176, 221, 225—227, 264, 454.

Доказательство — 1, 29, 60, 69, 78, 84, 172, 177, 289, 456.

Е

Естествознание

— его предмет — 1, 26—28, 29, 63—64, 109, 120—121, 123—124, 127, 133—135, 161, 420, 443, 445—446, 448—450, 484;

— как теоретическое отношение человека к природе — 1, 27, 28, 33, 442, 443, 448, 451, 475, 484, 486;

— как познание вселенной — 1, 40, 42, 183, 443, 446, 484;

— эмпирическое — 1, 28, 39, 129, 183, 450, 451;

— и философия — 1, 26—28, 42, 53, 54, 101—102, 117, 136, 140, 144—146, 150, 156, 166—172, 174—177, 179, 182—183, 193, 198, 225—234, 236, 248, 249, 253—254, 261, 289—290, 443, 445, 447—452, 454—455, 457—459, 475, 476;

— и материализм — 1, 115, 118, 119, 127, 144—150, 169, 175, 176, 248, 289, 301—302, 445, 446, 449, 450, 452—454, 457, 458, 476, 484;

— и диалектика — 1, 26—28, 33, 52, 54, 55, 82, 95, 101—102, 112—113, 123—124, 131—132, 139—140, 148, 161—162, 168—172, 175—177, 181—182, 221, 225, 226, 230, 268, 279—280, 289—290, 443, 445, 450, 451, 453, 454, 455, 456—457, 484.

См. также: Диалектический материализм — и естествознание;

— и общественные науки — 1, 15, 53, 140—144, 150, 191—194, 197—198, 420, 473;

— и политическая экономия — 1, 15, 266—267, 271—272;

— и научный коммунизм — 1, 290;

— и религия — 1, 56, 63, 122, 128—129, 132, 135—136, 145—146, 164, 167—170, 174—175, 290, 415, 420, 448, 453, 458, 473;

— и материальное производство — 1, 60—66, 109, 165—166, 187—188, 347—348, 441, 449, 457, 475; 2, 85, 125;

— его история — 1, 27—28, 29, 36, 88, 95, 109, 165—172, 174—176, 275, 289, 443, 444, 448—451, 453—455, 457—458, 486; 2, 18—21;

— революции в естествознании — 1, 27, 53, 54, 147, 266;

— кризис естествознания в конце XIX—начале XX в. — 1, 137—138, 147, 258—263, 473, 474;

— разное — 1, 33—36, 40—42, 54, 79—82, 147, 161, 232, 268—269, 279, 347—348, 443.

См. также: Астрономия, Биология, Геология, Дарвинизм, Математика, Наука, Техника и технология, Физика, Химия.

Ж

Железные дороги — 1, 213, 248, 328, 333, 341—342, 345, 348, 362—364, 413, 430, 435, 436, 492, 489; 2, 67, 99, 102, 105, 110, 115, 120, 123, 145, 174, 175, 176, 177, 188, 197,

198—200, 229, 233, 236, 274, 278, 280, 283, 294, 297, 344, 346, 347, 358, 395—398.

См. также: **Транспорт** — железнодорожный.

3

Закон всемирного тяготения — 1, 27, 167, 176, 400.

Закон единства и борьбы противоположностей — 1, 33, 45, 49, 50—52, 112—113, 249, 444.

Закон отрицания отрицания — 1, 33, 49, 93, 265—267, 270, 280, 289—290.

Закон перехода количества в качество — 1, 33—35, 38, 50, 155—156, 244, 265, 266, 269.

Закон сохранения и превращения энергии — 1, 27, 28, 36—37, 76—77, 183, 236, 240—241, 265, 289, 303, 449, 453, 454, 458.

Закономерность

— в природе — 1, 64, 89, 91, 132—133, 134, 145, 182—183, 255;

— в истории — 1, 79, 141—142, 183—184, 206, 434, 445.

Законы

— их объективный характер — 1, 51, 63—64, 132—134, 183—184, 420, 482, 486, 487, 490; 2, 415, 420;

— общие, всеобщие законы — 1, 26, 27, 33—34, 36, 41, 51, 78—79, 81, 177, 181, 184, 200, 439, 482, 2, 415, 420;

— диалектики — *см.* **Диалектика** — законы диалектики;

— движения материи — 1, 26, 60, 79, 138, 172, 174—175, 451; 2, 415, 420;

— природы — 1, 14, 26, 27, 33, 36—41, 48, 60, 63—64, 66, 76—77, 88—89, 91, 134, 145, 173, 174, 176—177, 183—184, 202, 226, 252—253, 263, 298, 400, 420, 482; 2, 74, 387, 288, 420;

— общественного развития — 1, 14, 26, 63, 79, 141, 189, 400, 420, 482; 2, 164, 288, 415—419, 420;

— мышления — 1, 26, 33, 63, 76—77, 79, 83, 92, 95, 154, 176—177, 182, 445, 448—449;

— астрономии — 1, 167, 176, 230—231;

— математики — 1, 167, 176, 221—222, 229, 420;

— механики — 1, 27, 167—168, 171—172, 230—231, 457; 2, 98;

— физики — 1, 27, 31, 76—77, 252—253, 265, 289, 300, 448, 451;

— химии — 1, 41, 157—158, 171, 175, 252—253, 265, 267, 268, 451, 457; 2, 96;

— биологии — 1, 14, 182—183, 272, 275, 283—284, 292, 400, 420, 453, 457;

— экономические — 1, 14, 141—142, 189, 202, 206, 420; 2, 245, 248, 275—276, 283, 284, 292, 294;

— развития науки — 1, 167—168;

— развития техники — 1, 304;

— разное — 1, 45, 46, 177, 413, 490; 2, 146, 164, 281, 285.

Земледелие

— и применение машин — 1, 178, 209, 334, 335, 355, 362—364, 402, 431, 488, 491—493; 2, 22, 23, 36, 37, 39, 42, 49, 61, 66—67, 72, 85, 88, 98, 106, 112, 151, 154,

159, 161—169, 171, 255, 260—264, 274—275, 391, 392, 400—406, 416, 417, 430;

— и промышленность — 2, 203, 204;

— и наука — 1, 165, 208, 215, 429, 431, 433, 480, 488, 489; 2, 67, 107, 125, 406, 416, 417, 430;

— при социализме и коммунизме — 1, 215, 492; 2, 299, 30—303, 415, 417, 430.

Знание — 1, 56, 59, 64, 68, 89, 94, 101, 123—124, 130—132, 139, 147, 164, 255, 422, 435, 440, 442, 445, 448, 453, 457, 459, 476; 2, 94, 328, 395, 418, 424, 427—431, 434.

См. также: **Наука, Познание.**

Зоология — 1, 165—166, 168, 171, 275; 2, 174.

И

Идеализм

— противоположность материализму — 1, 42—43, 52, 63, 104—107, 116—120, 124—127, 131, 132, 134, 135, 141—142, 144, 148, 181—182, 226, 446, 457, 458, 470;

— его гносеологические и социальные корни — 1, 52—53, 132—133, 136—138, 144—146, 148, 149, 197—198, 250, 255—257, 259, 263, 429, 440, 442, 468, 472;

— и естествознание — 1, 53, 63, 115—123, 127—140, 144—149, 198, 249—261, 289, 442, 446, 450, 451, 453, 456.

Идеи

— как продукт мышления — 1, 68, 445, 457; 2, 414, 417, 419, 424;

— марксистско-ленинское понимание их происхождения и природы — 1, 68, 134—135; 2, 297, 417;

— и практика — 1, 68, 71, 82, 439, 442, 450, 480, 481; 2, 414, 417, 419.

См. также: **Абстракция, Категории.**

Идеология

— как надстройка — 1, 83, 110—111, 128, 417, 440, 460;

— ее классовый характер — 1, 53—54, 148, 212, 403—406, 409, 415; 2, 423, 424;

— буржуазная — 1, 83, 110—111, 148, 407—409, 413, 418, 420, 426, 429; 2, 423;

— пролетарская, социалистическая, ее непримиримость к буржуазной идеологии — 1, 53—54, 132, 212, 218—219, 408, 409, 417, 419, 421; 2, 331, 335, 423, 424.

См. также: **Мировоззрение.**

Изобретения

— их социальная обусловленность — 1, 298, 299, 301, 335, 410; 2, 8, 9, 120—121;

— их социальные последствия — 1, 178, 233, 302, 402, 410, 431; 2, 96, 123, 293—294;

— и промышленная революция — 1, 301—303, 336; 2, 64—65, 68, 211—212, 292—294;

— и труд — 1, 298, 299, 302, 335—336, 348, 365; 2, 210, 236, 292—294;

— и наука — 1, 166, 298, 300;

— отдельные изобретения — 1, 180, 266, 300, 302, 313; 2, 42, 43;

— каменный нож — 1, 232; 2, 5, 8—12, 17, 23;

— — лук и стрела — 2, 8, 9;

— — письменность — 2, 22;

— — стекло — 2, 15, 40;

- бумага — 2, 40, 43;
  - книгопечатание — 1, 165, 166, 181, 402; 2, 41—43;
  - компас — 1, 177; 2, 43;
  - порох — 1, 177, 402; 2, 37, 42—45;
  - очки — 1, 165; 2, 43;
  - гончарное производство — 2, 12, 15, 22;
  - телефон — 2, 236;
  - часы — 1, 165, 177; 2, 40, 43;
  - прочие — 1, 165—166, 174—175, 301—303, 435; 2, 22, 23, 39—42, 249, 250, 259, 384, 385, 389;
  - в капиталистическом обществе — 1, 298, 301—303; 2, 65, 80, 96, 118—119, 123, 236, 247—250, 252—253, 293—294;
  - в условиях социализма — 2, 293—294, 298;
  - при коммунизме — 1, 424, 446.
- См. также:* **Изобретения и изобретательство в Советской России, Машины** (машинное производство), **Наука и техника в дореволюционной России, Наука и техника в Советской России, Орудия производства, Орудия труда, Средства производства, Средства труда, Техника и технология, Технический прогресс.**
- Изобретения и изобретательство в Советской России** — 2, 343, 344, 345, 348, 366, 384, 385, 387, 389, 408.
- См. также:* **Промышленность в Советской России** — и наука, техника, изобретательство, **Радио и радиотехника.**
- Империализм** (как высшая стадия капитализма)
- концентрация производства, монополии и научно-технический прогресс — 1, 20, 205, 215, 333, 421, 430, 431; 2, 116—119, 120, 192, 194—198, 200—202, 294—296, 296—297.
- Индукция** — 1, 77—79, 87, 90, 96.
- См. также:* **Дедукция** — и индукция.
- Интеллигенция**
- буржуазная — 1, 23, 53, 150, 333, 407, 408, 422, 435, 467; 2, 279, 311, 312, 328, 419, 423, 430, 432;
  - пролетарская — 1, 435; 2, 424, 425, 430;
  - в период перехода от капитализма к социализму и в социалистическом обществе — 1, 407, 421—422, 435, 436, 473—474; 2, 291—292, 310—311, 314, 315, 318, 323, 327, 328, 424, 425, 430.
- Исследование**
- методы, способы исследования — 1, 189—192, 194—195, 199, 210—212, 217—218;
  - научное — 1, 27—28, 37—38, 61, 83—84, 104, 165, 172, 176—177, 199, 268, 445, 448, 452—453, 455, 460; 2, 278.
- См. также:* **Абстракция, Анализ, Метод.**
- Истина**
- как процесс развития знания — 1, 29—31, 47—48, 68, 101, 152—154, 182, 442, 446, 482;
  - практика как ее критерий — 1, 54—56, 59, 61—65, 73, 99, 124, 126—128, 420;
  - объективная — 1, 47, 48, 61—63, 65, 68, 70, 73, 74, 127—132, 139;
  - абсолютная и относительная — 1, 30, 31, 43, 65, 70, 101, 103, 128, 131—132, 139, 251, 255, 446, 489;
  - «вечная» — 1, 30, 62, 65, 152—154, 181, 187, 442, 448.
- Историография** — 1, 106, 186, 475.
- Исторический материализм, материалистическое понимание истории**
- его сущность — 1, 14, 17, 31—33, 60, 83, 84, 87, 140—142, 186—190, 192—194, 211—215, 266, 337, 403, 417, 423, 439—440, 445, 457—459, 466—467;
  - как метод исследования — 1, 31, 32, 83, 141—142, 177, 187, 212—215, 439—440, 442, 480; 2, 429;
  - и научный коммунизм — 1, 417.
- См. также:* **История** (как наука), **Общественная формация, общественно-экономическая формация; Производительные силы, Производственные отношения, Производство, Сознание.**
- Историческое и логическое** — 1, 85—86, 96, 419; 2, 416, 420, 421.
- История** (как наука) — 1, 14, 30, 31, 44, 84—87, 95, 153, 176, 183—188, 192, 212—214, 455, 458, 465; 2, 105, 337, 340, 343.
- См. также:* **Историография, Исторический материализм, материалистическое понимание истории.**

К

Капитализм (как общественно-экономическая формация)

- общая характеристика — 1, 22, 178—179; 417—418, 421, 438; 2, 56, 80, 98, 104—105, 107—108, 111, 113—114, 116—119, 122, 127—128, 141—142, 146—151, 156, 160—162, 164, 171—172, 173, 174, 177, 192—193, 195—197, 200, 228, 229, 278, 286—288, 290, 294—296, 297, 416, 419, 420, 421, 423, 425, 426, 427, 429, 430, 434;
  - и наука — 1, 320—321, 329, 347, 421, 432, 459, 474; 2, 92, 96, 203, 234, 235, 280;
- См. также:* **Наука** — в условиях капиталистического общества;
- и техника — 1, 329, 347, 349, 367, 397—398, 431, 432, 435, 436; 2, 91—92, 109, 130, 132, 140—141, 160—162, 168—171, 180—183, 188—192, 203, 233, 234, 280, 294, 297;
  - и промышленный переворот — 1, 302, 305, 331, 339, 343—344; 368, 397; 2, 69, 203, 211—212, 276—277;
  - и крупное машинное производство — 1, 201, 301, 325—326, 329—330, 335, 340, 346—348, 351, 354, 365—372, 375, 380—392, 394—395, 397; 2, 73, 88, 90, 107, 128; 130—132, 135, 137—146, 203, 228, 229, 278, 282, 284, 290;
  - его противоречия — 1, 201—202, 466; 2, 64, 74, 75, 76, 77, 80, 85, 87, 88, 90—91, 92, 96, 109—110, 128, 130, 138—139, 141—144, 145—149, 152, 163, 180; 183; 188—190, 192—193, 197—199, 201—202, 245, 246, 278—279, 280, 281—282, 284—285, 286—288, 290, 415—422, 425, 426, 429;
  - его исторически преходящий характер — 1, 202, 205—206, 330, 435; 2, 74, 148, 196, 233, 245, 283—284, 288, 414—423, 425—427, 429—434;
  - и пролетарская революция — 2, 76, 148, 149, 202, 292, 299, 200, 418, 420, 433;

— и переход к социализму — 1, 215, 220, 330; 2, 148, 159—160, 192—193, 195—196, 198—199, 200, 294—296, 297, 298, 416—427, 429—432.

См. также: **Изобретения** — в капиталистическом обществе, **Империализм** (как высшая стадия капитализма), **Наука и техника в дореволюционной России**, **Производительные силы** — при капитализме. **Технический прогресс** — при капитализме.

Категории — 1, 30, 41, 45, 67—69, 85—86, 115, 400, 454, 455, 457.

См. также: **Логика**, **Мышление**, **Познание**, **Понятие**.

Классификация наук — 1, 152—155, 157—158, 162, 171, 175, 268, 448, 476.

Коммунизм (общественная формация) — 2, 414—434.

— и наука — 2, 416, 418, 424, 428, 430, 434.

См. также: **Наука** — при коммунизме;

— и техника — 2, 140, 309, 374, 416, 418, 426, 427, 430, 434.

См. также: **Технический прогресс** — при коммунизме.

Коммунизм научный — 1, 31—32, 400, 409, 417, 443, 454, 477, 480; 2, 337, 414—434.

Коммунизм утопический — 1, 481; 2, 423.

Космогония — 1, 27, 30, 168—169, 171—172, 175, 230—231, 248, 451, 454, 457.

Крупная промышленность

— ее технический базис — 1, 332, 341—347, 350, 361, 434, 478; 2, 35, 38, 42, 50, 52, 53, 72, 82, 96, 118—119, 149, 165, 245, 248—254, 256—259, 261, 263—265, 307, 372, 374, 430;

— машины как основа ее развития — 1, 330, 331, 334—335, 339—345, 347—349, 352—353, 355, 360, 389, 412; 2, 64, 71, 81, 109, 149, 214, 220, 224, 228, 243, 271, 273, 280, 284, 285, 310;

— и наука — 1, 164, 339, 340, 341—344, 386, 422, 448, 458, 482; 2, 102, 125, 225, 275, 430.

— и использование сил природы — 1, 302, 340, 345, 355, 360, 376—377, 379, 380, 392, 396—397; 2, 74, 95—96, 108, 110, 112, 247, 252, 289, 368, 383, 384, 388, 389, 390, 393;

— ее развитие как материальная предпосылка коммунистического преобразования общества — 1, 298, 401, 402, 410—414, 416, 439, 478; 2, 69, 88, 110, 147, 159—160, 192—193, 195—200, 278, 283, 284, 285, 289, 291—292, 297, 298, 300, 307, 309, 332, 354, 363, 372, 374, 378, 379, 380, 382, 415—417, 430.

Культура

— ее ступени, уровень — 1, 15, 190, 199, 351, 465, 483, 489; 2, 407, 408, 425, 429, 433;

— и наука — 1, 397; 2, 163;

— и техника — 1, 350—351, 492; 2, 156, 163, 167, 190, 307;

— буржуазная — 2, 190, 319, 320, 328, 425, 428—431;

— социалистическая — 1, 397; 2, 330, 331, 376, 407, 427;

— отношение пролетариата к культурному наследию — 1, 466; 2, 305, 307, 319, 320, 321, 322, 330, 356, 369, 395, 424, 425, 427—434.

См. также: **Цивилизация**.

Культурное строительство и культурная революция в Советской России — 1, 422—423, 438—439; 2, 305, 307, 424—425, 427—433.

Л

Логика

— как наука о мышлении — 1, 41, 44, 48, 90—92, 96, 154;

— как метод познания, исследования, — 1, 44, 77, 78, 90, 96, 446, 454, 455;

— формальная — 1, 42, 48, 76, 90—91, 99, 176—177, 257, 446, 448;

— диалектическая — 1, 44, 48, 76, 90—91, 99—100, 454, 457, 490.

См. также: **Абстракция**, **Анализ**, **Аналогия**, **Гипотеза**, **Дедукция**, **Диалектика**, **Доказательство**, **Историческое и логическое**, **Категории**, **Метод**, **Мышление**, **Обобщение**, **Определение**.

М

Мануфактура

— как ступень развития промышленного производства — 1, 330, 332, 337, 339, 345—346, 348—349, 352—359, 389, 417, 427; 2, 35, 36, 38, 39, 58—61, 63—64, 75, 88, 131, 165, 254, 256, 259, 277, 290, 300, 416, 417;

— ее технический базис — 1, 336, 339, 354—356, 358, 360; 2, 57, 58, 60—61, 109, 131, 165;

— и применение машин — 1, 177—178, 302—304, 330, 335—337, 339—340, 349, 354—358, 360, 389; 2, 58, 59, 62, 85, 87, 90, 122, 130—133, 139, 277, 280, 284.

Марксизм-ленинизм

— общая характеристика — 1, 14, 15—16, 17, 18, 22—23, 24—25, 44, 188—195, 404; 2, 421, 423, 425, 429;

— как научное мировоззрение — 1, 15, 464; 2, 330, 331, 425, 428, 429;

— теоретические источники марксизма — 1, 14—15, 24, 163, 194—195, 217—218, 400, 401, 403, 407, 417, 466—467, 469—470, 480;

— составные части марксизма — 1, 22, 144, 163, 199, 469, 470;

— основные этапы его развития — 1, 22—24, 406, 407; 2, 415;

— как революционный переворот в истории общественной мысли — 1, 14—15, 15—16, 17, 24—25, 189—190, 194—196, 199, 208—209, 400, 403, 404, 411, 484; 2, 72, 425, 429;

— его соединение с рабочим движением — 1, 404, 417, 469—470; 2, 72, 429;

— как теоретическая основа партии рабочего класса — 1, 16, 407, 465; 2, 425, 429;

— как закономерный результат исторического развития — 1, 187, 407; 2, 429.

См. также: **Диалектика**, **Диалектический материализм**, **Исторический материализм**, **материалистическое понимание истории**, **Коммунизм** — научный, **Марксистско-ленинская политическая экономия**, **Марксистско-ленинская философия**.

Марксистско-ленинская политическая экономия — как теоретическая основа научного комму-

- низма — 1, 14, 15, 17, 192, 203—207, 214—215, 400, 401; 2, 72, 429;
- ее предмет исследования — 1, 199, 202, 209—210;
  - ее метод — 1, 85—87, 89, 188—189, 210—211;
  - ее законы — 1, 188—192, 200, 205—206; 2, 90—91, 285;
  - ее категории — 1, 85—87, 210—211, 400; 2, 61;
  - ее превосходство над буржуазной и мелкобуржуазной политической экономией — 1, 266—267, 290, 291; 2, 292.

Марксистско-ленинская философия

- как научное мировоззрение — 1, 142, 181—182, 399, 446;
- как духовное оружие пролетариата — 1, 176—177; 2, 277;
- как высшее достижение философской мысли — 1, 176—177, 181—185, 445, 446, 455.

См. также: Дialeктический материализм, Исторический материализм, материалистическое понимание истории.

Математика

- ее предмет — 1, 63, 220;
- ее место в системе (классификации) наук — 1, 152, 175, 453;
- ее возникновение из потребностей практики — 1, 165;
- ее законы. **Законы** — математики;
- ее аксиомы — 1, 83, 84, 220, 420;
- ее применение в других науках — 1, 82, 110, 137—138, 152, 165, 167, 223, 347—348;
- ее история — 1, 165—167, 175, 176, 221, 226—227, 229, 454; 2, 19, 20;
- и философия — 1, 26, 112—113, 138; 2, 20;
- и диалектика — 1, 26, 69, 112—113, 220—226, 228;
- разное — 1, 29, 42, 69, 79—82, 110, 113, 133, 138, 148, 152—153, 227—228, 240—241, 263—264, 301, 445, 446, 454.

См. также: Алгебра, Арифметика, Геометрия, Дифференциальное и интегральное исчисление, Тригонометрия.

Материализм

- материализм и идеализм, их противоположность — 1, 26, 28, 31—32, 42—43, 52, 63, 104—107, 116—120, 124—127, 131, 132, 135, 141—142, 148, 150, 194—196, 202, 252—255, 257—259, 260—261, 441, 456, 457, 465, 472; 2, 19;
- диалектический — 1, 26, 52, 137, 138, 140, 144; 2, 423;

См. также: Дialeктический материализм.

- механистический — 1, 154, 156, 157, 254—255, 263, 264, 284, 476;
- естествонаучный — 1, 120—121, 133, 137, 144—147, 176, 254—259, 261, 263—264, 302, 446, 451, 453, 458, 459, 464, 477;
- исторический. *См. Исторический материализм, материалистическое понимание истории, Мировоззрение;*
- и естествознание — 1, 53, 115, 118, 119, 128, 144, 146, 150, 154, 176, 199, 249—250, 253—254, 256, 260—261, 263—264, 292, 422, 442, 446, 449, 451, 453, 458, 459;
- и гуманизм — 1, 476, 477;

Материя

- понятие, абстракция материи и действительность — 1, 42, 43, 118—119, 121, 129—131, 145, 157, 455;
- формы ее существования — 1, 36—37, 112, 131, 161—162, 265;
- строение материи — 1, 43, 81, 119, 131, 138, 254, 265; 2, 21;
- и движение — 1, 34, 36, 37, 39—40, 42, 60, 77, 112—113, 120, 145, 154, 157, 158, 161—162, 167—168, 170—172, 175, 230, 235—237, 240—241, 243—244, 249, 254, 257—258, 261—263, 445, 450—451, 453, 455;
- и сознание, мышление, дух — 1, 36, 39—40, 52, 61, 84, 88, 91—92, 118—119, 121—123, 125, 129—131, 134—135, 142, 145, 167, 175, 194—195, 225—226, 253—255, 257—258, 281, 439—440, 446, 451, 456—457;

Машины (машинное производство)

- общие положения — 1, 177—298—299, 301—304, 313, 315, 318—320, 336—337, 340, 401, 441; 2, 25, 26, 68, 69, 99, 101, 103, 122, 254, 255, 258, 285—286;
- как производительная сила — 1, 298, 319, 325—327, 329, 336—340, 353, 366—367, 372—375; 2, 78, 98, 121, 247, 254, 261;
- как выражение технического прогресса — 1, 340, 383, 384, 391, 424, 425, 431; 2, 75, 124, 169, 385;
- как выражение исторического прогресса — 1, 424, 425, 485; 2, 64—65, 89—90;
- как средство труда, орудие труда — 1, 301, 303, 337—340, 353, 366—367, 373—374; 2, 87, 93, 98, 103, 249—259, 263, 267;
- как средство, орудие производства — 1, 306, 326, 329, 366, 372—375, 427; 2, 103, 108, 133—136, 276;
- как комбинация простых инструментов — 1, 314, 339, 354;
- как основа развития крупной промышленности — 1, 303, 341, 345, 346—348, 351—352, 354—356, 360, 389; 2, 68—69, 149, 214, 220, 224, 228, 243;
- их составные части — 2, 71, 99, 101;
- кооперация однородных машин — 1, 303, 306, 314; 2, 70—71;
- их отличие от орудий — 1, 301—303, 314—315, 319, 336—337, 339;
- производительность машин — 2, 107, 121, 123—124, 135—137, 203;
- история их развития — 1, 185, 301, 305—313, 424; 2, 61, 66—67, 113, 281, 289;
- и рабочий — 1, 185, 304, 306, 345, 347—349, 354—359, 361, 368—369, 371, 375, 378—379, 380, 383, 385—388, 390—391, 397, 401, 410, 411, 412, 417, 423; 2, 87, 93, 116, 124—125, 129, 130—133, 139, 145, 205, 206, 207, 216, 224, 247—254, 256—270, 271—276, 298.
- и рабочее время — 1, 347, 365—368, 370—371, 374, 378—379, 384—385, 388—391; 2, 128—129, 131—133, 135—140, 143, 205, 206, 207, 236;
- и труд — 1, 177, 301, 348—349, 372—374, 380, 381, 389, 412, 423; 2, 79, 88, 96, 132, 138, 168, 172, 205, 214, 216, 218, 238—240, 243—244, 271, 272, 274, 285;
- и производительность труда — 1, 301, 347—348, 350, 360, 365, 369—372, 376—378, 380,

- 383—388, 390—392, 394—398, 424, 491; 2, 123, 130, 135—138, 161, 205, 207, 208, 228, 230, 247, 253, 261, 417;
- и интенсивность труда — 1, 412, 427; 2, 129, 132, 135—140, 161, 166, 169, 171, 205, 207, 219;
  - и кооперация труда — 1, 305, 412, 417, 426; 2, 69—70, 230, 240, 417;
  - и разделение труда — 1, 309, 314—315, 335—337, 340, 347, 349—350, 353—359, 411, 417, 426; 2, 69, 80, 81, 96, 109, 112, 214, 244, 247, 251, 254, 255, 417;
  - и промышленная революция — 1, 302, 305—308, 331, 339, 343—344, 368, 397, 411; 2, 65, 68—69, 71, 224, 276, 277, 280;
  - их изобретение и усовершенствование — 1, 330, 334, 348, 354, 356—358, 365, 367, 379—380; 2, 80, 99, 124—125, 135—138, 140, 143, 146, 154, 165—168, 205, 206, 211—213, 220, 225, 248, 249, 251, 254, 260, 263, 272, 276, 290;
  - самопрядка — 2, 40, 81, 285;
  - машина-двигатель — 1, 302—303, 317, 337, 355, 356, 371, 372; 2, 55, 81, 82, 123, 125;
  - рабочая машина — 1, 303, 306, 314; 2, 69—70, 81, 105—106, 123, 125, 261;
  - передаточный механизм — 1, 309, 314, 316;
  - первичный двигатель — 1, 302—303, 317, 318; 2, 75, 121;
  - паровая машина — 1, 79, 173, 178, 213, 233, 298, 300—303, 313, 316—318, 330, 334, 341, 343, 344, 348, 378, 380, 434, 480, 487, 491; 2, 64—65, 71, 81—82, 116, 121, 124, 132, 136, 148, 163, 164, 168, 210, 211, 238, 243, 244, 250, 259, 261, 272, 274, 278, 283, 289;
  - паровой молот — 1, 330, 377; 2, 285;
  - паровая турбина — 1, 302—303;
  - водяной двигатель — 1, 302, 342; 2, 25, 26, 40, 248;
  - мельница — 1, 165, 307—313, 350; 2, 15, 22, 25, 26, 40;
  - прядильная машина — 1, 177, 302, 303, 318, 330, 335, 339, 341, 355, 363, 371, 373, 381, 390, 392, 427; 2, 68, 71, 102, 136, 212, 244, 247, 248, 250, 251, 283, 285;
  - ватер-машина — 2, 248, 250, 266;
  - мюль-машина — 1, 334, 337, 341, 377, 378, 480; 2, 55, 138, 205, 212, 213, 222, 225, 248, 250, 266
  - механический ткацкий станок — 1, 178, 303, 307, 330, 334, 337, 339, 341, 345, 366, 377, 390, 391, 441; 2, 61, 68, 71, 72, 77, 87, 136, 205, 212, 221, 222, 227, 249, 250, 253, 275, 283, 285;
  - токарный станок — 2, 82, 393;
  - строгальный станок — 2, 250;
  - швейная машина — 1, 337, 355; 2, 224;
  - чесальная машина — 1, 334, 342; 2, 81, 136, 249;
  - типографская машина, печатный станок — 1, 165; 2, 81;
  - система машин — 1, 301, 303, 306, 309, 313—316, 322, 339, 355, 356, 368, 372, 375; 2, 71, 83, 87, 94—96, 220, 240, 254, 255;
  - селфактор (автоматическая прядильная машина) — 1, 337, 339, 340, 346, 357, 400, 410; 2, 72, 87, 213, 222, 247—249;
  - автоматическая машина — 2, 54, 71, 75—76, 87, 135, 138, 240, 274;
  - автоматическая система машин — 1, 313, 347, 356, 372; 2, 54—55, 71, 81, 93, 240;
  - паровоз — 2, 103, 390, 391, 394, 396;
  - пароход — 2, 103, 106, 172, 173, 175, 244, 259, 280;
  - трактор — 2, 392, 405, 406;
  - автомобиль — 2, 395, 411;
  - развитие машинного производства — 1, 213, 304—305, 314—315, 318, 322; 2, 85, 90, 109, 113, 130, 206, 211, 221, 225, 236, 249, 250, 253, 258—260, 262, 264, 274, 276;
  - развитие машиностроения — 1, 305; 2, 71—72, 89, 124, 137—138, 225, 250, 267, 274;
  - их физический износ — 1, 379, 381—383; 2, 79, 101, 103, 122, 124—125, 129, 138, 219;
  - их моральный износ — 1, 379—380, 383; 2, 101, 138;
  - в земледелии — 1, 178, 209, 301, 307, 334—336, 351, 355, 362—364, 380, 490—492; 2, 22, 39, 49, 151, 154, 159, 161—172, 176—177, 260—264, 274—275, 305, 390, 395, 403;
  - в строительстве — 2, 22, 23, 264;
  - и наука — 1, 319, 339—340, 345—348, 388, 2, 77, 159, 227, 261, 275;
  - и естествознание — 1, 347—348; 2, 82;
  - и механика — 1, 301, 334—337, 343, 345—348, 360—361, 389; 2, 71, 124, 154;
  - их развитие и применение при капитализме — 1, 319, 325, 329, 334—335, 340, 345—349, 351, 354, 365—372, 375, 380—392, 394—395, 401, 402, 417, 489, 490; 2, 66, 79, 84, 96, 98, 100, 111—112, 121—122, 123, 129, 138—139, 142—143, 146, 148, 150, 154, 159, 161—166, 168, 170—171, 180, 183, 188—190, 191—192, 205—207, 211—214, 224, 225, 235, 247—260, 263, 271, 272, 285, 292;
  - социальные последствия машинного производства — 1, 303, 325, 345—346, 357—358, 390, 402, 409, 426; 2, 71, 75, 83, 109—110, 123, 129, 130, 145—146, 150, 161, 163, 164, 168—172, 203, 205, 211—214, 228, 235, 271, 273, 274, 277, 289.
  - и прибавочная стоимость — 2, 203—207, 210, 211, 213, 229, 234, 235;
  - и материальное положение рабочих — 1, 346, 378—379, 390—391, 402, 426; 2, 77, 84, 86, 130, 131, 136—137, 161, 212, 214—216, 218, 223—226, 229, 234—235;
  - и усиление эксплуатации рабочих — 1, 303—304, 323, 367—368, 370—371, 379, 402; 2, 77, 84, 123, 130—133, 138, 145, 203, 204, 206, 216, 219, 220, 223, 224, 232, 235, 237, 277;
  - и превращение рабочих в придаток машины — 1, 349, 356, 425, 427; 2, 86, 136, 214, 230, 240, 243, 245;
  - и применение женского и детского труда — 1, 318, 363, 426, 427; 2, 86, 132—134, 138—140, 216, 218—220, 223, 224, 230, 237, 242, 243, 272;
  - и здоровье рабочих — 1, 346, 402; 2, 100, 128, 135, 138—139, 216, 220, 223, 224, 266—270, 289;
  - и увеличение безработицы, резервной армии труда — 1, 390, 402, 425; 2, 73, 139, 145, 161, 164, 172, 215, 218, 225, 228, 230, 233, 235, 238, 272, 285—286, 290;

- как средство подавления, угнетения рабочих — 1, 356—426; 2, 96, 129, 231—232—236, 286;
- и борьба рабочего класса против буржуазии — 1, 185, 401; 2, 130, 133, 134, 140, 164, 190—191, 200, 228—233, 235, 298;
- и усиление конкуренции рабочих с машинами — 2, 213, 214, 216, 224, 226, 243, 273;
- и разорение мелких производителей — 1, 402, 425; 2, 159, 161, 168—172, 212, 214—215, 227, 272, 273, 277;
- и создание материальных предпосылок социализма — 1, 213—214, 298, 330; 2, 192—193, 229, 283—284, 289, 291, 298;
- в социалистическом обществе — 1, 439, 483; 2, 121, 236, 243—244, 305;
- при коммунизме — 1, 446;
- критика буржуазных воззрений на машины — 1, 301—302, 340; 2, 84, 89—90, 166—168, 173—174;
- разное — 1, 325, 336—337, 339—340, 345—346, 348—350, 360, 362—364, 372—374, 379—382, 389; 2, 132—133, 163, 164—168, 170—171, 247, 249, 250, 255, 259, 264, 266, 267, 270, 383, 391, 392, 393, 394.
См. также: Изобретения, Орудия производства, Орудия труда, Средства производства, Средства труда, Техника и технология.
- Медицина, медицинские науки** — 2, 292.
- Метеорология** — 1, 40, 41, 64, 155, 165—166, 172—173.
- Метод**
  - как средство научного исследования — 1, 84, 96, 101—102, 437, 458;
  - диалектико-материалистический — 1, 28, 52, 76, 85—87, 101—102, 112, 163, 181—182, 302, 450, 451;
  - идеалистический — 1, 101—103, 457;
  - метафизический — 1, 38, 112, 156, 182, 445, 457; 2, 20, 21;
  - аналитический — 1, 79, 82, 85, 94, 96. *См. также: Анализ.*
  - дедуктивный — 1, 68—69, 77—78, 96. *См. также: Дедукция.*
  - индуктивный — 1, 77—79, 96, 448. *См. также: Индукция.*
  - эмпирический — 1, 28, 79;
  - исторический — 1, 84—85, 96, 437;
  - сравнительный — 1, 175, 451;
  - метод марксистско-ленинской политической экономии — 1, 85—87, 89, 188—189, 199—200, 400, 450;
См. также: Диалектика, Диалектический материализм, Исторический материализм, материалистическое понимание истории, Логика.
- Методология. См. Диалектика, Исторический материализм, материалистическое понимание истории, Метод.**
- Механика**
  - как наука о движении небесных и земных масс — 1, 27, 34, 80, 82, 110, 155, 231—232, 256, 270; 2, 20, 21;
  - ее место в системе (классификации) наук — 1, 152, 154—155, 157—158, 162, 175, 451;
  - ее законы. *См. Законы* — механики;
    - и физика — 1, 34, 154, 157—158, 161—162, 231—234, 248, 266, 298;
    - и математика — 1, 82, 152, 165, 167, 223, 248, 301—302, 347—348;
    - земная — 1, 34, 40, 41, 80, 82, 99, 155, 161—162, 167, 454;
    - небесная — 1, 27, 34, 56, 80, 155, 157, 161—162, 167, 454, 457;
    - механика твердых тел, жидкостей и газов — 1, 82, 110, 167, 452;
    - теоретическая — 1, 234, 345—346;
    - математическая — 1, 27;
    - и производство — 1, 165, 166, 175, 298, 301—302, 335—336, 345—348, 360—361, 389, 460; 2, 71, 85, 96, 152, 154;
    - ее история — 1, 27, 165—167, 176, 177, 309, 334—335, 457;
    - разное — 1, 66, 139, 152, 155, 158—160, 162, 263, 301, 451, 454, 457, 460; 2, 152.
См. также: Законы — законы механики (и астрономии), **Изобретения, Машины** (машинное производство).
- Механицизм** — 1, 38, 155—157, 445, 452, 457, 476.
- Минералогия** — 1, 167, 175, 451.
- Мировоззрение**
  - как надстройка — 1, 441, 457;
  - материалистическое — 1, 26, 28, 31—32, 42—43, 52, 104—105, 116—120, 123—127, 131, 135, 150, 181, 213, 417, 419, 446, 463, 464;
  - марксистско-ленинское — 1, 15, 28, 31—32, 42—43, 213—216;
  - буржуазное — 1, 53, 417;
  - идеалистическое — 1, 134—135, 148, 181, 415, 416, 453, 467; 2, 6;
  - метафизическое — 1, 168; 2, 20, 21;
  - естественнонаучное — 1, 133, 144, 446, 450, 457, 464.
- Мораль**
  - как надстройка, форма общественного сознания — 1, 109, 186, 413, 440, 442, 443; 2, 431;
  - ее зависимость от экономики — 1, 108—109, 186, 413; 2, 431;
  - ее зависимость от социальных условий — 1, 107—109, 111, 186, 439, 477; 2, 431;
  - ее классовый характер — 1, 108—109, 424, 439—440, 442—443, 476; 2, 431;
  - и собственность — 1, 108; 2, 431;
  - и интересы — 1, 108—109, 413, 424; 2, 431;
  - буржуазная — 1, 403, 412, 424, 431; 2, 431;
  - коммунистическая — 1, 166, 175, 282—283, 412; 2, 431.
См. также: Наука — и нравственность.
- Морфология** (биол.) — 1, 452.
См. также: Анатомия, Палеонтология, Эмбриология.
- Мышление**
  - как форма движения материи — 1, 60, 281;
  - как продукт развития материи — 1, 59—60, 175, 281, 285;
  - как отражение действительности — 1, 28—30, 48, 83, 87, 116—117, 181, 440, 443, 445, 448, 449, 456, 457;
  - как способ освоения мира — 1, 66—67, 85—86, 89, 455;
  - и материя — 1, 60;

- диалектическое — 1, 28, 52, 79, 87, 93—95, 100—103, 112, 113, 229, 445, 446, 449, 456;
- логическое — 1, 41, 78;
- роль труда в его возникновении и развитии — 1, 455;
- и практика — 1, 54, 56, 61, 66—67, 89, 124, 439;
- абстрактное — 1, 39, 55, 82, 85, 88, 89, 445;
- его формы, способы, виды — 1, 41, 83, 444, 476;
- его законы. *См. Законы мышления*;
- и познание — 1, 15, 29, 30, 41, 83, 91, 112, 452—455, 457;
- и чувственный опыт — 1, 28, 37—39, 171, 176, 226;
- и понятие — 1, 28, 87, 89—92, 95, 181, 182;
- и истина — 1, 30, 54, 89, 92—93, 101, 458;
- научное — 1, 28—29, 66, 91, 94, 148, 455, 456.

См. также: Категории, Логика, Познание, Сознание — и мышление.

Н

Натурфилософия — 1, 26—27, 166, 171—172, 174, 176, 183, 233, 234, 450.

Наука

- как способ теоретического освоения мира — 1, 66—67, 85—86, 89, 420, 422, 452, 475, 476; 2, 6, 23—25, 41, 43;
- как производительная сила — 1, 318—324, 347—348, 400, 408; 2, 25, 41, 60, 94—95, 96, 247, 261, 355, 418, 430;
- как революционная сила — 1, 14, 399—407, 409, 418, 419, 441, 487; 2, 430;
- как продукт всеобщего исторического процесса развития — 1, 321—323, 420, 460; 2, 419;
- научный труд как всеобщий труд — 2, 419;
- научное производство (наука как вид производства) — 1, 14;
- классификация, система наук. *См. Классификация наук*;
- взаимосвязь наук — 1, 138, 154—155, 157—158, 162, 176, 268, 446, 448, 451;
- ее задачи — 1, 28, 38, 403, 404, 424, 475;
- ее метод. *См. Метод*;
- ее объективный характер — 1, 68, 70, 72—73, 419, 420, 440, 475;
- естественные науки. *См. Естествознание*;
- общественные, гуманитарные науки. *См. Общественные, гуманитарные науки*;
- военные науки. *См. Военная наука*;
- философские науки. *См. Марксистско-ленинская философия, Философия*;
- и практика — 1, 22, 60—62, 64—65, 67, 70—75, 96, 109, 176; 2, 90—91;
- и производство — 1, 20, 60, 109, 165—166, 208, 298—299, 302, 319—323, 339—341, 343—344, 346—347, 388—389, 396—397, 424, 441, 446, 459, 460, 475, 489; 2, 57, 60, 96, 98, 106; 120—121, 151—152, 157—159, 275, 282, 305, 306, 418, 430.
- и разделение труда — 2, 418, 419;
- и человек — 1, 76, 109, 462, 475, 476; 2, 418, 428;
- и рабочий класс — 1, 14, 15, 16, 177, 321—

- 323, 403, 404, 406—408; 2, 94, 303, 428, 430;
  - и техника — 1, 60, 79, 188; 2, 203, 234, 282, 430;
  - и общественные отношения, общественный строй — 1, 31, 153, 202, 399, 400, 401, 403, 422, 424, 438; 2, 60, 92, 96, 203, 303, 305, 306, 419, 428, 430;
  - и классовая борьба — 1, 17, 18, 150, 399, 403, 404, 420, 422, 436, 462, 473, 474; 2, 292, 330, 428;
  - и государство, политика — 1, 422, 433, 434, 436, 459;
  - и идеология — 1, 132, 404, 436;
  - и мировоззрение — 1, 31—32, 439, 473.
- См. также:* Марксистско-ленинизм.
- и философия — 1, 28—29, 31—32, 60, 61, 103—105, 176—177, 181, 415, 436—437, 445, 446, 449, 450, 454, 455, 459—462; 2, 41;
  - и нравственность — 1, 424, 427;
  - и искусство — 1, 153, 427, 429, 430;
  - и религия — 1, 56, 61, 63, 129, 131, 166—168, 174, 175, 447, 453, 459, 460, 462, 463, 471, 472; 2, 9, 17, 41;
  - научные открытия. *См. Открытия (научные)*;
  - научное познание. *См. Познание*;
  - относительность научного знания — 1, 29—31, 38—41, 101, 102, 131—132, 139, 152—154, 456;
  - партийность науки — 1, 53—54, 61, 113, 120, 131, 134, 146—148, 150;
  - ее преподавание и пропаганда, популяризация научных знаний — 1, 154; 2, 399, 400, 407, 408, 412, 413;
  - ее история — 1, 15, 36, 44, 51, 59, 87, 95, 101, 124, 137, 164, 165—172, 174—176, 181—183, 187—188, 212, 228—229, 234—235, 237—238, 268, 275, 303, 436, 448—449, 460;
  - ее возникновение — 1, 165—166; 2, 24;
  - ее развитие, прогресс — 1, 27, 29, 38, 41—42, 59, 76—77, 95, 101, 131, 138, 157, 165—167, 174—176, 399, 400, 430; 2, 203, 234;
  - революции в науке — 1, 27, 32, 53, 54, 147, 266, 289, 300;
  - ее геоцентрический характер — 1, 40, 41;
  - в древнем мире — 1, 165, 167, 171—172, 174, 444; 2, 6, 9;
  - в средние века — 1, 166—168, 415;
  - в эпоху Возрождения — 1, 166—167, 174—175;
  - в условиях капиталистического общества — 1, 15, 18—20, 166—172, 174, 183, 255—256, 299, 319—323, 329, 347, 400, 403, 424, 435—437, 471—474; 2, 60, 92, 96, 107, 112, 203, 234, 235, 282, 356, 429, 430.
  - в социалистическом обществе — 1, 422, 424, 429, 435, 446; 2, 291, 292, 306, 307, 418, 424, 430;
  - при коммунизме — 1, 397, 424, 446, 453; 2, 416, 418, 424, 428, 430, 434;
  - разное — 1, 29, 30—31, 32, 53, 67—68, 91, 94, 153, 154, 340, 343, 348, 454.

См. также: Агрономия, Алгебра, Анатомия, Антропология, Астрономия, Биология, Ботаника, Военная наука, География, Геология, Геометрия, Естествознание, Зоология, История (как наука), Классификация, наук, Коммунизм научный,

Логика, Марксистско-ленинская политическая экономия, Марксистско-ленинская философия, Математика, Медицина, Медицинские науки, Механика, Минералогия, Оптика, Открытия. Педагогика, педагогические науки, Палеонтология, Познание, Социология, Термодинамика, Тригонометрия, Физика, Физиология, Филология, Философия, Химия, Эмбриология, Юриспруденция, Языкознание.

Наука и техника в дореволюционной России — 2, 428, 429.

Наука и техника в Советской России

- роль науки и техники в строительстве социализма — 1, 473; 2, 308, 317, 330, 346, 358, 361, 362, 368, 369, 370, 401, 405, 421, 427, 428, 430, 434;
- общественные, гуманитарные науки — 1, 53; 2, 322, 327, 343, 400;
- естественные науки — 1, 53; 2, 348;
- забота о развитии науки и техники — 2, 279, 341, 342, 343—344, 345—346, 347, 348, 349—350, 351, 388, 393, 427, 428, 430;
- привлечение буржуазных специалистов науки и техники к социалистическому строительству — 2, 279, 294, 306, 308, 310, 311, 312—325, 329, 334, 336, 338, 339, 343—344, 351, 355, 358, 362, 366, 369, 373, 374, 376, 378, 384, 393;
- подготовка новых научно-технических кадров — 2, 327, 333, 339, 340, 370, 374, 407, 424, 425, 427, 428, 430, 431, 433;
- наука, техника и производство, необходимость широкого и быстрого внедрения научно-технических достижений в практику — 2, 384, 385, 389, 427, 430;
- организация научно-исследовательской работы — 2, 339, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 383;
- постановка научно-технической информации, использование зарубежного передового опыта — 2, 327, 339, 344, 345, 346—347, 350, 361, 364, 365, 366—367, 370, 371—372, 373, 376—388, 390, 399—400, 404—413.

См. также: Гидроторф, ГОЭЛРО, Изобретения и изобретательство в Советской России, Культурное строительство и культурная революция в Советской России, Промышленность в Советской России — и наука, — и техника, изобретательство, Радио и радиотехника, Электрификация в Советской России.

Научная организация труда, производства — 2, 92, 306, 370, 413, 416, 417.

О

Обобщение

- понятие как результат обобщения — 1, 28, 39, 85, 92;
- разное — 1, 28, 29, 85, 89, 92, 95, 222, 420, 453.

См. также: Абстракция.

Образование, обучение — 2, 291, 294, 417, 424, 427, 433;

- и наука — 1, 422, 465, 472, 475; 2, 292, 329, 338, 340, 427, 428, 430, 431;
- политехническое — 2, 279, 292, 323, 336, 337, 338, 376, 377, 407, 409, 412, 424, 430.

См. также: Наука и техника в Советской России — подготовка новых научно-технических кадров.

Общественная формация, общественно-экономическая формация — 1, 177, 188—192, 194, 208—212, 338.

Общественные, гуманитарные науки — 1, 15, 24—25, 31, 51, 103, 133, 144, 150, 153, 182, 191, 195, 201—202, 212—215, 459, 465, 403, 437, 487.

Общественные отношения, общественный строй — и наука. **Наука** — и общественные отношения, общественный строй;

— и техника — 1, 60—61, 325, 424, 480, 485—486; 2, 130, 133, 293—294;

— и производство. **См. Производство и общественные отношения, общественный строй.**

Общественный труд

— и наука — 1, 303, 322—323; 2, 280, 416, 417, 418, 419;

— и техника — 1, 303, 322—323; 2, 95, 280, 416, 417, 418, 422;

Общество

— и производительные силы — 1, 31—32, 238; 2, 147, 282, 287, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 427, 430;

— и наука — 1, 60; 2, 419, 430;

— и техника — 1, 60; 2, 422, 430;

— и производство — 1, 86—87, 184—185; 2, 112, 146—147; 282, 288, 290, 304, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 426, 430.

Общество буржуазное. См. Капитализм (как общественно-экономическая формация).

Оптика (как раздел физики) — 1, 168, 176.

Опыт

— практический — 1, 83, 171, 260;

— и познание, наука — 1, 42, 78, 82, 83, 89, 90, 128—130, 138, 171, 226, 298, 320, 454, 455, 476.

См. также: Теория и практика, Эксперимент, Эмпиризм.

Организация общественного труда и производства — 2, 54, 57, 92, 109, 122, 125;

— ее капиталистические формы — 1, 86; 2, 130, 210, 234, 236, 237, 246—247, 273, 285, 286, 290, 291, 304, 352, 416, 417, 418, 419, 420, 425, 426, 432;

— и технический базис производства — 1, 412—414; 2, 234, 352, 354, 358, 388, 416, 417, 418, 422, 430;

— и наука — 1, 298—299, 446; 2, 237, 352—358, 418, 430;

— при социализме и коммунизме — 1, 332—334; 2, 299, 304, 305, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 366, 376, 383, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 425, 426, 427, 430, 432; — разное — 2, 125, 291.

Орудия производства

— естественно возникшие — 1, 477;

— как производительная сила — 1, 375—376;

— их совершенствование, дифференциация и специализация — 1, 477, 478; 2, 280;

— и производительность труда — 1, 376—377, 478.

См. также: Орудия труда, Средства производства, Средства труда.

Орудия труда

— их появление как начало специфически человеческой деятельности — 1, 173—174; 2, 5, 6, 8—12, 14—15, 17;

- их изобретение, производство и усовершенствование — 1, 367—368; 2, 70—75, 283;
- их дифференциация, специализация и упрощение — 1, 42;
- как элемент процесса труда — 1, 67, 353, 359, 372; 2, 22, 23, 25, 282;
- и машины — 1, 301—303, 306, 308, 319, 351, 359, 369—372, 389—390; 2, 70—71, 75, 167—168, 232.

См. также: **Орудия производства, Средства производства, Средства труда.**

Открытия (научные)

- Ф. Энгельс и В. И. Ленин о великих открытиях Маркса — 1, 14, 212—215, 400, 445; 2, 277, 279, 285, 292;
- три великих открытия в естествознании XIX в. — 1, 289—290, 452, 459;
- научные открытия и труд, производство, экономика — 1, 178, 299, 424, 446; 2, 293;
- в астрономии — 1, 26, 27, 36, 167, 169, 456;
- в биологии — 1, 28, 152—153, 168, 452;
- в математике — 1, 14;
- в технике — 1, 14, 234, 299, 300;
- в физике — 1, 14, 76—77, 79, 132, 137, 140, 145, 150, 234, 300, 452;
- в химии — 1, 36, 132, 140, 150, 234, 266, 268, 269, 446, 451;
- географические — 1, 401, 487;
- разное — 1, 428, 449, 452, 459, 475.

См. также: **Дарвинизм, Дифференциальное и интегральное исчисление. Закон всемирного тяготения, Закон сохранения и превращения энергии. Изобретения.**

П

Палеонтология — 1, 166, 168, 171, 173, 175, 275, 452—453.

Педагогика, педагогические науки — 1, 462, 463, 467; 2, 424, 425, 427, 428, 430, 431, 433.

План электрификации и единый хозяйственный план в Советской России — 2, 305, 307, 309, 310, 323, 338, 339, 350, 360—362, 363, 368, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 407, 409, 412.

См. также: **ГОЭЛРО** (Государственная комиссия по электрификации России), **Электрификация в Советской России.**

Познание

- его диалектический характер — 1, 29—31, 42, 44, 46—47, 51—53, 70, 89, 95—96, 101—102, 112, 123—124, 148, 254—255, 437, 446;
- его безграничность и бесконечность — 1, 28—29, 30, 38, 40, 49—51, 53, 83, 112, 445—446;
- его относительность — 1, 29—31, 41, 153, 298, 455, 482;
- его историческое развитие — 1, 29—30, 42, 76—77, 88, 104—105, 445, 453;
- теория познания — 1, 52, 61, 62, 64, 65, 74, 96, 115, 116, 121, 123, 124, 128, 129, 131, 132, 139, 164, 448;
- органы, орудия и средства познания — 1, 29, 37—38, 41, 76, 471, 476, 477;
- природы — 1, 26—28, 34, 38, 40, 42, 45, 47, 56, 59, 63, 64, 66, 68, 88, 90, 91, 116, 133, 167—173, 176, 183, 298, 446, 452, 453, 458; 2, 74, 414, 420;

- форм движения материи — 1, 59—60, 45;
- общества, истории — 1, 29, 83, 141, 153, 445—447; 2, 414, 415, 416, 417, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 429;
- законов человеческого мышления — 1, 41, 76—77, 91—92, 95, 154.

См. также: **Логика. Мышление.**

- и предвидение — 1, 486—487;
- и практика — 1, 54, 59—62, 64—65, 68, 70—71, 73, 74, 95, 96, 126, 176, 447, 455, 456, 487; 2, 74;

См. также: **Теория и практика.**

- и религия — 1, 52, 53, 63, 121, 122, 131—132, 174, 403, 446—447; 2, 414;
- и агностицизм, скептицизм — 1, 42, 65, 125—132;
- критика идеалистических теорий познания — 1, 52—53, 61—65, 115—135, 147; 2, 415, 423, 424.

См. также: **Диалектика, Истина, Логика, Мышление.**

Политическая экономия

- как наука — 1, 31, 86—87, 95, 176, 198, 200—202, 208, 419, 451, 487;
- ее предмет — 1, 96, 188, 199—202, 209—211, 427;
- ее метод — 1, 85—87, 89, 110—113.

См. также: **Метод** — метод марксистско-ленинской политической экономии.

- экономические законы. *См. Законы* — экономические;
- ее системы — 1, 279—280, 426;
- буржуазная и мелкобуржуазная — 1, 69, 86—87, 113—115, 178, 202, 206, 209—211, 267, 299, 427—430, 436, 437, 488, 490; 2, 130, 145—146, 149, 150, 152—153, 155—156, 160—162, 164—167, 274—275, 279, 281, 292;
- марксистско-ленинская. *См. Марксистско-ленинская политическая экономия;*
- и философия — 1, 89, 96, 436;
- и материалистическое понимание истории — 1, 14, 31, 32, 234, 267, 400, 481;
- и естествознание — 1, 95, 454;

Практика. *См. Теория и практика.*

Природа

- познание, исследование природы. *См. Познание* — природы;
- науки о природе — 1, 152—154, 445, 460, 485; 2, 25.

См. также: **Естествознание, Познание** — природы.

- естествознание и промышленность как теоретическое и практическое отношение человека к природе — 1, 66, 178—179, 424, 427, 455, 475—477, 485, 486, 491; 2, 74, 97, 252, 274, 304;
- коммунистическое преобразование общества и природа — 2, 289.

Прогресс

- умственный, познания, идей — 1, 29, 299, 429, 460, 483;
- науки. *См. Наука* — ее развитие, прогресс;
- техники. *См. Технический прогресс;*
- экономический — 1, 432;
- социальный — 1, 466; 2, 278, 279, 416, 419, 425, 427.

См. также: **Развитие.**

Производительность (производительная сила) труда

- общие положения — 1, 319, 361—362, 393—397, 404—405, 415, 2, 11, 55, 76, 97, 104, 107, 114, 154, 158, 174, 247, 261, 278, 352, 419, 420, 422—423, 424, 426, 427;
- и способ производства — 2, 57, 77, 95, 106, 122, 125—127, 130, 145, 151—152, 167—168, 422, 423, 427;
- как выражение уровня технического прогресса — 1, 350, 415; 2, 107, 124, 173, 308, 352, 355, 422, 426;
- ее зависимость от уровня развития науки и ее технологического применения — 1, 319—320, 347—348; 2, 98, 125, 238, 354, 422, 424, 426, 430;
- и квалификация работника — 1, 415; 2, 121, 416, 417, 418, 424;
- и кооперация труда — 1, 305, 319; 2, 54—57, 208, 210, 237, 416, 417;
- и разделение труда — 1, 347, 351, 359—360, 427; 2, 60, 125—126, 129, 208, 210, 237, 247, 255, 257, 416, 417, 418, 419;
- и средства труда, производства — 1, 427; 2, 86, 97, 112—113, 127, 209, 251, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 426;
- и машины, их изобретение, усовершенствование — 1, 319, 347—348, 350, 360, 365, 369, 370—372, 376—378, 380, 383—388, 390—392, 394—398, 424; 2, 83, 93—94, 121, 129, 130, 131, 135, 143, 146, 167—168, 205, 208, 228, 230, 355, 400, 426;
- при коммунизме — 1, 415; 2, 316, 354, 416, 422, 423, 426, 427, 430.

Производительные силы

- общие положения — 1, 31—32, 186, 194, 330—331, 345, 402, 441, 478, 479, 482; 2, 5, 9, 17, 23—26, 35, 90, 105, 107, 112, 153—154, 286, 416, 417, 419, 420, 422, 423, 426, 427;
- люди, рабочие как производительная сила — 1, 415; 2, 78, 216, 235, 355, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 426, 427, 430;
- средства производства, машины как производительная сила — 2, 90, 416, 422;
- наука как производительная сила. *См. Наука* — как производительная сила;
- кооперация труда, разделение труда как производительная сила — 1, 322; 2, 90, 416, 417, 419, 423, 425;
- силы природы, земля как производительная сила — 1, 302, 319—320, 322, 402, 415; 2, 108, 121, 133, 153—158, 210, 305, 355, 430;
- их развитие — 1, 179, 186, 322, 323, 402; 2, 128, 206, 208, 209, 216, 238, 273, 275, 281, 282, 284—285, 290, 293;
- и производственные отношения — 1, 31, 32, 190, 191, 194, 209, 214, 325, 326, 328—331, 402, 409, 410, 424; 2, 79, 97, 192—193, 281, 292—293, 299, 300, 304, 417, 419, 420, 422, 423, 426;
- при феодализме — 1, 402, 415, 424; 2, 35, 280, 283, 284—285;
- при капитализме — 1, 208—209, 213, 325, 329, 330, 335, 340, 346—348, 398, 400, 402, 403, 424, 435, 488; 2, 55, 78—79, 80, 90, 96, 98, 104, 105, 107, 111—112, 120, 128, 130—

131, 140, 142—143, 146—148, 153, 192—193, 198, 199, 208, 217, 238, 246, 273, 275, 280—287, 290, 292—293, 300, 301, 416, 420, 422, 483;

- в период перехода от капитализма к социализму и при социализме — 1, 186—187, 202, 213, 298, 412—413, 415, 424, 439, 443, 480, 483; 2, 281, 286—288, 318, 355, 376, 416, 419, 422—423, 426, 427, 430;
- при коммунизме — 1, 186, 362—364, 439; 2, 416, 417, 419, 420, 422, 424, 426, 427, 430.

См. также: **Машины (машинное производство), Наука, Орудия производства, Орудия труда, Производственные отношения** — и производительные силы, **Производство, Средства производства, Средства труда.**

Производственные отношения

- общие положения — 1, 18, 31—32, 140—141, 189—192, 326, 328—329, 403; 2, 127, 228, 415, 418, 426;
- и производительные силы — 1, 31, 32, 179, 190, 194—195, 325, 326, 328—331, 411; 2, 192—193, 281, 292—293, 299, 300, 304, 415, 419, 420, 422, 423, 426, 427, 430;
- и средства производства — 2, 306, 421, 422, 424, 425, 426, 428;
- буржуазные, капиталистические — 1, 32, 179, 191—192, 411—412, 417—418, 427, 443, 460; 2, 130—133, 135—139, 142, 146—149, 164—165, 192, 195, 228, 273, 280, 282, 415, 416, 418, 419, 420;
- в переходный период от капитализма к социализму — 1, 443; 2, 280, 416, 418, 419, 420, 426, 427, 430;
- социалистические — 1, 460; 2, 416, 418, 419, 420, 427, 430;
- коммунистические — 1, 362—363, 397, 460; 2, 416, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 426, 427, 430;

См. также: **Производительные силы** — и производственные отношения.

Производство

- общие положения — 1, 31, 33, 60, 85—87, 165—166, 173, 302, 330—331, 361—363, 369—370, 439—441, 482; 2, 13, 22, 24—26, 34—36, 43, 50, 52, 89, 121, 252, 253, 258, 260, 263, 265, 270, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 424, 426, 427, 430;
- способ производства — 1, 14, 31, 60, 178, 439, 490; 2, 17, 35, 38, 53, 50—51, 101, 104—105, 129, 133, 141, 147, 158, 192—195, 261, 275, 280, 281, 282, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 304, 357, 416, 418, 419, 420;
- материальное производство — 1, 174, 186—187, 302, 491; 2, 124; 415, 416, 418;
- средств производства — 2, 103—104, 107, 115, 143, 287, 288, 289, 292, 294, 298, 306, 387, 418, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 428.

См. также: **Средства производства.**

- и средства сообщения — 2, 105, 172—177.
- См. также:* **Средства сообщения и связи.**

- и производительные силы — 2, 78, 105—106, 107, 111, 123, 280, 417, 419, 420, 422, 426, 427;
- и общественные отношения, общественный строй — 1, 31, 86—87, 111, 325—326, 330—332, 338, 362—363, 424, 434, 439, 441—442, 487; 2, 88, 97, 113, 123, 130—132, 138—139,

- 144—147, 155—157, 280—285, 290—294, 300, 302, 304, 305, 415, 416—422, 424, 426, 427;
- и наука. *См.* **Наука** — и производство;
- превращение производства в сознательное технологическое применение науки — 1, 320, 323, 324, 341, 343, 344, 347—348, 361; 2, 94, 107, 125, 282, 416, 418, 426, 430;
- и техника — 1, 60, 141, 209, 347, 350, 364, 491—492; 2, 57, 71, 86, 123, 130—131, 140, 142, 145—146, 148, 160—165, 416, 422, 426, 430;
- производство идей, представлений, сознания, духовное производство — 1, 328, 439—442, 452; 2, 22—26, 33, 125.
- См. также:* **Наука** — научное производство (наука как вид производства);
- его рост, развитие — 1, 179; 2, 72, 116—119, 273, 285, 294, 416, 417, 419, 420, 422, 426, 430;
- ремесленное — 1, 200, 212, 337, 342, 345—346, 349, 354—356, 359, 360, 375, 380; 2, 17, 21—23, 25—26, 34—39, 41—43, 48, 50, 52, 53, 130, 133, 150, 151, 196, 253, 254; 2, 284, 285;
- мануфактурное — 1, 213, 302, 337, 339, 349, 352—359, 360, 362—363, 375, 376, 380, 389, 390; 2, 85, 109—110, 123, 130—133, 139, 165, 254, 256, 259, 276, 285, 416, 417;
- машинное, фабричное — 1, 302—305, 341—345, 348, 349, 351—352, 354—355, 357—358, 360, 362—363, 366, 368—369, 372, 374, 376—377, 380; 2, 52, 83, 90, 111, 123, 130—137, 139, 147, 151, 206, 211, 221, 225, 236, 254, 255, 258—260, 262, 266, 268, 270, 271, 273, 274, 276, 280, 426;
- промышленное — 1, 201, 213, 345—353, 355—356, 360—364, 370, 372, 375, 380, 390—391, 488; 2, 10—16, 24, 25, 89, 98, 110, 116, 131, 133, 138, 146, 152, 154, 165, 173, 175, 180, 188, 192—193, 261, 263, 270, 271, 272, 276, 280, 282, 283, 285, 289;
- сельскохозяйственное — 1, 335—336, 364, 398, 488; 2, 108, 149—173, 175, 263, 265, 272, 273, 278, 289, 302—303, 416, 430.

Промышленная революция (промышленный переворот)

- общая характеристика — 1, 302, 306—308, 331, 339, 343—344, 368, 397; 2, 67, 69, 203, 211, 212, 276—277, 286, 290;
- и машины — 2, 224;
- и общественные отношения — 2, 68—69, 72—73, 102, 213, 214, 279, 295—296.

См. также: **Изобретения**, **Крупная промышленность**, **Машины** (машинное производство), **Наука** — и производство.

Промышленность. См. **Крупная промышленность**, **Мануфактура**, **Машины** (машинное производство), **Фабрика**, **Фабричная система**.

Промышленность в дореволюционной России

— развитие машинного производства — 1, 350—351; 2, 61—62, 72—73, 73, 109—110, 148, 165—166, 233, 264, 265.

Промышленность в Советской России

- и наука — 1, 421—422; 2, 430;
- и техника, изобретательство — 2, 350—351, 366, 384, 430;

- роль электрификации в ее развитии — 1, 439; 2, 305, 310, 374, 407, 427, 430.

См. также: **Наука и техника в Советской России**.

Психология — 1, 61, 164, 191, 193, 290, 297, 475; 2, 352, 432, 433.

Р

Радио и радиотехника — 2, 342, 348, 350, 397—398, 400.

Развитие

- общие положения — 1, 27—29, 40, 41, 44, 51, 79, 86—87, 93—94, 96, 101, 103, 400, 439—440, 443—446, 477—478; 2, 206, 208, 209, 216, 238, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 429;
- как борьба противоположностей — 1, 49—51, 95, 425;
- разное — 1, 27, 28, 33, 36, 51—52, 76, 79, 93—94, 113, 426, 441, 446, 454, 458, 487; 2, 180, 274, 282.

Разделение труда

- и наука — 1, 170, 346, 480; 2, 57—58, 76, 85, 125;
- и средства труда, производства — 1, 178, 303, 336—338, 340, 353, 376, 380, 478; 2, 60, 289, 416;
- и техника, технология — 1, 335—336, 347, 355—360, 368—369, 387, 397—398, 427, 477—478; 2, 10, 11, 23—26, 33, 35, 36, 38, 39, 52, 53, 54, 58—60, 61, 96, 121, 148, 247, 251, 254, 255;
- и машины — 1, 309, 335—337, 340, 347, 349—350, 353—354; 2, 55, 58, 70, 81, 87, 111—112, 123, 129, 131, 143, 214, 244, 271, 273, 274;
- и производительные силы — 1, 336, 345, 347, 351—352, 354—355, 409; 2, 58, 75, 76, 125, 129, 143, 149, 422.

Революция пролетарская, социалистическая

- и наука — 1, 399, 409; 2, 425, 429;
- и техника — 1, 285, 399; 2, 140, 144, 145, 161, 162, 292.

С

Связь. См. **Средства сообщения и связи**, **Радио и радиотехника**.

Сельское хозяйство

- и применение электричества — 1, 439; 2, 92—93, 165, 166, 308, 391, 404, 430;
- его механизация — 2, 85, 112, 151—152, 154, 158, 161, 162, 168—171, 219, 308, 390, 392, 395, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406;

См. также: **Агрономия**, **агротехника** и **агркультура**.

Синтез. См. **Анализ** — и синтез.

Сознание

- и бытие — 1, 31, 32, 66, 70, 73, 127, 140, 141, 173, 226, 302, 439, 440, 442, 443, 480, 483;
- и философия — 1, 186;
- и мышление — 1, 29, 64, 85—86;
- и истина — 1, 443;
- пролетарское — 1, 409, 463; 2, 279, 283, 284, 291, 298;

- классовое — 1, 424; 2, 283, 291;
- при социализме — 1, 409—410, 460, 490;
- при коммунизме — 1, 186.

Социализм (первая фаза коммунистического общества) — 2, 294, 296, 298, 356, 423, 424, 426, 434;

См. также: **Коммунизм (общественная формация).**

- и наука — 1, 421—423, 463, 480; 2, 291, 292, 293—294, 306, 307.

См. также: **Наука** — в социалистическом обществе;

- и техника — 1, 435—436, 483; 2, 291, 303, 306, 307, 308, 314, 354, 378.

См. также: **Технический прогресс** — в условиях социализма.

Социализм научный — 1, 15—16, 17, 18, 19, 187, 194, 212—215, 217—220, 407—409, 418, 437, 454, 464, 467, 468, 476, 484; 2, 284—285, 288, 289, 290, 296—297, 423, 434;

Социализм утопический — 1, 191, 217—219, 477, 481; 2, 4, 273, 423.

См. также: **Коммунизм (общественная формация), Коммунизм научный.**

Социология

- марксистская — 1, 143—144, 190—192; 2, 327;
- критика буржуазных теорий — 1, 65, 142—144, 189—194, 419, 429—430, 436—437;
- разное — 1, 65, 142, 473, 474.

Средства производства — 1, 204—206, 326, 329, 366, 372—375, 417, 436, 477; 2, 7, 50, 86, 88, 97, 101, 105, 109, 111, 113—114, 124—126, 127, 140, 147, 149, 150, 209, 223, 228, 244, 246, 273, 276, 280—281, 282, 283, 285—288, 290—292, 295, 302, 304, 391, 403, 416, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 426.

См. также: **Орудия производства, Орудия труда, Производство** — средств производства, **Средства труда.**

Средства сообщения и связи

- общие положения — 1, 165, 429, 430, 492; 2, 106—173—175, 197, 199, 200, 286—287;
- их развитие и совершенствование — 1, 412, 413; 2, 124, 172—176, 280, 290;
- и промышленность — 2, 67, 81, 145, 173—174;
- почта и телеграф — 1, 213, 435; 2, 81, 198, 199, 259, 280, 283, 287, 294, 297, 353, 397;
- телефон — 2, 236;
- радио и радиотехника. *См. Радио и радиотехника.*
- пути сообщения — 2, 67, 145, 172, 173, 175—177, 188, 197—200, 287, 353.

См. также: **Авиация, Железные дороги,**

Транспорт автомобильный, — водный, — воздушный, — железнодорожный,

Средства труда

- как орудия труда — 1, 301—302, 344, 376, 380; 2, 83, 258, 263, 282, 285;
- машины как средство труда — 1, 301—302, 339, 346, 373, 375—376, 380, 389—390; 2, 82, 94, 98, 102—103, 135, 232;
- их эффективность — 2, 55;
- их износ — 2, 98;
- их развитие — 1, 301, 336—338; 2, 206, 210, 285;
- революции в средствах труда — 1, 302; 2, 98, 220;

- и производительность труда — 2, 114, 137, 211.

См. также: **Орудия труда, Орудия производства, Средства производства.**

Статистика

- как наука — 1, 19, 84.

Судостроение — 2, 12, 15, 16, 22, 172—173, 189, 191—192.

Т.

Теория и практика

- практика как основа теории, теория как отражение практики — 1, 31—33, 34, 54, 56, 59, 61—65, 68, 73—77, 123—124, 166, 187, 407, 447, 456, 475; 2, 72, 160, 415, 421, 429;
- их диалектическое соотношение — 1, 33, 54—56, 59, 61—62, 68, 73—75, 89, 99, 123—124, 418—419, 448, 450, 451; 2, 415;
- соответствие, единство теории и практики — 1, 33, 54—56, 61—62, 64—65, 74, 123—127, 406—407, 409, 419, 438, 448, 462—463; 2, 279, 414, 421, 424, 428;
- несоответствие, противоречия между теорией и практикой — 1, 47, 70—72, 265, 400; 2, 428;
- практика как производство, эксперимент — 1, 59, 79; 2, 71;
- применение теории на практике — 1, 14, 33, 54—56, 71, 399, 403, 404, 406, 407, 409, 479, 438, 465—466; 2, 71, 421, 429;
- критика идеалистического понимания соотношения теории и практики — 1, 54—55, 61—62, 116—117, 144—146, 186—187, 441, 442, 455—456; 2, 160, 428.

См. также: **Опыт, Познание, Эксперимент, Эмпиризм.**

Теория познания — 1, 52, 61, 62, 64, 74, 96, 115, 116, 121, 123, 124, 128, 129, 131, 132, 139, 164, 448.

См. также: **Познание.**

Термодинамика — 1, 79, 451,

Техника и технология

- непрерывность совершенствования технических средств производства — 1, 491—492; 2, 205, 206, 211—213, 220, 224, 225, 235, 250, 261;
- перевороты (революции) в технике — 1, 178; 2, 98, 164—165, 262, 293—294;
- и общественно-экономическая формация — 1, 178, 431, 432, 437; 2, 10—15, 59, 86, 91, 130—131, 138—139, 203, 243—244, 422, 426, 430;
- и общественные отношения — 1, 60, 187—188, 417, 435, 483, 486, 492; 2, 138, 161, 162, 171, 172, 201;
- и экономика — 1, 20, 60; 2, 204;
- и разделение труда — 1, 347, 397—398, 417; 2, 90, 148, 214—244;
- технический базис мануфактуры — 2, 54, 61, 87, 165;
- технический базис крупной промышленности — 1, 347, 360—361; 2, 86, 149, 165, 245;
- и наука — 1, 60, 66, 165—166, 174—175, 187—188, 324, 347; 2, 203, 234, 430;
- и труд — 1, 90, 104, 209, 218, 220, 222, 242—244, 247—248;

- и производительность труда — 1, 391, 417, 490; 2, 205, 207, 208, 228, 230, 422, 426, 430;
- в промышленности — 1, 347—350, 364, 395; 2, 107, 140, 148, 149, 173—176, 430;
- в сельском хозяйстве — 1, 332—333, 350—351, 364, 431, 490—492; 2, 67, 151—152, 157, 160—179, 400, 401, 402, 403, 404; 405, 406, 430;
- на транспорте — 1, 60, 351, 428—429; 2, 171—177.

См. также: **Транспорт.**

- их история — 1, 87, 88, 124, 174, 301—302; 2, 289;
- технология как учение о технике — 2, 244;
- технология как способ, метод производства — 2, 87, 111, 244;
- технологическое применение науки — 1, 205, 324, 339—341, 343—344, 346—347, 388—389, 396—397; 2, 94, 107, 282, 293;
- технологический процесс — 1, 177;
- в социалистическом обществе — 1, 446; 2, 243—244, 305, 374, 418, 422, 426, 427, 430;
- при коммунизме — 2, 416, 418, 426, 434;
- разное — 1, 60, 66, 68, 95; 2, 177, 349.

См. также: **Изобретения, Крупная промышленность, Машины (машинное производство), Орудия производства, Орудия труда, Производительные силы, Средства производства, Средства труда, Технический прогресс, Фабрика, Фабричная система.**

Технический прогресс

- общие положения — 1, 233, 350, 408, 417, 493; 2, 105, 233, 234;
- и труд — 2, 62, 88, 91, 170, 239;
- и производительность труда — 1, 115, 417, 492, 493; 2, 115—116, 124, 426, 430;
- и эффективность труда — 1, 299, 417; 2, 55, 116, 210, 426, 430;
- и экономика — 1, 187—188, 298—299; 2, 124, 167, 204;
- и развитие производства — 1, 347; 2, 60, 206, 211, 221, 225, 233, 236, 283, 430;
- при капитализме — 1, 177, 329, 341, 347, 349, 367, 397—398, 417, 424, 430, 446, 485, 488; 2, 118—119, 120, 123—124, 130—131, 140, 142, 145—146, 148, 160—166, 168—172, 174—177, 180—183, 188—190, 191—192, 201, 203, 205—207, 211—214, 224, 225, 233—235, 283, 297;
- и прибавочная стоимость — 2, 203—207, 210, 211, 213, 229, 234, 235;
- и эксплуатация рабочих — 1, 367—368, 370—371, 379, 424; 2, 130—131, 142, 160—161, 203—204, 206, 216, 219, 220, 223, 224, 232—235, 237,;
- и заработная плата — 1, 346, 378—379, 390—391; 2, 130—131, 136—137, 161;
- и материальное положение рабочих — 2, 212, 214—216, 218, 223—226, 229, 234—235;
- и вытеснение рабочих, рост резервной армии труда — 1, 390; 2, 123, 139, 142, 161, 164, 172, 215, 218, 225, 228, 230, 235, 238;
- и изменения в функциях рабочих — 2, 239, 241—245;
- и изменения в профессиональном и квалификационном составе рабочих — 2, 241—244;

- и женский и детский труд — 2, 216, 218, 220, 223, 224, 230, 237, 242, 243;
- и здоровье рабочих — 1, 346; 2, 135, 138, 139, 216, 220, 223, 224;
- и усиление конкуренции рабочих с машинами — 2, 213, 214, 216, 224, 226, 243;
- и классовая борьба — 2, 130, 140, 164, 190—191, 200, 228—233, 235, 298;
- в условиях социализма и при коммунизме — 1, 446, 485; 2, 236, 243—244, 418, 422, 426, 427, 430.

См. также: **Изобретения, Машины (машинное производство), Наука и техника, Наука и техника в дореволюционной России, Наука и техника в Советской России, Прогресс, Техника и технология.**

Транспорт

- общие положения — 1, 396—397; 2, 40, 173—176, 396;
- в капиталистических странах — 1, 328, 333, 341—342, 344—345, 348, 351, 362—364, 428—429, 430, 443; 2, 67, 81, 165, 175—177, 197—201;
- в Советской России — 2, 353, 363, 368, 373, 375, 407;
- железнодорожный — 1, 328, 333, 341—342, 345, 348, 362—364, 430, 434; 2, 99, 102, 105, 110, 115, 120, 123, 145, 173—177, 188, 197, 200, 229, 233, 236, 259, 395, 396, 398, 411;
- автомобильный — 1, 344; 2, 395;
- водный — 1, 345, 348; 2, 22, 25, 36, 37, 40, 43, 67, 81, 172—173, 175, 199, 259, 295, 397, 398;
- воздушный — 1, 430; 2, 398;
- и производство — 2, 67, 68, 145, 172—173.

См. также: **Железные дороги, Средства сообщения и связи.**

Тригонометрия — 1, 224, 225.

Труд

- как основа познания — 1, 177, 460;
- материальный, физический — 2, 88, 100, 230, 244, 247, 251, 253—255, 257, 270, 293, 418, 422, 426;
- духовный, умственный — 1, 460, 478; 2, 120—121, 125, 418, 422, 426;
- научный — 1, 78, 299; 2, 125;
- и наука — 1, 80, 323, 339—341, 343—344, 346—348, 388—389, 396—397, 460; 2, 87, 98;
- механизация труда — 1, 334—335, 337, 345, 349, 355—356, 366—370, 372—374, 477—478; 2, 129, 131—132, 135, 154, 165, 253—255, 293;
- при капитализме — 1, 209, 299, 322, 325, 345—346, 357—360, 364—365, 367—368, 370—371, 378—379, 390, 409, 417, 423, 424, 436, 477—479; 2, 55, 75, 83, 87—88, 90, 95, 97—98, 104, 107, 112—113, 113—115, 121—122, 123, 127, 129, 130—131, 133, 135—138, 145, 154, 161—162, 165, 168, 196, 208, 209, 247—254, 258, 259, 266, 270, 271, 272, 278, 282, 283, 285, 290, 293, 295, 302, 418;
- в условиях социализма — 2, 293—294, 418, 434;
- при коммунизме — 2, 394, 416, 418.

См. также: **Орудия труда, Производительность труда, Разделение труда, Средства труда.**

У

Ученые, научные работники — 1, 400, 403, 418, 421, 428, 435, 445, 450, 453—455, 457, 459, 474, 481, 485; 2, 34, 43, 291, 292, 294, 303, 306, 313, 419, 424, 430.

См. также: **Наука, Открытия.**

Ф

Фабрика, фабричная система — 1, 215, 301, 305—307, 314, 316, 320, 322, 341—345, 348, 349, 351—352, 354—355, 357—358, 360, 362—363, 366, 368—369, 372, 374, 376—377, 380, 435, 436, 438, 441, 483; 2, 54—55, 61, 68, 70, 75, 85, 87, 110, 111, 123, 124, 130, 137, 139, 147, 151, 193—196, 200, 228, 233, 236, 240, 243, 249, 250, 252, 254, 255, 258, 288—260, 266—270, 271, 272, 277, 278, 280, 285, 286, 289, 297, 298;

Феодализм

— наука, открытия — 1, 165—166, 168, 434, 451; 2, 283;
— техника, изобретения — 1, 458; 2, 283;
— образование — 1, 442, 451.

Физика

— ее предмет — 1, 34, 35, 120—121, 152, 154, 155, 162;
— ее место в системе (классификации) наук — 1, 34—35, 152, 154—158, 175, 451—452;
— ее законы. *См. Законы физики*;
— и философия — 1, 26—27, 136—140, 147, 248—261, 289—290, 448, 449, 454, 455, 476;
— кризис физики в конце XIX—начале XX в. — 1, 137—138, 147, 249—261;
— и математика — 1, 82, 137—138, 248;
— и химия — 1, 34, 35, 154—156, 162, 232, 268, 270, 449, 451;
— и производство — 1, 166, 441, 460;
— ее история — 1, 28, 76—77, 137, 156, 166, 170, 174—176, 233, 248, 289—290, 448—449, 452, 459, 460;
— разное — 1, 40, 41, 69, 80, 138, 152, 155, 156, 159, 160, 279, 441, 451, 454.

См. также: **Законы** — диалектики, — физики, **Оптика, Открытия** — в физике, **Энергия.**

Физиология — 1, 136—137, 140, 147, 158, 164, 166, 168, 172, 182, 280, 289—290, 444, 452, 457—459.

Филология — 1, 164.

Философия

— как надстройка — 1, 33, 186—188, 213, 440;
— как форма общественного сознания — 1, 186, 439, 441—443; 2, 18—21, 41, 415;
— как вид идеологии — 1, 148, 417, 464; 2, 415;
— основной вопрос философии — 1, 31, 131, 133, 195—198, 253—254, 439—440, 446, 455, 456, 470;
— ее история — 1, 15, 52, 88, 94, 103, 164, 166—172, 174, 175, 181—182, 195, 415, 424, 450, 456, 457, 461, 469, 470, 476;
— и наука. *См. Наука* — и философия;
— и естествознание. *См. Естествознание* — и философия;

— и политическая экономия. *См. Политическая экономия* — и философия;

— и практика — 1, 399, 401, 403, 449, 457, 459, 461, 466, 475, 480;

— партийность философии — 1, 148, 195—199, 255—256, 263, 399, 436, 449—452, 458, 466—467, 469—472.

См. также: **Диалектика, Диалектический материализм, Идеализм, Исторический материализм, материалистическое понимание истории, Марксистско-ленинская философия, Материализм, Натурфилософия.**

Х

Химия

— ее предмет — 1, 34, 152, 154, 155, 157—158, 162, 270;

— ее место в системе (классификации) наук — 1, 34—35, 152, 154—155, 157—158, 162, 175, 448, 451;

— ее законы. *См. Законы* — химии;

— и философия — 1, 156, 157, 162, 266, 454, 457—458;

— и закон перехода количества в качество — 1, 34—36, 155—156, 162, 265, 266, 269, 270;

— и физика — 1, 34, 35, 154—156, 162, 166, 175, 232, 265, 268, 270, 279, 448—449, 451;

— и атомистика — 1, 34—36, 81, 156, 170—171, 234, 265, 266, 448—449, 454;

— и биология — 1, 59—60, 149, 155, 157, 158, 162, 175, 182—183, 270—271, 276—279, 291, 452—453;

— органическая — 1, 59, 149, 155, 157—158, 162, 166, 170—171, 175, 268—269, 289—290, 452—453, 456, 458;

— химия белка — 1, 59, 149, 155, 157—158, 173, 276—279, 453;

— и физиология — 1, 158, 182, 268, 277, 289—290;

— и математика — 1, 82;

— химические элементы — 1, 34, 36, 41, 81, 156, 172, 249, 274;

— периодическая система элементов — 1, 36, 156;

— и алхимия — 1, 106, 165, 167, 168;

— и промышленное производство — 1, 166, 341—343, 347, 361, 387, 389, 396, 441, 455—456, 489—494; 2, 85, 96, 118—119, 178, 194, 280, 293;

— и сельскохозяйственное производство — 1, 489; 2, 67, 151—152, 157—159, 166, 169—170, 280;

— ее история — 1, 38, 58, 156—157, 166, 168, 170—172, 174—176, 265—267, 289—290, 446, 449, 451—453, 456, 457; 2, 19;

— разное — 1, 34, 40, 41, 52, 66, 76, 80, 94, 149, 152, 155, 156, 160, 266, 441, 451—454; 2, 393.

См. также: **Агрохимия, Закон** — законы диалектики, — химии, **Кристаллография, Открытия** — в химии, **Физика** — и химия, **Электрохимия, Энергия.**

Ц

Цивилизация

— ее развитие, прогресс — 1, 15, 422; 2, 6, 22, 41, 67, 415, 418, 419, 420;

- ее противоречия в антагонистическом обществе — 1, 422, 431; 2, 119, 190, 272, 274, 281, 289;
- и наука — 1, 422, 477;
- и техника — 1, 402, 430, 433, 477; 2, 7—9, 21, 22, 67;
- в коммунистическом обществе — 1, 422; 2, 414, 416, 417, 418, 419, 420.

Ч

Человек, индивид, личность

- человек как животное, делающее орудия — 1, 173—174;
- естествознание и промышленность как теоретическое и практическое отношение человека к природе — 1, 66—68, 70—71, 109, 441, 475, 482;
- и техника — 1, 66, 242;
- и наука — 1, 66, 76, 91, 400, 424, 475—477, 480—482; 2, 418;
- и производительные силы — 1, 186—187, 477, 479, 480; 2, 416, 417, 418, 419, 420;
- и производство — 1, 111, 173, 186—187, 202, 214, 301, 302, 482; 2, 288, 416, 417, 418, 420;
- и природа — 1, 66, 67, 70, 104, 168, 171, 173—174, 186, 232, 234, 301, 427, 441, 442, 474, 475, 482—487, 490; 2, 288;
- при социализме и в коммунистическом обществе — 2, 414, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 427, 428, 429, 430, 431, 433;
- разное — 1, 36, 44, 73—74, 83—84, 415, 482—483.

См. также: Гуманизм, Коммунизм, Мышление, Природа, Производство, Развитие, Сознание, Труд, Человечество.

Человечество

- и производительные силы — 1, 212—214, 232, 298, 302; 2, 416, 417, 418, 419, 420;
- беспредельность производительных сил человечества — 1, 400, 424, 443—445, 449—450, 482—483; 2, 417, 418, 419;
- духовная история человечества — 2, 418, 420, 427, 428, 429, 430, 431;
- бесконечное прогрессивное развитие человечества и познание — 1, 27, 28—29, 30, 36, 40, 64, 128—129, 400, 424, 431, 432, 482—483; 2, 417, 418, 419;
- и коммунистическое преобразование общества — 2, 414, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 429, 430;
- разное — 2, 288.

Э

Эволюционная теория — 1, 28, 79, 171, 172, 270—275, 291, 294, 452, 454, 457—459.

См. также: Дарвинизм.

Эксперимент

- как средство научного исследования — 1, 62, 79, 137, 281;
- развитие промышленности и новые средства для экспериментирования — 1, 166;
- и теория — 1, 62, 234—235, 239, 451;
- и гипотеза — 1, 42.

См. также: Опыт.

Электрификация

- в капиталистических странах — 1, 429, 431; 2, 72, 92—93, 116, 165—166, 379;
- ее роль и значение в переходный период от капитализма к социализму и при социализме — 1, 439; 2, 92—93, 293—294, 307, 308, 310, 324, 360, 363, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 380, 387, 402, 407, 427, 430.

Электрификация в Советской России

- электрификация промышленности и транспорта — 2, 92—93, 305, 310, 371, 372, 373, 407, 427, 430;
- электрификация сельского хозяйства — 2, 305, 310, 371, 373, 430;
- значение ее для строительства социализма и коммунизма — 1, 439; 2, 309, 360, 371, 372, 374, 375, 376, 378, 379, 427, 430.

См. также: ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России), План электрификации и единый хозяйственный план в Советской России.

Электричество (Электротехника) — 1, 14, 170, 172, 180, 183, 231—235, 237—240, 241, 245—248, 289, 300.

Электрохимия — 1, 247, 265.

Эмбриология — 1, 166, 171, 175, 182, 275, 451—453, 457—458.

Эмпиризм

- эмпиризм естествоиспытателей — 1, 28, 39, 129, 234—238, 440, 448;
- и теоретическое мышление — 1, 28, 39, 76—77, 79, 92, 130, 234, 235, 448, 451—452.

Энергия — 1, 34, 234—238, 248, 260; 2, 112, 293.

Эпоха

- в науке — 1, 453; 2, 105.

Ю

Юриспруденция, юридические науки — 1, 33, 111, 415—417, 420, 436, 481; 2, 41.

Я

Язык

- и труд — 1, 173;
- и мышление — 1, 166—167, 173, 476;
- разное — 1, 164.

Содержание

Раздел VI

НАУКА И ТЕХНИКА В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ

Познание и использование сил природы и техника первобытнообщинного строя	5
Наука и техника в рабовладельческом обществе	17
Наука и техника при феодальном способе производства	34

Раздел VII

РАЗВИТИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Наука и техника на ранних стадиях капиталистического производства (технический базис простой кооперации и мануфактуры)	54
Научно-технические аспекты промышленного переворота конца XVIII — середины XIX вв.	64
Наука и техника при капиталистическом машинном производстве. Противоречия капиталистического развития и применения науки и техники	74
Научно-технический прогресс и основной капитал	93
Научно-технический прогресс и концентрация и централизация производства	110
Воздействие научно-технического прогресса на капиталистические издержки производства и стоимость товара	120
Научно-технический прогресс и рабочий день на капиталистических предприятиях	129
Научно-технический прогресс и проблемы рынков	140
Использование достижений науки и техники в сельском хозяйстве	151
Использование достижений науки и техники в строительстве, на транспорте и в связи	172
Наука и техника в военной области	177
Особенности научно-технического прогресса в эпоху становления и развития монополий	192

Раздел VIII

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Научно-технический прогресс и прибавочная стоимость	203
Развитие науки и техники и усиление эксплуатации трудящихся	211
Научно-технический прогресс и изменения в функциях, профессиональном и квалификационном составе рабочих	238
Научно-технический прогресс и проблемы занятости и безработицы	247
Научно-технический прогресс и здоровье рабочих	266
Научно-технический прогресс и социальная структура капиталистического общества	271
Научно-технический прогресс и создание материальных предпосылок социализма	280

Раздел IX

НАУКА, ТЕХНИКА И РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Наука и техника в социалистическом строительстве	299
Привлечение научно-технических кадров к строительству социализма	310
Подготовка и воспитание новой научно-технической интеллигенции. О социалистической академии общественных наук	327
Создание условий для развития научных исследований и научно-технических работ	341
Наука, техника и управление социалистическим производством	351
Электрификация, ее политическое и социально-экономическое значение	371
Добыча и переработка полезных ископаемых, рациональное использование природных ресурсов	383
Металлургия, машиностроение, химическая и некоторые другие отрасли производства	390
Транспорт и связь	395
Социалистическая перестройка сельского хозяйства	400
Информация и пропаганда научно-технических достижений	407

Раздел X

НАУКА И ТЕХНИКА В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Примечания	435
Указатель имен	455
Предметный указатель	463

К.МАРКС Ф.ЭНГЕЛЬС В.И.ЛЕНИН
О науке и технике

2